

European
SOCIAL SCIENCE
JOURNAL

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

2014 • 2 (41) том 2

Москва

Научный журнал
“European Social Science Journal”
 (“Европейский журнал социальных наук”)
зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-39916 от 21 мая 2010 г.
Международный идентификационный номер
периодического печатного издания 2079-5513

Журнал включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук,
утвержденный Высшей аттестационной комиссией (ВАК)
Министерства образования и науки Российской Федерации

Учредитель и издатель:
Международный исследовательский институт, г. Москва

Все представленные материалы в обязательном порядке
проходят научное рецензирование. Перепечатка статей без согласия
правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ.
Мнение авторов может не совпадать с мнением
редакции и членов редакционного совета.

Научные статьи аспирантов
публикуются бесплатно.

Подписной индекс: Объединенный каталог
«Почта России» – 13094

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. Т. Абдрахманова – доктор экономических наук, доцент, декан финансово-экономического факультета Казахстано-Британского технического университета
М. И. Алдошина – доктор педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики и психологии Орловского государственного университета

С. П. Ангаева – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного технологического университета

В. И. Астахова – доктор исторических наук, профессор, академик АН ВШ Украины, основатель Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», Украина

И. Н. Барциц – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, декан Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В. П. Басик – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора Московского радиотехнического института Российской академии наук

Д. Бриедс – Ph.D., доктор социологических наук, профессор, вице-президент Европейского научного общества «Mazleksnes», Латвия

Ю. В. Булатецкий – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры информационного, предпринимательского и торгового права Российского государственного торгово-экономического университета

Л. Л. Геращенко – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела научного развития Всероссийского государственного университета кинематографии имени С. А. Герасимова

Н. Гурьянова – Ph.D. (Колумбийский университет (литературоведение)), доктор исторических наук (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (история искусств)), профессор, директор аспирантуры департамента славянских языков и литературы Северо-западного университета, г. Эванстон, США

С. Евдокимова – Ph.D., доктор филологических наук, профессор славянских языков и литератур и сравнительного литературоведения Университета Брауна, г. Провиденс, США

Л. В. Евсеева – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии Морской государственной академии имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

В. Г. Егоров – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории кооперации Российского государственного торгово-экономического университета

С. Ю. Жданова – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета

Б. М. Жуков – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Кубанского института международного предпринимательства и менеджмента

С. С. Ильин – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры экономической теории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

М. Ю. Каитор – доктор филологических наук, кандидат юридических наук, профессор, главный редактор объединенной редакции издательского центра МИИ-Наука (шеф-редактор)

Н. Б. Карабущенко – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и педагогики Российского университета дружбы народов

А. Ю. Коваленко – доктор экономических наук, профессор, генеральный директор Центра экономических исследований

С. М. Кравцов – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка Южного федерального университета, член Международной федерации преподавателей французского языка, член Ассоциации лингвистов-экспертов Юга России

О. С. Кренжолок – Ph.D., кандидат филологических наук, преподаватель Института русской филологии Университета гуманитарных и естественных наук имени Яна Кохановского в г. Кельце, Польша

С. В. Кривых – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института профессионального образования Российской академии образования

В. Э. Лебедев – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

А. Э. Ливицкий – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина

З. М. Магруппова – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики Череповецкого государственного университета

Н. И. Мартышина – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения

Н. М. Мишьякова – доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Института туризма и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики

Н. Н. Марчук – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Российского университета дружбы народов

Н. А. Машикин – доктор исторических наук, профессор, руководитель центра довузовской подготовки Российского государственного торгово-экономического университета

В. Э. Меламуд – член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

О. А. Никифоров – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Омского государственного педагогического университета

И. Озолиня – Ph.D., доктор философских наук, профессор, эксперт Европейского научного общества «Mazleksnes», Латвия

Е. А. Певцова – доктор педагогических наук, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского университета кооперации

Ю. Подгурецки – Ph.D., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной коммуникации Опольского университета, г. Ополье, Польша

Е. А. Попов – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета

И. В. Попова – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры труда и институциональной теории Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова

Т. В. Портниова – доктор искусствоведения, профессор, профессор Института русского театра, профессор Российского государственного гуманитарного университета

И. М. Рассолов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного, предпринимательского и торгового права Российского государственного торгово-экономического университета

А. А. Румянцев – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики Российской академии наук

Е. В. Сидоров – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российского государственного социального университета

Д. С. Сомов – доктор педагогических наук, профессор, директор гимназии № 710 Российской академии образования

А. А. Тедеев – доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор, заместитель руководителя Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и иным правам интеллектуальной собственности (главный редактор)

Ю. А. Тропин – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Академического международного института

И. В. Труфанова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования

Ю. Ц. Тыхеева – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социокультурной антропологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

М. А. Федотов – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Советник Президента Российской Федерации, руководитель Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и иным правам интеллектуальной собственности

Х. Хаджиев – доктор юридических наук, профессор, судья Европейского суда по правам человека от Республики Азербайджан

Н. В. Халыпина – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Международные отношения» Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина

Л. Н. Чернова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории средних веков, заместитель по научной работе директора Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

В. Е. Чиркин – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель наук Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права Российской академии наук

П. А. Чукреев – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Связь с общественностью, социология и политология» Бурятской государственной сельскохозяйственной академии имени В. Р. Филиппова, профессор кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Д. Л. Шукуров – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и литературы Шуйского государственного педагогического университета

Н. Г. Шурухов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета

О. У. Юлдашева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

В. А. Ясвин – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры проектирующей психологии факультета социальной психологии и педагогики Института психологии имени Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета

СОДЕРЖАНИЕ**CULTURAL EXPERIENCE****Философский дом**

<i>Кормочи Е. А.</i> К вопросу об атрибутах глобального мира	9
<i>Масунова Н. Н.</i> Футурология информационно-технической реальности	17
<i>Жульков М. В.</i> Растущая независимость сознания как сущность ноосферной автотрофности	24
<i>Кутеева Н. Э.</i> Процесс рецепции философских и культурологических идей герберта спенсера в американской культуре рубежа XIX–XX веков	32
<i>Леонтьева Е. Ю.</i> Познавательный анархизм Л. Шестова и П. Фейерабенда: сравнительный анализ	37
<i>Рубежанский С. И.</i> Традиционный спор между «славянофилами» и «западниками» в современном звучании (понимании)	43

Образовательные парадигмы

<i>Саляева Е. Ю.</i> Ретроспективный взгляд на проблему компетентного подхода	48
<i>Дегтярев С. Н.</i> Использование информационных технологий в индивидуализированной подготовке учащихся к решению творческих задач	55
<i>Гуреева А. М., Мишланова С. Л., Филиппова А. А.</i> Особенности метафорической объективации концепта международный бакалавриат	62
<i>Дорошенко Е. В.</i> Аксиологический подход в развитии гуманитарной культуры курсантов военных институтов внутренних войск МВД России	67
<i>Закаулова Ю. В., Зинчук И. В.</i> Особенности формирования педагогической компетентности преподавателя в системе университетского образования	73
<i>Каргина Е. М.</i> Реализация аксиологической и акмеологической направленности педагогического сопровождения личности в процессе профилизации образовательной среды	79
<i>Воропаева Е. Э.</i> Модель совершенствования готовности педагога к инновационной деятельности	88
<i>Гарькавец Н. С.</i> Особенности ценностных ориентаций студентов в постсоветском украинском пространстве, которое трансформируется	94
<i>Кашапов М. М., Шубина Е. В.</i> Личностные механизмы функционирования педагогического мышления учителей начальных классов на этапах профессионализации	100
<i>Панькин А. Б., Минкеева И. Н.</i> Улусные школы для калмыцких детей в системе формирующегося российского образовательного пространства XIX века	107

<i>Солопанова О. Ю., Целковников Б. М.</i> Магнетизм педагогики и музыки в теории и практике	114
<i>Кондратенко О. А.</i> Формирование визуальной компетенции студентов, будущих учителей технологии и экономики как педагогическая проблема	120
<i>Нестеренко Т. В.</i> Экскурсия как метод формирования профессиональной компетентности студентов туристского колледжа	127
<i>Герасимович Е. Е.</i> Возможности предмета «иностранный язык» при использовании междисциплинарных связей в современной системе образования	131
<i>Калеева Ж. Г., Мажирова Р. И.</i> Формирование профессиональной компетентности будущих инженеров на примере физико-технического моделирования лабораторного стенда для изучения вентильного электропривода	135
<i>Радыгина Е. Г.</i> Использование технологических карт при освоении дисциплины «технологии гостиничной деятельности»	142
<i>Терехова С. А.</i> Эффективные методы подготовки учащихся основной школы к государственной аттестации по иностранному языку с учётом ФГОС второго поколения	147
<i>Ломан И. А.</i> Модель формирования социального опыта студентов среднего профессионального образования	151
<i>Захарова Л. М., Юмакулов Н. Х.</i> Формирование профессиональной готовности студентов к инновационной деятельности в условиях вариативности дошкольного образования	158
<i>Глухов В. П.</i> Исследование особенностей формирования навыков связанных высказываний у дошкольников с системным недоразвитием речи	164
Культ слова	
<i>Касмынин А. А.</i> Социальная ангажированность творчества г. Коржева	171
<i>Масленников Д. В.</i> «Композиционные волны» в творчестве Иосифа Бродского	179
<i>Сурнина Л. Е.</i> Куратов И. А. и его поэтическое наследие	185
<i>Марусенков В. В.</i> Принципы воплощения драматургической коллизии в кинематографической интерпретации литературного произведения	190
<i>Шарифова С. Ш.</i> Смещение романа с лирическими жанрами	197
<i>Симонов а.в.</i> пропаганда джингоизма в британской публицистике на рубеже XIX–XX вв.	202
<i>Багана Ж., Баральдодель Серро М. Л.</i> Позиция национального языка в аргентине: обсуждения по вопросу и актуальные последствия	209
<i>Дутова Н. В.</i> Национальные особенности комплексного выделения просодического ядра в речи гендерной языковой личности	217
<i>Бойко А. К.</i> Языковая игра как модель выражения оценки в английской диалогической коммуникации	223
<i>Мирзоян С. В., Пахаренко С. В.</i> Особенности лексического усвоения иноязычных слов на разных этапах развития языка	229

<i>Гордиенко Д. Я.</i> Риторический вопрос как отправная точка рассуждений в научном тексте, посвященном проблемам глоттогенеза	235
<i>Кузнецов А. В.</i> Фонетический, морфологический и лексический уровни исследования интернет-коммуникации	241
<i>Клэстер А. М.</i> Дефиниционное моделирование концепта «деятельность» в дискурсе инженерной психологии (на материале немецкого языка)	246
<i>Слонимская Р. Н., Черная М. Р.</i> Жанровые метаморфозы новых фортепианных произведений Сергея Слонимского	252
<i>Уткина Т. И., Мишланова С. Л.</i> Метафора в профессиональной коммуникации (на материале экономического дискурса)	259

Социокультурный меридиан

<i>Королева Э. В., Чернышова А. Л.</i> Отсутствие знаний о себе как социальная проблема современности	265
<i>Зинина А. А.</i> Исследование уровней социальных представлений о престарелых людях	272
<i>Дмитриенко Н. А.</i> Технология моделирования коммуникативных ситуаций как средство формирования жизнеспособности личности	278
<i>Глушкова Н. М.</i> Социокультурный компонент как ступень к познанию языковой личности	285
<i>Плахин В. Т.</i> «Не легко понять чужую кровь...» (о репрезентации герменевтических коллизий в этнологии, искусстве и современной рекламе)	292
<i>Гурьянов Ю. Н., Гайворонская А. А.</i> Реконструирование содержания социальных представлений молодежи об экстремизме (на примере смоленского региона)	300
<i>Маджуга А. Г., Ильясова Э. Н.</i> Интеграция контекстного и холистического подходов в объяснении сущности векторно-контекстуальной модели здоровьесозидающего потенциала личности	308
<i>Бахтизина Д. И.</i> Классическая музыка в системе духовных ценностей человечества	313
<i>Командышко Е. Ф., Журова Е. Б.</i> Методологические аспекты развития ценностного отношения у подростков к музыкальному искусству	321

SOCIAL POWER

Ветер времени

<i>Шпаковская С. В.</i> Легальная российская дореволюционная печать против государства и власти	326
<i>Соколов А. В.</i> «Правление по заведыванию церковными имуществами города москвы» (1918 год)	334
<i>Голотин А. В.</i> Культура симбирского – ульяновского Поволжья в 20-е годы XX века и механизмы её регулирования	342
<i>Козлов Ф. Н.</i> Межнациональный конфликт и личные амбиции как причинный фактор церковных расколов 1920-х годов	349

<i>Тюкавкин Н. М.</i> Анализ функционирования промышленного комплекса России в первые годы индустриализации (1923–1928 годы)	356
<i>Кольга Г. И., Бочков Р.</i> «Никто не забыт...»: битва за Москву и деятельность поискового отряда «Патриоты Московии» по обнаружению и захоронению останков погибших воинов	362
<i>Рамазанова Д. Ш.</i> Опыт Дагестана в решении проблемы территориальной реабилитации репрессированных чеченцев-аккинцев (2000–2013 гг.)	375
<i>Скиперских А. В.</i> Время и место бунта: европейская и русская традиция	385
Социально-экономический меридиан	
<i>Боженев С. А.</i> Организационно-технологические проблемы развития целевого управления	390
<i>Голикова Ю. А.</i> Формирование новой парадигмы управления и контроля в современных интегрированных корпоративных образованиях	395
<i>Горячий С. А.</i> Концессия как форма управления: исторический опыт и современный теоретический анализ	403
<i>Палеев А. В.</i> Финансирование инвестиционных решений в стратегическом финансовом менеджменте	409
<i>Егорова М. С.</i> Дорожная карта, как инструмент планирования управления экономическими системами	416
<i>Алексеев А. Н., Локтева Т. В.</i> Развитие ипотеки на мезоуровне: зарубежный опыт и перспективы в РФ	422
<i>Гетьман В. Г., Карпинская Е. С.</i> Особенности экологического аудита в России ...	430
<i>Цапенко И. В., Слатвицкая И. И.</i> Региональное воспроизводство в системе экономических институтов	435
<i>Максимова Е. А.</i> Товарный обмен и его инфраструктура	441
<i>Фокина О. В., Блесткина Т. В.</i> Основные тенденции и проблемы развития регионального рынка общественного питания (на примере г. Кирова и Кировской области)	448
<i>Малёванный М. И., Прокопчук Е. Т.</i> Развитие сельскохозяйственной обслуживающей кооперации в Украине	452
<i>Семенова М. М.</i> Телереклама как модель состояния экономики	457
<i>Федоров Е. Н.</i> Оценка влияния типа инфраструктуры на экономику современного города	467
<i>Зирарова З. Ш.</i> Управление эколого-экономическими рисками как важнейший фактор эффективной деятельности строительного предприятия	476
<i>Парсюкевич А. М.</i> Методологические подходы к диагностике социального загрязнения хозяйствующими субъектами муниципального образования	484
<i>Гимаева Э. Х.</i> К вопросу о содержании интеллектуального труда	490
<i>Сербиновский Б. Ю., Чмырева А. Ю., Михайличенко А. А.</i> Подсистема ответственности персонала при оказании экспертных и консалтинговых услуг	494

Полис

<i>Галкина Е. В., Конопелько И. В.</i> Неформальные международные организации в современной мировой политике (на примере «большой восьмерки» и «большой двадцатки»)	501
<i>Барышная Н. А.</i> Этнополитическая интерпретация миграции	507
<i>Ермушова Я. В.</i> Юридическая клиника в системе средств формирования профессионально-педагогической компетентности будущих юристов	512
<i>Бойкова А. Г.</i> О вопросах резервирования земельных участков, с целью создания особо охраняемых природных территорий	518
<i>Ретинская О. В.</i> Перспективы конвергенции современных и классических представлений о противодействии терроризму	523
<i>Сайдумов Д. Х.</i> К вопросу о систематизации сведений и реконструкции древней системы правового порядка у чеченцев и ингушей	527
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	533

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

CULTURAL EXPERIENCE

Философский дом

Е. А. Кормочи

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, доцент кафедры философии и культурологии, декан филологического факультета, кандидат философских наук, доцент (683030, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Комсомольская, д. 7)

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУТАХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Автор статьи обращается к проблеме актуального состояния цивилизации и перспектив глобального мира. Предпринимается попытка выявления и анализа таких его атрибутов, как процесс глобализации, глобальные проблемы современности, кризис идентичности, экспансия массового сознания и массового человека. Делается вывод о том, что данные атрибуты находятся в отношениях взаимопорождения и взаимовлияния, что обуславливает необходимость и целесообразность их рассмотрения в связи друг и другом.

глобализация; глобальные проблемы современности; кризис идентичности; массовое сознание; массовый человек

В настоящее время человечество переживает глубочайший кризис, обусловленный объективными явлениями планетарного масштаба. И прогнозы на будущее, надо честно признаться, в большинстве случаев весьма сдержанные, а нередко и пессимистичные.

Необходимо выделить ряд факторов, образующих «гибельный вектор земной цивилизации» [2, с. 78] и создающих основания для столь мрачных прогнозов. Во-первых, человечество охвачено все более активизирующимся процессом глобализации. Во-вторых, в середине XX века человечество столкнулось с глобальными проблемами современности. В-третьих, в наши дни все чаще говорят о кризисе идентичности. В-четвертых, экспансия в наши дни массового сознания и массового человека [2, с. 78–83].

Глобализация. К XXI веку человечество в результате глобализации стало единым целым. Процесс глобализации протекает крайне противоречиво и несет с собой унификацию многих сторон общественной жизни для всего населения планеты. Так, сейчас и во всех регионах Земли люди носят одну и ту же одежду, смотрят одни и те же фильмы, пользуются одной и той же техникой.

Глобализация является продуктом экспансии техногенной цивилизации [14, с. 13–15] с ее системой ценностей. Среди них необходимо выделить следующие: представление о человеке как деятельностном существе; понимание деятельности как процесса, направленного на преобразование объектов и их подчинение человеку; ценность преобразующей, креативной деятельности; понимание природы как упорядоченного мира объектов, выступающим материалом для чело-

веческой деятельности; ценность инноваций и прогресса; понимание времени как необратимого и направленного из прошлого в будущее; приоритетная ценность науки; доминанта в системе человеческого знания научно-рациональности; идеал свободной индивидуальности, автономной личности и пр. Именно эта система ценностей в результате глобализационных процессов навязывается западному миру, что приводит, в числе прочего, к кризису идентичности.

Влияние глобализации на человеческое сообщество сопровождается двумя противоположными процессами – интеграцией и дифференциацией. Результатом интеграции является всеохватывающий научно-технический прогресс, расширение международных контактов во всех сферах. Дифференциация же приводит к обособлению национальных культур, акцентированию проблем культурной идентичности.

К началу XXI века стали очевидными противоречия глобализации [1], ее плюсы и минусы, тесно связанные между собой:

Таблица 1

«Плюсы» и «минусы» глобализации

«плюсы»	«минусы»
<ul style="list-style-type: none"> • укрепляется мировой рынок с сопутствующими этому процессу углублением специализации и международного разделения труда • выравниваются потребности • расширяется влияние демократических взглядов • открывается широкий доступ к информации • закрепляются новые формы коммуникации • улучшаются социальные показатели во многих регионах мира • выходит на более высокий уровень взаимопонимание между различными культурами • растёт свобода человека от определённой среды • открываются огромные возможности выбора жизненных стратегий • увеличивается экономическая, финансовая и политическая взаимосвязь государств и народов 	<ul style="list-style-type: none"> • мировая экономика становится более нестабильной, взаимозависимой и уязвимой • увеличивается разрыв в экономическом и социальном развитии между Севером и Югом • возникают трудности передачи знаний и новых технологий из центра к периферии • возрастают миграционные потоки • увеличивается разница между уровнем жизни и благосостоянием богатых и бедных слоёв населения • транснациональные компании усиливают своё не только экономическое, но и политическое влияние на государства • усугубляются проблемы взаимодействия государства и институтов гражданского общества • растёт влияние массовой культуры, угрожающее культурному многообразию • разрастается экологический кризис • возникают идеологические и культурные конфликты, психологическое напряжение и мировоззренческая неудовлетворённость

Глобализация обусловлена целым рядом факторов: [1]. Экономические факторы детерминированы деятельностью транснациональных промышленных корпораций (ТНК) и широким распространением международного разделения труда.

Технологические факторы связаны с лавинообразным развитием новых технологий. Высокая эффективность этих технологий позволяет производить высококачественную продукцию, а также сокращать затраты ресурсов, энергии и времени, что делает их всё важной частью мирового рынка товаров и услуг.

Информационные факторы связаны с распространением глобальных теле- и радиосетей; телефонных, компьютерных информационно-телекоммуникационных сетей и т.п.

В глобализирующемся мире, где экономические и политические границы размываются, наиболее важными различиями между людьми становятся уже не идеологические, политические или экономические, а культурные. Люди определяют себя, используя такие понятия как мировоззрение, язык, обычаи и обще-

ственные институты и пр. «Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями, цивилизациями. Идентичность человека с определенной общностью реализуется, прежде всего, через интериоризацию им представлений, норм, ценностей, образцов поведения, образующих его культуру» [8, с. 45].

Глобальные проблемы современности. Приблизительно с конца 60-х годов 20 века получило распространение понятие «глобальные проблемы современности». В этом понятии четко, емко и кратко выражается опасение за будущее всего человечества, поскольку от решения этих проблем зависит дальнейший социальный прогресс и выживание человека на Земле. Трудно не согласиться, что глобальные проблемы и порождаемые ими кризисы являются следствием техногенной цивилизации с ее системой ценностей.

В философской, социологической и пр. литературе представлены различные классификации глобальных проблем: предотвращение мировой термоядерной войны и обеспечение мира; преодоление возрастающего разрыва в экономическом уровне и доходах на душу населения в развитых и развивающихся странах; устранение голода, нищеты, неграмотности; демографическая проблема; проблема загрязнения окружающей среды; проблема обеспечения ресурсами и т.д. [15, с. 117] По другой классификации: 1) интерсоциальные проблемы; 2) проблемы, возникшие в результате взаимодействия общества и природы; 3) проблемы, обусловленные отношением человека и общества [10, с. 249] и т.д. Так или иначе, выделяется примерно до десяти острейших глобальных проблем, которые взаимообусловлены и взаимосвязаны.

Каковы же причины этих проблем? Наиболее часто в качестве одной из главных причин указывается научно-техническая революция (НТР). Однако НТР выступает как «верхушка айсберга», глубинную же причину надо искать во временах гораздо более далеких. Представляется, что истоки нынешней ситуации скрыты в Древней Греции, а точнее, в зарождении специфического для цивилизации Запада типа взаимодействия общества и природы. «С зарождения греко-римской цивилизации, ставшей колыбелью европейской культуры, до наших дней прометеява миссия Человека-прогрессора, призванного овладеть всей Природой, упорядочить ее хаотическое бытие и полностью подчинить его собственным интересам целям, практически не подвергалась сомнению» [6, с. 9].

Первый шаг сделал Платон, чья мысль об отличии человека от всей остальной природы по причине наличия бессмертной души позволила человеку выработать отношения к природе, как к объекту.

Следующий шаг – христианство, в котором манифестируется не только мысль о сверхприродной сущности человека, но также идея непрерывного прогресса как принципа человеческой деятельности. Эпоха Возрождения продолжает эту линию идей конструктивной силы человеческой деятельности. Р. Декарт увеличивает «пропасть» между человеком и природой своим знаменитым учением о субстанциях – мыслящей и протяженной. Его дуализм служит прекрасным обоснованием мысли о том, что природа – это всего лишь материал для деятельности человека.

Все выше перечисленное сформировало так называемый менталитет Просвещения. Вера в прогресс, разум и индивидуализм определила все сферы интересов Запада: науку и технику, рыночную экономику, демократию, массовые коммуникации и пр. Главные ценности Запада: свобода, равенство, права человека, уважение к частной жизни и пр.- неотделимы от менталитета Просвещения. Мы считаем очевидным, что посредством инструментальной рациональности можно решать все главные проблемы мира, а прогресс необходим для чело-

вечества. Таким образом, Просвещение, «как реализация стремления человека стать мерой и хозяином всех вещей по сей день составляет наиболее мощную нравственную парадигму в культуре современной эпохи» [3, с. 17].

Цивилизация Запада базируется на принципе активного потребительского отношения человека к природе. Ведя природную среду к деградации, мы бездумно и необратимо снижаем пригодность для жизни среды своего обитания. Очевидно, что до тех пор, пока человечество сознательно не изменит эту позицию, бессмысленно искать пути решения глобальных проблем как таковых.

Один из основателей Римского клуба А. Печчеи писал: «Проблема в итоге сводится к человеческим качествам и путям их усовершенствования. Ибо лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей ориентированной на материальные ценности цивилизации и использовать весь его огромный потенциал для благих целей» [12, с. 14].

Кризис идентичности. В. Хёсле писал по поводу кризиса идентичности: «Сделать кризис явным, признаться себе в дальнейшей невозможности идентифицировать себя со своей самостью, – важный шаг к преодолению кризиса идентичности» [16, с. 113].

Один из основоположников теории идентичности Э. Эриксон утверждал, что в процессе обретения идентичности должны объединиться три взаимосвязанные сферы: субъективно-психологическая, личная, и социальная. Если объединения этих сфер не происходит, то обретение идентичности становится невозможным и наступает кризис идентичности.

Кризис идентичности характеризуется субъективным ощущением «острого дискомфорта» [18, с. 162], спутанности, «диффузности» идентичности, поведенческими и характерологическими расстройствами, а так же отказом от собственной роли, необходимой для участия в общественной жизни, или недостаточным ее признанием.

Сегодня миллиарды людей на Земле живут с ощущением, что, несмотря на дарованное глобализацией повышение комфорта жизни, историческая почва уходит из-под их ног. Отсюда – поиск утраченных корней, обостренное внимание к своей идентичности, стремление сохранить ее вопреки мощному давлению Запада.

Глобализация трансформирует не только экономические и политические отношения. Меняется мировоззрение человека, в результате этого возникают идеологические и культурные конфликты, растет психологическое напряжение и мировоззренческая неудовлетворённость. «Пожалуй, главное последствие глобализации состоит в переходе к новому типу общества постмодерна, замене традиционно сложившихся связей между людьми на безличные, функциональные отношения, и это неизбежно ведёт к распаду прежних социальных и духовных ценностей. Происходит распад коллективных и личных связей, общезначимых ценностей» [1].

Многие человеческие пороки и негативные качества являются по сути дела появлениями кризиса идентичности. Это депрессивные состояния и апатии, зависимости различного вида: алкоголизм, наркомания, игромания, «компьютерная зависимость»; беспомощность, инфантилизм, коммуникативная и эмоциональная несостоятельность; стремление убежать от реальности, проявление жестокости, властности; нигилизм, сексуальные извращения и пр.

Кризис идентичности стал общечеловеческой проблемой именно в эпоху глобализации. В наши дни проблем, связанных с осмыслением идентичности и ее кризиса, становится еще больше. «Современные средства массовой информации и информационные системы, становление информационной общества

нарушают границы, системные свойства пола, класса, этноса, религии, национальности, субкультуры. Они разрушают прежние социальные институты, которые формировали идентификационный процесс. Технологические специализации, моральная безответственность, глобальные коммуникации, ядерная угроза, переоценка роли пола, эксперименты с генными кодами создают условия для паники по поводу идентичности, в которой современный человек может потерять не только свои социальные, но и биологически видовые свойства» [4, с. 7].

Причинами кризиса индивидуальной и коллективной идентичности является отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями; утрата веры в общее будущее; дисгармония между описательным и нормативным образами себя; прерывность истории; несоответствие между представлением культуры о самой себе и ее образам и в других культурах; чувство неполноценности относительно более совершенной культуры.

А. Тоффлер, американский философ-футуролог, писал: «Миллионы индивидов напряженно ищут свою идентичность или некую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок» [19, с. 366].

Еще одним проявлением массовой культуры стала так называемая «виртуализация общества». Виртуальная среда оказывает существенное влияние на формирование новых универсальных ценностей человека и общества. «Виртуальное пространство представляет собой принципиально новый феномен в жизни человека, генерирующий свои собственные законы, систему ценностей, образ жизни и философию» [7, с. 7].

Виртуальная реальность позволяет человеку выбирать те статусы, которые он хочет, тем самым обеспечивая определенную свободу от сложившихся форм социального. Создается своеобразная виртуальная идентичность человека, характеристикой которой становится произвольное формирование виртуальных имени, статус, тела, психики, привычек. «Индивид может симулировать принадлежность к любой социальной общности и за счет этого радикально расширять сферу возможных взаимодействий. Сообщества такого рода существуют до тех пор, пока их члены продолжают поддерживать привлекавшие их друг к другу образы – сконструированные идентичности, которые всегда остаются симуляциями социально реальной идентичности, то есть идентичности, институционально определенной полом, возрастом, семейным, профессиональным, образовательным статусом индивида [5].

Следствием этого процесса является угроза потери своего реального социального «Я» путем переноса самореализации и самоидентичности в киберпространство, «разрывается целостность и единственность картины мира субъекта, вызывая кризис всех форм идентичности (личностной, социальной, культурной), что проявляется в настоятельной необходимости соединить, устранил, существующие противоречия» [17].

Проблема массового сознания и массового человека. И здесь мы сталкиваемся с четвертым фактором, формирующим губительный вектор цивилизации. Это, как справедливо отметил Д. И. Дубровский, проблема массового человека, массового сознания [2, с. 78]. По большому счету, и противоречия глобализации, и глобальные проблемы современности, и нарастающий кризис идентичности являются прямо или косвенно результатами деятельности массового сознания массового человека.

Феномен массового сознания и массового человека с различных точек зрения и различных оснований исследовался западными и отечественными философами, начиная с середины XIX века.

Массовое сознание имеет устойчивую самоорганизацию. Массовый человек амбициозен, образован, самодоволен, «он стал чуть ли не главной фигурой во всех высших сферах общественной жизни» [2, с. 79]. Орудиями и олицетворениями массового человека являются пресса, телевидение, Интернет. Трудно не согласиться с Д. И. Дубровским, отмечающим: «Доминантой ценностно-смысловой структуры массового сознания (и массовой культуры) является неумемая потребительская интенция, ненасыщаемая жажда потребления – вещей, удовольствий, власти, комфорта. Их всеобщий эквивалент – деньги, они же – мерило социальной значимости человека, его ранга, «авторитета»» [2, с. 90]. Все то, что не интересует и не ценится массовым человеком (доброта, скромность, умеренность, альтруизм, патриотизм, справедливость, духовное совершенствование и пр.), изживается из социокультурного пространства. Культивируется всеми возможными способами и навязывается всем нам жажда потребления, реализующаяся на всех уровнях: от отдельной личности до целых цивилизаций.

К концу XX – началу XXI века мир превращается в совершенно «новое сценическое пространство для существования человека, новое материальное и в социальном плане» [11, с. 317]. Если ранее мир был местом постоянного борьбы за существование, то теперь он сал весьма комфортным и воспринимается как неисчерпаемый источник для удовлетворения все возрастающих (но не в духовном, а лишь в материальном плане) потребностей и желаний. «Главным действующим лицом на этой сцене стал человек, созданный массовой культурой, тот, кто одновременно не есть некто конкретный, но при этом – каждый, любой и никто, «идеальный тип», модель, позволяющая структурировать эмпирический материал и интерпретировать реально сложившуюся ситуацию» [13, с. 137].

Огромное значение в формировании массового человека играет массовая культура, средства массовой информации.

СМИ безостановочно транслируют универсальное мнение, затрагивающего все сферы, которые могут волновать человека, предоставляют набор идентификационных позиций и точек зрения на все случаи жизни. «Никакого беспокойства, никакой ответственности. Приняв рекомендованное решение – вы будете избавлены от ошибки. Теперь ваша жизнь в более надежных руках, чем ваши собственные. Мы лучше вас знаем, что вам надо и чего вы хотите, чего ждете и на что надеетесь. Мы избавим вас от всех страхов. Ваша жизнь станет такой, какой вы хотите ее видеть – такой, как надо» [9, с. 60].

Субъект теряет потребность в автономном мышлении и довольствуется реактивным, не осознавая и даже приветствуя эту потерю, как передачу ответственности за себя. Рефлексия перестает быть нужной, поскольку все необходимое для сохранения ощущения себя личностью предоставляется извне в готовом виде и не требует усилий. Так возникает предсказуемый, послушный и управляемый массовый человек.

Такой человек «всегда обнаруживает в себе ряд представлений, но лишен способности представлять» [11, с. 324], лишен продуктивного воображения. Здесь массовая культура выполняет компенсаторную функцию. Она предоставляет зрелища, успешно замещающие его бедную фантазию носителя массового сознания. «Такие зрелища предоставляют возможность симуляции (или восполнения недостатка) эмоций и впечатлений через широкий выбор схем с заранее известными свойствами: приключения (в Африке, в прошлом, в будущем, на другой планете, в другом мире и т.д.), любовь (счастливая, несчастная, но с хэппи эндом, трагическая; в Африке, в прошлом, в будущем, на другой планете, в

другом мире и т.д.), страх (здесь, сейчас, в Африке, в прошлом, в будущем, на другой планете, в другом мире и т.д.) ... и т.д. и т.п.» [13, с. 142].

Человек, сформированный массовой культурой, зачастую не способен осознавать даже свои желания, а потому легко принимает те, на которые ему указывают. Незаметно информация становится средством управления людьми, при помощи нее формируются шаблонные идентичности, предлагаются готовые формы поведения, суждений, принципов, ценностей и т.д.

Резюме. Рассмотренные нами феномены: противоречивый процесс глобализации, сложный комплекс глобальных проблем современности, все более распространяющийся кризис идентичности, феномен массового человека и массового сознания – находятся в отношениях взаимопорождения и взаимовлияния. Это обуславливает необходимость и целесообразность их рассмотрения в связи друг с другом. Именно такой комплексный подход позволит наметить сценарии будущего, а будущее человечества напрямую зависит от того, «удастся ли создать такой мощный социальный субъект, который бы смог выдвинуть новую идеологию и сконцентрировать в себе духовные силы, достаточные для того, чтобы переломить гибельную траекторию земной цивилизации» [2, с. 83].

Библиографический список:

1. *Боронова Н. А.* Человек в мире глобальных изменений: Монография / Красноярск: Литера-принт, 2009.
2. *Дубровский Д. И.* Современное массовое сознание и будущее земной цивилизации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 1 (37).
3. *Ду Ваймин.* Глобальное сообщество как реальность: изучение духовных ресурсов социального развития // Китайская философия и современная цивилизация: Сборник статей. М.: Восточная литература, 1997.
4. *Заковоротная М. В.* Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999.
5. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
6. *Козлов Б. И.* О философских основаниях постиндустриальной модернизации общества // Модернизация общества и экология. Ч. 1. М., 2006.
7. *Кортунов В. В.* Бегство от реальности (или Обратная сторона телекоммуникационных технологий). М., 2003.
8. *Мазуренко И. В.* Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.
9. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
10. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
12. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
13. *Предовская М. М.* Модификация и трансформация культурной идентичности: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009.
14. *Степин В. С.* Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии

(НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. проф. Дубровского Д. И. М.: Издательство МБА, 2013.

15. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. ред. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалев С. М., Панов В. Г. М.: Советская энциклопедия, 1983.

16. *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Вопросы философии*. 1994. № 10.

17. *Шульгина Д. Н.* Глобализация и культурная идентичность: Дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2010.

18. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

19. *Toffler A.* *The Third Wave*. N. Y.: William Morrow, 1980.

Н. Н. Масунова

Магнитогорский государственный университет, аспирант кафедры философии (455000, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, д. 114)

ФУТУРОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья о будущем информационно-технической реальности. Статья раскрывается по этапам: описание мира, реальности; выделение подсистем; динамики мечты и цели; выявление интерфейсов объектов реальности. Определение возможных путей информационно-технической реальности. Обозначаются стратегии: жизни, мышления, общения информационно-технической реальности. Формируется перспективный вектор информационно-технической реальности.

реальность; вектор информационно-технической реальности; стратегии

Футурология есть стратегический метод познания. Основные компоненты футурологии информационно-технической реальности (ИТР) раскрываются из философских направлений: футурологического позитивизма, космизма, махизма, идеализма. К основным компонентам относятся: историко – философское видение как основа перспективного планирования ИТР, сущность человека, технология планирования, принцип создания мира человека, баланс в технологии последовательного мышления «стратегия – организационная структура – процесс принятия решений», стратегического видения и подсистем ИТР.

Историко-философское видение как основной компонент футурологии ИТР включает в себя несколько направлений: идеализм, техницизм, футурологический позитивизм, махизм, космизм. При изучении этих направлений в историко-хронологическом порядке обнаружено, что первое видение (картина мира) сформировалась в пифагорейском союзе [1, с. 52]. Пифагорейцы практически и теоретически занимались такими направлениями как идеализм, техницизм, космизм. Космизм. Пифагор вводит термин «космос». Его последователи Филолай, Плутарх. Далее появляется Георгий Богослов, Паскаль Блеск, Иммануил Кант, Николай Федоров, Константин Циолковский и другие. Идеализм. Пифагорейский союз сформировал первое идеалистическое направление. Далее следует отметить Гиппаса, Сократа, Николая Макивелли, Томаса Мора, Монтель Мишеля. Техницизм. Появился в административных кругах Пифагорейского союза. Наиважнейший труд-это труд Архита Таренсокого. Махизм. Эрих Мах, Денни Дидро продолжили направления Имануила Канта. Позитивизм – направление в философии 19–20 вв, которое объявило единственным источником истинного знания конкретные эмпирические науки.

Следующий основной компонент футурологии ИТР – это сущность человека. Определим сущность человека через категории: «материя», «становление», «движение», «противоречие». Материя всегда органическая – писал Г. В. Лейбниц. Становление человека происходит на всем протяжении его жизни. Макс Шелер попытался раскрыть положение человека в космосе. Движение человека становится единым процессом антропосоциогенеза. Вильгельм Дильтей обозначает, что предметы это застывшие кристаллы человеческого бытия. Шелер понятие человека приравнивает к вещи. Только личность человека получает особый

яркий оттенок в философском видении Макса Шеллера. Противоречие заключается в двух идеях:

1) идея человек-это десертир жизни. Он лишь жалкое выражение священного космического смысла.

2) идея о сверхчеловеке. Эта идея ставит человека на место Творца.

О духе и душе пишут Артур Шопенгауер, Александр Спиркин и другие.

Три основных компонента футурологии ИТР являются, тесно связанные друг с другом – это технология планирования во всеобщем понимании, принцип создания мира человека, баланс технологии последовательного мышления «стратегия – организационная структура – процесс принятия решений». Объединяющим фактором становятся следующие строки. Чего же достигли люди 20 века своей культурой и цивилизацией! Создали мир, в котором нарушено равновесие между рациональными целями общества. Генеральную цель цивилизации можно определить через бытие [3] человека. Определить цель необходимое условие для становления мира. Динамизм бытия делает его вечно незавершенным, и, наоборот, незавершенность бытия есть признак его динамизма. К видам технологий относим: технологию четкой математической модели, технологию образа, технологию схем и другие. Теория отражения В. И. Ленина повлияла на создание рациональных технологий. Н. А. Козырев, Михаил Заречный и другие обозначают технологии, только используют научный язык разных областей наук. В философии главным понятием становится метод познания, только термин «технология» – это последовательность операций. Операция – это последовательность приемов. Прием – это последовательность действий. Стратегическое видение опирается на стратегию. Стратегия обеспечивает баланс системы «стратегия – организационная структура – процесс принятия решений» [4, с. 199]. Стратегическое видение Константина Циолковского становится четким реализующимся планом. Однако в 21 веке существует кадровый эскалатор, и мастерство планирования стратегического видения становится в зависимость от лидера-президента – корпорации. Важным становится скорость изменения мышления, так как становятся важные цели и задачи в соответствии с выбранной стратегией.

Бытие в позитивизме, как правило, описывается системно. Футурология как наука о будущем рассматривает процессы. Объект имеет определенный интерфейс, т.е. набор открытых операций, применяемых к этому объекту. Все объекты одного класса имеют одинаковый интерфейс. Георг Гегель вводит технологию описания мира через категории. Последующие философы и современные онтологии используют категории как наиважнейшие блоки конструкции мира. Мир, представленный Л. Е. Балашовым в 21 веке складывается из 4х категорий: материя, движение и противоречие, становления, а следовательно картина мира сложится из таких же подсистем.

Введем синтез-связь между категориями, для ясного понимания картины мира. Проследим, как зародилась ИТР в таком представлении о мире.

Материя – это кристалл. Информационно-технический мир имеет две грани кристалла информационное и техничность, которые соотносятся так: 1. Не имея технического, обретаем информационное. Не имея информационного, обретаем техническое. 2. Обретая заключённую в мире информационность, нельзя сказать, что нет информации, обретая заключённую в нём техничность (технику), нельзя сказать, что нет техники. Сложим их вместе, получим информационно – технический мир.

Посмотрев (на мир), не увидишь заключённой в нём техничности, но обретёшь заключённую в нём информацию – технического нет. Потрогав, не ощу-

тишь заключённой в нём информационности, но нащупаешь заключённую в нём технику – информационного нет. Такое описание аналогично рассуждениям Платона о числе три [11, с. 79].

Становление. ИТР прошла по пути: тезис, антитезис, синтез. Этот путь сформировал Георг Гегель. «Техника Пифагорейцев» явилась зерном, где не разделялись материальные и духовные блага, производимые для человека. Листьями и стеблями оказались этапы развития «Механики», и «Машино-технической реальности» — это антитезис, так как человек в приоритет поставил материальное благополучие. Синтез объединил реальности на новом витке развития.

Движение собрано в матрицу движений, которая включает: движение в физической реальности по Л. Е. Балашову, движение в технической реальности, как основное противоречие по Е. В. Дегтярёву. Движение в информационной реальности, как диалектический путь познания по Р. Ф. Абдеву. Движение в социальной реальности, как формирование кристалла и ограничение действий кристалла, движение в виртуальной реальности, как кода, позволяющего создать ссылки на несуществующие страницы информации, ссылки на будущее, движение в скрытой реальности, которая – протекает параллельно, но шкала времени имеет свое деление¹; движение в процессах², согласно «Теории Всего» Девида Дойча (наблюдаемые процессы, осмысленные процессы, управляемые процессы). В основе движения состояние пульсации и покоя. Здесь мы сошлемся на положения Артура Шопенгауэра и положения Освальда Шпенглера, который написал книгу «Закат Европы». Однако явление – неустойчивость движения в ИТР, заставляет ученых постоянно изучать категорию движения.

ИТР состоит из пластов реальности³. Реальность в самой себе может содержать противоречие. Замысел человека пластичен, лабилен. Замысел реализуется в проекте, проекты в концепциях. ИТР тождественна виртуальной реальности. Проектная рациональность есть возможность реализации замысла. ИТР как процесс состоит из технологической последовательности принятия решений, т.е. проектная рациональность имеет функцию разрешить реализовать замысел. Стратегическое видение ИТР призвано дать объединённую картину мира, удовлетворяющую потребностям человека. Главное противоречие заключается в актуальности и потенциальности. Поток ИТР сливается с процессом антропосоциогенеза в единый процесс человеческих действий. Направление потока определяется стратегическим видением творца.

Конструкция ИТР построилась в ходе синтеза идей Николая Кузанского, Р. Ф. Абдеева, Г. Лейбница. Конструкция ИТР – это усеченный конус, стоящий на площадке мирового рынка в форме ромба. На мировом рынке происходит процесс смешивания идей и целей. Синтез целей и противоречие целей. Функ-

¹ Эта реальность собирает остатки - незавершённые процессы, а также кристаллы не принятые в социуме.

² Процессы этой реальности представляются нам так: делегирование полномочий машине; непрерывный процесс обучения; стратегическая дефрагментация бизнес-функций; двойной контроль машины и человека; непрерывное моделирование; производственный процесс продукции; процесс мотивации, через виртуальную реальность; обратная связь (индикация, анализ, отклонение).

³ Пласты ИТР: информационная реальность, социальная реальность, техническая реальность, виртуальная реальность, «Теория Всего» – это теория состоит из четырёх направлений (нитей): квантовая физика, эпистемология, теория вычислений, теория эволюции, мультиверс — вся физическая реальность, скрытая реальность.

ция менеджера оценивать цели, блокировать цели, согласовывать интересы сторон, тогда это будет управляемый процесс ИТР.

Динамика мечты и целей в обществе выражается из подходов стратегического видения: виртуальное видение, утопическое видение; коммунистическое видение, социалистическое видение; техносферическое видение; цивилизационное видение. Видение (картина мира) имеет свой механизм развития целей и мечты. Также имеются свои представители-философы. Проектные структуры ИТР позволяют расставить объекты в этой реальности для дальнейшего футурологического планирования. Основой становится принцип матричного подхода. Подчеркнем развитие интерфейсов через тезис, антитезис, синтез (таб. 1).

Таблица 1

Развитие интерфейсов

Набор интерфейсов в конструкции ИТР	Тезис	Антитезис	Синтез
Интерфейс менеджера	Не участвует при функциональной модели	Участвует при дивизионной модели	Планирует, распределяет при матричной модели
Интерфейс персонала	Участвует полностью всем набором	Участвует по приказу	Участвует в рамках гранта. Лота. Международной программы
Интерфейс программного обеспечения	Текстовый редактор Регламент доклада участия доклада участия в конференции	Подсистемы интерфейсов онлайн общения.	Электронная почта- пересылка голографических видеороликов. Сохранение в каталоги информационных блоков
Интерфейс стратегического управления	Написание внутреннего кодекса. Написание тезисов в манифесте	Подчинение Гос.Кодексу. Конституции	Настройка корпоративной культуры

Процесс поиска технологий в константном времени дает возможность еще раз вернуться во времена Пифагора уточнить и проверить все наше исследование. Статус пифагорейца можно было приобрести, если человек осваивал науки: математику, музыку, геометрию, астрономию [5]. ИТР, как кристалл, была искусственно обучена математики, т.е. эту стадию она прошла на уровне виртуальной реальности. ИТР искусственно обучена подбирать музыкальные ритмы. В этом способствовала социальная реальность. Создан большой ассортимент музыкальных произведений. ИТР искусственно обучена, т.е. в неё заложены аксиомы геометрии, планиметрии. Она способна по памяти человека воспроизвести модель. Этому способствовали технологические и виртуальные пласты реальности. Информационный пласт реальности есть сумма техник математики, музыки, геометрии. Можно предположить, что создан кристалл с заданными атрибутивными свойствами пифагорейцев. Развитие этого кристалла пойдет по разумному пути, до 10 ступени. Ближайший этап в развитии кристалла связан с плазмненным кристаллом [6].

В век совершенства технологий холдинг, имеющий научный центр вправе зарегистрировать (получить патент) на свою технологию. Вправе купить новую технологию у конкурента, но не реализовывать её, так как уже запущен механизм своей технологии производства. В данном случае – это и есть механизм управления технологиями.

Стратегическое видение: жизни, мышления, общения человека в ИТР. Направление потока ИТР определяется стратегическим видением творца. «Стратегическое видение – это та картина жизненной ситуации человека, содержание, которой имеет для него положительный смысл», – пишет А. М. Долгоруков. Она

представляет собой внутренний источник мотивации, она лаконична и выразительна [7, с. 95].

Стратегическое видение творца ИТР представляется нам в трёх направлениях: жизнь, мышление, общение. *Стратегия 1.* Для направления «жизнь» предложены проекты: «Робототехника и биотехнологии». Проекты реализуют мечту. Мечта заключается в том, что человек мечтает быть сильнее по отношению к природным явлениям. Дизайнерский стиль моделей: романский стиль, кубизм, космизм. Предположим: по Аристотелю человек=душа, где душа = растительная часть + животная часть + разумная часть [8]. Из пункта А в пункт В надо прибыть. Есть преграда С – стена бетонная или каменная глыба.

Вариант №1 Технологические этапы:

Разумная часть переместится, опираясь на опыт всеобщего разума. Через всеобщий разум. Дойдёт до пункта В.

Преграда С есть лишь форма материи, разум её обойдёт на другой параллели или пространстве, или в другом мире.

Растительную и животную часть оставить в пункте А в холодильной камере.

В данном варианте тела будут в холодильной камере. Люди будут жить, и общаться, используя голографические изображения (виртуальный образ человека). Механическая не обдуманная телепортация как технология, без учёта мировых законов, не может существовать как массовое явление. Приведённые выше рассуждения показывают неустойчивость движения в этой технологии. *Стратегия 2.* Для направления «мышление» предложены проекты: «Искусственный интеллект». Э. Г. Дюбуа-Реймон в конце 19 века писал, что любое протяжённое тело также обладает и сознанием [9, с. 12]. Искусственный интеллект – это «мыслящая материя», форма которой стремится к социальной форме. Искусственный интеллект – это блок – штаб управления виртуальным миром. Искусственный интеллект – это мыслящая материя, которая стремится вверх к духовному, предназначена для усиления человеческих возможностей. Таким образом, материя материализовалась, как огонь из невидимого духовного, развивалась и будет стремиться к духовному первоначалу. Интеллект ставит себе цели сам. Главная его задача сделать законы природы ясными для возможно большего числа людей. «Подчинить природную и социальную необходимость морально обоснованной воле человека, стремящегося к счастью и неограниченному саморазвитию» [10, с. 50–65]. *Стратегия 3.* Для направления «общение» предложены проекты: «Информационно-коммуникативной реальности». Проекты реализуют мечту. Мечта человека побывать в других мирах, пообщаться с ними на расстоянии. Дизайнерский стиль моделей: космизм, минимализм, хай-тек, итальянский футуризм, голливудский стиль, «хепенинг». Предложены 9 моделей¹ для стратегии общения. С позиции разных групп общества идёт оценка этих моделей. В стратегии рассматривается разум на этапе становления глобального информационного пространства и общества. Раскроем внутреннюю сущность виртуальной реальности. Понятие симулякра вводит Платон, Ж. Делёз расширил его. Симулякр самостоятельная сущность. Он может существовать в ИТР, так как в «подлинной» реальности человек сливается с «массой» в рамках концепции «массового общества» технической цивилизации японского философа 20 века К. Мацусита. Симулякр-аватар несёт практическую пользу, он уравнивает феноменологическую реальность человека. В виртуальной реальности аватар становится ключевой сущностью, так как процесс общения происходит через него,

¹ Модели: звук, жест, язык, книга, фильм, мульти-телефон, гипер-текст, Интернет, виртуальная реальность.

как посредника схемы «человек-человек» или непосредственного участника в схеме «человек-машина». Описывается разновидность субъектов, функция которых направлена на устройство и функционирование государства, а также на принятие стратегических решений – это показано на примере пчёл и термитов философа Мориса Метерлинка. Роль хаккера на мировой площадке – на примере Ассанжа. Сфера риска при использовании информационных технологий.

В заключении определим базовые положения исследования, в соответствии с которыми, ИТР определяется колосом – строгим, привлекательным разумным, энергоёмким и живым. Зерно, которого становится кристаллом. В процессе синтеза следствий и заключений строится вектор (рис. 1).

Рисунок 1

В итоге при построении перспективного вектора ИТР философские направления выполняли следующие функции:

Идеализм в своём основании ставит идею. Идея первична. При этом у ИТР перспективный вектор имеет стартовую точку. Техницизм – замыкается в понятиях «механизма», «конструкции», «функциональности». Техницизм опирается на основное свойство функциональность. Следовательно, его возможности генерации новых идей ограничиваются бытием человека. Генеральная цель усиление функциональных возможностей самого человека. Футурологический позитивизм, который опирается на алгебраические методы, для которого необходимо наличие переменных. Исчисление переменных прекращается – это значит, прекращается и генерация идей. Так как идеи присваивается переменная. И далее строится матрица плотности в доказательство положительности или отрицательности идей. При позитивизме планирование возможно, но присутствует некий конец или ограничение. Махизм, который опирается на технологию (методы) топки и диалектики (Аристотеля и Марка Антонио Цицерона), он способен генерировать идеи даже при неполном доказательстве их реального существования, а тем более и развития и осознанного перспективного планирования. Космизм опирается на свойства бесконечности и максимальности. Это дает возможность одну или несколько идей держать в определенном подвешенном состоянии, как убегающий образ мечты. Космизм использует технологию (метод планирования) как балансирование систем, планет, числа. В рамках, например числа один, но не как не ноль, т.к. единица есть и максимум и минимум.

Из выше сказанного четыре направления образуют систему категорий: 1. количество – космизм поддерживает важные, приоритетные идеи. 2. качество – махизм генерирует идеи через род, футурологический позитивизм генерирует идеи через переменные. 3. функция – техницизм оценивает идеи.

Библиографический список:

1. *Vogel C. J.* Pythagoras and early pythagoreanism. Assen: Van Gorcum, 1966. P. 52.
2. *Дидро Д.* Принципы относительно материи и движения 1755г.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа [Электр.html]/Г. В. Ф. Гегель //Библиотека Гумер: электронная библиотека философии. – 2011.- (URL: <http://www.gumer.info>).
4. *Романов Е. В.* Стратегический менеджмент/Е. В. Романов.– Магнитогорск, 2010. – С.199.
5. Пифагор / А. Зараев // <http://www.philosophy.ru>
6. Космическая одиссея XXI века / Роскосмос. М.: Телеканал Россия-Культура, дата вещания 11.04.2012 г.
7. *Долгоруков А. М.* Стратегическое искусство: целеполагание в бизнесе, разработка стратегий, воплощение. М.: 1С-Паблишинг, 2004.
8. *Аристотель.* Физика. М.: МГУ каф. философии // <http://nigma.ru>
9. *Дюбуа-Реймон Э. Г.* О границах познания и природы. Семь мировых загадок / Пер. с нем. Журавлева И. В., Павловой О. В. // Наследия мировой мысли. Теория познания. М.: Либриком, 2010.
10. *Кондорсе М. Ж. А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ред. Соколов Э. В. // Культурология: основные положения. М.: Интерпракс, 1994, 2010.
11. *Платон.* Диалог Сократ – Кебет // Избранные диалоги. М.: АСТ, 2006.

М. В. Жульков

Ивановский государственный университет, докторант кафедры философии, кандидат философских наук

**РАСТУЩАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ СОЗНАНИЯ
КАК СУЩНОСТЬ НООСФЕРНОЙ АВТОТРОФНОСТИ**

Статья посвящена проблеме выявления сущности ноосферной автотрофности. Главной составляющей социальной автотрофности является энергетическая независимость человечества от биосферы, главной составляющей ноосферной автотрофности, по мнению автора, становится растущая независимость сознания от условий биосферы. При этом ноосферная автотрофность включает в себя энергетическую независимость, но в подчиненном отношении, в соответствии с основным ноосферным законом.

социальная автотрофность; ноосферная автотрофность; биогеохимическая энергия; культурная биогеохимическая энергия; ноосферное сознание; основной ноосферный закон

Учение об автотрофности человечества является важной составной частью учения В. И. Вернадского о биосфере и ее переходе в ноосферу под действием научной мысли и труда организованного человечества. Развивая это учение, исследователи рассматривали ее в основном как социальную автотрофность [6, с. 46–51; 12, с. 18–29, 128–145; 14; 26], в которой ключевым звеном является ее энергетическая составляющая. В настоящее время, на наш взгляд, необходимо исследовать ноосферную автотрофность, которая учитывает не только социальную жизнь общества, но и духовную составляющую культуры, связанную с развитием сознания.

Составляющие социальной автотрофности. Как известно, фундамент учения об автотрофности человечества заложил В. И. Вернадский в статье «Автотрофность человечества», написанной в 1925 году [3]. Идея автотрофности имеет фундаментальное, практическое и теоретическое значение для процессов ноосферного развития и формирования ноосферологии. Поднятая В. И. Вернадским проблема автотрофности человечества должна рассматриваться как одна из наиболее фундаментальных идей развития человечества. «Она может быть сравнима с идеей освоения космоса К. Э. Циолковского или идеей расщепления атомного ядра» [10, с. 200].

Автотрофность, независимость человека от природы росла постепенно, по мере совершенствования человеческого разума и овладения силами природы, она связана со всей историей человечества и с его будущим. Несмотря на огромные успехи в организации жизни, современное человечество далеко от автотрофности и его необходимо считать гетеротрофным. Как отмечает Г. С. Смирнов, путь человечества к автотрофности «связан с многообразными моделями миксотрофности современного человечества» [18, с. 10].

Современное понимание социальной автотрофности включает «получение новых космических и других источников энергии, новых материалов, искусственный синтез продуктов питания, снижение психофизиологических ограничений биологической природы человека и т. д.» [11, с. 140].

Социальная автотрофность включает биологические, энергетические и информационные аспекты: синтез пищи и кислорода, производство энергии из небюджетных источников, искусственную среду жизни, развитие науки. Главным среди них является энергетический аспект, поскольку именно он создает основу функционирования человеческого общества и фундамент независимости человечества от биосферы [9, с. 117].

Тем не менее, информационная составляющая социальной автотрофности, определяемая наукой, становится все более значимой. Кроме того, необходимость формирования ноосферного сознания дает возможность ввести понятие ноосферной автотрофности [8], включающее значение формирования ноосферного сознания, – с одной стороны, а с другой – показывающее ступени освобождения самого сознания от власти стихийных условий биосферы.

О ноосферном сознании. Становление сознания в биосфере, согласно учению В. И. Вернадского, определяется действием биогеохимической, а затем и культурной биогеохимической энергиями. В. И. Вернадский выделил три энергии: научную мысль, социальную организацию и труд как основные энергии, превращающие биосферу в ноосферу: «В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видового живого вещества – цивилизованного человечества – на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – *в ноосферу*» [4, с. 20]. В. И. Вернадский показал, что культурная биогеохимическая энергия «является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу» [4, с. 126].

Формирование ноосферного сознания является главным условием становления ноосферного общества и включает в себя ряд характеристик: экологический и нравственный императивы (Н. Н. Моисеев) [15, с. 247–254], принцип благоговения перед жизнью (А. Швейцер) [25, с. 226], приоритет общечеловеческих духовных ценностей перед материально-вещественными (А. Д. Урсул) [23, с. 103], развитие планетарного мышления, целостного ноосферного мировоззрения. Одним из важнейших путей развития ноосферного сознания становится ноосферное образование (А. И. Субетто) [20]. Переход к ноосферному сознанию можно назвать человеческой революцией [16, с. 228].

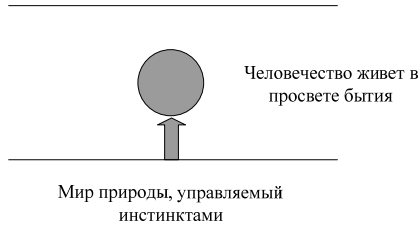
Ноосферное сознание, как отмечает Г. С. Смирнов, формируется как «оптимизация и гармонизация уровней природного и социального, естественного и искусственного, биосферного и техносферного, духовного и материального» [17, с. 115]. Главной функцией ноосферного сознания является функция самоорганизации ноосферы, оно объединяют людей в единую планетарную целостность независимо от национальных, классовых, экономических и культурных различий [17, с. 129]. Формирование ноосферного сознания создает необходимые предпосылки к разрешению основных глобальных проблем современности: экологических, социально-экономических, культурно-цивилизационных, этнических, религиозных и других.

История человечества как история развития сознания. Человек занимает в природе промежуточное место между двумя большими мирами – животным миром, управляемым инстинктами, и сверхприродным духовным миром. Имея самосознание, человек живет в «просвете бытия» [24, с. 32], между мирами, объединяя их в единое целое. Человек выделился из животного царства, образовав собственно человеческое царство, но до «другого берега»¹ преимущественно духовной жизни еще далеко (рис. 1).

¹ Буддистское выражение, означающее Нирвану или первый духовный мир.

Человек в мире

Сверхприродный мир

Движение в потоке между двумя мирами к берегу духовного мира означает растущую независимость сознания от биосферы, от природы. Рассмотрим это более подробно.

В. И. Вернадский одним из первых развил взгляд на историю человечества как на историю развития сознания [4, с. 124–147]. Человек выделился из животного царства примерно 18–20 миллионов лет назад, что позволяет соединить геологическое и историческое время [4, с. 242]. Овладение огнем было одним из главных завоеваний древнейшего человека, огонь позволил держать хищников на расстоянии и готовить пищу, согреться в холодное время года. Человек начал изготавливать орудия труда и с помощью них охотиться, добывать пищу, выработать одежду, защищаться от животных и себе подобных.

Переход к земледелию и скотоводству во времена неолита был огромным шагом вперед в обеспечении продовольствием. Произошел первый демографический скачок, быстрый рост населения. Это было очень важным моментом, поскольку максимальное проявление биогеохимической энергии первого рода (рост численности населения) необходимо для эволюции культуры, науки (познания), цивилизации [4, с. 129].

Следующий крупный шаг в развитии сознания был сделан в период VIII – VI веков до н. э. (которые К. Ясперс назвал осевым временем [27, с. 34–48]). В это время были созданы философско-религиозные учения Будды, Махавиры, Лао цзы, Конфуция, Заратустры, Пифагора, Израильских пророков, которые обращались не только к религиозному чувству, но и к разуму человека. До сих пор сознание человека было мифологическим, то есть образным, человек не думал, а воображал образы. Благодаря духовному усилию великих Учителей человечества произошел переход от Мифа к Логосу, к последовательному понятийному (логическому) мышлению. С этого момента цивилизация начала развиваться более быстрыми темпами, философия, науки, искусства получили огромный толчок в своем развитии.

Учение Христа принесло принципиально новые идеи человечеству: идеи любви, ценности души, взаимопонимания, сотрудничества. Дальнейшая история Европы и всего мира протекала и продолжает протекать под знаком этих учений.

Развитие рассудочного мышления дало толчок и развитию личности: мифологическое образное мышление не позволяло иметь личность, так как не хватало главного компонента, который делает человека самостоятельным – рассуждающего ума. С развитием мышления личность стала интегрироваться, имеется в виду появление системного свойства при одновременном действии трех компонентов – тела, психики и ума. Вся последующая история – это история становле-

ния личности, принятие ею ответственности за собственное развитие, жизнь окружающих – последовательно семьи, народа, нации, государства и, в настоящее время – за развитие человечества в целом.

Эпоха Возрождения ознаменовалась развитием наук и искусств, становлением капитализма, формированием финансовых систем. Научная революция XVII века привела к становлению научной картины мира, к окончательной независимости науки от церкви. Книгопечатание стало основой для широкого распространения образования и культуры.

Эти изменения, благодаря более интеллектуальному труду и образованию, привели к тому, что в XIX веке массы вышли на арену мировой истории, и государства постепенно изменили свои основные парадигмы: теперь они ставят цель обеспечить необходимые условия жизни каждому гражданину.

Произошло полное заселение планеты, на границе XIX–XX веков начался взрыв научного творчества, наука стала непосредственной производительной силой, произошла индустриальная революция, человечество овладело тайной атома и атомной энергией.

Итогом двух мировых войн стало начало объединения человечества в глобальном масштабе, чего никогда не было в истории человечества, началась новая история, по выражению К. Ясперса [27, с. 141]. Зародилась информационная революция, которая должна привести к созданию информационного общества. Человечество пытается решать глобальные проблемы, выработана концепция устойчивого развития.

Человечество через ООН начало планирование обеспечения основных показателей стабильности планетарной цивилизации: продовольственной, военной и личной безопасности, энергетического, экономического и демографического развития, образования и культуры, решения экологического кризиса и др. Впервые человечество пытается овладеть природной внутренней силой (биогеохимической энергией) – силой размножения, что станет следующим шагом в длинной истории развития сознания и его постепенного освобождения от сил природы.

Рост разума определяется всем ходом эволюции. Центральная нервная система росла постепенно и неуклонно с ходом геологического времени (цефализация), а вместе с ней постепенно развивались разум и сознание (ногогенез как учение о направленной эволюции [2], антропный принцип). В. И. Вернадский утверждал: «Совершенно очевидно, что существует определенное направление в палеонтологической эволюции организованных существ и что появление в биосфере разума, сознания, направляющей воли – этих основных проявлений человека – не может быть случайным» [3, с. 476]. Разум появляется у животных, но только у человека он приобретает новое качество самосознания. Именно рост разума определил растущую автотрофность человека, его независимость от природы. Как показал Н. П. Антонов, субъективный фактор является главным в сложнейших процессах становления ноосферы [1, с. 200–232].

П. Т. де Шарден ввел универсальный закон сложности сознания, согласно которому в процессе эволюции органического мира растет внутренняя сложность и напряженность психики, сознания [21, с. 225–229]. Таким образом, субстрат сознания и внутренняя жизнь развивались параллельно.

Принцип цефализации (Д. Д. Дана) и направленной эволюции (Л. С. Берг), на которые опирался В. И. Вернадский, нашли свое выражение в генетической психологии. Так, известный советский психолог Л. С. Выготский представлял строение личности как совокупность геологических пластов в сознании, которые постепенно откладывались с ходом истории. «В этом смысле «геология» человеческого поведения, несомненно, является отражением «геологического» проис-

хождения и развития мозга» [5, с. 140]. Здесь мы видим, как «геологическое» мышление В. И. Вернадского в отношении живого вещества нашло аналогичное выражение в психологии. Те же самые мысли мы находим у космистов. Так, Н. А. Умов писал: «Психика вида – это отражение его связи со всем существующим... Все фазисы естественноисторического возникновения вида в течение нескончаемого числа веков должны найти себе отражение и в его психике. Человек несет в себе инстинкты всех существ, образующих его генеалогическое древо» [22, с. 113].

Появление второй сигнальной системы – речи – явилось решительным шагом на пути развития сознания, его большей независимости от природы, от текущего восприятия. С ходом эволюции этот семиотический аспект автотрофности приобретает все большее значение, особенно в связи с развитием информационных технологий, становлением ноосферного сознания. Как известно, сознание является продуктом природного и социально-исторического развития, человек разделяет с животными инстинктивную природу, рефлексы. Но благодаря развитию сознания человек учится сдерживать свои непосредственные импульсы, обдумывать сложившуюся ситуацию и уже после действовать. Эта большая свобода, которую человек завоевывает в области семиотики, в области содержания сознания, конечно, далека от завершения. Например, в настоящее время агрессивность является фактором, тормозящим развитие глобальной человеческой цивилизации [13, с. 238–242].

Использование основного ноосферного закона. Основной ноосферный закон сформулирован И. В. Дмитревской и описывает движение энергии в ноосфере: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество [7, с. 27].

Согласно И. В. Дмитревской [7, с. 27–28], биосфера и ноосфера анализируются с применением параметрической теории систем (включает концепт, структуру, субстрат) как состоящие из вещества, энергии и информации. В биосфере роль концепта (системообразующего свойства) играет энергия, энергия определяет движение информации и вещества. В ноосфере концептом становится информация, и взаимодействие между тремя компонентами системы ноосферы подчиняется основному ноосферному закону: информация – энергия – вещество. В человеческом обществе мышление и сознание имеют дело с информацией, поэтому именно мысль (по В. И. Вернадскому – научная мысль) становится главным управляющим фактором в развитии ноосферы и биосферы. Именно мысль и сознание, культура человека являются определяющими факторами в развитии человеческой цивилизации.

Так мы видим постепенное с ходом эволюции освобождение сознания из-под власти биосферы, шире – материи. Сознание, дух становится все более сильным и независимым от биосферы, все сильнее влияет на окружающую среду, а начиная с XIX века это влияние приобретает планетарный характер, человек, его сознание и мышление становится геологической силой, влияющий на эволюцию биосферы и земной коры [4, с. 27].

В далекие времена, когда человек выделился из животного царства, он неизбежно оставался частью биосферы и подчинялся ее законам, вел «биосферный» образ жизни, сила мысли была слишком мала, чтобы оказывать сильное влияние на его жизнь. С системной точки зрения, главным в жизни древнего человека был энергетический фактор – также как и в биосфере. Жизнь человека определялась физической силой и энергией желаний и эмоций, мышление было намного слабее и подчинялось этим двум факторам.

Постепенно, с ходом эволюции и истории, мысль становится все более сильной, улучшается социальная организация, мысль начинает все больше определять жизнь цивилизации, сама цивилизация развивается благодаря развитию научной мысли. Особенно заметно такое влияние, как отмечает В. И. Вернадский, становится в последние десять – двадцать тысяч лет [4, с. 23].

В это время начинается развитие современного человечества с его наукой, техникой, цивилизацией, государством, культурой. Человечество переходит (включает действие) под действие основного ноосферного закона, начинается движение к ноосфере, человечество приближается к ноосферной истории [19]. Хотя взрыв научного творчества (конец XIX – начало XX века) подготовлен всем ходом эволюции биосферы [4, с. 40], само выдвигание ума и мышления, науки в главные факторы развития человека ознаменовал переход на преимущественно ноосферный путь развития.

Система ноосферной автотрофности. Ноосферная автотрофность включает не только традиционно выделяемые вещественные, энергетические и информационные аспекты социальной автотрофности, но и добавляет духовно-информационные характеристики, становление ноосферного сознания; освобождение сознания от агрессивности и других древних негативных проявлений бессознательного; проблемы устойчивого и безопасного развития; активное освоение ближнего космоса, вынос на орбиту части производства, организованного по типу замкнутых экологических циклов; негэнтропийный характер технико-энергетической, экономической, социальной и культурной деятельности человечества, укрепляющий целостность и жизненность биосферы [8, с. 33].

Ноосферное развитие включает такое изменение сознания человека, которое приводит его к целостному сознанию, овладению собственной природой (биологической, психической и мыслительной), что является залогом успешного продвижения других составляющих ноосферного развития: становления коллективного разума, ноосферной автотрофности – информационной и энергетической основы ноосферной цивилизации и культуры.

В результате получается следующая система ноосферной автотрофности. Ноосферное сознание, освобождающееся от влияния условий биосферы, составляет главное отличие ноосферной автотрофности от социальной. Ноосферное сознание является основой, результатом и целью развития ноосферной автотрофности, то есть это общесистемный параметр, определяющий сущность системы как таковой. Концептом системы является научная мысль, гармоничная социальная организация и производство небноосферной энергии является структурным компонентом, субстратным – синтез пищи и кислорода, искусственная среда жизни в целом. Энергия мысли связывает систему в одно целое, обеспечивает ее функционирование и развитие (рис. 2).

Рисунок 2

Система ноосферной автотрофности

Растущая независимость сознания – сущность ноосферной автотрофности	
Научная мысль – концепт системы	Энергия мысли связывает систему в одно целое
гармоничная социальная организация, производство небноосферной энергии – структурный компонент	
искусственная среда жизни, синтез пищи и кислорода – субстрат системы	

Ноосферная автотрофность – это растущая независимость сознания, а также информационная, энергетическая и физическая независимость человечества от биосферы, определяемая становлением ноосферного сознания и коллективного

разума человечества, информационным управлением процессами в системе вещество-энергия-информация ноосферы и биосферы. Для ноосферной автотрофности характерно использование небюсферных источников энергии, освоение земной коры и околоземного космического пространства [8, с. 34]. При этом энергетическая независимость носит по отношению к сознанию подчиненный характер, в соответствии с основным ноосферным законом. Ноосферная автотрофность является комплексным критерием продвижения человечества к ноосферному обществу.

Таким образом, растущая независимость сознания, формирование ноосферного сознания является главным отличием ноосферной автотрофности от социальной автотрофности, общесистемным параметром, определяющим и суммирующим развитие ноосферной автотрофности человечества, трех ее основных аспектов (социально-биологического, энергетического, информационного). Сознание определяет мотивы и цели человеческой деятельности, направление развития цивилизации, преодолевает антиноосферные тенденции и ноосферные конфликты. В ноосферном обществе потоки энергии начинают подчиняться основному ноосферному закону: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество.

Ноосферная автотрофность отражает тенденцию роста независимости сознания человечества от природных (стихийных) условий существования. Этот ноосферно-семиотический аспект автотрофности становится все более значимым для развития информационного общества XXI века.

Библиографический список

1. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Философия сознания и ноосферы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003.
2. Берг Л. С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей // Труды по теории эволюции 1922–1930. Л.: Наука, 1977.
3. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Сост. Аксенов Г. П. М., 1993.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
5. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика.
6. Гирусов Э. В. «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М.: Ноосфера, 2003.
7. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы (Ч. 1). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002.
8. Жульков М. В. Космическая природа и социальное лицо ноосферной автотрофности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 2. Философия.
9. Жульков М. В. Ноосферное развитие человечества. Социально-философский анализ. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012.
10. Казначеев В. П. Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Новосибирск: Наука, 1989.
11. Казначеев В. П., Спирин Е. А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991.

12. *Казначеев В. П., Трофимов А. В.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск: Наука, 2004.
13. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала / Пер. с нем.; под ред. Гладкого А. В.; сост. Гладкова А. В., Федорова А. И. М.: Республика, 1998.
14. *Лось В. А.* О понятии «Автотрофность человечества» / Философские науки. 1972. № 4.
15. *Моисеев Н. Н.* Человек и Ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990.
16. *Печчи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.
17. *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. Гос. Ун-т, 1998.
18. *Смирнов Г. С.* Миксотрофность современного человечества: реалии ноосферного перехода // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 2.
19. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсальную философию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012.
20. *Субетто А. И.* Образовательное общество как форма реализации стратегии развития образования в XXI веке // Академия Тринитаризма. М., Эл № 77-6567, публ. 13946, 27.10.2006.
21. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987.
22. *Умов Н. А.* Эволюция мировоззрений в связи с учением Дарвина // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. Семенов С. Г., Гачевой А. Г. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
23. *Урсул А. Д., Романович А. Л.* Проблема безопасности и учение о ноосфере // Реалии ноосферного развития. М.: Ноосфера, 2003.
24. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. Бибахина В. В. М.: Республика, 1993.
25. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1992.
26. *Янишина Ф. Т. В. И. Вернадский о проблеме автотрофности человечества* / Вестник Академии наук СССР. 1988. № 6.
27. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. Левиной М. И. М.: Политиздат, 1991.

Н. Э. Кутеева

Башкирский государственный университет, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения, кандидат филологических наук (450076, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19; тел.: (8347) 272-62-28; lingvodidactica@mail.ru)

ПРОЦЕСС РЕЦЕПЦИИ ФИЛОСОФСКИХ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Философские и культурологические идеи Герберта Спенсера сыграли важную роль в формировании общественного сознания и культуры Соединенных Штатов Америки рубежа XIX-XX веков. Американские ученые, общественные деятели, писатели, воспринимавшие эволюционную теорию Спенсера как апофеоз прогресса индустриальной эры, стремились применить ее к реалиям страны для поиска путей дальнейшего культурного развития.

эволюционизм; позитивизм; индустриализм; «прогрессизм»; культурное развитие

Философские и культурологические идеи английского философа Герберта Спенсера (1820–1903) оказали существенное влияние на развитие мировой науки и культуры и во многом сыграли определяющую роль в формировании культурного облика Соединенных Штатов Америки на рубеже XIX-XX веков. Приталное внимание американских ученых и художников рубежа XIX-XX веков и первой трети XX века к философии и эстетике позитивизма и эволюционизма можно считать одной из отличительных черт культуры того времени.

Американцев захватила идея эволюции, почерпнутая из трудов Г. Спенсера и Ч. Дарвина. Показательно, что в США многие идеи спенсеровской философии нашли больший отклик, нежели в Европе. Американский историк Джон Фиск отмечал, что «ни в какой другой англоязычной стране философия Герберта Спенсера не находила такого всеобщего и радушного приема, как в Соединенных Штатах» [1, с. 11]. Исследователи единодушны в утверждении, что английский философ «был гораздо более популярен в Соединенных Штатах, чем у себя на родине» [3, с. 5].

Причины «популярности» Спенсера в Новом Свете следует, по мнению В. Л. Паррингтона, искать в его приверженности идеалам Просвещения. В Америке, где всегда были сильны традиции Просвещения, многие деятели культуры увидели в учении «великого викторианца» «утверждение основных посылок Просвещения, а не их развенчание» [2, с. 259]. Это касалось, прежде всего, отношения к просветительским традициям «естественного человека» и «естественного права», из которых вытекал приоритет индивидуального над родовым и видовым. В основе спенсеровского индивидуализма лежала способность индивидуума к изменению, а личности – к совершенствованию, что не противоречило биологической доктрине философа, согласно которой особи под воздействием инстинкта соединяются в группы для дальнейшего взаимодействия и сотрудничества. Спенсер, «исходя из (...) индивидуальной изменчивости и инстинктивного стремления к объединению, создал свою теорию общества и государства», в котором «разумная свобода при господстве справедливости составляет конечную цель общества» [2, с. 259]. Следовательно, индивидуализм, либерализм,

стремление к свободе и справедливости, неприятие насилия, присущие построениям английского философа, стали закономерным продолжением идей Просвещения и внесли существенный вклад в развитие культуры США. Кроме того, оптимизм Спенсера, по мнению М. Каули, в сознании американцев соединялся с «эмерсоновской традицией возвышенного идеализма» [6, с. 76], что в значительной степени способствовало принятию новой теории, не противоречащей прежним убеждениям.

Е. А. Морозкина утверждала, что причины популярности Спенсера в Америке кроются в «своеобразии исторического и социально-политического развития США» [4, с. 30]. Действительно, на рубеже XIX-XX веков Америка переживала стремительный экономический рост и была страной банков, трестов и монополий, биржевых спекуляций и невиданной концентрации капитала, в которой резко обострился контраст между богатством и бедностью. По этой причине эволюционная теория английского философа, как апофеоз прогресса индустриальной эры, нашла в США благодатную почву для дальнейшего развития.

Рецепция Спенсера в США многоаспектна и разнообразна. Следует выделить две линии восприятия эволюционизма в Соединенных Штатах – узкую, научно-философскую, и более широкую, общекультурную. Благодаря концепции всеобщей эволюции в США значительно расширились границы социологии, политологии, этнологии, антропологии, психологии, в рамках которых возникли новые теории и направления: этнологический и социальный эволюционизм, культурная и социальная антропология, диффузионизм, функционализм, прагматизм, «прогрессизм»; были предвосхищены открытия целого ряда философских, психологических и лингвистических теорий. Поставленная Спенсером в его «синтетической» философии задача – найти общие закономерности развития всего живого, представить человека как равноправную часть природы – была важнейшим шагом вперед и определила основное направление естественнонаучных, философских, социальных и литературных поисков США на рубеже веков. Американские популяризаторы эволюционизма (Д. Фиск, Э. Юманс) считали своей задачей раскрыть телеологические и гуманистические основы эволюционизма и показать, что великой целью природных и общественных процессов является совершенствование человека и общества.

Основные положения позитивизма и эволюционизма: абсолютизация науки, требование перенесения естественнонаучных методов в гуманитарные области, неприятие «метафизики» и религиозной ортодоксии, убеждение в непреложности прогресса и естественном происхождении общества, утилитаризм – повлияли на интеллектуальную атмосферу Соединенных Штатов и нашли последовательное отражение в суждениях американских философов, ученых и писателей рубежа XIX-XX веков. Деятели различных областей американской науки и культуры заинтересовала попытка Г. Спенсера материалистически истолковать человеческое бытие как закономерную эволюцию «от простого к сложному», «однородного к разнородному» [5, с. 286], импонировали идеи мирового прогресса и универсальности законов культуры. Знакомство американских философов и ученых с трудами Спенсера и других позитивистов и эволюционистов во многом способствовало беспрецедентному росту философской науки в США. Спенсерианство сыграло важную роль в формировании мировоззрения целого ряда выдающихся американских философов и ученых Э. Юманса, Д. Фиска, У. Г. Самнера, У. Джеймса, Р. С. Джордана, Г. Джорджа, У. М. Уилера, Б. Ф. Скиннера, Э. Тейлора, Л. Уайта, а также писателей Д. Лондона, Т. Драйзера, Ф. Норриса.

Спенсеровская концепция повлияла не только на развитие науки США, но и на историческую, социально-политические и экономические процессы: идея *survival of the fittest* («выживания сильнейшего») определенным образом была интерпретирована последователями философа и приобрела черты «биологической социологии»; идеи свободной кооперации стали основой развития политэкономической концепции *laissez-faire* (политики «невмешательства»); в области художественного творчества идеи Спенсера способствовала утверждению эстетических принципов реализма и натурализма. Историк С. М. Липсет охарактеризовал американскую идеологию с помощью понятий «свободы, эгалитаризма (включающего равенство возможностей и уважение), индивидуализма, популизма и невмешательства» [7, с. 17] (*liberty, egalitarianism, individualism, populism, and laissez-faire*). Значительная доля данных особенностей сложилась в США, в том числе, и под влиянием позитивистских и эволюционистских идей Герберта Спенсера. Политики и историки увидели в политической концепции английского философа контуры будущих подлинно демократических взаимоотношений личности и государства. В области политических теорий идеи Спенсера стали теоретической базой «прогрессизма». Экономисты и социологи были увлечены концепцией *laissez-faire*, дающей основания для свободного развития предпринимательства и создания гармоничных экономических и общественных отношений. Спенсер, настаивавший на том, что экономическая и социальная мобильность является залогом выживаемости культуры и общества, тем самым способствовал утверждению американского эксцентрицизма (теории исключительности), ставшей, по мнению многих социологов, базой американской идеологии.

Культурфилософия Спенсера нашла свое отражение в разных областях культуры США: общественном мнении, прогрессивной журналистике, литературе и литературной критике, идеологии, искусстве и интеллектуальной среде Америки в целом. Дж. Фиск утверждал, что во второй половине XIX века «интеллектуальная атмосфера» США «была заряжена концепцией развития» [1, с. 10]. Идеи английского философа обсуждались в кружках и салонах, становились предметом открытых дискуссий в печати и на страницах художественных произведений. Имя Спенсера стало неким паролем для входа в интеллектуальную элиту. Его популярность в США на рубеже веков «не имела себе равных во всей истории философских учений» [6, с. 62]. С 1860–1903 года книги основоположника эволюционизма «разошлись в количестве 368755 экземпляров авторизованных изданий, не считая тех, что были осуществлены без согласия автора. Для многих выдающихся американцев, родившихся в 60–70-е годы, знакомство со Спенсером влекло за собой крутой поворот в их жизни» [6, с. 62]. В редакционной статье *The Journal of Speculative Philosophy*, вышедшей в декабре 1867 года, говорится, что «в Америке за последние годы было продано почти двадцать тысяч экземпляров работ Герберта Спенсера», в то время как в Англии «едва ли было раскуплено первое издание» [8, с. 6]. О важности фигуры Спенсера в общественной и интеллектуальной среде говорит тот факт, что шестидесятидвухлетний философ был приглашен в США и посетил их в 1882 году, где провел два месяца, совершил путешествие по стране, дал множество интервью и выступил с речью в Конгрессе.

Процесс рецепции спенсерианства в Америке происходил в несколько этапов. Первый этап, 1860–70-е годы, совпал с возникновением интереса к концепции всеобщей эволюции в среде ученых-физиологов, биологов, историков (Э. Л. Юманс, Дж. Фиск, Ч. Чайльд и др.), обнаруживших в теории Спенсера воплощенные собственные научные устремления. Это был период восторженного приятия

оптимистической и телеологической концепции эволюции культуры как бесконечного и необратимого процесса совершенствования. Идея всеобщей эволюции воспринималась как прогрессивный переворот в сознании людей, как «изменения в умонастроении, явившееся результатом приобщения к научной методике» «с последующим крахом богословия и медленной заменой метафизического идеализма научным материализмом» [2, с. 252]. Оптимистическая, индивидуалистическая философия Спенсера, утверждавшая ценность личности, давала надежду на совершенствование человека и мира и вносила определенную упорядоченность в кажущуюся хаотичность человеческого существования. Несмотря на то, что в 1870-е годы спенсеровские идеалы свободы и развития, воспевавшие прогресс человечества и совершенствование личности, пришли в определенное противоречие с прагматическими ценностями американского «позолоченного века», эволюционизм в США получил наибольшее распространение и завоевал массу адептов, повсеместно издавались труды Спенсера и других эволюционистов (Э. Тейлора, Л. Моргана). В области философии, социологии, культурологии, естественных наук, истории, психологии закономерным итогом распространения эволюционной теории стало возникновение культурной антропологии, этнологического эволюционизма, прагматизма, инструментализма, бихевиоризма, функционализма, диффузионизма.

Особенно важным оказалось влияние культурологических идей Спенсера на американских этнологов и культурологов. Даже те представители американской культурной антропологии, которые критически относились к теоретическим построениям философа, так или иначе, попали под влияние теории эволюции и развивали ее основные положения либо, напротив, отталкиваясь от нее, высказывали противоположные суждения. В целом, теория культурной эволюции стала отправной точкой для возникновения множества культурологических теорий и направлений, прежде всего, культурного эволюционизма как фундаментальной ветви американской и мировой культурологической мысли.

Следующий этап восприятия спенсеровской концепции (1880–90-е годы) связан с деятельностью психологов (Ч. Пирс, У. Джеймс), социологов (У. Самнер, Л. Ф. Уорд), экономистов (Т. Вулси, Б. Адамс, Г. Джордж) и культурологов (Ф. Боас) – рассматривавших теорию эволюции в аспекте поисков путей развития культуры и цивилизации. В этот период, на фоне сохраняющегося стабильного интереса к эволюционизму (1893 году в Чикаго прошел конгресс эволюционистов), намечается тенденция смены «радужного оптимизма» пессимистическим взглядом на место человека в мире. Когда «благотельный эволюционизм Спенсера» был постепенно вытеснен «механистическим материализмом Геккеля» [2, с. 264]. Телеологическая концепция Спенсера была заменена детерминистской теорией случайностей. Результатом многочисленных вольных трактовок и тенденциозных интерпретаций идей философа стала традиция восприятия его как основоположника социального дарвинизма. В то же время, прогрессивные общественные и политические деятели увидели в социально-политической концепции Спенсера контуры будущих подлинно демократических взаимоотношений личности и государства. В области политэкономии концепция свободной добровольной кооперации Спенсера стала теоретической базой политики «невмешательства».

Третий этап связан с наступлением в США Прогрессивной Эры (1890–1915 годы), окончание которой совпало с периодом постепенного ослабления интереса к взглядам Спенсера вплоть до полного отказа и даже запрещения пропаганды его идей. Эра «прогрессизма» была ознаменована стремлением к реформированию политического строя и решению социальных проблем, созданных индустри-

ализацией и урбанизацией, когда процесс постепенного перехода от идеологии оптимистического либерализма к практике хищнического капитализма, связанный с усугублением власти plutократии, продажности судей и усилением власти крупного капитала, возродил интерес к спенсеровской концепции «невмешательства». В этот период позитивизм и эволюционизм стали основополагающими концепциями, оказавшими влияние на процесс развития литературы и художественной культуры Соединенных Штатов Америки, на формирование эстетики и художественной практики реализма и натурализма. Эволюционные идеи были определяющими в формировании мировоззрения целого ряда американских писателей конца XIX- начала XX веков: Д. Лондона, С. Крейна, Ф. Норриса, Т. Драйзера. В произведениях этих писателей нашли последовательное воплощение эволюционные взгляды Спенсера в сочетании с последующими идеями «биологической социологии».

Таким образом, спенсеризм стало для Америки не просто очередным умозрительным построением, затронувшим верхушки академических кругов и прошедшим незамеченным широкими общественными слоями. Теория эволюции Спенсера, с присущими ей аксиологическими и телеологическими чертами, глубоко проникла в сознание людей и изменила культурные контуры страны. Вектор спенсеризмских идей совпал с перспективой развития американского общества в русле теоретических изысканий и практических потребностей, испытываемых широкими слоями населения.

Библиографический список:

1. *Fiske J.* Edward Livingston Youmans. The Man and his Work // Popular Science Monthly. Vol. 37. May, 1890.
2. *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли. Американская литература со времени ее возникновения до 1920 года: В 3 т. Т. 3. Возникновение критического реализма в Америке (1860–1920) / Пер. с англ. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
3. *Hofstadter R.* Social Darwinism in American Thought. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1944.
4. *Морозкина Е. А.* Творчество Теодора Драйзера и литературное развитие США на рубеже XIX –XX веков. Уфа.: Изд-во Башкирск. ун-та, 1994.
5. *Спенсер Г.* Сочинения. Полные переводы, проверенные по последним английским изданиям / Общая редакция Рубакина Н. А. / Основные начала / Пер. с англ.; под ред. С. Матвеева. СПб.: Издание Спб. Акцион. Общ. печатного дела «Издатель», 1899.
6. *Каули М.* Дом со многими окнами / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1973.
7. *Lipset S. M.* American Exceptionalism: a Double-Edged Sword. N. Y. – L.: WW Norton & Company, 1997.
8. *Spenser H.* // The Journal of Speculative Philosophy. Vol. 1, No. 1, 1867. Published by: Penn State University Press.

Е. Ю. Леонтьева

Волгоградский государственный технический университет, заведующая кафедрой философии, доктор философских наук, профессор (400131, г. Волгоград, пр-т Ленина, д. 28; тел. (8442) 24-84-77; philos@vstu.ru)

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АНАРХИЗМ Л. ШЕСТОВА И П. ФЕЙЕРАБЕНДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Традиционно концепция познавательного анархизма ассоциируется с именем Пола Фейерабенда – американского философа и эпистемолога. Однако многие идеи этой теории четко и однозначно в начале 20 века были озвучены и опубликованы отечественным философом Львом Шестовым. Компаративный анализ взглядов и идей указанных философов с привлечением оригинальных высказываний и цитат, представлены в данной статье. Акцент сделан на исследовании понимания мыслителями процесса познания, науки, свободы мышления, роли рациональности в познании, возможности и необходимости выхода за границы общепризнанных правил и методологии.

познание; познавательный анархизм; свобода мышления; рациональность; наука; методология науки

Истоки познавательного (в ряде случаев говорят – эпистемологического или методологического) анархизма традиционно связывают с именем американского методолога науки Пола Фейерабенда. Практически все отечественные хрестоматийные источники (словари, энциклопедии, учебные пособия) [4; 6; 10], анализируя сущность данной концепции, опираются на работы именитого американца. Однако не следует воспринимать Фейерабенда как своего рода пионера в антиметодологических построениях и разработках «против рациональности». Суждения, аналогичные тем, которые отстаивает Фейерабэнд в последней трети 20 века, уже высказывались в истории науки и принадлежали русскому мыслителю Льву Шестову [2; 3]. Его концепция получила мировую популярность еще в начале 20 века и вошла в историю науки как «опыт адогматического мышления».

Вышедшая в 1905 году и переизданная недавно его книга «Апофеоз беспочвенности» с указанным выше подзаголовком направлена против всякой рациональности европейской цивилизации, основанной на здравом смысле, против общепринятых норм и «общеобязательных истин рассудка». Категоричность суждений автора, направленных против всего, что может «тешить рассудок» вполне сопоставима с идеями и мыслями П. Фейерабенда. Совпадает даже негодование обоих ученых по поводу утраты былого авторитета астрологии и алхимии в пользу «якобы научных» астрономии и химии (данные высказывания буквально «рассыпаны» по текстам обоих философов).

Автор «Апофеоза» обрушивается с критикой на все и вся, что касается западной культуры и что находит свое наилучшее воплощение в многочисленных «преградах для движения нашей мысли», которые создавались и создаются европейскими мыслителями. Величайшей из этих преград была, по мнению Шестова, аристотелевская логика, которая становилась охранником частого пути полета человеческой мысли. Не существует иллюзии большей, чем та, что планомерность и методичность более всего обеспечивают успех: «ведь почти

несомненно обратное. Все наиболее замечательное, что создавалось гением, являлось результатом фантастического, бестолкового, казавшегося всем смешным и ненужным, но упорного искания» [9, с. 81].

Мышление человека не должно сковываться даже самыми лучшими инструментами и методологией. Ученый должен довериться себе и только в этом случае он «сможет видеть там, где еще никто не видел», он должен иметь свою собственную мысль, свободную от «всемства» и очевидностей» [9, с. 173].

Европейская философия для Льва Шестова с ее гипертрофированным методологизмом и рационализмом – величайшая преграда, которую создало человечество на пути собственного развития. И только разрушение ее рациональных основ откроет, по его мнению, путь действительной мысли, которая «может быть только мыслью собственной», свободной от канонов, правил и методов, выработанных человечеством.

Спустя более чем полвека Пол Фейерабенд выстроит свою философско-методологическую концепцию на отрицании того, что в науке должен быть метод, хотя он и признает (от этого никуда нельзя деться), что метод вообще есть. В понимании же метода Фейерабенд был приверженцем декартовской традиции, поскольку считал, что научный метод – «совокупность правил, управляющих деятельностью науки» [5, с. 127].

Долженствование метода ученый отрицает, исходя из простой логики: если метод понимать как сумму правил (а это наиболее адекватное и традиционное понимание), то мы всегда должны применять их именно в таком виде, в котором они нам даны. Но в реальной жизни это становится невозможным, поскольку люди, их применяющие – разные, условия и ситуации их применения не бывают абсолютно одинаковыми, а значит и «работать» в этих условиях эти правила не будут. Здесь нам понадобятся уже свои, иные правила. Постоянных норм быть не должно, потому что не существует одинаковых людей и тождественных ситуаций.

Отрицая долженствование метода, Фейерабенд отрицает рациональность в науке вообще. Наличие метода, по его мнению, тождественно наличию рационального момента, которого быть не должно. Четкие правила, т.е. метод формулирует разум, мышление человека, а его совсем недостаточно для продвижения и развития научного знания, в силу того, что в умножении последнего разум играет хотя и существенную, но далеко не единственную роль. «Без «хаоса» нет познания. Без частного отказа от разума нет прогресса... даже в науке разум не может и не должен быть всевластным... – потому, что – нет ни одного правила, сохраняющего свое значение при всех обстоятельствах, и ни одного побуждения, к которому можно апеллировать всегда» [5, с. 321–322].

С точки зрения Фейерабенда, ученые получают новые знания не с помощью нового метода и «рациональных реконструкций! В этом процессе участвуют совсем иные структурные компоненты и уровни взаимосвязи человека и внешнего мира. Именно в самом человеке, в его скрытых, нерациональных структурах мы прежде всего должны искать истоки зарождения нового знания, механизмы его формирования и развития. Этот же загадочный и волшебный момент рождения нового знания волновал и нашего соотечественника, который отмечал, что это сложный процесс обретения мыслью формы, когда смутное, внутреннее возбуждение, недоосознание чего-либо постепенно становится все более и более ясным, обретает плоть в виде слова. Шестов явно осознавал сложность этого процесса и писал по этому поводу: «самые важные и значительные мысли, откровения, являются на свет голыми, без словесной оболочки: найти для них слова – особое, очень трудное дело, целое искусство» [9, с. 29].

Ученые, которые выдвигают новые идеи, а также защищают гипотезы *ad hoc* (т.е. гипотезы, придуманные для данного случая и противоречащие общепринятым принципам и обоснованным фактам) [7] руководствуются отнюдь не рациональными побуждениями. Наука, считает Фейерабенд, нуждается в иррациональном «для защиты того, что является лишь слепой верой, до тех пор, пока мы не найдем вспомогательных наук, фактов, аргументов, которые превратят эту веру в подлинное знание» [5, с. 295]. Фейерабенда удивляет тот факт, что разум, допуская самые различные пути возникновения идей, почему-то требует, чтобы в оценке этих идей мы следовали определенным четким правилам. Но это не совместимо. Это разные уровни, не сводимые один к другому. Многие гениальные идеи выжили отнюдь не за счет рациональности, а наоборот, «за счет предрассудков, страстей, самонадеянности, ошибок, тупого упрямства – короче за счет тех элементов, которые характеризуют контекст открытия и противостоят диктату разуму, а также благодаря тому, что эти иррациональные элементы получили свободу действия» [5, с. 297].

Лев Шестов много раз подчеркивал, что рано или поздно любой философ или ученый реализует свое «тайное» желание мыслить без правил, делая «робкие попытки неметодологических вылазок, втайне надеясь, что таким способом можно проложить себе путь к неведомому, вопреки их собственным толстым книгам, скучно и бестолково доказывающим великие преимущества научного познания» [9, с. 105].

Побудительной причиной таких неметодологических вылазок, считает Шестов, становится сомнение – великий двигатель нашего разума, главная особенность мыслящего человека и именно сомнение должно «стать постоянной творческой силой... пропитать собой самое существо нашей жизни» [5, с. 50]. Сомнение помогает нам иметь всегда свежий взгляд, а нахождение в рамках каких-либо убеждений, парадигм, в определенной системе норм, принципов, знаний и т.д. задает определенный угол зрения, и то, что находится за его пределами, просто-напросто не воспринимается. Поэтому, даже случайно натолкнувшись на новое явление, ученый, работающий в определенной парадигме, вряд ли его заметит, или проинтерпретирует адекватно «ибо твердое знание есть условие несовершенного восприятия» [5, с. 50].

В истории науки известны факты, демонстрирующие подобную исследовательскую слепоту, которая является всего лишь следствием твердого знания, а также безоговорочной веры в традиции и общепризнанную систему взглядов. Когда физики, пытаясь увидеть «след» электрона в камере Вильсона обнаружили, что этот след имеет форму развилки, то они отнесли этот эффект к погрешностям эксперимента. (Как тут не вспомнить знаменитое гегелевское «Если моя теория не согласуется с фактами, – то тем хуже для фактов»). И только когда Дирак (английский физик, один из создателей квантовой механики, квантовой электродинамики) открыл позитрон, стала ясна истинная суть двойного следа в камере [1]. Тем самым, очевидные открытия могут интерпретироваться как «погрешности» или «недоработки», потому что зашоренное мышление «опасается» глянуть дальше признанных на сегодняшний день парадигм и устоявшихся теорий.

Или, например, деятельность Г. Галилея, анализу которой Фейерабенд посвящает несколько глав [5, с. 5–12]. Это лишь одно из доказательств того, что субъект именно благодаря всем присущим ему нелогичным, нерациональным, интуитивным особенностям развивает и движет вперед науку, вопреки существующим рациональным предубеждениям. Строгое следование кем-то сформулированным правилам, пытается доказать американский ученый, вряд ли вело

бы науку по пути прогресса, а лучшее доказательство тому – реальная история науки, которая свидетельствует, что последняя гораздо более расплывчата и иррациональна, чем ее методологические изображения.

Попытки же сделать науку более рациональной, по мнению Фейерабенда, ведут к уничтожению самой науки, потому что строгое следование правилам порождает косность мысли, мешает творчеству и артистизму ученого, подавляет его субъективную «гуманистическую» изюминку, которая и играет важнейшую роль в разработке тех самых теорий, которые сегодня считаются существенными частями нашего познания природы.

И теперь уже у Шестова мы находим, что «новые мысли, даже собственные, не скоро завоевывают наши симпатии. Нужно сперва привыкнуть к ним» [9, с. 91]. Следует признать, что в сообществе интеллектуалов положительным качеством считается, если человек имеет одну постоянную точку зрения, может достойно защитить и отстоять ее. Однако, вспомним о том, что одним из важнейших качеств настоящего ученого является открытость новому знанию, умение и желание признать и поддержать то, что не вписывается в привычный теоретический каркас. По этому поводу и сожалеет Лев Шестов: «Каждый писатель, мыслитель ... считает необходимым иметь одну постоянную точку зрения. Взберется на какую-нибудь вышку и оттуда не спускается уже до самой смерти... Очень винить за это человека нельзя. Оно и в самом деле небольшая радость таскаться по точкам зрения и каждый раз переключиваться с одной вершины на другую» [9, с. 91–92].

Однако истинный талант, а тем более гений, никогда не отмахнется от внезапно вспыхнувшей мысли, тем более в угоду общепризнанному и неоспоримому: «раз мысль явилась – открывай ворота. Ибо если ты закроешь ей легальный вход, она ворвется силой, или как крыловская муха, проползет тайком: мысль не считается с законами чести и морали» [9, с. 8]. В силу этой абсолютной свободы совершенно теряет смысл, по мнению философа говорить о «прочности мысли», о «твердости убеждений», «о точке зрения» В области метафизики, как и в области наук прочных убеждений не может и не должно быть. Слово «прочность» здесь не имеет значения. Уместно говорить о вечном колебании и шатании мысли. Именно они доказывают ее развивающийся характер, ее противодействие застойности и загниванию. Если ты растешь, меняешься – ты не сформирован, если же остановился... Факт существования зрелой сформированной теории, которая уже есть, которую надо лишь применять означает, что нет роста, а значит... нет и мысли. Сам факт сформированности чего-либо означает – окончание, скорую гибель, вследствие застывания и окончания развития: «Раз ты сформировался, ты потерял право расти, ты должен оставаться статуей, о которой все знают, в чем ее качества и в чем недостатки» [9, с. 63]. Только постоянное движение, развитие, «незастывание» позволяют человеку быть свободным. Общепринятые рамки изложения мыслей – начало и постановка вопроса, рассуждения (обязательно логичные и последовательные), выводы, – это то, что по сути губит свободную мысль, затаскивая ее в прокрустово ложе общепринятых правил и методов, а поэтому «незаконченные, беспорядочные, хаотические, не ведущие к заранее поставленной разумом цели, противоречивые как сама жизнь размышления – разве они не ближе нашей душе?» [9, с. 149–150].

Само мышление, «думание» Шестов понимает иначе нежели простое логическое размышление: «Несомненно, думать никто не хочет – я, разумеется, говорю не о логическом мышлении, которое... как и всякое естественное отправление, доставляет человеку большое наслаждение... Но думать, – ведь значит махнуть рукой на логику: думать – значит жить новой жизнью, изменяться, посто-

янно жертвовать самым дорогим и наиболее укоренившимися привычками, вкусами, привязанностями – притом, не имея даже уверенности, что все эти жертвы будут хоть чем-нибудь оплачены» [9, с. 78]. Поразительно созвучны эти слова идеям Хайдеггера, высказанным много позднее – более чем полвека спустя: «наука не мыслит, поскольку ее средства таковы, что она не может мыслить... науку и мысль разделяет пропасть... самое важное в наше время – то, что мы еще не мыслим по настоящему...» [8, с. 150].

Именно эти моменты, стоящие за пределами нашего рационального осознания и понимания, не укладывающиеся в привычные языковые рамки, Фейерабенд определяет как «гуманистические мотивы». Однако наше понимание гуманизма, скорее как человечности мешает восприятию этого слова в том смысле, в котором употребляет его Фейерабенд. Гуманность для него – это уважение и любовь к свободным проявлениям всякой человеческой сущности, будь то эмоции, чувства, вера, воля, интуиция, разум, озарение и т.д. «Люди далекого прошлого, – пишет философ, – знали, что попытка рационалистического исследования имеет свои границы и дает неполные знания... имеется много способов бытия-в-мире, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки и... все они нужны для того, чтобы сделать нас людьми в полном смысле этого слова и решить проблемы нашего совместного существования в этом мире» [5, с. 139].

В своем замечании о смысле существования человека в мире Фейерабенд подчеркивает, что разумное осознание последнего не является единственным способом взаимосвязи человека и мира, более того – имеет свои границы и недостатки. Осознать себя в полной мере человек может лишь, реализовав ВСЕ имеющиеся у него потенции, а не только разумные способности.

Наука основана на рациональном, но ведь человек не представляет собой только и всецело рациональное существо в чистом виде. Человек – это богатый и разнообразный целостный мир, в котором далеко не меньшую роль (по сравнению со способностью мыслить логически) играют воля, чувства, интуиция, мистическое «озарение», знакомое многим людям, особенно ученым, инстинкт и многое другое. Почему же мы отдаем приоритет именно разуму, рациональному моменту в познании действительности? Этот вопрос волновал и Льва Шестова и Пола Фейерабенда и поставили их перед необходимостью показать, что именно отступления от общепринятой рациональности, методичности, логичности и способствуют наибольшему продвижению и росту знаний человека о мире.

Формальная и содержательная близость приведенных выше позиций ученых, живших в разных странах, в разные эпохи заставляет серьезно задуматься о действительной роли рациональности (а может и роли вообще никакой нет?) в развитии общества. Это, на наш взгляд, тесно связано с тем, что в последнее время все чаще высказывается мысль о границах науки и о возможности альтернативных моделей познания.

Библиографический список:

1. Космические лучи. Открытие позитрона // <http://historic.ru>
2. *Леонтьева Е. Ю.* Специфика европейского мышления (философско-методологический аспект): Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1993.
3. Наука и общество. Сциентизм и антисциентизм // <http://www.greatphilosophy.ru>
4. Современная западная философия: Словарь / Сост.: Малахов В. С., Филатов В. П. М.: Политиздат. 1991.
5. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.

6. Философия науки: история и методология: Учебное пособие. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
7. Философская энциклопедия. Гипотеза ad hoc // <http://dic.academic.ru>
8. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. М.: Высшая школа, 1991.
9. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). М.: Захаров, 2000.
10. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон, РООИ «Реабилитация», 2009.

С. И. Рубежанский

Белгородский государственный университет, аспирант кафедры философии, священнослужитель РПЦ (309970, Белгородская обл., г. Валуйки, ул. Щорса, д. 8а; тел.: (847236) 2-14-77)

ТРАДИЦИОННЫЙ СПОР МЕЖДУ «СЛАВЯНОФИЛАМИ» И «ЗАПАДНИКАМИ» В СОВРЕМЕННОМ ЗВУЧАНИИ (ПОНИМАНИИ)

Споры между «славянофилами» и «западниками» в широком понимании данных терминов продолжают и в современном обществе, живущем в XXI веке. Судьба России, и ее народа, не перестает будоражить умы нашей интеллигенции. Недавно в «Российской газете» появилась статья известного режиссера Андрея Сергеевича Кончаловского «В какого бога верит Русский человек» [1, с. 9]. В этой статье поднимаются извечные вопросы: кто виноват и что делать? В начале статьи автор заглядывает в прошлое нашей истории и пытается рассмотреть зачатки «русской религиозной идеи», проследить путь ее развития. В итоге он критикует само понятие «русской религиозной идеи», говоря, о ее статичности и неспособности развиваться и оказывать благотворное воздействие на русское общество.

славянофилы; западники; русская религиозная идея

А. С. Кончаловский начинает проводить параллель между западной и русской православной культурой. Делает акцент на важности индивидуализма и упрекает русскую православную традицию в преобладании «веры без мысли», указывает на полезность «буржуазного» устройства общественной жизни в России. Вероятно, он не замечает наличие критики «буржуазности» внутри самой западной мысли. Яркими представителями, из ныне живущих, можно назвать следующих: канадского католического философа Чарльза Тейлора, американского еврейского мыслителя Майкла Уолцера, греческого православного философа и богослова Христоса Яннараса. В связи с этим, стоит выделить позицию наиболее яркого критика «буржуазности» в русской религиозной традиции – Константина Леонтьева, относящегося к поздним славянофилам. Он указывал, что эгалитарно-либеральный процесс, являющийся антитезой настоящему процессу развития, подобен холерному процессу, «который постепенно обращает весьма различных людей сперва в более однообразные трупы (равенство), потом в совершенно, почти схожие (равенство) остовы и, наконец, в свободные (относительно, конечно): азот, водород, кислород» [10, с. 427].

Далее Андрей Сергеевич говорит о не искорененном язычестве в русской православной традиции. Он ставит вопрос: почему язычество так и не было изжито в России? Стоит признать, что предрассудки и суеверия, всегда, в той или иной мере, присутствуют в нашей религиозной жизни. Выдающийся богослов XX века священник Александр Шмеман в своей книге «Исторический путь православия» отмечал: «язычество – это не только религия, хронологически предшествовавшая христианству и уничтоженная его появлением, но это некий постоянный и «естественный» полюс самой религии и в этом смысле вечная опасность для всякой религии. Христианство требует непрерывного усилия, безостановочного наполнения формы содержанием, самопроверки, «испытания

духов»; язычество же и есть отрыв формы от содержания, выделение ее как самоценности и самоцели. Это возвращение к естественной религии, к вере в формулу, в обряд, в «святыню» безотносительно к их содержанию и духовному смыслу. Но тогда и сам христианский обряд и сама христианская Святыня могут легко стать предметом именно языческого поклонения, заслонить собою то, ради чего одного они и существуют: освобождающую силу Истины» [6, с. 125]. Здесь, также стоит отметить, отвечая на выше поставленный А. С. Кончаловским вопрос, что проблема язычества не территориальная, а общехристианская, можно даже сказать, общерелигиозная. Запад также подвержен суевериям и чрезмерному поклонению обрядности.

Далее автор пишет: «Со времени появления христианства в Европе никогда не прекращались богословские споры. Свободная мысль тысячелетиями не боялась подвергать сомнению любые тезисы и обряды христианства. Русская же религиозная культура исключала это право и строилась только на вере». По словам автора, «наше девственное языческое сознание так и не узнало, что такое культура дискуссии», а религиозная мысль в России «не существовала до середины XIX века» » [1, с. 9]. Стоит не согласиться с автором и вспомнить, что в средние века никакой «свободной мысли» в Европе не было. Была священная инквизиция с изуверскими истязаниями и мучениями. В это же самое время на территории православной Руси, в отличие от Запада, борьба с еретиками велась посредством развития богословской мысли и внутри православной полемикой. Можно привести пример борьбы с ересью «жидовствующих», указать на церковно-богословские разногласия между «иосифлянами» и «нестяжателями», которые проходили в рамках дискуссионного спора. Появляются труды русских богословов, такие как «Просветитель»- догматическое сочинение преподобного Иосифа Волоцкого, «Устав скитской жизни»- труд преподобного Нила Сорского. В это время чисто церковная дискуссия приобретает государственный и широко общественный масштаб. И для Православной церкви все завершилось прославлением в лике святых преподобных отцов Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

Далее Андрей Кончаловский пишет: «Работа Кирилла и Мефодия привела к невероятной демократизации самого христианского учения. И это замечательно. Но, с другой стороны, будучи переложенным на древнеславянский, оно прервало связь самого учения с его философским обоснованием, с культурными корнями античной европейской цивилизации» [1, с. 9]. Здесь с А. Канчаловским можно согласиться, ведь он указывает на особенность русской христианской интеллектуальной истории. По этому поводу верно, как мы считаем, писал русский религиозный мыслитель Георгий Федотов: « На первый взгляд как будто славянский язык Церкви, облегчая задачу христианизации народа, не дает возникнуть отчужденной от него греческой (латинской) интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции... » [4, с. 98]. Священник Георгий Флоровский напоминает, что о «различии между русской и «европейской» культурами говорили уже давно, говорили именно славянофилы, в частности Иван Киреевский». Г. Флоровский ставит свой диагноз: «И позже всего просыпается в русской душе логическая совесть – искренность и ответственность в познании». Но на проблему он смотрит под своим углом: «кризис русского византизма в XVI веке был с тем в месте и выпадением русской мысли из патристического наследия в богословии» [5, с. 145].

А. Кончаловский, рассматривая историю с западных позиций, говорит, что с момента получения нашими предками славянского перевода Евангелия, они были лишены стимула к изучению греческого и латинского языков. А через

это и лишены возможности познать античную философию и софистику. Но, заглянув в древний памятник русской литературы «Повесть о Петре, царевиче ордынском» мы видим указания на то, что в середине XII в. служба в храме Ростова Великого проходила параллельно на русском и греческом языках. Не стоит забывать и о том, что Русь вела торговые сношения с Византией и, следовательно, не была оторвана от ее культуры.

XVI- XVII века – это эпоха радикальных религиозных перемен, как на Западе, так и в России. Западный мир будоражит от реформации, а в России начинаются сложные и не однозначные времена, связанные с правлением Ивана Грозного, а позднее и с трагедией церковного раскола. Конечно, русские исторические процессы очень сложно сопоставить с западными, но можно сказать с уверенностью, что Россия не пошла по «буржуазному» пути Западной Европы. По мнению святофилов, в основе русской культуры лежит «цельность духа», а в основе западной культуры – рационализм. Поэтому, считали они: «ни допетровский быт, ни введение западного образа жизни не приемлемо для России. Необходимо найти третий путь, соединяющий эти противоположности, как считал, к примеру, Киреевский» [2, с. 176].

Далее, автор возвышает западное богословие и указывает на его доминирование над богословием православного мира. Рассматривая развитие католического и протестантского богословия в XX веке, стоит признать его усложнение и даже его расцвет, но в то же время и православное богословие, данного периода, становится неотъемлемой частью современной общехристианской дискуссии, как по теоретическим, так и практическим вопросам. Православное богословие в форме религиозных и философских размышлений, было и будет востребовано благодаря сохранению восточно- христианских религиозных традиций, которые зиждутся на изначальном церковном предании, которое было утрачено западным христианским миром.

Прозападная интеллигенция всегда возвышает европейский универсально-понятийный тип, указывая на его более раннее развитие во времени. Что более приемлемо для человеческого бытия – традиционализм или индустриальная цивилизация? Не были ли капиталистическая индустриализация и модернизация, как и научно техническая революция, сами по себе «вывихом» в истории человечества, как считал, например, М. К. Петров? Он справедливо писал о культурно- исторических типах: «Если развитость исчерпывается датой появления на свет, – и все, возникающее позже, обязано быть более развитым, то европейский универсально – понятийный тип, бесспорно, был и остается более развитым. Если же развитость определена по другим критериям, по способности общества, например, хранить и передавать в эстафете поколений некоторый объем знаний и навыков, положение меняется: вплоть до XVII-XVIII вв., до начала технологических применений науки, верхнюю ступеньку развития занимали страны традиционной культуры» [7, с. 60].

Необходимо указать на генетическое родство понятий «традиционализм» и «модернизация» с марксистскими понятиями «первичная» и «вторичная» формация, замаскированными под терминологию культурно-цивилизационных методологий или теорий постиндустриализма. «Однако, как бы мы ни критиковали догматический марксизм за линейно-эволюционный прогрессизм формационной методологии, у творцов русофобской матрицы, например, достаточно часто дихотомия «традиционализм – модернизация» претерпевает инверсию и превращается в не менее абстрактную схему «Восток – Запад», которая фактически стала идеологемой и в западноевропейской культуре, философии и науке» [3, с. 19].

Странно, что подобный неисторический европоцентризм допускают даже серьезные исследователи культур и цивилизаций восточного региона. Создается впечатление, что антиисторизм и абстрактный схематизм только и нужны авторам для идеологических целей – чтобы доказать «восточность» России, ее извечную, «архитипическую» неевропейность, неспособность к свободному самоопределению и саморазвитию, фатальную «тоталитарность» русской идеи, раболепие русского человека перед любой властью. Последнее, напрямую выводит нас и на следующий мифологизирующий концепт матрицы русофобии.

В традиции профессиональной либеральной интеллигенции прослеживается тенденция связать русскую матрицу с «азиатчиной» России. Многие договариваются не только до того, что указывают на связь «российского раболепия» с православным христианством, но и принижают культурно – цивилизационный уровень России до слабо развитых африканских стран. «Ведь Россия не просто Восток, как и православное христианство не только восточная его ветвь. Дело даже не в том, что Россия волею истории всегда была больше Востоком, чем Западом, хотя, начиная, по меньшей мере с Петра I, активно и осознанно дрейфовала в сторону Запада, перенимая, вопреки яростному сопротивлению консерваторов, многие европейские нормы и институты. Главное, что отличает Россию не только от просвещенного Запада, но и от классического Востока, это характерные именно для нее формы сервильного комплекса» [8, с. 9]. Интересно мнение Г. П. Померанца, культуролога, идеологически близкого к кругу либеральных авторов. В своем эссе «Долгая дорога истории» он пишет: «Переход к новому времени, таким образом, жестко фиксирует во времени (отсекая Возрождение) и в пространстве: очагом модернизации признается только небольшая группа стран (Англия, Голландия, Скандинавия, Франция). Страны захваченные рефеодализацией, – Германия, Италия, так же как Испания, – трактуются в качестве «Незапада» [9, с. 243–244]. История Германии и Италии действительно перекликалась, временами, скорее, с развитием России или Японии, чем Англии или Голландии.

Даже с позиции изначального неприятия идеи негативной «русской культурной матрицы», нельзя отрицать возможности и даже необходимости обсуждения проблемы наличия в русской истории некоторых архетипических констант, в том числе и отрицательных, не только определявших ее ход, но и оказывающих реальное воздействие на настоящее. Проблема возникает в трактовке этих констант. Русская ментальность, имеет весьма существенную особенность, эта «особенность» выражается в противоречивости и в склонности к крайностям, как подчеркивал еще в свое время Н. А. Бердяев. Противоречивость, разорванность русской культуры и ментальности, не вмещались в картины мира внешних наблюдателей, порождая мифы о «загадочной русской душе». При этом противоречивость давала недоброжелателям мощное оружие в идеологической экспансии против России.

В конце своей статьи Кончаловский рассуждает о фундаментальном религиозном вопросе, связанном с верой в Бога. Пытается определить степень возможного соотношения онтологического вопроса, о бытии или не бытии Бога. Извечный религиозный вопрос – «есть Бог» или «Бога нет», достиг своей кульминации в период господства коммунистического мировоззрения. Попытки разобраться в изначальном и традиционном для христианского богословия вопросе о степени возможного соотношения материального и духовного приводили, к бескомпромиссным крайностям. Писатель Лев Толстой по-своему пытался найти ответ на этот вопрос. Мы знаем, что в христианской религиозной мысли всегда была опасность, при размышлении над данным вопросом, уклонится в обожествление

природы или в интеллектуализм и спиритуализм. В поздний период своего творчества Лев Толстой, являет личный пример такой рационализации христианства, которая порывает с церковной традицией и не принимает глубокого смысла Христова Евангелия. Трагическая судьба Толстого, напоминает нам о нашем сложном времени, в котором продолжает вестись напряженная дискуссия о вере в Бога и путях развития нашего Русского общества. Идеи «славянофилов» и притязания «западников» остаются актуальными и в наше время.

Внимательно прочитав статью А. С. Кончаловского, мы понимаем, что его трактовка христианства оторвана от церковной традиции. В сущность православной веры русского человека автор так и не проник, его интересует не столько вопросы религиозной жизни, сколько проблемы секулярного общества и его развития.

Библиографический список:

1. Российская газета. № 6053 от 10 апреля 2013 г. 9 полоса.
2. *Литич Т. И.* Литературно-философский диалог в культурном пространстве России и Германии 1 половины 19 в.: Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010.
3. *Римский В. П.* Матрица русофобии и ментально антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. № 8 (151). Вып. 24. Белгород, 2013.
4. *Федотов Г.* Православие и историческая критика // Путь. Париж, 1932. № 33.
5. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. 3-е изд. с пред. прот. И. Мейендорфа и указателем имён. Париж: YMCA-PRESS, 1983.
6. *Шмеман А.* Исторический путь православия // Нью-Йорк, 1953.
7. *Петров М. К.* Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992.
8. Российская модернизация: проблемы и перспективы: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1993. № 7.
9. *Померанц Г. С.* Выход из трансa. М., 1995.
10. *Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разлушения. Н. ВРС.

Образовательные парадигмы

Е. Ю. Саляева

Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Институт пищевых технологий и дизайна (филиал); Нижегородский государственный педагогический университет, соискатель кафедры педагогики профессионального образования (603000, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1; тел.: (831) 439-26-15; nnspsu@nnspsu.ru)

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Проблема компетентностного подхода уже на протяжении нескольких десятилетий является одной из актуальных проблем, разрабатываемых представителями разных областей науки. Особый интерес данная проблема представляет в связи с переходом высшего профессионального образования на двухуровневую систему – бакалавриат и магистратура. Таким образом, именно компетентностный подход рассматривается как базовый приоритет в свете решения задач модернизации и реформирования современного высшего профессионального образования. Знание же исторических аспектов введения и реализации компетентностного подхода обеспечит необходимую информацию для эффективного его внедрения и реализации.

компетентностный подход; компетенции; компетентность

Глобальные перемены, происходящие в настоящее время в различных сферах жизни и деятельности людей, не могли не коснуться и системы образования. Именно образование является фактором, объективно обуславливающим трансформации, происходящие в политике и экономике, социальной и культурной сферах жизни и деятельности людей.

Принятие в 1999 г. Болонской декларации, ориентирующей современное Российское образование на вхождение в мировое образовательное пространство, актуализирует решение проблемы повышения качества образования, что теснейшим образом связано, с одной стороны, – переосмыслением его целевых ориентиров, а, с другой, – значительным изменением содержания образования, а также оптимизацией технологических подходов к организации образовательного процесса. Итогом всех этих трансформаций должны стать кардинальная переоценка и переосмысление результатов образования, под которыми в настоящее время принято рассматривать систему компетенций, сформированную в процессе обучения. Компетенции вводятся во все образовательные стандарты, а компетентностный подход определяется как базовый ориентир реформирования современной системы высшего образования.

Использование метода исторического анализа и опора на исследования В. И. Байденко, А. А. Вербицкого, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимней, А. И. Субетто,

Ю. Г. Татур и других авторов, позволили нам проследить логику введения компетентного подхода, в том числе, – и в образовательный процесс.

Первым направлением мы выделяем опыт, накопленный за рубежом. Несмотря на то, что широкое распространение понятие «компетентный подход» получает лишь на рубеже XX и XXI столетий, дискуссии, касающиеся модернизации образования во всем мировом сообществе активно осуществлялись на протяжении всей второй половины XX века. Одним из принципов, который должен быть «положен» в основу этих трансформационных процессов, учеными был обозначен междисциплинарный принцип, предполагающий слияние, интеграцию, синтез информационных полей разного научного знания.

Кроме того, в результате исследований, проведенных в конце 60-х гг XX столетия американским лингвистом Н. Хомским [1, с. 5] явилась формулировка понятия «компетенция». Обращаясь к идеям Н. Хомского, И. А. Зимняя [2, с. 18] делает вывод о том, что именно употребление языка, связанное с мышлением, имеющимися навыками и пр., «делает» проявление компетенции актуальным.

С нашей точки зрения, данные идеи могут быть перенесены в любую сферу человеческой деятельности. Появление какой-либо компетенции, на наш взгляд, – есть не что иное, как интеграция высокого уровня знаний в данной области, умений и навыков, а также способность их (эти знания, умения и навыки) применять, адекватно создавшейся ситуации или решаемой проблеме.

Вместе с тем, если Н. Хомский устанавливает связь между компетенцией и мышлением, навыками, имеющимися у человека, то Р. Уайт [3, с. 7] в своей работе «Motivation reconsidered: the concept of competence» весьма, на наш взгляд, справедливо, содержательно дополняет категорию «компетенция» личностными характеристиками, в частности, – мотивацией. С данным подходом также невозможно не согласиться, поскольку, на наш взгляд, лишь только синтез интеллектуальных и личностных составляющих может обеспечить оптимальный уровень проявления компетенции.

Обращаясь к историческому экскурсу в проблему компетентного подхода, также следует отметить, что период 1960–1970-х гг характеризуется не только введением в научный аппарат самого термина «компетенция». Именно на этом временном отрезке осуществляются первые попытки содержательного разграничения понятий «компетенция» и «компетентность».

Несколько позднее, а именно, – в период с 1970 гг наблюдается тенденция к расширению спектра областей, в которых осуществляется использование категорий «компетенция» и «компетентность». Данные термины широко используются уже не только в лингвистике, но и в сфере управления, в менеджменте и т.д.

Значимым фактом в истории применения компетентного подхода является и появление в 1984 г. в Лондоне работы Дж.Равена «Компетентность в современном обществе» [1, с. 13]. Именно в данной работе исследователь одним из первых дает максимально развернутое определение понятия «компетентность», под которой предлагает понимать интеграцию большого числа компонентов, относящихся к когнитивной и эмоциональной сферам личности, и обуславливающих эффективность ее поведенческих проявлений.

Значение также имеет и предпринятая в конце XX-го столетия Ж. Делором [4] и В. Хутмахером [4] попытка выделения прообразов глобальных компетентностей, которые могут быть сформированы в образовательном процессе. Так, Ж. Делор [4] в качестве таких компетенций рассматривает следующие навыки: познания, действия и совместной жизни, а В. Хутмахер [4] как ключевые компетенции выделяет: способность принимать ответственность, участвовать в

принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержании и улучшении демократических институтов.

И, несомненно, особое внимание проблеме компетентностного подхода уделяется в таких законодательно-нормативных документах, как Лиссабонская конвенция и Болонская декларация. Так, в Лиссабонской конвенции «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» [3, с. 11], вышедшей в 1997 г. (то есть, – еще до Болонской декларации), целевыми ориентирами образования было определено признание его результатов на международном уровне, что, несомненно, сопряжено с изменением (повышением) его качественных характеристик. В этом же документе выдвигается требование о необходимости разработки европейским академическим сообществом критериев признания высшего профессионального образования во всей Европе.

Буквально через 2 года, а именно, – в 1999 г. в ходе Болонского процесса была предпринята активная попытка эти критерии разработать. Итогом данной деятельности стали «Болонские реформы» [3, с. 11], согласно которым компетентностный подход соотносится с реализацией в практике работы высших учебных заведений кредитно-модульной системы, позволяющей, по мнению разработчиков (и с этим нельзя не согласиться), в реальной практике функционирования образовательного учреждения с максимальным эффектом реализовать принципы индивидуализации и личностной ориентации.

Вторым направлением в логике исследования компетентностного подхода мы выделяем отечественный опыт. Осуществленный нами анализ исследований по интересующей проблеме (работы А. Ф. Ахмеровой, В. И. Байденко, И. А. Зимней, Б. К. Коломийца, Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой, Н. А. Селезневой, А. И. Субетто, Ю. Г. Татур и других ученых), позволяет говорить о том, что, исследуя выше обозначенную проблему, отечественные исследователи (так же, как и зарубежные) оперируют двумя базовыми понятиями:

- «компетенция», под которым понимается область вопросов, в которых субъект хорошо осведомлен и

- «компетентность», предполагающая обладание познавательными знаниями в той или иной сфере деятельности.

И, несомненно, в первую очередь, исследователи предпринимая попытку определить сущность и содержание данных понятий:

- по мнению Л. И. Новиковой [5, с. 49], понятие «компетенция» может быть определено, с одной стороны, – как личностная способность специалиста решать определенный класс профессиональных задач, а, с другой, – как формально описанные требования к личностным, профессиональным качествам сотрудников;

- И. А. Зимняя [1, с. 37] с данным понятием связывает как характеристики трудовой деятельности работника, так и более универсальные личностные характеристики и модели поведения. При этом автор обращает внимание на тот факт, что логика компетенций позволяет принимать в расчет не только квалификацию, необходимую для решения производственных задач на рабочем месте, но и знания, а также практический опыт в различных областях профессиональной и иной деятельности, которыми человек овладел в течение жизни;

- интегративный подход к выделению базовых характеристик при трактовке термина «компетенция» мы обнаружили и у С. Б. Серяковой [7, с. 32], которая рассматривает данное понятие как совокупность знаний, умений и навыков работника, позволяющих ему выполнять ту или иную работу; необходимые личностные качества; степень интегрированности в корпоративную культуру предприятия; любые характеристики, значимые для производственного процесса;

- с точки зрения С. Е. Шишова [8, с. 41] и И. И. Агапова [8, с. 41] под «компетенцией» следует понимать общую способность, основанную на знаниях, ценностях, склонностях, позволяющую установить связь между знанием и ситуацией, подобрать процедуру, подходящую для решения проблемы;

- как предметную область, в которой индивид хорошо осведомлен и проявляет готовность к выполнению деятельности, рассматривает понятие «компетенция» А. Федоров [9, с. 76].

Анализ всех выше приведенных подходов к определению понятия «компетенция» позволяет говорить о том, что все авторы выделяют в рассматриваемом термине две стороны, одна из которых непосредственно обращена к работе, а другая – к человеку.

Не меньший интерес, ученые проявляют по отношению к термину «компетентность»:

- В. А. Демин [11, с. 38] говорит о компетентности как определенном уровне умений;

- В. С. Безрукова [12, с. 96] и В. М. Шепель [13, с. 152] рассматривают компетентность как синтез умений и знаний;

- как готовность к качественному решению поставленных задач, обусловленную как знаниями (содержательный компонент), так и умениями (процессуальная составляющая деятельности) определяет компетентность А. М. Омаров [14, с. 65]. С позиций готовности к деятельности подходят к определению понятия «компетентность» и Г. С. Трофимова [15, с. 83] и М. А. Чашанов [14, с. 87]. Вместе с тем, в отличие от А. М. Омарова [14, с. 87], готовность данные ученые рассматривают как сложный синтез мотивационного, ценностного (личностного) и исполнительского (процессуального) элементов;

- как результат саморазвития, личностного роста, самоорганизации и обобщения деятельностного и личностного опыта трактуют компетентность В. А. Болотов [16, с. 29] и В. В. Сериков [16, с. 29].

Обобщая вышеприведенные определения понятия «компетентность», мы пришли к заключению, что, наряду с весьма узко ориентированными подходами к определению данного понятия, сводящими компетентность только лишь к некой интеграции знаний и умений, многие исследователи склонны говорить о данном феномене как о весьма сложном личностном образовании. Показательным, на наш взгляд, в этом смысле является весьма емкая трактовка понятия «компетентность», предложенная Д. А. Ошаниным [17, с. 59]. Данный исследователь говорит о компетентности как психической характеристике, выделяя следующие ее особенности:

- прагматичность, которая отражает логику развития компетентности. По мнению исследователя, компетентность формируется в процессе активного решения проблемных ситуаций, связанных с осуществляемой субъектом деятельностью. Особое значение для становления компетентности имеет процесс обучения;

- адекватность задачам деятельности. Иными словами, – компетентность проявляется в конкретной деятельности;

- специфичность. Данная особенность компетентности предполагает наличие у субъекта определенного информационного поля, необходимого для решения задач в той или иной конкретной деятельности;

- лаконичность. Компетентность предполагает опору лишь на тот опыт, который обеспечивает успешность осуществляемой деятельности;

- оперативное проявление компетентности. Данная особенность компетентности, на наш взгляд, органично включает в себя все выше обозначенные ее

характеристики и предполагает актуализацию необходимых знаний, умений и навыков.

Обращаясь к исследованию компетентности, предпринимают ученые попытку определить и структуру данного феномена. Так, согласно точки зрения Л. Гребнева [17, с. 59], в структуре компетентности целесообразно выделять следующие четыре составляющие: компетентность личностную, деятельностную, социально – коммуникативную и профессионально – методическую. Выделяя данные структурные компоненты, автор обращает внимание на то, что все они тесно взаимосвязаны и становление одних компетентностей способствует развитию других.

Весьма интересный, на наш взгляд, подход к определению структуры компетентности предлагает Н. С. Розов [17, с. 59]. Рассматривая компетентность как компонент, производный от компетентности общекультурной, автор представляет ее как совокупность 3-х составляющих:

- смысловой, предполагающей адекватность осмысления частной ситуации, которую необходимо разрешить, в более общем культурном контексте;
- проблемно-практической, ориентированной на адекватность распознавания проблемной ситуации и постановки задач, ориентированных на ее решение, а также и эффективное выполнение целей, задач, при соблюдении соответствующих обстановке, в которой данная ситуация разрешается, нормативов;
- коммуникативной. Выделяя данную составляющую компетентности, исследователь акцентирует внимание на проблеме межличностного взаимодействия.

В. П. Топоровский [18, с. 98] же в компетентности предлагает выделять когнитивную, операционально-технологическую, мотивационную, этическую, социальную, поведенческую составляющие.

Обобщив выше приведенные подходы к выделению структурных компонентов компетентности, можно сделать вывод о том, что все исследователи, подчеркивая сложность и интегративный характер данного феномена, акцентируют внимание на том, что компетентность есть не что иное, как способность оперативно и адекватно реагировать на решение возникающих проблем. Сделать это практически невозможно, не проявляя соответствующего отношения (интерес, мотивация и пр.), что соотносится с личностными характеристиками субъекта. Иными словами, компетентность, – это синтез знаний, умений, навыков и способностей деятельности, обеспечивающих эффективность и продуктивность осуществляемой деятельности, а также отношение человека, как к предмету этой деятельности, так и к деятельности в целом.

В настоящее время опыт, накопленный как зарубежными, так и отечественными исследователями в области изучения компетентного подхода, находит приложение в высших образовательных учреждениях, ориентированных, в свете решения задач модернизации, на подготовку специалистов высокого уровня квалификации. Основным результатом деятельности современных ВУЗов должна стать не система знаний, умений и навыков, как таковая, а набор компетенций в интеллектуальной, гражданско-правовой, информационной и прочих сферах жизни и деятельности человека. Не случайно результатом многих современных исследований является изучение и классификация тех компетенций, которые, по мнению ученых, должны быть сформированы как результат обучения в ВУЗе. Так, по мнению А. Б. Быковской [3, с. 28], к таким компетенциям следует относить:

- ценностно-смысловые, связанные с ценностными ориентирами учащегося, его способностью выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения;
- общекультурные, к которым можно отнести все то, что обеспечивает формирование опыта в области национальной и общечеловеческой культуры;
- учебно-познавательные компетенции, обеспечивающие успешность в сфере самостоятельной познавательной деятельности учащегося;
- информационные компетенции, – навыки деятельности по отношению к информации, владение современными средствами сбора информации, а также информационными технологиями;
- коммуникативные компетенции, предполагающие владение различными способами и средствами эффективного взаимодействия с окружающими людьми, навыками работы в коллективе;
- компетенции личностного самосовершенствования, направленные на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции.

Обобщив же варианты компетенций, предлагаемых В. И. Байденко, И. Г. Галаминой, И. А. Зимней, Ю. Г. Татур, можно выделить 5 их базовых категорий: социально-личностные; общенаучные; экономические; специальные и организационно-управленческие. Интеграция данных компетенций позволяет выпускнику ВУЗа быть в полной мере подготовленным к профессиональной деятельности и легко ориентироваться на рынке труда.

Подводя итог выше изложенному, можно сделать вывод о том, что проблема компетентного подхода находит весьма широкое отражение как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Именно реализация компетентного подхода в настоящее время рассматривается как важнейшее условие модернизации и реформирования всех сфер жизнедеятельности людей и, в первую очередь, – сферы высшего профессионального образования.

Вместе с тем, несмотря на достаточно длительный период исследования проблемы компетентного подхода, необходимо признать сложность, многомерность и неоднозначность трактовки как самих системообразующих понятий, так и основанных на них подходах к образовательному процессу, что является свидетельством актуальности данной проблематики и в настоящее время. Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение закономерностей и механизмов формирования разных видов компетенций.

Библиографический список:

1. *Зимняя И. А.* Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
2. *Зимняя И. А.* Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования (идеализированная модель) // Проблемы качества образования. Кн. 2. М., Уфа: Исслед. центр пробл. кач. подгот. спец., 2005.
3. Компетентный подход: Реферативный бюллетень. РГГУ, 2005.
4. *Иванова Е. А.* Компетентный подход в образовании: методологические основания, история и современность // <http://www.lyceum8.ru>
5. *Новикова Л. И.* Компетентность и компетентность – одно и то же?: Профессиональный словарь // Преподаватель. XXI век. 2005. № 1.
6. *Зимняя И. А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование в России. 2004. № 2.

7. *Серякова С. Б.* Компетентный подход как направление модернизации российского образования // Пед. образование и наука. 2004. № 1.
8. *Шишов С. Е., Азанов И. И.* Компетентный подход к образованию как необходимость // Мир образования – образование в мире. 2005. № 4.
9. *Федоров А., Федорова Е.* Становление профессиональной компетентности будущего учителя: ценностно-смысловой аспект // Высшее образование в России. 2008. № 11.
10. Государственные образовательные стандарты в системе общего образования. Теория и практика / Под ред. Леднева В. С., Никандрова Н. Д., Рыжакова М. В. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2002.
11. *Демин В. А.* Профессиональное образование компетентного специалиста: понятие и выводы // Мониторинг образовательного процесса. 2000. № 4.
12. *Безрукова В. С.* Словарь нового педагогического мышления // Екатеринбург: Альтернативная педагогика, 1996.
13. *Шепель В. М.* Человеческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М.: Народное образование. 1999.
14. *Субетто А. И.* Универсальные компетенции: проблемы идентификации и квалиметрии. СПб. – М. – Кострома: Исслед. центр пробл. кач. подгот. спец. 2007.
15. *Кидрон А. А.* Коммуникативная способность и ее совершенствование: Дис. канд. ... психол. наук. Л., 1981.
16. *Болотов В. А., Сериков В. В.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10.
17. *Ахмерова А. Ф.* Развитие профессиональной компетентности студентов вузов коммуникативными средствами: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2004.
18. *Топоровский В. П.* Интегративный подход к формированию управленческой директора развивающейся школы: Дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: Ин-т образования взрослых. Рос. Акад. Образования, 2002.

С. Н. Дегтярев

Тюменский государственный университет, директор гимназии, кандидат педагогических наук, доцент (625023, г. Тюмень, ул. Пржевальского, д. 37; тел.: (3452) 41-81-09; gymnasia@rambler.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧАЩИХСЯ К РЕШЕНИЮ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ

В статье раскрывается процесс подготовки учащихся старших классов к решению творческих (нестандартных) задач на этапе освоения нормативного содержания образования и решения типовых, адаптивных и корректирующих задач. Показана возможность программирования алгоритмов отдельных действий учителя по выявлению пробелов в знаниях учащихся и формирования их структуры с целью обеспечения индивидуализации обучения с помощью информационных технологий. Приведены результаты эмпирических исследований, показывающие механизм индивидуальной подборки заданий в зависимости от количества и характера допускаемых учащимся ошибок с учетом структурной организации освоенного учебного материала.

индивидуализация обучения; творческая задача; креативные приемы; интерактивное обучение; информационные технологии

Успешность развития системы общего образования сегодня напрямую связывается с использованием информационных технологий в образовательном процессе. Информационная компетентность является одной из ключевых в перечне профессиональных компетентностей педагога, что находит свое отражение и в новом законе «Об образовании в Российской Федерации», и разрабатываемом профессиональном стандарте учителя.

Используя компьютерные информационные технологии, учитель имеет возможность обеспечить для учащихся практически неограниченный доступ к информационным познавательным ресурсам. Привычный для нас учебник по какому-либо школьному предмету сегодня уже теряет свое преимущественное право быть основным источником знаний, скорее, он становится в один ряд с электронными пособиями, программами, словарями, энциклопедиями, другими источниками информации интернета.

Информационные технологии дают возможность сделать существенный шаг вперед в индивидуализации обучения. Они обеспечивают индивидуальный темп продвижения учащихся в изучении учебного материала, выполнении упражнений, решении задач; позволяют выбирать учащемуся индивидуальную познавательную траекторию, то есть интересующий его учебный материал, творческие задания, источники информации, виды учебной деятельности. Данный выбор обеспечивается разнообразием компьютерных программ и информационных ресурсов: программы-тренажеры (решение задач, упражнений), обучающие программы, предоставляющие учебный материал в определенной системе (электронные учебники, словари), программы контроля знаний (тесты), моделирующие программы (компьютерное моделирование опытов, экспериментов, лабораторных работ), компьютерные базы данных (например, тестов ЕГЭ или ГИА); возможности, представляемые в сети интернета, например Smart – обучение в

системе дополнительного образования детей [3, с. 123–131]. Заметим, что информационные технологии обучения должны применяться не только при освоении учащимися государственного стандарта образования, при их подготовке к ЕГЭ и ГИА, что имеет место в массовой педагогической практике, но они должны найти применение и в формировании творческого мышления учащихся, их креативности в ходе учебного процесса. Мы исходим из того, что к решению творческих задач (нетиповых, нестандартных задач), к процессу продуктивного мышления учащихся нужно готовить, в том числе и через репродуктивные формы деятельности, в процессе освоения базовых знаний и познавательных алгоритмов. Ключевую роль в развитии творческого мышления играет индивидуализация обучения. Учитывая достаточно высокий уровень обеспечения и школ, и отдельно учащихся компьютерной техникой (включая планшетные компьютеры), мы можем смело говорить о качественном сдвиге в организации образовательного процесса, в его индивидуализации.

Однако ряд аспектов индивидуализации обучения, играющих ключевую роль в осознанном качественном усвоении учебного материала и формировании интеллектуальных умений, по-прежнему остается вне поля действия компьютерных технологий и полностью лежат на плечах учителя. Прежде всего, это аспект интерактивности. Интерактивное взаимодействие ученика с обучающей программой, конечно же, существует. Учащийся может задавать параметры работы программы (выбирать уровни задач, менять условия эксперимента и т.д.). Но это активность односторонняя: она идет со стороны учащегося (он субъект взаимодействия, он осуществляет выбор). Программа лишь «подстраивается» под выбор ученика. В интерактивном взаимодействии «учитель – ученик» активность идет и со стороны учителя, который оценивает качество восприятия учебного материала учащимся, видит ошибки в его понимании, недочеты, неточности; видит особенности применения информации учащимся, его отношение к способам освоения информации; воспринимает оценочные суждения учащихся; определяет степень интереса, мотивацию.

Перечисленные компетентности учителя не в состоянии заменить компьютерная программа. Следовательно, она не может обеспечить полноценную индивидуализацию обучения. Однако полную индивидуализацию учебного процесса не может обеспечить и учитель, которому приходится обучать не один десяток учеников. Он не в состоянии производить точную «настройку» учебного процесса на индивидуальные особенности восприятия и качество освоения материала каждым учащимся. В лучшем случае индивидуальная работа проводится с отдельными учащимися, нуждающимися в особом педагогическом внимании (например, отстающими учениками, часто болеющими, участниками олимпиад и т.д.). Индивидуальная настройка учебного процесса на каждого ученика – это в современных условиях практически невыполнимая задача. Ее можно было бы решить через использование интеллектуальных систем (прообраз искусственного интеллекта), которые могли бы оценивать когнитивную готовность учащихся, качество освоения учебного материала, интеллектуальные, творческие возможности (или использовать данную информацию в готовом виде) для формирования индивидуальной траектории обучения (выбора учебного материала, задач, упражнений и т.д.).

Однако подобные интеллектуальные системы, разрабатываемые на основе когнитивных технологий, сегодня находятся в стадии своего начального развития (в качестве примера можно привести разработки В. А. Филиппова и его лаборатории по созданию когнитивных ассоциативных схем, Тюменский государственный университет). Наш опыт индивидуализации обучения с использовани-

ем информационных технологий связан с частичным решением проблемы коррекции знаний учащихся и отработкой навыков решения задач (в том числе творческих) на основе онтологического подхода. Речь идет о программе, управляющей учебно-познавательной деятельностью учащихся с учетом результатов его предварительного тестирования на знание учебного материала и некоторых индивидуальных характеристик развития (уровня общего и творческого интеллекта). Онтологический подход в нашем случае связан с созданием информационных ресурсов (баз данных, хранящихся в памяти компьютера) и системы управления ими [2, с. 114–122]. Базы данных содержат информацию учебного характера (блоки учебного материала, задачи, блок подсказок, эвристик) необходимых для формирования индивидуального познавательного маршрута ученика.

Применение онтологического подхода к решению обозначенной проблемы обосновывается

1) необходимостью оперирования большими объемами учебной информации, достаточной для того, чтобы «закрыть» индивидуальные потребности учащегося в его актуальном и перспективном развитии;

2) необходимостью организации интерактивного взаимодействия между пользователем (учеником) и электронными ресурсами программы [1, с. 83].

Работа с компьютерной программой является одним из элементов урока, и начинается она на этапе закрепления учебного материала, отработки навыков решения задач, коррекции знаний.

Одной из сложных задач для учителя является оценка качества усвоения учебного материала. Чаще всего применяются для решения этой задачи контрольные работы, тесты. Однако они дают весьма приблизительную картину того, как освоена информация учеником. Учителю не всегда ясно, если есть проблемы такого усвоения, то в чем они? Что стоит за нерешенной задачей: забывчивость, непонимание, отсутствие каких-либо знаний или системы знаний? Если учащийся получил «отлично» за выполненный вариант теста, означает ли это, что и другой вариант он также сделает на «отлично»? В современной дидактике оценка качества усвоения учебного материала не является полностью решенной проблемой. Для более полной и точной оценки качества усвоения учебного материала мы используем, наряду с другими средствами, тесты, выполненные в форме карт (тест-карты). В тест-карте информация представляется в графическом виде (схемы, сети понятий, вопросов). Упрощая, можно сказать, что это иерархически выстроенная система понятий учебной темы. Она включает в себя логические переходы, условные обозначения, формулы. Вопросы, на которые необходимо ответить учащемуся, включены в эту схему (карту) в виде недописанных формул, обозначений, определений. Учащемуся предстоит доработать карту, ответить на поставленные в ней вопросы. Важным является то, что такие тест-карты позволяют оценить не только уровень фактических знаний, но и структуру знаний, а также помогает формировать данную структуру, что имеет прямую связь с формированием творческих способностей. Тест-карта охватывает большой объем учебного материала, содержит структуру, логику его развертывания в рамках учебной темы. Среднее число вопросов в таких картах колеблется от 15 до 25 в зависимости от объема информации, отраженной в карте.

На первом этапе организации индивидуальной работы ученика с компьютерной программой он выполняет компьютеризированный вариант тест-карты. Такие тест-карты и их компьютеризированные варианты нами разработаны по различным учебным темам курса школьной физики (свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ «Тематические тест-карты по физике» № 2013614969, авторы Р. М. Ганопольский, С. Н. Дегтярев).

После выполнения учащимися теста, в зависимости от его результатов программа представляет различные варианты дальнейшей работы ученика. Если все верно, то идет переход к решению адаптивных и творческих задач, если есть ошибки, то либо к повторению теоретического материала, либо к корректирующим задачам. Задачи подбираются программой особым образом. Сначала уточним содержание перечисленных и других типов задач и опишем правило их отбора для организации индивидуальной работы. Мы поделили задачи на четыре вида: типовые, адаптивные, творческие, корректирующие.

Типовой будет та задача, в которой стандартные алгоритмы решения применяются в достаточно узкой семантической области, представленной в содержании задачи. Другими словами, понятия, через которые отражается содержание задачи, являются ассоциативно и логически близкими, как правило, связанными в одном законе, формуле (пример таких понятий: путь, время, скорость, ускорение).

Адаптивная задача отличается от типовой широкой семантической областью содержания задачи, но в рамках типовой предметной ситуации или явления, что обуславливает применение стандартных методов анализа и решения (иными словами, содержание и методы решения адаптированы к знаниям и умениям учащихся).

Творческая задача характеризуется широкой семантической областью содержания и нетиповой (нестандартной) ситуацией (т.е. необычные явления, случаи, ранее не встречавшиеся учащимся, и следовательно, представляющими собой познавательную проблему).

Корректирующими будем называть задачи (и типовые, и адаптивные), содержание которых включает в себя информационные элементы, неточно или неверно освоенные учащимся. Эти элементы выявляет программа при тестировании учащихся и подбирает для ученика те типовые и адаптивные задачи, для правильного решения которых необходима предварительная корректировка знаний.

При составлении типовых задач используются понятия, формулы, которые расположены в одной ограниченной области тест-карты. При составлении адаптивных задач используется широкое семантическое пространство, т.е. все информационное поле карты, но в задачу включают элементы тест-карты, которые учащийся выполнит без ошибок. Уровень сложности типовых и адаптивных задач различен, так как в адаптивных задачах элементы ее условия связаны более длинными логическими переходами, содержится больше промежуточных звеньев.

Очевидно, что корректирующие задачи – это задачи еще более высокого уровня сложности, они содержат в себе элементы, неверно отраженные учащимся на карте, либо вообще не отраженные. Ясно, чтобы решить такую задачу, сначала нужно освоить соответствующую теоретическую информацию или уточнить ее. Реальность описанных различий в уровне сложности задач неоднократно проверялась нами в серии экспериментов в старших классах. Суть эксперимента состояла в том, что учащиеся после изучения нового материала (один или несколько уроков) самостоятельно выполняли обобщенную схему урока в виде дивергентной карты (графическое отображение знаний в определенной логической последовательности вокруг центрального понятия учебной темы), в некотором приближении составляли концептуальную (понятийную) схему учебной темы. На основе выполненных карт подбирались или составлялись задачи трех видов (типовые, адаптивные, корректирующие). Набор таких задач для каждого учащегося был свой, так как карты испытуемых были различными и по объему, и по количеству ошибок. Результат эксперимента приведен в таблице 1, всего 94 испытуемых (исследование проводилось на базе гимназии Тюменского государственного университета, в профильных классах).

Таблица 1

Результат выполнения учащимися задач (указан процент учащихся, правильно выполнивших задания)

Вид задач	типовые	адаптивные	корректирующие
1 группа (10 классе)	70	38	19
2 группа (11 классе)	89	72	48
3 группа (10 классе)	76	52	24
4 группа (10 классе)	87	71	33

Мы видим во всех четырех группах результат один и тот же: 1) более широкая семантическая область содержания задачи обуславливает ее большую сложность, из-за необходимости выстраивать более длинные логические связи; 2) с помощью карты можно подобрать именно те задачи, которые бы носили корректирующий характер, способствовали более точному усвоению фактического материала, что является важнейшим элементом в подготовке учащихся к решению творческих задач, поскольку систематизирование, структурирование представления информации в памяти учащегося способствует проявлению гибкости мышления, креативности. Таким образом, для учащихся, которые допускают ошибки при выполнении тест-карты, программа подбирает именно корректирующие задачи двух видов: типовые и адаптивные; первые с целью доработки неувоенных (или неверно усвоенных) элементов знаний, вторые – для совершенствования сетевой структуры знаний. Схематично алгоритм работы программы по организации индивидуального маршрута учебно-познавательной деятельности можно представить следующим образом (рис. 1).

Рисунок 1

Примерный алгоритм программы организации индивидуального учебно-познавательного маршрута учащегося.

Содержание индивидуальной учебно-познавательной деятельности программа обеспечивает за счет информационных ресурсов баз данных. Техническая сложность состоит в том, что необходимо увязать ошибки, допущенные учащимся при выполнении теста с соответствующими информационными блоками и задачами различных видов. Такую работу учитель самостоятельно сделать не в состоянии, поскольку ошибки в освоении нового материала у всех учащихся будут разными, следовательно нужно скомплектовать индивидуаль-

ные подборки заданий и информационных блоков для каждого отдельного ученика. С такой работой может справиться только компьютерная программа, если базы данных соответствующим образом организованы. В нашем случае это делается с помощью матрицы активов программы.

Активы (базы данных): тесты (индексируются все формулы, понятия, которые включены в вопросы теста), типовые задачи, адаптивные задачи, информационные блоки (в блоке раскрывается содержание конкретного понятия, закона, формулы и т.д.). Матрица активов имеет вид:

Таблица 2

Матрица активов программы

Активы	1	2	...	N
Формулы тесты	F(1)	F(2)	F(J)	F(N)
Типовые задачи	TZ(1)	TZ(2)	TZ(I)	TZ(N)
Адаптивные задачи	AZ(1)	AZ(2)	AZ(K)	AZ(N)
Информационный блок	IB(1)	IB(2)	IB(L)	IB(N)

F(J), TZ(I), AZ(K), IB(L) – текстовые файлы программы, имеющие индексы от 1 до N (N – число вопросов в тесте).

Все вопросы в тесте имеют индивидуальный индекс. Если учащийся неверно отвечает на какой-либо вопрос, то программа активизирует соответствующие файлы с тем же индексом из базы задач и учебной информации. Таким образом, осуществляется индивидуальная подборка заданий и информации для ученика.

Маршрут движения в работе с программой учащийся выбирает сам в зависимости от его желания: либо сначала повторить теорию и отработать заново тест, либо перейти к задачам и через их решение попытаться понять материал, в котором были допущены ошибки. Мы считаем, что работа над ошибками через задачи является более продуктивной в плане полноценного освоения информации, более глубокого ее понимания. Информация, полученная через умственные усилия, рассуждения, пробы и ошибки лучше осознается и запоминается.

Обратим внимание на то, что в матрице активов нет блока задач творческого типа. Дело в том, что это отдельный блок, не связанный с характером и количеством ошибок, допускаемых учеником при выполнении теста. К данному блоку учащиеся приступают после выполнения всех корректирующих заданий. Цели и сложности выполнения заданий этого блока иные. На основе отработанной на первом этапе работы с программой структуры учебной информации, логических, ассоциативных связей учащимся предстоит проявить креативные навыки в решении нестандартных задач (задач, в которых описываются незнакомые учащемуся ситуации, сюжеты). Но учащиеся смогут решить такие задачи, если используют приемы аналогии, редукции (упрощение, преобразование), позволяющие увидеть в новой, неизвестной ситуации элементы ранее решенных задач и применить уже отработанные, известные способы, алгоритмы решения либо, выполнив определенные преобразования, комбинирование и создав свой способ решения. Качество решения творческой задачи будет зависеть: 1) от степени сформированности и активации сетевой структуры знаний, связанных с задачей; 2) от владения креативными приемами решения задач. В своих исследованиях креативности М. А. Холодная показала, что, чем в большей степени сформирована сетевая структура знаний (концептуальные структуры), тем выше показатели вербальной и невербальной креативности [5, с. 178], значит у учащихся выше степень готовности к решению творческих задач. Активизировать необходимую

сетевую структуру можно с помощью карты и предварительного решения задач (например, корректирующих), а формировать креативные приемы можно с помощью изучения эвристик (некоторых правил, наводящих на идею решения задачи). Поэтому каждая творческая задача сопровождается набором подсказок, связанных с применением эвристик, позволяющих учащемуся ориентироваться в незнакомых для него ситуациях и накапливать опыт адекватного интеллектуального поведения (умственных действий) в решении творческих задач.

Обучение учащихся креативным методам, эвристическим приемам – важная дидактическая задача. Ее решение позволит учащимся в определенной мере «управлять» процессом мышления. Заметим, что положительный опыт применения эвристических интеллектуальных ресурсов через использование базы различных эвристических приемов получен и в системе высшего образования при обучении студентов техническому творчеству [5].

Вывод. Индивидуализация обучения – сложная и актуальная задача, которая стоит сегодня перед школой. Успешное продвижение в решении этой задачи вполне обоснованно связано с развитием и внедрением в образовательный процесс информационных компьютерных технологий.

Предложенный нами опыт индивидуализации обучения, интеллектуального, творческого развития учащихся с использованием информационных технологий является частью решения этой задачи. Данный опыт еще нуждается в своем развитии, но мы уже сегодня можем констатировать положительные результаты его применения. На протяжении последних пяти лет в гимназии Тюменского государственного университета мы используем различные методы логико-графического структурирования знаний учащихся (опорные схемы, различного вида карты знаний, в том числе их компьютеризированные варианты), обучаем учащихся креативным методам работы с информацией, придавая креативным, эвристическим приемам статус объектов специального усвоения на уроке.

Полученные нами результаты в развитии и обучении учащихся позволяют сделать вывод об эффективности разрабатываемого нами подхода. Например, за последние три года призерами региональных олимпиад по физике стали 15 учащихся гимназии. Средний балл ЕГЭ по физике выпускников гимназии более чем на 30% выше региональных и российских показателей.

Библиографический список:

1. Инновационные социально-педагогические технологии в условиях модернизации современного отечественного образования: Коллективная монография / Под общ. ред. Загвязинского В. И. Тюмень: Печатник, 2013.
2. *Дегтярев С. Н.* Онтологический подход к развитию креативности как основа когнитивной образовательной технологии // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2013. № 9.
3. *Захарова И. Г., Пушкарев А. Н.* Технологии Smart – образования в модернизации дополнительного образования детей и молодежи по научно-техническому профилю // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2013. № 9.
4. *Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Институт психологии РАН, 2012.
5. Креативная педагогика. Методология, теория, практика / Под ред. д-ра. техн. наук, проф. Попова В. В., акад. РАО Круглова Ю. Г. 3-е изд. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012.

А. М. Гуреева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук (614039, г. Пермь, ул. Белинского, д. 57)

С. Л. Мишланова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, заведующая кафедрой лингводидактики, доктор филологических наук, профессор (614000, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 7)

А. А. Филиппова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, доцент кафедры лингводидактики, кандидат филологических наук (614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15)

**ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ
КОНЦЕПТА МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАКАЛАВРИАТ**

В современных лингвистических исследованиях широко применяется когнитивно-дискурсивный подход, основные положения которого представляют собой теоретическую базу для настоящей работы. В дискурсе – вербально опосредованной деятельности, осуществляемой в специальной сфере, происходит формирование концепта – совокупного знания по определенной проблеме. Процессы концептуализации обусловлены типом дискурса, поэтому каждый концепт имеет свою специфику, которая проявляется в способах его репрезентации. В статье исследуется специфика метафорической объективации концепта Международный Бакалавриат в образовательном дискурсе Великобритании и России. В работе применена комплексная когнитивно-дискурсивная методика, включающая семантико-фреймовый анализ.

дискурс; концепт; метафора; Международный Бакалавриат

Повышенное внимание к системе Международного Бакалавриата (МБ) связано с тем, что в условиях глобализации МБ является одним из объективных факторов интеграции в единое образовательное пространство [3, с. 5; 4, с. 91–93]. Более того, программы Международного Бакалавриата находят отражение в разных типах образовательного дискурса, что приводит к частому использованию метафор.

В современных лингвистических исследованиях широко применяется семантико-когнитивный подход, предполагающий «соотношение семантических процессов с когнитивными» [6, с. 18; 5, с. 161–169]. В настоящей работе применены семантико-когнитивный и семантико-фреймовый анализ как этапы комплексной методики когнитивно-дискурсивного анализа, в результате чего были выявлены случаи метафорической объективации концепта Международный Бакалавриат в британском и российском образовательном дискурсе.

Материалом для исследования послужили 2366 контекстов, полученных путем сплошной выборки из 631 статьи российских и британских печатных средств массовой информации о Международном Бакалавриате.

В настоящем исследовании мы исходим из тезиса о том, что «наша концептуальная система в значительной степени метафорична» [2, с. 24]. Мы также принимаем положение, в соответствии с которым «способность человека к категоризации основывается на двух существенных моментах: с одной стороны, опыт человека и его мыслительный образ, и с другой – его воображение, ментальная образность, метафора и метонимия» [2, с. 24].

При исследовании концепта Международный Бакалавриат был применен фреймовый анализ, что позволило построить четырехуровневый фрейм концепта, состоящий из трех базовых слотов: «Образование», «Организация» и «Участники». Согласно количественной характеристике, слот «Образование» составляет 82,9 % в английском языке и 67,2 % в русском; доля слота «Организация» равна 10,4% в английском языке и 29,8% в русском; и слот «Участники» составляет 6,7% в английском языке и 3% в русском. Базовые слоты «Образование», «Организация», «Участники» распадаются на столы второго, третьего и четвертого порядка.

В ходе исследования было установлено, что метафоры присутствуют лишь в текстах СМИ, репрезентирующих концепт Международный Бакалавриат на материале английского языка, в то время как в текстах российской прессы метафоры не выявлены, что позволяет сделать предположение о незавершенности процесса концептуализации. На материале английского языка из восьми слотов второго уровня, образующих фрейм исследуемого концепта, случаи метафоризации выявлены лишь в трех слотах: «Три ступени Бакалавриата», «Педагогический процесс» и «Управление».

Анализ метафорической репрезентации концепта Международный Бакалавриат показал, что слот «Педагогический процесс» характеризуется использованием антропоморфной, военной, финансовой метафор, а также метафор, которых можно отнести к сфере «Путешествие».

В СМИ Великобритании концепт Международный Бакалавриат персонифицируется – он может валять дурака, участвовать в соревнованиях, ему можно бурно аплодировать, давать зеленый свет, например:

The International Baccalaureate (IB) has been knocking around since the Sixties but this year it received a major boost [The Independent. 2006. 28 September.].

The International Baccalaureate and the government's new diploma are also favored runners in the race to educate the 16- to 19-year-olds of the future [The Independent. 2008. 28 February.].

In 2006, the International Baccalaureate was given what looked like a standing ovation by Ucas. [The Independent. 2008. 7 February.].

... it was being stressed in government circles that the exam watchdog has already given the green light to one rival to A-levels, the international baccalaureate [The Independent. 2006. 23 September.].

Международный Бакалавриат может также выступать в роли дискриминатора: *The IB, he says, is a better discriminator of the best and brightest* [The Sunday Times. 2007. 14 October.].

Как показано в исследовании Е. Г. Кабаченко, посвященного метафорическому моделированию базовых концептов педагогического дискурса, для представления концепта образование наиболее частотной является метафора «образование – это движение к цели» [1]. Данное положение подтверждается приме-

рами, иллюстрирующими метафорическую репрезентацию концепта Международный Бакалавриат:

Evans is clearly delighted to have persuaded initially sceptical staff, pupils and parents at King's to take the IB route [The Sunday Times. 2005. 5 June.].

Программы Международного Бакалавриата могут вызвать определенные трудности у обучающихся, так как они рассчитаны, главным образом, на детей с незаурядными способностями и трудолюбием. В связи с этим показательно использование метафоры «полететь к Международному Бакалавриату», которая указывает на определенный риск, связанный с подобным путешествием: *Many expect such a decision would also lead to the independent sector and high-achieving schools taking flight to the international baccalaureate* [The Guardian. 2005. 21 February.].

При репрезентации слота «Педагогический процесс» используется также **экономическая метафора**, где Международный Бакалавриат предстает в качестве международной валюты – образовательного евро:

The IB is the educational euro recognised by employers in other countries as well as the UK. [The Independent. 2004. 4 October.].

Cordeaux describes the IB as an "educational euro" because of its international currency. [The Independent. 2005. 24 February.].

В британской прессе часто сравниваются две образовательные программы – национальный стандарт «A-level» и Международный Бакалавриат, при этом в большинстве случаев подчеркиваются преимущества последнего, также с использованием экономической метафоры:

"As one parent said to me, to opt for A-level when you've got the IB is like opting for the Italian lire when you've got the euro," says Tony Evans [The Independent. 2002. 31 October.].

Трудоемкость учебной нагрузки в рамках учебного плана программ Международного Бакалавриата не всегда является привлекательной чертой МБ, и побуждает администрацию учебных заведений отказаться от их «оптового импортирования»:

The IB could not be imported wholesale into every British school or college. For one thing, the foreign-language requirement would put many off [The Independent. 2005. 17 February.].

В образовательном дискурсе востребованной является также военная метафора, подчеркивающая преимущества МБ над A level. Так, Международный Бакалавриат побивает A level, который, в свою очередь, называется побитым и осажденным: *Bac beats A levels* [The Times. 2006. 7 July.]. *King's move is part of a growing trend among independent schools to introduce the IB as a replacement, or alternative, to our battered and besieged A-level* [The Sunday Times. 2005. 5 June.].

Слот «Управление» актуализирован двумя метафорами: «Международный Бакалавриат как человеческий организм» и «как транспортное средство».

Персонификация Международного Бакалавриата достигается при помощи приписывания ему человеческих частей тела и способности совершать определенные действия. Так, МБ способен вздымать брови:

This is not the first time the IB has raised eyebrows in secondary education for its provocative approach to topics such as conflict, environmental destruction, economic exploitation and world religions [The Guardian. 2006. 14 March.].

Востребованной для репрезентации концепта Международный Бакалавриат является также транспортная метафора, относящаяся к сфере «Путешествия», когда МБ называется кораблем, на борт которого приглашаются все новые школы Великобритании:

While welcoming more British schools aboard the IB ship, I do hope they won't be slowing it down [The Times. 2000. 16 October.].

Слот «Три ступени Бакалавриата» репрезентирован гастрономической, экономической и военной метафорами. Отличительной особенностью метафорической репрезентации данного слота является, с одной стороны, отсутствие антропоморфной метафоры, и наличие гастрономической метафоры с другой. Тем не менее, можно сделать предположение о связи двух данных метафор, поскольку концептуальная метафора «Международный Бакалавриат – это пицца» эксплицирует вкусовое, осязательное восприятие концепта, которое также связана с физиологическими потребностями организма:

While traditional arts, sciences and humanities make up the bread- and-butter of the IB, students can also study world religions, peace and conflict studies, or Asian history [The Independent. 2005. 24 February].

Объективация концепта Международный Бакалавриат посредством экономической метафоры связана с конкурентной борьбой между МБ и системой государственного образования «A-level». В условиях конкуренции данных образовательных программ правительством Великобритании была предпринята попытка создать систему британского бакалавриата, который включал бы определенные виды работы, разработанные в рамках дипломной программы МБ. Данное обстоятельство объясняет желание властей Объединенного Королевства не «импортировать оптом» Международный Бакалавриат, а включить в новый образовательный стандарт лишь некоторые его элементы:

"We are not planning to import the IB wholesale, just aspects of it such as the dissertation and community service," he said [The Times. 2003. 29 December.].

Актуализация военной метафоры позволяет подчеркнуть привлекательность дипломной программы, способной завоевать весь мир:

It may be that, even if the IB diploma does not conquer the educational world, what will emerge will be a uniquely English version of it, preserving what remains of the strength of the A-level system and combining that with the breadth and creativity of the IB [The Independent. 2005. 6 October.].

Таким образом, из восьми слотов второго уровня, репрезентирующих концепт Международный Бакалавриат, лишь три слота – «Педагогический процесс», «Управление» и «Три ступени бакалавриата» характеризуются наличием метафор. Объективация исследуемого концепта происходит посредством антропоморфной, экономической, военной метафор, и метафор, относящихся к области «Путешествия». Наиболее частотной является метафора «Международный Бакалавриат – это живой организм», актуализированная в 33,3% случаев и представленная в слотах «Педагогический процесс» и «Управление». На втором месте по частотности употребления находится экономическая метафора, доля которой составляет 27,7%. Данная метафора представлена в слотах «Педагогический процесс» и «Три ступени бакалавриата». Наименее репрезентативной является гастрономическая метафора, составляющая 5,5% и выявленная лишь в составе слота «Три ступени бакалавриата». Умеренно репрезентированы военная метафора и метафора «Путешествие», их доля равна 16,7%. Военная метафора объективирована в слотах «Педагогический процесс» и «Три ступени бакалавриата», а метафора «Путешествие» – в слотах «Педагогический процесс» и «Управление». Проведенный анализ позволяет сделать заключение о том, что специфика метафорической объективации концепта Международный Бакалавриат связана с особенностями концептуализации в образовательном дискурсе.

Библиографический список:

1. *Кабаченко Е. Г.* Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
2. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. *Мишланова С. Л., Гуреева А. М.* Вариативность терминологии Международного Бакалавриата: Монография. Пермь, 2011.
4. *Мишланова С. Л., Гуреева А. М.* Моделирование терминологической вариантности (на примере термина Международный Бакалавриат) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2010. № 1.
5. *Мишланова С. Л., Ивинских Н. П., Пенькова Т. В.* Концептуальная метафора в методическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Филология. 2010. № 3 (Т. 3).
6. *Попова, З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

Е. В. Дорошенко

Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России, адъютант (630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2; тел.: (8383) 338-08-28)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Комплексная подготовка офицеров внутренних войск МВД России к решению воспитательных задач достигается путем развития гуманитарной культуры курсантов в военном институте внутренних войск МВД России. В связи с этим возникает объективная необходимость в многоплановой, гармоничной подготовке курсантов военных институтов внутренних войск МВД России, которая будет отвечать новой структуре и задачам внутренних войск МВД России. Аксиологический подход в развитии гуманитарной культуры курсантов рассматривает ценности в качестве элемента структуры личности, фактора детерминации и регулирования мотивации к действию, связывает их с возможностью реализации сущностных сил человека, направленных на нравственное совершенствование».

гуманитарная культура; гуманизм; ценности; структура личности

Выпускники военных институтов внутренних войск МВД России в настоящее время решают важные задачи по постоянному поддержанию высокой степени боевой готовности частей и подразделений в условиях достаточно сложной социально-политической и экономической обстановки в стране. Изучение служебных характеристик и отзывов из мест прохождения службы на офицеров первого года службы, окончивших военные институты внутренних войск МВД России, показывает, что у данной категории офицеров не в полной мере сформирована осознанная ценностная ориентация, проявляется постоянная склонность к командно-административному стилю отношений с подчиненным личным составом, недостаточны практические умения и навыки работы с военнослужащими с позиций гуманизма.

В связи с этим возникает объективная необходимость в многоплановой, гармоничной подготовке курсантов военных институтов внутренних войск МВД России, которая будет отвечать новой структуре и задачам внутренних войск МВД России. Теория и практика развития гуманитарной культуры курсантов призваны повышать качество воспитательной работы с подчиненными, профессионализм, общую и гуманитарную культуру военных специалистов. В этом контексте важное значение приобретает проблема развития гуманитарной культуры военных специалистов [14, с. 44].

Гуманитарная культура способствует становлению человека как субъекта духовной культуры общества, обладающего способностями, на основе принятых личностью высших человеческих ценностей, выстраивать продуктивное взаимодействие с окружающим миром.

Развитие гуманитарной культуры курсантов содействует гуманизации всей военной службы, с переходом комплектования войск на контрактной основе ведет за собой повышение эффективности в рамках военно-социального управ-

ления, обращение командиров к интересам, потребностям и нуждам подчиненного личного состава, изменение организационной военной культуры и усиление внимания к антропологическому фактору [10, с. 28–38].

Следует подчеркнуть, что в узком субъективном, психолого-педагогическом смысле развитие гуманитарной культуры будущих офицеров заключается в тесном единстве гуманитарного знания и гуманистически ориентированного поведения, в способности соотносить свои служебные интересы и личные потребности принципами гуманизма. В более широком смысле, в процессе развития гуманитарной культуры объединены задачи образования, самообразования, воспитания и самовоспитания курсантов.

Основной целью развития гуманитарной культуры курсантов является гармоничное развитие профессиональных и нравственных качеств, основанное на усвоении социокультурных ценностей, на формировании умения у будущих офицеров самостоятельно вырабатывать руководящие принципы своепрофессионализма и социального поведения с гуманистических позиций, а также стремления к проявлению социально-значимой, творческой активности [3, с. 44–48].

Таким образом, мы делаем вывод, что гуманитарная культура курсантов выступает как самостоятельный вид культуры, как особая культура взаимодействия теории и практики гуманизма, и выражает степень освоения личностью общегуманистических идей, ценностей, знаний, навыков и умений в гуманитарной деятельности, участия в культурно-историческом процессе в качестве субъекта, «человечивающего» социальную действительность.

Важным методологическим подходом процесса развития гуманитарной культуры курсантов выступает аксиологический подход (Л. И. Арнольдов, Е. В. Бондаревская, А. Г. Здравомыслов, М. С. Каган, В. А. Слостенин, В. П. Тугаринов, Е. Н. Шиянов, Н. Е. Щуркова и др.).

Гуманитарная культура представлена исследователями как предметный мир, наполненный непреходящими для человека ценностями. Аксиологический подход у одних исследователей предстает как «бинарный» (в культуру включаются как положительные, так и отрицательные ценности), у других как «прогрессистский» (культура – совокупность только положительных ценностей), сторонником которого был, например, А. Швейцер: «В наиболее общих чертах культура – это прогресс, материальный и духовный прогресс как индивидов, так и всевозможных сообществ» [15, с. 249].

Основным для аксиологического подхода является понятие «ценность», как «внутренний, эмоционально освоенный субъектом ориентир его деятельности» [6].

В соответствии с данным подходом, содержание жизнедеятельности человека определяется направленностью личности на осмысление и познание общечеловеческих ценностей. Конкретные знания могут забываться, но в виде обобщенных смысловых единиц они будут определять мировосприятие личности, ее ценностные ориентации [2, с. 164].

По мнению представителей данного подхода (Л. И. Арнольдов, Е. В. Бондаревская, А. Г. Здравомыслов, М. С. Каган, В. А. Слостенин, В. П. Тугаринов, Е. Н. Шиянов, Н. Е. Щуркова и др.), сущность культуры составляет совокупность духовных и материальных ценностей, созданных человечеством [1, с. 116]. Культура при этом понимается как «совокупность духовных и материальных ценностей» (Г. П. Францев), как «совокупность духовных и материальных ценностей, обращенная к человеку и обеспечивающая преемственность традиций»

(В. И. Добрынина), причем именно ценности представляют собой «важнейшие системообразующие элементы культуры» (А. Г. Здравомыслов).

В рассмотрении аксиологического подхода развития гуманитарной культуры курсантов, мы так же опираемся на теоретические положения разработанные В. А. Слостениным. По его мнению «аксиологический подход органически присущ гуманистической педагогике, поскольку человек рассматривается в ней как высшая ценность общества и самоцель общественного развития. В этой связи аксиология, являющаяся более общей по отношению к гуманистической проблематике, может рассматриваться как основа новой философии образования и соответственно методологии современной педагогике.

Идея гуманизации образования, являющаяся следствием применения аксиологического подхода в педагогике, имеет широкое философско-антропологическое и социально-политическое значение, так как от ее решения зависит стратегия общественного движения, которая может либо тормозить развитие человека и цивилизации, либо способствовать ему.» [12, с. 169–172].

В рамках нашего исследования важным является признание человека личностью, признание ценностей человека, выраженные в понятии «гуманизм».

Развитие гуманитарной культуры курсантов, основанное на принципах гуманизма направлено на достижение следующие цели:

- расширение и углубление у курсантов знаний о гуманизме, гуманистических отношениях и их специфики проявления в воинской службе;
- формирование гуманистических чувств и качеств: доброжелательности, доброты, чуткости, отзывчивости, заботливости, способности к сопереживанию, стремления прийти на помощь, чувства антипатии к злу, грубости, жестокости и др.

Процесс развития гуманитарной культуры курсантов включает в себя определение социально значимых ценностей, которые бы ориентировали каждую личность на отношения с другими людьми на гуманном уровне.

Исходным понятием здесь выступает «ценность». Аксиологический подход связывает понятие «ценность», как правило, с особым субъективным отношением, в котором выражена значимость того или иного предмета или явления действительности для субъекта, его соответствие или несоответствие потребностям человека. Такие отношения между субъектом и объектом принято квалифицировать как ценностные. При этом не всякая ценность является социально значимой. Мы полагаем, что социально значимые ценности представляют собой внутренние ориентиры направленности личности на духовные, социальные, общечеловеческие, культурные нормы, принятые в обществе, такие как благо человека и общества, права и индивидуальность человека, единство общества и человека, справедливость, гуманность, искренность, человечность, уважение к родителям и старшим по возрасту и др.

По сложившейся традиции гуманизм изучается как система воззрений, принявших форму научных теорий, философских концепций, религиозных учений, воплощенных в трудах великих гуманистов.

Общее понятие гуманизма восходит к латинскому слову *humanus* – человеческий, человеческий (от *homo* – человек). В настоящее время это понятие означает систему идей, отстаивающих и обосновывающих высшую ценность человеческой личности. Гуманизм исходит из того, что каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь, свободу и счастье, на развитие и реализацию своих способностей. Для гуманизма естественными и желаемыми нормами взаимоотношений между людьми являются принципы равенства, справедливости и человеколюбия. Гуманизм обосновывает благо человека критерием оценки деятельно-

сти социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми [9, с. 80–82]. Аналогичные, по существу, определения гуманизма мы встречаем в словарях [13, с. 139], в научных публикациях [11, с. 112–117].

Существенными признаками гуманизма как течения в общественной мысли можно считать:

- выдвигание на первый план совокупности идей и воззрений о человеке как главном и определяющем субъекте общества;
- обоснование социальных свойств личности, которые имеют приоритетное значение для нее и для общества;
- общечеловеческие воззрения: признание ценности человека, его прав на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, имеющих ценность для саморазвития и самопроявления личности в обществе и развития самого общества.

Применение принципов гуманизма в военной деятельности ориентировано на формирование таких отношений в воинских коллективах, которые основываются на высокой компетентности и профессионализме, на уважении человеческого достоинства военнослужащего, его правовой и социальной защищенности, на приоритете общечеловеческих ценностей, на расширении прав и свобод военнослужащих, на демократизации стиля управления и субординационных отношений [4].

Наиболее рельефно принцип гуманизма в жизни воинских коллективов проявляется в системе субординационных и координационных отношений военнослужащих.

В системе субординационных отношений принцип гуманизма находит свое воплощение в умении офицеров правильно пользоваться всей полнотой предоставленной служебной и дисциплинарной власти, в объективной оценке службы личного состава, духовной близости командиров (начальников) к своим подчиненным, повседневной заботе об их нуждах и запросах, качественной подготовке военных кадров, эффективной системе стимулирования ратного труда.

В системе координационных отношений он проявляется через перестройку сознания каждого военнослужащего по дальнейшему улучшению и качественному выполнению своих прямых служебных обязанностей, создание и укрепление в воинских коллективах такой атмосферы, которая способствовала бы укреплению дружбы, взаимовыручки, уважению чести и достоинства личности военнослужащего.

Офицерам принадлежит ведущая роль в утверждении правовых основ воинского коллектива. От офицера в первую очередь зависит как строжайшее соблюдение всеми установленных правил и порядка, так и разумное, мудрое использование дисциплинарных прав в воспитательных целях [8].

В содержание понятия «гуманные» отношения (некоторые авторы употребляют термин «гуманистические») большинство военнослужащих вкладывают такие признаки, как взаимопонимание, взаимоуважение, человеколюбие, доброжелательность, доброта, чуткость, отзывчивость, заботливость, способность к сопереживанию, чувство антипатии ко всему злу, грубости, жестокости, стремление прийти на помощь и др. Гуманные отношения они соотносят с высоконравственными нормами, правилами поведения человека в обществе.

В силу своей специфики служба во внутренних войсках МВД России всегда предвзяла свои особые требования к личности офицера.

Во-первых, служба во внутренних войсках МВД России имеет высокую общественную значимость для общества и государства. В силу её значимости и

необходимости для государства данный вид деятельности признается одним из важных видов в системе государственной службы. В этой связи нельзя не согласиться с одним из лидеров декабристов П. Пестелем, который писал в «Русской правде», что «армия должна состоять из той части граждан, которые готовы пожертвовать собою для блага общества» [5].

Во-вторых, служба во внутренних войсках способствует углублённому пониманию таких слагаемых культуры, как осознание личной ответственности за судьбу страны, способствует формированию патриотизма, гордости за принадлежность к своему Отечеству и внутренним войскам МВД России. Это объективно способствует выработке у офицера внутренних войск таких качеств, как дисциплинированность, войсковое товарищество, братство, способность к самопожертвованию ради других, ответственность за судьбу подчиненных, отношение к подчиненным с позиций гуманизма.

Проходящие на современном этапе процессы реформирования внутренних войск МВД России предполагает выстраивание у офицерского состава такой системы ценностей, которая, с одной стороны, охватывала бы все сферы жизнедеятельности войск, а, с другой стороны – служила основой для обучения и воспитания военнослужащих, формировала положительные ориентиры военно-профессиональной деятельности командиров и начальников всех уровней и степеней.

Наибольшую актуальность приобретает следующая группа качеств:

а) духовно-нравственные, общесоциальные качества офицера (патриотизм, честность, правдивость, трудолюбие, отношение к людям с позиций гуманизма, скромность);

б) морально-боевые (целеустремлённость, ответственность, решительность, настойчивость, дисциплинированность, мужество, стойкость, самообладание, коллективизм, взаимовыручка, товарищество и др.);

в) качества военного специалиста, руководителя и организатора (компетентность, организаторские способности, распорядительность, умение владеть и управлять собой и подчинёнными в ситуациях мирного и военного времени, связанных с повышенной сложностью и напряжённостью) [7, с. 304–311].

Но поскольку реальный мир, отношения в нем далеки от совершенства, от практического гуманизма, важно находить те детерминанты в военно-служебной сфере, которые в данных условиях способствуют развитию гуманных отношений между военнослужащими. Таковыми могут быть следующие:

– благоприятные материальные, социальные, политические, духовные, правовые, организационные условия воинской службы, отвечающие возросшим потребностям военнослужащих, способствующие их гармоничному развитию и реализации способностей;

– гармонизация на межличностном уровне отношений подчиненности, в звене «начальники-подчиненные» на основе сочетания военного права и норм гуманности;

– соответствие содержания военного законодательства уровню развития демократических и гуманистических идей, взглядов в обществе, закрепление в нем принципа приоритетности прав человека в военной форме;

– роль офицеров – начальников, их личные человеческие качества: доброжелательность, отзывчивость, человекоуважение и т.п.; культура общения, умение организовать службу, заботясь одновременно о подчиненных.

Таким образом, проведенное нами исследование показывает, что офицер не может быть настоящим профессионалом, если он не личность, и в первую очередь потому, что его деятельность связана с людьми, с подчиненными, которые

хотели бы видеть в нем своего истинного лидера, пример для подражания. То есть мы должны готовить в одном и том же лице курсанта, как военного профессионала, так и разностороннюю духовно богатую личность. Только разносторонне развитая личность офицера способна совершенствовать свой профессионализм, управлять подчиненными, гуманизировать отношения воинских коллективов.

Библиографический список:

1. *Арнольдов А. И.* Введение в культурологию: Курс лекций. М.: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993.
2. *Браже Т. Г.* Гуманитарная культура взрослых: развитие в процессе непрерывного образования. СПб.: Тускарора, 2006.
3. *Гожиков В. Я.* Гуманитарная подготовка будущих офицеров в контексте модернизационных преобразований высшей военной школы // Армия и общество. 2011. № 3.
4. *Гюламирян К. А.* Гуманизм и справедливость в реформировании военной организации современного российского общества: Авт. дис... канд. филос. наук. Пермь, 1999.
5. *Дегтярев В. И.* Гуманизация отношений в воинских коллективах как диалектический процесс: Дис. ... канд. филос. наук. М., ГА ВС, 1993.
6. *Каган М. С.* Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.
7. *Левин Е. М., Беловолов В. А., Бунин С. В., Беловолова С. П.* Реализация в образовательном процессе военного вуза интегративного спецкурса «Профессиональная деятельность офицера внутренних войск» // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10.
8. *Лоза Г. Г.* Социальная справедливость как фактор сплочения социалистических воинских коллективов: Дис. ... канд. филос. наук. М.: ВПА, 1988.
9. *Никитин Л.* Ценности гуманизма универсальны // Общественные науки. 1991. № 6.
10. *Олейникова О. Д., Беловолов В. А.* Образование и культура в развитии современного общества // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 1.
11. *Панфилова Т. В.* О содержании понятия «гуманизм» // Философские науки. 1990. № 9.
12. *Сластенин В. А., Каширин В. П.* Психология и педагогика. М., 2001.
13. Философский словарь // Под ред. Фролова И. Т. Составители Апрышко П. П., Поляков А. П., Солодухин Ю. Н. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Современник, 2009.
14. *Чижиж П. И., Каверин Б. И.* Методологические основы исследования процесса формирования гуманитарной культуры в ВУЗе // Вестник военного университета. М., 2012. № 2.
15. *Швейцер А.* Упадок и возрождение культуры / Избранное. М.: Прометей, 1993.

Ю. В. Закаулова

Национальный университет «Львовская политехника», преподаватель кафедры иностранных языков, кандидат педагогических наук (79013, г. Львов, ул. Ст. Бандеры, д. 55; тел.: (032) 57-22-28; www.lp.edu.ua)

И. В. Зинчук

Национальный университет «Львовская политехника», преподаватель кафедры иностранных языков (79013, г. Львов, ул. Ст. Бандеры, д. 55; тел.: (032) 57-22-28; www.lp.edu.ua)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Целью данного исследования является вопрос формирования педагогической компетентности преподавателя в системе университетского образования. Компетентность педагога рассматривается как комплексное понятие, в связи с чем, особое внимание уделяется её составляющим – компетентностям, владение которыми позволяет говорить о конечном формировании педагога в личностном и профессиональном плане. Также, приведено различие понятий «педагогическая компетентность» и «педагогический профессионализм», которое основано не только на готовности следовать поставленным целям, но и умения их достичь. Особого внимания заслуживает определение компетентного педагога и неразрывно связанные с ним понятия педагогической этики, педагогической ответственности и развития.

педагогическая компетентность; компетентности; педагогический профессионализм; компетентный педагог; педагогическая этика

Современная система высшего образования ставит перед собой следующие цели: обеспечить своих выпускников необходимым багажом знаний по специальности, как практических, так и теоретических; подготовить компетентных специалистов, что означает – развить в них умение рационально использовать полученные знания, то есть, работать на результат; нести ответственность за процесс и результаты проделанной работы, анализировать ошибки, находить компромиссы, не останавливаясь на достигнутом, постоянно развиваться как в профессиональном, так и в личностном плане. Не последнее место среди обязательных навыков современного профессионала занимает владение иностранными языками. В век молниеносного развития высоких технологий, знание языка предопределяет способность специалиста эффективно использовать их в рабочем процессе, причём, в любой сфере трудовой деятельности. Важным фактором является и интеграция системы образования, которая находит своё отражение в международных программах сотрудничества научно-педагогического состава университетов со всего мира, в обмене профессорско-преподавательским составом и студентами, в проведении курсов повышения квалификации и социального развития в рамках системы непрерывного образования. И в этом случае знание иностранного языка – ключ к плодотворному сотрудничеству, основанному на взаимопонимании, способности свободно усваивать необходимую информацию, делиться опытом и научными разработками и т.п.

Роль преподавателя в современной системе высшего образования развивается от роли простого информатора, источника знаний, наставника до роли умелого руководителя, коллеги, мудрого советчика, основнозаставляющего которого – передать опыт следующему поколению, научить предмету и научить любить этот предмет, организовать педагогический процесс, учитывая социально-психологические особенности и личный опыт своих студентов, религиозные, культурные аспекты их воспитания, то, какие цели они ставят перед собой, начиная осваивать ту или иную специальность, помочь расставить приоритеты в соответствии с обозначенными педагогическими целями, усовершенствовать методы преподавания и анализировать свою работу и соответственно, работу студента. Выше упомянутые характеристики неразрывно связаны с понятием педагогической компетентности как обязательной составляющей модели современного педагога.

Обращаясь к вопросу о педагогической компетентности, необходимо брать во внимание тот факт, что это комплексное понятие, которое следует рассматривать в связи со многими его составляющими, а именно: педагогической этикой, этикой исследований, профессиональными знаниями, отлаженной вербальной коммуникацией и т.д. Однако, педагогическая компетентность – это не только обширный багаж знаний по предмету. Более весомым аспектом педагогической компетентности является способность применять альтернативные методы и технологии преподавания предмета [9], что требует от преподавателя критического отношения к своей профессиональной деятельности в аудитории, возможности разработки новых «путей к сердцу» слушателя, определения чётких целей образовательного процесса и оптимизации методов для достижения поставленных целей.

Не вызывает сомнений тот факт, что результативность педагогического процесса зависит от высокого мастерства преподавателя, его профессионализма и желания поделиться своим опытом со слушателем. Актуальность изучения вопроса педагогической компетентности в системе высшего образования обусловлена высокими требованиями общества к профессии педагога. Он должен не только владеть глубокими знаниями по предмету, уметь правильно применить свои профессиональные навыки и донести знания до студента, а также возбудить в последнем интерес к ним, показать, как можно стать активным участником педагогического процесса, развиваться, совершенствоваться, учиться.

Феномен педагогической компетентности изучался представителями национальной научной школы разных перспектив: с перспективы формирования профессиональной компетентности преподавателя как эффективного способа обеспечения качественного образования (Л. Мартынюк); с перспективы сопоставления понятий компетенции и компетентности и теории опыта (М. Головань, С. Скворцова, Я. Цимбалюк); с перспективы развития педагогической компетентности воспитателя в рамках начальной школы (Ю. Колос); с перспективы научной организации работы учеников под началом педагогически компетентного наставника (О. Анищенко); с перспективы формирования и развития профессионально-педагогической компетентности преподавателя в системе высшего образования (Н. Журавская, И. Зязюн, А. Пономарёв, В. Гайворонская) и др. Предметом нашего исследования является формирование педагогической компетентности преподавателя в системе университетского образования, который олицетворяет современную модель профессионала, способного объединить в себе профессиональные и личностные качества компетентного педагога.

Для лучшего понимания понятия педагогической компетентности, обратимся к результатам научных исследований в Украине. Итак, компетентность определяют как опытность в некоей отрасли, полноправность в решении проблемы, информированность относительно профессиональных вопросов, знание и авторитетность

человека, а также способность мобилизовать знания и опыт для рационального решения профессиональных задач в рамках трудовой деятельности [5]. Педагогическую компетентность понимают как симбиоз теоретических знаний и практических навыков (компетенций: социально-культурных, экономических, информационных, деловых, личностных и т.п.), необходимых для эффективной организации образовательного процесса. Как комплексное понятие педагогическая компетентность выходит далеко за рамки педагогического профессионализма. Последний предусматривает модель поведения, определённые цели и личностные характеристики, которые формируют образ профессионала, готового следовать поставленным целям, используя опыт и знания [8, с. 234]. Или же профессионализм стоит понимать как конечный результат процесса становления профессионала, личности, готовой эффективно использовать свои знания и опыт в рабочем процессе на благо общества. Затрагивая понятие педагогической компетентности, определим её как совокупность профессиональных и личностных характеристик, необходимых для гарантии соответствия поставленной педагогической цели (научить, проинформировать, проинструктировать и т.д.) умению преподавателя (профессионала) достичь её в полной мере в условиях рабочего процесса.

Анализ научных работ в данной сфере позволяет говорить отакой составляющей педагогической компетентности, как информационная профессиональная компетентность, суть которой в знании и умении использовать высокие технологии, также, работать с разными объёмами информации, обобщать, выделять главное и приоритетное, эффективно оперировать информационными ресурсами.

Важна и продуктивная компетентность, которая предполагает деятельность профессионала, направленную на получение результата, соответственно, умение организовать рабочий процесс так, чтобы ускорить достижение результата, а также, готовность нести ответственность за него.

Отдельную позицию выделяем для предметной компетентности, которую определяем как владение способами обучения в сфере специальности, «как совокупность навыков и умений, необходимых для стимулирования активности как отдельных обучающихся, так и коллектива в целом; сюда же относим умение выбрать правильный стиль и тон в общении, управлять вниманием, темпом деятельности учащихся» [5].

Одна из ведущих ролей отведена коммуникативной компетентности, которая предполагает наличие навыков коммуникации у преподавателя, крайне важных для установления обратной связи с аудиторией, умения работать с каждым для достижения общей цели, обеспечения взаимопонимания и взаимопомощи.

Социально-культурная и политическая компетентность раскрывает способность профессионала налаживать межчеловеческие отношения, с уважением относиться к представителям разных культурных и социальных слоёв населения, не пренебрегая при этом собственными культурными ценностями и социально-политическими взглядами.

Основополагающими составляющими педагогической компетентности являются и личностные качества педагога, а именно: вдохновение, самопожертвование, гибкость ума, умение работать в коллективе, заинтересовать слушателя, способность к продуктивной творческой деятельности, самоанализу и самооценке: «Одним из смыслов понятия «компетентность» является характеристика личностных качеств человека, владение компетенцией – некоторой нормой, достижение которой свидетельствует о возможности правильного решения некоторого задания, а компетентность определяем как оценку достижения (или не достижения) этой нормы» [1, с. 23–30].

Украинские учёные-педагоги утверждают, что вопрос профессиональной компетентности педагога очень актуален сегодня в условиях перехода к обществу знаний, приоритеты которого обусловлены необходимостью освоения новых знаний, в связи с чем компетентность рассматривают в «конструктивном и процессуальном аспектах и определяют её как целостный акт деятельности, который включает постановку цели, отбор способов для её достижения, планирование, исполнение и контроль» [2, с. 123–129]. А. Маркова считает, что компетентный педагог должен уметь подготовить для общества выпускника с необходимыми психологическими качествами. Последний должен осмысливать перспективность своей работы, быть довольным своей профессией и всегда оставаться верным ей, готовым к непрерывному профессиональному росту, должен проявлять себя как творческая личность, занимать социально-активную позицию в обществе, быть готовым к качественной оценке своих знаний и проделанной работы [4]. Ю. Шапран характеризует компетентность педагога как проявление психологического развития, креативности, саморазвития и самореализации; основными её характеристиками можно считать универсальность, социальность, многофункциональность, интеллектуальность [7].

Основной педагогической компетентности является правильно выстроенная система образования, организованная с учётом личностно-ориентированного, междисциплинарного и компетентностного подходов, что, в свою очередь, позволяет говорить о таких её функциональных характеристиках как: организация педагогического процесса на основе личных требований студента, с учётом его социально-психологических особенностей, возможность осваивать смежные специальности, таким образом, расширяя потенциальные возможности для трудоустройства, нацеленность на развитие в будущем специалисте ряда необходимых компетентностей, которые формируют модель современного конкурентоспособного профессионала. Ключевую роль здесь играет непрерывное образование, в рамках которого специалист получает возможность усовершенствовать знания и навыки в сфере своей профессиональной деятельности, а также повысить уровень профессиональной педагогической компетентности. По мнению Н. Мукач, основными принципами непрерывного профессионального образования педагога являются: обучение во время исполнения служебных обязанностей; обновление знаний по предмету, что способствует качественному развитию преподавателя; организация курсов повышения квалификации, доскональное изучение преподавателем истории и основ дисциплины, которую он преподаёт; осмысление нового контекста образования, ознакомление с новыми технологиями в образовательном процессе [3, с. 268].

Что же это значит – быть компетентным педагогом? Во-первых, всегда оставаться в курсе последних стратегий в преподавании. В данном случае важно обратить внимание не только на изменчивую природу знаний по предмету, но также и на необходимость применения новых, прогрессивных способов их изложения. Во-вторых, быть педагогически ответственным, что предполагает формирование критического отношения к образовательному процессу. Такое отношение предопределяет собственные цели преподавателя и студента относительно выбранной специальности, его желание осваивать те или иные горизонты знания, способность самостоятельно критически оценить результаты выполненной работы, правильно расставить приоритеты касательно методов освоения знаний и их рационального использования в процессе трудовой деятельности. Именно, ответственность компетентного преподавателя формирует общее отношение его учеников к образовательному процессу.

Итак, какие же цели ставит перед собой педагогическая компетентность преподавателя? Во-первых, передать научные и практические знания студенту с

помощью соответствующих методов обучения, развивая в последнем независимость мышления и мотивируя его для активного участия в образовательном процессе. Далее, важно выделить три основных интерактивных процесса для усваивания знаний, которые тесно связаны с навыками изучения предмета и посредником в образовательном процессе (преподавателем), который руководит или корректирует эти процессы [9]. Среди них выделяют визуальный, слуховой и практический интерактивные процессы, в соответствии с которыми мы можем говорить о разных уровнях владения знаниями. Первый уровень свидетельствует лишь о беглом ознакомлении с основными понятиями предметной области. В рамках второго уровня студент может объяснить их суть. Третий же уровень требует от студента способности использовать, применять и оперировать понятиями своей предметной области. Таким образом, важным заданием развития педагогической компетентности преподавателя является способность организовать образовательный процесс с учётом трёх соответствующих уровней овладения знаниями с целью формирования индивидуального подхода к каждому студенту в процессе обучения, разработки адекватных педагогических инструментов и позитивного отношения как к успехам, так и к поражениям или недоработкам студента, которые желательно рассматривать, принимая во внимание собственные профессиональные качества.

Важную роль в процессе передачи и овладения знаниями играет коммуникативный подход к организации образовательного процесса. Преподаватель, исполняя одновременно роль посредника при передаче знаний, а также источника знаний в процессе обучения, должен обладать такими человеческими качествами, как открытость для диалога, гибкость, терпение, готовность к сотрудничеству, настойчивость, организованность, ответственность, самокритичность, а главное, умение общаться с людьми. Именно последнее очень часто становится основополагающим фактором в формировании методов преподавания и потенциальных результатов преподавательско-студенческого сотрудничества.

Фактор, который предопределяет педагогическую компетентность, – педагогическая этика, – выражает способность преподавателя передавать студенту знания и прививать моральные ценности, принимая во внимание культурно-социальную базу последнего, его религиозные убеждения, происхождение, аспекты семейного воспитания, жизненный опыт, личные взгляды, кругозор и т.п.

Неизменной составляющей педагогической компетентности, по нашему мнению, является развитие студента как личности и профессионала в своей области. Со стороны преподавателя здесь важно обеспечить такие условия обучения, в которых усваивание материала происходит легко, однако требует индивидуального подхода и формирования независимого суждения студента о нём. Как же определить понятие «развитие» в данном случае? Если говорить о профессиональной его составляющей, называем развитием профессиональный рост студента, что предполагает изучение, осмысление, обоснование и использование предметного направления, формирование собственной точки зрения относительно последнего и рациональное использование знаний по специальности в профессиональной деятельности. Гораздо более сложным является вопрос личностной составляющей понятия «развитие». Эта составляющая раскрывает человеческие качества, которые помогают личности формироваться в процессе освоения профессии, а именно: познавать, самосовершенствоваться, утверждаться в рамках профессии, работать над ошибками, анализировать, принимать конструктивные решения, импровизировать, уметь слушать и слышать, а значит общаться, работать в коллективе и индивидуально и т.п. Таким образом, понятие «развитие» тут мы определяем как личностный и профессиональный рост, основой

котрого єть формироваєня соотвєтствующего отнoшеня к оосваиваемым зная и перспєктивам будущей профєссии.

Вопрос формироваєня педагогической компєтєтности преподавателя в системе университетского образования требует обеспечения повышения качества профессиональной и социально-педагогической подготовки педагогических кадров. Это можно объяснить функциональными изменениями в секторе высшего профессионального педагогического образования, которые вызваны необходимостью пересмотреть организацию педагогического процесса в целом. Его центром становиться личность, будущий специалист, который по окончании обучения должен владеть рядом соответствующих компєтєтностей. Овладеть последними возможно не только благодаря процессу освоения знаний и развития начальных практических навыков, поскольку многие из них появляются только лишь в процессе трудовой деятельности, то єть в процессе фактического применения профєссии, а также при продолжении обучения в системе непрерывного профессионального образования с целью повышения квалификации или переквалификации. Роль педагога в процессе подготовки квалифицированных кадров ключевая. Занимая жизненно активную и толєрантную позицию [6], принимая роль умелого руководителя, современный педагог должен проявить максимум творчества и личного профессионального опыта в организации педагогического процесса, обеспечивая студенту возможность работать над собственными ошибками, критически анализировать информацию, принимать независимые решения, работать в коллективе и делиться опытом и знаниями по специальности. Педагогическую компєтєтность определяем как процесс и результат непрерывного процесса развития, обучения и самосовершенствования в профессиональном и личностном плане, что выражается в освоении и владении рядом компєтєтностей, которые предопределяют активную социальную жизненную позицию, глубокие знания по специальности, желание и готовность развиваться и способность соотнести поставленную педагогическую цель с возможностью достичь её в рамках педагогического процесса.

Библиографический список:

1. Головань М. С. Компєтєнція і компєтєтність: досвід теорії, теорія досвіду // Вища освіта України. 2008. № 3.
2. Колос Ю. Зміст профєсійної компєтєтності вихователя у педагогічній спадщині А.С. Макаренка // Витоки педагогічної майстерності. 2013. №12.
3. Мукан Н. В. Неперервна педагогічна освіта вчителів загальноосвітніх шкіл: профєсійне становлення та розвиток (на иатєріалах Великої Британії, США): Монографія. Львів: Видавництво Національного університету «Львівська політехніка», 2010.
4. Маркова А. Доклад // Відкритий урок: розробки, технології, досвід // osvita.ua
5. Мартинюк Л. А. Формування профєсійної компєтєтності викладача як ефективний засіб забезпечення якості освіти // <https://www.google.com>
6. Пономарьов О. С., Гайворонська В. В. Особливості формування педагогічної компєтєтності майбутніх викладачів машинобудівних факультетів технічного університету // <https://www.google.com>
7. Шапран Ю. О. Форум педагогічних ідей «Урок» // <https://www.osvita.ua>
8. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 10th Edition.
9. Pedagogical Competence // <http://wordpress.oise.utoronto.ca>

Е. М. Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук, доцент (440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, д. 28; тел.: (8412) 49-72-77; office@pguas.ru)

РЕАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ И АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФИЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Одним из целевых ориентиров развития системы образования является переход от сложившейся системы образования к необходимому для создания социально-ориентированной экономики непрерывному профильному образованию. В статье рассматривается проблема реализации аксиологической и акмеологической направленности педагогического сопровождения личности в процессе профилизации образовательной среды. В качестве основной цели аксиологического компонента профилизации образовательной среды выделяется цель оказания помощи в выборе личностно значимой системы ценностных ориентаций, личностных смыслов. Акмеологический компонент профилизации предполагает учет социально-политических, социально-экономических условий для раскрытия и проявления личностных возможностей, всех способностей человека.

акмеология; аксиология; профилизация; образовательная среда; педагогическое сопровождение

Основываясь на положениях Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, одним из основных приоритетов социальной и экономической политики РФ в области развития человеческого потенциала является «структурная и технологическая модернизация образования и других отраслей социальной сферы, обеспечивающая доступность качественных социальных услуг для населения» [2].

Анализ научной психолого-педагогической литературы (Т. П. Афанасьева, Е. В. Воронина, Т. Б. Захарова, А. А. Кузнецов, Н. В. Немова, А. М. Новиков, А. А. Пинский, М. М. Поташник, Н. Ф. Родичев, С. Н. Чистякова и др.) свидетельствует о том, что достижение данных задач повышения доступности качественного образования, определенных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, возможна в условиях профилизации образовательной среды, предусматривающей усиление практической и профессионально-ориентированной направленности образования при сохранении основ его фундаментальности.

Концепция профилизации образовательной среды реализуется на основе **аксиологического, акмеологического, культурологического, системно-деятельностного, личностно- и профессионально-направленного** подходов, способствующая изменениям в структуре, содержании образовательного процесса и обеспечению инновационных основ его развития. Заключается в дифференциации теоретико-методологических и практических основ структуры, содержания и результативности профилизации образовательной среды.

Сущность процесса профилизации образовательной среды как процесса дифференциации образования на основе личностной и профессиональной ориентированности, *акмеологичности, аксиологичности* и системно-деятельностной реализации участников педагогического процесса за счет изменений в структуре, содержании, организации образовательного процесса и обеспечения инновационных основ его развития составляют ее взаимосвязанные структурные компоненты: целевой компонент процесса профилизации; его структура и содержание; условия и особенности его реализации, регулятивно-корректирующей и результирующий компоненты профилизации образовательной среды. Их совокупность раскрывает содержание теории и представляет научную основу для организации процесса профилизации образовательной среды.

Принцип дифференциации образования, положенный в основу профилизации образовательной среды, предполагает учет в процессе обучения индивидуальных особенностей, социальных и профессиональных интересов, способностей и потребностей личности учащегося во всех формах, методах, на всех этапах обучения (индивидуализация, личностная и профессиональная ориентированность обучения); оказание помощи в выборе лично-значимой системы ценностных ориентаций, личностных смыслов (*аксиологический компонент профилизации*); учет социально-политических, социально-экономических условий для раскрытия и проявления личностных возможностей, всех способностей человека (*акмеологический компонент профилизации*).

Аксиологический компонент профилизации образовательной среды имеет целью оказание помощи в выборе лично-значимой системы ценностных ориентаций, личностных смыслов (В. А. Сластенин, И. Л. Федотенко, Н. П. Фетискин и др.).

По мнению Г. А. Ворониной, профилизация образовательной среды направлена на реализацию лично-ориентированного учебного процесса с учетом интересов и склонностей учащихся и создает условия для обучения будущих специалистов в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями. Автором подчеркивается, что «формирование ценностного отношения к науке и научным знаниям в условиях профилизации образовательной среды способствует раскрытию системы аксиологических знаний и воспитанию ценностного отношения личности к науке, социуму, другой личности» [1, с. 7].

Согласно выводам, полученным в исследованиях Т. И. Шамовой, А. Н. Худина, Г. Н. Подчалимовой, И. В. Ильиной, С. Н. Беловой, руководитель профильной образовательной среды призван выстроить на «аксиологическом полотне» следующую иерархию ценностей, которые необходимо культивировать в профильной образовательной среде: общественные ценности, «инструментальные ценности», личностные ценности [4, с. 16].

В рамках социокультурных основ профилизации образовательной среды реализуются все вышеперечисленные уровни ценностей. Система ценностей профильного образования служит основой и критерием принятия и непринятия участниками образовательного процесса новых или уже выработанных ценностей. Чем богаче мир ценностей профильной образовательной среды, тем эффективнее и целенаправленнее идет отбор и приращение новых ценностей, их переход в мотивы поведения и деятельности участников образовательного процесса.

Акмеологические основы самореализации личности в контексте профилизации образовательной среды выражаются в переходе от деятельности безличностной парадигмы в анализе профессий и профессиограмм к переносу внимания на субъектные возможности личности профессионала и этапы ее становления

ния, что содействует целостному самовыражению личности. Этапы становления личности профессионала в условиях профилизации образовательной среды включают в себя, по мнению А. А. Деркач, Л. И. Божович, Н. В. Кузьминой и др., в качестве основы все этапы профильного обучения

Акмеология в рамках профильного обучения направлена на разработку критериев и технологий достижения оптимальных уровней развития личности будущего специалиста и способов достижения «вершин жизни» [3, с. 210].

Уровень эффективности реализации процесса профилизации образовательной среды был оценен нами на основе выделенных критериев, одним из которых стал критерий реализации аксиологической и акмеологической направленности педагогического сопровождения личности в процессе профилизации образовательной среды.

На этапе дошкольного образования эффективность профилизации образовательной среды оценивалась в соответствии с данным критерием на основе возможностей личности по совокупности показателей: уровень открытости взаимодействия участников образования; ценностное восприятие личности ребенка; эмоционально-волевое восприятие личности педагога в процессе взаимодействия; осознание дошкольниками необходимости активного социального действия; готовность дошкольника проявить учебные умения в стандартных ситуациях; уровень развития культуры самообслуживания ребенка. Результаты изучения рассматриваемого критерия на этапе дошкольного образования отражены в сводной таблице 1.

Таблица 1

**Эффективность профилизации образовательной среды
(в соответствии с критерием реализации аксиологической
и акмеологической направленности педагогического сопровождения
личности в процессе профилизации образовательной среды) на этапе
констатирующего эксперимента на уровне дошкольного образования**

Уро-вень про-явления	Показатели											
	Уровень открытости взаимодействия участников образования		Ценностное восприятие личности ребенка		Эмоционально-волевое восприятие личности педагога в процессе взаимодействия		Осознание дошкольником необходимости активного социального действия		Готовность дошкольника проявить учебные умения в стандартных ситуациях		Уровень развития культуры самообслуживания ребенка	
	КГ ¹	ЭГ ²	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Высок.	—	+	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—
Средн.	+	—	+	—	—	—	—	—	+	+	+	+
Низкий	—	—	—	—	+	—	+	+	—	—	—	—

Критерий реализации аксиологической и акмеологической направленности педагогического сопровождения личности в процессе профилизации образовательной среды был изучен нами также на этапе общего образования, показате-

¹ Контрольная группа – участники педагогического процесса, функционирующие в образовательных учреждениях, не входящих в состав профильного образовательного комплекса

² Экспериментальная группа – участники педагогического процесса, функционирующие в образовательных учреждениях, входящих в состав профильного образовательного комплекса

лями при этом выступили следующие возможности субъектов педагогического процесса: мотивация и направленность учащегося на учебную деятельность; ценность взаимного восприятия участников педагогического процесса; возможность соотнесения культуры педагога и школьника; осознание школьником социальной значимости учебного действия; готовность школьника проявить учебные умения в профессионально значимом аспекте; уровень развития культуры учебного труда. Получены следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

**Эффективность профилизации образовательной среды
(в соответствии с критерием реализации аксиологической
и акмеологической направленности педагогического сопровождения
личности в процессе профилизации образовательной среды) на этапе
констатирующего эксперимента на уровне общего образования**

Уровень проявления	Показатели											
	Мотивация и направленность учащегося на учебную деятельность		Ценность взаимного восприятия участников педагогического процесса		Возможность соотнесения культуры педагога и школьника		Осознание школьником социальной значимости учебного действия		Готовность школьника проявить учебные умения в профессионально значимом аспекте		Уровень развития культуры учебного труда	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Высокий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Средний	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	—	—
Низкий	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	+	+

Эффективность профилизации образовательной среды в соответствии с критерием реализации аксиологической и акмеологической направленности педагогического сопровождения личности была изучена также на этапе профессионального образования.

Показателями явились следующие возможности субъектной основы педагогического процесса: уровень компетентности взаимодействия участников педагогического процесса; ценностная значимость восприятия учащимися уровня готовности педагога к профессиональному действию; возможность соотнесения профессиональной культуры педагога и направленности учащегося на профессиональную деятельность; осознание учащимися профессиональной значимости учебного действия; готовность учащегося соотнести учебные и профессиональные действия; взаимосвязь учебной и профессиональной ситуации самоопределения личности учащегося.

Результаты изучения данного критерия отражены в таблице 3.

Исходя из результатов, полученных в ходе констатирующего этапа эксперимента, были определены цель и задачи формирующего этапа опытно-экспериментальной работы.

Целью формирующего этапа эксперимента явилась реализация модели и программы, основанных на представленной Концепции профилизации образовательной среды.

Таблица 3

**Эффективность профилизации образовательной среды
(в соответствии с критерием реализации аксиологической
и акмеологической направленности педагогического сопровождения
личности в процессе профилизации образовательной среды) на этапе
констатирующего эксперимента на уровне профессионального
образования**

Уро-вень прояв- ления	Показатели											
	Уровень компе- тентности взаимо- действия участни-ков педагоги- ческого про- цесса		Ценност-ная значи-мость восприя-тия учащими-ся уровня готов- ности педаго- га к профес- сиональному действию		Возмож-ность соотнесе-ния професси- ональной культуры педагога и направ- ленности учащегося на проф. деятель- ность		Осознание учащими-ся профес- сиональ-ной значимос-ти учебного действия		Готов-ность учащегося соотнести учебные и профес- сиональ-ные действия		Взаимо-связь учебной и профес- сиональ-ной ситуации самоопре- деления лич- ности учаще- гося	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Высок.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Средн.	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—
Низкий	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+

Задачами формирующего этапа эксперимента явились:

- осуществление опытно-экспериментальной проверки программы по реализации Концепции профилизации образовательной среды;
- реализация инновационной структуры и содержания взаимодействия компонентов профилизации региональной системы образования;
- реализация модели профилизации образовательной среды на основе условий, способствующих социально-педагогическому проектированию в рамках Концепции профилизации образовательной среды;
- формирование самодостаточной субъектной основы профилизации образовательной среды, на основе формирования ее готовности к деятельности в условиях профилизации образовательной среды.

Ведущими условиями эффективной реализации процесса профилизации образовательной среды определены: организация педагогического сопровождения профессионально-направленного развития личности учащегося; дифференциация педагогического процесса с учетом индивидуальных особенностей, социальных и профессиональных интересов, способностей и потребностей личности; формирование профессиональной мотивации личности к обучению в условиях профилизации образовательной среды; формирование готовности участников образовательного процесса к деятельности в условиях профилизации образовательной среды.

Сложившаяся структура многопрофильного образовательного комплекса не обеспечивает реализацию условий профилизации региональной системы. На основе внесения изменений в систему профильного образования (включение в структуру профилизации региональной системы образования учреждений дошкольного образования; обеспечение реализации горизонтальных связей между субъектами структуры комплекса; обеспечение реализации принципа преемственности в структуре взаимодействия секций комплекса по профилям; включение в структуру комплекса компонента по целенаправленному кадровому обеспечению профильных учебных заведений и др.) разработана и реализована инновационная структура профилизации образовательной среды.

Основываясь на приоритетном значении проектной деятельности в сфере образования (Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года), реализация разработанной Концепции профилизации образовательной среды осуществлялась на основе социально-педагогического проектирования, включающего в себя следующие проекты: «Интегративная преемственность профессионального образования», «Одаренные дети» – архитектура», «Образ «Я» в иноязычной культуре», «Комплексная поэтапная система непрерывной практической подготовки и трудоустройства студентов высших учебных заведений» и др.

Результаты изучения рассматриваемого критерия по завершению формирующего эксперимента на этапе дошкольного образования отражены в сводной таблице 4.

Таблица 4

**Эффективность профилизации образовательной среды
(в соответствии с критерием реализации аксиологической
и акмеологической направленности педагогического сопровождения
личности в процессе профилизации образовательной среды)
на этапе результативно-оценочного эксперимента
на уровне дошкольного образования**

Уровень проявления	Показатели											
	Уровень открытости взаимодействия участников образования		Ценностное восприятие личности ребенка		Эмоционально-волевое восприятие личности педагога в процессе взаимодействия		Осознание дошкольником необходимости активного социального действия		Готовность дошкольника проявить учебные умения в стандартных ситуациях		Уровень развития культуры обслуживания ребенка	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Высок.	—	+	—	+	—	+	—	+	—	—	—	—
Средн.	+	—	+	—	—	—	—	—	+	+	+	+
Низк.	—	—	—	—	+	—	+	—	—	—	—	—

Качественное изменение проявлений выделенных показателей данного критерия в экспериментальной группе обусловлено реализацией разработанной Концепции профилизации образовательной среды. Так, повышение уровня проявления показателя открытости взаимодействия участников образовательного процесса связано с деятельностью членов инновационной структуры профилизации региональной системы образования, основанной на использовании возможностей «вертикальных» и «горизонтальных» связей внутри многопрофильного комплекса и между аналогичными комплексами других регионов.

Субъект-субъектные отношения между участниками образовательного процесса в условиях педагогического сопровождения развития личности дошкольника способствовали повышению уровня ценностного восприятия ребенка и эмоционально-волевого восприятия личности педагога в процессе взаимодействия. Предоставление дошкольникам возможности самореализации в условиях социально-педагогического проектировании (проекты «Одаренные дети» – архитектура), «Интегративная преемственность профессионального образования» и др.) повысило уровень осознания дошкольником необходимости активного социального действия. Показатель готовности дошкольника проявить учебные умения в стандартных ситуациях и показатель уровня развития культуры обслуживания ребенка реализуются на среднем уровне. Однако, процентное

соотношение внутри уровней (уменьшение количества дошкольников с низким уровнем проявления данных показателей и увеличение – с высоким и средним уровнями) является результатом работы, организованной в рамках формирующего эксперимента в целях решения задачи формирования готовности участников образовательного процесса к деятельности в условиях профилизации образовательной среды, а именно: организация занятий детей с учителями начальной школы Университетского учебного комплекса, занятия детей с психологами Ассоциации, организация тренингов с родителями по вопросам профилизации образования и др.

Критерий реализации аксиологической и акмеологической направленности педагогического сопровождения личности в процессе профилизации образовательной среды был изучен нами также на этапе общего образования. Исходя из данных исследования (табл. 5), все показатели исследуемого критерия проявляются в экспериментальной группе на высоком уровне.

Таблица 5

**Эффективность профилизации образовательной среды
(в соответствии с критерием реализации аксиологической
и акмеологической направленности педагогического сопровождения
личности в процессе профилизации образовательной среды) на этапе
результативно-оценочного эксперимента на уровне общего образования**

Уровень проявления	Показатели											
	Мотивация и направленность учащегося на учебную деятельность		Ценность взаимного восприятия участников педагогического процесса		Возможность соотнесения культуры педагога и школьника		Осознание школьником социальной значимости учебного действия		Готовность школьника проявить учебные умения в профессионально-значимом аспекте		Уровень развития культуры учебного труда	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Высок.	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
Средн.	+	–	+	–	–	–	+	–	–	–	–	–
Низк.	–	–	–	–	+	–	–	–	+	–	+	–

Высокий уровень реализации показателя мотивации и направленности учащихся на учебную деятельность, показателя осознания школьником социальной значимости учебного действия, показателя готовности школьника проявить учебные умения в профессионально-значимом аспекте, показатель уровня развития культуры учебного труда является результатом работы по формированию готовности личности к деятельности в условиях профилизации образовательной среды, а именно: организация педагогического сопровождения профессионально-направленного развития личности учащегося с учетом его индивидуальных особенностей, социальных и профессиональных интересов, способностей и потребностей.

Повышение уровня реализации данных показателей стало возможным также благодаря организованной в рамках реализации Концепции профилизации образовательной среды работы по формированию самостоятельной субъектной основы личности в условиях профилизации, в частности, благодаря использованию средств предметной подготовки. Высокий уровень показателей ценностного взаимного восприятия участников педагогического процесса и возможностей соотнесения культуры педагога и школьника был достигнут на основе субъект-

субъектных отношений участников педагогического процесса в условиях реализации инновационной структуры профиликации региональной системы образования.

Эффективность профиликации образовательной среды в соответствии с критерием реализации аксиологической и акмеологической направленности педагогического сопровождения личности была изучена также на этапе профессионального образования (табл. 6).

Таблица 6

**Эффективность профиликации образовательной среды
(в соответствии с критерием реализации аксиологической
и акмеологической направленности педагогического сопровождения
личности в процессе профиликации образовательной среды) на этапе
результативно-оценочного эксперимента на уровне профессионального
образования**

Уровень проявления	Показатели											
	Уровень компетентности взаимодействия участников педагогического процесса		Ценностная значимость восприятия учащимися уровня готовности педагога к профессиональному действию		Возможность соотнесения профессиональной культуры педагога и направленности учащегося на профессиональную деятельность		Осознание учащимися профессиональной значимости учебного действия		Готовность учащегося соотнести учебные и профессиональные действия		Взаимосвязь учебной и профессиональной ситуации самоопределения личности учащегося	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Высок.	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
Средн.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Низк.	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—

Преимуществом высокого уровня проявления всех показателей данного критерия на этапах общего (табл. 5) и профессионального (табл. 6) образования является результатом продолжения использования возможностей инновационной структуры профиликации региональной системы образования (интеграция и координация деятельности учебных заведений различного уровня в вопросе профессионального становления личности) на основе социально-педагогического проектирования: проекты «Интегративная преемственность профессионального образования», «Реализация принципа непрерывности подготовки в условиях деятельности многопрофильного образовательного комплекса» и др.

Педагогическое сопровождение профессионально-направленного развития учащихся в рамках данных проектов, начиная с этапов дошкольного и общего образования, его продолжение на качественно новом уровне на этапе профессионального образования позволили повысить уровень осознания студентами профессиональной значимости учебного действия, их готовность соотнести учебные и профессиональные действия, степень взаимосвязи учебной и профессиональной ситуации самоопределения личности студента.

Таким образом, реализация аксиологической и акмеологической направленности педагогического сопровождения личности в процессе профиликации образовательной среды способствует повышению эффективности профиликации образовательной среды на этапах дошкольного, общего, профессионального образования.

Библиографический список:

1. *Воронина Г. А.* Элективные курсы: алгоритмы создания, примеры программ: практическое руководство для учителя. М.: Айрис-пресс, 2006.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации.
3. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997.
4. *Шамова Т. И., Худин А. Н. и др.* Управление профильным обучением на основе личностно ориентированного подхода. М.: Центр «Педагогический поиск», 2006.

Е. Э. Воропаева

Ивановский государственный университет, филиал в г. Шуя, кафедра информационных систем и технологий, аспирант

МОДЕЛЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье предложена модель совершенствования готовности педагога к инновационной деятельности, целью которой является профессиональное развитие педагогов. Модель реализована в условиях реальной школьной практики.

готовность к инновационной деятельности; модель совершенствования готовности к инновационной деятельности

Актуальность проблемы готовности педагогов к реализации инноваций становится очевидной в связи с интенсивными инновационными процессами, осуществляемыми в образовательных учреждениях в современных изменяющихся условиях. Вместе с тем, исследования в области инновационной педагогики показывают, что в настоящее время существует ряд проблем, касающихся внедрения инновационных процессов в образовательном учреждении. Приходится отметить, что педагогический коллектив традиционной общеобразовательной школы находится на низком уровне восприимчивости к педагогическим инновациям, слабо развита готовность к освоению нового, знания педагогов в области педагогической инноватики характеризуются как поверхностные. Таким образом, налицо противоречие между существующим заказом на творческую (инновационную) деятельность педагогов образовательного учреждения с одной стороны и имеющимися трудностями в практическом выполнении этого с другой стороны.

Все выше изложенное позволило нам определить тему исследования: «Динамика готовности педагога к инновационной деятельности как условие профессионального развития».

Как известно, к числу ведущих методов познания и преобразования социальных и профессиональных объектов относят моделирование. «Модель — это наглядное пособие или схема, представляющая собой изображение предмета, процесса или явления при некоторой схематизации и условности изобразительных средств» [3, с. 325]. В широком смысле модель — это описание, которое отражает реальность до уровня абстракции. Педагогическая модель — это модель педагогической деятельности, в которой представлен замысел ожидаемого результата, определен его смысл, дана характеристика средств и условий, необходимых для реализации ожидаемого результата, указаны субъекты деятельности [2, с. 89].

Данное определение мы приняли за основу при разработке модели совершенствования готовности педагогов к инновационной деятельности (рис.1). В свою очередь, процесс моделирования выступает как метод исследования объектов познания на их моделях. При построении модели совершенствования готовности педагогов к инновационной деятельности мы опирались на системный и личностно-деятельностный подходы, которые позволили рассматривать элементы и части в единстве, во взаимодействии ее компонентов.

Применение системного подхода в качестве методологической основы нашего исследования обусловлено несколькими моментами. Во-первых, данный под-

ход позволяет рассматривать ключевое понятие исследования «совершенствование готовности педагогов к инновационной деятельности» как системное явление, имеющее сложную структуру, элементы которой находятся во взаимосвязи и взаимозависимости; во-вторых, – установить взаимосвязь компонентов модели, которые обеспечат успешную реализацию данной модели [1].

Личностно-деятельностный подход в нашем исследовании позволяет решить основную задачу – создание условий для формирования готовности педагогов к реализации инновационной деятельности в процессе работы с педколлективом. Совершенствование готовности строится с учетом личностных особенностей педагогов [4].

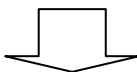
В основе построения модели мы опирались на теорию В. А. Сластенина и Л. С. Подымовой, формирование готовности учителя к инновационной деятельности (В. А. Кан-Калик, М. М. Поташник, В. А. Сластенин, О. Г. Хомерики и др.), организация, общие и специфические особенности инновационной педагогической деятельности (К. А. Абульхорова-Славская, Ф. Н. Гоноболин, В. И. Загвязинский, Н. В. Кузьмина, Ю. Н. Кулюткин, Я. А. Пономарев, А. И. Щербаков и др.). Психологическим условием широкого распространения педагогических инноваций является готовность педагогов к профессиональным новшествам, их стремление к творческой самореализации (А. А. Деркач, Г. С. Михайлов, Г. С. Сухобская).

Рисунок 1

Структурная модель совершенствования готовности педагога к инновационной деятельности

Целевой компонент

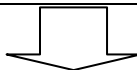
Цель: повышение уровня профессионально-педагогической компетентности педагогов в области инновационной педагогической деятельности:
мотивационной (повышение мотивации, развитие потребности в инновационной деятельности, направленность на нерывное углубление и обновление инновационных знаний и умений);
когнитивной (повышение информационной осведомленности в сфере педагогической инноватики, приобретение умений и навыков по применению инновационных педагогических технологий);
деятельностной (расширение комплексности умений по применению инновационных технологий.);
личностной (повышение уровня самообразования педагогов, развитие творческих способностей, формирование рефлексивной позиции)

Организационно-содержательный компонент

Содержание: приобретение профессиональных знаний и навыков в области инноватики
 Мотивация → Теория → Деятельность → Компетентность

1. Осознание противоречий, постановка проблемы, выработка плана действий;
2. Знания об инновационных моделях и технологиях;
3. Применение средств и приемов деятельности;
4. Включенность в инновационную деятельность

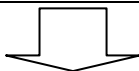

Методический компонент

Методы: контроля, совместной деятельности, объяснительно-иллюстративный, проблемного обучения.

Средства: печатные, электронные, аудиовизуальные

Формы: лекции, консультации, самостоятельная работа, социально-психологические тренинги, курсовая подготовка (лекции и семинары), деловые игры, посещение и анализ уроков, индивидуальная методическая помощь, семинары-конференции, педагогические тренинги.

Критериально-оценочный компонент

Критерии формирования готовности педагогов к инновационной деятельности:			
Мотивационный;	ПОКАЗАТЕЛИ	Наличие познавательного интереса к инновационным педагогическим технологиям; осознанная потребность в разработке и реализации инноваций; сформированность целей собственной инновационной деятельности; наличие высокого уровня восприимчивости к нововведениям; желание участвовать в создании, реализации и распространении педагогических инноваций;	
Когнитивный;		знания целей, задач, способов инновационной деятельности, методов работы;	
Деятельностный;		наличие конструктивных и проектировочных умений, организованность, владение и умение применять на практике инновационные педагогические технологии;	
Личностный.		активность, открытость к инновациям, умение анализа собственной деятельности, способность к самосовершенствованию.	
Уровни готовности к инновационной деятельности			
начальный	низкий	средний	высокий
Результат: совершенствование готовности педагога к инновационной деятельности			

Модель совершенствования готовности педагога к инновационной деятельности представляет собой совокупность взаимосвязанных компонентов: *целевого* (представлен единством цели и системы задач, комплексное решение которых обеспечивает ее достижение), *организационно-содержательного* (включающего существенные аспекты содержания работы с педагогами, этапы совершенствования готовности педагогов, педагогические условия (создание инновационной среды, мониторинг готовности педагогов к реализации инновационной деятельности, проектирование программы по реализации модели совершенствования готовности педагогов к инновационной деятельности), *методического* (отражающего методы, средства и формы работы с педагогическим коллективом) и *критериально-оценочного* (раскрывающего основные критерии совершенствования готовности педагогов к инновационной деятельности, включающего уровни готовности педагогов к ней и конечный результат), последовательная реализация которых обеспечивает эффективность процесса совершенствования готовности педагогов к инновационной деятельности.

Первым структурным элементом модели является целевой. Цель определяем как повышение уровня профессионально-педагогической компетентности педагогов в области инновационной педагогической деятельности:

В качестве задач формирования готовности к организационно-управленческой деятельности в учебном процессе вуза нами рассматриваются:

- повышение мотивации, развитие потребности в инновационной деятельности, направленность на непрерывное углубление и обновление инновационных знаний и умений;

- повышение информационной осведомленности в сфере педагогической инноватики, приобретение умений и навыков по применению инновационных педагогических технологий;

- расширение комплексности умений по применению инновационных технологий;
- повышение уровня самообразования педагогов, развитие творческих способностей, формирование рефлексивной позиции.

Организационно-содержательный элемент представлен в модели содержания внутришкольного обучения педагогов. Совершенствование у педагогов готовности к инновационной деятельности проводится поэтапно:

1. Осознание противоречий, постановка проблемы, выработка плана действий;

2. Знания об инновационных моделях и технологиях;

3. Применение средств и приемов деятельности;

4. Включенность в инновационную деятельность

Методический элемент модели определяет выбор форм, средств и методов обучения педагогов.

В качестве системы *методов* мы избрали: 1) объяснительно-иллюстративный (вводные беседы) – для формирования представления об изучаемой проблеме; 2) методы совместной деятельности (мозговая атака, дискуссии, моделирование ситуаций), позволяющие решать ситуативные задачи и получать комплекс необходимых исследовательских умений; 3) методы проблемного обучения (деловые игры, проблемные задания и коммуникативные тренинги), моделирующие реальные проблемные ситуации, возникающие в педагогической практике; 4) методы контроля (тестирование, итоговые обсуждения, конференции, презентации). Формирование у педагогов компонентов готовности к инновационной деятельности проводилось на основе установленных в модели задач.

Мы определили содержание основных компонентов готовности педагогов к инновационной деятельности следующим образом:

Мотивационный компонент – потребность и стремление к профессиональному саморазвитию в области инновационной деятельности, личностному росту через повышение образовательного уровня в вопросах инноватики. Характеризуется отношением педагогов к проблеме необходимости внедрения инновационных технологий в образовательный процесс, устойчивым интересом к теоретическим проблемам, научным исследованиям и практической деятельности в области инноваций.

Когнитивный компонент – базовый уровень и качество знаний, степень информированности по вопросам инноватики. Характеризуется уровнем теоретических, практических и методических знаний педагога, степенью владения и умением оперировать основными понятиями, категориями и закономерностями в области инновационной деятельности.

Личностный компонент включает способность к адекватной оценке себя как личности, профессионала, субъекта образовательного процесса в области инновационной деятельности, творческие способности. Деятельностный компонент включает степень владения умениями и навыками в сфере инновационной деятельности. Данный компонент характеризуется умениями перевести знания в область практического применения.

Все компоненты имеют критерии оценки и соответствующие показатели. Мотивационный критерий готовности к инновационной деятельности мы определяем первым и системообразующим, поскольку от мотивации зависит активность личности, направленность ее дальнейшей деятельности. Мотивационный критерий указывает на самореализацию личности педагога как профессионала в инновационной деятельности, на уровень восприимчивости к нововведениям, на потребность в создании инноваций как нового способа решения педагогических

проблем. Данный критерий определяется следующими показателями: наличие познавательного интереса к инновационным педагогическим технологиям; осознанная потребность в разработке и реализации инноваций; сформированность целей собственной инновационной деятельности; наличие высокого уровня восприимчивости к нововведениям; желание участвовать в создании, реализации и распространении педагогических инноваций.

Следующим критерием готовности к инновационной деятельности является когнитивный. Данный критерий определяется следующими показателями: знания целей, задач, способов инновационной деятельности, методов работы. Совокупность данных показателей характеризует знания педагога об инновационных технологиях и умение логического построения этапов и реализации конструкта инновации на практике.

Следующим критерием готовности к инновационной деятельности выступает деятельностный. Деятельностный критерий связан с реализацией деятельности, формированием функциональных систем действий; отражает функциональный состав формируемых умений. Данный критерий определяется следующими показателями: наличие конструктивных и проектировочных умений, организованность, владение и умение применять на практике инновационные педагогические технологии.

Следующим критерием готовности к инновационной деятельности выступает личностный. Данный критерий определяется следующими показателями: активность, открытость к инновациям, умение анализа собственной деятельности, способность к самосовершенствованию.

Критерии и показатели готовности педагога к инновационной деятельности позволяют определить содержание готовности и пути оценки деятельности педагога, а также динамику ее развития в ходе профессионального развития педагога.

На основе данных критериев и показателей выделены уровни готовности к инновационной деятельности педагога: начальный (незначительный интерес или его отсутствие у педагога к инновационной деятельности, отсутствие системы знаний об инновационных технологиях в выбранной специальности и собственном инновационном потенциале, случайная, стихийная реализация инновационной деятельности или её отсутствие, отсутствие индивидуального стиля деятельности), низкий (неустойчивый интерес к инновационной деятельности, разрозненная система знаний об инновационных технологиях и собственном инновационном потенциале, не достаточно системная и продуманная реализация инновационной деятельности, но в работе присутствуют элементы индивидуального стиля деятельности), средний (устойчивый интерес к инновационной деятельности, сформированная система знаний об инновационных технологиях в выбранной специальности и собственном инновационном потенциале, системная реализация инновационной деятельности, индивидуальный стиль инновационной деятельности у педагога) и высокий (владение высокой мотивацией, свободное владение и творческое использование знаний об инновационных технологиях, наличие творческой деятельности у педагога).

При проектировании модели учитывались результаты первичной диагностики, полученные в ходе научного поиска, данные об особенностях профессиональной деятельности педагогов школы, которые определяются взаимообусловленностью личностно-ориентированного и профессионального аспектов.

Проблему совершенствования готовности педагогов к инновационной деятельности в современных условиях мы относим к одной из важнейших задач образования.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что на основе выявленной проблемы, ее особенностей, анализа изученной психолого-педагогической литературы и проведенных исследований нами были обоснованы теоретические подходы и внедрена модель совершенствования готовности педагогов к инновационной деятельности. Проведенный эксперимент подтвердил результативность данных подходов к совершенствованию готовности педагога к инновационной деятельности при реализации системы внутришкольного обучения, нацеленной на развитие творческой индивидуальности каждого педагога и всего педагогического коллектива. Подтверждено, что процессы совершенствования готовности и профессионального развития неразрывно взаимосвязаны: повышение мотивации педагогов сопровождается повышением уровня профессиональной зрелости педагогов.

Библиографический список:

1. *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
2. *Михеев В. И., Потапова А. Ю.* Методы измерения в педагогических исследованиях. М.: Издательский центр АПО, 2002.
3. *Словарь иностранных слов.* 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1998.
4. *Смирнов С. Д.* Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 1995.

Н. С. Гарькавец

Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля, аспирант кафедры социальной и практической психологии, магистр психологии (91034, Украина, г. Луганск, кв. Молодежный, д. 20-а; тел.: ((0642) 41-72-05, (0642) 41-22-25; uni@snu.edu.ua)

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ УКРАИНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ, КОТОРОЕ ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ

В статье рассматриваются особенности ценностных ориентаций юношей и девушек, которые обучаются в высших учебных заведениях Восточной и Южной Украины. Приведены результаты эмпирического исследования, в котором были выявлены ценности, выступающие действенными факторами активизации поведения студенческой молодежи в условиях социальных перемен, что происходит в украинском обществе. Установлено, что конфигурация ценностных ориентаций студенческой молодежи имеет наибольшую амплитуду своего роста в зоне ценностей индивидуалистической направленности. Выяснено, что в ценностных ориентациях юношей и девушек имеются расхождения, которые выражаются в большей склонности первых ориентироваться на индивидуалистические ценности или ценности перемен, а вторых – на традиционные, коллективистские или ценности сохранения. Констатировано, что процесс ценностных преобразований в украинском обществе имеет сложный характер, а между молодым и старшим поколениями увеличивается аксиологический разрыв.

гендерные различия; социальная активность; студенческая молодежь; ценностные ориентации; ценностно-смысловая сфера

Ценностные ориентации являются важным элементом адаптации индивида к социальной среде, его приспособления к материальным и духовным достижениям общества, членом которого он является, и они олицетворяют индивидуальные убеждения, предпочтения и установки, которые определяют выбор социальной активности человека вообще и отдельных его поступков, в частности.

Вместе с этим, в условиях постсоветских трансформаций, в украинском обществе произошли значительные редукции ценностно-смысловой сферы его членов, которые привели к возникновению тенденций крайнего примитивизма, цинизма, пренебрежения, грубости и жестокости. Это прослеживается как на уровне исторической памяти, так и на уровне макросоциальных отношений, взаимодействия между отдельными людьми и социальными группами.

Девальвация советских ценностей привела к тому, что и сегодня значительное число украинских граждан, которые находятся в ситуации ценностно-смысловой неопределенности, испытывают повышенную тревожность, апатию, отчужденность и агрессию [1, с. 37]. При таких условиях особое значение приобретает проблема формирования ценностных ориентаций современной молодежи и особенно той ее части, которая составляет ее элиту – студенчества. При этом перед студенческой молодежью стоит проблема выбора ценностей и смыслов, которые могли бы обеспечить их необходимыми, эффективными аксиологическими средствами существования, способными конструктивно направлять их социальную активность. Вместе с этим в условиях социальных трансформаций, юноши и девушки

довольно часто попадают под противоречивые социальные влияния, которые способствуют формированию у них неустойчивой системы ценностей, в основном состоящей из ситуационных или лабильных ценностей.

Таким образом, проблема формирования ценностно-смысловой сферы студентов, в постсоветском трансформирующемся поликультурном пространстве является актуальной и одновременно сложной задачей для психолого-педагогической науки и практики, а ее решение зависит от эффективного функционирования всех социализирующих институтов.

Как известно в социальной психологии под ценностями понимаются определенные групповые нормы и требования, которыми овладевает индивид в процессе социализации. При этом ценностные ориентации определяют вид социальных установок для оценки субъектом окружающей действительности, а также способ дифференциации объектов на основе их предпочтительности. В целом, ценностные ориентации являются важным элементом психологической структуры личности. Они закреплены в жизненном опыте индивида и способствуют отделению релевантного от не релевантного, существенного от не существенного [5, с. 477–508].

Считается, что ценности и ценностные ориентации являются устойчивыми убеждениями индивида, которые определяют специфический вид поведения, являюся личносно и социально более желательным, нежели противоположное или обратное. При этом ценности относятся к желательным или конечным целям или поступкам, которые выходят за границы конкретных ситуаций и управляют выбором/оценкой поведения и событий [6, с. 94].

Как известно, в изучении ценностных ориентаций индивида применяется несколько подходов. Например, согласно подходу М. Рокича, ценности разделяются на два класса: терминальные – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремится; инструментальные – убеждения в том, что какой-то способ действий или свойство личности является лучшим у любой ситуации [7, с. 48].

В концептуализации Ш. Шварца ценностные убеждения рассматриваются в качестве психологических образований, которые иерархично представлены в структуре личности, в качестве ее элементов. При этом ценности соотносятся с человеческими потребностями и мотивами, отличаются своей доминантностью, образуют десять доменов, которые являются отражением различных типов ценностных ориентаций индивида и две дихотомии ценностных убеждений (ценности сохранения – ценности перемен, ценности самоопределения – ценности самовозвышения) [8, с. 878–891].

В соответствие с подходом В. А. Ядова ценностные ориентации выступают вершиной иерархии всех диспозиций личности и составляют высший диспозиционный уровень [4, с. 49–66]. Ценностные ориентации имеют внутреннюю иерархию и подразделяются на ценности, которые формируют жизненные цели (ценности-цели ближние и дальние) и ценности-средства, которые соотносятся с нормами поведения или эталонами должного отношения.

В культурологическом подходе ценности рассматриваются как элементы определенной культуры. Так, представитель культурной антропологии М. Мид под ценностями понимала личные пристрастия индивида определенной культуры, который привносит их в социокультурное пространство, в качестве информации [9, с. 47–49]. При этом индивидуальные ценности выступают результатом принятия индивидом определенных убеждений, выработанных в процессе культурного развития общества. В зависимости от типа культуры Мид выделила три основных типа ценностных ориентаций: постфигуративные (младшее поколение учится у

старшего, дети у своих родителей), кофигуративные (дети и взрослые учатся у своих сверстников) и префигуративные (взрослые учатся у своих детей).

Как отмечают украинские исследователи, данная классификация имеет подтверждение на уровне сегодняшних социальных экстраполяций в поликультурном украинском социуме, где количество кофигуративных и префигуративных элементов культуры постепенно начинает преобладать над постфигуративными [1, с. 273–274]. При этом в ходе проведенного эмпирического исследования мы также обнаружили тенденцию к «кофигурации» и «префигурации» ценностей в украинском обществе.

Логика эмпирического исследования предусматривала использование таких психологических методик, как тест SVI («Szwartz value inventory») Ш. Шварца в адаптации В. М. Карандашева [2], опросник терминальных ценностей (ОТеИ) И. Г. Сенина [3], тест М. Рокича (RVS – «Rokeach Value Survey») в адаптации В. А. Ядова [4, с. 49–66]. На следующем этапе исследования, между результатами тестовых измерений были установлены корреляционные связи, на основании которых была определена релевантность ценностных выборов респондентов. Группы респондентов составили студенты 4–5 курсов обучения Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля и его филиалов в городах Евпатории и Феодосии АР Крым. Всего в исследовании приняли участие 350 студентов, из которых 40% составили юноши, а 60% – девушки.

На основе результатов полученных по тесту Ш. Шварца было установлено, что ценностными приоритетами большинства студентов выступают типы ценностей «самостоятельность», «стимуляция» и «достижения» (см. табл. 1). Приоритет ценностей «самостоятельность», которые являются производной потребностей в самоконтроле и самоуправлении, свидетельствует об ориентации респондентов на ценности автономии и независимости, а также определяет их склонность к самостоятельному выбору способов действий в социально-перцептивных ситуациях.

Таблица 1

Результаты оценки терминальных ценностей в группах респондентов по тесту Ш. Шварца

Типы ценностей	Группы респондентов (N=350)			
	Юноши		Девушки	
	ранг	количество <%	ранг	количество <%
Самостоятельность	1	60	1	55
Стимуляция	2	40	3	45
Достижения	3	60	4	55
Гедонизм	10	80	10	75
Власть	7	45	9	55
Безопасность	4	40	5	50
Конформность	8	40	6	60
Традиции	9	35	8	60
Благосклонность	5	40	2	65
Универсализм	6	20	7	40

Приоритет ценностей «стимуляция» предусматривает разнообразие, новизну и склонность к риску респондентов, что полностью согласуется с их возрастными особенностями. Вместе с этим, это свидетельствует о стремлении юношей и девушек к изменению параметров собственного существования (в частности, социально-экономических, политических, правовых и т. д.), что всегда сопровождается принятием решений, имеющим определенные риски, но, вместе с этим, и принятия ответственности на себя.

Релевантность ценностей «достижения», свидетельствует о наличии у студентов потребности в самореализации, что может переплетаться с их честолю-

бием и желанием обладать успехом в личной, профессиональной и общественной деятельности.

При этом необходимо отметить, что результаты нашего исследования в определенной степени согласуются с результатами, полученными российским исследователем Н. А. Буравлевой [10, с. 124–129]. Вместе с этим в украинских студентов в отличие от российских абсолютно не релевантным выступает такой тип ценностей, как «гедонизм» (удовольствие, наслаждение жизнью) (10 и 6 ранги, соответственно). Как мы считаем, это может свидетельствовать о большей целеустремленности украинских студентов в совершенствовании себя и всего, что связано с их личностным и профессиональным ростом, удовлетворении потребности в самореализации.

Однако следует отметить и то, что наши результаты расходятся с моделью универсальной структуры ценностей предложенной Ш. Шварцем, что может свидетельствовать о многомерности ценностных экстраполяций и влияния национальных особенностей на их структурирование.

Констатируется, что у девушек, в отличие от юношей, более релевантными выступают типы ценностей «благосклонность» ($\varphi=1,62$; $p\leq 0,05$) и «конформность» ($\varphi=1,57$; $p\leq 0,05$) и менее – «власть» ($\varphi=1,89$; $p\leq 0,05$). Как мы считаем, выявленные отличия акцентируют гендерные особенности ценностных ориентаций респондентов. Кроме этого, у юношей наблюдается тенденция к большей кофигурации и префигурации ценностных ориентаций (<60%), чем у девушек (<30%).

Отмеченные результаты согласуются с результатами, полученными по методике И. Г. Сенина. Большинство, как юношей, так и девушек предпочитают «высокий уровень материального обеспечения» (<80%), «достижения» (<75%) и «сохранение индивидуальности» (<73%), что дополнительно подтверждает стремление украинских студентов к независимости, автономии, к отстаиванию собственных взглядов и убеждений.

Вместе с этим, в группе девушек, респондентов, которые считают ценность «достижения» значимой, на 7% выявилось больше, чем в группе юношей. Это может быть объяснено тем, что в последнее время все больше девушек на первое место ставят карьеру, продвижение по служебной лестнице, получение финансовой независимости и т. д.

Результаты, полученные за методикой М. Рокича также, в большей степени, подтверждают предыдущие эмпирические констатации. Среди терминальных ценностей наиболее приоритетными как у юношей, так и у девушек выступают ценности «здоровье» (<87%), «материально обеспеченная жизнь» (<80%) и «свобода» (<75%). То есть, акцент респонденты делают на индивидуалистических ценностях.

Вместе с этим сегодня украинская социальная действительность выдается такой, в которой эффективные ценностные влияния, в основном, осуществляют те, кто наиболее оптимально адаптировался к реалиям трансформационной жизни (кофигуративные и префигуративные субъекты влияния, к которым можно отнести преуспевающих молодых бизнесменов, успешных молодых менеджеров, высокотехнологичных специалистов и т. д.). Это же в определенной степени может пояснить, почему сегодня многие украинские студенты собирается на митингах в поддержку евроинтеграции и европейских ценностей, а большинство граждан старшего поколения выступают за традиционные, советские или коммуитарные ценности. Студенты связывают личностное и общественное развитие с ценностями перемен, которые для них являются более прогрессивными, чем консервативные ценности (ценности сохранения) их родителей. Разность таких ценностных позиций обусловлена, как и извечной борьбой между «родителями и их детьми», так и условиями современной жизнедеятельности. Транс-

формационные процессы усиливают центробежные тенденции в украинском обществе, выводя на первый план ценность личности, ценность ее свободы и инициативы, и в тоже время это входит в жесткий антагонизм с консервативными ценностными конструктами, ядром которых выступают коллективистские представления представителей советской эпохи.

Гендерное распределение в выборе терминальных ценностей наиболее акцентировано произошло по ценностям «любовь» ($\phi=2,83$; $p\leq 0,01$) и «счастливая семейная жизнь» ($\phi=1,78$; $p\leq 0,05$), где девушки в большей степени, чем юноши определили для себя их личностный приоритет (<75% против <45%, соответственно). Как мы считаем в этом проявляется преобладание постфигуративной ориентации, которая остается еще традиционной среди большинства украинских женщин. Более того, это свидетельствует об определенном противоречии в ценностных приоритетах девушек-студентов. С одной стороны они стремятся к независимости и автономии, а с другой – единению с другими – значимыми. Мы полагаем, что такие гендерные различия в ценностных предпочтениях украинских студентов являются следствием динамических изменений, связанных с особенностями приспособления индивида в быстро меняющемся окружающем мире. Это возможно связано с тем, что именно мужская популяция является первичным фактором схватывания нового, прогрессивного, а женская – закрепляет это, если оно способствует выживанию индивида в новых условиях существования.

На следующем этапе эмпирического исследования между ценностями «самостоятельность», «сохранение индивидуальности», «свобода», «достижения», «материально обеспеченная жизнь» были установлены корреляционные связи (r -Пирсона), которые определили системную конфигурацию ценностных ориентаций украинских студентов (см. табл. 2).

На основании полученных результатов можно утверждать, что данные ценности образуют устойчивую системную конфигурацию ценностных ориентаций респондентов.

На основании результатов эмпирического исследования, можно утверждать, что у большинства юношей и девушек в ценностно-смысловой сфере преобладают индивидуалистичные ценности, которые направлены на удовлетворение их потребностей в самоконтроле, самоуправлении, автономности, независимости и самоутверждении.

Таблица 2

**Результаты корреляционного анализа ценностей,
которые имеют наибольший приоритет среди респондентов**

Ценности-корреляты	Группы респондентов (N=350)	
	Юноши	Девушки
«самостоятельность» – «сохранение индивидуальности»	$r=0,162$; $p\leq 0,05$	$r=0,154$; $p\leq 0,05$
«самостоятельность» – «свобода»	$r=0,148$; $p\leq 0,05$	$r=0,158$; $p\leq 0,05$
«сохранение индивидуальности» – «достижения»	$r=0,156$; $p\leq 0,05$	$r=0,138$; $p\leq 0,01$
«достижения» – «свобода»	$r=0,169$; $p\leq 0,05$	$r=0,154$; $p\leq 0,05$
«свобода» – «материально обеспеченная жизнь»	$r=0,143$; $p\leq 0,01$	$r=0,134$; $p\leq 0,01$
«достижения» – «материально обеспеченная жизнь»	$r=0,136$; $p\leq 0,01$	$r=0,146$; $p\leq 0,01$
«сохранение индивидуальности» – «материально обеспеченная жизнь»	$r=0,141$; $p\leq 0,01$	$r=0,131$; $p\leq 0,01$

У значительной части студенческой молодежи формируются ценностные ориентации, в которых преобладают ценности кофигуративной и префигуративной культур. При этом ценностные ориентации студенческой молодежи отличаются динамизмом, но одновременно и слабой структурированностью, что качественно отличает их от ценностных ориентаций тех, кто формировал ценностно-

смысловую сферу в условиях авторитарного, советского общества (отсутствует динамику, но присутствует четкая структурированность).

Вместе с этим, в ценностно-смысловой сфере отдельных студентов наблюдается ценностной конфликт. Одновременно с индивидуалистическими ценностями (самостоятельность, достижения, свобода) они выбирают ценности коллективистской направленности (верные друзья, счастливая семейная жизнь, общественное признание). При этом данный конфликт более выражен в женской выборке, чем в мужской, что свидетельствует о большей подверженности первых влиянию коммунарных стереотипов и их зависимости от постфигуративного уклада жизни.

Вывод.

Среди релевантных ценностей значительной части украинских студентов преобладают ценности индивидуалистической направленности. При этом в их системе ценностей отмечается согласование в приоритетах большинства типов ценностей, ценностных сфер и выборов ценностей-целей.

В женской выборке констатируется больший разброс как доминантных, так и второстепенных ценностей, чем в мужской, что свидетельствует о наличии в их ценностно-смысловой сфере определенного ценностного конфликта. Это можно пояснить тем, что женская часть украинской молодежи все еще остается существенно зависимой от влияния постфигуративных элементов культуры.

Установленные корреляционные связи между отдельными группами (типами) ценностей позволяют утверждать, что ценностная система студенческой молодежи проживающей на Востоке и Юге Украины имеет тенденцию к «наполнению» элементами кофигуративной и префигуративной культур, а вместе с этим к дальнейшей индивидуализации. При этом данная тенденция выступает значимым показателем того, что в украинском обществе возрастает аксиологический разрыв между молодым и старшим поколениями, а это, в свою очередь, выступает дополнительным фактором, который осложняет процессы социальных преобразований, которые в нем происходят.

Библиографический список:

1. *Гарькавец С. О.* Соціально-нормативний конформізм особистості у психологічному вимірі: Монографія. Луганськ: вид-во «Ноулідж», 2010.
2. *Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
3. *Сенин И. Г.* Психодиагностика ценностно-ориентационной сферы личности как метод социально-психологического исследования: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2000.
4. *Ядов В. А. и др.* Соотношение ценностных ориентаций и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга. Личность и ее ценностные ориентации // Информационный бюллетень ИКСИ. 1969. № 19.
5. *Feldman S.* Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes // Oxford Handbook of Political Psychology, 2003.
6. *Branco A. U., Valsiner J.* Cultural Psychology of Human Values. IAP, 2012.
7. *Rokeach M.* The Natural of Human Values. Free Press, 1973.
8. *Schwartz S. N. & Bilsky, W.* Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. №58 (5).
9. *Муд М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
10. *Буравлева Н. А.* Ценностные ориентации студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6 (108).

М. М. Кашапов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии, доктор психологических наук, профессор (150045, г. Ярославль, пр-т Дзержинского, д. 6)

Е. В. Шубина

Вологодский педагогический колледж, преподаватель (160024, г. Вологда, ул. Разина, д. 55)

ЛИЧНОСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ НА ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Проблема исследования профессионального мышления педагога обусловлена ролью педагогического мышления в организации деятельности педагога, его профессионального поведения и общения. В связи с изменениями в современной системе образования выдвигаются новые требования к профессиональной компетентности учителя начальных классов, где педагогическое мышление выступает как общеключевая и общепрофессиональная компетенция специалиста. В едином процессе становления профессионала особое значение приобретает знание механизмов функционирования его мышления на этапе профессиональной подготовки и профессиональной деятельности с учетом преобразований целостной психологической структуры человека как личности, субъекта деятельности.

профессиональное педагогическое мышление; ситуативный уровень педагогического мышления; надситуативный уровень педагогического мышления; личностные механизмы педагогического мышления; учитель начальных классов

Теоретические и практические проблемы профессионального мышления привлекали к себе внимание многих исследователей (О. С. Анисимов, Д. В. Вилькеев, И. И. Казимирская, В. Д. Шадриков, Ю. К. Корнилов, А. В. Карпов, Ю. Н. Кулюткин, А. К. Маркова, Л. М. Митина, Н. В. Кузьмина, Л. П. Урванцев и др.). Анализ современных теорий позволяет углубить представление о природе мышления профессионала благодаря, прежде всего, исследованиям в области фундаментальных разработок общетеоретических проблем психологии мышления (А. В. Брушлинский, Дж. Гилфорд, А. М. Матюшкин, В. А. Моляко, Я. А. Пономарев, Дж. Рензулли, С. Л. Рубинштейн, Р. Стернберг, О. К. Тихомиров, Е. Торренс, М. Вертгеймер и др.). Значительный интерес представляют исследования генезиса творческого мышления в условиях профессионализации (В. Д. Шадриков, Б. Б. Косов, Т. Г. Киселева, Е. В. Коточигова, Т. В. Огородова, Ю. В. Пошехонова и др.).

Анализ многочисленных теорий профессионального мышления позволяет выделить определенные перспективы: 1. В поисках целостности подхода может стать психология субъектности (А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, В. Д. Шадриков, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко). 2. Субъектность человека развивается постепенно. Основа лонгитюдной оценки динамики изменений по всем структурно-функциональным характеристикам мышления профессионала (нача-

ло, прогресс, бифуркация, успех) представлена в работах Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой, Ю. Н. Кулюткина, А. И. Канатова. 3. Личность задает направление движения, а субъект выбирает средства достижения намеченной цели (Е. А. Сергиенко). Личность – носитель содержания внутреннего мира человека. Субъект – реализует в своих действиях свой внутренний мир. 4. Зрелость профессионального мышления рассматривается как согласованность личности и субъекта (Д. Н. Завалишина, М. А. Холодная, В. И. Панов, В. А. Бодров). Таким образом, именно уровневый критерий, обоснованный в русле субъектного подхода (Знаков, 2009; Сергиенко 2000, 2006; Прохоров, 2013), позволяет перейти к пониманию целостности человека, в том числе как субъекта мыслительной деятельности.

Перспективы рассмотрения акмеологического подхода к пониманию мышления субъекта представлены в работах Л. И. Андиферевой, А. А. Бодалева, А. К. Марковой, Б. Г. Ананьев, Н. В. Кузьминой, Ю. Н. Кулюткина, А. А. Реана, Н. Ф. Вишняковой, А. А. Деркача, В. Г. Зызыкина и др.). В едином процессе становления профессионала особое значение приобретает знание закономерностей становления его мышления в период расцвета человеческой жизни с учетом преобразований целостной сложнейшей психологической структуры человека как индивида, личности, индивидуальности, субъекта [2, с. 13].

Научная проблема заключается в противоречии между потребностями современного образования в профессионально компетентных учителях начальной школы, с одной стороны, а с другой – недостаточно разработанным теоретическим вопросом о динамике педагогического мышления учителя начальных классов на этапах профессионализации.

Педагогическое мышление мы понимаем как высший познавательный процесс поиска, обнаружения и разрешения проблемности в ходе профессиональной педагогической деятельности, характеризующегося личностной включенностью учителя в преобразования в ходе профессиональной деятельности (М. М. Кашапов, 2000) [3, с. 43].

Проблемность является основной структурной единицей профессионального педагогического мышления [7, с. 28]. В зависимости от содержания установленной педагогом проблемности существуют 2 уровня ее реализации: ситуативный и надситуативный. Ситуативный уровень – это решение комплекса текущих, актуальных педагогических проблемных ситуаций. Связан с выяснением педагогом причин возникновения противоречия и способов его снятия, преодоления. В результате педагог изменяет способы осуществления педагогической деятельности. Надситуативный уровень – решение учителем проблемной ситуации связано с перспективой развития педагогического процесса. Учитель осознает необходимость изменения, совершенствования некоторых особенностей своей личности, что выражается в поиске средств целенаправленного формирования своих профессионально-значимых качеств.

Педагогическое мышление в его качественной специфичности формируется на определенной функциональной основе. В качестве такой функциональной основы выступает система специфически деятельностных функций (целеобразование, прогнозирование, принятие решения, мотивирование, программирование, контроль, оценка, коррекция) [3, с. 48].

Под психологическими механизмами понимается система различных условий, средств, отношений, связей и других психических явлений, обеспечивающих развитие качеств творческого мышления. Основным психологическим механизмом творческого мышления профессионала служит переход с ситуативного уровня обнаружения проблемности на надситуативный. Умение устанавли-

вать надситуативную проблемность в процессе решения проблемных ситуаций не только способствует активизации мыслительной деятельности, но и оказывает большое влияние на личностное развитие профессионала. А это, в свою очередь, ведет к формированию личностных позиций, убеждений, помогая тем самым специалисту совершенствовать свою деятельность.

Анализ личностных механизмов позволяет найти ответ на вопрос «Кто?» и выяснить процессы, обеспечивающие личностную адаптацию. К личностным механизмам М. М. Кашапов относит механизм саморегуляции, который означает сознательное воздействие профессионала на самого себя с целью реализации своего творческого потенциала. Еще одним механизмом является механизм позитивной самооценки — это оценивание профессионалом своих действий и деятельности в целом и внесение в нее конструктивных изменений и коррективов на основе анализа творческих ресурсов [7, с. 16].

Целью нашей работы является исследование динамики личностных механизмов педагогического мышления учителей начальных классов на этапах профессионализации.

Для реализации поставленной цели методом поперечных срезов исследовано педагогическое мышление учителей на каждом этапе: довузовское (среднее профессиональное), вузовское обучение, а также самостоятельная профессиональная деятельность.

Для измерения определены следующие параметры мышления учителя:

- когнитивные характеристики: уровень обнаружения и разрешения педагогической проблемности (Опросник на выявление ситуативного/надситуативного уровня педагогического мышления (М. М. Кашапов, Т. Г. Киселева);

- ценностно-смысловые характеристики: творчество или творческий потенциал (Опросник способностей творческой личности (О. А. Шляпкина, М. М. Кашапов); Тест дивергентного (творческого) мышления и Опросник творческих личностных характеристик (Ф. Вильямс, модификация Е. Е. Туник);

- регулятивные характеристики: система контроля принятых решений; самооценка выполняемых педагогических функций (Методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (адаптация Е. Ф. Бажина, С. А. Гольянкиной, А. М. Эткинды; Карта самоотношения учителя к профессиональным позициям (А. К. Маркова).

Установлено, что существуют особенности личностных механизмов педагогического мышления учителя начальных классов, специфичные для каждого этапа профессионализации. На стадии профессионального обучения при переходе от среднего к высшему профессиональному образованию происходит развитие уровневых характеристик педагогического мышления студентов. У будущих учителей начальных классов в колледже преобладает ситуативный тип педагогического мышления при решении педагогических ситуаций, а у студентов вуза — надситуативный.

Изменения в операционально-логической стороне педагогического мышления связаны с личностными изменениями студентов. Установлены положительные связи надситуативного уровня обнаружения педагогической проблемности с высоким уровнем творческих способностей и интернальным локусом контроля личности. Творческое мышление студентов рассматривается М. М. Кашаповым как основа для формирования их профессионального мышления. Надситуативный уровень педагогического мышления студентов связан с высоким уровнем развития оригинальности мышления, разработанностью принимаемого решения, способностью креативно решать возникающие ситуации, с направленностью на саморазвитие и повышение своей профессиональной компетентности. Интер-

нальный локус контроля студента способствует тщательному анализу предложенных ситуаций, студент несет ответственность за принятое решение, понимает значимость выбранного способа решения в профессиональной деятельности. Также студенты с интернальным контролем могут характеризоваться и более высокими результатами сформированности профессиональной компетентности.

У учителей начальных классов ведущим является надситуативный тип мышления при решении педагогических ситуаций. На разных стадиях профессионализации связь уровня педагогического мышления и характеристик личности учителей изменчива. На стадии адаптации стремление стать, быть и оставаться учителем, помогающее преодолевать препятствия и трудности в работе, характерно для начинающего учителя с надситуативным уровнем обнаружения педагогической проблемности. На стадии развития и реализации профессионала учителя с надситуативным уровнем педагогического мышления стремятся к самопознанию, к изучению себя, глубокому самоанализу чувств и опыта. Учителя с высшей категорией на стадии реализации профессионала положительно оценивают умение понять позицию другого в общении, проявить интерес к его личности.

Учителя начальных классов на этапе профессиональной деятельности имеют особенности во взаимосвязи педагогического мышления с личностными характеристиками и профессиональными позициями. Надситуативный тип педагогического мышления учителя начальных классов связан с высокой самооценкой профессиональных позиций «гуманист», «психотерапевт», «профессионал», и не связан с уровнем творческих способностей, интернальным контролем личности. Таким образом, надситуативному уровню педагогического мышления учителей начальной школы соответствует высокая самооценка направленности на индивидуальное развитие ребенка, формирование учебной деятельности учащихся с учетом их возможностей и потенциалов, гуманистическая ориентация, педагогический оптимизм. Учителя с надситуативным уровнем педагогического мышления считают сформированной у себя активную социальную позицию, необходимую для достижения результатов профессиональной деятельности. Все это характеризует учителя-мастера.

Проанализируем, какие профессиональные позиции и качества у учителей начальных классов с разным уровнем квалификации являются базовыми на стадиях адаптации, развития и реализации профессионала. Для этого были определены структурный вес исследуемых качеств и количество значимых внутрисистемных связей. Данные представлены в таблице 1.

Для учителей без категории, со 2 категорией и высшей категорией характерно наличие положительных корреляционных связей между самооценкой профессиональных позиций и уровнем педагогического мышления, творческих способностей, субъективного контроля личности, что свидетельствует о целостности и прочности системы качеств.

Результаты структурного анализа позволяют сделать вывод, что базовые компоненты структуры качеств у учителей с разным уровнем квалификации на стадиях адаптации, развития и реализации профессионала различны. Для учителей с низким уровнем квалификации на стадии адаптации и развития профессионала базовыми являются профессиональные позиции «диагност», «субъекта профессиональной деятельности», «психотерапевта», «педагога по призванию», «творца», «исследователя», «новатора» и «профессионала». Для учителей с высоким уровнем квалификации на стадии реализации профессионала также являются базовыми позиции «психотерапевта», «творца», «исследователя», но не меньшим структурным весом обладает позиция «методиста».

Таблица 1

**Базовые качества учителей начальных классов
с разным уровнем квалификации**

Уровень квалификации (стадия профессионализации)		Без категории (стадия адаптации)			2 категория (стадия развития профессионала)			1 категория (стадия реализации профессионала)			Высшая категория (стадия реализации профессионала)		
№	Качество	W	R>0	R<0	W	R>0	R<0	W	R>0	R<0	W	R>0	R<0
1	М	4	4	0	5	3	0	11	6	1	13	9	0
2	Д	16	10	0	16	10	0	14	6	1	4	3	0
3	С	12	7	0	13	8	0	5	3	0	6	5	0
4	Г	15	8	0	1	1	0	2	1	1	10	6	0
5	Пс	10	7	0	14	8	0	12	7	0	8	5	0
6	Пр	17	10	0	10	8	0	5	2	1	6	5	0
7	Инд	14	9	0	9	6	0	5	3	1	13	9	0
8	Тв	23	11	0	21	11	0	14	8	0	10	5	0
9	Ис	23	11	0	22	10	0	14	6	1	13	9	0
10	Н	11	8	0	15	8	0	13	5	2	3	2	0
11	Проф	16	8	0	14	8	0	8	4	0	4	4	0
12	ППМ	10	10	0	1	1	0	2	0	2	3	3	0

Примечание: М – методист, Д – диагност, С – субъект профессиональной деятельности, Г – гуманист, Пс – психотерапевт, Пр – педагог по призванию, Инд – индивидуальность, Тв – творец, Ис – исследователь, Н – новатор, Проф – профессионал, ППМ – профессиональное педагогическое мышление; W – структурный вес; R>0 – число положительных связей; R<0 – число отрицательных связей.

У учителей с 1 категорией, так же, как и учителей с низким уровнем квалификации, базовыми являются позиции «диагноста», «психотерапевта» и «новатора». Учителей с высшей категорией и учителей без категории объединяет базовая позиция «гуманист». Профессиональное педагогическое мышление является базовым качеством только у учителей без категории на стадии адаптации. Уровень творческих способностей и уровень субъективного контроля личности не вошел в базовые качества учителей.

Для начинающих учителей (без категории) с преобладанием ситуативного уровня обнаружения педагогической проблемности характерна невысокая самооценка профессиональных позиций, затруднения в творческом преобразовании педагогической действительности, в постановке целей и задач профессионального развития, в изучении учеников и самого себя, в общении с учеником как с равным партнером. Не сформировано умение гибко перестраивать способы общения, выбирать оптимальное их сочетание, характерен экстернальный локус контроля.

По мнению А. К. Марковой, на этапе адаптации учителя к профессии идет овладение такими профессиональными позициями, как убежденный педагог, собеседник, предметник, методист [8, с. 58]. Первые две позиции значимы для начинающих учителей. Позиция методиста становится базовой только у учителей с высшей категорией на стадии реализации профессионала. Позиция предметника не является базовой ни на одной из стадий профессионализации для учителя начальных классов (в отличие от учителей средней школы). Для учителей без категории характерна отрицательная связь уровня творческих способностей и позиции предметник: чем выше они оценивают свое желание и возможности проявления креативных способностей, тем ниже оценивают дидактические способности, знание учебного предмета и умение передать содержание учебного материала. Исследователи отмечают, что в первые годы работы у учителя может снижаться оценка творческих возможностей профессии [1, с. 158].

В отличие от них у учителей с первой категорией данная проблема преодолена: обнаруженная положительная связь между уровнем творческих способностей и позицией «предметник» свидетельствует о возможности проявления креативных способностей при работе с учебным материалом. У учителей со второй категорией позиция «предметник» связана с уровнем субъективного контроля личности: чем выше дидактические способности, тем чаще в различных ситуациях учителя склонны приписывать причины происходящего внутренним факторам.

Для учителей со второй категорией на стадии развития профессионала характерно наличие положительной связи уровня педагогического мышления и самооценки профессиональной позиции «самодиагност». Для начинающих педагогов важна информация о себе как профессионале, и они стараются использовать ее в своей работе. Отсутствие связи между самооценкой профессиональных позиций «исследователь», «профессионал», «субъект педагогической деятельности и типом педагогического мышления может свидетельствовать о профессиональной незрелости педагогов, которые демонстрируют преимущественно ситуативный уровень педагогического мышления, а оценивают данные позиции на высоком уровне.

У учителей с 1 категорией положительные корреляционные связи преобладают над отрицательными, но, тем не менее, тип педагогического мышления, самооценка позиции «диагност» и ряда других профессиональных позиций придают системе профессионально-важных качеств подвижность. Надситуативный уровень обнаружения педагогической проблемности связан с невысокой самооценкой способности самопознания и изучения учеников. У таких учителей, несмотря на высокий уровень принимаемых педагогических решений, присутствует слабая вера в свои возможности и способность управлять профессиональным развитием. Такие результаты могут свидетельствовать о повышении уровня критичности педагогического мышления учителей начальных классов на стадии реализации профессионала.

Высокая самооценка профессиональных позиций, структурная целостность базовых профессиональных позиций и качеств могут свидетельствовать о профессиональной успешности учителей с высшей категорией. Данная категория учителей демонстрирует положительное оценивание самого себя, уверенность, удовлетворенность профессией, все это соответствует активному саморазвитию учителя в профессии. Согласно модели профессионального развития Л. М. Митиной, это стадия самореализации в профессии [9, с. 343]. По классификации А. К. Марковой, это этап гармонизации учителя с профессией и мастерство [8, с. 58]. Не всегда возможно соотносить психологические этапы профессионализма с квалификационными категориями, так как их связь зависит от концепций труда учителя, которые могут быть различными в зависимости от местных условий в регионе, определяться органами образования, авторскими школами и т.п. Нужно отметить, что участниками исследования являлись учителя на курсах повышения квалификации, которые изучали введение новых стандартов в начальное образование и готовились работать в соответствии с новыми требованиями. Данное обстоятельство может определять их ценностно-мотивационную направленность в деятельности независимо от педагогического стажа и квалификационной категории.

Таким образом, структура базовых качеств учителей начальных классов имеет свою специфику на стадиях адаптации, развития и реализации профессионала. При увеличении стажа педагогической деятельности и повышении квалификационной категории изменяется структурный вес педагогического мышления, профессиональных позиций учителя. Уровневые характеристики педагогического мышления обладают наибольшим структурным весом на стадии адаптации.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы о динамике личностных механизмов педагогического мышления учителей начальных классов на этапах профессионализации:

1) на этапе профессионального обучения происходят изменения в операционно-логической стороне педагогического мышления, которые связаны с личностными изменениями студентов. Студенты с надситуативным уровнем педагогического мышления демонстрируют способность и готовность к творчеству, интернальный уровень субъективного контроля.

2) педагоги, находящиеся на стадии профессиональной адаптации, отличаются по типу педагогического мышления от педагогов, проходящих стадии развития и реализации профессионала, – уровень обнаружения педагогической проблемности учителя повышается в процессе профессионализации. Установлены положительные корреляционные связи надситуативного уровня обнаружения педагогической проблемности с самооценкой отдельных профессиональных позиций, высоким уровнем творческих способностей и интернальным локусом контроля личности на стадии профессионального обучения и профессиональной адаптации (для студентов заочного отделения, работающих учителями).

3) учителя начальных классов с надситуативным уровнем обнаружения педагогической проблемности высоко оценивают свои профессиональные позиции в сфере общения: гуманист и психотерапевт, а также дают высокую оценку позиции профессионала. Таким образом, они ориентированы на развитие личности учащихся, творчество осуществляется в форме создания новых индивидуальных проектов психического развития отдельных учащихся, педагоги демонстрируют активную социальную позицию в обществе, высокую удовлетворенность трудом.

4) меньшей интегрированностью и согласованностью отличается структура профессиональных качеств у учителей с первой квалификационной категорией. Педагогическое мышление является базовым у учителей без категории, на стадии профессиональной адаптации. Независимо от стадии профессионального становления для учителей начальных классов в педагогической деятельности являются базовыми профессиональные позиции психотерапевта, творца, исследователя.

Библиографический список:

1. *Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001.
2. *Кашанов М. М.* Акмеология: Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2011.
3. *Кашанов М. М.* Психология педагогического мышления: Монография. Спб.: Алетей, 2000.
4. *Кашанов М. М.* Психология творческого мышления профессионала. Монография. М.: ПЕР СЭ, 2006.
5. *Кашанов М. М.* Совершенствование творческого мышления профессионала: Монография. М.-Ярославль: МАПН, 2006.
6. *Кашанов М. М.* Стадии творческого мышления профессионала: Монография. Ярославль, Ремдер, 2009.
7. *Кашанов М. М.* Формирование профессионального творческого мышления: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013.
8. *Маркова А. К.* Психологические критерии и ступени профессионализма учителя // Педагогика. 1995. № 6.
9. *Митина Л. М.* Психологи об учителе. Личностно-профессиональное развитие учителя: психологическое содержание, диагностика, технология, коррекционно-развивающие программы. М.: Психологический институт, МГППУ, 2010.

А. Б. Панькин

Калмыцкий государственный университет, заведующий кафедрой педагогики, доктор педагогических наук, профессор (358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11)

И. Н. Минкеева

Калмыцкий государственный университет, аспирант кафедры педагогики (358013, г. Элиста, 4-й микрорайон, д. 14)

УЛУСНЫЕ ШКОЛЫ ДЛЯ КАЛМЫЦКИХ ДЕТЕЙ В СИСТЕМЕ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА XIX ВЕКА

Формирование системы государственного просвещения и образования России по западноевропейскому образцу начавшееся на рубеже XVII-XVIII вв. дошло и до национальных окраин страны. За период с середины XIX века до начала XX века формируется система светского начального образования калмыков, единственного азиатского этноса буддистского вероисповедания проживающего в европейской части России. Развитие структурных элементов системы образования для калмыков, с некоторым опозданием во времени, копирует российскую систему образования. Первым типом светской школы стала улусная школа, в которой, в отличие от существовавшей в России трехлетней начальной школы, курс обучения продолжался 4 года. Государственные дотации были минимальны. Стремясь дать светское образование своим питомцам, калмыцкие общины выделяли крупные суммы на их обучение.

обучение «инородцев»; улусные школы; образовательное пространство

На рубеже XVII-XVIII вв. в России началась формирование системы государственного просвещения и образования по западноевропейскому образцу, открывшееся реформами Петра I. В 1802 году учреждается Министерство народного просвещения, начавшее формирование государственной системы образования с принятия «Предварительных правил народного просвещения» в 1803 году, а в 1804 – «Устава учебных заведений, подведомственных университетам». В этом же 1802 году, отмечаются первые попытки втягивания калмыков, единственного азиатского этноса буддистского вероисповедания, в российскую государственную образовательную систему в Астрахани (1802 г. открывается Калмыцкое училище), В Министерство Государственных Имуществ поступает отчет о пожертвовании владельцев Тюменева и Тундутова на улучшение калмыцкой школы и о назначении суммы на учреждение калмыцкого училища [15].

С 1822 г. вопрос «об открытии правительственных школ для калмыков» начинают ставить официально и начинают открываться калмыцкие классы в Петербурге (при медицинской школе) [14], Царицыне [11], в войске Донском [12; 13]. С 1841 г. шла переписка по делу о городском начальном училище для калмыков в Астрахани [2]. Открытие калмыцкого двухклассного училища с русским языком обучения, просуществовавшим до 1918 года, состоялось 1.12.1849 года [12]. Оно относилось к типу городских начальных училищ (до 1878 г. – уездные училища), которые могли быть одно-, двух-, трех- и четырехклассными, со сроком обучения до 6 лет.

К началу учебных занятий в училище из калмыцких улусов прибыли 40 мальчиков из различных сословий (нойонов, зайсангов, простолодинов). Курс обучения длился 4 года, функционировал подготовительный класс В курс обучения входили следующие предметы – основы ламайского вероучения, русский язык, «в особенности его практическое применение», арифметика, сокращенный вариант Всеобщей истории, российская история, калмыцкий язык. Учитель калмыцкого языка должен был одинаково хорошо знать как калмыцкий, так и русский языки [3].

К концу XIX века учебный план Астраханского калмыцкого училища состоял из следующих предметов: русский и калмыцкий языки, арифметика, история и география, пение, рисование и черчение, гимнастика, садоводство и огородничество. Успехи учеников и работа учителя оценивались на «отлично». В русском языке успехи оценивались как достаточные [30, с. 92]. Способности калмыцких детей неоднократно отмечали и сторонние наблюдатели, и люди, причастные к обучению детей. Это подчеркивал директор народных училищ Ставропольской губернии: «Калмыцкие дети, по наблюдению всех чинов дирекции, богато одаренные дети. Поставить их в Надлежащую обстановку, способствующую успешному ходу образования, весьма желательно» [23, с. 80]. Фонды училища нередко пополнялись общественными и частными пожертвованиями, что свидетельствует о заинтересованности калмыцкого народа в получении светского образования. Так, в 1852 г. владелец Джиргал пожертвовал 700 рублей серебром на содержание Калмыцкого училища [16]. В 1864 году при Астраханском калмыцком училище открывается гимназическое отделение.

С 15.05. по 15.09. 1838 г. профессор А. В. Попов объезжает калмыцкие улусы Астраханской, Саратовской, Кавказской областей, а Оренбургский военный губернатор предписывает командирующему Ставропольским калмыцким войском оказать содействие проф. Попову [4]. В ходе поездки он ходатайствует о принятии в Казанскую гимназию Очира и Бальзана Убушиевых из Харахусовского улуса, отмечая, что можно «с достоверностью сказать, что 3-я часть всего калмыцкого народа состоит из людей грамотных». Мальчики были приняты в 1-ю Казанскую гимназию [5] и были определены в первый читописальный класс с изучением восточных языков. С 1839 по 1841 гг. в той же гимназии обучался племянник князя Тюменя Церен-Джал [6].

Благодаря казачьему положению Донских калмыков, с разрешения русского правительства в декабре 1838 года, было основано первоначальное калмыцкое приходское училище под покровительством калмыцкого правления в свободе Ильинка. 25 июня 1839 году состоялось открытие этого училища и в его составе находились 2 учителя по калмыцкому языку. В 1842 году здесь обучалось 18 учеников и отзывы об успеваемости учеников были положительные. Это же отмечал и профессор Казанского, а затем Петербургского университетов И. И. Попов: «Что касается до духовных способностей, то калмыки выгодно отличаются от других наций хорошей памятью, остроумием, умением красноречиво говорить, усидчивостью в учении, терпением, внимательностью и охотою к нему. Нам приходилось обучать русской и монгольской грамоте очень многих калмыцких мальчиков. Среди них была, конечно, разница в способностях, но не было ни одного лентяя и совершенного тупицы» [26, с. 39].

Процесс внедрения системы государственного образования среди калмыков фактически начался после административных реформ 2-й пол. XIX века, постепенно налаживается механизм образования калмыков в светских государственных учебных заведениях. Именно в этот период был сделан значительный шаг в деле распространения образования. Практическое решение вопроса «об открытии

правительственных школ для калмыков» начинается с принятия в 1844 году положения о частных учебных заведениях и домашних учителях, регламентирующее деятельность учебных заведений для российских детей инославного вероисповедания и иноверцев, фактически приравнивая их к начальной школе и именовавшиеся народными училищами. Оно открыло безграничные возможности для формирования начальных школ различных типов. В этом же 1844 году, открывается Ставропольская калмыцкая школа [17].

С открытием в 1854 году в улусных центрах школ, подобных трёхлетним школам России, но, содержащиеся на средства, собранные самим народом. у калмыков появляются элементы системы образования адекватные российским. Улусные школы быстро попадали под контроль официальных властей, количество их было регулируемым (не более восьми), а содержание образования – управляемым.

В 1854 году школы открываются в Яндыковском, Багацохуровском и Хошеутовском улусах (на средства князя Тюмена), в Эркетеновском, Икицохуровском, Малодербетовском, а затем Харахусовском и Большедербетовском улусах. В 1861 году владелец Харахусовского улуса Дугаров открыл частную школу. Он писал: «10 мальчиков-калмыков обучаются русской и ламайской грамоте. Дело преподавания сосредоточено в руках образованных гелонгов и русских чиновников, потому дети могут приобрести здесь более знаний, чем в официально существующей улусной школе» [31, с. 29]. В 1862 году в Харахусовском улусе вместо частной школы открывается управляемая улусная школа. В 1882 году жители Малодербетовского улуса пытались открыть вторую улусную школу, но она была категорически запрещена Главным управлением калмыцкого народа. «Необходимость известного просвещения была ясна даже консервативным кругам; в какой-то степени оно поощрялось, но в то же время пресекалось из-за боязни, что темные люди начнут слишком много понимать» [34, с. 149].

Калмыцкие дети посещающие улусные школы, мало или вовсе не знали русского языка. Что касается педагогического состава: русские учителя не владели калмыцким языком. Были случаи, когда учительница, не зная калмыцкого языка, вынуждена была с учениками объясняться через переводчика из старших воспитанников, не могущих передать иногда в точности требование наставницы. Закон Божий был главным предметом, изучению молитв, церковному пению отдавалась большая часть времени [22, с. 132].

С 1861 года начинается модернизация русской школы, направленная на развитие системы элементарного образования для основной массы народа, становление государственной общеобразовательной школы. В этот период развивается народная школа: открываются земские, городские начальные и церковно-приходские школы на государственные, общественные и частные средства. Постепенно изменяется отношения народа к грамотности. «Заслугой школ тех лет было то, что, при всей своей недостаточности, они развили в населении потребность в начальном образовании, приучили к школе, как к своему учреждению» [32, с. 110].

Начиная со 2-й пол. XIX века школа в России являлась одним из важнейших инструментов национальной политики правительства. Польское восстание 1863 г., активизация национального движения в России привели к доминированию в правительстве курса на искоренение возможных сепаратистских тенденций путем «создания для всех народностей единого культурно-национального типа на базе русской нации» [21, с. 11]. С 60-х гг. XIX века началась широкая разработка

проблемы образования «инородцев» [33, с. 224]. Результатом решения проблемы стали «Правила к образованию инородцев в Российской империи».

Образование инородцев России в период со 2-й пол. XIX века неразрывно связана с именем графа Д. А. Толстого, обер-прокурора Синода, назначенного 14.04.1866 г. министром народного просвещения и считавшего, что конечной целью просвещения инородцев является обрусение и слияние с русским народом» [24, с. 63]. В результате начинается угасание сформировавшихся веками нравственных и духовных ценностей народов. Ведь с момента появления на земле этнических групп и до сегодняшнего дня каждая общность, старая или новая, хранит и лелеет самобытные традиции, пестует национальную культуру, передача которой осуществляется через образование. Для индивида это не менее важно, чем для общности в целом: национальная (этническая) принадлежность необходима ему для самоутверждения и полной реализации [29, с. 10].

Развернувшееся в России движение общественности за просвещение народных масс не могло обойти и калмыцкую степь. Так, в отчете Главного управления калмыцким народом за 1869 год говорится: «В народе заметно желание к распространению между молодым поколением грамотности, что и доказывается полным комплектом воспитанников как в училище в Астрахани, так и в улусных школах. Кроме сего, значительное число школьников обучается калмыцкой грамоте у своего духовенства и зайсангов» [1].

До 1882 г. учебная работа в улусных школах проходила бессистемно, отсутствовали учебные программы. Обучение детей возлагалось на чиновников канцелярий улусных управлений, «не знающих учительской работы и не заинтересованных в ней» [7]. В 1882 г. в улусных школах учителя калмыки были заменены учительницами, окончившими курс женской гимназии [18]. Оклад их был повышен с 70 до 300 рублей в год. Но «учительницы, не знакомые с калмыцкой средой и языком, были не в состоянии поставить школы на надлежащую высоту. В школах по-прежнему обучались либо дети обедневших родителей, либо сироты» [19]. В 1882 году для улусных школ были даны примерные программы учебной работы. По свидетельствам инспектора калмыцких училищ, «и после этого работа улусных школ не улучшилась» [8].

В 1893 году К. М. Аммосов произвел проверку работы калмыцких улусных школ. В своем отчете инспектор в качестве основной рекомендации дал совет по возможности чаще использовать родной язык детей, «крайне достойно сожаления, писал К. М. Аммосов, – что некоторые учительницы не проявляют и охоты ознакомиться с калмыцким языком, по крайней мере, в объеме, нужном для уяснения первоначальных учебников. Это большая ошибка вообще, а по отношению к учительницам калмыцких училищ неизвинительная» [20, с. 10].

Структура и жизнь школ регламентировались «Инструкцией для содержания и обучения воспитанников улусных школ». К концу XIX в. улусные школы становятся 4-х годичными, преподавание стало проводиться согласно «Примерным программам для начальных народных училищ Российской империи». Учебный план включал в себя следующие предметы и количество недельных часов: русский язык – 20 часов, арифметика – 10, чистописание и рисование – 6, калмыцкий язык – 4 [9].

Инструкция определяла, что на русском языке должно вестись не только обучение детей, но и их разговоры между собой во внеурочное время, поэтому преподавание в улусной школе доверялось учительнице, как правило, русской, окончившей гимназию, или лицам, имевшим свидетельство на право преподавания. В «Инструкции» имеются указания по методике обучения калмыцких детей – «приучать детей посредством вопросов и задач к рассуждению; простое бук-

вальное заучивание уроков не допускается. Необходимо, чтобы ученик, усвоив себе заданный ему урок, мог объяснить его своими словами». Учительница обязана была оказывать помощь детям при подготовке уроков, особенно в затруднительных случаях, а в свободное от занятий время занимать их чтением и рассказами. Учебный год начинался не позднее 15 августа и продолжался, за исключением дней, приходившихся на калмыцкие и русские праздники, до 15 мая. Наставнице, как именовалась учительница, вменялось в обязанность почаще быть при воспитанниках. «Инструкция» рекомендовала избегать строгих взысканий. А тем более телесных наказаний, внушая уважение ко всему «краткими наставлениями» [28, с. 835].

В 1887 году зафиксировано, что: «Улусная (школа), кроме образования, преследует еще и цель обрусения ... на улусные школы, которые, хотя и содержатся на средства калмыцкого народа, но руководятся правительством, следует смотреть, как на самое целесообразное средство к насаждению русской гражданственности и к подготовке этих инородцев к мирному слиянию с русским народом» [25]. А технологию мирного слияния описывает Н. Степной: «Не более двух месяцев с начала учебного года слышится в школе гонимая калмыцкая речь. После этого срока предполагается, что у калмычат образовался достаточный запас русских слов и издается по школе строгий приказ: «Ни в классе, ни в столовой, ни в спальне, ни на играх – нигде не должно произноситься калмыцкое слово ... Улусные школы, все с интернатами, и ученики круглые сутки под наблюдением учителей чутко прислушиваются, не прозвучит ли где-нибудь робко слово на опальном калмыцком языке. Едва только забудется ребенок, увлекшись игрой, и омолвится восклицанием на родном языке, – на шею ему учительница вешает билет с надписью: «Воспрещается говорить по-калмыцки», и преступник наказывается тем, что во время обеда его сажают за отдельный стол и дают ему кусок черного хлеба да кружку воды» [23, с. 23].

В Намровской сотне (Платовская станица), Сальского округа, Всевеликого Войска Донского, по инициативе Аркада Чубанова, в 1877 году открылась калмыцкая школа. В 1890 году – были основаны еще 2 школы. С 1896 года в Сальском округе число калмыцких учебных заведений неуклонно возрастало, а с 1901 года насчитывалось 8 приходских школ для мальчиков и 6 – для девочек. В июне 1899 году Калмыцкая окружная приходская школа в Ильинке стала трехклассной и после переименования в Сальское окружное училище, была переведена в станицу Великокняжескую, в центр Донских калмыков (по калмыцки «Чапрак»), Сальского округа. В учительском составе находился учитель по калмыцкому языку.

В психологии калмыков произошел перелом. До недавнего времени калмыков нельзя было заставить отдать своих детей в русские школы. Калмыцкие дети в школах очень русифицировались, родители боялись отчуждения своих детей, им не хотелось их терять в русских школах, кроме того считалось, что свет просвещения исходит только с Востока. Но, настало другое время [27, с. 454].

Существующие улусные школы уже изначально не могли охватить всех желающих, вследствие их удаленности от большинства населенных пунктов и ограниченного приема в них (не более 35 детей в одной школе). Во второй половине XIX века параллельно с улусными школами широкое распространение получают аймачные школы, которые открываются решением сходов, при поддержке аймачных лидеров, содержатся на народные средства и как все частные начальные учебные заведения России, именуются народными училищами. Они имели большую популярность, прежде всего потому, что занятия велись на калмыцком языке учителями, знавшими обычаи и традиции народа, отражали

стремление иметь не просто школу, а школу, близкую народу по менталитету. Но это противоречило официальной политике, и в целях обеспечения контролируемого и управляемого просвещения народа, частные школы заменялись подконтрольными улусными школами, но уже с русским языком обучения. Частные школы стимулировали формирование и развитие образовательной системы для калмыков. Приходило понимание того, что для нормального развития и жизнедеятельности народа в условиях нового окружения в Европейской части России только улусных школ явно недостаточно.

Таким образом, за период с середины XIX века до начала XX века формируется система светского начального образования для калмыков, адаптированная к начальной ступени российской системы образования. Это период интенсивного приобщения и адаптации калмыков к европейской системе образования через российскую. С самого начала этого периода развитие структурных элементов системы образования для калмыков, с некоторым опозданием во времени, копирует российскую систему образования. Сложившимся и наиболее распространенным типом светской школы являлась **улусная** школа (приходская, в Сальском округе Всевеликого Войска Донского), в которой, в отличие от существовавшей в России трехлетней начальной школы, курс обучения продолжался 4 года.

В истории калмыцкой школы этот период, можно назвать общественным, так как развитие школьной системы шло благодаря их желанию и требованиям, расходы на образование калмыцких детей были не государственными, а учредителей или общественности. Государственные дотации были минимальны. Стремясь дать светское образование своим питомцам, общины жертвовали крупные суммы на их обучение.

Библиографический список:

1. НАРК. Ф. 9, оп. 6, д. 4, л. 25.
2. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4596. 50 л. 1842.
3. НАРТ. Ф. 977. Оп. 1. д. 4596. 15 л. 1849.
4. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4998. 4 л. 1835., л. 2.
5. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4803. 49 л. 1838., л. 25.
6. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4982. 13 л. 1839., л. 13.
7. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 16902. 21 л. 1886 – 1889., л. 17.
8. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15100. 50 л. 1882 – 1886., л. 67.
9. НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 6253. 37 л. 1907 – 1908., л. 18.
10. РГИА. Ф. 797. Оп. 13. Д. 313. 10 л. – 1732.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 303. 1842 – 1850.
12. РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 676. 1 л. 1849.
13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 471. Л. 58. 1828–1829.
14. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 290. Л. 248–248 об. 1822, л. 3.
15. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 20. Л. 98. 1822, л. 20.
16. РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18267. 2 л. 1852.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 43. Д. 138. л. 9. 1843 – 1844.
18. РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 656. 1882, лл. 2–4.
19. РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 25. 123 л. 1876 – 1886, л. 93.
20. *Аммосов К. М.* Состояние улусных школ. Астрахань, 1893.
21. *Анисов М. И.* Источники изучения истории педагогики. М., 1991.
22. *Ефремова В. Ф.* Из истории просвещения дореволюционной Калмыкии

// Вестник калмыцкого научно-исследовательского института. Элиста, 1968. № 3.

23. *Ефремова В. Ф.* Очерки по истории школьного образования в Калмыкии: Дис. ... канд. пед. наук. Л., 1969.
24. *Загидуллин И. К.* Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX века / Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. Казань, 1992.
25. *Панькин А. Б.* Этнокультурная коннотация образования: Монография. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2009.
26. *Попов И. И.* Донские калмыки-казаки. Очерки Всевеликого Войска Донского. Издание отдела народного просвещения Всевеликого Войска Донского. 1918.
27. *Ремилёва Е. С.* Ойрат-Монголы. Обзор истории европейских калмыков. Германия: изд-во «Бертуган», 2010.
28. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения, СПб, 1874.
29. *Сабольчи М.* Этноцентризм в образовании: сравнительный анализ // Перспективы. 1990. № 2.
30. *Тарабановская Е. А.* Развитие образования татар, калмыков, казахов в Астраханской губернии в XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2001.
31. *Ташинов Н. Ш.* Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста, 1969.
32. *Толстой Л. Н.* О свободном возникновении и развитии школ в народе / Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1953.
33. Энциклопедический словарь / Под ред. Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. Т. XIII. СПб., 1894.
34. *Эфиров А. Ф.* Нерусские школы Поволжья, Приуралья, Сибири. Исторические очерки. М.: Учпедгиз, 1948.

О. Ю. Солопанова

Кубанский государственный университет, профессор кафедры дошкольной педагогики и психологии, доктор педагогических наук, доцент, Заслуженный работник культуры Кубани (350062, г. Краснодар, ул. Атарбекова, д. 5/1; тел.: (8918) 480-71-81)

Б. М. Целковников

Кубанский государственный университет, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, доктор педагогических наук, профессор, Член-корреспондент МАНПО (350062, г. Краснодар, ул. Атарбекова, д. 5/1)

МАГНИТИЗМ ПЕДАГОГИКИ И МУЗЫКИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Интерес педагогики к музыке, к теории ее познания, включая относящийся к данной сфере искусства понятийно-терминологический аппарат, становится более интенсивным, и хотя в опосредованной форме обращение представителей разных сфер знаний к данному искусству, к его специфическим законам наблюдалось и ранее, научно-педагогический потенциал музыки и теории ее познания специально изучению не подвергался.

педагогические науки; музыка; субъектность; интонирование; наука; феномен

В научно-педагогических работах последнего времени все более отчетливо дает о себе знать потребность специалистов в обращении к музыке и к ее понятийно-категориальному аппарату как необходимому основанию осмысления разнообразных сторон педагогической теории и практики. Некоторые педагоги (Ш. А. Амонашвили [1], Б. С. Гершунский [5], А. А. Остапенко [9]) считают вполне правомерным говорить, например, о музыкальности образовательного процесса, о его специфическом «звучании», о необходимости опоры в его построении на закономерности музыкального искусства. Плодотворность еще более тесного сближения педагогики и музыки, обуславливается в первую очередь тем, что главным их предметом является субъектность человека, его целостный внутренний мир. С этой позиции, специалисты говорят о возможности построения антропологически-целесообразного образовательного процесса (В. И. Слободчиков [12, с. 17–55], Е. В. Бережнова [3] и др.).

Кроющийся в музыке и теории ее познания художественно-педагогический потенциал позволяет значительно глубже проникнуть в «образ человека», постичь уникальный опыт его взаимодействия с окружающей действительностью, что всегда выступало насущной потребностью педагогической науки и практики.

Действительно, у педагогики и музыкального искусства один и тот же предмет – человек, а в условиях педагогического процесса – личность ученика. Субъектная сущность человека воплощается в музыке через такой универсальный феномен, как интонирование.

По своей сущности интонирование выступает не только фундаментальным феноменом музыки, но и смысловым явлением культуры, функциональное значение которого состоит в способности образовывать, нести, аккумулировать, транслировать культурные смыслы.

Универсальность теории интонации и феномена интонирования, которые вскрывают специфическую природу музыки, состоит в том, что они, по мнению специалистов (В. В. Медушевский [7], Г. М. Пресс [10]) могут служить основанием для сравнения всех сфер культуры, обнаруживать в них общие корни и специфические особенности взаимодействия друг с другом. Согласно утверждению автора данной теории Б. В. Асафьева [2, с. 8–57], интонирование представляет собой одно из проявлений образно-смысловой деятельности человеческого интеллекта.

Опора на такой феномен, как интонирование может помочь конкретному педагогу и педагогической науке и практике в целом выйти на новый, еще более высокий уровень организации образовательного процесса, наделить его содержанием и форму художественно-смысловой целостностью, глубиной и выразительностью. Ценность музыки и опыта ее теоретического познания для педагогики, как мы это понимаем, как раз и состоит в том, что заключает в своей сущности все основные уровни реальности человека: объективную, субъективную, трансцендентальную.

Обращенные к субъектности человека, педагогика и музыка заключают в себе еще одно общее свойство – единство «содержания» (в конструктивном плане – «материала») и «формы», на основе которого реализуется главная цель этих двух сфер культуры: духовное становление и развитие личности.

Опора на синтез педагогики и музыки благоприятствует достижению главной цели любого образовательного процесса и образования в целом.

В этом случае особую значимость приобретает не только передача новому поколению «социального опыта» в виде знаний и способов деятельности, но создание условий для становления духовно-нравственной личности, с высоким уровнем эмоционально-ценностного, творческого отношения к действительности (В. П. Зинченко [6]).

По мнению Б. М. Неменского [8], педагогической науке требуется понимание существования особой сферы познания жизни – художественной, обращение к уникальному опыту искусства, потенциал которого в пробуждении человеческого в человеке не имеет себе равных в других областях познания.

Действительно, обращаясь к музыке, мы имеем дело с особым предметом познания, где важен не только реальный факт, материальный объект или природное явление, а личностное отношение человека к ним. Вбирая в себя опыт музыки, опираясь на ее законы, педагогика тем самым может существенно расширить свое смысловое пространство и всецело сосредоточить усилия на развитии духовно-нравственной сферы человека как сущностной силы его творческого самоуправления.

Мы полагаем, что именно в силу названных качеств музыка и сложившийся к настоящему времени опыт теоретического ее познания могут стать важной основой в осмыслении педагогических феноменов, в обогащении их содержания новыми, еще более глубокими и выразительными смысловыми оттенками.

Научно-педагогический потенциал теории музыки, согласно принципу дополнительности (Н. Бор и др.), заключается в использовании музыкально-теоретических знаний уже не в привычной для них функции («объяснять какое-либо явление в музыке»), а в их применении для организации конкретного образовательного процесса, педагогического действия.

Мысль К. Д. Ушинского о том, что «педагогика – это не наука, а искусство» [13], не утрачивает своей актуальности и сегодня, поскольку утверждает необходимость гармоничного сочетания в педагогике рационализма науки и чувственной импровизации искусства. Одновременно с этим педагогика – это искусство,

ибо предполагает творческое решение педагогом различных, зачастую трудно предсказуемых, нестандартных учебных и воспитательных задач. Именно в этом плане работу педагога-практика специалисты сравнивают с деятельностью музыканта-исполнителя, всегда вносящего свое личностное видение в интерпретацию замысла музыкального произведения (Гершунский Б. С. [5]).

Укрепляя свои внутренние связи с музыкой и теорией ее познания, вбирая в себя специфические законы данного искусства, педагогика может существенно обогатить собственную теорию и практику, в том числе – вывести организацию образовательного процесса на новый, еще более высокий – *художественно-смысловой* уровень. Именно этот уровень выступает одним из главных условий достижения в организации образовательного процесса, единства ценностно-ориентационной, познавательной, преобразовательной и коммуникативной деятельности его участников.

Организация образовательного процесса в опоре на законы музыки предполагает создание атмосферы и конструирование ситуаций, делающих возможным и подготавливающих у субъектов этого процесса состояние сопереживания, «внедрение» переживания в собственное духовное пространство. Для создания такой ситуации образовательный процесс должен выстраиваться именно с учетом художественных закономерностей музыки, принципов ее развития и формообразования.

Благодаря этому традиционные способы передачи социального и культурного опыта наделяются чертами художественности, а драматургия образовательного процесса строится и протекает по специфическим законам искусства, когда традиционный по форме урок трансформируется, в урок-спектакль, урок-концерт, урок-диалог и пр. (О. С. Булатова [4, с. 53–60], В. Г. Ражников [11]).

В опоре на музыку и ее художественные закономерности сам процесс выстраивается как драматургический, с учетом развития художественного замысла (что, собственно, и характеризует истинное искусство), а все происходящее в нем становится личностно значимым *событием* каждого участника. Музыка и ее законы для педагогики становятся своеобразным духовно-энергетическим источником, содействуют освобождению реального образовательного процесса от нагромождения в нем «внешних форм» и «поверхностной активности», направляя его участников по пути истинного творческого самопознания.

К сожалению, сущностный и прикладной потенциал музыки и теории ее познания в педагогической науке и практике используется еще крайне слабо. Более того, при попытках осмысления специалистами путей сближения педагогики и музыки выясняется тот факт, что само музыкальное искусство и теория его познания в логическом плане чаще всего рассматриваются при этом как «частное» (музыка) по отношению к «общему» (педагогика).

Включение в семантическое «поле» педагогики элементов знаковой системы музыки усиливают коммуникативные и трансляционные процессы в ситуациях реального образовательного процесса.

Положение о том, что музыку с педагогическими явлениями связывает общий сущностный признак – процессуально-временной и динамичный характер.

Займствованный из музыки в виде критериев-аналогов своеобразный инструментарий, свидетельствующий о динамических, ритмических, ладотональных и других соотношениях в построении музыкального произведения, так же может быть использован для выявления особенностей развития образовательного процесса.

Определение понятия «модус образовательного процесса», которое вводится нами в теорию педагогики и может восприниматься, осмысливаться и оцени-

ваться как определенное эмоционально-окрашенное состояние субъектов данного процесса, как аналогичная его атмосфера в каждый момент его протекания (развертывания). По сути, модусы в образовательном процессе выступают как психологические его основания и поэтому являются особым предметом педагогической рефлексии. Модус образовательного процесса – это категория, определяющая эмоционально-психологическое состояние данного процесса, «вызванное к жизни» посредством конкретного содержания и адекватных специфике последнего форм, методов и способов его постижения.

В содержательном плане модус образовательного процесса есть особое состояние психики субъектов образовательного процесса, наделенное в каждом конкретном случае определенным объемом и интенсивностью эмоционально-чувственных переживаний и интеллектуальных усилий. По своим характеристикам модус образовательного процесса может быть созерцательным, деятельным, устойчивым, напряженным, диффузным, противоречивым, спокойным и т. д.

В рамках нашей работы было определено понятие «художественно-смысловое развитие образовательного процесса», которое вводится нами по аналогии с представлениями теории музыки о процессуальной природе данного искусства. С этих позиций нами выделяются как минимум два вида художественно-смыслового развития образовательного процесса: развитие *предметное* (сюжетно-театральное), обусловленное содержанием данного процесса и *смысловое* развитие, основанное на учете внутренних психологических факторов, лежащих в основе организации и протекания образовательного процесса.

Подобно композиторской деятельности, педагог моделирует художественно-смысловое развитие конкретного образовательного процесса, осуществляет выбор не только его дидактических, но и художественных оснований: тональность, оптимальную фактуру, целесообразный метро-ритм и т. д. В конечном счете, эти творческие размышления-действия суммируются в определенную интенцию, которая может быть названа «логикой создания художественной композиции образовательного процесса». Отметим особо, что овладение данной логикой становится особенно необходимым в настоящий момент, когда значительно возрастают объемы информации и требуется их композиционное оформление.

Организация образовательного процесса как художественно-дидактического и художественно-смыслового пространства предусматривает включение в него субъектов, которые получают возможность не только воспринимать предлагаемую композиционную логику занятия, но и активно участвовать в ее реализации, вносить в это процесс при необходимости те или иные изменения.

Идея о целесообразности и плодотворности использования в педагогике понятий «звучащий образовательный процесс» (а в более широком смысле – «звучащая педагогика»), «интонационный слух педагога», «педагогическое интонирование». Данные понятия по отношению к педагогике еще стали нормативными для области, которая, прежде всего, относится к вербальной культуре. Однако сама вербальная культура в своем основании предполагает использование человеком всех имеющихся у него от природы анализаторов, в том числе – зрения и слуха. Именно поэтому понятие «звучащая педагогика» нельзя считать лишь метафорой, ибо педагогическая практика всегда была и остается ориентированной на эмоциональное понимание, пребывает в режиме «говорю – слушаю».

В реализации заявленной идеи мы исходим из того, что в «звучащей педагогике» функция *слова* претерпевает существенные изменения, поскольку выступает уже не только как знаковая система с определенным языковым смыслом, но и наделяется особым качеством музыки – интонационностью. Благодаря этому

педагог выходит на уровень создателя (сценариста, драматурга, организатора-постановщика) образовательного процесса как *произведения*. При этом возникает необходимость не только в организации содержания конкретного образовательного процесса, но и в порождении его *смысловой интонации* (идеи-смысла), в нахождении адекватных средств ее развития и художественно-смыслового оформления.

Вывод о том, что теоретико-методической основой организации образовательного процесса выступает интегративный по характеру мета-принцип *художественности*, который, в свою очередь, включает в качестве особых художественно-дидактических принципов следующие: принцип интонационной направленности; принцип динамического баланса; принцип метро-ритмической организации; принцип ладотональных соотношений; принцип полифонического развития. Каждый из этих принципов выполняет определенную функцию в организации образовательного процесса, смысл которых в обобщенном виде сводится к следующим установкам: 1 – отказ от примитивной логизации содержания образовательного процесса; 2 – опора на художественно-образную информацию; 3 – деятельно-практический подход к каждому элементу образовательного процесса, придание им художественно-эстетической выразительности; 4 – опора на полифонизм деятельности субъектов образовательного процесса; 5 – достижение в организации целостной архитектуры образовательного процесса выразительных логических и интонационных «линий», метроритмических акцентов, гармоничной эмоционально-смысловой динамики и фактуры, оптимальных тональных и тембровых соотношений.

Основой реализации данных принципов организация образовательного процесса выступает своеобразная технология, включающая в себя следующие «ключевые» операции: 1 – определение главной интонации-идеи конкретного образовательного процесса, его художественно-смыслового образа с позиции целостной композиционной драматургии; 2 – определение художественного и жизненного контекста образовательного процесса; 3 – разработка живой партитуры взаимодействия субъектов данного процесса друг с другом; 4 – выявление кульминации в целостной архитектонике образовательного процесса.

Из вышеизложенного следует, что любые человеческие отношения интонационны и рассматривать их необходимо как преобладание эмоционального смыслополагания над рациональным. В нашем понимании образовательный процесс – это мелодия человеческих отношений, что позволяет говорить о качественно иной педагогической системе. В исследовании мы раздвинули границы понятий «образовательный процесс», «структура образовательного процесса», «организация образовательного процесса», «развитие образовательного процесса» за счет привнесения в них эмоционально-смыслового содержания, что привнесло существенное отличие в целевом компоненте организации образовательного процесса. Субъективно ею становится эмоциональное благополучие обучающегося как фон усвоения содержания образования, в результате чего складывается эмоционально-положительное взаимодействие педагога и обучающегося.

Библиографический список:

1. *Амонашвили Ш. А.* Размышления о гуманной педагогике. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2001.
2. *Асафьев Б. В.* Видение мира в духе музыки // Блок и музыка: Сб. ст. / Сост. М. Элик. М.-Л.: Изд. Советский композитор. 1972.
3. *Березнова Е. В.* Прикладное исследование в педагогике: Монография. М.– Волгоград: Изд. Перемена, 2003.

4. Булатова О. С. О роли художественного начала в педагогической деятельности // Педагогика. 2005. № 4.
5. Герциунский Б. С. Философия образования для XXI в. (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Изд. Интер Диалект+, 1997.
6. Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Ч. I. Живое знание. Изд. 2-е, испр. и доп. Самара: Изд. Самарский Дом печати, 1998.
7. Медушевский В. В. Интонационная форма музыки: Исследование. М.: Изд. Композитор, 1993.
8. Неменский Б. М. Пути очеловечивания школы // Новое педагогическое мышление. М.: Изд. Педагогика, 1989.
9. Остапенко А. А. Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технологии. М.: Изд. Народное образование НИИ школьных технологий, 2005.
10. Пресс Г. М. Интонирование как универсальный механизм смыслообразования и смыслопроявления в культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Бийск, 2008.
11. Ражников В. Г. Диалоги о музыкальной педагогике. М.: Изд. Музыка, 1989.
12. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Учеб. пос. для вузов. М.: Изд. Школьная пресса, 2000.
13. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Предисловие // Собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М.; Л.: Изд. АПН РСФСР, 1950.

О. А. Кондратенко

Челябинский государственный педагогический университет, доцент кафедры технологии и предпринимательства и методики преподавания технологии и предпринимательства, кандидат педагогических наук, доцент (454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 69)

ФОРМИРОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В связи с повышением требований к профессиональной подготовке выпускников педагогического вуза особое значение отводится формированию визуальной компетенции будущего специалиста. В статье рассматривается проблема формирования визуальной компетенции студентов педагогического вуза, обучающихся по профилю «Технология. Экономика» как важной составляющей профессионально-педагогической компетентности учителя. Показано, что данная компетенция может быть сформирована только в ходе применения в образовательном процессе метода визуализации учебного содержания, в частности, такого как инфографическое проектирование или инфографика

компетентностный подход; визуальная компетенция учителя; инфографика; инфографическое проектирование

В настоящее время подготовке будущего учителя технологии придается особое значение. Педагогическое образование по профилю «Технология. Экономика» универсально по своему содержанию. Во-первых, оно сочетает основы общетрудовых знаний и умений с квалификацией учителя, выполняет важнейшую роль в профессиональном самоопределении личности, обеспечивает широкую технологическую и экономическую подготовку, всесторонне оказывает содействие реализации принципа связи обучения с жизнью.

В последние годы значение педагогического образования по профилю «Технология. Экономика» увеличивается в связи с реализацией в профессиональном образовании идеи компетентностного подхода.

Компетентностный подход к подготовке учителя технологии многими авторами рассматривается как необходимое условие повышения конкурентоспособности и профессиональной мобильности будущих педагогов (Ю. И. Аскерко, Т. С. Борисова, Ю. С. Дорохин, С. И. Торопов). Профессиональная конкурентоспособность и мобильность учителя зависят от его своевременного адекватного восприятия и мобильного реагирования на новые социокультурные факторы, появление и развитие изменений в области техники и технологий.

XXI век это время прогрессивных технологий. Этот мир захлестнут потоком информации и ярких визуальных впечатлений. Современные школьники ежедневно испытывают последствия стремительно поступающей отовсюду информации. Следует отметить в общем информационном потоке визуальную информацию как важную составляющую современного информационного пространства (В. В. Колодий, А. В. Колосов, Е. В. Сальникова). Ученые констатируют, что в последние годы интерес к проблемам визуальности активизировался в самых разных сферах жизнедеятельности, особенно в культуре, где «происходит настоящий бум визуальности» [1, с. 5]. Итак, темп современной жизни ускоряет-

ся, а объем информационного потока растет. Все это требует быстроты восприятия информации, а также более гибких и разнообразных способов трансляции информации. Однако в организации учебного процесса в качестве способа передачи информации, традиционно, используется в основном, вербальная составляющая коммуникации, устно-письменная.

В условиях увеличения скорости передачи и объема единиц информации визуальный способ распространения информации признается наиболее эффективным. Преимущество визуального источника перед вербальным было оценено в первую очередь представителями бизнес-консалтинга, которые используют визуальные образы как средство продвижения своих коммерческих идей. Здесь рисунки используются как инструменты, позволяющие «наглядно отображать сложные понятия, объединять и обобщать широкий диапазон информации так, чтобы она стала более доступной и понятной» [2, с. 24]. Анализ источников, выполненных на данную тему, показал, что сами представители бизнеса заинтересованы в проведении активной работы, направленной на разработку визуальных образов в виде базовых рисунков, схем, шаблонов, которые, по мнению авторов, помогают решать самые разнообразные проблемы, но не только в бизнесе.

На современном этапе развития образования идея визуализации проникает и в педагогику, где происходит понимание ее особой значимости и роли в обучении. Педагоги-исследователи признают, что в новых условиях образования активное внедрение визуального моделирования наряду с традиционным, вербальным, процесс более чем своевременный и необходимый [3].

С возникновением глобальной проблемы вхождения личности в информационное пространство и ее продуктивной ориентации в нем усиливается необходимость формирования особенного профессионального качества учителя, обеспечивающего ему возможность уверенно и осмысленно предоставлять ученикам и их родителям учебную информацию, сведения и данные в визуальной форме. Суть искомого феномена, на наш взгляд, в наиболее общем виде может быть отражена в понятии «визуальная компетенция», под которой мы понимаем знание, умение и опыт учителя систематизировать, структурировать, преобразовывать текстовую информацию в визуальную форму, используя визуальные средства. Считаем необходимым включить визуальную компетенцию в число важных компетенций, составляющих профессионально-педагогическую компетентность педагога.

Теоретико-методологические вопросы профессиональной компетентности исследованы в работах Б. С. Гершунского, Э. Ф. Зеера, И. А. Зимней, А. В. Хуторского, Ю. Г. Татура и др. Анализируются отдельные направления, посвященные формированию профессиональной компетентности будущих учителей технологии (Ю. И. Аскерко, Р. Д. Гаджиев, С. Г. Коротков, Ш. Р. Мусин, Э. Ф. Насырова, С. И. Торопов, Ш. М. Рузиев и др. В ряде работ (П. Р. Атутов, С. Я. Батышев, М. К. Билалов, С. П. Брагина, А. С. Валеев, З. А. Гаджимомедова, Р. А. Галустов, М. Г. Корецкий, Т. Р. Наурулина, М. М. Шихмирзаев) и др. исследуются факторы и условия повышения качества профессиональной подготовки учителей технологии, однако они не рассматриваются в связи с формированием визуальной компетенции как одной из необходимых составляющих профессиональной компетентности будущего выпускника педагогического вуза.

В педагогической литературе понятия «компетенция» и «компетентность» разделяются. Не прибегая к подробному анализу указанных понятий, так как он достаточно подробно представлен в различных научных источниках, отметим лишь наиболее общие отличия компетенции и компетентности. Компетенции, в

основном, представляют собой результат обучения выпускника, в качестве которого выступают усвоенные знания, умения, навыки, высокий уровень владения ими. Компетентность – личностное качество, свойство, синтезирующее в себе всю совокупность компетенций, включающее в себя ряд аспектов: мотивационный, когнитивный, поведенческий и др., а также готовность к осуществлению профессиональной деятельности, предполагающей те или иные компетенции.

Важным условием при отборе содержания профессиональной подготовки студентов в контексте компетентностного подхода является изучение соответствующих нормативных государственных документов, в которых зафиксированы основные принятые компетенции учителя. Однако в документах в области образования, в государственных стандартах, в том числе и по педагогическому направлению подготовки [4], а также в научных исследованиях, посвященных проблемам компетентностного подхода в педагогическом образовании, среди выделенных компетенций часто не акцентируется внимание именно на визуальной компетенции, которая либо не дифференцируется авторами среди других компетенций, связанных с информацией, и не рассматривается отдельно, либо ей не придается значение вовсе. Вместе с тем многие исследователи отмечают важность информационных навыков учителя, включающих ориентацию в информационных потоках, умение анализировать и обобщать большое количество информации, использовать ее в профессиональной деятельности (О. М. Владыко, Г. Р. Туйсина). Однако информационные навыки учителя на страницах научных источников рассматриваются, в основном, в контексте формирования ИКТ-компетенций (Ю. И. Аскерко, Д. В. Дахин), при этом внимание на визуальной компетенции не фиксируется.

Однако, практика и результаты научных исследований свидетельствуют о том, что уровень сформированности визуальной компетенции учителей технологии и экономики не соответствует современным требованиям. Умение визуального преобразования и подачи учебной информации не всегда осознаются будущими учителями как важный компонент их эффективной профессионально-педагогической деятельности. Значительная часть молодых специалистов испытывает затруднения в осуществлении визуальной компетенции в ходе проведения уроков. В то же время визуальная компетенция анализируется в некоторых научных публикациях последних лет при рассмотрении проблемы визуализации знаний как условия совершенствования профессиональной подготовки специалистов разных профилей. Так, предлагается рассмотреть возможности и перспективы совершенствования визуальных компетенций в подготовке эколога. Формируемые визуальные компетенции экологов рассматриваются как показатель их визуальной культуры, культуры зрительного восприятия, переработки и отображения визуальной экологической информации и, в конечном итоге, как неотъемлемая часть их профессиональной культуры [5]. В другом источнике, посвященном визуальной компетенции, искомая компетенция интерпретируется автором как «умение работать с графическим редактором при создании коллажа» [6]. Материалом для исследования данной компетенции послужил материал образовательной области «информатика». Понятие «визуальная компетенция» встречается в работах, выполненных в различных научных областях: социологии (А. Н. Андреев, Н. К. Иконникова, П. Штомпка); теории мультимедийного искусства (О. Грау); геологии (Ю. Попов); журналистики (С. С. Бодрунова); автоматике (А. И. Мохов) и др.

Что касается визуальной компетенции учителя, данное понятие встречается крайне редко. Нам удалось обнаружить лишь малое количество работ, предметом которых выступает визуальная компетенция педагога. Так, про-

фессиональная визуальная компетенция учителя рассматривается как актуальная в связи с глобальной тенденцией визуализации культуры и образования и, во-вторых, ее сквозной ролью в системе профессиональных компетенций. При этом под профессиональной визуальной компетенцией учителя понимается способность кодировать информацию для ее движения по визуальному каналу и способность декодировать визуально представленную информацию [7].

В педагогической литературе исследуются феномены, обозначенные понятиями и терминами, которые созвучны визуальной компетенции: «визуализация дидактической информации», «когнитивная визуализация» (М. Манько, А. Г. Рапуто), «визуальная среда обучения» (О. А. Павлова), «визуальная грамотность» (Ю. А. Аверкин, А. Г. Рапуто); «визуальные модели учебной информации» (Н. А. Неудахина); визуальное мышление (Р. Арихейм, А. В. Лагун, Н. А. Резник, И. А. Серикова); визуальная культура (О. В. Мехоношина, А. Г. Рапуто); визуальное восприятие (Е. Ф. Кузнецов, М. Е. Кузнецов) и др. Однако, несмотря на большой перечень понятий, близких к визуальной компетенции, феномены, обозначенные этими понятиями, не рассматриваются исследователями с позиции компетентностного подхода.

Таким образом, визуальная компетенция учителя, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, во-первых, в условиях повышенного интереса к визуальности в культуре и науке, а во-вторых, в связи с принятием компетентностного подхода в образовании, в-третьих, недостаточно полным анализом данной компетенции в условиях подготовки учителя технологии и экономики. Очевидно, что формирование вышеназванной компетенции является профессиональной необходимостью для студентов естественно-технологического факультета.

На естественно-технологическом факультете Челябинского государственного педагогического университета складываются оптимальные условия для повышения уровня визуальных компетенций у будущих учителей технологии и экономики в контексте компетентностного подхода. Поскольку ученые утверждают (и мы с ними солидарны) что «Визуальное начало присутствует в большинстве видов человеческой деятельности: труд, развлечение, создание произведений искусства» [8, с. 5], берем на себя смелость предположить: многие дисциплины технологического профиля визуальностью обладают имманентно. Будущие выпускники, специалисты в области преподавания технологии и экономики как в ходе всего обучения, так и в дальнейшей профессиональной деятельности, имеют дело с производством материальных изделий, творческий процесс создания которых предполагает наличие визуальных составляющих, таких, как визуально-образное воплощение идеи, дизайн-проектирование и др. Одной из таких дисциплин, в которой организация материала, в основном, с визуальной опорой, является «Художественная обработка металла». Дисциплина «Художественная обработка металла» входит в состав блока профессиональных дисциплин программы подготовки бакалавриата. Особенности данной дисциплины таковы, что визуальное представление учебного контента данной дисциплины явно преобладает над вербальным [9]. Именно наглядная визуальная демонстрация технологического процесса дает полное понимание сущности всех этапов выполнения изделий из металла. Визуальность, характерная для данной дисциплины, диктует специфику учебных заданий, направленных на формирование визуальной компетенции. Опыт работы в высшей школе показывает, что визуальная компетенция будущего учителя будет сформирована в рамках дисциплины «Художественная обработка

металла», если в ходе их преподавания применить инфографическое проектирование или инфографику.

Инфографика как метод визуального представления информации получила чрезвычайную популярность в СМИ в результате многих социальных и технологических факторов: падение государственной монополии на информацию, достижения в сфере высоких информационных технологий, глобализация и интернетизация мирового сообщества. Ускорение темпа жизни и, соответственно, скорости потребляемой информации, актуализировало потребность в максимально доступном и быстром способе анализа, передачи и восприятия информации. Характерной особенностью инфографики выступает сочетание текста, числовых данных и иллюстраций в виде графических образов. В настоящей статье будем придерживаться определения инфографики, предложенного специалистами в области дизайна, т. е. теми, кто ее непосредственно создает. Инфографика это «изображение, передающее смысл, данные, информацию с помощью графики, а не текста» [10].

В связи с интенсивным развитием инфографики как специфического вида иллюстративного жанра масс-медиа, усилился интерес к ней со стороны современной науки. Инфографика с недавнего времени выступает не только средством передачи информации, но и объектом научного анализа: в библиографии, информационной аналитике (К. В. Нефедьева); дизайне (В. В. Лаптев); филологии (М. Р. Желтухина); геодезии (И. О. Надьров) и др. Что касается сферы образования, то здесь инфографика совершает первые пробные шаги. Первоначально попытки применения инфографики в обучении были предприняты школьными педагогами. Появились первые практико-ориентированные работы, в которых было приведено описание накопленного опыта применения инфографики на уроках в школе, главным образом, с методической точки зрения [11, с. 34–42]. Впоследствии инфографика стала постепенно проникать в практику вузовского обучения, что подтверждается исследовательскими данными, приведенными в научных публикациях. Предпринимаются попытки научного обоснования опыта применения инфографики на занятиях со студентами. В настоящее время инфографика в вузе как метод экспериментальный, пробный, находится на ранней стадии становления, на том этапе, когда еще предстоит раскрыть образовательный потенциал данного инструмента. Он еще не оценен в полной мере преподавателями, представление о его значении и эффективности ещё не сформировано [12].

В экспериментальных целях студентам-технологам было предложено задание по разработке инфографики. Ее создание предполагает применение продуктивных действий по поиску, сбору, отбору и анализу новой для себя информации с последующей визуализацией полученных данных, самостоятельной собранной и скомбинированных. Причем каждому студенту предстоит определить наиболее приемлемые визуальные средства для преобразования и представления собранной им информации. Художественная обработка металла относится к тем дисциплинам, которые обладают ярко выраженной прикладной направленностью. Какова может быть тема инфографики по художественной обработке металла? Для реализации этого метода важно выбрать тему, отвечающую содержанию учебной программы, и одновременно значимую для формирования визуальной компетенции студента. Чаще всего, сама тема учебного материала или лекции подсказывает необходимость или возможность обращения к этому приему. Так, тема «Технология художественного литья» содержит интересную информацию, которая может быть преподнесена наиболее увлекательно, в форме инфографики. Это может быть инфографический плакат, красочно повеству-

ющий о последовательности всех этапов технологического процесса художественного литья. Процесс изготовления литого изделия состоит из нескольких этапов: разработка эскиза будущего художественного литого изделия; создание модели; изготовление литейных форм, заливку в них металла и др.

Работа над инфографикой завершается представлением и защитой инфографического проекта. Таким образом инфографику рассматриваем как нестандартный подход к анализу и представлению информации в учебных целях, способ подачи учебной информации, при котором текстовое описание дополнено визуальным оформлением. Инфографика выступает эффективным средством формирования визуальной компетенции студента-технолога. В процессе создания инфографики студент учится визуализировать мысли и идеи, подбирать зрительные образы, служащие визуальным аналогом дискурсу, тем самым минимизировать количество слов. Визуализация превращается в средство конкретизации, дополнения и иллюстрации текстового материала, позволяет по-новому взглянуть на проблему усвоения знаний в сочетании визуального материала и вербального. Визуальный потенциал дисциплин технологического профиля должен быть в полной мере использован для формирования визуальной компетенции студента.

В условиях повышенного интереса к визуальности в культуре, образовании и науке, а также утверждения компетентного подхода на основе Федеральных государственных образовательных стандартов, возрастает важность визуальной компетенции учителя, которая, на наш взгляд, заслуживает разностороннего анализа. Визуальная компетенция составляет важную часть профессиональной подготовки учителя, владения им методами визуализации. Обосновывая важность визуальной компетенции, с необходимостью уточняем, что данная компетенция не умаляет важности и значения текстового (вербального) представления содержания. Речь идет о взвешенном использовании элементов визуализации с учетом всех специфических особенностей учебного контента.

Библиографический список

1. *Семьян Т. Ф.* Визуальный облик прозаического текста как литературоведческая проблема: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск. 2006.
2. *Роэм Д.* Визуальное мышление. Как продавать свои идеи при помощи визуальных образов / Пер. с англ. Медведь О. М.: Манн, Иванов, Фарбер, Эксмо, 2013.
3. *Дальская В. А.* Формирование певческого голоса у студентов-вокалистов средствами визуального моделирования в вузах культуры и искусств: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2012.
4. Федеральные государственные образовательные стандарты. Проекты ФГОС высшего профессионального образования. Образование и педагогика: Педагогическое образование // <http://www.cspu.ru>
5. *Полянская А. В.* Когнитивно-образовательный потенциал компьютерной визуализации учебной информации в профессиональной подготовке экологов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8.
6. *Рауто А. Г.* Запись и формирование визуальной компетенции «уметь работать с информацией при создании коллажа» // Информатика и образование. 2009. № 5.
7. *Тихомирова В. Т.* Психологическое сопровождение визуальной профессиональной компетенции учителя в условиях общеобразовательной школы // <http://www.docme.ru>

8. Семьян Т. Ф. Визуальный облик прозаического текста как литературоведческая проблема: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск. 2006.
9. Чеканка, басма, насечка // <http://maxima-library.org>
10. Горчаков М. Всё-таки, что же такое инфографика? // <http://infographer.ru>
11. Селеменов С. В. Школьная инфографика // Образование в современной школе. 2010. № 2.
12. Калитина К. В. Использование инфографики в образовании // Проблемы высшего образования. 2013. № 1.

Т. В. Нестеренко

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, преподаватель гуманитарного колледжа (350015, г. Краснодар, ул. Буденного, д. 161; тел.: (8612) 55-35-17, (8612) 55-35-73; doc@kgafk.ru)

ЭККУРСИЯ КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ТУРИСТСКОГО КОЛЛЕДЖА

Технология организации учебного процесса в вузах и СПО осуществляет развитие компетентности учащихся в рамках отдельных учебных дисциплин. Но действовать будущему специалисту придется, используя все приобретенные знания, умения и навыки в разных объемах и сочетаниях, в соответствии со степенью освоенности профессиональных действий и уровнем социальной зрелости. Одним из основных современных активных инновационных методов обучения в условиях формирования профессиональной компетентности является экскурсия. Большинство специалистов отмечают высокую степень эмоционально-личностного восприятия обучающихся именно на экскурсии.

профессиональная компетентность; компетенция; активное обучение; экскурсия

Основная цель современного профессионального образования – это подготовка квалифицированного, компетентного специалиста, готового к работе в условиях возрастающей конкуренции на рынке труда [7, с. 319–322].

Под компетентностью В. И. Байденко [1, с. 43], Э. Ф. Зеер [5, с. 33–36], И. А. Зимняя [6], Ю. Г. Татур [11, с. 78–80], А. В. Хуторской [14, с. 5–15] и др. понимают владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. Компетенция этими же авторами трактуется в широком смысле как знание, опыт, осведомленность в какой-либо области, а также как круг полномочий определенного органа или должностного лица, установленный законом, уставом, стандартом или иным актом.

Так на основании теоретического анализа и обобщения данных научно-методической литературы (В. И. Байденко, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, Ю. Г. Татур и т.д.) были выделены следующие структурные компоненты компетенций, составляющие профессиональную компетентность: мотивационно-ценностные, коммуникативные, креативные, ценностно-смысловые (ценностные), морально-волевые.

Формирование компетенций происходит средствами содержания образования. Проведенные исследования также показали, что силами традиционной организации учебного процесса студентов туристского колледжа поставленные задачи знакомства и развития профессиональной компетентности в предполагаемой сфере деятельности решить невозможно.

На основании анализа научно-литературных источников и научно-исследовательских методик сочетания индивидуальных и коллективных форм работы студентов [9, с. 29–33], компетентного подхода в контексте личностно-ориентированного образования [12, с. 192], организации обучения по ведущим целям [2, с. 20–21], по приемам активного мотивированного овладения учащимися системой знаний и способов деятельности [13, с. 50] и др. процесс

формирования профессиональной компетентности основывается на технологии использования в учебно-воспитательном процессе сочетания методов, форм и средств активного обучения с традиционным. По мнению специалистов, они в комплексе создают условия для повышения качества подготовки будущих специалистов сферы туризма.

Степень активизации учащихся рассматривается в зависимости от того, какие и сколько из видов активности обучающихся на занятии проявляется. Например, на лекции используется мышление (в первую очередь память), на практическом занятии – мышление и действие, в дискуссии – мышление, речь и иногда эмоционально-личностное восприятие, в деловой игре и на экскурсии – все виды активности [15, с. 38–42].

При этом ряд специалистов (Г. П. Долженко [3, с. 271], Б. В. Емельянов [4, с. 216], А. С. Скобельцына [10, с. 187]) отмечают высокую степень эмоционально-личностного восприятия обучающихся именно на экскурсии.

Это объясняется тем, что экскурсия, по мнению Л. В. Курило [8, с. 206], не только успешно помогает усваивать учебный материал всеми студентами, но и позволяет развивать их творческий потенциал, умение самостоятельно конструировать свои знания и применять их для решения познавательных и практических задач, ориентироваться в информационном пространстве, анализировать полученную информацию.

Таким образом, одним из основных современных активных инновационных методов обучения в условиях формирования профессиональной компетентности, по нашему мнению, является экскурсия.

В практической деятельности экскурсия рассматривается в нескольких аспектах:

- как самостоятельная форма воспитания и обучения, как составная часть других форм обучения и воспитания;
- как форма распространения научных знаний;
- как мероприятие по одному из направлений воспитания — патриотическое, трудового, эстетического, а также как часть процесса формирования всесторонне развитой личности.

Наряду с повторением и совершенствованием знаний, умений и навыков проводится исследовательская работа, учащиеся приобретают новые представления, вырабатывают умения, получают новые знания.

Формирование профессиональной компетентности учащихся туристского колледжа из экспериментальной группы происходило не только за счет посещения экскурсий, но и процессе их разработки и проведения в рамках учебной практики.

Подготовка экскурсии начиналась с создания творческой группы. Каждому из участников поручается либо раздел, либо подтема, работа с литературными источниками и т.д.

Разработка экскурсии включает в себя следующие этапы:

1. Определение тематики экскурсии.
2. Ознакомление с литературными источниками.
3. Отбор и изучение экскурсионных объектов.
4. Составление маршрута экскурсии.
5. Подготовка контрольного текста экскурсии (от 5 до 12 подтем).
6. Комплектация «портфеля экскурсовода».
7. Определение методических приемов проведения экскурсии.
8. Определение техники ведения экскурсии.
9. Составление индивидуальных сообщений (текстов).

10. Составление методической разработки экскурсии.

Далее проведение экскурсии и составление отчета о прохождении учебной практики.

Анализ ряда психолого-педагогических исследований ([5], [11], [13]) позволил выделить четыре уровня развития компетенций: репродуктивный – низкий (1 балл), рефлексивный – средний (2 балла), активный – высокий (3 балла), креативный – высший (4 балла). Данные уровни применимы к профессиональной деятельности, в том числе и в сфере спортивно-оздоровительного туризма.

Итоги проведенной экспериментальной работы со студентами контрольной ($n=48$) и экспериментальной ($n=26$) групп показали положительную динамику в формировании профессиональной компетентности, на основании выделенных структурных компонентов компетенций. С целью диагностики уровня развития структурных компонентов компетенций каждого испытуемого проводились беседы и была разработана оценочная анкета. Разработанная методика основана на методе экспертной оценки. В качестве экспертов выступали опытные преподаватели Гуманитарного колледжа ФГБОУ ВПО Кубанский государственный университет физической культуры и спорта и самого вуза, а также организаторы в области спортивно-оздоровительного туризма и экскурсоводы со стажем работы в этой области более пяти лет.

В группах испытуемых произошли изменения по всем выделенным структурным компонентам компетенций, но в экспериментальной группе они носят более выраженный характер:

Мотивационно-ценностные: контрольная группа ($66 \pm 1,69$), экспериментальная группа ($73,2 \pm 1,76$) – достоверность различий ($t=2,77$; $P<0.05$).

Коммуникативные: контрольная группа ($60,8 \pm 1,7$), экспериментальная группа ($69 \pm 2,04$) – достоверность различий ($t=3,35$; $P<0.05$).

Креативные: контрольная группа ($62,4 \pm 1,7$), экспериментальная группа ($75,4 \pm 1,86$) – достоверность различий ($t=6,2$; $P<0.05$).

Ценностно-смысловые: контрольная группа ($64 \pm 2,09$), экспериментальная группа ($67,2 \pm 1,73$) – достоверность различий ($t=2,15$; $P<0.05$).

Морально-волевые: контрольная группа ($58,8 \pm 1,89$), экспериментальная группа ($63,6 \pm 1,86$) – достоверность различий ($t=2,7$; $P<0.05$).

Таким образом, разработанная и апробированная программа учебной практики, основанная на посещении и разработке экскурсии, привела к развитию структурных компонентов компетенций, составляющих профессиональную компетентность будущего специалиста. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод об эффективности экскурсии как метода формирования профессиональной компетентности студентов туристского колледжа.

Библиографический список:

1. *Байденко В. И., Селезнева Н. А.* Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования нового поколения как комплексная норма качества высшего образования: общая концепция и модель. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005.
2. *Бахтина И. С.* Активные методы обучения взрослых // Сестринское дело. 2008. №4.
3. *Долженко Г. П.* Экскурсионное дело Изд. 3-е, испр. и доп. М.: МарТ; Ростов н/Д.: Феникс, 2009.
4. *Емельянов Б. В.* Экскурсоведение: Учебник. М.: Сов. спорт, 2007.

5. Зеер Э. Ф., Заводчиков Д. П., Лопес Е. Г. Реализация компетентностного подхода в профессиональном образовании. Екатеринбург, 2007.
6. Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Интернет-журнал «Эйдос», 2006, май // <http://www.eidos.ru>
7. Кривцова О. В. Компетентностный подход в системе высшего профессионального образования // Сборник научных трудов III международной научно-практической конференции (14–16 ноября 2007) «Инновационные технологии социально-экономического комплекса». Подольск: Институт Экономики, 2007.
8. Курило Л. В., Смирнова Е. В. Основы экскурсионной деятельности: Учеб. пособие // Рос. междунар. акад. туризма. М.: Советский спорт, 2012.
9. Машурин А. М. Концепция творческой одаренности // Вопросы психологии. 2009. № 6. // <http://www.studfiles.ru>
10. Скобельцына А. С., Шарухин А. П. Технологии и организации экскурсионных услуг: учеб. пособие. М.: Академия, 2010.
11. Татур Ю. Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста. М.: Высшее образование сегодня, 2004. № 3.
12. Фокин Ю. Г. Преподавание и воспитание в высшей школе. Методология, цели и содержание, творчество. М.: Владос, 2008.
13. Фролова Н. А. Приёмы активного мотивированного овладения учащимися системой знаний и способами деятельности // Начальная школа. 2006. № 2 // <http://www.festival.1september.ru>
14. Хуторской А. В. Педагогические основания диагностики и оценки компетентностных результатов обучения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. 2013. № 5.
15. Чижо Н. Ю. Психолого-педагогическая поддержка профессионального самоопределения студентов вузов // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Волгоград, 2011. № 4 (59).

Е. Е. Герасимович

Московский городской педагогический университет, доцент кафедры раннего изучения иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент (142770, г. Москва, пос. Сосенское, п. Коммунарка, ул. Ясная, д. 6)

ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДМЕТА «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Использование междисциплинарной интеграции на занятиях по иностранному языку позволяет говорить о возможности формирования социолингвистического компонента коммуникативной компетенции учащихся, воспитания толерантности и уважения к культурным ценностям страны изучаемого языка, воспитания умения оценить свою собственную культуру через призму культуры страны изучаемого языка.

культура; иностранный язык; междисциплинарная интеграция; компетенции

Сегодня образованному человеку, выпускнику как гуманитарного, так и технического направления необходим синтез предметов, так как требуются определенные знания о мире. В век информационного общества человеку уже необходимо не логическое, а синтезирующее мышление.

Возможность организации междисциплинарных связей в учебном процессе, необходимых для обеспечения навигации студентов в образовательном пространстве и усвоения методологии деятельности, является актуальным вопросом современной системы образования.

Касаясь проблемы интеграции наук, В. И. Вернадский писал: «...рост научного знания в XX веке быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализуемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны. Чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширять охват его со всех точек зрения».

Корни процесса интеграции лежат в далеком прошлом классической педагогики и связаны с идеей межпредметных связей. В основе своей идея межпредметных связей родилась в ходе поиска путей отражения целостности природы в содержании учебного материала. Великий дидакт Я. А. Коменский подчеркивал тот факт, что все, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи.

К идее межпредметных связей обращались многие педагоги, развивая и обобщая ее. Так, у Д. Локка идея сопряжена с определением содержания образования, в котором один предмет должен наполняться элементами и фактами другого. И. Г. Песталоцци раскрыл многообразие взаимосвязей учебных предметов. Он исходил из требования: «Приведи в своем сознании все по существу связанные между собой предметы в ту именно связь, в которой они действительно находятся в природе». И. Г. Песталоцци отмечал особую опасность отрыва одного предмета от другого.

В классической педагогике наиболее полное психолого-педагогическое обоснование о дидактической значимости межпредметных связей дал К. Д. Ушинский. Он считал, что знания и идеи, сообщаемые какими бы то ни было науками, должны органически строиться в светлый и, по возможности, обширный взгляд на мир и его жизнь.

В условиях бурного роста научно-технической информации, возрастающего накопления эмпирического и теоретического материала наблюдается неизбежный процесс дифференциации научного знания, возникновения все новых научных дисциплин. Углубляющаяся дифференциация наук объективно порождает необходимость противоположного процесса – интеграции научного знания.

Интеграция в образовании есть движение от внутрипредметной к межпредметной интеграции. При этом следует учитывать, что образование не отбрасывает старые организационные формы, а в процессе своего развития сохраняет их в качестве элементов целого, то есть межпредметная интеграция предполагает не замену, а дополнение одного принципа другим.

Предметоцентризм и интеграция – это два взаимосвязанных принципа, обуславливающих друг друга. В последнее время в нашей стране и за рубежом интенсивно обсуждается проблема интегрированных курсов взамен предметного обучения, особенно по основам наук. Их сторонники считают, что таким образом мы избавимся от перегрузки учащихся (студентов), а главное, создадим у них целостное представление о мире, гуманистическое мировоззрение, синтезирующее мышление.

Изучение отдельных тем (философии, экономики, права, истории) на интегрированных уроках может стать единым, внутренне связанным, образовательным процессом, дающим на выходе единую, целостную картину мира, а работа преподавателя приобретает характер кооперации, взаимоподдержки, взаимообогащения.

Интеграция – это процесс сближения и связи отдельных систем (тем, знаний учащихся) в единое целое. Сегодня такие предметы как история, география, литература, правоведение, обществознание, философия, имеют свои точки соприкосновения: образы времени, работа с первоисточниками, текстом, документами, представление человека определенной эпохи и т.д.

Межпредметное интегрирование содержания можно рассматривать как основу питающую и развивающую личность. Именно интегративное содержание на межпредметной основе дает больше возможности для создания интеллектуального творческого мышления через создание проблемных ситуаций, решение межпредметных проблем. Проблемные ситуации легко создаются на стыке разнохарактерных знаний и способов деятельности. А именно это и присуще межпредметному интегрированному содержанию.

Интегрированный урок (курс) – один из инновационных приемов, ибо расширяется пространство урока. Преподаватель должен выйти из рамок роли учителя, который обладает глубокими теоретическими знаниями, различными методиками, инструкциями. Он должен быть квалифицированным консультантом, владеющим современными методами консультирования по разрешению различных проблем. Роль учащегося также должна стать иной. Он становится уже активным участником учебного процесса, пытается самостоятельно формулировать цель, выявляет проблемы, анализирует информацию, вырабатывает критерии и возможные пути решения поставленных задач.

Под руководством педагога учащиеся анализируют поставленные задачи, вырабатывают навыки к анализу ситуации, проявляют индивидуальные способности. Каждый участник группы имеет возможность высказать свою точку зрения по выработке решения той или иной ситуации.

На основе вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что междисциплинарная интеграция в современном содержании образования является одним из необходимых условий, способствующих не только интенсификации, систематизации, оптимизации учебно-познавательной деятельности учащихся, но и ор-

гичному целостному развитию личности, ее культурному развитию, созданию целостного представления о мире.

Междисциплинарная интеграция – это не самоцель, а определенная система в деятельности преподавателя, направленная на решение ряда задач, а именно: повышение уровня знаний по предмету, который проявляется в глубине усваиваемых понятий, закономерности за счет их многогранной интерпретации; в изменении эмоционального отношения к изучаемым проблемам и явлениям.

На наш взгляд, одной из дисциплин, дающих возможность в полной мере организовать процесс обучения с учетом междисциплинарной интеграции, является иностранный язык.

В новом тысячелетии существенно изменился социокультурный контекст изучения иностранных языков в России. Значительно возросла образовательная и самообразовательная функции иностранного языка, его профессиональная значимость на рынке труда, что повлекло за собой усиление мотивации изучения языков международного общения. И. Л. Бим в качестве одной из основных причин, мотивирующих смену языковой политики в области образования в нашей стране так же указывает на развитие и укрепление межгосударственных политических, экономических и культурных связей, интеграцию государства в мировое сообщество.

Определив цель дисциплины «иностраннй язык» как подготовку к реальной межкультурной коммуникации, а именно адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам, мы выделяем культурный компонент содержания иноязычного образования.

Бесспорным является тот факт, что взаимопонимание с иноязычным коммуникантом может быть достигнуто лишь тогда, когда собеседник имеет представление о видении картины мира носителя другого языка. В этой связи изучение родной культуры является неотъемлемым компонентом процесса обучения иностранному языку и культуре, так как она является ключом к пониманию культуры иностранной. В самом понятии межкультурной коммуникации заложено равноправное взаимодействие представителей различных общностей с учетом их самобытности и своеобразия, что приводит к необходимости выявления общечеловеческого на основе сравнения изучаемой и собственной культур. Таким образом, мы можем утверждать, что обучать культуре страны изучаемого языка означает учить узнавать, понимать, оценивать коммуникантов, постигать другие народы посредством языка, в результате чего мы начинаем лучше познавать и себя. И, следовательно, родная культура является той базой, которая делает возможным приобщение личности к культуре другого народа, изучению и пониманию ее с помощью языка.

Культурологическое содержание, а именно познавательный аспект иноязычной культуры является одним из четырех, логично выделенных, на наш взгляд, Е. И. Пассовым. В этой связи мы разделяем мнение автора, утверждающего, что главной задачей овладения иноязычной культурой становится не столько понимание другой культуры, сколько духовное совершенствование личности на базе новой культуры в ее диалоге с родной.

Сущность развивающего аспекта иноязычной культуры заключается, по мнению Е. И. Пассова в том, что он направлен на развитие в индивидуальности учащегося (как индивида, субъекта деятельности, личности) таких ее свойств, сторон, процессов, механизмов, которые играют наиболее важную роль для процессов познания, воспитания и учения, а следовательно, и для становления индивидуальности и превращения ее в *homo moralis*. В этой связи, мы разделяем позицию автора, который говорит о том, что объектами развития должны быть способности. Которые позволили бы осуществить успешное функционирование

познавательной, эмоционально-оценочной и деятельностно-преобразующей сфер деятельности сфер деятельности учащегося.

Рассматривая воспитание как процесс становления, обогащения и совершенствования духовного мира человека через творческое наследие (присвоение) доступной ему культуры, Е. И. Пассов предлагает рассматривать воспитательный аспект иноязычной культуры как вытекающий из самой коммуникативной технологии. По мнению автора коммуникативная технология, во-первых, основана на системе функционально взаимообусловленных принципов, объединенных единой стратегической идеей: принципов речемыслительной активности, личностной индивидуализации, ситуативности, функциональности и новизны. Во-вторых, воспитательный потенциал зависит от культурологического содержания используемых материалов, от их потенциальных возможностей. В этой связи мы разделяем позицию о том, что любые возможности могут остаться нереализованными, если задачам воспитания не будет соответствовать учитель. Именно учитель «несет в себе некое содержание образования, и именно это культурное, духовное содержание становится одним из главных компонентов образовательного процесса».

На основе вышеизложенного, мы пришли к выводу о том, что, дисциплина «иностранный язык» имеет огромный воспитательный аспект, однако его реализация возможна при условии триады «материалы – технология – учитель».

Содержание четвертого учебного аспекта составляют те речевые умения, которым должен овладеть учащийся как средствами общения, а именно, говорение, аудирование, чтение и письмо, а также само умение общаться.

Таким образом, культурологической направленностью содержания иноязычного образования выступает становление человека, готового к гуманистически ориентированному выбору, обладающего многофункциональными компетентностями, ведущей из которых является коммуникативная языковая компетентность.

В этой связи, мы можем говорить о том, что в рамках кардинально сменившейся концепции иноязычного образования в нашей стране его основной целью является обучение иностранному языку как подготовке к реальной межкультурной коммуникации, а именно, адекватному взаимопониманию двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам.

Использование междисциплинарной интеграции на занятиях по иностранному языку позволяет говорить о возможности формирования социолингвистического компонента коммуникативной компетенции учащихся, воспитания толерантности и уважения к культурным ценностям страны изучаемого языка, воспитания умения оценить свою собственную культуру через призму культуры страны изучаемого языка.

Библиографический список:

1. Бим И. Л. Языковой плюрализм – веление времени // Преподаватель. 2001. № 1.
2. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетарное явление. М., 1977.
3. Зверев И. Д., Максимова В. Н. Межпредметные связи в связи с современной школой. М.: Педагогика, 1981.
4. Содержание обучения иностранным языкам: Учебное пособие / Под ред. Пассова Е. И., Кузнецовой Е. С. Воронеж: Интерлингва, 2002. (Серия: Методика обучения иностранным языкам, № 3)
5. Межпредметная интеграция в образовательном процессе в начальной школе // www.Bolshe.ru

Ж. Г. Калеева

Оренбургский государственный университет, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин, кандидат педагогических наук (462403, г. Орск, пр-т Мира, д. 15а; тел.: (3537) 23-65-80; pri_rektor@ogti.orsk.ru)

Р. И. Мажирина

Оренбургский государственный университет, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), заведующая кафедрой электроэнергетики и электротехники, кандидат педагогических наук (462403, г. Орск, пр-т Мира, д. 15а; тел.: (3537) 23-65-80; pri_rektor@ogti.orsk.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ НА ПРИМЕРЕ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛАБОРАТОРНОГО СТЕНДА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВЕНТИЛЬНОГО ЭЛЕКТРОПРИВОДА

Процесс формирования профессиональной компетентности будущих инженеров подразумевает выполнение творческой деятельности студентов под руководством преподавателя по созданию лабораторного оборудования для исследования параметров работы объектов профессиональной деятельности. В качестве примера приводится описание выполнения технического моделирования лабораторного стенда для изучения управляемого микроконтроллером вентильного электропривода с датчиком положения ротора. Инновационная практика обучения позволяет формировать профессиональную компетентность будущих инженеров не только в процессе моделирования лабораторного стенда, но и в последующем выполнении лабораторного практикума с использованием стенда в целях изучения физических процессов на моделях реальных производственных объектов.

профессиональная компетентность будущих инженеров; инновационное обучение; физико-техническое моделирование

Процесс формирования профессиональной компетентности будущих инженеров может быть воплощен в качественно новом по отношению к традиционной практике обучения применении физико-технических знаний в целях создания лабораторных стендов авторского исполнения. Указанный процесс, на первый взгляд, кажется нереализуемо сложным для своего воплощения в системе аудиторных занятий в вузе. Однако дифференцированный, функционально-деятельностный и компетентностный подходы к формированию профессиональной компетентности будущих инженеров позволяют, во-первых, построить образовательный процесс по индивидуальной программе, позволяющей раскрыть творческий потенциал студента, обеспечить выполнение функций специалиста в учебно-профессиональной деятельности студента, и сформировать необходимые компетенции для выбранного направления подготовки.

Указанный педагогический процесс будет рассмотрен на примере создания студентом под руководством преподавателя лабораторного стенда, позволяющего изучать управляемый микроконтроллером вентильный электропривод, выполненный с датчиком положения ротора. Современное смещение акцентов в приводных системах от двигателей постоянного тока к двигателям переменного тока заставляет преодолевать ограниченность регулирования скорости за счет системы управления вращением на основе микроконтроллера. Сконструированный стенд позволяет разобрать физико-теоретическое содержание работы вентильного привода с оптическим датчиком положения ротора и управляющей микроконтроллерной системой. В процессе выполнения на стенде лабораторного практикума в целях поиска оптимального решения можно оперативно изменять структуру и конфигурацию изучаемой системы на уровне принципиальных схем.

Ценность процесса моделирования вентильного электропривода заключается в том, что лабораторный практикум, реализуемый с применением созданного стенда, так же является перспективной и востребованной для формирования профессиональной компетентности будущих инженеров формой учебных занятий. Так как работа с моделью вентильного электропривода позволяет студентам понять содержание происходящих физических процессов, увидев их воплощение в работе реального технического устройства. Приобретение навыков работы с профессиональным оборудованием вырабатывает глубокое когнитивно-деятельностное проникновение в выбранную предметную область, ликвидирует псевдо-боязнь собственного вмешательства в процесс изучения, создания, монтажа, отладки, настройки и эксплуатации технических систем.

Выполняя практические задания на лабораторном занятии с использованием указанного стенда студенты смогут приобрести следующие компетентностно-значимые умения: самостоятельно планировать и проводить инженерный эксперимент с выбором варьируемых параметров, контролем выходных показателей с выбранной точностью и быстродействием; обосновывать выбор необходимого оборудования для проведения лабораторного эксперимента с позиций экономической целесообразности; статистически обрабатывать опытные результаты с учетом шумов и помех; эмпирически проверять и уточнять исходную теоретическую модель в исследуемом физическом процессе.

Однако, предметом настоящей статьи является процесс педагогического руководства созданием стенда, оснащенного измерительным модулем с возможностью подключения к компьютеру для изучения работы вентильного электропривода с датчиком положения ротора, в котором в качестве основного объекта изучения будет датчик положения ротора и алгоритм его работы. Сам датчик предлагается изготовить с возможностью реализации четырех возможных алгоритмов управления позиционированием ротора и при использовании логического анализатора визуально наблюдать изменения алгоритма на компьютере.

Научная новизна заключается не только в способе предложенного решения для целевого назначения, функциональной многозадачности и конструкционно-исполнения стенда по изучению вентильного электропривода с датчиком положения ротора. Качественно новой является и педагогическая деятельность по системному методическому руководству деятельностью, впервые осуществляемой и преподавателем и студентом по самостоятельному созданию лабораторного оборудования для изучения физических процессов и явлений.

Задачи, возлагаемые на лабораторное оборудование нового поколения, требуют принципиально иных подходов к его созданию, и нуждаются в специальной научно-методической проработке его обоснования и сопровождения. В целях реализации контроля и изучения динамических процессов различной физической

природы (электрических, магнитных, тепловых, механических и др.) помимо основной физической модели изучаемого устройства (вентильного электропривода), состав лабораторного стенда так же требует наличия систем многоканального мониторинга с использованием необходимых датчиков. Работа со стендом должна обеспечивать проведение одновременного контроля и запоминания мгновенных значений многих параметров; выполнение корреляционного анализа их взаимосвязи; осуществление полного энергетического анализа в многофазных системах; расчет косвенных параметров, которые либо сложно, либо нецелесообразно из экономических соображений измерять непосредственно. Поэтому воплощение поставленной задачи создания нового учебного оборудования в профессионально ориентированной деятельности преподавателя и студента по созданию лабораторного стенда логично разделить на следующие этапы.

Первый этап – поиск оптимального алгоритма управления объектом. Подбор алгоритма управления сложной технической системой начинается с задания, даваемого студенту преподавателем: изучить известные алгоритмы управления сложными техническими системами (скользящие, подчиненные, модальные, векторные, адаптивные, алгоритмы типа нейронных сетей и фаззи-логики) и выбрать из них подходящий алгоритм, компромиссно сочетающий в себе требования к вычислительным ресурсам, к возможности работать в условиях нелинейного поведения объекта, неточного его описания, и способности адаптации к нестабильности параметров объекта управления.

Второй этап – масштабное преобразование профессионального объекта в модель, воплощенную в лабораторном стенде. Процесс обучения в вузе не может непосредственно задействовать промышленные образцы, направленные на выполнение узкой прикладной задачи, так как они не содержат ни информационных каналов, ни каналов управления, необходимых для изучения принципов работы технического оборудования. Совершенствование фундаментальных знаний возможно при изучении физических закономерностей и процессов на модели-аналоге, выполненной с соблюдением критериев подобия. Масштабные преобразования физической модели, выполняемые студентом под руководством преподавателя, должны быть такими, чтобы изучаемый объект был удобен для размещения в учебной лаборатории, обслуживании и эксплуатации и при этом не искажал изучаемые физические процессы.

Третий этап – программное обеспечение объектного уровня. Студенту на этом этапе необходимо подобрать существующее программное обеспечение микроконтроллеров для последующего выполнения задачи управления конкретным объектом, выбираемым для изучения в процессе проведения эксперимента по заданию пользователя. Критерии выбора программного обеспечения обосновываются студентом самостоятельно, исходя из требований эффективности и быстродействия. При работе с готовым лабораторным стендом программное обеспечение микроконтроллера обеспечивает выполнение необходимых коммутаций при изменении структуры изучаемого объекта, подачу тестовых сигналов на объект и измерение параметров объекта, а также решает задачу связи с программным обеспечением компьютера. Перевод измеренных кодов в физические величины происходит в программном обеспечении компьютера лабораторного стенда.

Четвертый этап – макетирование объекта на основе модульной технологии. Выбор модульной технологии при проектировании системы микроконтроллерного управления обусловлен экономией времени и материальных затрат. Лабораторная установка, собранная на базе модульной технологии, должна обеспечивать наглядность и позволять легко менять структуру исследуемой системы. Задача студента на данном этапе – выделить имеющиеся электронные узлы системы и

собрать их в отдельные модули, согласовав для них уровни входных и выходных сигналов, и стандартизовав назначение контактов разъемов. В нашем случае, набор функциональных блоков, включает в себя следующие компоненты:

1. Устройства электропитания (одноканальные источники вторичного электропитания – линейные, импульсные; линейные стабилизаторы напряжения; сетевые регуляторы мощности);

2. Драйверы исполнительных устройств (электронные ключи переменного тока; электромагнитные реле; драйверы вентильного двигателя постоянного тока);

3. Устройства обмена данными (преобразователи интерфейсов; UART< -->USB, UART< -->RS-232);

4. Датчики состояния и преобразователи сигналов (усилитель сигнала ЭДС термопары; датчик разрежения; датчик влажности с токовым выходом; датчик температуры и влажности; датчик углового положения);

5. Интерфейсные модули индикации и клавиатуры с микроконтроллером;

6. Программаторы и отладчики микроконтроллеров;

7. Устройства коммутации.

Универсальность модульной технологии позволяет на этапе отработки макетного образца оперативно менять конфигурацию системы, собирать как макеты устройств, так и промышленные серийные изделия.

Приведенное выше абстрактное поэтапное описание деятельности преподавателя и студента по созданию лабораторного стенда проведено в целях определения основной магистрали процесса физико-технического моделирования, уточнить же его конструкционные особенности позволит конкретная характеристика объекта проектирования. В качестве использовавшихся конструктивных элементов лабораторного стенда был использован выбранный студентом, исходя из целевого предназначения создаваемого оборудования, набор модулей из серийно выпускаемых электронных компонентов. Стенд спроектирован и изготовлен с применением современного программного обеспечения и элементной базы. Указанный лабораторный стенд выполнен в настольном исполнении, для его изготовления были использованы следующие материалы: текстолит листовой (лицевая и тыловая панель), уголок комбинированный (опора стенда), каркас пластиковый (корпус стенда). Общий вид компьютеризированного лабораторного стенда, подключенного для снятия характеристик к персональному компьютеру со специализированным программным обеспечением, представлен на фотографии (Рисунок 1).

Рисунок 1

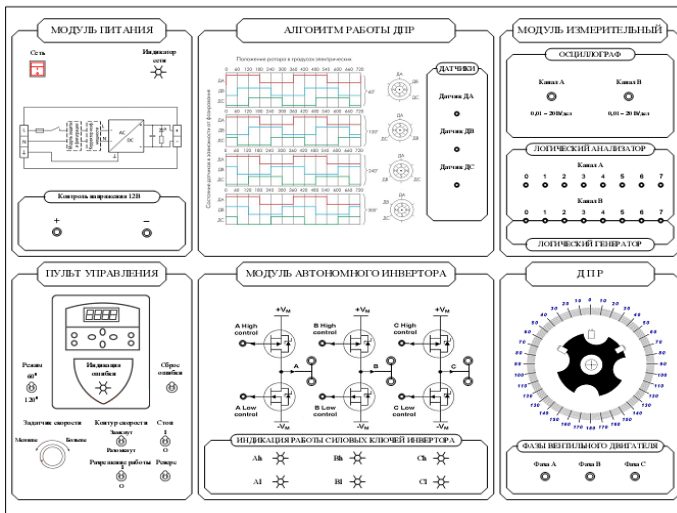
Автор лабораторного стенда студент механико-технологического факультета ОГТИ (филиала) ОГУ О. Понькин в процессе диагностической эксплуатации

Внешний вид лабораторного стенда с указанием основных элементов в виде модулей и графическим представлением алгоритмов работы датчика положения ротора (ДПР) представлен на Рисунке 2.

Рисунок 2

Схематичное отображение внешней панели лабораторного стенда

Рассмотрим более подробно физическое содержание и функциональную нагрузку каждого модуля, составляющего лабораторный стенд.

Модуль питания. Для проведения лабораторных работ, исследований и испытаний приборов необходим эффективный источник питания. Выбор источника вторичного питания обусловлен необходимостью сочетания требований к коэффициентам пульсации и стабилизации; обеспечением надежности и защиты, как самого источника, так и нагрузки (тепловой защитой от повышения температуры силового ключа преобразователя, токовой защитой от превышения тока в силовом ключе, защитой от повышения или понижения напряжения питающей силовой сети, защитой от короткого замыкания в нагрузке). Модуль питания представляет собой импульсный источник питания и имеет следующие характеристики: входное напряжение сети переменного тока: $\sim 110\text{--}240$ В, входной номинальный ток сети: 0,5 А, частота сети переменного тока: 50–60 Гц, выходное номинальное напряжение постоянного тока: 12 В, выходной номинальный ток: 2 А. Модуль питания имеет выключатель сети, индикатор сети и два гнезда подключения вольтметра для контроля выходного напряжения питания стенда.

Пульт управления. Микроконтроллерная система управления подразумевает наличие модуля для трехфазного двигателя постоянного тока – высоко интегрированной гибридной схемы, включающей цифро-аналоговую схему управления, схему электронного тахометра, а также мощные выходные ключи на полевых транзисторах, включенные по схеме трехфазного инвертора. Указанный модуль позволяет управлять трехфазным двигателем постоянного тока с датчиками положения ротора, обеспечивая регулирование и стабилизацию скорости вращения двигателя, торможение двигателя, измерение и ограничение уровня тока, по-

требляемого обмотками двигателя от внешнего источника, выдачу сигнала «/ошибка» в критических режимах. Пульт управления выполнен в графическом виде, представляет собой контроллер управления вентиляного привода реализованного на микроконтроллере фирмы Motorola MC33035 и электронном тахометре MC33039. Органы пульта управления: многооборотный аналоговый датчик скорости; тумблер переключения контура скорости; тумблер переключения направления вращения; тумблер разрешения работы; тумблер режима ДПР; тумблер сброса ошибки; индикатор ошибки.

Модуль автономного инвертора. Модуль автономного инвертора имеет гнезда для подключения: трехфазного вентиляного двигателя; модуля измерительно-го. Для визуального наблюдения режимов работы ключей силового инвертора применены светодиодные индикаторы. Вентильный двигатель представляет собой электромеханическую систему, состоящую из электрической машины и полупроводникового коммутатора фазных обмоток, управление ключами которого производится системой управления в зависимости от положения ротора. Информация о положении ротора может быть получена с помощью явно выраженного датчика положения ротора или программным способом после обработки сигналов ЭДС рабочей обмотки.

Датчик положения ротора (ДПР). В лабораторном стенде используется датчик положения ротора, создающий сигналы, несущие информацию об относительном положении осей полюсов ротора и осей фаз статорных обмоток двигателя. Датчик располагается в корпусе электромеханической части двигателя, но схемно связан с коммутатором. В датчике положения ротора применены оптические датчики с открытым каналом P1230. Датчик, установленный по центру неподвижен, а датчики, установленные по бокам, имеют возможность позиционирования в пределах 170° . Лимб датчика имеет разметку от 0° до 180° в обе стороны, что позволяет точно выставлять датчики при демонстрации работы ДПР или проведения лабораторного практикума. Для фиксации положения боковых датчиков центральная ось крепления подпружинена. Прерыватель выполнен из тонкого листа металла и имеет четыре лопасти. Для подключения двигателя ДПР к модулю автономного инвертора используются три гнезда имеющие обозначение: Фаза А, Фаза В, Фаза С.

Модуль «Алгоритм работы ДПР». Модуль «Алгоритм работы ДПР» на Рисунке 2 представлен в графическом виде, на котором изображены алгоритмы работы при различных углах позиционирования датчиков и имеет три гнезда с обозначением «Датчик ДА, ДС, ДВ» для подключения к измерительному модулю.

Модуль измерительный. В его состав входят осциллограф, логический анализатор и логический генератор. Он имеет два гнезда для подключения измеряемого сигнала к осциллографу и шестнадцать входных гнезд логического анализатора, восемь из которых при необходимости позволяют генерировать в тестируемую схему импульсы логического уровня. За основу взят радиолобительский осциллограф Digital Scope подключаемый через USB к компьютеру и программное обеспечение USB DiSCO v 3.24 распространяемое в интернете бесплатно.

Учебно-демонстрационные возможности лабораторного стенда изучения работы датчика положения ротора вентиляного электропривода востребованы в процессе формирования профессиональной компетентности будущих инженеров. Создание авторского лабораторного оборудования существенно обогащает не только материально-техническую базу образовательного учреждения за счет развития инженерно-технического потенциала студентов, но является мощным инструментом формирования компетенций специалистов, необходимых для профессиональной самореализации будущих инженеров.

Библиографический список:

1. Земцова В. И., Калеева Ж. Г. Система формирования профессиональной компетентности будущих инженеров в процессе изучения курса физики // Фундаментальные исследования. 2011. № 8.

2. Калеева Ж. Г. Формирование организационно-управленческой компетенции будущих инженеров в процессе изучения курса общей физики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2011. № 2.

3. Калеева Ж. Г. Формирование производственно-технологической и сервисно-эксплуатационной компетенций у будущих инженеров средствами 3D-презентаций в процессе изучения физики // Вестник Череповецкого университета. 2011. № 2.

4. Калеева Ж. Г. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности будущих инженеров в процессе изучения физики // Вестник Череповецкого университета. 2011. № 3.

Е. Г. Радыгина

Уральский государственный педагогический университет, доцент кафедры туризма и гостеприимства, кандидат педагогических наук (620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; тел.: (343)235-76-14; uspu@uspu.ru)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КАРТ
ПРИ ОСВОЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«ТЕХНОЛОГИИ ГОСТИНИЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

В статье описана методика преподавания дисциплины «Технологии гостиничной деятельности», рассматривается процесс организации освоения учебного материала студентами при помощи составления технологических карт процессов гостиничного цикла, приводится структура технологической карты, этапы ее разработки, результаты обучения.

технология; технологическая карта; технология гостиничной деятельности; гостиничный цикл

В педагогической практике технологическая карта является отражением педагогической технологии, которая представляет собой «упорядоченную совокупность действий, операций и процедур, инструментально обеспечивающих достижение прогнозируемого результата в изменяющихся условиях образовательно-воспитательного процесса» [1, с. 301]. Технологическая карта создает условия для организации процесса изучения дисциплины, организации самостоятельной деятельности обучающихся, очерчивает проблемное поле конкретного занятия.

В современных педагогических исследованиях технологическая карта рассматривается как часть методического обеспечения процесса изучения дисциплины (Будаев В. Д., Вергелес Г. И., Граничина О. А., Куклина И. Д., Миронова Л. И., Панасенко А. Н., Синелобов Н. А., Скоромнова С. В., Титова Н. С., Украинцева О. В., Шкерина Л. В. и др).

Технологическая карта представляет собой письменное закрепление определенной технологии (педагогической, производственной), поэтому рассмотрение содержания технологической карты необходимо начать с рассмотрения понятия «технология».

Понятие технологии пришло в социальную среду (сферу обслуживания) из производственных процессов, где технология означает способ описания деятельности людей для получения определенного продукта этой деятельности и применяется в том случае, когда эта производственная деятельность связана с факторами воздействия на нее научных ресурсов [2, с. 513].

Понятие «технология» используется для обозначения способа производства, целесообразной и осмысленной деятельности, научного знания, учебной дисциплины. Технология понимается как «know-how» (знание как), которое в отличие от «know-that» (знание что) обеспечивает эффективность действий. При этом, технология определяется не просто как любой процесс последовательной организации деятельности для достижения целей производства, а как процесс, который основан на научных разработках в данной области.

Технологическая карта – это форма технологической документации, в которой записан весь процесс обработки изделия, указаны операции и их составные

части, материалы, производственное оборудование, инструмент, технологические режимы, необходимое для изготовления изделия время, квалификация работников и т.п. [2, с. 512]. Таким образом, в технологической карте закрепляются те элементы и параметры производственного процесса, при выполнении которых гарантировано достижение заданного результата.

Если говорить о процессе обслуживания гостя в гостинице, то каждый имеет представление о том, каким должно быть обслуживание. Однако, то, что видит гость является результатом работы персонала. А что и в какой последовательности нужно делать, чтобы добиться этого результата, определяется технологией обслуживания. Каждый работник гостиницы должен знать, как достичь результата, т.е. иметь представление обо всех технологиях, используемых при обслуживании клиента.

Задача системы подготовки персонала гостиниц состоит в подготовке высококвалифицированных кадров, владеющих технологиями обслуживания гостя. Проблемы подготовки кадров для гостиничного бизнеса состоят в следующем:

- нет четко принятых стандартов гостиничного обслуживания (каждая гостиничная сеть разрабатывает свои корпоративные стандарты обслуживания, а те стандарты, которые приняты на государственном уровне, постоянно дополняются и дорабатываются);

- даже при четком представлении о результатах обслуживания гостя, технология достижения результата может быть различной (об этом говорит такая характеристика гостиничной услуги, как непостоянство качества, свидетельствующая о том, что на результат обслуживания могут влиять не только внешние условия предоставления услуги, но и личные качества и настроение обслуживающего персонала);

- так как основным критерием качества предоставляемых гостиницей услуг является удовлетворенность гостя, то можно говорить о том, что на технологию гостиничного обслуживания будут в определенной степени влиять и качества самого гостя (ожидания от обслуживания, психологическое состояние, предыдущий опыт пользования гостиничными услугами и т.д.).

В результате перед персоналом гостиницы встает достаточно сложная задача – не просто обслужить гостя на высоком уровне, но и добиться соответствия предоставляемых услуг его ожиданиям.

Учебная дисциплина «Технологии гостиничной деятельности» входит в блок специальных дисциплин по направлению подготовки 101100 – «Гостиничное дело». Изучение дисциплины основано на изучении дисциплин «Введение в гостеприимство» и «Организация службы приема и размещения» (изучаемых на первом курсе), и создает базу для изучения дисциплин на последующих курсах: «Организация гостиничного дела», «Стандартизация и контроль качества гостиничных услуг», «Документационное обеспечение управления гостиничным предприятием» [3, с. 5].

Технология гостиничной деятельности понимается в двух аспектах: 1) как совокупность операций и процессов предоставления услуг размещения и гостеприимства туристам и 2) как система рационального использования зданий, сооружений и оборудования гостиниц [4, с. 52]. Целостность всех используемых технологий гостиничного обслуживания составляет гостиничный цикл – совокупность процессов обслуживания гостя, составляющих кругооборот в период времени от момента, когда потенциальный клиент связывается с гостиницей и до оплаты гостиничного счета [5, с. 33]. Гостиничный цикл можно представить в виде следующих этапов: бронирование; заезд и регистрация гостей; обслужива-

ние во время проживания(предоставление основных и дополнительных услуг);выезд гостя (таблица 1).

Таблица 1

Содержание этапов гостиничного цикла

Процесс	Служба	Документы	Оплата
Бронирование	Служба бронированияили служба приема и размещения	Заявка,счет	Включается в счет, устанавливается администратией
Заезд и регистрация	Гаражная служба, служба приема и размещения	Анкета, счет, карта гостя	По счету: тариф на номер, налоги, специальные сборы; Чаевые
Обслуживание во время проживания	Служба приема и размещения, служба горничных, служба питания, гаражная служба, подразделения по оказанию дополнительных услуг	Основные услуги – устно; дополнительные – бланк заказа, счет, квитанция	Включается в счет при заезде; по счету в соответствии с установленными тарифами на дополнительные услуги
Выезд	Служба приема и размещения, гаражная служба	Счет	По счету

В гостиничном бизнесе технологии применяются для пяти различных целей: обслуживание гостей, обслуживание имущества гостей, обслуживание и поддержание в надлежащем состоянии имущества гостиницы, обработка информации, создание новых услуг. Таким образом, можно говорить о том, что технологическая подготовка является основой для осуществления успешной гостиничной деятельности.

Технологическая карта представляет собой письменное закрепление технологии обслуживания гостя на каждом конкретном этапе гостиничного цикла. Отличительной особенностью авторского подхода является рассмотрение технологической карты не только как средства обучения, но и как результата учебной деятельности. Для изучения технологий гостиничной деятельности мы применяем не технологическую карту урока, а совокупность технологических карт процессов обслуживания в гостинице, что позволяет нам организовать модульную структуру изучения дисциплины и обеспечивает согласование учебного материала с системой зачетных единиц (кредитов).

Используемая нами методика составления технологических карт состоит из следующих этапов:

- 1) Теоретическое изучение технологии гостиничной деятельности;
- 2) Изучение структуры и требований к составлению технологической карты;
- 3) Составление технологической карты процесса: выделение основных операций в процессе обслуживания гостя на отдельном этапе гостиничного цикла, составление алгоритма процесса, описание его основных характеристик;
- 4) Моделирование процесса обслуживания на практических занятиях;
- 5) Рефлексия, саморефлексия, оценка правильности составления технологической карты процесса;
- 6) Корректировка технологической карты;
- 7) Презентация составленной технологической карты в аудитории.

Предлагаемая студентам структура технологической карты процесса обслуживания гостя состоит из трех частей [3, с. 63–64]:

1. Описание основных частей процесса обслуживания гостя: цель и задачи процесса, исполнители процесса и их квалификационные характеристики, перечень основных операций и их составных частей, перечень основных ресурсов и

средств, необходимых для осуществления процесса, результат процесса, состав регламентирующей информации (нормативная документация).

2. Алгоритм процесса обслуживания гостя (рис. 1):

Рисунок 1

Структура алгоритма

3. Описание содержания основных этапов процесса обслуживания гостя (табл. 2)

Таблица 2

№ п/п	Этапы процесса обслуживания	Используемые материалы	Используемое оборудование	Время выполнения	Квалификация персонала
1.					
2.					
3.1					
3.2					
4.					
5.					

В процессе изучения дисциплины «Технологии гостиничной деятельности» студенты составляют четыре технологические карты для четырех основных этапов гостиничного цикла: бронирования номера, заезда, обслуживания во время проживания и выезда.

Составление технологической карты для каждого из основных процессов обслуживания гостя позволяет достичь следующих результатов обучения:

- создает условия для организации процесса изучения дисциплины «Технологии гостиничной деятельности»:
- происходит осознание целей своей деятельности, принятие технологической карты, придание ей личного смысла, самоорганизация в распределении учебных действий во времени, самоконтроль в их выполнении, интерпретация необходимой учебной информации;
- происходит развитие и совершенствование базовых приемов самостоятельной работы студента: навыки поиска, изучения и анализа теоретической информации, приемы конспектирования, приемы поиска дополнительной информации, приемы рациональной организации времени [6, с. 45];

- создаются условия для развития навыков организации деятельности и самоорганизации;
- формируются навыки практической деятельности, готовность к обслуживанию гостя в контактной зоне гостиничного предприятия.

В процессе изучения дисциплины «Технологии гостиничной деятельности» происходит моделирование студентами процесса обслуживания гостя с помощью технологических карт на каждом из этапов гостиничного обслуживания. Это создает условия для выделения четырех учебных модулей внутри дисциплины «Технологии гостиничной деятельности».

Составление технологической карты стимулирует студента к профессиональному и личностному росту и саморазвитию: в процессе составления и апробации технологической карты в практической деятельности студент оценивает свои профессиональные качества и сравнивает их с качествами других студентов, таким образом проектируется траектория профессионального саморазвития личности.

Библиографический список:

1. *Белкин А. С., Ткаченко Е. В.* Диссертационный совет по педагогике (опыт, проблемы, перспективы) / Урал. гос. пед. ун-т; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2005.
2. Политехнический словарь / Ред. Ишлинский А. Ю. М.: Советская энциклопедия, 1989.
3. *Радыгина Е. Г.* Технологии гостиничной деятельности: Учебно-методическое пособие по организации самостоятельной работы студентов / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2012.
4. *Зорин И. В., Квартальнов В. А.* Энциклопедия туризма: Справочник. М.: Финансы и статистика, 2003.
5. *Тимохина Т. Л.* Организация приема и обслуживания туристов: Учебное пособие. М.: ООО «Книгодел»: МАТГР, 2004.
6. *Украинцева О. В.* Педагогические условия применения комплекса технологических карт как средства успешного усвоения иностранного языка // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 3.

С. А. Терехова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, старший преподаватель кафедры германских и романских языков (400120, г. Волгоград, ул. Елисеева, д. 15; тел.: (8844) 94-46-60)

**ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ
ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ АТТЕСТАЦИИ
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С УЧЁТОМ
ФГОС ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ**

С переходом общеобразовательной школы к новым Федеральным государственным образовательным второго поколения изменилась процедура и структура, содержание, и форма проверки качества усвоенных знаний, умений и навыков в иноязычной речевой деятельности. Учащиеся, сделавшие свой выбор в пользу английского языка в качестве дополнительного экзамена по окончании основной школы, будут сдавать его в форме стандартизированного тестирования. С одной стороны, это даёт возможность объективно оценить уровень владения учащимися основной общеобразовательной школы иностранным языком. С другой стороны, многие учащиеся испытывают затруднения в выполнении контрольных и экзаменационных работ в новом формате. В этой связи обучение контрольно-экзаменационным стратегиям является требованием времени.

стратегии; учебные стратегии; контрольно-экзаменационные стратегии; комплекс упражнений

В условиях перехода основной общеобразовательной школы на новые Федеральные государственные образовательные стандарты второго поколения обучение иностранному языку рассматривается как одно из приоритетных направлений, создающее необходимые предпосылки для планомерного развития личности учеников.

Итоговая аттестация по предмету «Иностранный язык» реализуется в новом формате, который предполагает выполнение тестовых заданий открытого и закрытого типов. Педагогическое тестирование, как всякое средство контроля, имеет свои недостатки и не лишено известных противоречий. Однако имеются и бесспорные достоинства, такие, как объективность, эффективность, стандартизированность контрольно-оценочных процедур.

Таким образом, тестовый контроль обладает надёжностью и валидностью, позволяет дать объективную оценку учебным достижениям учащихся, диагностировать трудности и служит эффективным мотивационным инструментом для успешной учебной деятельности обучающихся в овладении иноязычной речевой деятельностью.

В обучении иностранному языку тесты давно применяются на этапе промежуточного и итогового контроля, их использование в итоговой аттестации учащихся основной школы является новым явлением, требующим специальной подготовки, как учителей, так и учащихся.

Опыт учителей иностранного языка (нами проанкетировано 23 учителя общеобразовательных школ г. Волгограда и Волгоградской области) показал, что учащиеся 8–9 классов часто испытывают затруднения при выполнении контрольных и экзаменационных работ: а) не умеют рационально распределять

время на выполнение заданий; б) плохо ориентируются в структуре работы; в) не всегда успешно справляются с заданиями по чтению и аудированию и т.д.

Всё вышеизложенное свидетельствует о недостаточном уровне сформированности у учащихся основной школы контрольно-экзаменационных стратегий овладения иноязычной речевой деятельностью.

Контрольно-экзаменационные стратегии овладения иноязычной речевой деятельностью представляют собой совокупность знаний, когнитивных операций и коммуникативных умений, осознанно применяемых учащимися и позволяющих им выстраивать свою линию речевого и неречевого поведения, соотносимую с реализацией коммуникативных задач в условиях выполнения контрольных и экзаменационных работ по иностранному языку.

Разработанная методика обучения учащихся основной школы контрольно-экзаменационным стратегиям овладения иноязычной речевой деятельностью реализуется в шесть этапов: *мотивационно-побудительном, ориентировочно-ознакомительном, регулятивно-познавательном, учебно-практическом, рефлексивно-оценочном, эмоционально-регулирующем.*

Перейдем непосредственно к рассмотрению комплекса упражнений, направленных на становление и развитие контрольно-экзаменационных стратегий и соответствующих им знаний и умений.

На первом этапе, мотивационно-побудительном, учащиеся посещают тренинговые занятия, которые призваны помочь мобилизоваться во время выполнения контрольных и экзаменационных заданий и получить более высокий результат. Занятия включают в себя следующие виды упражнений и формы групповой работы, представленные в определённой последовательности:

1. Упражнения-активаторы используемые для создания доброжелательной рабочей обстановки и снятия психологического напряжения.

2. Упражнения, предназначенные для развития способностей планирования поведения и анализа ситуации с прогнозом их разрешения.

3. Упражнения, способствующие формированию позитивных жизненных целей и развитию мотивации к их достижению.

4. Групповые дискуссии и мозговые штурмы как способ развития способностей к самоанализу, прогнозу ситуаций.

5. Рефлексия – подведение итогов занятий, получение обратной связи от участников.

Приведём пример упражнений, которые входят в структуру тренинговых занятий и используются на мотивационно-побудительном этапе.

Упражнение-активатор. «Это Я». Цель данного упражнения – эмоциональный разогрев.

Содержание. Учащемуся необходимо одним жестом передать свой характер. Угадавший занимает его место. Эта часть упражнения выполняется на родном языке. Затем, задание усложняется: учащимся необходимо одним жестом передать своё отношение к экзамену или контрольной работе по иностранному языку. Также, это задание может приобретать вербализованную форму.

Возможные фразы, клише: I guess you are afraid of tests in English... I suppose you are calm and don't worry about tests... I think you are too nervous about tests in English... Yes, I am... You are absolutely right... Far from it...

Упражнение «Преграды».

Цель: развитие способностей к прогнозированию ситуаций.

Содержание: *каждый из участников должен подумать и написать, что ему необходимо предпринять, чтобы успешно справиться с контрольными рабо-*

тами по английскому языку, и какие преграды у него могут возникнуть при этом.

Затем всем предлагается ответить на вопрос: *What was more difficult: to see, to understand some difficulties or to think how to cope with the task?* [2, с. 23]

На мотивационно-побудительном этапе осуществляется психолого-педагогическая подготовка учащихся к выполнению контрольных и экзаменационных заданий посредством использования психолого-педагогических тренингов. Основная их задача заключается в снятии эмоционального напряжения, чувства страха и беспокойства перед контрольной или экзаменационной работами. Для этих целей используются упражнения-активаторы, выполнение которых обеспечивает эмоциональный разогрев. Например, учащимся даётся задание одним жестом передать своё отношение к экзамену. В качестве вербальных реакций на жест возможны следующие фразы-клише: *I guess you are afraid of tests in English... I suppose you are calm and don't worry about tests... I think you are too nervous about tests in English... Yes, I am... You are absolutely right... Far from it...*

Мотивационно-побудительный этап завершается саморефлексией учащихся.

Ориентировочно-ознакомительный этап посвящён знакомству учащихся с целями уровня контрольного, формой и структурой экзамена по английскому языку в новом формате. На данном этапе актуализируются такие знания и умения, как: осознание цели экзамена, объектов уровня контрольного, критериев оценки; ориентирование в заданиях в формате стандартизированного тестирования; владение языком инструкций, понимание инструкции к объектам контроля.

Для эффективного обучения учащихся основной школы указанным знаниям и умениям нами были отобраны следующие типы упражнений из аппарата упражнений Д. И. Изаренкова: презентативные, опознавательные, конструктивные, реконструктивные и стратификационные.

Приведём пример *опознавательного* упражнения [1, с. 77–85]:

Из предложенных формулировок заданий выберите те, которые соответствуют стандартизированному формату ГИА по английскому языку.

A. Заполните пропуски словами, выделенными курсивом. Поставьте их в правильную грамматическую форму.

B. Поставьте части текста в правильном порядке, чтобы получился связный рассказ.

C. Прочитайте тексты и установите соответствие между заголовками 1–8 и текстами A–G. Используйте каждую цифру только один раз.

D. Вы услышите разговор двух друзей. При выполнении заданий A1–A6 из трёх предложенных вариантов выберите один верный. Вы услышите запись дважды.

На *регулятивно-познавательном этапе* учащиеся овладевают такими знаниями и умениями, как: использование стратегии персонализации инструкций; мониторинг времени выполнения стандартизированных заданий в тестовом формате; дифференцирование иноязычной информации на известное/неизвестное и сходное с единицами, хранящимися в памяти. Целью данного этапа является создание лично-значимой ситуации для учащихся, способствующей анализу инструкций заданий через призму собственного опыта. При этом учащиеся должны обращать внимание на время, отведённое на выполнение заданий. На регулятивно-познавательном этапе используются такие упражнения, как опознавательные, конструктивные, конструктивно-интерпретационные, прогностические, стратификационные, поисково-ассоциативные.

Примером *поисково-ассоциативного* упражнения может служить следующее:

Determine what part of speech is necessary to use in the following sentences. Complete them using words from brackets.

We should be _____ and we should not waste our time (care). a) noun; b) adjective; c) verb; d) adverb

Whatever your _____ drink is, you can't make it without water (FAVOUR).

a) noun; b) adjective; c) verb; d) adverb

My uncle, who is a _____, says that he waters his vegetables and fruit trees a lot in dry weather (FARM).

На учебно-практическом этапе предполагается выполнение упражнений и заданий, которые направлены на овладение такими умениями, как: овладение техникой выполнения стандартизированных заданий по иностранному языку на множественный выбор; владение техникой выполнения стандартизированных заданий по иностранному языку на заполнение пропусков; понимание основного и полного содержания текста; оформление речевого замысла в виде устного или письменного текста; точное понимание вариантов выбора; проверочное чтение работы. Основной целью данного этапа является овладение учащимися эффективными приёмами выполнения заданий, типичных для контрольных или экзаменационных работ. На этом этапе используются такие виды упражнений, как: конструктивно-интерпретационные, конструктивно-распространённые, трансформационные. Пример конструктивно-интерпретационного упражнения:

Fill in the gaps in the following sentences with the suitable word. The first letter of the word is given.

1. *If we all r_____ our paper, fewer trees would be cut down.*

2. *The castle is perfectly p_____, so it's just like it was four hundred years ago.*

3. *If only we could go to the c_____ to get some fresh air.*

Now do the same task but first letters won't be given to you.

4. *Many plants and animals are in danger of becoming _____. If they do, we'll never see them again.*

What helped you in making up a right decision?

На рефлексивно-оценочном этапе формируются: самоконтроль и мониторинг. Учащимся даётся тест в формате ГИА, при выполнении которого им предстоит воспользоваться универсальными и специальными стратегиями. Результаты теста оцениваются как учителем, так и самими учениками. С опорой на полученные результаты делается вывод о качестве сформированности КЭС в иноязычной речевой деятельности.

Мы считаем целесообразным использование психолого-педагогических тренингов не только на мотивационно-побудительном этапе, но и на эмоционально-регулирующем с целью улучшения эмоционального самочувствия и настроения учащихся.

Библиографический список:

1. *Изаренков Д. И.* Аппарат упражнений в системном описании // Русский язык за рубежом. № 1/94.

2. *Макартычева Г. И.* Тренинг для подростков: профилактика асоциального поведения. СПб.: Речь, 2008.

И. А. Ломан

Кемеровский государственный университет, соискатель межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики; Прокопьевский колледж искусств, преподаватель русского языка и литературы (653045, г. Прокопьевск, ул. Калинина, д. 3; тел.: (3846) 61-12-00; music-prk.ru)

**МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА
СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Современное российское общество выдвигает определённый социальный заказ на нравственных, высокообразованных и предприимчивых людей. Образовательный процесс способствует становлению личности с его свободным ориентированным выбором и интеллектуальными стремлениями. В современных условиях модернизации образования модель формирования социального опыта студентов среднего профессионального образования становится приоритетным ориентиром и критерием оценки учебно-воспитательной деятельности всех средних специальных учебных заведений. Поэтому становится очевидным исследовать сущность данной модели.

модель; среднее профессиональное образование; формирование социального опыта

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», среднее профессиональное образование направлено на решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека... в соответствии с потребностями общества и государства, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования [9, с. 69].

Мы считаем, что среднее профессиональное образование – уникальный стратегический ресурс социального и экономического развития России, её благополучного процветания. Роль системы среднего профессионального образования значительна:

– ССУЗы достаточно многочисленны и планомерно размещены по территории Российской Федерации;

– образование в них можно получить в короткие сроки обучения;

– платные образовательные услуги предоставляются за невысокие затраты.

Всё это способствует удовлетворению образовательных потребностей людей, имеющих даже ограниченные финансовые средства. Вместе с тем среднее профессиональное образование – специфическая форма социальной защиты для выпускников средних образовательных школ и стабилизирующий фактор в обществе [1, с. 30–34].

Так открывается перспектива карьерного роста, благодаря тому, что качественное профессиональное образование находится в постоянном взаимодействии с работодателями, т.е. в востребованности высококвалифицированных специалистов среднего звена.

Важно осознать, что современные запросы российского общества и государства не ограничиваются владением профессиональных знаний, умений и навыков квалифицированных рабочих/служащих.

Неизбежна психологическая готовность к абсолютно иной профессиональной деятельности, когда молодому специалисту придётся выполнять назначения

«свободного носителя» социальных услуг как субъекта социокультурной деятельности [8, с. 28].

Почему в центре внимания становится модель формирования социального опыта студентов среднего профессионального образования? Обоснованием является исследование современной педагогической литературы, позволяющее выдвинуть на первый план следующее положение.

Цель общего образования – целенаправленное формирование накопленного обществом педагогически адаптированного социального опыта в личный опыт обучающегося и его индивидуальной самореализацией [5, с. 3–10].

Представление о предлагаемой автором статьи модели может сложиться на основе обобщения понятий *модели, формирования, социального опыта* и специальной литературы о заявленной проблеме.

С позиции педагогики, *модель* – образ/аналог какого-либо процесса/явления или объекта/субъекта. Модели могут быть материальны (реальны) или идеальны (в знаковом выражении) и соответствовать оригиналу с его многообразными структурно-функциональными, причинно-следственными или генетическими связями. Они передают только общую структуру отображаемого, отвечают практическим целям, проще реальной конструкции [4, с. 400].

Обзор научных исследований даёт возможность признать, а именно: *формирование – это многоаспектный процесс развития любого явления/ объекта, в ходе которого происходит его трансформация.*

В контексте среднего профессионального образования (далее СПО) формирование предполагает *совершенствование* личностных качеств обучающихся, их образовательного потенциала и *взаимное действие* всех субъектов учебного-воспитательного процесса. Помимо этого ведущую роль играют педагоги, которые активизируют деятельность студентов на освоение образовательных/ профессиональных знаний, умений, навыков и практического опыта. Так вырабатываются мотивационные установки на выполнение конкретной деятельности, адекватная самооценка возможностей и способностей.

Проведённый междисциплинарный анализ (с точки зрения философии, психологии, социологии и педагогики) способствует тому, чтобы сформулировать собственное определение понятия *социального опыта.*

Социальный опыт – сложная система взаимосвязанных и взаимозависимых элементов (знаний, умений, навыков конкретных индивидов, социальных групп, классов, наций) в процессе исторической или совместной деятельности людей.

Исходя из вышеизложенного, мы сделали вывод, что *формирование социального опыта – это становление накопленного культурного наследия общества (и/или мировой цивилизации) в виде совокупности преобразованных собственных знаний, умений, навыков и практики в процессе общественного взаимодействия людей.*

Рассматривая образовательное пространство СПО, установлено, что современная педагогическая наука характеризует *послешкольное образование* как *личностно-развивающее профессиональное образование.* Его главные показатели нами воспринимаются как:

– содержание и технологии основной осуществляемой деятельности или взаимодействия её разнообразных видов деятельности для развития соответствующих новообразований;

– возрастные психологические новообразования обучающихся;

– оценочные формы уровня развития ведущих новообразований [2, с. 18].

Личностно-развивающее профессиональное образование базируется на *вариативности* содержания образования основных образовательных программ, технологии обучения и организации учебного процесса, в котором взаимодействие его

участников осуществляется по принципу партнёрства («субъект – субъект»). Это содействует созданию оптимальных условий для успешного саморазвития и самореализации студентов.

Любое образовательное учреждение специфично и индивидуально как учебно-воспитательным процессом, так и обучающимся контингентом. Для него характерно:

- определённая учебно-пространственная среда;
- содержание и технологии образовательного и воспитательного материалов;
- социально-профессиональные особенности личности педагога;
- факторы профессионального и социального развития обучаемых;
- формирование индивидуального стиля деятельности учащихся.

При этом необходимо учитывать, что формирование социального опыта студентов среднего профессионального образования (как и в других учебных заведениях) происходит под влиянием выделенных А. В. Мудриком факторов социализации, а именно:

- мегафактор (космос, планета, мир);
- макрофактор (страна, этнос, общество, государство);
- мезофактор (регион, средства массовой коммуникации, субкультуры, тип поселения);
- микрофактор (семья, соседство, религиозные, воспитательные и культурные организации, микросоциум, компьютер) [6, с. 34–126].

Под влиянием данных факторов происходит становление личностных качеств обучающихся таких, как самоопределение, саморазвитие, самореализация, самовыражение и самооценка.

Поэтому, с позиции нашего исследования, значимо принять к сведению характерные особенности личностно-развивающее профессиональное образование и факторов социализации.

В разработке модели формирования социального опыта студентов СПО очевидным становится обратиться к структурным элементам (цели, принципам, содержанию, методам, средствам, формам) педагогического процесса. Однако сначала нужно дать определение самому понятию педагогического процесса.

Резюмируя изучение специальной литературы, мы утверждаем, что *педагогический процесс – организованная интеллектуальная деятельность «субъекта – субъекта» (т.е. педагога – обучающегося), сосредоточенная на достижение поставленных целей учебно-воспитательной работы конкретного образовательного учреждения.*

Предложенная модель основывается на обобщении психолого-педагогических исследований в области профессионального образования. Она не претендует на универсальность, её назначение –помочь преподавателю правильно распределить свою педагогическую деятельность, направленную на помощь студенту в формировании личностного социального опыта в современном процессе социализации российского общества.

Остановимся подробно на обозначенных элементах рекомендуемой модели.

Цель модели – развитие формирования социального опыта студентов среднего профессионального образования.

Обращаем внимание на то, что цель отображается через совокупность задач. Они ставятся педагогом с учётом конкретной учебной дисциплины. *Задачи* должны быть *познавательными* для совершенствования обучающихся студентов в процессе получения новых знаний и *конструктивными* для изучения и последующего анализа получаемой информации, носящие *воспитательный, профессионально-образовательный, интеллектуально-развивающий и философско-эстетический характер.*

Модель, на наш взгляд, содержит *два принципа*:

1. *ориентирование* на способности и готовности студентов к системному мышлению, умению мобильно разрешать возникающие проблемы, проявлять креативный подход к позитивному взаимодействию и сотрудничеству, иметь устойчивое стремление к постоянному самосовершенствованию и т.п.;

2. *формирование* компетенций, включающих в себя знания, умения и навыки для успешной профессиональной деятельности по выбранной специализации.

Известно, что педагогический процесс выстраивается на взаимодействии педагога и обучающегося с их непосредственной деятельностью для достижения определённого результата.

Заданная модель рассчитана на содействие педагогов, что может благополучно сказаться и на успешном развитии личности обучающегося студента, и на его качественном усвоении общеобразовательных и профессиональных знаний, умений, навыков и практики.

В соответствии теории педагогического проектирования, *модель формирования социального опыта студентов СПО – концептуальная модель*. Она представляет собой совокупность разнообразных понятий и определений, способствующих раскрытию её сущности.

Модель абстрактна, потому что имеет только общие качественные признаки моделируемого объекта. Её также можно считать *моделью педагогической поддержки* ввиду того, что она предназначена для общей непосредственной деятельности педагога и студента/студентов в обычном учебном режиме и при внезапно возникшей необходимости.

Сама модель – основа для организации образовательного процесса, *содержание* её должно будет наполняться самостоятельно педагогом по учебному плану, содержащему компоненты, в том числе:

- базовые и профильные учебные дисциплины;
- общепрофессиональные дисциплины;
- профессиональные модули;
- учебная и производственная практики (по профилю специальности);
- производственная практика (преддипломная) (см. федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальностям, 2010 год).

Модель представляет собой *подготовку* студентов, которая реализуется, как:

- адаптационная подготовка в качестве внеурочного взаимодействия педагогов с обучающимися;
- подготовка профессионального развития студентов непосредственно в ходе учебно-воспитательной деятельности как отдельных педагогов, так и всего педагогического коллектива.

Следует пояснить, что среднее профессиональное образование (мы подразумеваем такие ССУЗы, как музыкальные колледжи и колледжи искусств) осуществляется в ходе групповой и индивидуальной деятельности педагогов с обучающимися студентами.

Итак, *методы, средства и формы* как целостная система обучения определяются персонально каждым педагогом.

Предложенная модель включает в себя *конкретные цели*:

- *социальную цель*, предполагающую разноуровневую инициативность педагога в поддержке личностного развития обучающегося и удовлетворению потребительских запросов общества и государства;

– психологическую цель, направленную на изучение педагогом психологических параметров каждого студента (потребности, мотивы, цели, способности, активность и т.п.);

– педагогические цели, состоящих из инициативных (со стороны участников взаимодействия), методических и воспитательных назначений.

Модель имеет конкретные функции соответственно четырём высшим началам педагогического процесса (по П. Ф. Каптереву). Стремления педагогов направлены на *усовершенствование физических и духовных сил воспитанного... его личности основывается на самостоятельных упражнениях, развиваемых организмом в силу присущей ему самобытности; усовершенствование личности имеет индивидуально-общественный характер;... усовершенствование личности и весь вообще педагогический процесс есть процесс автономный* [3, с. 216–221].

Основываясь на проекте модели, педагогу необходимо учитывать личностные особенности студента/ студентов, а именно:

- пол/возраст, социальный статус;
- индивидуальные психологические особенности (интересы, причины, намерения, таланты, предприимчивость и т. д).
- жизненный опыт.

Таким образом, если иметь в виду выдвинутые положения, то собственный социальный опыт студентов СПО будет успешно обогащаться. У обучающихся возникнет стремление продвигаться от незнания к знанию и развивать творчески активное мышление, желание к самоуправлению и саморегуляции.

В результате этого формирование социального опыта студентов среднего профессионального образования всесторонне охватывает становление личности обучающегося в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [9, с. 7].

Так решается главное направление современного развития среднего профессионального образования – подготовить квалифицированного и конкурентоспособного специалиста, владеющего знаниями, умениями, навыками, а также профессиональными компетенциями, мобильно ориентирующихся в разнообразных областях жизнедеятельности.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА СТУДЕНТОВ СПО

	Цели:	
1. Реализация готовности к профессиональной адаптации	1. Социальная	1. Осмысление и осознание выбора профессии
2. «Я – включённость»: – формирование личностного отношения студента к себе как субъекту собственной профессиональной деятельности; – опыт познания.	2. Психологическая	2. Профессиональная «Я – концепция»: – репродуктивно-креативная общеобразовательная и профессиональная деятельность; – становление значимых профессиональных качеств и свойств.

<p>3. <i>Общественные цели</i> различных социальных слоёв общества с их потребительскими интересами и заказами по профессиональной подготовке:</p> <p>– <i>непосредственные цели</i>, определённые самим преподавателем и его студентом /студентами согласно специализации учебного заведения и учебной дисциплины, уровня развития обучающегося/ обучающихся, а также компетентности педагога / педагогов;</p> <p>– внеучебная общественная деятельность студентов;</p> <p>– развитие ответственного отношения к условиям профессиональной деятельности</p>	<p>3. Педагогические:</p> <p><i>инициативные</i></p> <p><i>методические</i></p> <p><i>воспитательные</i></p>	<p>3. <i>Нормативно-государственные цели</i> в правительственных документах, в образовательном стандарте третьего поколения:</p> <p>– <i>конкретные цели</i>, разрабатываемые самим педагогом-практиком и его студентом с учётом типа среднего специального учебного заведения, его профиля специализации и учебной дисциплины</p> <p>– педагогические преобразования технологий обучения</p> <p>персональная система профессионального становления</p>
--	--	---

Адаптационная подготовка Функции Подготовка профессионального развития

<p>– Усовершенствование физических и духовных сил обучаемого с помощью систематических упражнений/ тренингов</p> <p>Овладение знаниями:</p> <p>– о природных явлениях и социальных отношений между людьми, их отношении к природным и общественным объектам;</p> <p>– о способах практической деятельности.</p> <p>– Приспособление обучающихся к условиям жизни</p> <p>– Систематизация умений/навыков практической / общественной деятельности и ценностных установок/ ориентиров</p> <p>– Усвоение социальных способов поведения и сотрудничества с другими людьми в быту, на предприятии</p>	<p>Развитие воспитанников</p> <p>Просвещение воспитанников (информатизация)</p> <p>Формирование отношений воспитанников к предметам и явлениям окружающего мира (<i>ценностно-ориентационная</i> или <i>аксиологическая направленность</i>)</p> <p>Социальная адаптация</p>	<p>– Выполнение специальных практических заданий, курсовых и дипломных проектов</p> <p>– Участие в имитационных/ ролевых играх в соревнованиях/конкурсах и научно-практических конференциях</p> <p>На уровне профессиональных знаний:</p> <p>– обучение операционно-исполнительным сторонам;</p> <p>– развитие общих/специальных способностей и профессионального мышления;</p> <p>– практическая подготовка к самостоятельной деятельности (усвоение специальных знаний, умений, навыков и компетенций).</p> <p>– Осмысление и закрепление практических умений/навыков профессиональных компетенций (см.образовательные стандарты третьего поколения)</p> <p>Сотворчество со сверстниками и педагогами в преобразовании совместной деятельности</p>
--	---	--

Библиографический список:

1. *Анисимов П. Ф.* О программе развития воспитания в системе среднего профессионального образования // Среднее профессиональное образование. 2001. № 6.

2. Зеер Э. Ф. Личностно-развивающие технологии начального профессионального образования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010.
3. Кантлеров П. Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред. Арсеньева А. М.; сост. Лебедев П. А.; Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1982.
4. Князева В. В. Педагогика: словарь научных терминов. М.: Вузовская книга, 2009.
5. Краевский В. В., Хуторский А. В. Предметное и общепредметное в образовательных стандартах // Педагогика. 2003. № 2.
6. Мудрик А. В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов. М.: Академия, 2005.
7. Селиванов В. С. Основы общей педагогики: Теория и методика воспитания: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. Сластенина В. А. М.: Академия, 2000.
8. Содержание и технологии профессиональной подготовки специалистов в России и зарубежом: Материалы республиканской научно-практической конференции (26 марта 2003г.). Казань: ИСПО РАО, 2003.
9. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (вступил в силу с 1 сентября 2013 года). Новосибирск: Норматика, 2013.

Л. М. Захарова

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, заведующая кафедрой дошкольной педагогики, доктор педагогических наук, доцент (432000, пл. 100-летия со дня рождения Ленина, д. 4; тел (8422) 44-69-43)

Н. Х. Юмакулов

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, декан факультета педагогики и психологии, кандидат педагогических наук, доцент (432000, пл. 100-летия со дня рождения Ленина, д. 4; тел (8422) 43-59-75)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВАРИАТИВНОСТИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье обосновываются критерии профессиональной готовности студентов к реализации вариативности дошкольного образования; определяются принцип организации образовательного процесса в вузе. Авторы статьи показывают возможности инновационного центра детского развития для решения задач формирования профессиональной готовности выпускников.

профессиональная готовность; вариативность дошкольного образования; педагогический процесс; инновационный центр.

Современное функционирование системы дошкольного образования отражает потребности населения в качественном дошкольном образовании, учитывающем способности детей и особенности детского развития; его доступности; пожелания родителей. Данные тенденции находят свое проявление в гуманизации дошкольного образования; его вариативности на содержательном и организационном уровне, что определяет требования к качеству подготовки будущих педагогов в сфере дошкольного образования, их готовности к реализации инноваций.

Процесс формирования готовности студентов к инновационной деятельности, к участию в организации и работе вариативных форм достаточно сложный и неоднозначный. На его результат оказывает непосредственное влияние «качество» абитуриентов. В педагогические вузы идут не всегда «самые лучшие выпускники». Это не означает, что в обществе не сохранились традиции подвижничества; нет людей, любящих детей и готовых посвятить им свою жизнь. Но утвердившееся негативное отношение к педагогической профессии; отсутствие карьерного роста педагога; низкое материальное мотивирование не способствуют притоку абитуриентов в педагогические вузы. Осознание этих проблем способствовало разработке проекта концепции поддержки педагогического образования, в котором намечены направления, связанные с вхождением в профессию, подготовки и удержания в ней: отказ от линейной траектории обучения; организация сетевого взаимодействия вузов, организаций СПО и школ; создание разветвленной системы практик, стажировок, возможность адресной подготовки и др.

Современный выпускник должен быть не только «замотивирован на профессию», обладать профессиональными умениями, способностью к самосовершенствованию и саморазвитию; но способностью к разработке траекторий индиви-

дуального развития детей и собственного профессионального и личностного роста; создания авторских программы и технологии, т.е. готовностью к овладению инновациями и умениями их создавать.

Однако, как показывает анализ научной литературы, трудности в процессе подготовки педагогов для сферы дошкольного образования, в развитии готовности студентов к инновационной деятельности прослеживаются не только на социально-экономическом, но и на организационно-педагогическом уровне. Применительно к теме нашей работы, можно выделить такие факторы, негативно сказывающие на процессе формирования профессиональной готовности, как неустойчивость интереса к профессии педагога дошкольного образования, отсутствие необходимых личностных качеств (склонностей к инновационной деятельности, организаторских способностей; аналитических, проектировочных умений и т.п.); недостаточность практического участия в деятельности вариативных форм дошкольного образования; недостаток теоретической базы в области предпринимательства, боязнь ответственности за организацию собственного дела и т.д. [3].

В последние годы проблема профессиональной готовности студентов исследуется педагогами, психологами, культурологами. Изучается процесс формирования психологической готовности студентов (Шниколова Е. В.); разрабатываются педагогические условия формирования готовности к профессиональной мобильности студентов (Кердяшева О. В.); рассматривается процесс формирования мотивационной готовности студентов (Корзин А. Б.); определяются условия формирования готовности будущих специалистов к методической работе в дошкольных образовательных учреждениях (Дыбина О. В. , Попова Л. В.); разрабатывается вариативный подход к формированию профессиональной индивидуальности педагога дошкольного учреждения (Рослякова Н. И.) и пр.

Сравнительный анализ различных точек зрения на сущностную характеристику данного понятия показывает, что *готовность* в условиях современного общества к реализации своих профессиональных задач (в том числе и в сфере дошкольного образования) рассматривается как динамическая характеристика личности, обеспечивающая способность педагога к добросовестному и качественному выполнению своей профессиональной деятельности; к созданию условий для ее реализации.

Изучение научных исследований позволяет нам характеризовать *профессиональную готовность* студентов к инновационной деятельности в условиях вариативности дошкольного образования как интегративное качество личности, являющееся результатом профессионального образования и системообразующим фактором будущей профессиональной деятельности, включающее мотивационный, когнитивный, исследовательский и технологический компоненты. *Мотивационный* компонент профессиональной готовности характеризуется осознанием значимости внедрения инноваций в систему дошкольного образования; развития частной инициативы в дошкольном секторе; интерес и желание участвовать в инновационных процессах; понимание ответственности за свою деятельность. *Когнитивный* компонент определяется уровнем знаний современных образовательных концепций и технологий; специфики периода дошкольного детства; нормативно-правовой базы на общероссийском и региональном уровне. *Исследовательский* компонент предполагает наличие умений исследовательской деятельности, владение методикой диагностики развития детей; развитие способности самостоятельно создавать и внедрять собственные разработки (содержание, методики) на основе анализа образовательной ситуации в регионе, в конкретной дошкольной организации. *Технологический* компонент характери-

зует уровень сформированности коммуникативных, организационных умений в области осуществления образовательного процесса, создания развивающей среды, взаимодействия с семьями воспитанников, с социумом. Данные критерии были положены в основу характеристики уровней развития готовности.

Выявление уровня готовности выпускников–специалистов дошкольного образования показало преобладание среднего уровня сформированности готовности к инновационной деятельности в условиях вариативности дошкольного образования. Студенты понимают необходимость нововведений, создания вариативных форм дошкольного образования; имеют знания о педагогических технологиях, об этапах и методах исследовательской деятельности; общей нормативно-правовой базы; умеют подбирать и модифицировать методики и внедрять их в практику в ходе выполнения выпускной работы. Однако нет понимания региональной специфики; не сформированы проектировочные умения; способность создавать и внедрять собственные разработки (содержание, методики) на основе анализа образовательной ситуации в регионе (в конкретной дошкольной организации).

Многоуровневая система педагогического образования, еще существующий моно подход определяют стратегию формирования профессиональной готовности студентов к инновационной деятельности в условиях вариативности дошкольного образования на основе дифференциации и индивидуализации образования. Уровень бакалавриата в большей степени ориентирован на развитие практических умений в реализации образовательной деятельности в разных формах дошкольного образования. В магистерских программах приоритетными являются задачи формирования компетентности в области научно-исследовательской, управленческой деятельности, т.е. все выделенные нами компоненты представлены в характеристике профессиональной готовности на разных уровнях подготовки, но с разным содержательным наполнением.

В целях изучения запросов работодателей, особенности работы в вариативных формах дошкольного образования нами было проведено анкетирование воспитателей, работающих в частных дошкольных организациях. На вопрос о специфике работы в частном детском саду большинство респондентов отметили, что особенность работы заключается в реагировании на просьбы родителей, требования руководства; в учете особенностей детского развития и существующих образовательных программ; в умении конструирования на этой основе определенного стиля педагогического взаимодействия. Все это предполагает наличие у воспитателей гибкости мышления, индивидуального подхода, быстрой адаптации к новым условиям.

Среди требований родителей к содержанию воспитания детей в частных детских садах были названы:

- приоритетность интеллектуального развития, подготовка детей к школе (80%)
- осуществление индивидуального подхода во всем (10%)
- воспитание культуры поведения (5%)
- создание комфортной среды (5%)

На вопрос о необходимости специальной подготовки воспитателей для частных детских садов мнения респондентов разделились. Одни считают, что главным требованием – любить детей и свою профессию необходимо и в государственных, и частных детских садах. Другие отмечают, что для работы в вариативных формах необходимы умения организации своей профессиональной деятельности на индивидуально-рефлексивной основе, как с детьми, так и с родителями; умение организовывать свою деятельность в нестандартной обстановке.

Успешность осуществления профессиональной деятельности педагогами частных детских садов связаны: со знаниями особенностей детского развития и спецификой работы с одаренными детьми; с умениями быстрого вхождения в коллектив; с высоким уровнем развития коммуникативных умений; знанием основ менеджмента (для понимания логики требований руководителя); юридической грамотностью.

Как показывает анализ реализации учебного процесса, изучение результатов проводимых исследований готовность студентов к инновационной деятельности в условиях вариативности дошкольного образования должно базироваться на комплексной основе и строиться с учетом региональной специфики; внедрения интерактивных форм в теоретическое и практическое обучение; иметь научно-методическое обоснование; осуществляться на разных видах баз практик.

Основными *принципами* организации образовательного процесса в вузе по формированию готовности студентов к инновационной деятельности в условиях вариативности дошкольного образования являются:

- принцип деятельностного подхода, когда студенты с первых курсов привлекаются к участию в образовательной деятельности в детских садах разных форм; при котором практика диктует потребность в овладении новыми знаниями;
- принцип вариативности, ориентированный на достижение необходимого уровня профессиональной подготовленности выпускников с учетом специфики форм дошкольного образования и полифункциональности деятельности [4];
- принцип диалогизации, предполагающий развитие активности, сотрудничества студентов и преподавателей в ходе исследовательской деятельности; ответственности, рефлексивности всех участников процесса профессиональной подготовки;
- принцип интегративности образовательного процесса, включающий интеграцию на содержательном уровне (модульная система); интеграцию теоретических знаний и практических умений; интеграцию учебной и исследовательской деятельности;
- принцип регионализации, ориентированный на учет региональной специфики и потребностей в подготовке кадров.

В целях частичного разрешения обозначенных проблем и выделенных задач нами разработана комплексная программа деятельного вхождения в профессию на базе инновационного центра детского развития «Кораблик», при Ульяновском государственном педагогическом университете имени И. Н. Ульянова, деятельность которого логично вплетена в систему профессиональной подготовки будущих педагогов дошкольного образования.

Инновации центра детского развития определены его организационной составляющей (вхождение в структуру факультета педагогики и психологии);

- совместной научно-исследовательской деятельностью преподавателей и студентов факультета;
- разработкой студентами образовательных траекторий на основе мониторинга развития детей и степени усвоения программы;
- организацией совместной деятельности с родителями (проведение досугов, открытых мероприятий, тренингов); вовлечением их в образовательный процесс.
- авторскими методиками по интеллектуальному, речевому, творческому развитию детей дошкольного возраста. Студенты становятся соавторами методических разработок, создаваемых преподавателями кафедры по отдельным направлениям развития детей.

Характер взаимодействия студентов – воспитателей, педагогов факультета и родителей определяется результатами мониторинга детского развития, проводимого студентами; результатами усвоения материала детьми, необходимостью педагогического просвещения родителей и предполагает: консультирование; проведение совместных образовательных мероприятий, досуговой деятельности, мастер-классов; открытых мероприятий, проводимых преподавателями и студентами.

Среди важнейших аспектов развития ребенка дошкольного возраста – *создание условий*, способствующих позитивной социализации ребёнка, его всестороннему личностному морально-нравственному и познавательному развитию; развитию инициативы и творческих способностей.

Образовательная, развивающая среда инновационного центра включает:

- пространственно-предметные характеристики (игровой, театральной уголков, уголков детского творчества, зона сенсорной интеграции);
- социальные (формы сотрудничества и общения, ролевые и межличностные отношения всех участников образовательного процесса, включая студентов, педагогов, детей, родителей),
- деятельностные (использование технологий, разнообразных видов деятельности, соответствующих возрастным особенностям дошкольников, задачам развития и социализации).

Важным компонентом образовательной среды инновационного центра является его ценностная составляющая, которая определяется отношением студентов к детям; детей к познаваемому; комфортностью, положительными эмоциями в процессе общения.

Участие студентов в деятельности инновационного центра способствует более глубокому осознанию ими важности выбранной профессии; помогает формированию практических умений; позволяет апробированию на практике того, что усвоено в ходе лекционных занятий; способствует развитию потребности к инновациям в сфере образования, т.е. формирует профессиональную готовность студентов к инновационной деятельности в условиях вариативности дошкольного образования

Инновационный центр детского развития – экспериментальная площадка исследовательской деятельности студентов, поскольку на его базе выполняются курсовые и дипломные проекты. Развитие центра диктует потребность в научном изучении новых аспектов современного дошкольного образования. Он рассматривается как стартовая площадка будущей профессионально-предпринимательской деятельности выпускников факультета по созданию и открытию вариативных форм дошкольного образования в Ульяновске. Анкетирование студентов выпускных курсов по проблеме их готовности и наличия желания работать в детском саду, либо открытия своего детского сада показал, что у студентов есть интерес к индивидуальной предпринимательской деятельности в сфере дошкольного образования (46%), но пугают существующие трудности – отсутствие первичного капитала; недостаток знаний в области менеджмента. Многих останавливает большая ответственность и отсутствие квалифицированных кадров. Вместе с тем, студенты понимают необходимость открытия вариативных форм дошкольного образования для удовлетворения потребности населения. Для поддержания у студентов интереса и воплощения желания занятия предпринимательской деятельностью в сфере дошкольного образования на базе инновационного центра в рамках его функционирования разрабатывается модульная программа «Организация частных форм дошкольного образования», главная цель которых – оказание правовой, экономической, психолого-

педагогической помощи слушателям в организации индивидуального предпринимательства в сфере дошкольного образования. Программа включает правовой, экономический и психолого-педагогический модуль.

Таким образом, практико-ориентированный учебный процесс в вузе, привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности на базе практик; сотрудничество студентов и преподавателей позволяет осуществлять процесс формирования профессиональной готовности студентов к инновационной деятельности в условиях вариативности дошкольного образования.

Библиографический список:

1. *Дыбина О. В.* Организационно-методический инструментарий подготовки студентов к работе с детьми дошкольного возраста // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2012. № 11.
2. *Житнякова Н. Ю.* Формирование профессиональной готовности педагогических кадров к реализации вариативных форм дошкольного образования. М., 2011.
3. *Меладзе М. А.* Психолого-педагогические основы развития компонентов инновационной деятельности у студентов университета – будущих учителей: Автореф дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2001.
4. *Рослякова Н. И.* Вариативный подход к формированию профессиональной индивидуальности педагога дошкольного учреждения в процессе вузовской подготовки. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2010.

В. П. Глухов

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, доцент кафедры логопедии, кандидат педагогических наук, доцент (109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16 стр. 18; тел.: (495) 647-44-77; (mgoru@mgoru.ru)

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СВЯЗНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ С СИСТЕМНЫМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

В статье представлены основные результаты сравнительного исследования особенностей формирования навыков связных высказываний у детей с системным недоразвитием речи. Комплексное исследование состояния связной речи проведено на основе разработанных автором технологий специального педагогического обследования. Автором получены новые данные об особенностях формирования связной речи у детей со вторым и третьим уровнями речевого развития (в сопоставительном аспекте), выявлены и проанализированы специфические затруднения в овладении навыками связных высказываний у детей данной категории.

комплексный подход к изучению формирования связной речи у детей дошкольного возраста; методика дифференциально-диагностической оценки данных исследования; типология специфических затруднений в овладении навыками связных высказываний у детей с системным недоразвитием речи

Проблема развития связной речи дошкольников с системными нарушениями речи приобретает в современной коррекционной педагогике все большую актуальность. Это обусловлено тем, что развитая связная речь ребенка позволяет ему свободно общаться с окружающими людьми, тем самым «включая» его в активный процесс социальной коммуникации. От уровня сформированности навыков речевой коммуникации, в основе которой лежит овладение навыками связных высказываний зависит эффективность процессов общения и обучения.

Формированию навыков связной монологической речи детей, имеющих общее недоразвитие речи (ОНР), у которых нарушено развитие всех компонентов речевой системы – фонетико-фонематического, лексического, грамматического, необходимо уделять особое внимание. Несформированность связной речи дошкольников с тяжелыми (системными) нарушениями речи отрицательно сказывается на развитии всей речемыслительной деятельности, ограничивает их коммуникативные потребности и познавательные возможности, препятствует овладению знаниями. Наличие у детей с ОНР вторичных отклонений в развитии ведущих психических процессов (восприятия, внимания, памяти, воображения и др.) создает дополнительные затруднения в овладении связной монологической речью.

Основными задачами данного этапа нашего исследования были следующие.

- Изучение особенностей формирования навыков связных высказываний у старших дошкольников с ОНР (II и III уровни речевого развития в сопоставительном плане) и последующее целенаправленное ее формирование по разработанной нами системе;
- Разработка программы комплексной коррекционной работы по формированию навыков связных высказываний у детей с системными нарушениями речи.

Изучение литературы по общей и специальной дошкольной педагогике показывает, что вопросам развития связной монологической речи дошкольников в настоящее время уделяется большое внимание. В то же время проблема формирования навыков связных высказываний у дошкольников с системным недоразвитием речи (прежде всего при втором уровне речевого развития) пока еще недостаточно исследована в специальной литературе; разработка путей формирования связной (диалогической и монологической) речи этих детей по-прежнему является одной из актуальных задач теории и практики логопедии.

Изучение состояния связной речи детей проводилось нами в период 2004–2010 гг. Исследования проводились в МДОУ – Центрах развития ребенка с логопедическими группами №№ 50, 56, 58, 91 и 103 г. Люберцы Московской обл., Центре диагностики и консультирования Люберецкого района, ГБОУ / детский сад № 1296 ЮВАО г. Москвы. В исследовании участвовало 80 детей со вторым уровнем речевого развития (РР)¹ / экспериментальная группа/, 120 детей с третьим уровнем РР (вторая ЭГ) и 80 детей, не имеющих отклонений в речевом и познавательном развитии.

Для решения задач исследования нами была составлена программа констатирующего эксперимента, разработана и апробирована (в ходе скринингового исследования) методика его проведения, которая подробно представлена в ряде научных и научно-методических трудов автора [9 и др.].

В целях комплексного исследования связной речи детей нами использовалась серия заданий², которая включала: составление предложений по отдельным ситуационным картинкам; составление предложения по трем картинкам, связанным тематически; пересказ текста (знакомой сказки или короткого рассказа); составление рассказа по картинке или серии сюжетных картинок; сочинение рассказа на основе личного опыта; составление рассказа-описания.

На основании качественно-количественных критериев оценки и анализа результатов исследования были определены дифференциально-диагностические уровни (всего 5) сформированности навыков составления отдельных высказываний [10 и др.].

При оценке выполнения заданий на составление различных видов рассказа учитывались показатели, характеризующие уровень овладения детьми навыками монологической речи. Определялись: степень самостоятельности при выполнении заданий, объем рассказа, связность, последовательность речевого сообщения; полнота отображения предмета речи; смысловое соответствие исходному материалу (тексту, наглядному сюжету) и поставленной речевой задаче, а также особенности фразовой речи и характер грамматических ошибок. Анализ уровня сформированности и специфических затруднений в овладении навыками связных высказываний проводился с использованием следующих критериев психолингвистической оценки текстового сообщения.

Критерии качественно-количественной оценки развернутых речевых высказываний.

– *Количество смысловых единиц (элементов):*

- Число законченных смысловых фрагментов-подтем.
- Число смысловых элементов-микротем и др.

¹ По классификации Р. Е. Левиной (1962, 1968) и Т. Б. Филичевой (2000, 2008 и др.).

² Представленные задания апробированы в ходе экспериментальных исследований состояния связной речи детей с ОНР 5–7-летнего возраста и в практике логопедической работы с детьми в коррекционных дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ). Общее число обследованных детей с использованием данных заданий составляет более 900 человек.

– Полнота отображения предмета речи.

Кол-во смысловых единиц (элементов): подтем и микротем,

Степень полноты отображения предмета речи;

Адекватность отображения предмета речи (наличие смысловых элементов, не связанных с предметом речи);

– Число денотатов в речевом сообщении (РС); степень отображения основных свойств предмета (основных подтем) через отображение денотативного содержания;

Соотношение числа денотатов в составленном пересказе по отношению к числу «обязательных» денотатов в исходном тексте (денотаты первого порядка);

• степень смыслового соответствия в отображении денотативного содержания текста;

• отображение в РС денотатов, не связанных с предметом речи.

– Степень отображения предмета речи через **предикацию** связей и отношений между денотатами: число отображенных в речевом сообщении предикативных связей (их характер, соотношение предикаций 1-го и «последующих» порядков, полнота отображения самих предикативных отношений и др.) и др.

– Связность речевого высказывания, обеспечиваемая через связь смысловых единиц текста:

• наличие связи между подтемами,

• наличие связи между микротемами,

• наличие связи между денотатами (при отображении предмета речи, предметной ситуации), денотатами, обозначающими свойства, признаки предмета (явления);

• наличие связи между предикативными единицами (словосочетаниями, предложениями) и др.

Проведенное исследование нами комплексное исследование связанной монологической речи и других, тесно связанных с ней особенностей речевого развития у 200 детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (ОНР) позволило получить следующие основные результаты.

Исследование показало, что дети мало используют связную фразовую речь в процессе учебной и игровой деятельности и испытывают трудности в воспроизведении развернутых синтаксических конструкций.

Исследование выявило ограниченность словарного запаса у детей, особенно по таким лексико-понятийным разрядам, как названия деталей предметов, слова, обозначающие качества предметов (цвет, пространственные характеристики) и др. Были выявлены затруднения при выполнении заданий на подбор обобщающих слов-понятий, на определение пространственного расположения предметов и др. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что у детей со *вторым уровнем речевого развития* степень освоения лексического и грамматического строя речи, интеллектуальных действий со знаками языка не обеспечивают минимально достаточного уровня языкового развития, необходимого для овладения навыками связных высказываний.

Как показало исследование, у большинства детей с ОНР существенные затруднения возникали уже при составлении высказываний на *уровне отдельных предложений* (по наглядной опоре), что может быть связано с неумением детей устанавливать или актуализировать в речи предикативные отношения, а также с трудностями в лексико-грамматическом оформлении высказывания. Констатирующее исследование показало, что навыки составления отдельных (фразовых) высказываний у детей со II уровнем речевого развития в большинстве случаев находятся на начальной стадии формирования, а у детей с III уровнем речевого

развития (при наличии выраженного первичного речевого дефекта) они сформированы на достаточно низком уровне.

Сравнительные экспериментальные исследования показали, что у старших дошкольников с ОНР (III уровень речевого развития) качественно-количественные показатели успешности выполнения заданий на составление различных видов монологических высказываний значительно ниже, чем у детей с нормальным развитием речи (по показателям объема рассказов, степени отображения предмета речи, самостоятельности, адекватности высказываний поставленной речевой и творческой задаче, связности и последовательности речевого сообщения, использования языковых средств).

При составлении монологических высказываний у детей с ОНР отмечались значительные нарушения связности изложения, пропуски смысловых звеньев, выраженная фрагментарность. Наибольшие трудности возникали при составлении рассказов с элементами творчества.

Отсутствие самостоятельности в составлении рассказов, нарушения логической последовательности изложения, смысловые пропуски, незавершенность фрагментов, несемантизированные продолжительные паузы на границах фраз, повторы фраз или их частей (не несущие смысловой нагрузки), отмечаемые у детей с ОНР, могут свидетельствовать о трудностях в *программировании содержания развернутых монологических высказываний*.

Проведенное нами исследование позволяет сделать предположение о том, что выявленные у детей с ОНР затруднения в составлении монологических высказываний, их недостаточная информативность, нарушения связности речи обусловлены не только несформированностью навыков планирования и программирования речевого сообщения, неумением отобразить *замысел* в связанном последовательном повествовании; в определенной степени они обусловлены неумением анализировать предмет речи, выделять основные компоненты его предметного содержания. Отсутствие достаточной речевой практики, несформированность перцептивно-аналитической деятельности, навыков целенаправленного анализа содержания прослушанного текста, предмета описания, наглядно представленной предметной ситуации, данных своего личного опыта не обеспечивают создания достаточно полного и четкого *образа предмета речи* [3, 4, 5], что, в свою очередь, затрудняет действия *планирования* речевого сообщения, создания и удерживания в памяти *программы развернутого высказывания*.

Исследование показало, что у детей со вторым уровнем речевого развития навыки самостоятельного составления связных монологических высказываний либо не сформированы (от трети до половины детей со вторым уровнем речевого развития не смогли выполнить задания на составление развернутых высказываний различного вида), либо находятся на начальной стадии формирования. Во многом это связано с несформированностью представлений о связанном монологическом высказывании – рассказе-сообщении об услышанном, увиденном, наглядно представленном на серии картинок и т.д.; его композиционном построении и «семантической» логико-смысловой организации. У детей отсутствуют или недостаточно сформированы представления о том, как составляется («выстраивается») речевое сообщение о предмете, предметной ситуации или том или ином событии. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в сознании ребенка-дошкольника пока еще не сформирован четкий семантический «стандарт» развернутого речевого высказывания. Второй «определяющей» причиной несформированности навыков связных развернутых высказываний является низкий уровень овладения основными средствами языка (лексическими, грамматическими, синтаксическими), необходимыми для составления речевого сообщения.

В то же время в рассказах детей с нормальным развитием речи лишь в небольшом числе случаев отмечались нарушения связности и последовательности изложения, почти не наблюдались смысловые пропуски и ошибки. Самостоятельное, как правило, выполнение заданий указывает, что у детей создавалась программа рассказа-сообщения.

Для монологических высказываний детей с со вторым уровнем речевого развития и многих детей с III уровнем ОНР характерны бедность и однообразие используемых средств фразовой речи (короткие фразы, недостаточное употребление предложений с однородными членами, сложных предложений, конструкций прямой речи и др.), что ограничивает возможности детей в составлении информативно полноценного сообщения.

Анализ аграмматизмов выявил у детей с ОНР большую частоту ошибок на построение предложений, в том числе неправильное оформление связи слов, пропуски слов, ошибки на образование глагольных форм, дублирование элементов фразы и др. Выявлены серьезные недостатки в синтаксической организации высказываний – нарушения синтаксической связи между фразами, прежде всего из-за несоответствия видо- временных форм глаголов; пропуски глаголов-предикатов, повторения частей текста.

Констатирующее исследование показало, что у детей со **вторым уровнем речевого развития** выявлен низкий уровень грамматикализации речевых высказываний. При этом все отмеченные выше варианты аграмматизма имеют «глобальный характер», что существенно влияет на возможность овладения связной речью.

Сравнительные исследования показали, что общий уровень сформированности навыков составления монологических высказываний у детей с нормальным развитием речи значительно выше, чем у детей с ОНР, находящихся на третьем уровне речевого развития. (Условно, по средним «рейтинговым» показателям, **в два раза** – по первым трем видам высказываний, и примерно **в три раза выше** – по трем следующим – рассказ описание и рассказы с элементами творчества). В то же время дети со вторым уровнем речевого развития существенно отстают от детей с III уровнем ОНР в овладении навыками связных высказываний – у большинства детей первой ЭГ (примерно две трети группы) навыки монологической речи не сформированы, а у остальных детей находятся в начальной стадии формирования (последнее, прежде всего, относится к таким видам развернутых высказываний, как *рассказ из личного опыта* и сообщения *по серии сюжетных картинок*).

В ходе исследования были выявлены существенные различия между детьми с ОНР в степени овладения навыками монологических высказываний. Сопоставление результатов выполнения экспериментальных заданий позволило условно выделить две группы детей с ОНР в зависимости от степени сформированности монологической речи.

Отнесение детей к той или иной группе основывалось на определении их возможностей в составлении различных видов высказываний (от отдельной законченной, коммуникативно – исчерпывающей фразы до составления рассказа на заданную тему).

Первую, более слабую, группу (59 детей из I ЭГ и 61 ребенок из II ЭГ) составили дети, у которых серьезные нарушения были выявлены уже при построении высказываний на уровне фраз (по наглядной опоре), как в смысловом программировании, так и в грамматическом оформлении. Резко выраженные трудности отмечены при выполнении заданий на составление рассказов. Навыки *самостоятельного рассказывания* были у детей первой группы не сформированы. Большая часть заданий на составление рассказов была выполнена детьми этой группы на низком и начально-нулевом уровне. Выявлены выраженные трудности в

смысловом построении развернутых высказываний (нарушения последовательности, временной и причинно-следственной взаимосвязи элементов сообщения, смысловые несоответствия, пропуски смысловых звеньев и др.). Выполнение заданий с элементами творчества было практически недоступным. Для монологических высказываний этих детей характерны крайняя бедность и однообразие используемых языковых средств.

У детей второй группы (21 ребенок из I ЭГ и 59 детей II ЭГ) недостатки в построении отдельных высказываний и развернутых сообщений были выражены в меньшей степени. По сравнению с детьми первой группы, эти испытуемые проявляли больше самостоятельности при выполнении заданий. Отмечались резко выраженные нарушения связности повествования, отдельные нарушения в смысловой организации высказываний, недостатки в их языковом оформлении – лексические затруднения, ошибки в построении фраз, нарушение синтаксической связи между ними и другие. Наибольшие трудности возникали при составлении описательного рассказа и рассказов на заданную тему.

Проведенное исследование позволило установить наличие «валидной», устойчивой корреляции между степенью выраженности первичного речевого дефекта, обусловившего системное недоразвитие речи, и возможностью, а также качественным уровнем выполнения детьми с ОНР экспериментальных заданий. Было установлено, что возможность овладения навыками связных, прежде всего монологических, высказываний определяется не только уровнем речевого развития, но, одновременно, – характером и степенью выраженности первичной речевой патологии. Так, все дети I экспериментальной группы и большинство детей второй ЭГ, у которых ПМПК была диагностирована дизартрия (II и III степени) или сочетанные формы алалических и дизартрических расстройств, оказались не в состоянии выполнить задание на составление рассказа-описания, рассказа на заданную тему и окончания рассказа по данному началу (несмотря на облегченный вариант выполнения задания и помощь со стороны экспериментатора). Эти же дети испытывали наибольшие затруднения при пересказе текста знакомой сказки, составлении рассказа по серии сюжетных картинок и рассказа из личного опыта.

Результаты проведенного нами экспериментального исследования позволяют сделать следующие основные **выводы**.

- Дети старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, даже при III уровне ОНР, значительно отстают от нормально развивающихся детей в овладении навыками связной монологической речи. Исследование выявило существенные различия в количественных и качественных характеристиках монологической речи у детей всех трех сравниваемых групп (дети со вторым и третьим уровнями речевого развития, дети контрольной группы): объем составляемых рассказов, полнота и точность отображения предмета речи, объем и структура фразовых высказываний, самостоятельность, связность и последовательность изложения, смысловое соответствие высказывания поставленной задаче, уровень используемых языковых средств и др.

- У детей с общим недоразвитием речи имеются выраженные трудности не только в языковом оформлении, но и в смысловом программировании высказываний. На уровне отдельных высказываний (предложений) они проявляются при выборе ремы высказывания, в неумении устанавливать предикативные (субъектно-объектные) отношения, в пропусках значимых смысловых звеньев фразы. Для развернутых высказываний характерны смысловые пропуски, длительные межфразовые паузы, незавершенность фрагментов, ошибки при передаче причинно-следственных отношений, трудности в определении замысла рассказа; отсутствие самостоятельности при выполнении заданий. Отмечаются нарушения

лексико-грамматического оформления высказываний, синтаксической связи между предложениями и фрагментами рассказа. Принципиальных отличий в качественных характеристиках связных высказываний между детьми со II и III уровнями речевого развития проведенное нами исследование не выявило. Различия в основном касаются степени выраженности отмечаемых затруднений в овладении навыками связных высказываний и, соответственно, наблюдаемых недостатков в их смысловой организации и языковом оформлении.

- Вместе тем, необходимо отметить, что у детей со вторым уровнем речевого развития навыки составления отдельных высказываний в большинстве случаев соответствуют низкому уровню сформированности или находятся в стадии формирования; навыки составления монологических высказываний (за исключением высказываний из личного опыта и рассказов-сообщений по наглядному представленной предметно-событийной ситуации) практически несформированы.

- Исследование выявило различную степень несформированности монологической речи у детей с общим недоразвитием речи, что вызывает необходимость дифференцированного подхода к ним в процессе коррекционного обучения. В первую очередь, это относится к детям, находящимся на третьем уровне речевого развития – в этой группе различия в уровневых качественно-количественных показателях между отдельными детьми выражены в большей степени, чем у детей со вторым уровнем речевого развития.

- Необходимо дальнейшее совершенствование технологий логопедической коррекционной работы по развитию связной речи детей со II уровнем ОНР, включающей формирование навыков построения различных видов связных высказываний, навыков планирования самостоятельной монологической речи в сочетании с направленным формированием языковых (лексико-грамматических, морфолого-синтаксических) средств оформления связных высказываний.

Библиографический список:

1. Ахутина Т. В., Наумова Т. Н. Смысловой и семантический синтаксис: Детская речь и концепция Л. С. Выготского // Психолингвистические проблемы семантики. М., 2004.
2. Глухов В. П. Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим речевым недоразвитием. Изд. 2-е. М.: АРКТИ, 2004.
3. Глухов В. П. Психолингвистика: Учебник для педагогических и гуманитарных вузов. М.: В. Секачев, 2013.
4. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Мысль, 2001.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. Изд. 4-е. М./СПб., 2003.
6. Основы теории и практики логопедии / Под ред. Левиной Р. Е. М.: Педагогика, 1968.
7. Филличева Т. Б. Особенности формирования речи детей дошкольного возраста. М.: Академия, 2000.
8. Филличева Т. Б., Туманова Т. В. Дети с общим недоразвитием речи. Воспитание и обучение. М.: Гном-Пресс, 2002.
9. Глухов В. П. Методика формирования навыков связных высказываний у дошкольников с общим недоразвитием речи: Учебно-методическое пособие для студентов пед. и гуманитарных вузов и практикующих логопедов. М.: В. Секачев, 2012.
10. Глухов В. П. Комплексный подход к формированию связной речи у детей дошкольного возраста с нарушениями речевого и познавательного развития: Монография. М.: В. Секачев, 2013.

Культ слова

А. А. Касмынин

Адыгейский государственный университет, аспирант Института искусств, искусствовед (385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208; тел.: (8772) 59-38-20; adsu@adygnet.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ АНГАЖИРОВАННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА Г. КОРЖЕВА

Творчество известного художника Г. Коржева рассматривается в контексте социального вызова общества в перестроечный период развития страны. Анализируются военные и революционные сюжеты, «несовременные» для отечественного искусства рубежа XX-XXI веков, но важные с точки зрения высвечивания и обсуждения проблем, «неудобных» для официального искусства. Доступным зрителю и одновременно продуманным и зрелым художественным языком художник создает картины, наполненные психологизмом и обладающие сложным социальным подтекстом. Предполагается, что социальная ангажированность творчества является одной из основных задач Г. Коржева, как человека и художника.

Гелий Коржев; социальная ангажированность искусства; социальная отзывчивость; композиция; герой; сюжет; образ

Г. Коржев принадлежит к числу художников с обостренной социальной отзывчивостью. В 70-е-90-е гг. XX века в его творчестве активно ведется поиск образа героя в сюжетах на революционную и военную тематику. Художник стремился найти героя, лишённого избыточного пафоса, простого и одновременно истинно человеческого.

Отдельные авторы¹ склонны говорить об историзме мышления Г. Коржева. В какой-то мере это действительно справедливое наблюдение: достаточно вспомнить ряд его работ, которые можно отнести к категории исторических сюжетов: триптих «Коммунисты», цикл «Опаленные огнем войны», «Беседа», «К своим», «Облака 1945 года», триптих «Дезертир» и др. произведения на революционную и военную тематику. Однако с учетом раскрытия образов в этих сюжетах, определения статуса образа героя, который, безусловно, пытается создать художник, можно с уверенностью говорить о том, что автор непросто стремится ознакомить зрителя с теми или иными значимыми историческими вехами, хотя это всегда, так или иначе, происходит. Живописец ставит перед собой другие, гораздо более емкие задачи и преследует более высокую цель.

К 70-м годам в СССР начиналось ощущаться напряжение, царящее в обществе. Зачастую это было обусловлено тем, что многие исторические проблемы не

¹ Басыров А. Я., Борукова В., Гаврилов В. П., Лапшин В. П., Ягодская А. и др.

были названы, а те, которые выявлялись, не подвергались обсуждению. Будучи художником глубоко интегрированным в социум, ощущающим себя частью гражданского механизма, имеющим опыт работы на высоких общественно-административных постах,¹ чувствующим крепкую связь с народом, Г. Коржев берет на себя серьезную общественную задачу. Посредством доступного и понятного зрителю, но, вместе с тем, очень продуманным и зрелым художественным языком он раскрывает такие сюжеты и истории, которые мотивируют общество совместно размышлять над поднятой проблемой. Своими картинами он провоцирует общество обсуждать щепетильные темы, способствует возникновению духовных потенций, побуждающих к самостоятельному размышлению над нерешенными и замалчиваемыми вопросами. В этом проявляется глубокая социальная ангажированность художника.

Понятие «l'engagement», впервые предложенное Ж. П. Сартром, по мнению автора статьи, наиболее точно определяет творческие искания Г. Коржева, т.к. «ангажированным» французский философ-экзистенциалист предлагал называть искусство, декларирующее свою связь с окружающим миром. Искусство, которое наделяет «социально-исторической ответственностью любого человека, в том числе и художника, перед обществом и историей», обуславливает его принципиальную сопричастность проблемам своей эпохи» [7, с. 10].

Глубоко сопереживая развитию современного общества, русской и общемировой культуры, понимая проблемы сохранения народных традиций, необходимости возрождения норм и принципов морали, художник стремится определить направление, обозначить ориентир, к которому можно было бы направить современников с целью очищения от душевного затмения.

Однако попытки определить в современном окружении некий идеал, или основу, на которой он мог бы зародиться, не увенчались успехом, и художник постепенно начал обращаться к различным тематикам, так или иначе уводившим его от современного мироустройства.

Очень сложно было найти достойные сюжеты, создать более яркие образы, после того, как были выставлены два сложных комплекса произведений, охвативших две основные героические вехи Советской России, принесшие художнику безусловный успех – триптих «Коммунисты» и полиптих «Опаленные огнем войны». Поэтому Г. Коржев продолжает обращаться к сюжетам, связанным с героическим прошлым молодой Советской страны, пытается найти образ героя в исторически выверенных, хотя и сравнительно недавно прошедших событиях. Этот путь кажется достаточно верным, тем более, что он испытан многими видными русскими и советскими художниками (В. Суриков, П. Корин и др.).

В период 70–90-х годов XX века Г. Коржев создает ряд картин, в которых живописец возвращается к «прошедшему» героическому времени Советской России – Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войнам. Среди них можно назвать наиболее известные: «Беседа», «К своим», «Облака 1945 года», триптих «Дезертир».

Полотно «Беседа» (1980–1985 г.г.) возникло в атмосфере переломного момента в жизни современной России, в период развивающегося кризиса советской политической системы. В картине Г. Коржев убедительно отображает свой взгляд на складывающуюся ситуацию в стране, на судьбу народа, на его историческое предназначение в этой жизни, на определенные закономерности развития современного общества. Глубина авторского замысла раскрывается в картине

¹ В руководстве Московского Союза художников (1958–1970), Союза художников РСФСР (1960–1976), Союза художников СССР (1960–1980).

«столь же метафорично и многозначно, сколь проникновенно и поучительно» [5, с. 71]. В этой картине автор подводит итог своим размышлениям над причинами морально-психологических проблем, которые остро стали ощущаться к этому времени в Советском Союзе.

Композиция картины основана на контрастном сопоставлении состояний и характеров двух героев. Двухфигурная композиция по всем параметрам статична, но обладает огромной внутренней динамикой чувств этих двух контрастно разных людей. Картина имеет горизонтально вытянутый формат с небольшим соотношением сторон, данный выбор помогает зрителю воспринимать безмолвное спокойствие беседующих с философской рассудительностью. На картине изображены две фигуры, фактически два погрудных портрета – Вождя Октябрьской революции, идеолога коммунистического учения – В. И. Ленина и слепого крестьянина, возможно странника. Фигуры расположены на фоне старой кирпичной кладки с оконным проемом, зарешеченным кованой решеткой, ажурная вязь которой позволяет предположить, что, возможно, это часть храмовой стены.

Картина выполнена в коричневых и серых, серебристых тонах. Живым, достаточно крупным и бархатистым мазком. Ритмически благозвучна живописная ткань картины. Для акцентирования кульминационных центров композиции художник применяет прием отраженного света.

Фигура Ленина смотрится мелкой и несущественной на фоне статичного и мощного, словно, древний идол крестьянина. Полупрофильное в три четверти изображение Вождя пролетариата, с газетой во внутреннем кармане пиджака выглядит достаточно протокольно, почти трафаретно. Это тот Ленин, которого мы привыкли видеть на плакатах, в советских фильмах и во множественных памятниках – сухой, безэмоциональный, легко узнаваемый – кепка, борода, пиджак с жилетом, газета. Автор статьи не усматривает в облике Ленина, созданном Г. Коржевым, «сосредоточие энергии и воли руководителя, привыкшего действовать смело, быстро, решительно... озабоченного решением конкретных проблем и задач, стоящих перед молодым рабоче-крестьянским государством» [9, с. 18]. Напротив, здесь Ленин смотрится фигурой случайной, словно проходящей мимо, будто вырезанной из какой-то открытки и прилепленной в картину. Тем не менее, появившись неожиданно, он достаточно агрессивно пытается отвоевать свое законное пространство в полотне и, словно, впиается в слепого странника клинообразной черной тенью.

Слепой крестьянин в картине олицетворяет весь русский народ, который по сути своей остался слепо ведомым за призрачными новыми идеями, провозглашенными большевиками. Настрадавшийся, с натруженными мощными руками, опутанный обрывками веревок, словно связанный, лишенный права на свободное движение, он остается спокоен и непоколебим в своей народной мудрости и православной вере.

Между героями картины, которые ведут «бессловесную беседу», нет стены непонимания, непримиримого разлада, конфликта мировоззрений, но также между ними нет и взаимопонимания, нет ничего общего. Они полностью чужие, словно разные миры, далекие планеты лишь случайно, на мгновение оказавшиеся рядом, но так и не сумевшие притянуть друг друга. История со свойственной ей прямоотой вскрыла причины несостоятельности масштабного социального проекта, опровергла утопические стороны новой общественной философии. Обращая свой взгляд в прошлое, Г. Коржев ясно видит и умело предъявляет зрителю мгновения торжества исторической и нравственной истины, которая, по его мнению, заключается в способности носителей православной культуры

стойко и твердо противостоять несправедливости, унижению и разрушению традиционных духовных ценностей.

Вновь обратившись к темам Октябрьской революции, художник не находит героики в ее Вожде, в людях ее сотворивших, в ее завоеваниях. Не строит планов и надежд на «светлое будущее», как возможно, он пытался отразить это в картине «Омер. Рабочая студия». Героем той эпохи Г. Коржев видит народ, который сумел сохранить свою культуру, свою веру и всем своим существом готов к возрождению. Для того, чтобы сказать об этом художник использует все доступные ему в живописи средства. Колорит картины, моделировка объемов, вся ее художественная форма «подают, испускают луч света, на иступляюще серую действительность... это путь к просветлению, возрождению всего человеческого в человеке» [5, с. 71].

Также Г. Коржев обращается и к тематике Гражданской войны. В частности, в картине «К своим» (1988–1990 г.г.) На первый взгляд кажется, что перед зрителем достаточно простой сюжет, вплотную сближенный с фронтовой повседневностью Гражданской войны. Полотно имеет вертикальный формат, среди песков пустыни бредут две фигуры, изображенные в полный рост со спины – это красноармеец и боец местного ополчения, судя по характеру национального халата, надетого на нем – узбек. Он сильно изранен – перебинтована голова и рука, он опирается на плечи красноармейца, который помогает передвигаться сотоварищу, на голове у бойца буденовка, за плечами две винтовки, скорее всего своя и раненого, чайник с остатками воды на длинном ремне тоже перекинут через спину. По всей видимости, герои картины не так давно были в бою. При беглом взгляде на картину сразу всплывают ассоциации со знаменитым фильмом В. Мотыля «Белое солнце пустыни» (1970 г.). Композиционно фигуры смещены вправо и вверх, что позволяет продолжить их воображаемое движение по диагонали влево и вверх. Словно ритмичные складки, как своеобразные ступени их путь пересекают линии песчаных барханов. Определенное напряжение в картине создает угол, образованный из сплетенных рук воинов и их винтовок, который направлен в верхний правый угол. Динамичность этого тревожного движения усиливается повторяющимися элементами, составляющими стороны этого угла – две винтовки, две руки. Также некоторое беспокойство возникает благодаря чередующимся узким полоскам узбекского халата. Они выглядят почти декоративным элементом на лаконичном фоне пустынных песков и монотонной форменной одежды красноармейца.

В картине удачно найден живописный ход. Художник работает в диапазоне серых и охристых тонов и оттенков: от холодновато-стылых до теплых, выполненных и в пастозной фактуре и в почти лессировочной манере письма. Цветовое богатство этого полотна, как и многие работы Г. Коржева многолико и разнообразно нюансами. Лаконичность живописных приемов, строгая, ограниченная цветовая гамма создают убедительный визуальный образ трудного, напряженного пути, рождает в зрительском восприятии чувства человеческой взаимопомощи.

«Свойственный автору историзм мышления, выводит его на художественное исследование проблемы выхода народа из рабского состояния, борьбы за свободу, крепнущего в этой нелегкой доле интернационального братства людей. Сквозная мысль картины – человеческая взаимопомощь в любой, казалось бы, самой безысходной ситуации... а нелегкий путь к прозрению, справедливости и новой жизни сближал людей разных национальностей» [5, с. 76]. Действительно, зрителем, родившемся и выросшем в Советском союзе, воспитанном на фильмах и книгах о героях гражданской войны, картина «К своим» воспринимается

именно таким образом. Но стоит лишь задуматься, в какой период времени была она написана, вопрос о созданном образе становится достаточно дискуссионным.

В феврале 1989 года был завершен вывод ограниченного контингента советских войск из Афганистана. А в мае 1989 года произошла кровавая резня и организованные погромы в г.г. Кувасае, Фергане, Маргилане, Коканде, Ташлаке и др. населенных пунктах Узбекской ССР, во время которых были убиты и покалечены тысячи лиц славянской национальностей, а также турок-месхетинцев.

Картина Г. Коржева «К своим» – это своеобразная художественная реакция на комплекс событий, который разворачивался в конце 80-х годов в Средней Азии в преддверии распада Советского союза. Это реквием тем национальным отношениям, которые так и не сумела развить и дать им окрепнуть советская власть. К каким «своим» уходит эти раненые бойцы? Очевидно путь у них разный и «свои» разные, но не сумевшие основательно и полностью закрепиться на территории стран Средней Азии русские вынуждены покинуть этот регион и забрать с собой «своих» узбеков и др., которые из-за сотрудничества с советской властью стали фактически изгоями среди коренного населения.

Обращаясь к тематике Гражданской войны, Г. Коржев не может создать тот непобедимый, непокоренный героический образ красноармейцев, который можно наблюдать у него в более ранних работах, например «Интернационал» (триптих «Коммунисты»). Таким образом, героика Гражданской войны постепенно меркнет наравне с необратимыми процессами, которые охватили все республики Советского союза. На смену старым героям приходят новые, которые ранее считались врагами, например, белые офицеры, а во многих бывших республиках постсоветского пространства все завоевания Октябрьской революции признаются антинародными. Более Г. Коржев не обращается к теме Гражданской войны.

Тем не менее, художник продолжает поиск образа героя нового времени. К темам, так или иначе, связанным с Великой Отечественной войной он обращается многократно. Особенно весомо, с новой силой проявляется талант художника-мыслителя, тонко чувствующего безграничные возможности живописи при создании картины «Облака 1945 года» (1980–1985)

В этом полотне слились воедино и личный эмоциональный настрой автора, основанный на его восприятии и памяти о тех днях, когда, наконец-таки, над всем миром прозвучало долгожданное слово – Победа, и конкретность ситуации, которую можно было наблюдать повсеместно. Благодаря тонкому и точному художественному видению Г. Коржева картина с, казалось бы, незамысловатым сюжетом, приобрела звучание драматической поэмы о судьбах людей, которые, преодолевая боль утрат и потерь, находят в себе силы стойко воспринимать и чувствовать суровую реальность жизни.

Сам автор вспоминает, что «... писалась эта картина, как, впрочем, и все другие, мучительно и долго. Со времени войны прошли годы, десятилетия, а в памяти всплывают искалеченные, исковерканные судьбы людей. Цепкая детская память сохранила и этот цветистый разнотравьем косягор под селом Воскресенским, и колченогого мужика, тоскующего по своему извечному хлебоборбскому делу, и наших великомучениц женщин, взваливших на свои плечи тяготы военного лихолетья. Они ведь были тогда в прямом смысле и жнец, и швец и на дуде игрец. Поклониться им, неприхотливым и неизносимым, мужикам и бабам, возгордиться их суровой и доброй душой захотелось мне этой картиной» [5, с. 48].

В картине «Облака 1945 года» Г. Коржев как бы синтезировал несколько ранее написанных картин, которые вошли в цикл «Опаленные огнем войны», в

частности, «Мать», «Следы войны» и «Старые раны». Таким образом объединив в одном полотне всю многогранность ощущений, вынесенным им с того тяжело-го, многострадального времени, помноженную на современное восприятие последствий катастрофических событий середины XX века.

На картине крупным планом изображены люди старшего поколения, жители села – женщина, смиренно и с тоской всматривающаяся вдаль, и мужчина – инвалид, с колодкой вместо ноги и приставленным рядом самодельным костылем. Историческая дата, обозначенная в названии полотна, позволяет зрителю понять горестные мысли персонажей картины, стать сопричастным их переживаниям о трагических последствиях страшной войны, о тех жертвах, которые пришлось принести во имя Великой Победы.

В мастерски написанных объемных силуэтах фигур, воздушных, далеких облаках, цветносомном косогоре заключены существенные элементы художественной формы картины и сложность авторского мироощущения. Сдержанно, суровым и трагичным образом мужчины и женщины живописно контрастирует окружающая природа, которую, пожалуй, впервые в полной мере вводит в свою картину художник, придавая полотну определенную ноту лиризма.

Однако нельзя сказать, что полотно полностью пессимистично. Несмотря на то, что автор показывает сумевшее выжить в беспощадной войне старшее поколение, измученное болью утрат, угнетенное морально, искалеченное физически, намекает на почти полностью истребленное поколение их детей, которые не вернулись с фронтов, сгинули в концлагерях, погибли от голода, художник оставляет в картине яркий луч надежды на возрождение. На лоне природы, с ее неизменным величием, вселяющей умиротворяющие мотивы, задушевную гармонию, Г. Коржев изображает зарождающийся росток жизни, будущее, ради которого были принесены эти огромные, безвозвратные жертвы. Композиция картины содержит две направляющие диагонали, образованные краем косогора и деревянной доской, на которой сидят женщина и мужчина. Смыкаясь в левой части картины, они направляют взгляд зрителя на маленькую девочку, которая также как старики, вглядывается в бескрайнюю даль, заслоняясь рукой от солнца. «Скорбному знанию взрослых противопоставлено счастливое неведение юной девочки, внемлющей открывшемуся перед ней земному великолепию и необъятному голубому простору» [9, с. 18]. Нет очевидной связи между ее поколением и стариками, но объединяет их и общее горе – одни потеряли детей, другие отцов и матерей, и общая надежда – надежда на возрождение.

Обнажившиеся в восьмидесятые годы симптомы кризиса советской политической и общественной системы подтолкнули Г. Коржева максимально использовать морально-этический потенциал отечественного искусства, эмоционально-нравственную силу, создаваемых им образов, для выявления возникших жизненных противоречий, разрушавших внутреннее единство нашего общества. В этот период наиболее остро проявляется социальная ангажированность художника. Будучи человеком нетерпящим смысловой неопределенности, он стремится честно поведать о том, что чувствовали многие, но о чем не решались, боялись говорить, рассказать о наблевшем с определенной беспощадностью, правдиво, без прикрас.

В 1985 году Г. Коржев приступает к созданию трехчастной композиции «Дезертир» (1985–1999 г.г.). По разному можно относиться к этому произведению, также как и невозможно выработать определенного отношения к проблеме дезертирства, тем более к дезертирству в период Великой Отечественной войны. Во все времена слово «дезертир» – синоним словам «предатель», «трус», «изменник».

Сюжет картины раскрывает конфликт разных человеческих характеров, противопоставление двух непохожих судеб. Сбежавший с фронта молодой солдат неожиданно предстает перед своей женой, а может быть и дочерью, которая, по всей видимости, трудится санитаркой в госпитале. Неожиданный визит застаёт женщину врасплох, во время развешивания в подсобном помещении госпиталя простиранных солдатского белья. На лице ее заметно смятение чувств, принять, или оттолкнуть, с одной стороны родного человека, с другой – предателя, заклеившего позором семейную честь? Дезертир опустился перед женщиной на колени. Поза его безвольна и жалка, свидетельствует о чувстве унижения с одной стороны, а с другой – передает невыносимые страдания, которые перенес этот человек, как душевные, так и физические. Поза, в которой изображен беглый солдат, напоминает позу блудного сына из картины Рембрандта, и у зрителя четко ассоциируется со словами раскаяния и сожаления, но и вселяет надежду на милостивое прощение. О возможном примирении говорят, и приближенные к зрителю боковые части композиции, которые личную драму персонажей картины переводят в новую фазу психологического развития. В позе и образе мужчины еще более усилились ноты раскаяния и смирения перед судьбой, а в образе женщины, напротив, появилась некоторая мягкость и готовность к прощению.

Уже давно не секрет, что под позорным клеймом – «дезертир» в годы Великой Отечественной войны было отмечено бесчисленное множество мужественных и храбрых воинов, которые по тем или иным причинам попадали в плен к фашистам. Раненые, не сумевшие вырваться из окружения, они направлялись в концентрационные лагеря, а, вернувшись на Родину, автоматически оказывались в разряде предателей и изгоев. Были и те, кто бежал с фронта по другим причинам, те которые воспринимали враждебно саму советскую власть, те, которые считали, что русские оккупировали их маленькие, но независимые страны, и многие другие. Были и откровенные трусы и предатели. Но за каждым подобным случаем скрывается глубокая личная трагедия. И всегда должен быть кто то, кто сумеет понять и простить.

Такую сложную проблему поднимает Г. Коржев в триптихе, которая из личной в одночасье вылилась в общественную драму. Замысел и работа над произведением начались в период новой волны реабилитации жертв сталинских репрессий. Но сам живописец беспощаден к предательству, как таковому, и во втором варианте усиливает коллизию отношений между дезертиром и женщиной. Художник идет по пути усложнения женского образа. В первом варианте она была одета в обычное платье, во втором же – на ней гимнастерка. Таким образом, усиливается мотивация конфликта. Ее нехитрый, рутинный труд прачки в контексте военной эпохи обретает особый смысл, смыкается с общими усилиями сражающегося народа, а он сбежал, жалкий и подлый.

Г. Коржев не скрывает свою личную неприязнь к идейному и нравственному отступничеству, но, тем не менее, в основном отталкивается от способности человека к осознанным поступкам, а соответственно обладанием права нести полную ответственность за содеянное. Художник словно сопоставляет собственное восприятие изображенной ситуации со сложившимися и прочно укоренившимися в народном мировоззрении этическими представлениями о принципах морали, величия или низости человека, прошедшего жернова войны.

Следуя многовековой традиции отечественного искусства, живописец стремится понять людей страждущих, проникнуться их тревогами и болями, высказать не приукрашенную правду о том времени борьбы, побед и утрат. Гелий Коржев проявляет себя как художник глубоко социальный, правдивый, обнажает «сопричастность ко всему, что вокруг, соучастие в судьбе Человека и стрем-

ление сохранить честную беспристрастность художника» [5, с. 72]. Его картины поражают своей внутренней мощью, психологической углубленностью, общим гармоничным равновесием, правильно найденным композиционно и живописно-пластическим решением. При этом героев своих картин живописец наделяет способностью сделать ответственный выбор в линии поведения с полным осознанием своих поступков.

Образы, созданные художником на протяжении всей его творческой деятельности, характерны для трагического героя, героя сполна познавшего все драматические стороны человеческого бытия, но умеющего противостоять судьбе, идти ей наперекор, выживать и побеждать. Образ положительного героя художник пытается раскрыть в изображении представителей старшего поколения, принимавших непосредственное участие в строительстве советского государства, стоящих у его истоков и одержавших множество реальных побед в годы сурового ратного времени.

Однако, обращаясь к тематике Октябрьской революции, а также Гражданской и Великой Отечественной войн, после работы над триптихом «Коммунисты» и циклом картин «Опаленные огнем войны» Г. Коржев не создает образа героя, как такового. Героем для него по-прежнему остается весь русский народ, который, принеся великую жертву, выстоял в борьбе и войнах, сохранил свою национальную гордость, сберег православную культуру и народные традиции.

На примере лишь нескольких картин, написанных в определенный период, раскрытия их образов, невозможно в полной мере рассмотреть вопрос об ангажированности всего творчества художника. Тем не менее, данная статья задает некий вектор для дальнейшего исследования этого направления.

Библиографический список:

1. Баркова Н. Гелий Михайлович Коржев. Л.: Художник РСФСР, 1988.
2. Борукова В. Люди великой идеи. О триптихе Г. Коржева – Коммунисты // Художник. 1967. № 9.
3. Буткевич О. Утверждающий подвиг. О творческом пути Г. М. Коржева // Художник. 1985. № 6.
4. Гаврилов В. Целеустремленность творчества // Художник. 1968. № 5.
5. Зайцев Е. В. Коржев Гелий Михайлович. Альбом: к 75-летию со дня рождения. М.: Пассим, 2000.
6. Лапшин В. П. Гелий Михайлович Коржев. Л.: Художник РСФСР, 1962.
7. Лошакова Т. В., Лошаков А. Г. Зарубежная литература XX века (1940–1990-е годы): практикум: Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010.
8. Советское изобразительное искусство. 1941–1960. М.: Искусство, 1981.
9. Сысов В. П. Общественная драма в творчестве Гелия Коржева // Художник. 2006. № 1.
10. Сысов В. П. Общественная драма в творчестве Гелия Коржева // Художник. 2008. № 1.
11. Ягдовская А. Целеустремленность художника // Творчество. 1960. № 6.

Д. В. Масленников

Ивановский государственный университет, аспирант кафедры теории литературы и русской литературы XX века (153040, г. Иваново, ул. Любимова, д. 18)

«КОМПОЗИЦИОННЫЕ ВОЛНЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

Если есть смысл говорить об инвариантах, мотивах, сквозных темах и проч. в творчестве поэта, то можно сказать и о идее «волны» у Иосифа Бродского, и о её частном случае – «композиционной волне». В отличие от всего прочего, «композиционная волна» является одновременно и идеей, и её воплощением (методом творчества). В статье показана реализация этой идеи на примере корпуса эссеистики и «больших стихотворений» Иосифа Бродского.

«Композиционная волна»; «большие стихотворения»; эссе; память; фантом

Для Иосифа Бродского «Время выходит из волн» [1, т. III, с. 44]. Эта «формула» работает и в обратную сторону. Во многих «больших стихотворениях» (если не во всех), жанр которых всё ещё недостаточно (или мало) изучен, можно наблюдать *особые* композиционные образования, свойственные не только его поэзии, но и эссеистике – которые можно назвать «композиционными волнами».

В стихотворении «Пророчество» (1965), где в первой строчке «Мы будем жить с тобой на берегу» [1, т. II, с. 125] и в пятой – «Мы будем в карты воевать с тобой» [1, т. II, с. 125], «Мы будем» – можно принять за анафору, тем более, что в начале стихотворения она в большей степени ей и является. Но последняя строфа, начинающаяся с «Мы будем в карты воевать, и вот» [1, т. II, с. 125], *почти* повторяет пятую строчку и возвращает стихотворение к началу. Внешне-лексическое несходство строчек-стихов является следствием буквально внутреннего «когда так много позади» [1, т. II, с. 310]. Это не позволяет говорить о кольцевой композиции, ибо образ того, к чему поэт возвращается, не является тем, чем он был в начале – он изменился под действием Времени. Получается, что 1) Время – одна из основных категорий творчества Бродского – становится ещё и методом творчества (имитация/воссоздание Времени), оно порождает «композиционные волны» в стихотворениях и эссе, а 2) «композиционные волны» организуют их структуру. Но «Пророчество» нельзя назвать большим стихотворением, поэтому и длина «композиционной волны» получилась короткой – конец стихотворения «накатывается» на его начало.

Подобный случай можно наблюдать в эссе «Меньше единицы». Здесь Бродский заканчивает первую главу словами: «В самом деле, правда кончается там, где начинается ложь. Вот чему научился в школе мальчик, и эта наука оказалась полезнее алгебры» [1, т. V, с. 13]. И заканчивает эссе: «Это была большая комната с тремя рядами парт... <...> Мальчик садится на место, расстегивает портфель, кладет на парту тетрадь и ручку, поднимает лицо и приглатывается слушать ахинею» [1, т. V, с. 27]. История внешне *почти* повторилась, как и в «Пророчестве», но произошло это не только из-за того, что время стирает память. О подобном писал Мандельштам:

Время срезает меня, как монету,
И мне уж не хватает меня самого... [2, с. 135]

Бродский перефразировал последний стих в «меньше единицы», и не хотел с этим мириться (хотя бы потому, что искусство единственная деятельность, которая сдерживает энтропию – противостоит Времени), поэтому поэт пытается Память восстановить/воссоздать Время (и наоборот).

«Волна» – это не просто способ организации, построения текста, а способ организации у Бродского Времени в принципе. В какой-то степени «композиционные волны» у него – это очередной и только на первый взгляд парадоксальный способ (подробнее об этом – ниже) уберечь то, что ему дорого (Память), спастись от ужаса неизвестности будущего (Времени). Поэт не бежит от реальности Времени – он его имитирует, а Время как таковое есть прошлое, есть Память: человеческая, предметная, водная и т.д.

Боле частотные «композиционные волны» можно увидеть в большом стихотворении «Колыбельная Трескового Мыса». Здесь начало каждой «волны» чётко обозначается лексически – словом «Духота». Третья строфа начинается со стиха «Духота. Светофор мигает, глаз превращая в средство» [1, т. III, с. 81], пятая – «Духота. Сильный шорох набрякших листьев, от» [1, т. III, с. 81], и то же – ещё в семи строфах. Кроме этой высокочастотной волны, в стихотворении есть и другая, с большей «длиной волны», которая чередуется с первой. «Колыбельная Трескового Мыса» начинается с «Восточный конец Империи погружается в ночь. Цикады» [1, т. III, с. 81], и 53-я строфа из 60-ти начинается с – «Восточный конец Империи погружается в ночь – по горло» [1, т. III, с. 90] (комментарии здесь излишни). Ещё следует сказать, что у Бродского это стихотворение состоит из двенадцати частей, которые в свою очередь создают ещё одну волну, но на этот раз не лексическими средствами, а – смежными с ними – размерными. Части, обозначенные нечётными цифрами, имеют больший размер стиха, чем чётные части стихотворения. Например, первая строфа:

Восточный конец Империи погружается в ночь. Цикады
умолкают на грани газонов. Классические цитаты
на фронтонах неразличимы. Шпиль с крестом безучастно
чернеет, словно бутылка, забытая на столе.
Из патрульной машины, лоснящейся на пустыре,
звякают клавиши Рэя Чарлза [1, т. III, с. 81].

И – предпоследняя строфа 8-ой части:

Время больше пространства. Пространство – вещь.
Время же, в сущности, мысль о вещи.
Жизнь – форма времени. Карп и лещ –
сгустки его. И товар похлеще –
сгустки. Включая волну и твердь
суши. Включая смерть [1, т. III, с. 87].

В эссе «Трофейное» поэт постоянно чередует микротемы между собой. Бродский, если упростить, говорит о двух вещах-темах, одна из которой буквально *вытекает* из другой: о трофейных предметах – консервных банках, радиоприёмнике, фильмах, ботинках, грампластинках – и о том, как эти трофеи повлияли на жизнь их владельцев. Рассказ о предмете сменяется рассказом о последствиях для его счастливого обладателя, и после этого микросюжет повторяется вновь. Бродский отталкивается от одного предмета и переходит к другому, смежному с первым, усиливая значения. Например, о тушёнке: «В начале была тушёнка» [1, т. VI, с. 11] – так начинается эссе. А заканчивает он первую главу последствием обладания банками: «С годами росла их ценность – по край-

ней мере, они становились все более желанными в товарообмене подростка» [1, т. VI, с. 12]. О радиоприёмнике в 3-й главе: «Когда мне было двенадцать лет, отец, к моему восторгу, неожиданно извлек на свет божий коротковолновый приемник. Приемник назывался «филиппс» и мог принимать радиостанции всего мира – от Копенгагена до Сурабаи» [1, т. VI, с. 13]. И следствие – в 3-ей и 9-ой главах: «Этому коричневому, лоснящемуся, как старый ботинок, «филиппсу» я обязан своими первыми познаниями в английском и знакомством с пантеоном джаза» [1, т. VI, с. 14]; «внезапно из открытого окна на одном из последних этажей раздалось «A-tasket, a-tasket»; голос был голосом Эллы Фицджеральд. <...> Я знал эту песенку отчасти благодаря моему радио, отчасти потому, что в пятидесятых у любого городского мальчишки была своя коллекция так называемой "музыки на костях"» [1, т. VI, с. 19]. Во второй цитате показано не только следствие обладания банками и чередование микротем, но и переход к следующей микротеме – «Пластинки». В 12-ой главе: «Полагаю, что моими первыми английскими словами были «His Master's Voice», поскольку иностранный язык начинался в третьем классе, когда нам было по десять лет, а отец вернулся со службы на Дальнем Востоке, когда мне было восемь. Для него война закончилась в Китае, но добыча его была не столько китайской, сколько японской, потому что за тем столиком проиграла Япония. Или так тогда казалось. Главным сокровищем были пластинки» [1, т. VI, с. 22]. Здесь Бродский не только продолжает рассказывать о пластинках, но и возвращается к началу эссе, где он говорит о «причине», источнике появления трофеев – о вернувшихся с фронта отцах. И следствие обладания пластинок в 9-ой главе: «Эти жутковатые на вид диски (вот вам ядерный век!) можно было приобрести тем же путем, что и самодельные фотографии западных кинозвезд: в парках, общественных туалетах, на толкучке и в ставших тогда знаменитыми коктейль-холлах, где можно было сидеть на высоком табурете и потягивать молочный коктейль, воображая, что ты на Западе. И чем больше я об этом думаю, тем больше я убеждаюсь, что это и был Запад. Ибо на весах истины интенсивность воображения уравнивает, а временами и перевешивает реальность» [1, т. VI, с. 19]. (В последнем предложении можно увидеть пересечение с идеей имитации/воссоздания Времени: художественное воображение для Бродского предпочтительнее (воображения) реально – действительности.) Из приведённых примеров становится видно, что в этом эссе «композиционные волны» имеют не только «меньшую длину» волны, но – и свойство чередоваться и накладываться друг на друга по причине смежности. В какой-то степени, в этом эссе Бродский использовал «композиционную волну» в качестве **метонимии**.

Подобную композиционную интерференцию можно чётче увидеть в эссе «Путешествие в Стамбул», состоящем из 43 глав. Ниже представлена микротемная схема этого эссе. Здесь в сокращённом виде наглядно продемонстрирован их перечень. Цифрой обозначена глава, буквой – микротема главы. Принята следующая система сокращений: Б – Бродский (он говорит непосредственно о себе: о чём думает, что чувствует), С – Стамбул (современный), К – Константин (основатель Константинополя-Стамбула), Г – Греция, Р – Родина/Русь/Россия, Х – Христианство, Э – элегики (Проперций, Овидий), Ц – цивилизация, П – пыль, Карт. – карта, И – Ислам, Т – турки, М – мечеть/Айя-София, В – Византия. Уже сейчас можно заметить пересечения и переплетения и трансформации тем, метонимические переходы одной микротемы в другую (что далее обозначено стрелкой): например, Г → Ц (Греция стала колыбелью, затем образцом и символом цивилизации), а Ц → П, так как Пыль для Б – «загар эпох», т.е. это частные проявления и, можно сказать, стадии развития одного явления или темы. Или В

→ Р, так же как X → М, потом → И, общая тема – религия. Или же Бродский говорит в начале об элегиках (Э: Проперций, Овидий, Вергилий), и в конце эссе упоминает Байрона – поэзия как общая тема.

№	Микротема	№	Микротема	№	Микротема	№	Микротема
1	Б	12	К, X	23	Б	34	Б, X, И
2	Б, С	13	Б, П	24	Ц, X	35	Б, X, И
3	Б	14	Б, X, Карт.	25	Б, И	36	Б, П, М
4	К	15	Ц, Э, К	26	К	37	Ц, Б, Т, В, Р, Карт.
5	Б, Г	16	Б, Ц	27	Б	38	Б, К, Т, Р
6	Б, Р	17	К	28	Т	39	Б, Г, Ц, (Байрон)
7	К, X	18	Б, Г	29	Б, П	40	Б, Г, Т, С
8	Б, К	19	К, X, Карт.	30	Х, Т	41	Б, Карт., Р, С
9	Э, Ц	20	Б, Р	31	Т, И, П	42	Ц, К
10	Э, X, Г	21	И	32	Б, Ц, Карт.	43	Б, Ц, В, Р, И, С
11	Б, П	22	Ц	33	И, М		

Выходит предельно упрощённая схема, но в которой видны 1) повторения/чередования микротем, 2) их наложение и 3) усложнение и усиление переходом в общую тему, то есть выходом на переосмысление и другой смысловый уровень к концу эссе. (Подобное можно увидеть и в выше рассмотренном большом стихотворении «Колыбельная Трескового Мыса», кроме того, что «композиционная волна» там несла несколько иную функцию – о которой – ниже.) Это достигается с помощью «композиционных волн», которые выступают здесь, как и в «Трофейном», в качестве метонимии. В «Путешествии в Стамбул» нагляднее видна эта функция «композиционных волн»: здесь поэт совершает, если можно так выразиться, обратно-логический приём метода восхождения от абстрактного к конкретному – Бродский восходит с помощью метонимии «композиционных волн» от конкретного (предметов, воспоминаний, Памяти) к абстрактному (художественному соединению этих предметов, воспоминаний – к самому Творчеству и Времени). И этот «обратно-логический» приём совершенно логичен у Бродского, это подтверждает фраза, которая была приведена выше: «на весах истины интенсивность воображения уравнивает, а временами и перевешивает реальность», ибо реальность детерминирована, Время как таковое «течёт» только в одну (логическую) сторону. Поэтому логика реальности для Бродского предстаёт антилогикой, логикой наоборот, а поэтическая реальность поэта, кажущаяся с точки зрения привычно-формальной логики абсолютно алогичной, спонтанной, – выстраивается в гармоничную поэтическую Вселенную Бродского.

Тем самым, можно сказать, что «композиционная волна» в эссе Иосифа Бродского на самом деле является **фантомом (рудиментом) поэтической рифмы**, которая вместе с основной своей функцией имитации/воссоздания Времени взяла на себя в эссе композиционно-организующую функцию. В своих эссе поэт чередует микротемы между собой, будь то сюжеты из памяти в автобиографических эссе, где Бродский показывает не только работу Памяти – воссоздавая/имитируя Время, но и тем самым, через метонимию «композиционных волн», «рифмует» воспоминания – Временем восстанавливая Память. Кроме «автобиографических» у Бродского есть и два других типа эссе, которые условно можно назвать «речевые» – представляющие собой речи, которые поэт произносил перед публикой («Актовая речь», «Лица необщим выраженьем», «Речь

на стадионе» и т.п.), и «литературные» – эссе, в которых Бродский говорит о поэте, писателе, книге, стихотворении и т.п. («Сын цивилизации», «Власть стихий», «“1 сентября 1939 года” У. Х. Одена» и т.п.). В них «композиционные волны» имеют несколько другой вид – они гнездятся в цезуре [1, т. V, с. 93], поэтому о них стоит только упомянуть, и здесь не рассматривать.

«Композиционная волна» у Бродского – это частный случай волны как, возможно, одного из главных принципов творчества, точнее – волны как сознательной/бессознательной идеи, которая эманурует в разных стихотворениях и эссе в разные их составляющие. И можно говорить о «лексической композиционной волне», как в «Колыбельной Трескового Мыса» (и «Трофейном»), а так же о «рифмической» (и опять как в «Трофейном» – метонимия есть рифма эссе: Бродский рифмовал вещи-предметы-темы) – например, в большом стихотворении 1980-го года «Эклога 4-я (зимняя)». В нём кроме «лексических композиционных волн» – первый стих второй строфы – «Жизнь моя затянулась. В речитативе вьюги» [1, т. III, с. 197], и начало шестой строфы – «Жизнь моя затянулась. Холод похож на холод» [1, т. III, с. 199], а так же – начало третьей строфы и второй «лексической волны» – «В феврале лилое цвет заросли краснотала» [1, т. III, с. 198] и начало девятой – «В феврале чем позднее, тем меньше ртути» [1, т. III, с. 200], Бродский создаёт строфу из двенадцати стихов, в которую помещает шесть! опоясывающих рифм (две по три – авсавс), которые отражают/усиливают степень психологического состояния/переживания. Например, IV строфа:

В стужу панель подобна сахарной карамели.
 Пар из гортани чаще к вздоху, чем к поцелую.
 Реже снятся дома, где уже не примут.
 Жизнь моя затянулась. По крайней мере,
 точных примет с лихвой хватило бы на вторую
 жизнь. Из одних примет можно составить климат

либо пейзаж. Лучше всего безлюдный,
 с девственной белизной за пеленую кружев,
 – мир, не слыхавший о лондонах и парижах,
 мир, где рассеянный свет – генератор будней,
 где в итоге вздрагиваешь, обнаружив,
 что и тут кто-то прошёл на лыжах [1, т. III, с. 198].

Одним из самых ярких примеров применения/отражения волнового принципа Иосифа Бродского является его стихотворение 1975-го года «Осенний крик ястреба». Здесь Бродский пользуется шестистишной строфой с тремя опоясывающими рифмами. В этом стихотворении нет «лексических композиционных волн» лишь потому, что собственный воздух ястреба выталкивает его

«В черт-те что. Все выше. В ионосферу.
 В астрономически объективный ад
 птиц, где отсутствует кислород,
 где вместо проса – крупа далеких
 звезд» [1, т. III, с. 104],

туда, откуда ему не вернуться, по крайней мере – целым (не будет внешне физической/лексической «композиционной волны», ибо ястреб перейдёт во внутреннюю волну рифмы – в снег). Поэтому он цепляется волновыми когтями опоясывающих рифм для того, чтобы увеличить притяжение к Земле, остаться в своей родной стихии Языка-Времени.

Кроме «рифмической композиционной волны», Бродский здесь организует строфу и «размерной», как в «Колыбельной Трескового Мыса», но размер меня-

ется не между строфами, а внутри одной строфы. Т.е. первый стих – самый большой, остальные пять уменьшаются в математической прогрессии. И в следующей строфе всё повторяется вновь. (Это самый «зрачковый» и переплетённый с темой пример присутствия «размерных композиционных волн» = (здесь «взмаху крыла»: размер строчки есть графическое отображение фаз взмаха крыла ястреба.)

Северо-западный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута. Он уже
не видит лакомый променад
курицы по двору обветшалой
фермы, суслика на меже [1, т. III, с. 103].

Подобные примеры чередования разноразмерных стихов внутри строфы можно наблюдать в стихотворениях «Фонтан», «Бабачка», «Разговор с небожителем», «Лагуна» и т.д.

Библиографический список:

1. *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского: В VII т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001–2005.
2. *Мандельштам О. Э.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2011.

Л. Е. Сурнина

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, научный сотрудник сектора литературоведения (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, тел: (8212) 24-55-64)

КУРАТОВ И. А. И ЕГО ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ*

Творчество И. А. Куратова стало выдающимся явлением в истории коми и финно-угорских литератур, а в период демократического просветительства зарождающаяся коми литература в лице Ивана Куратова по силе реального отображения жизни народа оказалась наравне с литературами, имеющими давние традиции. Известно, что И. Куратов не был единственным литератором XIX столетия, кроме него нам знакомы имена П. Ключкова, П. Распутина, Г. Лыткина, В. Куратова, М. Истомина и других. И. А. Куратов знал о литературных опытах писателей Коми начала XIX века, они явились материалом, который во многом подсказал ему, каким путем должен идти подлинный художник слова, выразитель народного мнения о деятельности, дум, настроений и чаяний самого народа. Критическое восприятие И. Куратовым произведений этих авторов в определенной степени помогло ему уяснить, какие задачи должен решать художник, который представляет малый народ России, не имеющий своей общепринятой письменности.

коми литература; творчество И. А. Куратова; поэт-демократ; тема поэта и поэзии

Иван Алексеевич Куратов (А. И. Гугов, 1839–1875) – основоположник коми национальной литературы, просветитель, философ, переводчик, литературный критик. Хорошо зная языки и культуру европейских народов, он стал одним из первых исследователей языка, фольклора, истории и этнографии коми народа. При жизни и в течение нескольких десятилетий после смерти он был известен как поэт только узкому кругу людей. Поэтическое наследие И. А. Куратова стало доступным читателю лишь в 20–30 годы XX века, когда его стихотворения нашли своего публикатора в лице известного коми ученого А. С. Сидорова [10, с. 18–20]. Известно, что часть куратовских произведений была утеряна, дошедший до нас корпус текстов составляют более двух сотен стихотворений, отрывки из поэм «Пасьяс синтöмлön» (Заметки слепого), «Нимтöм поэма» (Поэма без названия), «Ягморт» (Лесной человек), «Пама», а также переводы, стихотворения детям, публицистические статьи и критические заметки, лингвистические работы – статьи и очерки. При жизни И. Куратову удалось опубликовать всего два лингвистических труда – это «Зырянский язык» (1865) и «Рецензию на Зырянскую грамматику Флёрова» (1864). А в 1866 году на страницах «Вологодских губернских ведомостей» под видом народных песен было опубликовано пять стихотворений коми поэта: «Зон» (Парень), «Гöль зон» (Парень-бедняк), «Том ныв» (Молодая девушка), «Пöрысь» (Старик) и «Понкöд» (С собакой).

Коми словесность XIX века своим развитием обязана народописательной очерковой литературе на русском языке [5, с. 4–5] и сбору фольклорных текстов.

* Работа выполнена в рамках Проекта Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

Процесс же создания оригинальных поэтических произведений на коми языке начинается с творчества В. А. Куратова (1820–1862), П. Ф. Клочкова (1831–1853), П. В. Распутина (1820–1901), Г. С. Лыткина (1835–1907). Для середины XIX столетия было характерно пристальное внимание к эстетическому содержанию фольклора и в особенности – песни. Поскольку в куратовское время песня являлась исключительно народной, заменяя литературу социальным низам, она стала восприниматься и как художественное творчество народов, не имеющих письменности [7, с. 97]. Так, единственной сохранившейся работой В. Куратова является собрание «Борданкывяс верӧс сайӧ ныв сетӧм дырйи» (Причитания невесты при выдаче ее замуж), которое является самым значительным произведением, записанным из уст народа в I половине XIX века [8, с. 23]: *Югыд шондӧй вӧд менам кӧч гӧн еджыд яйӧй! Югыд шондӧй вӧд менам намыр небыд яйӧй! Югыд шондӧй вӧд менам оз тусь югыд вӧдирӧй!* (Светлое солнце ведь мое, как заячий пух, белое тело! Светлое солнце ведь мое, как костяника, мягкое тело! Светлое солнце ведь мое, как земляничка, чистая кровь!*)). Поэтические произведения Г. Лыткина «Коми кыввор Александр Николаевич царство пуксьӧм вылӧ» (Коми речь на воцарение Александра Николаевича) и «Коми борданкыв Николай Мудрой кулӧм вылӧ» (Коми плач на смерть Николая Мудрого) также проникнуты эмоциональностью народных причитаний: *Зарни-югыд Шондӧ Му сайӧ лӧччис. Мывкыд – йигыр-Юрным Енӧжӧ лӧбзис: Сарлӧн сӧстӧм Лолыс Ен кийӧ пуксис* (Золотое-светлое Солнце За горизонт спустилось. Благоразумие – Наша Голова В небо полетело: Чистая Душа царя В руки Бога возлегла). В произведениях же П. Распутина, кроме стихотворения «Янсӧдчӧм» (Расставание), близкого к народной песне, ошутима опора на традицию переводов духовной литературы. П. Клочков известен своими лирическими стихотворениями и песнями о неразделенной любви: «*Муса нылӧ, мыйла бордан, Нора горзан гусьӧник?*». «...*Не сы сайӧ мен мунны, Мустӧм сайӧ сиӧма. Со мый вӧсна бӧрда, вийса...*» («Что ты плачешь, милая девушка, Печально плачешь тихомолком?» «...Не за того мне идти... Не с любимым вековать мне ... Потому в глазах печаль...»). В песне «Что ты плачешь, милая девушка?» показаны чувства и переживания молодой девушки, силой выдававшейся замуж за немилого, в то время как ее жених находится в отъезде и ничем не может помочь своей любимой: «*Блыс туйын менам жӧник, Мыйла сы дыра оз лок? Сылӧн ветлӧм вӧсна ӧни Менӧ суис ыджыд шог*» («Мой жених в дальней дороге, Почему так долго не возвращается? Из-за его отъезда сейчас У меня большое горе»). Исследователями отмечается, что многие произведения составлены П. Клочковым по русским песням, но вместе с тем переводы осуществлены с большой творческой переработкой, с введением бытовых элементов из коми жизни [2, с. 61].

Художественные произведения В. Куратова, П. Клочкова, Г. Лыткина, П. Распутина, ориентированные в основном на фольклорно-поэтическую традицию, являются лишь первыми шагами к созданию коми литературы. По сравнению со своими предшественниками, концентрирующими внимание лишь на отдельных, постоянно варьируемых в лирике эмоциональных состояниях и сферах жизни человека, И. Куратов значительно расширил область эстетического освоения действительности. Место и предназначение поэта в окружающем мире, противоречия современной поэту общественной жизни, личные переживания реально-исторического человека, быт и нравственные ценности деревенского жителя, судьба родного языка и народа, вечное притяжение и противоборство

* Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

жизни и смерти – таков тематический диапазон произведений коми поэта, определяющий национальное своеобразие и одновременно включенность его лирики в общий контекст отечественной и мировой литературы [6, с. 133]. Лирика поэта богата и насыщена не только в плане содержания, но и формы: бытовая зарисовка, сатира, философская притча, поэма, басня, эпиграмма, песня, стихотворный портрет, баллада, лирическая миниатюра, элегия. Кроме того, своими переводами произведений отечественных и зарубежных поэтов: И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Горация, Анакреона, Р. Бернса и других, – И. Куратов одним из первых начал формировать интернациональный фонд в коми поэзии. Впитавшая традиции русской и европейской культуры, поэзия И. Куратова представляла новую ступень развития художественного самосознания народа [4, с. 5–7].

И. А. Куратов известен, прежде всего, как поэт-демократ. Исследователями куратовского творчества не раз отмечалось, что коми поэт стал ярким представителем крестьянской демократии нашей страны второй половины XIX века, верным последователем русских революционных демократов [9, с. 12–13]. С середины XIX века происходит становление русской реалистической литературы, которая создается на фоне напряженной социально-политической обстановки, главным и основным направлением которой становится изображение крестьянства. Художественная культура второй половины XIX в. и гуманитарное знание были одухотворены единством демократического устремления, литература углубляется в освещение бытописания и национального характера народа, авторы демонстрируют желание не только передать свои эмоции через действующих лиц, но и чаще обращаются в произведениях к народной тематике. По мнению куратоведов поэзия И. Куратова была близка школе Н. Некрасова, чье влияние было в то время велико, оно инициировало исследование жизни народа, анализ народных характеров, народной психологии, нравственности и эстетики [1, с. 5]. Именно в этом коми поэт видел свою основную цель, цель основоположника литературы на родном языке. Поэтому не случайно, что герой из народа и тема крестьянства становятся в творчестве коми поэта основными. На протяжении всего творчества И. Куратовым была создана целая галерея народных типов, вольных охотников и землепашцев, деревенских стариков и старух, юношей и девушек, воплотивших представления поэта о нравственно-мировоззренческих чертах коми. Каждый из его героев, вне зависимости от социального положения, имеет достойное место в традиционном обществе: будь то молодой батрак или ослепший старик. Поэт выбирает ситуации, которые рисуют взаимную хозяйственную и нравственную заинтересованность сельского коллектива и отдельного человека: «*Пёрысь морт*» (Старик, 1859), «*Тима, дертнин, пёрысь*» (Тима, конечно, уже стар, 1864), «*Пёч*» (Старуха, 1866), «*Грездса ныв карса баринлы*» (Деревенская девушка городскому барину, 1862), «*Гользон*» (Парень-бедняк, 1864), «*Муса нъландой, мича аканьдой*» (Миляя девушка, красивая куколка, 1862), «*Том зон*» (Молодец, 1865), «*Том ныв*» (Молодая девушка, 1865), «*Коми бал*» (1865) и др.

В одном из своих стихотворений И. Куратов создает галерею самых различных крестьянских образов. Произведение «Закар ордын» (У Захара, 1867) начинается с изображения сценки приема гостей Кэч Захаром: *Пыддипуктантор Кёч Закар, Пач тэчысь, зэв нёбасис Асывбыд. Тарыт гортас виччысьё Зэв бур госьтъясьёс Кёч Закар!* (Всеми уважаемым Кэч Захар, Печник, закупки делал Целое утро. Нынче дома ждет Очень хороших гостей Кэч Захар!). Каждый «гость» в стихотворении назван по имени или прозвищу, в которых сконцентрирована не только история жизни названных персонажей, но и их родословная: *Петрö Одьöш Герман* – Герман сын Алексея, внук Петра; или *Кельчипи Тарас* – букв.

первод: «рыбьего сына (рода) потомок», т.е. занятие Тараса – рыболовный промысел, но может быть, что его отец, дед, а может и прадед занимались рыболовством, от них и пошло это прозвище. На ограниченной площади отрывка стихотворения «Закар ордын» (У Захара) – коми деревня со своими жителями, их характерами и занятиями. О каждом сказано лишь несколько фраз, рисующих внешность персонажа: *Беддя Еремей, дзор и тиан, кыдз аркчей* (Беддя Еремей, седой и важный, как священник), *Сопрон кос и жеб, а сюсь синсьыс ем он дзеб* (Сопрон слаб и хрупок, а от острого взгляда иголку не спрячешь). Но, несмотря на сжатость текста, в портретных деталях проступает весь характер человека, и его место среди себе подобных. Их характеры создают зримый образ коми народа. И. А. Куратов смог, не приукрашивая, но и не «приземляя» героев, воплотить в них коренные нравственные качества коми народа: трудолюбие, мужество, выносливость, юмор и находчивость.

Другим основополагающим тематическим направлением лирики И. Куратова является тема поэта и поэзии, объединяющая произведения, в которых поэт размышляет о своем назначении и о роли художественного слова в изменении судеб народа: *«Морт олӧм»* (*Жизнь человека, 1857*), *«Коми кыв»* (*Коми язык, 1857*), *«Выль съланкыв»* (*Новая песня, 1860*), *«Сълан менам, сълан»* (*Песня моя, песня, 1860*), *«Кыдз быд морт, вӧлі ме поэтон»* (*Как каждый человек, был я поэтом, 1862*), *«Менам муза»* (*Моя муза, 1866*), *«Поэт»* (1867). Предметом осмысления в стихотворениях, объединенных в этот цикл, является не народное признание и слава поэта, а будущее родного языка и коми поэзии. Обосновывая необходимость создания своей национальной литературы, И. Куратов писал: *«Зырянские стихотворения своего рода... редкость. Но когда есть народ, то ему нужно образование, познания же можно передать ему через его же язык»* [3, с. 220]. Уже в самом раннем своем стихотворении И. Куратов выступает простым запевалой в хоре на родном, милом и дорогом коми языке, в хоре, из песен которого зыряне должны узнать много хорошего: *«Тайӧ муса кылӧн Чой-вок сёрнитӧны, Тайӧ кылӧн меным Ай-мам бурсийны. Тайӧ кылӧн мукӧд Гораджыка сълас – Сё кызь сюрс пель сэки Уна буртор кылас»* (Этим нежным языком Мои братья, сестры говорят, Этим языком мне Мать с отцом добра желают. Пусть другие громче Запоют со мною – И услышат коми Многое родное; «Коми кыв» – «Коми речь», 1857). Назначение коми песни, по мнению И. Куратова, – это объединить людей, помочь им понять друг друга: *«Кодыр асланым ног съылам, Шог-гаж морта-мортлысь кылам...»* (Петь по-своему начнем – и вскоре Мы пойдем друг друга в счастье и в горе; «Выль съланкыв» – «Новая песня», 1860). Поэт считает, что национальная литература возможна и будет сформирована там, где есть национальные характеры, где художественно изображены нравственность, обычаи и жизненный уклад народа. Во-вторых, писать о народе надо на родном языке, ведь именно народ является носителем национальной речи.

Таким образом, одной из основных свойств творческого облика И. А. Куратова является народность. В образах крестьян поэта воплощены национальные духовные ценности, характер и психология коми народа. В то же время стихотворения И. Куратова крестьянской тематики – это не только о народных типах, но и о самом себе, о своем отношении к народу, о своей сопричастности к нему: *Корсям съланкыв ас шӧрысь, Ас му-ва выльысь, ас вӧрысь, Асланым гӧль грездъ-ясысь, Юасигӧн ныв зонлысь* (Песни новые поищем среди своих людей, По полям своим и в чащах, По сёлам нищим, Нам их парни, девушки споют). Перед читателями предстает поэт, определяющий для себя принципы художественного изображения человека, и манифестирующий себя именно коми поэтом. И. Кура-

тов, имеющий высокий уровень филологической и духовной образованности, широко и глубинно понимал благотворное влияние национальной литературы на распространение образования среди коми народа.

Библиографический список:

1. *Вулих Н. В.* Поэзия добра и света. Лирика И. А. Куратова и некрасовская школа. Сыктывкар, 1994.
2. *Доронин П. Г.* Коми поэт Петр Ключков йылысь (О коми поэте П. Ключкове) // Войвыв кодзув (Северная звезда). 1961. № 6.
3. *Куратов И. А.* Высказывания о литературе... // Художественные произведения: В 2 т. Т. 1. Сыктывкар, 1939.
4. *Кузнецова Т. Л.* Литература XIX века // Комическое в коми литературе. Сыктывкар, 1994.
5. *Лимерова В. А.* К вопросу о становлении национальной словесности: зырянская тема в литературных документах XIX века // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века. Сыктывкар, 2010.
6. *Лимерова В. А.* Куратов Иван Алексеевич // Литература Коми: словарь школьника. Сыктывкар, 2007.
7. *Лимерова В. А.* «Текст языка» в творчестве И. А. Куратова и его современников // Творчество И. А. Куратова и развитие литератур финно-угорских народов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Сыктывкар, 3–5 июля 2009 г.). Сыктывкар, 2009.
8. *Мартынов В. И.* У истоков национальной литературы // История коми литературы: В 3 т. Т. 2. Сыктывкар, 1980.
9. *Микушев А. К.* Иван Куратов и проблемы современного куратоведения // Куратовские чтения. Т. 4. Сыктывкар, 1986.
10. *Сидоров А. С.* Тӧдлытӧм коми гижысь И. А. Куратов (Неизвестный коми поэт И. А. Куратов) // Парма ёль (Лесной ручей). 1923. № 1–2.

В. В. Марусенков

Всероссийский государственный университет кинематографии (ВГИК) им. С. А. Герасимова, соискатель аспирантуры кафедры киноведения (129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3; тел: (499) 181-13-14; mail@vgik.info)

ПРИНЦИПЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ КОЛЛИЗИИ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Работа посвящена исследованию принципов воплощения интерпретации драматургической коллизии рассказа Хулио Кортасара «Слюни дьявола» в художественных фильмах: «Фотоувеличение» (реж. Микеланджело Антониони, 1966г.); «Разговор» (реж. Френсис Форд Coppola, 1973г.); «Прокол» (реж. Брайан Де Пальма, 1981г.); «Контракт рисовальщика» (реж. Питер Гринуэй, 1983г.).

драматургическая коллизия; кинематографическая интерпретация; Хулио Кортасар; сюжетная схема; фабула; сюжет

Художественные фильмы: «Фотоувеличение» (реж. М. Антониони, 1966г.); «Разговор» (реж. Ф. Ф. Coppola, 1973г.); «Прокол» (реж. Б. Де Пальма, 1981г.); «Контракт рисовальщика» (реж. П. Гринуэй, 1983г.), существенным образом отличаются друг от друга, однако легко заметить, что есть между ними одно общее связующее звено. Во всех фильмах техническое средство, будь-то фото-пленка, магнитофонная лента или карандаш, фиксирует следы совершаемого преступления. В фильме Антониони «Фотоувеличение» имеется ссылка на литературный источник – рассказ Х. Кортасара «Слюни дьявола».

Рассказ Кортасара повествует о том, что молодой фотограф делает снимки на берегу Сены. Объектив его фотоаппарата случайно фиксирует происходящую рядом сцену: дама беседует с юношей. Что-то в их поведении фотографу кажется странным, а когда дама отвлекается из-за фотоаппарата от разговора, юноша убегает. Из стоящей рядом машины выходит мужчина и подходит к даме. Собственно это все что произошло в рассказе. Совершенно банальная сценка по вероятности способная быть, как выяснением отношений между сыном и родителями, так и нарко-торговой сделкой, в сознании фотографа приобретает извращенно-сексуальный характер. Ему кажется, и в данном случае «кажется» это ключевое слово, что его камера предотвратила растление юноши мужчиной, сидевшим в машине. Даме же была уготована участь сводни.

Фабульная составляющая оставляет большое пространство для полета фантазии и Кортасар умело наполняет ею сюжет. Возникающие в воображении Мишеля предположительные картины возможного развития событий, сбивка авторского повествования с первого на третье лицо подчеркивают смещение всех возможных пластов реальности, вплоть до несущихся по ноябрьскому парижскому небу облаков. Наложение одной реальности на другую дает в итоге неожиданную возможность ухода с осознанного уровня в неизведанные глубины подсознания, когда перед героем рассказа происходит реализация его собственных латентных комплексов. Все это становится возможным благодаря мгновенному слепку зафиксированной реальности подменяющего объективизм происходящего субъективизмом созданного.

События сами по себе приобретают черты, выстроенной вокруг подосознания сущности, диктующей алогичные правила восприятия. Кортасар внедряется своей прозой в сферу непознанной разумом подсознательной действительности. Вооружившись каким-либо средством творческой реализации, в данном случае фотоаппаратом, творец способен войти в иные сферы, неподвластные человечеству в обычном состоянии. В результате этого возникает драматургическая коллизия, когда в конфликт вступают две ипостаси бытия, определяющие направление развития человеческой личности. Подобная матрица позволяет создавать художественные произведения на основе развития личностного конфликта, раскрывающегося в условиях существования героя в двух противоположных системах измерения, постоянно противоборствующих между собой. Достаточно сложно проследить, когда именно в литературных произведениях впервые была обозначена подобная ситуация. Не исключено, что намного раньше того момента, когда появился рассказ Кортасара. Однако, исходя из удобства именования, будем называть ее – коллизией Кортасара.

Динамика задействованных Мишелем средств, сначала пишущая машинка, а затем фотоаппарат, видимо, и стала причиной особого внимания к коллизии, заложенной в рассказе, такого количества режиссеров. Кинематограф, являясь искусством синтетическим, воспринимает образность этих символов, как субстанцию начала творческого акта – пишущая машинка, и фотоаппарат, как ипостась законченного совершенства фотокадра. Где пишущая машинка, олицетворяет литературность основы драматургии фильма. В то же время фотоаппарат в руках Мишеля становится символом киноленты, состоящей из ряда мгновенных кадров, одновременно фиксирующих реальность. Эти кадры потом в совокупности друг с другом концентрируют действительность до сгустка внутреннего мира художника квинтенсирующего окружающий мир.

В двух фильмах из четырех авторами нарушен смыслообразующий элемент структуры Кортасара – преступление возможное показано авторами, как свершившееся. В фильме «Контракт рисовальщика» в самом конце все же появляется труп как данность, а фильм «Прокол» практически начинается с происходящего на наших глазах преступления. Авторы же «Фотоувеличения» и «Разговора» напротив, провели сквозь всю ткань фильмов незримое ощущение смешения пластов реальностей, доведя до совершенства драматургический потенциал заложенный Кортасаром. К слову стоит заметить, что режиссеры не решились приблизить преступления, совершаемые в их произведениях, к литературному оригиналу. Они произвели соответствующую замену возможно-совершаемого преступления на сексуальной почве, явив более понятные кинозрителям убийства.

Антониони в фильме «Фотоувелечение» (1966г.) воспользовался ситуацией описанной в рассказе, чтобы поглотить ее в фильме, который пытается решить встающие проблемы осмысления изменяющегося вокруг мира. Герой фильма, молодой успешный фотограф, познающий мир в фешенебельных салонах и грязных ночлежках Лондона внедрен режиссером в ситуацию, взрывающую его сознание. Перед ним стоит дилемма – верить своим глазам, поскольку не заметить во время съемок лежащее тело достаточно проблематично, или объективу фотокамеры. Весь фильм выстроен на не сочетаемых сочетаниях, апофеозом которых становится «Париж» его модели подготовленный, уже даже не требующим сколько-нибудь серьезной работы мозга, эпизодом с гитарной декой, для кого-то являющейся культовым предметом, а тем, кому не введома ее история, просто ненужным хламом. Мгновенно остановленный слепок жизни, многократно увеличенный до возможности рассмотреть в мельчайших деталях, выкристаллизовывает следы неоднозначно совершенного преступления. Расслаи-

вающийся мир становится для фотографа сущим адом, в который загоняет его непостижимость созданной реальности. Неведомое вступает в конфликт с привычным, иррациональное с обычным. И лишь в финале фильма герой, завершив движение по кругу от отрицания к пониманию, и далее от признания к доказательствам, вновь оказывается в положении отрицания, но уже осознанного. Идея фильма выстраивается в сознании зрителя посредством виртуозного набора метафор, будь то купленный по случаю пропеллер, отсылающий наше сознанию к веслу первого Проповедника или же краеугольность каменной пепельницы стоящей в изголовье постели. Фильм, монтажным стыком последнего кадра, когда герой растворяется на наших глазах, выведен автором из состояния реальности в воплощенную на экране философско-нравственную субстанцию, заставляющую зрителя на финальном выдохе, затаить дыхание от осознания ничтожности человеческого разума. Было ли то, что видели наши глаза только мгновение до этого, или же это лишь иллюзия, сон, навеянный Антониони на зрителя. Что происходит вследствие субъективизма органов чувств человека, которые в отличие от технических средств, беспристрастно фиксирующих окружающий мир, позволяют человеку достраивать получающийся слепок реальности, либо изымать нежелательные детали, вызывающие отчуждение.

Гарри Кол, герой картины Коппола «Разговор» (1973 г.) высококвалифицированный специалист в области звука занимается неблагоприятным, с точки зрения морали и нравственности делом. Его фобия по поводу слежки за ним, это явно выраженный комплекс, разворачивающийся на наших глазах буквально со второй сцены фильма, обрушиваются на зрителя, создавая необходимый саспенс, удерживающий внимание до наступления завязки картины. Также как и в «Фотоувеличении», где завязка конфликта наступает лишь, когда миновало уже более трети картины, прямолинейное течение развития действия фильма «Разговор» нарушается лишь тогда, когда герой без достаточных оснований отказывается передать пленки заказчику. Странность ситуации открывающейся нам во время исповеди героя, его отношения с девушкой, находящейся у него на содержании, отстраненность ради своего профессионализма от любых проявлений человеческих слабостей, воссоздают образ, мягко говоря, человека со странностями. Искушенный зритель, благодаря подобному набору качеств настраивается воспринимать фильм как очередной сеанс коллективной психотерапии, однако вынужден после вторичного визита героя в офис своего клиента, переключится на волну восприятия интереса к тому, что же произойдет в дальнейшем. Нам становится известно, что извечная идея американской мечты – быть всегда и во всем первым, до гротеска подчеркнутая в «зеркале» героя, персонаже с которым их познакомили на выставке, привела к тому, что из-за высокопрофессионально выполненного им задания, были убиты три человека, чья смерть лежит тяжелым грузом на герою. Коппола все время экранной жизни героя ведет его по пути познания мира, подвергая искушению верить лишь в свой профессионализм, визуально подчеркивая зыбкость такого подхода плащом героя то являющегося нам плотным непромокаемым щитом, то вдруг в зависимости от освещения становящимся совершенно прозрачным. Сон героя в момент изъятия у него пленок становится катализатором дальнейшего развития сюжета. Резко меняется темп повествования, и если до этого внутренняя ткань картины напоминала медленно сжимающуюся пружину то, теперь достигнув максимума, происходит стремительное ее разжимание. Зрителю становится известен записанный разговор Гарри делает вывод, что молодой паре, грозит смертельная опасность. Герой фильма идет дальше в своем не дающем ему покоя чувстве вины и

поселяется в соседнем номере гостиницы в то время, которое было произнесено в разговоре. Он даже слышит разговор на повышенных тонах и в его сознании рисуется картина совершаемого преступления. Однако осмотр места предполагаемого преступления не подтверждает его подозрений, кроме, взятого явно из другого стилистического поля, кадра картины, где из гостиничного унитаза фонтанирует кровавый гейзер. Поскольку подобная сентенция диссонировает со всем остальным материалом картины, находя отзвук лишь в сцене сна героя, этот кадр становится видением героя, а не отражением реальности. Реальность картины в том, что погиб заказчик, а его жена, та женщина, разговор которой был им записан, становится наследницей его дела. В видениях героя режиссер являет миру картину смерти уже не ее, как было за мгновение до этого, а ее мужа. Мозг Гарри не выдерживает, простое подтрунивание над ним в телефонном разговоре, заставляет его в финале превратить педантично выстроенный мир в совершенный хаос, когда последним барьером на пути гибели его как личности стоит лишь вера. Если герой Антониони не видит то, что есть, то герой Коппола слышит то, чего нет, и в этом принципиальное различие видения режиссерами коллизии Кортасара. Реальность и ее познание и в том и в другом случае находятся за гранью естественных процессов, им обоим требуется эквивалент способный заместить в сознании выбивающийся из ряда созданных ценностных критериев не поддающийся идентификации элемент или их систему.

Фильм П. Гринуэя «Контракт рисовальщика» (1983г.) выпадает из этого ряда картин, тем, что события, происходящие в нем, относятся не к современности. Однако о каком бы времени не шла речь в художественном произведении, в любом случае творец работает на поле осмысления окружающей действительности, используя историчность всего лишь как метафору, дающую ему возможность раскрыть те тенденции, на фоне которых происходит развитие современного ему общества. Фильм Гринуэя история рисовальщика, заключившего контракт с богатой, высокопоставленной дамой создать двенадцать рисунков поместья ее мужа. Именно рисовальщика, призванного скрупулезно запечатлеть, а не трансформировать, создавая художественное произведение, то, что он видит. Условия контракта выполняются к обоюдному удовольствию обоих, однако становится понятным, что в эту ситуацию вмешиваются третьи силы, и на изображениях рисовальщика, славящегося отсутствием фантазии, с документалистской точностью появляются не должные там находиться детали, трактуемые потом героями кому как выгодно. В момент заключения второго контракта, с дочерью хозяйки дома, нам становится ясно, что вся эта возня с рисунками была лишь ширмой, для того чтобы дамы решили с его помощью вопрос о наследовании поместья после смерти хозяина. Из мутного покрытого ряской водоема достают некое тело, после чего все наперебой рассказывают, что хозяин поместья погиб. Погиб он или нет зрителю безразлично, поскольку мы его видели лишь во время титров, но складывается впечатление, что и героям это тоже малоинтересно. Покинувший было поместье, рисовальщик возвращается, чтобы исполнить тринадцатый рисунок, точно в том месте, где был выловлен труп. Вполне можно догадаться о его дальнейшей судьбе. Под покровом ночи рука убийц настагает его и, ослепив, умерщвляет, бросив тело в тот же самый водоем покрытый ряской. Каждый из участников драмы видит в присутствующих на рисунках деталях, то, что ему представляется выгодным, будь-то следы убийства хозяина дома или измену его дочери. Как и у Кортасара изображение отображает некую реальность, но реальность, не возникающую в результате, а реальность необходимую для, и рисунки становятся лишь ее косвенным доказательством.

Что касается фильма «Прокол» (1981г.) режиссера Б. Де Пальма то следует, прежде всего, отметить серьезную драматургическую разработку сценария и воплощение ее на экране. История звукорежиссера призванного разрешить стоящую перед ним задачу стремительно развивается, внося в развитие сюжета необходимые осложнения. Записанный звук во время автокатастрофы и последующее за ним необходимость спасти себя и вызволенную им из затонувшей машины девушку, вырывает его из контекста привычной жизни. Попытка понять, что же произошло на берегу, ставит его перед необходимостью предпринимать решительные шаги для восстановления справедливости. На этом пути его подстерегают определенные опасности и становятся известны обстоятельства проливающие свет на произошедшее событие. В соответствии с учебниками, информация подается зрителям дозированными порциями, чтобы не угас интерес зрителей, с одной стороны, а с другой происходило постоянное нагнетание опасной для героя обстановки. На протяжении фильма трижды меняется идентификация зрителями антагониста. Сначала эту функцию несут представители федеральных агентств безопасности, потом организатор ловушки для погибшего политика и, наконец, ближе к финалу авторы раскрывают свои карты, когда герою противостоит исполнитель убийства, прикидывающийся маньяком. Образ протагониста выписан достаточно невнятно и соответственно не несет возложенной на него предфинальной функции создания своей смертью необходимого саспенса перед решающей схваткой между героем и антагонистом. Эту функцию в нарушение традиции принимает на себя лирическая героиня, ей грозит опасность, герой совершает головокружительные трюки, чудеса находчивости, быстроты и силы. Но, увы, спасти обреченную девушку невозможно, поскольку герою необходим ее предсмертный крик ужаса, послуживший толчком к истории. Авторы находятся в парадигме определенных правил, нарушение которых приведет к разбалансировке скрупулезно просчитанных драматургических элементов. К несчастью, произведенный расчет недостаточно точен. Отмеченные отклонения в наделении персонажей соответствующими функциями, переход ряда типажных черт от одних к другим не позволяет рядовому зрителю, привыкшему к четко очерченным границам ролевых игр до конца войти в повествовательную ткань картины, и воспринять ее во всей совокупности методов и средств предложенных американской системой построения сюжета. Определенные стандартные модели, позволяют зрителю воспринимать картины как привычное времяпрепровождение, считывая расставленные авторами вехи как восприятия. Человеческий мозг способен при поступлении ожидаемой информации реагировать в узконаправленном русле вслед за волей авторов, прибегая к помощи заложенных ранее эмоционально-смысловых эффектов, расцвечивая ими подаваемые в этот момент образы. Авторы фильма «Прокол» воспользовались зафиксированным на магнитофонной ленте звуком для определения дальнейшего направления сюжета, используя данную запись для доказательства, произошедшего преступления.

Совокупный анализ драматургии представленных фильмов позволяет выявить общие тенденции при использовании единой драматургической коллизии.

Во всех четырех фильмах за исключением, пожалуй, «Контракта рисовальщика» превалирует внутренний конфликт героя, время от времени подменяясь локальными внешними. Лишь в «Проколе» совершается попытка выдержать единую внешнюю конфликтную линию, но в результате периодической смены антагониста и конфликт претерпевает персонификационные изменения. В фильме «Контракт рисовальщика» конфликтное состояние нагнетается во время всей экспозиции, мы можем лишь догадываться о преступлении, пока авторы не яв-

ляют нам труп хозяина имения. Рисовальщик, оставаясь главным героем, выпадает из участия в конфликте, являясь лишь созерцателем происходящих событий, что, становится нарушением сюжетного построения сценария, и ведет в конечном итоге к недостаточно адекватному восприятию фильма.

Характерен также для всех фильмов за исключением «Прокола» достаточно сдвинутый во времени момент завязки сюжета. В «Контракте рисовальщика» он наступает лишь на шестидесятой минуте фильма. В случае «Фотоувеличения» и «Разговора» это совершенно оправданно, поскольку, когда внутренний конфликт героя является сюжетообразующим, важна досконально проработанная экспозиция, дающая возможность ознакомить зрителя с малейшими деталями психологического состояния героя. В «Контракте рисовальщика» это необоснованно, хотя и вполне объяснимо, поскольку общая фабульная канва этого фильма роднит его с детективом, но отсутствие расследование как такового, нахождения и наказание преступника снижает ожидаемый эффект. В фильме «Прокол», в результате необходимости следования законам построения, завязка рассчитана с точностью до минуты, хотя и в ущерб экспозиции, однако надо отдать должное авторам, они смогли органично вписать экспозиционные элементы в дальнейшую ткань фильма.

Развитие действия в фильмах «Фотоувеличение» и «Разговор» разворачивается в соответствии с предложенным Кортасаром вариантом с учетом изменения авторской позиции. В фильме «Фотоувеличение» герой терзается сомнениями о том, есть ли тело или нет, в «Разговоре» – убьют или нет героиню. Потеря исходных пленок для героя Антониони практически является разрешением его сомнений, для героя Коппола это скорее подтверждение его правоты. В фильме «Контракт рисовальщика» развитие действия сходно по своей сути с театральной традицией, где переходные состояния от счастья к несчастью, моменты узнавания и предложенные обстоятельства разрешаются через диалог, лишь иллюстрируясь иногда кинематографическими средствами. В фильме «Прокол» развитие действия движется от одного поворотного пункта к другому. Звук, кадр, действие – наполнены смыслом и подчеркивают друг друга, создавая общую целостную картину. Вставка ретроспективного эпизода, прослеживание действий противодействующих сторон, выполнены достаточно эффективно для того, чтобы избежать лишних слов в озвучивании непонятных моментов.

Кульминационные точки фильмов опять же повторяют общую тенденцию. В фильме «Фотоувеличение» герой удаляется в комнату со своим другом, не предпринимая более никаких действий, и лишь утром отправляется на место совершения преступления. Герой Коппола что-то пытается предпринять, когда мимо него проходит предполагаемая убийца, но остановленный охраной и, осознавая отсутствие улик, тоже уходит в тень. В отличие от «Фотоувеличения» и «Разговора», герой «Контракта рисовальщика» в момент кульминации только и сознает, что оказывается вокруг что-то происходило, но, увы, слишком поздно, и лишь уже никому не нужная бравада сопровождает его смерть. В фильме «Прокол» кульминационная точка выбора решения героем, заменена саспенсом ориентированным на зрителя, когда, затаив дыхание, мы ожидаем, успеет или нет, герой спасти героиню.

Развязка фильмов отличает их друг от друга. Если в «Фотоувеличении» герой признает правила игры предложенные мимами, то в «Разговоре» герой взламывает собственную квартиру. В «Контракте рисовальщика» герой, не являясь участником конфликта, своей смертью примиряет противодействующие стороны. А в фильме «Прокол» физическое уничтожение организатора преступления исчерпывает конфликт.

О финальных сценах фильмов «Фотоувеличение» и «Разговор» было уже упомянуто, также и о выполнении героем «Прокола» задачи по записи звука для фильма, на финале же фильма «Контракт рисовальщика» следует остановиться подробнее. На фоне горящих рисунков рисовальщика создаваемых весь фильм на наших глазах со статуи лошади слезает всадник. На последнем тринадцатом рисунке статуя изображена без всадника. Весь фильм рисовальщик зарисовывает то, что видит со скрупулезной точностью. Всадник на лошади это персонаж появляющийся весь фильм то здесь, то там – так называемая «живая статуя». На двенадцати рисунках исполненных ранее тоже нет следов его присутствия, хотя он появляется в кадре с завидным постоянством. Лишь однажды его присутствие замечают, и это происходит в самый напряженный момент, когда извлекают первый труп из водоема. Все остальное время персонаж остается в некоем ином измерении по отношению к героям картины, будто те самые парижские облака в рассказе «Слюни дьявола». И лишь последний финальный кадр картины фиксирует, как сок ананаса стирает с его лица нанесенную краску серо-землистого цвета, являя нам живые черты. Загадка финала, использованная в данном случае автором, дает возможность, оставляя зрителя в некоем недоумении, заставить его думать над фильмом еще некоторое время после окончания просмотра. Таким образом, финал картины лишний раз подчеркивает ощущение, что литературная основа, взятая из рассказа Кортасара, используется как удобный материал.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основные драматургические элементы выстраиваются в соответствии с заложенной матрицей. Исключением, подтверждающим в данном случае правило, становится наложение драматургической коллизии на уже имеющуюся строгую структуру жанрового кинематографа, использующего предложенную Кортасаром коллизию как всего на всего дополнительный элемент в выстроенной системе. Остальные фильмы, где драматургическая основа стала смыслообразующим фактором вынуждены следовать за диктующей свои условия коллизией взятой из рассказа, являющейся в данном случае доминантой.

Библиографический список:

1. *Кортасар Х.* Чудесные занятия: Рассказы, пьесы / Пер. с исп. СПб.: Азбука-классика, 2001.

Фильмографический список:

1. «Контракт рисовальщика» (реж. Питер Гринуэй) 1983.
2. «Прокол» (реж. Брайан Де Пальма) 1981.
3. «Разговор» (реж. Френсис Форд Coppola) 1973.
4. «Фотоувеличение» (реж. Микеланджело Антониони) 1966.

С. Ш. Шарифова

Национальная академия наук Азербайджана, Институт литературы им. Низами, доктор филологических наук (AZ 1143, Азербайджанская Республика, г. Баку, пр. Г. Джавида, д. 31; тел; (+99 412) 4254514)

СМЕШЕНИЕ РОМАНА С ЛИРИЧЕСКИМИ ЖАНРАМИ

Наиболее распространенной формой жанрового смешения романа с лирическими жанрами является вкрапление стихотворных элементов. Вместе с тем взаимодействие романа с лирикой может носить и не фрагментарный характер, а именно:

- компромисс поэзии с прозаическим изложением (лирический роман);
- привнесение романного начала в стихотворную форму (роман в стихах).

жанр; жанровое смешение; лирика; лирический роман; роман в стихах

Неогегельянец Б. Крочев своей «Эстетике как наука выражения и как общая лингвистика», опубликованной в 1902 году, отмечал, что проза не может существовать без поэзии [6, с. 35]. Знаменитый дореволюционный русский литературовед, академик А. Н. Веселовский утверждал, что первоначально поэтическая и прозаическая формы словесного выражения изначально не были противопоставлены друг другу и представляли собой органичное целое: в период своего зарождения поэзия не только не была дифференцирована по родам (лирика, эпос, драма), но представляла собой элемент более сложного синкретического целого. В последующем литературоведы не раз, в том числе и Е. М. Мелетинский, признавали, что теория первобытного синкретизма не потеряла своей актуальности и является верной [11, с. 30–31]. Теория первобытного синкретизма имеет существенное значение для понимания факторов, способствующих смешению эпических и лирических жанров.

Выделившись из единого источника, проза и лирика периодически сливались в тех или иных жанровых формах. Для древних повествовательных произведений характерно смешение эпического и лирического начала: древнеиндийские Панчатантра и Махабхарата (महाभारत, Великое сказание о потомках Бхараты), древнекитайский и древнегреческий роман, ирландские саги, древнетьюркский дастан «Книга моего Деда Коркуда» и т.д. Таким образом, изначально стихотворное и прозаическое начала были слиты в единое целое в рамках одного текста и лишь впоследствии выделялись в самостоятельные роды литературы.

Примечательно, что этот эволюционный путь повторил и жанр романа. На заре своего становления романы нередко создавались с использованием стихотворной рифмованной формы, и лишь к XVII веку во французской литературе наблюдается отказ от поэтической формы в пользу прозаической [5, с. 55]. Синтез эпических и лирических свойств приводит к взаимодействию в двух формах: компромисс поэзии с прозаическим изложением (в этом случае мы получаем лирическую прозу), либо рождение стихотворных романов как результат «привнесения» романного начала в стихотворную форму [15, с. 17–18].

Сильное влияние поэзия оказала на романтическую прозу, поставив литературоведов перед феноменом лиризма прозаических произведений. Ю. В. Манн отмечает, что «все развитие романтической прозы и драмы представляет собою – по крайней мере, в начальных стадиях – продолжение и обогащение той систе-

мы поэтики, которая сложилась на почве лирики и поэмы» [9, с. 226]. Исследуя романтическую прозу начала XIX века, российский литературовед В. Ю. Троицкий приходит к схожему выводу, что «черты романтической прозы, связанные с обилием инверсий, экспрессивных сравнений, метафор, выводящих повествование за пределы обычного прозаического изложения событий, витиеватость речи возникли не без влияния поэзии» [16, с. 168].

В. М. Жирмунский связывал появление лирического романа, как синкретического жанра, с такими аспектами как конфликт между «личностью и буржуазным обществом, моральный индивидуализм, погружение в мир личных переживаний» [2, с. 150]. Лиризм лирического романа сопряжен с тем, что в «нем возобладали концепция человека, собственная лирическому роду литературы» [13, с. 60].

Само по себе присутствие лирических стиливых средств в произведениях прозы не определяет лирическую прозу [17, с. 4]. Как отмечал В. Г. Белинский: «Лиризм не существует сам по себе. Как отдельный род поэзии входит во все другие, как стихия, живит их, как огонь прометеев живит все создания Зевса... Без лиризма эпопея и драма были бы слишком прозаичны и холодно-равнодушны к своему содержанию» [1, с. 227].

Лирическая проза отличается степенью и характером проникновения поэтического начала. Взаимодействие лирического и прозаического может иметь и ограниченный характер: например, в роман вставляется стихотворение, но такое смешение не приводит к поэтизации романного начала, не влияет на композицию, сюжет и стилистику повествования.

В лирической прозе наблюдается влияние поэтического начала на композицию, сюжет и стилистику повествования. Это влияние опосредуется особым пафосом образцов лирической прозы. По мнению Г. Н. Поспелова, такой пафос возникает в ходе раскрытия становления «социального характера личности в ее столкновении с устоявшимися формами жизни той или иной социальной сферы. Лиризм романа историчен «и как частица в истории личности, и как страница из истории народа» [19, с. 43]. Лиризм позволяет раскрыть внутреннее становление характера личности, отражает развитие у нее способности к умственной и эмоциональной рефлексии [12, с. 199]. Г. Н. Поспелов считает, что именно пафос, экспрессивно отражающий предметно-словесный строй произведения, представляет собой лиризм [12, с. 200]. Характерным следствием обусловленности лиризма пафосом является наличие среди художественных образов лирического героя, который отражает эстетические и этические позиции автора. Лирическая проза содержит в себе описание внутреннего мира героя, имеющего тесную связь с самим автором.

В теории литературоведения традиционно выделяют лирический рассказ, лирическую повесть, лирический роман. В этих жанровых формах имеет место смешение «высших» и «низших» жанров. Спор о жанровой природе образцов лирической прозы является незавершенным. Нет оснований для того, чтобы выделять лирическую прозу в качестве отдельного жанра. Вместе с тем, лирический рассказ, лирическая повесть и лирический роман, как своеобразные жанровые конструкции, являются типами соответственно жанров рассказа, повести и романа. Такое выделение возможно благодаря феномену «диапазона жанра», который позволяет варьировать некоторые жанровые черты, оставляя при этом семантическое ядро жанра нетронутым. Следует также отметить, что лирическая проза «тяготеет к употреблению специального языка—широкому использованию особых, редких слов (например, диалектизмов и варваризмов), системы тропов, сложных, необычных синтаксических конструкций, фонетической ин-

струментовки, нередко даже отчетливого ритмического построения и т.д.» [5, с. 396].

Р. В. Иезуитова в статье «Пути развития прозы» отмечала, что взаимодействие повести с поэзией влияет на композиционную структуру и язык повествования повести, а именно, приводит к фрагментарности композиции, неожиданности финала, запутанности интриги и т.д. «Отказ от последовательно-эпического развертывания сюжета, – пишет Р. В. Иезуитова – вторжение в повествование лирического элемента, смещение «планов» повествования, его «калейдоскопичность» – все это способствовало усложнению и видоизменению повести, обогащению ее новыми жанрово-структурными принципами» [3, с. 80].

Классическим примером лирического романа является произведение М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Характеризуя лирико-символический подтекст романа «Герой нашего времени», В. М. Маркович не без оснований отмечал, что «есть основания думать, что образование подтекста и «гипнотическая» сила его воздействия в лермонтовском романе обусловлены мощной лирической тенденцией, которая пробивается сквозь формы изображения и структурные принципы, характерные для эпического рода» [10, с. 37].

Лирическим романом о русской истории является произведение М. А. Булгакова «Белая гвардия». Это роман опосредственной революции России. В центре повествования – судьба семьи Турбиных, Гражданская война в России. Роман содержит автобиографические элементы. Семья Турбиных – это в значительной степени семья Булгаковых. Турбины – девичья фамилия бабушки Булгакова со стороны матери. Пробразом Николки Турбина является младший брат М. А. Булгакова. Но главное в том, что роман преподносит читателю личные впечатления писателя о Киеве конца 1918 – начала 1919 года. Именно художественное изображение сознательно-эмоционального состояния самого Михаила Афанасьевича преобразует «Белую гвардию» в лирический роман.

Особую форму смешения романного и лирического начала составляет роман-поэма. Н. В. Гоголь в ходе работы над «Мертвыми душами» относил произведение то роману, то к поэме [4, с. 402]. В издании 1842 года произведение было именовано как «Похождения Чичикова, или Мёртвые души, поэма Н. Гоголя». В литературоведении за «Мертвыми душами» закрепилась подобная жанровая классификация – роман-поэма. Одной из важных характеристик жанра поэмы является отраженная в ее тексте космология народа, к которому принадлежит автор. Космология российского народа была отражена в романе-поэме «Мертвые души». Роман-поэма «Мертвые души» концентрирует в себе пространственно-временное самосознание Руси. Следует особо отметить, что произведение создавалось автором как трехтомное, каждый том которого должен был отобразить прошлое, настоящее и будущее России. Произведение «Мертвые души» по содержанию и глубине является поэмой. Лирическое начало в «Мертвых душах» реализуется также в авторских отступлениях. В «Мертвых душах» лирическим отступлениям и вставным эпизодам отнесено значительное место.

Романом-поэмой литературоведы признают «Молодую гвардию» А. А. Фадеева. А. Т. Твардовский утверждал: «Жанровое обозначение «Молодой гвардии» А. Фадеева «роман» с успехом можно было бы заменить обозначением «поэма», так много там поэтических элементов: лирические отступления, монологи, общая приподнятость тона, – пафос прямого авторского высказывания и т.д.» [14, с. 312]. Оппонируя А. Т. Твардовскому, Н. Л. Лейдерман отмечал, что произведение А. А. Фадеева «не поэма в полном смысле этого слова, вернее не только поэма, но и прозаический роман со своей, романной, полифоничностью изображения, с романной диалектикой саморазвивающегося мира. Особенность

индивидуальной жанровой формы «Молодой гвардии» состоит во взаимопроникновении двух конструктивных принципов—«поэмности» и «романизации» [7, с. 222].

Широкую популярность получил роман-поэма ливанского автора Джебрана Халиля Джебрана «Пророк» (The Prophet, 1923). В произведении автором отражены философские размышления по основным вопросам человеческого существования. Композиционно поэма «Пророк» состоит из 27 глав, в каждой из которых раскрываются те или иные сферы человеческого бытия. Наименования глав говорят за себя: «О труде», «О жилище», «О браке», «О детях», «О любви», «О еде и питье», «О купле и продаже», «О преступлении и наказании», «О наших законах», «О свободе», «О дружбе», «О добре и зле» и т.д. Наряду с смешением романного и поэтического начала, в «Пророке» присутствуют признаки притчи, исповеди и эссе. Как прозаическая поэма опубликовано произведение казахского автора Абая Куанбаева «Қарасөз» (Черное слово). В произведении поднимаются проблемы истории, педагогики, морали и права казахского народа.

В некоторых случаях в качестве синонима термина «роман-поэма» употребляется термин «прозаическая поэма». Например, культовое произведение В. Ерофеева «Москва-Петушки» в теории литературоведения нередко определяют как прозаическую поэму. В. Ерофеев обозначил свое произведение как поэму или «трагические листы». Литературные критики относили произведение к жанру поэмы, повести, роман-анекдот, роман-исповедь и т.д. На наш взгляд, «Москва-Петушки» является романом-поэмой.

Если в романе-поэме смешение родовых признаков не затрагивает эпического характера повествования, то в романе в стихах, наоборот, присутствует стихотворный текст. В лирическом романе ведущая роль в организации повествования как целого неизменно принадлежит эпическому началу [8, с. 62], однако в романе стихах эпическое начало уступает лирическому. Еще одно отличие состоит в том, что лирический роман создается как жанровая форма романтической литературы, тогда как роман в стихах—это «реалистическое произведение не только в смысле жизненной логики раскрытия характеров, но и в смысле бытовой детализации» [18, с. 114]. Следует отметить, что при создании «Евгения Онегина» А. С. Пушкин отказался от романтизма как ведущего творческого метода и начал писать реалистический роман в стихах, хотя в первых главах этого произведения заметно влияние романтизма. В романе в стихах «Евгений Онегин» эпическим является тематика и фабула, тогда как текст является стихотворным (используется «особая» онегинская строфа, состоящая из 14 строк).

В российской литературе создано несколько романов в стихах. Романы в стихах написали Б. Пастернак («Спекторский»), Е. Долматовский «Добровольцы», В. Казанский «Сквозь грозы». Как жанровая форма роман в стихах сохраняет свою актуальность и сегодня. В 2005 году был опубликован роман в стихах А. Дольского «Анна».

В 2005 г. А. Дольским написан роман «Анна» (ставший после «Евгения Онегина» вторым в русской литературе полноценным романом в стихах). Роман написан своеобразной формой сонета, с использованием строф, в каждой из которых 18 строк. Любовный конфликт между Андреем и Анной раскрывается в романном сюжете.

Библиографический список:

1. *Белинский В. Г.* Разделение поэзии на роды и виды / Собр. соч. Т. 3. М., 1978.

2. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, Ленинградское отд., 1979.
3. *Иезуитова Р. В.* Пути развития романтической прозы // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. П., 1973.
4. *Кирьянова Н. В.* История мировой литературы и искусства: Учебное пособие. М., Флинта, Наука, 2007.
5. *Кожин В.* Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. М.: Советский писатель, 1963.
6. *Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 2000.
7. *Лейдерман Н. Л.* Движение времени и законы жанра. Жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е годы. Свердловск: Средне-Уральское издательства, 1982.
8. *Лейтес Н. С.* Роман как художественная система: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, Перм. Ун-т., 1985.
9. *Мани Ю. В.* Динамика русского романтизма. М., 1995.
10. *Маркович В. М.* О лирико-символическом подтексте в романе Лермонтова «Герой нашего времени» / И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50 г.). Л., 1982.
11. *Мелетинский Е. М.* «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы / Историческая поэтика (Итоги и перспективы изучения). М., 1986.
12. *Поспелов Г. Н.* Лирика (Среди литературных родов). М., 1976.
13. *Рымарь Н. Т.* Современный западный роман. Проблемы эпической и лирической формы. Воронеж, Издательство Воронежского Университета, 1978.
14. *Твардовский А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.; Худож. Лит. 1980.
15. *Титова В. В.* Жанровая типология поэм М. И. Цветаевой: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
16. *Троицкий В. Ю.* Художественные открытия русской романтической прозы 20–30-х годов XIX века. М., 1985.
17. *Хизриева П. Р.* Лирическая проза и лиризм дагестанской прозы: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005.
18. *Чичерин А. В.* Идеи и стиль (о природе поэтического слова). М.: Советский писатель, 1965.
19. *Чичерин А. В.* Возникновение романа-эпопеи. М.: Советский писатель, 1975.

А. В. СИМОНОВ

Российский государственный университет, аспирант кафедры теории и истории гуманитарного знания института историко-филологического факультета (125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6; тел.: (499) 250-63-22; tizg.ifi@gmail.com)

ПРОПАГАНДА ДЖИНГОИЗМА В БРИТАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Статья посвящена одной из наиболее агрессивных форм национализма в Британии конца XIX — начала XX вв., названной джингоизмом. Автор показывает, что социально-экономические условия в Викторианский период способствовали укреплению британского национализма, занявшего более высокие позиции в иерархии идентичностей, чем традиционный этнонационализм. В дальнейшем националистические настроения под влиянием имперской идеологии приобрели ярко выраженный шовинистический характер и получили название «джингоизм». Автор доказывает, что джингоизм получил внушительную поддержку в публицистике в период расцвета Британской империи.

джингоизм; национализм; нация; Британская империя; идентичность; колониализм

Термин «джингоизм» является производным от выражения *by jingo* (черт побери!). И хотя этимологически это выражение имеет значительно менее эмоциональный оттенок (возможно, являясь эвфемизмом имени Христа), в империалистический словарь конца XIX в. оно вошло из «Воинственной песни», появившейся в 1878 г. как реакция британцев на подписание Сан-Стефанского мира между Россией и Турцией. Укрепление Российской империи на Балканах было воспринято в Великобритании как вызов ее интересам и, соответственно, вызвало рост шовинистических настроений. Одновременно джингоизм подразумевает контексты, имманентно присущие британской имперской идеологии (хотя они, безусловно, не были специфичны именно для Великобритании, поскольку существовали и в других империях). Среди этих контекстов необходимо назвать сохранение империи посредством, в большей мере, военного могущества и, в меньшей мере, экономических механизмов. Эти темы в публицистической статье «Целостность британской империи» были представлены Фредериком Блэчфордом, который долгое время в конце XIX века занимал пост заместителя государственного секретаря по делам колоний. В ней автор подверг резкой критике взгляды тогдашнего премьер-министра Новой Зеландии Джулиуса Фогеля, призывавшего к скорейшему созданию конфедерации и изменению статуса колоний в составе империи с целью ее сохранения. В противовес этому Ф. Блэчфорд полагал, что каждый из членов конфедерации, разделенных огромными расстояниями, начнет руководствоваться своими национальными интересами, а потому будет вступать в экономические и политические союзы с другими государствами, «принося в жертву британские интересы» [1, с. 365]. Именно поэтому Ф. Блэчфорд выступает против каких бы то ни было преобразований внутри империи. Собственно, в этом и состоит джингоистское содержание его выступления в печати, поскольку он открыто заявляет, что отдельные компоненты империи обязаны ставить интересы Великобритании выше своих собственных во избежание обвинений в антигосударственном заговоре.

С тех же позиций доказательства решающей роли имперской идентичности в цементировании нации выступает Эдвард Дисей: «Да, условия, при которых мы удерживаем свои имперские владения, чрезвычайно разнообразны. Идет ли речь о нашем не вполне определенном партнерстве, как в случае с Канадой, или о прямом военном доминировании, как в Индии, есть нечто общее для всех наших колоний. Где бы ни развеялся Юнион Джек, там правят английская раса и английские законы, английские идеи главенствуют, английская речь занимает господствующее положение» [2, с. 292–308].

Как видим, Эдвард Дисей, известный публицист, главный редактор первой в мире воскресной газеты *Observer* (Обозреватель), совершенно определенно считал, что британское государство тождественно британской империи. Его джингоистские лозунги сосуществовали с оценкой колониальных захватов как разумных или, напротив, пагубных для Великобритании. Одновременно с рассуждениями о том, что потеря североамериканских колоний и Ионических островов имела, возможно, позитивные последствия для британцев, а захват островов Фиджи был ошибкой, Э. Дисей, беспрестанно используя местоимение «мы», объясняет, что «мы никогда не были нацией завоевателей... На севере и юге, на западе и востоке мы втыкали британский флаг в каждом уголке мира, но при этом мы скорее повиновались реальной или кажущейся необходимости, чем какой-то жажде завоевания». Такая формулировка создания британской империи, безусловно, была компромиссным ответом на либеральную критику, однако при этом Э. Дисей не допускает мыслей об отказе от имперского статуса: «Сохранение Империи, т.е. британской власти над обширными заморскими территориями, должно быть одной из главных, если не главной, целью британской государственной деятельности» [2, с. 295].

В продолжение темы британских национальных прав в международной сфере обратимся к выступлению в печати выдающегося британского художника и скульптора Джорджа Уоттса. Его статья представляет интерес, главным образом потому, что он пользовался известностью и большим уважением в самых разных общественных слоях; его мнение, с одной стороны, оказывало воздействие на общественное сознание и мнение, а с другой стороны, было продуктом сформированного имперского политического дискурса, в котором он, подобно большинству британцев, был не продуцентом, а потребителем. В статье Дж. Уоттса мы находим романтизированный и пафосный образ колонизатора и империалиста-пионера, целью которого являлось освоение новых земель: «Нет сомнения, что современная цивилизация принесла с собой не только добродетели и счастье, но она приводит положение дел в наилучшее возможное состояние, делает более ясным восприятие добра и зла, что впоследствии принесет плоды для всеобщего блага. В нашем исследовательском продвижении вперед, кажущемся абсолютно эгоистическим, мы, английский народ, являемся, возможно, действующей силой великого закона – Движения, Прогресса, Эволюции» [6, с. 849–857].

Разрушение традиционного уклада жизни завоеванных народов – одна из тем либеральной критики империализма – рассматривается Дж. Уоттсом как необходимое условие прогресса и облекается в метафорическую риторику: «Наша работа – это работа пионера, который, прокладывая себе путь через джунгли, уничтожает множество прекрасных цветов, но в то же время дает почве свет и воздух, предоставляет средства для вождя развития» [6, с. 849–850]. Значительная часть статьи посвящена разъяснению причин англо-бурской войны и ее положительным следствиям для всего мира: «Буры перестали двигаться вперед – они непрогрессивны» [6, с. 852].

Обосновывая право британцев на территориальную экспансию, Дж. Уоттс прибегает к расистским объяснениям: «Буры – хитрый народ, во многих смыслах полувцилизированный... Одной из их характеристик является лень, которую они, по-видимому, унаследовали от окружающей их животной природы и от дикарей, права владения которыми они лишились». Таким образом, Дж. Уоттс заявляет не только о праве британцев на захват чужих земель, но и об их историческом предназначении – нести прогресс слабо развитым регионам. Кроме того, по его мнению, британцы обладают особыми природными качествами, состоящими в тяге к исследованию, в предприимчивости, способностях адаптироваться к климатическому разнообразию и в слабой привязанности к дому и семье. Это позволяет им действовать не во имя своих корыстных целей, а для очищения пространства для «более молодых наций»: «Наши завидные владения существуют исключительно для того, чтобы перейти к другим. Мы трудимся не для себя, а скорее для тех, кто ждет, когда плоды наших усилий упадут к их ногам» [6, с. 854].

Оправдание колониальной экспансии национальной необходимостью выживания тесно связывалось с описанием достойного поведения британцев на завоеванных территориях, где они якобы оказывали всемерную помощь и поддержку местному населению. В противопоставлении «мы – они» британцы представляются такими качествами как трудолюбие, разумность, доброжелательность, трезвость, честность, а аборигены, напротив, рисуются ленивыми, хитрыми и склонными к социальным порокам. Показательным примером такого расового разделения служит статья популярного журналиста ряда британских газет Эдгара Рэтбоуна, который значительную часть жизни провел в Трансваале. В своих работах автор пытается доказать, что любые нововведения, направленные на облегчение жизни африканцев, не только вредят британской экономике, но и пагубны для самих аборигенов, которых нельзя сравнивать с белыми людьми, а именно с британцами, работающими в Южной Африке по найму. Поэтому на чернокожих не могут распространяться те же законы и правила, что и на белых рабочих.

Эдгар Рэтбоун выступал как сторонник апартеида, аргументируя свою точку зрения невозможностью применения по отношению к африканцам тех норм и законов, которые существовали в Великобритании. «Я считаю, что людей, которые имеют взгляды, отличные от точки зрения британских политиков (речь идет о сторонниках и последователях либерала У. Гладстона. – А. С.), нельзя обвинять в жестоком или негуманном отношении к туземцам» [4, с. 404–413]. Дальнейшие рассуждения автор строит на тезисе о том, что до прихода европейцев местные жители не имели навыков продолжительного и постоянного труда, их земля плодородна и способна прокормить их, даже если они за свой труд на шахтах вообще не будут получать оплаты. А поскольку налоги на землю крайне низки, а в ряде регионов отменены, то аборигены находятся в более привилегированном положении, чем белые рабочие.

Адаптация к «высокой цивилизации», утверждает Э. Рэтбоун, для аборигенов состоит во внедрении навыков систематической работы и чувства, что они являются подданными империи, равными белым людям – поэтому они должны платить равные налоги на содержание армии, флота, таможни, почты и железной дороги.

Данная публикация в защиту рабства как единственного способа «воспитания в имперском духе» коренного населения Южной Африки является показательным примером отношения, сложившегося в британском общественном сознании по поводу завоеванных стран и народов. Южная Африка стала особо

привлекательным регионом мира после обнаружения там богатых месторождений алмазов (1867г.) и золота (1886г.). Именно это обстоятельство, наряду с геополитическими интересами Великобритании в Африке, стало причиной англо-бурских войн, а не защита поработанных африканцев, что усиленно внедрялось в британское общественное сознание. Одновременно в статье явно прослеживается идея априорного преимущества «белого» труда перед «черным», хотя декларируется, что за равную работу европейцы и африканцы получают равную зарплату (при этом автор статьи прямо заявляет, что такое равенство невозможно вследствие исконных различий между работниками с разным цветом кожи). Нелишне отметить, что, несмотря на довольно большой наплыв британцев, готовых работать в шахтах, шахтовладельцы предпочитали нанимать за мизерную плату африканцев, не имевших никаких прав на охрану труда и здоровья¹. Их традиционная жизнь и существенные отличия от европейцев давали возможность британцам представлять свое правление как облагораживающее воздействие цивилизации на аборигенов, рисуемых как дикари, не обладающие ни культурными навыками, ни сходными с европейцами чертами и качествами. При этом не поднимался вопрос о колониализме как об уходящем в глубокую древность варварском способе ограбления чужих стран и народов посредством использования более совершенной военной и технической силы. В равной мере расизм – составная часть и характеристика джингоизма – тоже не становился предметом осуждения.

Напротив, джингоистские настроения активизируются посредством популярного информационного поля, причем, когда речь идет об иммигрантах в Великобританию из Азии или Ближнего Востока, риторика становится еще более расистской и уже не содержит лозунгов о цивилизующей роли британцев. «Цветная» иммиграция в публицистическом дискурсе обсуждалась, главным образом, как тяжелое и крайне нежелательное бремя для британцев, облегчение которого должны были взять на себя власти. Эту тему поднимает, в частности, широко известный журналист Гамильтон Файф, главный редактор *Daily Mirror* и *Daily Herald* и репортер *Daily Chronicle*, в статье «Чужаки и империя», опубликованной в 1903г.

Назвав иммигрантов «вредоносным потоком» (*unwholesome flux*), Г. Файф указывает три главные проблемы, связанные с ними: проблема труда, жилищный вопрос, преступность.

Особое внимание Г. Файф уделит собственно теме проживания иностранцев в британских городах, и о более широком социальном контексте этого явления. «Присутствие иностранцев превратило некоторые районы в абсолютно иностранные кварталы. Из этих мест британские рабочие выдавливаются хозяевами жилья, утратившими какие-либо чувства приличия или патриотизма и находящими, что они могут больше выжать из иностранцев, чем из местных уроженцев. Другой причиной является естественное отвращение к соседям, нормы поведения и жизни которых сравнимы только с не слишком разборчивыми свиньями. Это приводит к двойному эффекту: большое число британцев полностью отказываются от проживания в районах, где они привыкли трудиться; эти же районы становятся перенаселенными, опасными для здоровья и наносящими вред общественной нравственности» [4, с. 416-417].

¹ Колониальная повседневность и, по сути, рабский труд аборигенов стали основой романа Дж. Конрада «Сердце тьмы». Хотя там речь идет о другом регионе Африки, по роману можно судить о взаимоотношениях между коренным населением и британскими колонизаторами.

Потоки иммигрантов, считает Г. Файф, не позволяют решить проблему бедности, напрямую связанную с национальными целями: «Если британская империя хочет выжить в нынешний кризисный период, мы должны улучшить многих представителей нашего народа, чтобы воспитать имперскую расу. Именно эта мысль лежит в основе нашей тревоги по поводу упадка национальных физических данных, по поводу перемены к худшему нашей интеллигенции, по поводу прискорбных условий существования, в которых вынужден жить огромный класс, ответственный за упадок и тела, и разума. Без имперской расы, рожденной для исполнения ее обязанностей и способной это делать, мы не можем даже и надеяться сохранить Британскую империю. Без социальных уз, обеспечивающих всех трудоспособных членов сообщества достаточной постоянной работой, ... мы не можем надеяться, что взрастим имперскую расу».

Пропагандируемые Г. Файфом идеи национального единства и оздоровления сами по себе справедливы; более того, они актуальны и для сегодняшнего дня. Джингоистский их смысл проявляется в возложении вины за происходящее на «других», а именно на иммигрантов, подрывающих британские ценности и уничтожающих завоевания культуры: «несомненно, что непрекращающийся наплыв чужаков, которые нас ничему не учат, не приносят в нашу страну ни богатства, ни покупательной способности, которые не могут говорить на нашем языке, не имеют понятия о британских идеалах, превращают целые округа в иностранные кварталы, чьи взгляды на жизнь совершенно отличны от наших, кто портит условия существования всюду, куда приходят, и кто процветает за счет отъема работы у урожденных британцев – разве неясно, что этот непрекращающийся наплыв уже стал преградой в нашей великой битве против невежества и неумений этой ненавистной стаи и что ее тормозящий эффект будет все более нарастать» [4, с. 417].

Однако вливанию пришельцев в британское национальное сообщество препятствовал ряд обстоятельств, а именно сохранение культурных особенностей и как следствие стремление к компактному проживанию выходцев из одного этнического сообщества (создание «цветных» кварталов), опора на свою группу для решения различных проблем, нетерпимость со стороны принимающего сообщества. Джингоизм в этом случае подразумевал расизм; Кристин Болт характеризует господствовавшие среди викторианских британцев настроения, цитируя профессора Бисли, жившего в ту эпоху: «нет сомнения, что они принадлежат к более низкой разновидности человеческого рода, чем мы» [7, с. 83].

Рассмотренные публикации дают представление о средствах массовой информации как питательной основе британского джингоизма. Чувство принадлежности к нации завоевателей, имперское величие, расистская нетерпимость и высокомерие – все это находило подтверждение в материалах газет и журналов, воспитывая британцев в духе представлений о себе как об избранном народе и единственном оплоте цивилизации и прогресса. Публикации иллюстрировали официально одобренную точку зрения на колонии, содержащую в качестве главных компонентов идеи «предназначения» и «национальной гордости» и включавшую себя в качестве практического компонента экономического и политического, точнее, геополитического обоснование. Например, лорд Розбери утверждал, что имперская целостность и незыблемость являются условием выживания Великобритании «в острой гонке наций» [3, с. 575]. Национальный интерес, в равной мере касающийся каждого британца, «привел к решительным переменам и в Британии, и за ее пределами; все соглашались или хотя бы говорили, что соглашаются с тем, что истинный империализм начинается дома» [9, с. 130]. Уже после своей отставки с поста премьер-министра, лорд Розбери писал в

«Таймс» в 1900 г.: «Такая империя как наша требует в качестве первого условия существование имперской расы – расы энергичной, трудолюбивой и бесстрашной. Здоровье ума и тела возвеличивает нацию в глобальном соревновании. Естественный отбор является несомненной истиной в условиях современного мира» [8, с. 72].

Помимо лестных для британцев высоких оценок качеств их «расы», подобные лозунги несли в себе интеграционный потенциал, поскольку были нацелены на каждого урожденного белого жителя метрополии, для которого национально-государственная и имперская идентичность становились синонимами, несущими в себе патриотический пафос. Перерастание британского патриотического чувства в джингоизм вследствие осознания своего расового и экономического превосходства над колониями описывал в своей книге «Патриотизм и империя» известный журналист и политик-либерал Джон Робертсон, указывая на опасность чрезмерных национальных амбиций: «Нация, похоже, опьяняет себя гордостью власти подобно тому, как пьяница опьяняет себя бренди. И это безо всякого стеснения именуется великолепным качеством, взращиваемым на «зависть других стран», как говорилось в приложении к Британской конституции. Доказательство, что нация обладает силой, превосходящей силу других народов, это то же самое, что для отдельной цивилизованной личности амбиции или свидетельство о победе в боксерском поединке, или на дуэли, или в атлетическом соревновании. Такое свидетельство применительно к одной стране в сравнении с другими считается чем-то этически облагораживающим. Эта банальная гордость, помноженная на патриотизм, становится бесспорным достоинством. В этом и состоит наша моральная проблема. ... Остается ли в националистическом тщеславии место для мудрости? Почему каждый из нас беспрестанно получает извращенное удовольствие от убежденности в том, что для большей части человечества навсегда останутся недостижимыми ум, мудрость и благополучие именно нашей нации?» [5, с. 25, 50]. Предупреждения либералов оказались весьма своевременными в XX в., когда национальная идентичность, тесно связанная с ощущением принадлежности к ядру империи, претерпела кризис, хотя джингоизм, безусловно, продолжает оставаться актуальной характеристикой британского общественного сознания. Устойчивость джингоизма во многом была обусловлена сложностью взаимоотношений между британцами и небольшими жителями империи, что порождало напряженность как в колониях, так и в метрополии.

Расширение империи и обогащение за счет колоний порождало довольно серьезную проблему иммиграции, которая, в свою очередь, способствовала росту джингоизма. В этой связи представляется важным соотнести имперский период с сегодняшним днем. Для современной мир-системы массовые перемещения в направлении юг-север стали нормой, а попытки предотвращения чрезмерной иммиграции в развитые страны Запада признаются неэффективными. Хотя Россия не может сравниться в западноевропейскими государствами с точки зрения уровня и качества жизни, она тоже стала объектом интереса жителей бывших республик СССР, поскольку здесь существуют сегменты рынка труда, не востребованные россиянами (иные причины иммиграции в Россию в данном случае не соотносятся с нашими исследовательскими задачами, а потому не рассматриваются). Граждане иностранных государств, работающие в России, считаются априорно занимающими более низкое положение и не имеющими права претендовать на статус, равный статусу урожденных граждан. Поэтому отношение к жителям среднеазиатских или закавказских стран отличается пренебрежительностью, переходящей в нетерпимость.

Современная Великобритания, несмотря на целый ряд запретительных законов, не может предотвратить заселение своей страны выходцами из бывших колоний. Исторически эта проблема – массовый приток иммигрантов – была связана с наделением всех жителей империи статусом подданного короны, хотя реально легальный въезд для постоянного жительства обуславливался службой на британских кораблях, торговлей, работой в доме, когда британские служащие, возвращаясь домой, привозили с собой туземных горничных, нянь, грумов и т.д. Еще одним каналом легальной иммиграции было обучение обеспеченных и образованных выходцев из цветных колоний (в основном, из Индии) в британских школах и университетах. Однако уже в конце XIX в. Великобритания столкнулась с гораздо более массовым явлением иммиграции, а именно ее нелегальной составляющей. Ущемление законных прав британцев «чужестранцами» (aliens), стало, конечно, источником недовольства со стороны британцев; небольшие выходы из колоний воспринимались враждебно по целому ряду причин, среди которых на первом месте стояли расистская нетерпимость и джингоистское высокомерие.

Библиографический список:

1. *Blachford F.R.* The Integrity of the British Empire // The Nineteenth Century. 1877. October.
2. *Dacey E. Mr.* Gladstone and Our Empire // The Nineteenth Century. 1877. September.
3. Marques of Crewe. Lord Rosebery. London: J. Murray, 1931. Vol. 2.
4. *Rathbone E.P.* The Native Labour Question // The Nineteenth Century and After. 1903. September.
5. *Robertson J.M.* Patriotism and Empire. London: Grant Richards. 1899.
6. *Watts G.F.* Our race as Pioneers // The Nineteenth Century and After. 1901. May.
7. *Bolt C.* Victorian Attitudes to Race. London: Routledge and Kegan Paul; Toronto, University of Toronto Press. 1971. XVIII.
8. *Gilbert B.B.* The Evolution of National Insurance in Great Britain. The Origins of the Welfare State. London: M. Joseph. 1966.
9. *Porter B.* The Lion's Share. A Short History of British Imperialism. 1850–1995. London, New York: Longman. 1996. XVIII.

Ж. Багана

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры французского языка, доктор филологических наук, профессор (308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85а)

М. Л. Баральдо дель Серро

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, аспирант кафедры французского языка (308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85)

ПОЗИЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В АРГЕНТИНЕ: ОБСУЖДЕНИЯ ПО ВОПРОСУ И АКТУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ*

В статье рассматривается исторический путь, который прошел испанский язык в течение 19-го и 20-ка, успев приобрести различные конфигурации. Статья объясняет современное сложное разнообразие языка в Рио-де-ла-Плата. Относительно этого положения, в работе выражено предположение о том, что разнообразие теоретических положений о Рио-де-ла-Плата исходит от частых обсуждений интеллектуальными кругами вопросов относительно позиции национального языка в уставе в течение двух веков. Согласно этому положению, статья рассматривает его положительные аспекты с целью выявления исторических причин, объясняющих взгляд аргентинцев на разнообразие языковых форм испанского языка в регионах.

Рио-де-ла-Плата; национальный язык; Аргентинский языковая политика

Введение

На становление аргентинского национального варианта испанского языка повлияли многочисленные факторы: исторические, политические, социальные. Для того, чтобы понять, как складывался язык, характеризующий сегодня аргентинское общество, необходимо проследить, как это общество развивалось, как формировались современные границы государства, какие события повлияли на историю страны. В данной работе мы выделяем несколько ключевых моментов в истории Аргентины с тем, чтобы проследить основные этапы формирования аргентинского национального варианта испанского языка. В нашем исследовании мы придерживаемся общепринятой периодизации, в частности, встречающейся в работах аргентинских исследователей. «Исторический обзор распространения испанского языка в Аргентине» – представляет собой характеристику основных этапов складывания языковой ситуации в стране. Существуют следующие важные исторические периоды в истории распространения испанского языка в Аргентине: первая половина XIX века (также называется «Поколением 1837»), вторая половина XIX века (или «Поколение 1880»), первые десятилетия XX века (1890–1910), середина XX века (период правления Х. Д. Перона).

Первая половина XIX века

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0037

С 1937 года название «Поколение 1837»¹ отождествляется с признанным культурным и политическим опытом, начавшимся в середине 1930-х годов под эгидой молодежного сектора образованной элиты, состоящей в основном из бывших студентов Университета Буэнос-Айреса. Выбор этой даты номинации обуславливается тем, что его деятельность была их первой коллективной на публичном выступлении в июне 1837 года в литературном салоне Маркос Састре. В то время, Росас были выбраны на два года во второй раз в провинции Буэнос-Айреса, были наделены чрезвычайными полномочиями государственной власти. На фоне все более репрессивной атмосферы, молодые романтики стремились создать новое место в истории за счет модернизации культурных мероприятий. Они также опубликовали литературные произведения и доктрины, распространяли свои идеи в таких газетах, как «Мода». В отношении к родному языку в Аргентине существовало в тот момент две основных точки зрения. Однако для всех представителей «Поколения 1837» идея необходимости «прогрессивных изменений» в языке, его адаптации к новым социальным условиям была несомненной.

В отношении к родному языку в Аргентине существовали в тот момент две точки зрения. С одно стороны, Хуан Батиста Альберди настаивал на языковой эмансипации во имя «индивидуальности нации». По его мнению, деятельность испанской Академик только «мешала естественной эволюции языка», а помочь языку развиваться в нужном, современном, по мнению писателя, направлениях мог, например, контакт с иностранными языками (прежде всего, с французским). С другой стороны, Эстебан Эчеверрия, например, считал испанский язык своего рода реликвией и предлагал сохранить его. Писатель называл язык поистине прекрасным даром, полученным американским континентом от Испании, единственным, что американцы могут и должны принять от завоевателей. В та же время, по мнению Эчеверрия, принять его следовало, чтобы «улучшить», подвергнув «прогрессивным изменения». Таким образом, для всех представителей «Поколения 1837» идея необходимости «прогрессивных изменений» в языке, его адаптации к новым социальным условиям была несомненной.

В 1842 году Сармьенто был сослан в Чили. Полемика по данному вопросу началась в последствии ниже произошедшего. 27 апреля в Эль Меркурио появилась анонимная статья, содержащая список слов, которые автор считал неправильно используемыми в стране. Сармьенто прокомментировал ее, добавив собственные размышления, утверждая, что языковые различия между различными регионами Испании и Испанской Америки были связаны с изоляцией людей друг от друга и тем, что подавляющее большинство не читали [14].

Два анонима раскритиковали оригинальную статью, без прямой критики в адрес аргентинца, а Сармьенто ответил и закончил дискуссии. Но неожиданно в дискуссии вмешался грамматик, пользующийся большим авторитетом, венесуэлец из Чили, Андреса Белло. Его критика была сильной, как Вердевойе говорит, не содержала педагогического тона [15]. Претензии Сармьенто о роли грамматики и народного суверенитета в лингвистической области были абсурдными и произвольными для Белло. «Неологизмы и популярные идиомы, -сказал он, «никогда не будут свергнуты, но предотвратят гибель важности зыка. Но не появились бы иностранные заимствования без людей, которые говорят на других языках, не знают о богатстве языка и спешат написать то, что они читают. Грам-

¹ Термин «Поколение 1837 года» применим к лингвистической и литературной деятельности таких писателей, как Эстебан Эчеверрия, Хуан Батиста Альберди, Хосе Мармоль, Доминго Фаустино Сармьенто.

матики бы не было без обсуждения всей этой экзотики и некоего варварства, в противном случае, была бы полная неразбериха. Законы языка, например, как и законы управления обществом, могут формироваться только собранием ученых» [4]. Этот последний аргумент Белло вспоминает Балкарсе.

Согласно Вердевойе, в принципах обоих оппонентов, по существу, не было никакой принципиальной разницы. Белло также был сторонником инновационных изменений. Но для Сармьенто дискуссии о языке имели преимущественно политический характер, как и для большинства Поколения 37: помочь построить Нацию. Белло, не сопротивлявшийся больше, не демонстрировал интереса в продолжении дискуссии, которая переросла из академической в политическую [4].

Итак, лингвистическое осмысление языковой ситуации начинается фактически в конце тридцатых годов XIX века, в первые десятилетия формирования независимого аргентинского государства. Центральное место в лингвистических дискуссиях этого периода занимает статус испанского языка в Аргентине, вопрос о необходимости языковой эмансипации от Испании, а также проблема формирования национального языка Аргентины.

Вторая половина XIX века – «Поколение 1880 года»

Так называемое «Поколение 1880 года» ставит перед собой новую цель – национальное единение, развитие новой, молодой Аргентины как единого государства. Центральными в этот период становятся два направления деятельности аргентинского правительства: (1) стимулирование иммиграции в Аргентину и, как следствие, целый комплекс вопросов, связанных с социальной, языковой и гражданской адаптацией иммигрантов, и (2) изменения в системе образования. Наряду с другими сферами существования аргентинского общества, эти факторы оказывают важнейшее влияние на языковую ситуацию в стране.

Тогда президент Хулио Рока (1880–1886) столкнулся с началом преобразовательных реформ, содействующим течению иммиграции, чтобы тем самым изменить свой социальный статус и привлечь поток кредитов и инвестиций из-за рубежа; также в аграрной модели иммиграция была важна для внутренних районов и обеспечивала низкую стоимость рабочей силы. Кроме того, этот процесс включал расширение общественного образования на всех уровнях.

Влияние иностранных языков стало определяющим для построения общей лингвистической картины в Аргентине. Присутствие иммигрантов в истории Аргентины развило представление о языке. Большой поток иммигрантов изменил направление развития языков в Аргентине. Между 1870 и 1930 годами массовый приток иммигрантов стал причиной решения элиты о том, что стратегия модернизации выступает компонентом современной мнимой европеизации человечества. «Расовая чистота» является притворным началом прогресса. В 1854 году в стране была разрешена иммиграция из европейских стран, продолжавшаяся до 1930 года, исключением стало время Первой Мировой Войны. Закон об образовании (1880) сравнивал в правах людей разных вероисповеданий, как коренных жителей, так и большинство иммигрантов, что содействовало повышению уровня национального единства, стирало границы национальных наблюдаемых различий. Мануэль Альвар объясняет необходимость преобразований для повышения грамотности граждан [2]. В своей статье об американской конституции показывает, что официальное продвижение испанского (уже имевшего грамматические инструменты) должно происходить через подготовку проекта конституции, так как на этом языке говорили молодые и те, кто умел читать.

Существовал страх поколений к последствиям лингвистических реформ, которые могли произойти после правового признания иммигрантов. Согласно статистике Фонтанелла население города Буэнос-Айрэс в 1887 году состояло из 47,4% аргентинцев, 32,1% итальянцев, 9,1% испанцев, 4,6 французов, 6,% других национальностей [8]. Если также учесть тот факт, что многие из граждан, относящих себя к аргентинцам, на самом деле были детьми иммигрантов, можно предположить, что процент носителей иностранных языков гораздо больше. Но тем самым, точное влияние иммигрантов на язык может быть установленным только тогда, когда оно значительно, и когда носители иностранных языков имеют социальный статус, необходимый для употребления своего языка в стране. В пользу гомогенизации диалектного разнообразия можно привести итальянцев, испанцев, французов, диалекты которых непонятны друг другу даже внутри одного языка. Это разнообразие создает предпосылки для использования испанского языка в качестве общего, необходимого в системе школьного образования. Как указывает Арну, усиление грамматических особенностей языка не только обеспечивает правильное представление языка, но и регулирует общественность [3, с. 43]. В случае национального языка, подчиненного популярным брендам и маркам, можно регулировать язык, используя средства массовых явлений. Гонзалес Стефан говорит об этом в немного более сильной форме: «Намного легче регулировать то, что было создано ранее и совместно контролировать очищение языка от любых этнических, языковых загрязнений, противоречащих нормальному развитию [9, с. 38].

Если рассмотреть язык как один из элементов «национального бытия», иницировав предыдущие поколения, можно было бы включить этот фактор в иммиграционный период и оценить направление его развития. Например, испанский был всегда мощным инструментом рынка города, в котором более 50% жителей были приезжими. Тогда языковой фактор уже был одной из главных проблем. По сути, обязательное включения испанского языка в систему школьного образования было введено для содействия интеграции иммигрантов в обществе через языковые средства, а не для искоренения их языковых и культурных начинаний [3, с. 24]. С начала века под воздействием больших потоков иммигрантов начали происходить первые взаимодействия населения и иностранных языков, крепили национальные позиции. В этом контексте, относящемся к национальному самосознанию, испанский язык был использован в качестве стратегии его укрепления: «К счастью, все национальности испанской Америки не только говорят, но и перенимают культуру, создавая общий красивый язык. Однако, с этого момента мы должны уделять больше внимания, насколько это возможно, вопросам литературных течений: для поддержания единства мы должны исключить любые источники, приходящие от иммигрантов, начинающие возвращать население, заключить произошедшие модификации языка, и тем самым укрепить душу нации» [12, с. 257].

В этом идеологическом отношении изменения, связанные с различными интерпретациями языка, были обозначены как его возрождение, а, следовательно, и как возрождение национального бытия. И это, однозначно, можно признать положительным явлением, так как разнообразие оригинальных языковых шаблонов распространяется и по сей день, как показывают исследования. По этой причине язык, воспринимаемый как символ нации, должен быть защищен от влияния речи с иностранными изменениями, связанными с их внутренней эволюцией. Этот аргумент приобрел сильные позиции, укрепившие идеал языка на испанском полуострове.

Анхель Розенблат выделяет две противоположные тенденции, вытекающие из романтизма начала века: ориентация на единство всего испаноязычного мира и стремление полностью обособиться от испанского культурного наследия. Учёные, писатели и простое население страны логичным образом разделились на противников и сторонников происходящих в стране перемен [13, с. 187]. Фактически, в этот момент определяются две основные позиции, перешедшие в следующие годы в так называемый «спор о языке», продолжавшийся на протяжении практически всего XX века.

Эта двойная тенденция должна соответствовать языку земли, внутреннему языку, который должен цениться, поддерживаться обществом, а обучение должно происходить на национальном языке.

Первые Десятилетия XX Века (1890–1910).

По Альтамирано и Сарло, идеологический климат 1910 совета относительно Испанской Америки с «испанским наследием» предъявляет аргумент для испано-североамериканской войны: Америка должна себя позиционировать. По Сарло, ответственными за создание необходимых переводов являются писатели. Они должны активно принимать участие в дискуссиях по литературе, идентифицировать нацию в своих работах, создавая новые средства языка [1].

В то время, как приписывалась озабоченность в вопросах литературы и ее создании, необходимо было также заботиться и о сохранении уже имевшегося литературного наследия. Mercedes Blanco в 1920 году, в разгар национализма, обнаружили конфликт между элитой и иммигрантами, который состоял в социальном, культурном и лингвистическом противостоянии [5]. Элита видела во всех этих явлениях угрозу ослабления национальных черт Аргентины, утерю традиционных ценностей, так как представляла язык символом национальности, стремясь найти возможности оградить себя от влияния испанского полуострова. Однако, хоть школа и стремилась к введению единого языка, вдохновленного моделью с испанского полуострова, иммиграция внесла свои собственные изменения в Аргентине. Каррикабуро связывает с этим распространения и укрепление национальных черт, создание стратегии адаптации [7]. Эти противоречия между пресечением «испанского наследия» и борьбой за независимость называются «перформативными противоречиями», характеризующими текущие представления о языке в Аргентине. С приходом к власти президента, представлявшего радикальную партию, правительство перешло в руки аграрной и индустриальной буржуазии, малой буржуазии и сектора частных землевладельцев. Поэтому олигархия утратила свою силу, так как экономическое министерство значительно повлияло на политический курс. Кроме того, сохранялся постоянный контроль над юридическим сектором, банками, и всем, что до этого не подчинялось государственному контролю. В 1930 году, как следствие запрета на иммиграцию в страну, массовые потоки внутренней миграции изменили лицо городов.

Последствия таких решений не заставили себя долго ждать. Это вызвало приостановление распространения языковой нормы, приостановило языковой порядок. Как и в предыдущих периодах, запрет иммиграции сделал необходимым поставить острым вопросом другую проблему, касательно идеологии в майской революции, хотя на протяжении всего двадцатого века оппозиция формировала идеологические функции, приводившие лишь к варварству и запущенности города. Этот процесс, направленный на иммигрантов, создал возможность для индейцев, гаучос и каудилос из-за рубежа привнести свои собственные особенности языка в Аргентину и участвовать в социально-экономической жизни городов.

Гражданская война в Испании и триумф французского языка привели к въезду в страну людей интеллектуальных, которые стали основоположниками традиций языковых исследований. Сейчас эти исследования составляют большой общественный резонанс относительно идеологически-лингвистических предположений появления языков.

В «Языке аргентинцев», среди других выражений, выбирает именно относящиеся к Кастро, как писателя, использующего язык, который отражает местный колорит, как одного из писателей, сочинявший «мемуары по проблемам испанских словарей». «Существует непреодолимая канава между испанским языком в Испании и в Аргентине. Этого одного нюанса достаточно, чтобы между общим языком и языком четким вырисовывалась грань» [6, с. 178].

Между тем, все работы из области лингвистики в Аргентине остаются в руках полуостровных учреждений (научные исследования, переводы, преподавание языка), а также принятие решений на национальном уровне. В 80-х представители пуризма утверждали, что языку не хватает преемственности, которая бы привела испанцев к делегации академических полномочий по изучению языка. Первоначальными попытками создать подобные учреждения был Институт Филологии Буэнос-Айреса (1923) под начинанием Америкы Кастро. Таким образом, представления о многообразии перестали развиваться, и на тень полуостровных организаций легла резкая тень отчуждения.

Середина XX Века (ПЕРИОДЫ Правления Д. Перона)

Во время правительства Д. Перона (1946–1952, 1952–1955) государство как способное уладить любые арбитражные конфликты между различными слоями общества и изображает из себя преемника майских событий прошлого года, немедленно установив разрыв с прошлым. Национальный фонд, являвшийся приемником Майской революции, несмотря на оппозиции Пителли и Сомоса, располагают в качестве первоочередного предложение привилегий олигархии (которая по мнению автора являлась современным выражением исторического противостояния между меньшинством привилегированных и большинством обездоленных), а затем рассматривают позиции оппозиций внутри страны и снаружи. Эти схемы касались также и оппозиции на лингвистическом уровне [12]. Глозман Мара идентифицировал языки коренных народов на первом этапе государственного рассмотрения ситуации по этому вопросу как основные составляющие стратегии по созданию национальной идентичности [9]. В то время как, по отношению к национальному языку, существовала политика преемственности испанского языка, культурно-исторической ценности и чистоты языка. В позиции перонистов язык и религия стоят на первом месте в качестве основ. На втором месте стоит национальное законодательство, основанное на представлениях о языковом единстве. Таким образом, перонисты присоединились к конституции государства, основанной на модели языковой однородности. На втором этапе главный акцент был смещен в пользу определения испанского языка в качестве государственного (что явилось центральным аспектом в контексте Закона 14354 в 1954 года).

Начиная с семидесятых годов, глобальные изменения в экономике реорганизовали роль Правительства и его отношения с институтами. Частный сектор лишает государства прав на осуществление монополистической деятельности. Консервативные и антигосударственные политики и движения этого периода показали сокращение государственного влияния в сферах приватизации, относительно высшего образования, а также относительно изменений в культурном производстве. Экономический кризис 1989 года в Аргентине усилил процесс, начатый последней диктатурой (1976–1983 годы), который демократическое

правительство решить не смогло, а ограничило лишь посредством нескольких экономических решений. Тогда произошел перелом объединенной школьной системы образования, произошла децентрализация, тем самым сократившая бюрократизм и облегчила доступ к общим проектам нации. Чтобы лишить государство легитимности, необходимой для введения системы образования, в контексте влияния частного сектора на образование, был сделан акцент на сохранение единого центра управления, единую модель педагога, и все это неразрывно связано с судьбой государства.

Выводы

У истоков современной нации в Аргентины стоял язык (абстрактный и однородный), подверженный влиянию интеллектуальной элиты, построенный в соответствии с шаблонами письменности. Такая форма кастильского языка построила общее понятие национального языка, выбранного для современного национального государства, позволила создать условия для установления отношений между гражданами и государством, выступавшим в качестве высшего органа управления. Всенародное обсуждение языка в 1900 году в Аргентине происходит в форме противостояния между литературным идеалом и языком гаучо, преподнесенному преимущественно в устных формах. Это также отражает противоречия между просвещенным поколением и последующим поколением популизма *gosas*, воплощение атрибутов устной и письменной речи соответственно. Более того, в начале двадцатого века под влиянием иммиграции во всех социальных классах начались многочисленные исследования в языковой практике. Тогда появились понятия языковых форм, записанных и соответствовавших правилам, которые считались чертами правильного и хорошего поведения. И нормы против устных традиций, которые связывали и отождествляли с варварством. Модели письменности, пришедшие с испанского полуострова, американские проекты и, в особенности, позиция носителей национального языка вошли в сознание жителей страны. Начала крепнуть связь между устным разнообразием речи и национальным самосознанием. По этим причинам легче объяснить особенности отношения аргентинцев к испанскому языку. В конце двадцатого века мы становимся свидетелями того, что национальное государство уступает место новой общине, ориентирующейся на нейтрализации различий, их устранении, на поощрении личностного фактора. Однако, переход от начал сотворения нации к настоящему времени оставил неизгладимый след в сознании аргентинцев, особенно в средних и низших классах, где было так широко языковое разнообразие. Центральное место занимает вопрос переосмысления позиции языка, занимаемой в национальном отношении, рассматриваемой в политическом аспекте. Переосмысление этой модели приводит к выводу, что язык является национальной чертой, выполняет функции инструмента государства в качестве передатчика лингвистических значений языковой политики посредством образования, особенно школьного. В этом контексте рынок принял на себя основную роль посредника между обществом и государством. В политическом неолиберальном контексте рынок свободно навязывал свои идеологические формулировки. С испанского языка пришли формулировки о стоимости земли, ее владельцах, территориях. В настоящее время мы лишены территориальных границ, тем самым имеем возможность разместить принципы выгодного языкового продукта повсеместно.

Проблема состоит в том, чтобы разместить посредством продуктов правильное лингвистическое сознание, соответствующее различным особенностям регионов. Рынок поощряет универсальный язык и презирает марки и бренды, являющиеся региональными, продающими не позиционирующие себя товары. В

Аргентине, благодаря многочисленным иностранным презентациям и представительствам, под влиянием национальных проектов и разработок, существует законодательство поощряющее интернационализацию товара без потери национальных черт. Хосе Луис Мур видит в этом проблему чистоты языка, утверждая, что он не может быть заменен другим, что необходимо вести политику языкового разнообразия, и говорит: «решения, если таковые еще возможно принять, являются далеко не простыми. Необходимо внедрять национальные стандарты, разрабатывать общие требования и решения по существующим проблемам. Необходимо выполнять предпродажный контроль» [10, с. 277].

Библиографический список:

1. *Altamirano, Carlos Y Beatriz Sarlo* (1983): Ensayos Argentinos. De Sarmiento A La Vanguardia. Buenos Aires: Ceal.
2. Alvar, *Manuel* (1986): Hombre, Etnia, Estado. Madrid: Gredos.
3. *Arnoux, Elvira* (1999): «El Discurso Normativo En Los Textos Gramaticales De Andres Bello» En E. Arnoux Y R. Bein (comps.) Practicas Y Representaciones Del Lenguaje. Buenos Aires: Eudeba, 37–61.
4. *Bello, Andres* (1995): Gramatica De La Lengua Castellana Destinada Al Uso De Los Americanos. Caracas: La Casa De Bello. [Ultima Edicion, 1860]
5. *Blanco, Mercedes Isabel* (1985): «Actitudes Linguisticas En La Primera Mitad Del Siglo Xix En La Argentina» En Cuadernos Del Sur 18, Diciembre: 131–149.
6. *Borges, Jorge Luis* (1928): El Idioma De Los Argentinos. Buenos Aires: M. Gleizer Editor.
7. *Carricaburo, Norma* (1999): El Voseo En La Literatura Argentina. Madrid: Arco/Libros.
8. *Fontanella De Weinberg, Ma. Beatriz* (1987): El Espanol Bonaerense. Cuatro Siglos De Evolucion Linguistica (1580–1980). Buenos Aires: Hachette.
9. *Gonzalez Stephan, Beatriz* (1995): «Disciplinas Escriturarias De La Patria: Constituciones, Gramaticas Y Manuales», Revista De Investigaciones Literarias, Ano 3, No 5. Caracas, 19–46.
10. *Moure, Jose Luis* (2004): «Norma Linguistica Y Prescripcion En La Argentina: Una Historia Imperfecta» En Boletin De La Real Academia Espanola, Tomo Lxxxiv, Cuaderno Ccxc, 255–279.
11. *Pinkasz, Daniel* (1993): «Escuelas Y Desiertos: Hacia Una Historia De La Educacion Primaria En La Provincia De Buenos Aires» En Adriana Puiggorros (dir.) La Educacion En Las Provincias Y Territorios Nacionales. Buenos Aires: Galerna, 13–58.
12. *Quesada, Ernesto* (1899): «El Problema De La Lengua En La America Espanola» En Revista Nacional, Tomo Xxix. 53–63 Y 121–136; Tomo Xxviii, 239–257 Y 373–389.
13. *Rosenblat, Angel* (1991): «Las Generaciones Argentinas Del Siglo Xix Ante El Problema De La Lengua», Estudios Dedicados A La Argentina, Tomo Iv. Caracas: Monte Avila, 83–125.
14. Sarmiento, Obras Completas, Buenos Aires, Imp. Mariano Moreno, 1909.
15. Verdevoye, Paul, Domingo Faustino Sarmiento, Educar Y Escribir Opinando (1839–1852), Buenos Aires, Plus Ultra, 1988.

Н. В. Дутова

Забайкальский государственный университет, старший преподаватель кафедры международного права и международных связей (672039, г. Чита, ул. Петрозаводская, д. 46)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ВЫДЕЛЕНИЯ ПРОСОДИЧЕСКОГО ЯДРА В РЕЧИ ГЕНДЕРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье представлены результаты экспериментального исследования взаимодействия невербальных средств функционирующих в речи гендерной языковой личности на уровне просодического ядра, рассмотрены русские, английские, китайские особенности сочетания просодических средств с кинесическими, визуальными, тактильными, проксемными компонентами коммуникации, определены национальные приоритетные способы выделения просодического ядра в зависимости от гендерных особенностей лингвокультуры, типа ситуации, канала связи.

просодическое ядро; просодия; гендерная языковая личность; невербальное средство коммуникации; гендерный тип лингвокультуры; маскулинные, фемининные ценности

Настоящее исследование посвящено гендерному аспекту невербального коммуникативного поведения в межкультурной коммуникации. Внимание сфокусировано на изучении лингвокультурных особенностей взаимодействия невербальных средств функционирующих в естественной речи гендерной языковой личности на уровне просодического ядра. В частности, в исследовании рассматриваются правила и конвенции сочетания просодии с невербальными средствами для выделения просодического ядра в речи гендерной языковой личности через призму национальных ценностей, гендерных особенностей, коммуникативной ситуации, социального статуса и канала связи.

Прежде чем перейти к анализу результатов исследования, обратимся к понятию «гендерная языковая личность». В данном исследовании гендерная языковая личность рассматривается в аспекте коммуникации, как среднестатистический полотиципизированный маскулинный или фемининный тип личности, обладающий всеми характеристиками языковой личности. Гендерная языковая личность – это обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций (В. В. Карасик, 2002) [1]. Более того, гендерная языковая личность – это социальное явление, в котором присутствует индивидуальный аспект, формирующийся через внутреннее отношение к языку и становление личностных языковых смыслов, которые в свою очередь влияют на становление языковых традиций лингвокультуры (В. А. Маслова, 2001) [2]. Будучи носителем определенной лингвокультуры, гендерная языковая личность аккумулирует и передает национально-культурный опыт из поколения в поколение. Процесс накопления и передачи национально-культурных норм и ценностей происходит во время коммуникативного взаимодействия, которое возможно в условиях совместного функционирования вербальных и невербальных средств.

Согласно данным проведенного исследования, наибольший процент комплексного выделения просодического ядра получило в однополой мужской паре во всех исследуемых лингвокультурах, независимо от принадлежности к гендерному типу. Причем в китайской мужской паре (м→м) количество комплексного выделения просодического ядра самое высокое – 67%. Для сравнения в английской мужской паре (м→м) данное значение составляет 42%, в русской мужской паре (м→м) – 39%, почти в два раза ниже, чем в китайской. Среди русских, английских, китайских однополых женских пар (ж→ж) наиболее активны в отношении комплексного выделения просодического ядра русские женщины. По данным исследования в однополой русской женской паре (ж→ж) значение комплексного выделения просодического ядра составляет 24%, в английской однополой женской паре данный процент в 4 раза меньше 6,5% и в 6 раз меньше в китайской однополой женской паре 4%. В разнополой м→ж паре, где женщина является адресатом, а мужчина исполнителем жеста наибольшая частота использования комплексного выделения просодического ядра зафиксирована в английской лингвокультуре – 33%. Процентное содержание комплексного выделения просодического ядра в м→ж паре в китайской и русской лингвокультурах приблизительно одинаково – в китайской лингвокультуре 23%, в русской – 22%. В разнополой ж→м паре, где адресатом является мужчина, а женщина исполнитель невербального жеста наибольший процент комплексного выделения просодического ядра наблюдается в английской лингвокультуре. В русской ж→м паре данное значение составляет 21%, в китайской – 15%.

Таким образом, согласно исследованию, китайские мужчины в м→м паре наиболее активно выделяют просодическое ядро с использованием просодии и какого-либо невербального средства коммуникации. Менее всего активны в этом отношении китайские женщины в ж→ж паре. В коммуникации м→ж пары наиболее активны английские мужчины и менее всего активны русские мужчины. В коммуникации ж→м пары наиболее активны английские женщины и менее всего активны китайские женщины.

Для русской гендерной языковой личности более всего характерно комплексное выделение просодического ядра в м→м паре. Процент комплексного выделения просодического ядра несколько ниже в ж→ж паре. Наименьший процент использования комплексного выделения просодического ядра в ж→м паре. Что касается английской гендерной языковой личности, то наибольший процент комплексного выделения просодического ядра зафиксирован в м→м паре. Далее в порядке убывания по количеству комплексно выделенных просодических ядер следует м→ж пара. Третье место по частоте употребления комплексно выделенных просодических ядер занимает ж→м пара. Наименьший процент комплексно выделенных просодических ядер зарегистрирован в ж→ж паре. Китайская гендерная языковая личность также в данном вопросе проявляет национальную специфику. Самый высокий процент употребления комплексного выделения просодического ядра выявлено в м→м паре. Частота употребления комплексно выделенных просодических ядер в м→ж в 3 раза ниже, чем в вышеуказанной паре. Ж→м пара отмечена низким процентом использования комплексно выделенных просодических ядер. Самый низкий процент в данном отношении зафиксирован в ж→ж паре.

Сочетание просодии с каким-либо одним невербальным средством коммуникации в качестве способа выделения смыслового слова больше свойственно китайской коммуникации в м→м паре. В 60% случаев комплексного выделения смыслового слова китайские мужчины предпочитают именно этот способ выделения просодического ядра. Далее по частоте встречаемости сочетания просодии

с каким-либо одним невербальным средством выступает английская коммуникация в м→м паре. 39% от общего количества комплексно выделенных просодических ядер в м→м паре в английской лингвокультуре выделены вышеуказанным способом. На третьем месте по частоте использования просодии с каким-либо одним невербальным средством выступает русская коммуникация в м→м паре. Данный способ выделения просодического ядра в м→м паре в русской коммуникации занимает 33%. 30% просодических ядер выделены посредством просодии и одного невербального средства в английской коммуникации в м→ж паре. В 21% просодических ядер данный способ выделения смыслового слова распространен в китайской лингвокультуре в м→ж паре, 20% в английской коммуникации в ж→м паре. Немного меньше 19% в русской коммуникации в ж→ж и м→ж паре, 18% в русской лингвокультуре в ж→м паре. 12% в китайской коммуникации в ж→м паре, 5% в английской лингвокультуре в ж→ж паре. Наименьшее количество просодических ядер (3,7%) выделены посредством просодии и одного невербального средства в китайской коммуникации в ж→ж паре. Таким образом, независимо от гендерного типа лингвокультуры мужчины всех трех рассматриваемых лингвокультур показывают большую активность в употреблении комплексного выделения просодического ядра с использованием просодии и какого-либо одного невербального средства. Причем самый высокий процент зафиксирован в коммуникации между китайскими мужчинами. Меньше всего между русскими мужчинами. И, тем не менее, данный способ наиболее характерен мужской коммуникации любой исследуемой лингвокультуры. Меньше всего данный способ выделения смыслового слова характерен для женщин. В английской и китайской коммуникациях в ж→ж паре, в русской коммуникации в ж→м паре. Среди гендерных языковых личностей женского пола, большую активность проявляют русские женщины в ж→ж паре. Почти в четыре раза активность английских женщин в данном вопросе ниже и примерно в пять раз реже китайские женщины используют данный способ выделения смыслового слова. Что касается коммуникаций ж→м пары, то исследование показало, что английские женщины наиболее активны в отношении английских мужчин, на 2% от них отстают русские женщины и на 8% китайские женщины. Сравнивая коммуникацию гендерных языковых личностей русской, английской, китайской лингвокультур в м→ж паре, нужно отметить, что выделение просодического слова с помощью просодии и одного невербального средства чаще используется в английской коммуникации, на 9% ниже в китайской коммуникации и на 11% ниже в русской коммуникации. Подводя итог, нужно отметить, что в вопросе сочетания просодии с одним невербальным средством для выделения смыслового слова отмечается универсальная тенденция – независимо от гендерного типа лингвокультуры мужчины показали большую активность, чем женщины. Разницу в процентном содержании считаем национальной лингвокультурной спецификой, зависящей от приоритета маскулинных или фемининных ценностей. Так, в русской фемининной лингвокультуре разница в процентном содержании просодических ядер, выделенных посредством просодии и одного невербального средства в м→м и ж→ж парах составляет 14% в пользу м→м пары. В английской маскулиной лингвокультуре данная разница составляет 34%. В стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре данная разница еще больше – 56,3%. Более того, независимо от гендерного типа лингвокультуры, русские, английские и китайские мужчины показали большую активность в отношении не только однополого коммуниканта, но и коммуниканта противоположного пола. Иными словами, количество просодических ядер, выделенных посредством просодии и одного невербального средства

в м→ж паре во всех исследуемых лингвокультурах выше, чем в ж→м паре. Следует отметить, что разница в процентном содержании относится к разряду национально-специфичных. Наименьшая разница (1%) зафиксирована в русской фемининной коммуникации, (9%) в склонной к гендерной гармонии китайской коммуникации, (10%) в английской маскулинной коммуникации.

Гендерная языковая личность всех рассматриваемых лингвокультур независимо от пола и принадлежности лингвокультуры к тому или иному гендерному типу использует просодию с двумя и более разными невербальными средствами много реже. Самая высокая частота использования данного способа выделения просодического ядра составляет 7% в китайской коммуникации в м→м паре. В 5% просодических ядер просодия сочетается с двумя и более невербальными средствами в русской коммуникации в м→м паре. 4% смысловых слов выделены данным способом в русской коммуникации в ж→ж паре. 3% просодических ядер выделены посредством просодии и двух и более невербальных средств в русской коммуникации в м→ж паре, в английской коммуникации в м→ж и м→м паре. 2,7% в китайской лингвокультуре в ж→м паре, 2% в английской коммуникации в ж→м паре, в китайской лингвокультуре в м→ж паре. 1,8% в английской коммуникации в ж→ж паре. 1% просодических ядер выделен посредством просодии и двух и более невербальных средств в русской лингвокультуре в ж→м паре. В китайской коммуникации в ж→ж паре такой вид выделения смыслового слова не зафиксирован. Таким образом, вышеуказанный способ выделения просодического ядра показывает свою активность среди мужчин независимо от гендерного типа лингвокультур. Причем, в русской и китайской коммуникациях мужчины чаще используют данный способ в отношении другого мужчины, чем женщины. Специфика английской коммуникации заключается в равном использовании указанного типа выделения просодического ядра как в м→м паре, так и в м→ж паре. Что касается женщин, то самыми активными в отношении сочетания просодии с двумя и более невербальными средствами в ж→ж паре являются русские женщины. Активность английских женщин в ж→ж паре в этом отношении в два раза меньше, китайки в ж→ж паре вообще не употребляют данное средство в качестве способа выделения смыслового слова. Положение меняется в корне в коммуникации ж→м пары во всех исследуемых лингвокультурах. Наибольшую активность использования просодии и нескольких невербальных средств коммуникации проявляют китайские женщины, русские женщины оказываются на последнем месте.

Что же касается типа ситуации, то здесь также наблюдается национальная специфика, зависящая от гендера. В нейтральной ситуации наибольший процент (32%) комплексного выделения просодического ядра наблюдается в китайской коммуникации в м→м паре. 12% просодических ядер зафиксировано в м→ж паре в китайской и английской лингвокультурах. 10% в английской коммуникации в м→м паре, 8,5% в английской коммуникации в ж→м паре, 7% в русской коммуникации в м→м паре, 6,3% в русской коммуникации в ж→ж паре, 6% в русской коммуникации в ж→м паре, 5% в русской коммуникации в м→ж паре, 4% в китайской лингвокультуре в ж→м паре, 3,4% в английской коммуникации в ж→ж паре, 1,7% в китайской лингвокультуре в ж→ж паре.

Таким образом, в нейтральной ситуации комплексное выделение просодического ядра чаще всего встречается в китайской однополой коммуникации между мужчинами. Тогда как наименьший процент использования комплексного выделения просодического ядра зафиксирован в китайской лингвокультуре – в коммуникации между китайскими женщинами. Существенно то, что китайские женщины проявляют активность в два раза больше в коммуникации с мужчи-

ной, чем с женщиной. Тогда как китайские мужчины почти в три раза больше воздействуют на коммуниканта – мужчину, чем на коммуниканта – женщину. В сравнении с русской фемининной коммуникацией в нейтральной ситуации разница в процентном содержании не столь велика. И, тем не менее, русские мужчины проявляют большую активность в сочетании просодии с невербальными средствами коммуникации при выделении просодического ядра. Так же как и в китайской коммуникации, между русскими мужчинами наблюдается выше активность воздействия, чем между мужчиной и женщиной, где мужчина выступает исполнителем жеста, а женщина адресатом. Однако в отличие от китайских женщин, русские женщины проявляют большее воздействие на женщину, чем на мужчину. Английская маскулиная специфика состоит в том, что мужчина оказывает большее воздействие на женщину в нейтральной ситуации, чем на мужчину, или чем женщина на мужчину. В свою очередь, английская женщина проявляет большую активность в коммуникации с мужчиной, а не с женщиной, как, например, русская женщина. В эмоциональной ситуации во всех лингвокультурах наблюдается увеличение процентного содержания комплексно выделенных просодических ядер. Исключение составляет китайская коммуникация в м→ж паре. Процентное содержание (12%) комплексно выделенных просодических ядер в данной коммуникации сохраняется. Так же как и в нейтральной ситуации наибольший процент (37%) использования комплексно выделенных просодических ядер наблюдается в китайской коммуникации в м→м паре. 31% комплексно выделенных просодических ядер посредством просодии и невербальных средств зафиксирован в английской и русской коммуникации в м→м паре. Далее процентное содержание комплексно выделенных просодических ядер в исследуемых лингвокультурах распределилось следующим образом: 21% в английской лингвокультуре в м→ж паре, 17% в русской коммуникации в м→ж и ж→ж паре, 14% в русской и английской лингвокультурах в ж→м парах, 12% в китайской лингвокультуре в м→ж паре, 10,5% в китайской коммуникации в ж→м паре, 3,6% в английской коммуникации в ж→ж паре, 2% в китайской лингвокультуре в ж→ж паре.

Следовательно, посредством комплексного выделения просодического ядра чаще всего эмоции выражают китайские мужчины в отношении мужчин. По сравнению с ними активность русских и английских мужчин несколько ниже. И, тем не менее, русские и английские мужчины в эмоциональной ситуации активнее сочетают просодию с невербальными средствами для выделения просодического ядра, чем русские и английские женщины. Более высокая активность мужчин во всех рассматриваемых лингвокультурах независимо от принадлежности к гендерному типу зафиксирована в коммуникации, как в отношении мужчин, так и в отношении женщин. Чаще всего посредством просодии и невербальных средств выделяют смысловое слово в эмоциональной ситуации русские женщины в ж→ж паре. Что не является удивительным и легко объясняется фемининным качеством – открытая эмоциональность. Равную эмоциональность, согласно исследованию, показывают русские и английские женщины в коммуникации с мужчинами. Что же касается женской однополой коммуникации, то английские женщины ближе к китайским женщинам с разницей в 1,6%. В отношении мужчин в эмоциональной ситуации английские и китайские женщины показывают активность в 4-5 раз выше.

Итак, можно сделать вывод, что, несмотря на лингвокультурные, гендерные невербальные особенности русской, английской, китайской гендерной языковой личности, данное исследование показало наличие универсальных черт. Независимо от пола гендерной языковой личности, а также от принадлежности гендер-

ной языковой личности к лингвокультуре того или иного гендерного типа, ведущим средством комплексного выделения просодического ядра является сочетание просодии с каким-либо одним невербальным средством коммуникации. Кроме того, любая гендерная языковая личность независимо от пола в эмоциональной ситуации использует комплексное выделение смыслового слова чаще, чем в нейтральной ситуации. Гендерная языковая личность мужского пола любой изучаемой лингвокультуры проявляет большую активность в комплексном выделении смысловых слов, чем гендерная языковая личность женского пола. Русские, английские, китайские мужчины чаще употребляют комплексное выделение просодического ядра, как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуации, сочетая просодию как с одним невербальным средством, так с двумя и более невербальными средствами. В русской, английской, китайской м→м коммуникации зарегистрировано самое большое количество комплексно выделенных просодических ядер. Более того, независимо от гендерного типа лингвокультуры русские, английские и китайские мужчины показали большую активность в отношении не только однополого коммуниканта, но и коммуниканта противоположного пола. Иными словами, количество просодических ядер, выделенных посредством просодии и одного невербального средства в м→ж паре во всех исследуемых лингвокультурах выше, чем в ж→м паре. Гендерная языковая личность всех рассматриваемых лингвокультур независимо от пола и принадлежности лингвокультуры к тому или иному гендерному типу используют просодию с двумя и более разными невербальными средствами много реже.

Таким образом, мужчины всех исследуемых культур показали большую активность в выделении просодического ядра посредством просодических параметров и невербальных средств. Следовательно, независимо от того, какие ценности преобладают в лингвокультуре, какие лозунги провозглашают о равенстве полов, по данным исследования, женщины любой изучаемой лингвокультуры проявляют маргинальность по отношению к мужчинам.

Библиографический список:

1. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
2. *Маслова В. А.* Введение в лингвокультурологию: Учеб. пособие. Москва: Изд-во Наследие, 1997.

А. К. Бойко

Южный федеральный университет, аспирант кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике (344018, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 33; тел.: (8632) 72-67-52; info@sfnedu.ru)

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК МОДЕЛЬ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ
В АНГЛИЙСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Отмеченные в данной статье стилистические преобразования предполагают модели намеренной игры слов, которые деавтоматизируют внимание собеседников на оценочном смысле, поскольку нарушают узуальные модели построения словоформ и устойчивых единиц. При актуализации оценочного смысла подобные модели задействуют, как правило, вторичное значение производящих словоформ, в результате которого спонтанно «изобретается» окказиональное слово, трансформацию фразеологических сращений (идиом), значения которых в контексте текущего общения уточняются актуальными оценочными смыслами. Стилистические средства языка формируют потенциальный источник для речевого творчества собеседников в диалогической коммуникации. Очевидно, что подобная форма творчества отличается спонтанностью проявления.

языковая игра; трансформация устойчивых единиц; метафора; гипербола; окказиональные слова

В процессе диалогического взаимодействия собеседники не только обмениваются актуальной информацией. Как правило, они придают аффективные контуры тому, что является предметом разговора, в той или иной степени делают логический акцент на характере отношений с партнером по коммуникации, интенсивности проявляемых чувств, оценочных смыслах. Данные прагматические особенности диалогической коммуникации ярко проявляются в разнообразных стилистических преобразованиях языкового материала, в том числе в языковой игре.

Тот факт, что каламбур является не столько специфической, сколько распространенной характеристикой диалогической коммуникации можно, как представляется, объяснить стремлением собеседников заполнить паузу в общении, усилить фатический контакт с партнером в момент возникновения некоторой неопределенности в текущих речевых взаимоотношениях. Г. Кук выдвигает точку зрения, согласно которой языковая игра является характерной особенностью дискурса, в котором язык используется с целью заполнения коммуникативного пространства между требуемой от собеседников активности. При этом исследователь подчеркивает, что узуальное общепринятое значение обладает неутилитарной природой [6, с. 198].

В процессе обсуждения той или иной тематики собеседники проявляют рефлексивную функцию, порожденного каламбуром, что, в свою очередь, придает общению динамический характер, поскольку предполагает активное участие в текущем коммуникативном процессе (в интерпретации произведенного юмористического эффекта) как говорящего, так и слушающего. В частности, в примере (1) собеседники вовлечены в игру. Оптимальная интерпретация шутки, произнесенной одним из партнеров по коммуникации, зависит от способности другого собеседника декодировать референцию на известный сериал (Star Trek), а имен-

но на тот факт, что герои сериала в определенный момент приближаются к самой крайней точке космического пространства.

Каламбур в данном случае актуализуется словом *frontier* и сочетанием *front ear* (референция на необычные уши, которыми обладал один из героев сериала). Ср.:

(1) “– *Hey. Who’s telling this joke? Who’s telling this joke?*” *He gave her a wink with a laugh. – He’s got a left ear, he’s got a right ear and he’s got a final frontier. – Frontier. Yes. – I think it is funny anyway...*” [2, с. 127].

Приведем еще два примера:

(2) “– *Now I think you’d better start the rice. – Yes. What have you got there? Will it all fit in the one? – No, we’ll have to do two separate ones. – What next? Foreign body in here. What is it? – It’s raisins. – Oh, rice with raisins, is it? – No, it’s not supposed to be. There must be a raisin for it being in there*” [5, с. 89];

(3) “– *Oh, yes. I mean they all eager to get on it, you know. They were really forward to being the chosen ones. And he was one of the ones who called up and he getting ready to go and the Chief Petty Officer came back and said no. It’s a mistake. – We’ve got one extra. – And he was a bit disappointed and he went back carried on with what he was doing and the boat sailed out and was torpedoed and all hands lost. – By a German ship. – Oh, yes. Everyone died. – Anyway all hands lost, but legs saved. – Do you remember? – Well, sailors were always getting legless, weren’t they? – Finding their sea legs. – Yes*” [4, с. 67].

Эффектом речевого сотворчества, проявляемого собеседниками в процессе диалогической коммуникации (2), (3), становится наиболее распространенная форма языковой игры. Комическая оценочная идентификация изюма номинацией *foreign body*, обыгрывание звуковых оболочек словоформ *raisin / reason* в примере (2), обыгрывание словоформы *hand*, а также словоформы *leg* в устойчивом выражении *find your sea legs* (в значении *to get the ability to walk easily on a moving ship and not to feel sick at sea*) и в словоформе *legless* (в значении *unable to stand up или find your legs as a result of being drunk*) в примере (3) предстают проявлениями языковой игры собеседников, смысловой неоднозначности, на основе которой разворачивается диалогическая коммуникация.

Необходимо также отметить, что в примере (3) обыгрывается метонимическое значение словоформы *hands*, которая в совокупности со словоформой *legs* образует в данном общении гипонимическую модель. Очевидно, что собеседники спонтанно обыгрывают отмеченные выше формы, задействуют для этих целей непосредственный контекст общения для моделирования комического оценочного эффекта.

В рамках диалогической коммуникации обыгрывание актуализуемых собеседниками значений осуществляется также в форме гиперболы. Прагматической основой обыгрывания в этом случае становятся факты контекстуального подобию метафорических и идиоматических сочетаний. При этом модели гипербол предполагают наличие следующих компонентов:

– квантификаторов, передающих неопределенное количество посредством: численности (*dozens of, scores of, thousands of, millions of*); выражений пространственного измерения (*yards of, miles of, tons of*); выражений, обозначающих большое количество (*heaps of, loads of, stacks of*); выражений, обозначающих объем (*buckets of, truck / lorry of, oceans of*); выражений с темпоральной семантикой (*hours of, centuries of*);

– определений, в значении которых обнаруживается сема *big*: *gigantic, enormous, massive, vast*;

– глагольных словоформ *to be covered in, to be dying of, to be up to one's eyes in*;

– наречий с интенсифицирующим значением *literally, nearly / almost*.

Собеседники прибегают к гиперболе с целью выражения оценки предметам или явлениям, произвести комический эффект или придать общению неформальный характер, а также поддержать внимание слушающего субъекта к излагаемым событиям. При моделировании гиперболы собеседники, как правило, совместно порождают значение преувеличения, производят эффект преувеличения посредством уточнения каких-либо деталей, связанных с предметом, представленным в преувеличенном виде. Ср.:

(4) “*I am getting so many millions of crow's feet round my eyes. – I think it's the ozone layer cracking up and it's making your skin get really wrinkled*” [11, с. 91];

(5) “*Well, all the cars are like that. Every vehicle is twice the size of its equivalent in Britain. – Yes, lorries are huge. The cars and trucks are massive. You don't realize until very occasionally you see a Britain type care and it's minuscule*” [10, с. 38];

(6) “*If you get behind Jim in the photocopying queue, you can wait for hours and hours, quite literally, you know*” [5, с. 13];

(7) “*Titchy little bag. – Titchy, yes. It's got tons of stuff in it though*” [7, с. 24].

Как свидетельствуют примеры, на уровне диалогической речи гипербола часто сопровождается другими стилистическими средствами, например, метафорами, устойчивыми сочетаниями, лексемами с интенсифицирующим значением, что, в свою очередь, индивидуализирует реализуемую ими оценку.

Языковая игра на уровне диалогической коммуникации может быть также проиллюстрирована аналогичным образом примерами (8)-(10), в которых обыгрываются языковые единицы, превышающие по своему объему отдельную словоформу. Ср.:

[Две подруги обсуждают поспешное замужество общей знакомой, а также тот факт, что в результате постоянной неверности отношения между супругами оказываются холодными].

(8) “*– ... he's at it again, but he really wants, you know, just to sit down... – Like they just talk about how they both feel... – Out of the frying pan into the deep freeze this time...*” [8, с. 31];

[Две коллеги по работе обсуждают третью коллегу, которая слишком интересуется личной жизнью других людей].

(9) “*– I don't know, but she seems to have picked up all kinds of lame ducks and traumas along the way. – That that's her vocation. – Perhaps it is. She should have been a counselor. – Yes, but the trouble with her is she puts all her socialist carts before the houses...*” [1, с. 24];

[Два студента беседуют о квартиродателе своего общего друга].

(10) “*– Yes, he must have a bob or two. – Whatever he does he makes money out of it just like that... – Bob's your uncle. – He's quite a lot of money tied up in the property and things. He's got a finger in all kinds of pies and houses and stuff. A couple in Bristol, one in Cleveland, I think...*” [12, с. 117].

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, как собеседники экспромтом:

(8) обыгрывают метафорические значения словоформ *hot* и *cold*, расширяют их речевой смысл (при негативной характеристике чувств, испытываемых объектом, который выступает предметом обсуждения) одновременно с актом творческого трансформирования фразеологического сращения (*out of the frying pan into the fire – out of the frying pan into the deep freeze*);

(9), (10) наделяют фразеологические сращения новыми моделями с введением новых компонентов в устойчивое словосочетание с целью контекстуально требуемой точной негативной характеристики объекта обсуждения: *she puts all her socialist carts before the horses* (исходная форма: *don't put the cart before the horses*), *he's got a finger in all kinds of pies and houses and stuff* (исходная форма: *he's got a finger in every pie*). В примере (10) также актуализуется «фонетическая реверберация» между словоформой *bob*, выступающей обязательным компонентом сращения *a bob or two*, и сращением *Bob's your uncle*, что, в свою очередь, придает диалогической коммуникации образный характер.

При этом реагирующая реплика, содержащая выражение *Bob's your uncle* в семантическом плане фактически дублирует значение реплики-стимула (*just like that*). Оценочный смысл реализуется собеседниками не через узуальные значения, а посредством речевых образов, возникающих в результате творческих трансформаций, обыгрывания устойчивых выражений. Очевидно, что устойчивость фразеологических сращений рассматривается собеседниками как возможность для речевого пере моделирования в определенных оценочных целях. В общении появляется некая недосказанность, которая с легкостью преодолевается собеседниками.

Примеры (8)-(10) иллюстрируют, как участники диалогической коммуникации порождают новые значения посредством переформулирования устойчивых словосочетаний. Появляющиеся в диалогической речи собеседников окказиональные выражения функционируют в оценочных целях, как оценочный комментарий относительно поведения лица, не участвующего в разговоре. При этом творческие способности собеседников ярко проявляются в речевом преобразовании моделей конвенциональных сочетаний слов и их узуальных значений.

В рамках диалогической коммуникации, как свидетельствуют примеры (8)-(10), трансформирование устойчивых сочетаний задействуется собеседниками не в целях описания кого-либо или чего-либо, а для оценочного (чаще всего негативного) комментирования относительно некоторых событий, процессов, людей. Характеристики, моделируемые в результате трансформации идиом, оказываются, как правило, критичными, нелюбезными. Возможно поэтому данные характеристики используются собеседниками в отношении лиц, непосредственно не присутствующих в разговоре, а также неодушевленных предметов.

Согласно нашим наблюдениям, в сферу креативной коммуникативной деятельности говорящего и слушающего попадают также модели построения слов, а именно их речевое преобразование, в результате которого появляются окказионализмы, значение которых без труда выводится из контекста текущего общения. Например:

[Две молодые учительницы обсуждают композицию письма, написанного в налоговую инспекцию с целью получить некоторую информацию].

(11) “– *I've done the letter. – Right. – But it's a bit bloody abrupt. It's quite sort of... – That's fine. – Are you sure? – Yes, you don't want to feel crawly, do you? – No, it's not crawly, is it? It's all right if I want this information, isn't it? – Yes...*” [13, с. 84].

Производящей основой для окказионализма *crawly* становится глагол *to crawl* в значении *to be unnecessarily flattering or sycophantic*. Очевидно, что в данный момент общения говорящий субъект не может подобрать необходимое слово для точной передачи требуемого значения, а поэтому «изобретает» слово на основе модели существующих слов как своеобразный механизм преодоления паузы в диалоге. «Изобретенное» слово находит поддержку у слушающего (ко-

торый повторяет его в своей реплике-реакции), что свидетельствует о том, что значение этого слова моментально им определяется, выводится из контекста текущего общения, рассматривается им как мотивированное потребностями диалога.

Творческое обращение с морфологическим уровнем языка, речевое обыгрывание деривационного потенциала слов выявляет языковую компетенцию собеседников в игровом использовании производящих основ и словообразовательных суффиксов, за счет которого интенсифицируется искомое значение, актуализуется требуемый в рамках данного общения оценочный смысл. Приведем еще несколько примеров:

[Одна из собеседниц занята приготовлением ужина и просит другую принести ей тарелку].

(12) “– *You said you wanted the little ones as well. Want the little ones? – Not really... sort of salad... that fruit bowl would be ideal*” [3, с. 43];

[Говорящий субъект описывает свое представление о новомодных шнурках].

(13) “– *They're well sort of like lycra, elasticky sort of stuff...*” [9, с. 203].

Производящей основой для оценочных окказиональных прилагательных в данных примерах выступают нейтральные в отношении стилистической окраски существительные. Оценка окказиональных слов возникает в контексте текущей диалогической коммуникации.

Обыгрывание морфологического уровня языка может также сопровождаться референциями культурно-сатирического характера. Ср. следующий пример, в котором хозяйка дома извиняется перед гостями за то, что у нее не хватило собственноручно выращенных овощей для приготовления обеда:

(14) “– *And so I'm afraid we're a bit short of challenged greenwise. – Greenly challenged. – We're greenly challenged... So sorry about that*” [14, с. 187].

В данном случае в речи говорящего и слушающего встречаются оценочные окказионализмы *greenwise* и *greenly*, которые косвенно содержат культурную референцию на такие выражения, как *visually challenged*, *physically challenged*, которые, в свою очередь, являются эвфемизмами для обозначения слепых и недееспособных членов общества. Интересно отметить, что оценочный комический эффект, порождаемый данными словоформами, моделируется обоими собеседниками (окказионализмы задействуются как в реплике-стимуле, так и в реплике-реакции). Возможно, это оказывается возможным за счет того, что собеседники обладают сходным фондом культурных знаний: языковая игра, начатая первым собеседником, мгновенно поддерживается вторым собеседником. Общение приобретает непринужденный характер, вследствие оценочного творчества усиливается фатический контакт между участниками диалога. При этом второй собеседник, поддерживая языковую игру, начатую первым собеседником, интенсифицирует актуализуемое в реплике-стимуле оценочное значение.

Таким образом, в рамках диалогической коммуникации действенными оказываются модели формирования стилистических средств, окказиональных слов и модели творческого преобразования устойчивых фразеологических единиц. При этом языковая игра собеседников нацеливается на аффективное выражение оценки, составляющей их точку зрения на тот или иной объект действительности. В диалогической коммуникации обнаруживается, как правило, сотворчество собеседников, нежели акты индивидуальных креативных инноваций языкового материала.

Произведенный нами анализ фрагментов выявляет следующие прагматические особенности диалогической коммуникации:

1) инновационный характер повседневной диалогической речи, которая отличается определенной поэтической направленностью;

2) языковая игра производится, как правило, в комических целях, что дает возможность избежать пауз в общении и порождает унисон в речевом взаимодействии собеседников;

3) творческое обращение с языковым материалом предопределяется контекстуальным параметром, неформальным характером общения;

4) модели намеренной игры слов на уровне отдельных словоформ и устойчивых выражений формируются, как правило, в рамках двух диалогических реплик – стимулирующей и реагирующей.

Библиографический список:

1. *Andersen S.* Baby Don't Go. NY., 2011.
2. *Beckenham J.* Romeo for Hire. NY., 2004.
3. *Blisse V.* Vanilla with Extra Nuts. NY., 2011.
4. *Brockmann S.* Seal Team ten. NY., 2010.
5. *Cabot M.* Evety Boy's Got One. NY., 2007.
6. *Cook G.* Language Play in English // Using English: From Conversation to Canon. L., 1996.
7. *Cordero L.M.* Natalie. NY., 2010.
8. *Donovan S.* Knock Me off My Feet. NY., 2008.
9. *James C.* Dirty Little Lies. NY., 2010.
10. *Laska R.* Black Heat. NY., 2010.
11. *Laurens S.* The Peculiar Case of Lord Finsbury's Diamonds. NY., 2011.
12. *Much K.* Bella Street. NY., 2007.
13. *Roberts S.H.* Play. NY., 2008.
14. *Santiago N.* Bad Apple. NY., 2012.

С. В. Мирзоян

Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры иностранных языков, кандидат исторических наук, доцент

С. В. Пахаренко

Северо-Кавказский федеральный университет, ассистент кафедры иностранных языков

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО УСВОЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

В статье рассматривается процесс ассимиляции заимствованных слов, выделяются важнейшие критерии заимствованной лексической единицы. В статье также подчеркивается, что включаясь в лексико-семантическую систему языка-рецептора, заимствования подчиняются общим законам этой системы, т.е. они могут расширять свою смысловую структуру, включаться в семантические поля и синонимические ряды языка-рецептора.

заимствование; лексическое значение; структурно-семантический анализ; лексическое усвоение заимствований; функционально-стилистический аспект усвоения заимствований; коннотативная ассоциация

Исследование контактов между языками определенно приводит нас к выводу, что заимствование слов – естественный и необходимый результат подобных контактов. Это один из каналов пополнения лексики новыми словами (наряду с созданием их на основе внутренних словообразовательных – корневых и не аффиксальных – ресурсов языка и посредством семантических изменений).

Интересно проследить, как же проникает иностранное слово в язык, как закрепляется в нем, что способствует, или напротив, препятствует его вхождению в речевой оборот. Мы рассмотрим лишь основные этапы, которые проходит иноязычный элемент на пути его укоренения в языке [3, с. 74].

1. Начальный этап – употребление иноязычного слова в тексте в его исконной орфографической (а в устной речи – фонетической) и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции, в качестве своеобразного вкрапления.

Разумеется, далеко не всякое иноязычное слово, употребленное в качестве вкрапления в текст, с течением времени осваивается языком. Многие писатели, общественные деятели, дипломаты, ученые прошлого, хорошо зная европейские языки – французский, английский, немецкий, итальянский (плюс к этому латынь и древнегреческий, основательно изучающиеся в гимназиях и лицеях), свободно обращались к иноязычному лексическому материалу.

Конечно, это не всегда означает, что авторы не могли найти подходящих слов в родном языке, что иноязычное слово точнее передавало определенный смысл, – скорее, это свидетельствовало о хорошем знакомстве пишущего с иным языком и иной культурой, об отсутствии своеобразного порога, превращающего иную культуру и иной язык в чужие и даже чуждые. В диалогах же и вообще в речи персонажей иноязычные вкрапления служат характеристикой изображаемого лица, его языковых привычек, уровня культуры и т. п. [3, с. 75–76].

2. Второй этап освоения иноязычного слова – приспособление его к системе заимствующего языка: транслитерация или транскрипция (toast-beef превращается в ростбиф, affectation – в аффектацию и т. д.), отнесение к определенной части речи с соответствующим морфологическим и (иногда) словообразовательным оформлением. Даже когда слово не вполне освоено грамматической системой языка (например, существительное не склоняется, а прилагательное еще и не изменяется по родам: депо, шимпанзе: хаки, плиссе), при своем употреблении в составе предложения оно подчиняется синтаксическим нормам заимствующего языка.

Теряя внешние признаки иноязычности (и, с другой стороны, приобретая новые для себя свойства, «навязываемые» системой воспринимающего языка), слово начинает употребляться не как вкрапление, а как более или менее органичный элемент русского текста.

Иногда же слово хоть и осваивается, но не в том или не совсем в том значении, в каком оно употреблялось в начале своего появления в языке. Таково, например, слово пальто. Сейчас оно обозначает верхнюю одежду, одежду «для улицы» (ср. словосочетания осеннее пальто, зимнее пальто), а в середине XIX в. оно употреблялось в значении «сюртук», что ближе к французскому оригиналу (paletot) [3, с.76].

Будучи вполне освоенным фонетической и грамматической системами языка, имея определенное значение, иноязычное слово, тем не менее, может восприниматься говорящими как чужое или, во всяком случае, не вполне привычное для национального языкового сознания.

3. Когда носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова, оно теряет сопроводительные сигналы и комментарии и начинает употребляться «на равных» с другими словарными единицами родного языка. Однако в этом употреблении могут сохраняться жанрово-стилистические, ситуативные и социальные особенности: слово, например, оказывается более употребительным в одних стилистических условиях и почти не встречается в других, тяготеет к определенным типам коммуникативных ситуаций, характеризует речевую практику лишь некоторых социальных групп и т. д.

Интересно, что те или иные узуально-стилистические или социальные ограничения в употреблении иноязычного слова отражаются на характере и степени его освоения в воспринимающем языке. Так, имеющие узкую сферу употребления, книжные или специальные слова и термины сохраняют иноязычные черты в течение более длительного времени, чем слова неспециальные, употребляющиеся более широко и часто. Это касается, прежде всего, фонетических особенностей слов и их словообразовательной активности.

4. Адаптация иноязычного слова в языке может проходить еще один этап – утраты жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей. Это происходит далеко не всегда: многие иноязычные элементы являются специальными терминами и качестве таковых сохраняют достаточно узкую сферу употребления; кроме того, слова, взятые из других языков, могут оставаться приметами словоупотребления определенной среды.

На этапе выхода иноязычного слова за рамки специальной сферы или какой-либо социальной среды окончательно формируется его семантика. Разумеется, и на предшествующих этапах оно употребляется, как правило, в достаточно определенном смысле, однако еще возможны последовательные во времени смещения в значении, колебания и варианты в его осмыслении (так было, например, в начале употребления англицизма бульдозер: этим словом называли то нож, которым эта машина ровняет землю, то саму машину с таким ножом) и т. п.

Стабилизация значения – один из факторов, определяющих судьбу заимствования в языке. Важный компонент этого процесса – семантическая дифференциация исконных и заимствованных слов, близких по смыслу и употреблению [3, с.78].

Стабилизация семантики происходит как в словах, ситуативно-стилистически или социально ограниченных по своему употреблению, так и в общеупотребительных. При снятии ограничений, при переходе слова в общий речевой обиход могут происходить семантические изменения, обусловленные расширением его связей с другими словами. Это можно видеть на примере специальных терминов, выходящих за пределы чисто профессионального употребления.

5. Регистрация иноязычного слова в толковом словаре – завершающий этап его освоения: ведь подавляющее большинство словарей являются нормативными, их словник состоит из наиболее регулярно употребляющихся, укоренившихся в языке лексических средств. Поэтому факт фиксации слова в толковом словаре сам по себе знаменателен: он указывает на то, что слово признается принадлежащим лексико-семантической системе данного языка.

Не только заимствования, но и вновь образованные исконные лексические единицы (в частности, все неологизмы приспособляются /адаптируются) к лексико-семантической системе языка, ее семантическим, словообразовательным и прочим отношениям. Этот процесс, называемый нами адаптацией лексических единиц, рассматривается как начальный этап их функционирования в лексической системе языка.

Вопрос о лексическом усвоении заимствований является частью более универсальной проблемы адаптации различных по своей этимологии лексических единиц, возникающих в процессе языкового развития, к существующей лексико-семантической системе языка. Вскрыть закономерности адаптации слов иноязычного происхождения, значит установить особенности их лексического усвоения, выявив как общие черты этих двух процессов, тесно связанных между собой, так и их специфику.

Указываются некоторые различия в адаптации исконных и заимствованных элементов к лексико-семантической системе языка (внутренняя немотивированность последних, отсутствие у них живых связей с языковым материалом, а, следовательно, развитых коннотативных ассоциаций, их структурная неразложимость или наличие в них морфем, явно иноязычного происхождения и др.), которые в известной мере обуславливают более замедленные темпы адаптации заимствований в сравнении со словами исконного происхождения.

В основу рассмотрения вопроса об адаптации и лексическом усвоении заимствований берется их соотношение с исконными элементами со сходной денотацией внутри определенных синонимических рядов. Устанавливаются 2 аспекта адаптации и лексического усвоения заимствований: А) семантический; Б) функционально-стилистический [4, с. 125].

Семантический аспект определяется связями заимствований с исконными словами по линии пересечения сходных значений, их местом внутри определенного семантического ряда или смысловой сферы (семантического поля). С точки зрения семантического усвоения устанавливаются две группы заимствований: а) слова, передающие новые для данного языкового коллектива реалии, исконные лексические эквиваленты которых отсутствовали в момент заимствования. Ко второй группе относятся слова, которые выражают эти реалии с разных сторон, либо отличаются друг от друга своей эмоциональной окрашенностью и стилистической отнесенностью при совпадении денотативных компонентов их значе-

ний. Для заимствований второй группы при установлении полноты семантического аспекта усвоения берутся такие признаки, как способность анализируемого слова быть выразителем определенной реалии, сходство или расхождение денотативного или коннотативного компонентов значения заимствованных и исконных лексем.

Функционально-стилистический аспект усвоения заимствований определяется в первую очередь важностью выражаемых ими реалий, потребностью использования иноязычных лексем в коммуникативных целях, т. е. факторами внелингвистическими. Однако от внелингвистических факторов следует отличать особенности данного аспекта усвоения заимствований, находящие свое лингвистическое выражение в особенностях функционирования иноязычных слов в лексической системе языка и характеризующиеся определенными объективными показателями: суммарной частотностью использования заимствований, их распределением частотности, т. е. количеством текстов, в которых они зафиксированы, количеством авторов, употребляющих эти слова, возможностью их использования в определенном языковом стиле, например, в нейтральном. Функционально-стилистический аспект усвоения является ведущим и в значительной мере определяет скорость и полноту других аспектов лексического усвоения заимствований.

Определение формальных критериев полноты лексической ассимиляции заимствований дает возможность выделить внутри каждого аспекта три уровня адаптаций (высший, средний, низший) и 4 ступени усвоения иноязычных слов: заимствованное слово может быть неувоенным, частично усвоенным, не полностью усвоенным, усвоенным (в отношении каждого аспекта в отдельности и целом).

При этом используются объективные показатели функционирования заимствований в лексической системе языка и устанавливаются определенные соответствия между уровнями и степенями усвоения иноязычных лексем. Введение определенных числовых показателей, характеризующих полноту адаптации и усвоения заимствований, дает возможность формализовать данные процессы, установить соотношение между их различными аспектами, которое зачастую оказывается весьма сложным, и определить особенности лексического усвоения иноязычных элементов на разных этапах развития языка [4, с.129].

Термин «ассимиляция заимствований», широко применяемый в лингвистической литературе, употребляется и при диахронном, и при синхронном изучении заимствованной лексики. Одни лингвисты используют этот термин для обозначения тех изменений, которым подвергаются иноязычные элементы в новой языковой системе (В. П. Секирин, И. Ф. Жданова и др.), другие понимают его как степень приближения заимствованного слова к свойствам исконного слоя лексики языка (И. М. Крейн). Использование одного и того же термина для обозначения таких разных понятий, как процесс преобразования и результат этого процесса, место, в словарном составе, нельзя признать правомерным. Во избежание смешения разных подходов к рассмотрению заимствований, диахронного, и синхронного, мы будем пользоваться терминами «процесс ассимиляции» и «степень ассимиляции».

Различие в сущности рассматриваемых явлений связано с различием в объеме и методике исследования. Изучение степени ассимиляции тех или иных заимствований в каком-то языке предполагает сопоставление основных характеристик каждого иноязычного слова (звуковой формы, морфологической и семантической структуры и пр.) с характерными чертами исконных слов заимствующего языка. Необходимым предварительным условием исследования по-

добного рода является выделение известного доказательного минимума исконной лексики и описания ее характерных свойств, которые будут в дальнейшем выступать в роли эталона при определении степени усвоения рассматриваемых элементов [1, с. 126].

В процессе ассимиляции заимствований, на наш взгляд, следует различать два этапа, рассмотрение которых требует разного подхода.

Первый этап включает изменения, происходящие в иноязычном слове в момент его проникновения в заимствующий язык. Так, характерным явлением первого этапа в преобразовании семантической структуры многозначного иноязычного слова нужно считать заимствование его в одном значении. Типичным преобразованием морфологической структуры иноязычного слова в период заимствования является опрощение, т. е. утрата морфологической членности.

Второй этап ассимиляции охватывает преобразования, имеющие место в ходе дальнейшего развития слова в заимствующем языке. В области лексической ассимиляции, например, этот этап, характеризуется постепенным расширением семантической структуры, развитием новых значений, расширением сферы употребления, приобретением гнезда производных и сложных слов.

Исследование первого этапа процесса ассимиляции заключается в сопоставлении первоначальных характеристик заимствования с характерными чертами его этимона. Разумеется, достоверность анализа может быть обеспечена только при условии сопоставления синхронных форм и строжайшего учета истории того и другого языка. Это требование связано с тем, что иноязычное слово с самого проникновения в заимствующий язык теряет связь со своим этимоном и развивается независимо от него, «самостоятельно», включаясь в новую языковую систему. Поскольку возникшие таким образом две самостоятельные лексические единицы развиваются в каждом языке по своим законам, с течением времени они все дальше расходятся в своих основных чертах.

При изучении второго этапа ассимиляции необходимо сопоставление первоначальных характеристик заимствования в новой языковой системе с его последующими формами, значением и пр., а также сравнение этих последующих преобразований с изменениями, происходящими в исконных словах.

Исследование процесса ассимиляции сталкивается с решением еще одного сложного вопроса – о границах этого явления, о том, какие изменения заимствований следует рассматривать как их ассимиляцию [2, с. 127].

Исследователи преобразований иноязычных слов нередко относят все фонетические, грамматические и пр. изменения к процессу ассимиляции. Однако не все изменения, происходящие в заимствованной лексике, можно рассматривать как ее приспособление к новой языковой системе.

Если подчинение заимствования нормам языка является во всех случаях частью процесса ассимиляции, то развитие того или иного иноязычного слова по законам, действующим в заимствовавшем языке, далеко не всегда можно расценивать как вовлечение слова в данную языковую систему, как проявление ассимиляции. Думается, что распространение действия законов языка на еще не полностью ассимилированное слово, особенно в начальные этапы его жизни в новой языковой системе, нужно рассматривать как свидетельство вовлечения заимствования в данную систему. Однако когда иноязычное слово уже отвечает всем нормам языка, процесс его ассимиляции следует считать завершенным, и, следовательно, дальнейшее развитие такого слова согласно законам языка нелогично рассматривать как процесс его ассимиляции [2, с. 128].

Интересно было бы изучить соотношение подчинения заимствований нормам языка и развития их по законам данного языка с разными этапами процесса

ассимиляции. Можно высказать предположение, что первый этап ассимиляции заключается, как правило, в подчинении иноязычных слов нормам языка, тогда как для второго этапа характерно развитие по законам данного языка, хотя подчинение нормам также может иметь место, поскольку некоторые слова в течение известного времени сохраняют свои иноязычные особенности и лишь позже приводятся в соответствие с нормами заимствующего языка.

Темпы процесса ассимиляции и его длительность различны в разных случаях. Одни слова быстро получают право гражданства в языке, другие в течение долгого времени продолжают занимать положение чужеродных элементов. Логично было бы сделать вывод, что чем выше темпы ассимиляции, т. е. чем интенсивнее проходит преобразование заимствования в новой языковой системе, тем меньше длительность процесса ассимиляции, тем скорее оно будет вовлечено в систему языка. Действительно, при более высоких темпах ассимиляции слова быстрее наступает его полное усвоение. Однако нельзя забывать того, что разные заимствования, проникшие в тот или иной язык, противоречат его нормам в разной мере и, следовательно, требуют разной степени преобразования для приведения в соответствие с ними. Расчлененное изучение степени ассимиляции и разных этапов процесса ассимиляции с выделением общих и специфических черт рассматриваемых явлений, дальнейшее совершенствование методики исследования дадут возможность глубже проникнуть в сущность и закономерности этой важной области развития языков.

Библиографический список:

1. *Князева Г. Ю.* Понятие ассимиляции заимствований и методика ее исследования. // Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. V. М., 1970.
2. *Князева Г. Ю., Родова Л. Н.* Описание лексико-семантической системы языков посредством их сопоставительного изучения // Научная конференция. Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов. Ч. I (16–18 ноября 1971 г.). М., 1971.
3. *Крысин Л. П.* Этапы освоения иноязычного слова // РЯШ. 1991. № 2.
4. *Секирин В. П.* Адаптация заимствованных слов к лексико-семантической системе английского языка и особенности их усвоения в ней // Научная конференция. Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов. Ч. II (16–18 ноября 1971 г.). М., 1971.
5. *Турдуматова Э. В.* Об акцентной структуре заимствованных слов / Некоторые проблемы германской филологии. Межвуз. сборник научных трудов. Пят.: Изд-во ПГЛУ, 2000.

Д. Я. Гордиенко

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», старший преподаватель кафедры иностранных языков для экономических специальностей (344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69; тел.: (8632) 40-55-48; main@rsue.ru)

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС КАК ОТПРАВНАЯ ТОЧКА РАССУЖДЕНИЙ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ПРОБЛЕМАМ ГЛОТТОГЕНЕЗА

В статье рассматривается прагматическая специфика риторического вопроса, который задействуется лингвистом-исследователем как аргумент выражения предложения читателю признать некую пропозицию в качестве отправной точки рассуждений. В этом случае имеет место стратегически маркированное утверждение, сообщающее о непроблематичном характере данного авторского предложения. Предложение автора текста принять некую пропозицию в качестве отправной точки изыскания по проблемам глоттогенеза потенциально может быть выражено имплицитным способом. Это имеет место в том случае, когда отправная точка рассуждений манифестируется утверждением, согласно которому данная пропозиция должна быть принята читателем в указанной функции, а сам автор признает, что читатель априорно принял эту пропозицию в качестве начальной точки рассуждений.

научный текст; глоттогенез; риторический вопрос; отправная точка рассуждений; аргументативная функция

Согласно нашим наблюдениям, эксплицитная форма предложения принять некоторую пропозицию в качестве отправной точки рассуждений содержится в начале текста или отдельного параграфа, посвященного более частному аспекту проблемы глоттогенеза. В этом случае автор, как правило, кратко излагает свою позицию относительно рассматриваемой проблемы, критически освещает точку зрения, актуализованную в изысканиях других лингвистов. Ср.:

(1) «Исследование происхождения человеческого языка невозможно без изучения коммуникативных систем животных – иначе мы не сможем выделить ни то новое, что появилось у человека по сравнению с животными, ни те полезные для развития языка свойства, которые к началу его эволюции уже имелись. Неучет факторов такого рода ослабляет выдвигаемые гипотезы. Например, Т. Дикон отводит ключевую роль в происхождении языка употреблению знаков-символов... но поскольку способность к их употреблению обнаруживают и многие животные..., на роль главной движущей силы глоттогенеза пользование символами не годится» [1, с. 206]; (2) «Если следовать теории происхождения первичного языка на Ближнем Востоке, то надо было бы представить себе, что носители хамитских языков (и других африканских языков), должны были бы после «изобретения» первичного языка на Ближнем Востоке, вернуться туда, где родились их предки, передав еще немалым африканским охотникам, которые не покидали родины, свой первичный язык. Такая модель появления языка вряд ли может быть принята» [2, с. 11].

Косвенно представленная просьба принять актуализованную пропозицию в качестве отправной точки рассуждений является более частотным явлением. Указанная просьба, направленная читателю, может быть, в частности, выражена косвенным речевым актом со структурой риторического вопроса, предполагающего

только утвердительный ответ. Риторический вопрос в этом случае служит средством указания на то, что автор моделирует неявно выраженное предположение читателю принять пропозицию в качестве отправной точки для последующей дискуссии по спорному вопросу. Так, в примерах (3)–(4) запрашиваемая отправная точка рассуждений задействуется автором текста как аргумент против мнения, которого придерживается другой лингвист в отношении рассматриваемой проблемы.

(3) «*Language is the vehicle of the mind, but sometimes it is a creaking wagon. Linguist Driek van Wissen impressed that profundity upon us many years ago. **But isn't it true that creaking wagons last longer? Isn't it true that language and material need to be in motion?***» [3, с. 287]; (4) «*In trying to understand the biological roots of human language, researchers have naturally tried to find its "beginnings." The regular onset timing and structure of vocal babbling – the "bababa" and other repetitive, syllabic sounds that babies produce – have led researchers to conclude that babbling represents the "beginning" of human language acquisition... But is that "babbling" determined by the development of the anatomy of the vocal tract and the mechanisms subserving the motor control of speech production?*» [4, с. 237].

В английском научном дискурсе смягченной риторической иллюкцией обладает вопрос *do you remember that?* Если автор запрашивает читателя, помнить ли он некоторые факты, то это означает – непосредственно в совокупности с другими текстуальными и контекстными индикаторами, – что отправная точка рассуждений содержится выше по тексту. Ср.:

(5) «*Do you remember that Carey discusses this range of findings with sensible perplexity based on her supposition that "the concept color is definitionally and developmentally primitive by anybody's account"? We agree. But the fact is that color terminology is hard to acquire...*» [5, с. 187].

Очевидно, что в этом случае автор не только напоминает читателю некоторую информацию из предшествующего хода научного дискурса, но и использует эту информацию в качестве аргумента для доказательства своей точки зрения. В результате читатель призван вывести такое заключение, какое было априорно запрограммировано автором текста и которое, по мнению автора, исходно могло не совпадать с авторским мнением.

Языковыми элементами, которые фактически смыкаются с прямыми директивными актами, реализующими иллюкцию предложения рассматривать некоторый текстуальный сегмент в качестве отправной точки рассуждений, предстают вопросы *Do we agree that...? / Можем ли мы согласиться, что... и Do you agree with me that...?* В примере (6), который предстает частью рассуждений автора об уровне коммуникативной компетенции млекопитающих, являющемся фактором исследования языковой способности человека.

Вопрос, вводимый начальным элементом *Do we agree that...?*, задействуется автором как предложение читателю рассматривать данный сегмент текста в качестве отправной точки рассуждений о сигнально-опосредованном поведении:

(6) «*The first two steps of this sequence do not involve the communicating organisms' intersubjective "sharing" of a referential world, but they do require orientation toward, or social referencing of, a communication partner either as a source of information or as an actor whose behavior can be influenced. This level of communicative competence is probably widespread among mammals. **Do we agree that it is the underpinning complex signal-mediated social behaviors?** Not only communication between conspecifics, but also communication between humans and domesticated or working animals such as dogs, horses, and elephants, often seems to involve an understanding on the part of the domesticated animal that the human can both send and receive signals*» [6, с. 226].

В примере (7) вопрос, вводимый элементом *Можем ли мы согласиться, что...?*, актуализуется автором исследования в целях поддержания читательского внимания к отправной точке рассуждений о способности к символизации у высших обезьян:

(7) «Итак, неволя мобилизует то, что А. Н. Северцов назвал «запасным умом». **Но можем ли мы согласиться с тем, что способность к символизации у высших обезьян проявляется в природе? Приходится вспомнить о старой параллели между культурой и неволей...**» [7, с. 38].

Согласно нашим наблюдениям, риторические вопросы, являющиеся средством реализации рассматриваемой аргументативной стратегии автора, достаточно часто включают такие сегменты, как *then / тогда, besides / кроме того, after all / в конце концов* и – в англоязычном научном дискурсе – разделительные вопросы *isn't it?, is it?* Некоторые из данных сегментов указывают на тот факт, что риторические вопросы, в рамках которых они реализуются, сигнализируют о начале авторских рассуждений по заявленной проблематике, осложненных субъективными коннотациями.

Так, сегмент *then / тогда* передает нетерпение автора выразить свою точку зрения, неудовлетворение автора относительного того, как данная проблема интерпретировалась другими специалистами в данной области исследования. Подобная коннотативная нагрузка сегмента *then / тогда* обнаруживается как в пропозиционной части разделительного риторического вопроса, так и во второй части сложного вопросительного утверждения, вводимого союзом *if / если*. В последнем случае анализируемый сегмент также реализует функцию прояснения того, что содержание второй части вопроса со структурой сложного предложения является следствием того, о чем говорится или имплицитно подразумевается в первой части. В (8) риторический вопрос, включающий *then*, выражает неудовлетворенность автора состоянием рассматриваемой проблемы в современной лингвистике. В (9), (10) актуализуется риторический вопрос, в котором *then* предстает индикатором авторского умозаключения. Ср.:

(8) «*Is it true that the shape of a K-II move includes not just some words spoken but also the position or office of the speaker and the context of the speaking then, according to modern theories?*» [8, с. 163]; (9) «*If the chronological scope of this approach is compared with those of Jakob Grimm and Ferdinand de Saussure, then why does the reversal of the trend in the discipline become evident?* » [9, с. 204]; (10) «*Если по отношению к рассматриваемому здесь случаю наблюдатель употребит фразу «особь А посылает знак угрозы особи Б», тогда можно ли ее интерпретировать в зависимости от эмпатии либо как «особь А защищает себя или свою территорию от особи Б», либо как «особь А наносит оскорбление (бросает вызов) особи Б?»*» [10, с. 76].

Когда наречие *then / тогда* задействуется для выражения авторского умозаключения, риторический вопрос моделирует точку зрения автора на рассматриваемую проблему. В данном случае наречие демонстрирует тот факт, что часть утверждения, в которой оно актуализуется, моделирует заключение из той информации, которую читатель уже принял из предшествующего хода текста. А поэтому он в равной степени призван принять и это умозаключение автора без каких-либо возражений.

Данное умозаключение, как представляется, можно рассматривать и как точку зрения автора, и как отправную точку для читательского поддержания авторского мнения. Например, (9) может быть трансформирован в следующее утверждение: *The reversal of the trend in the discipline is not evident for it's proved by the chronological scope suggested by Jakob Grimm and Ferdinand de Saussure*; (10) трансформируется в такое утверждение, как *Если по отношению к рассматриваемому здесь случаю наблюдатель употребит фразу «особь А посылает знак угрозы особи Б», тогда ее можно интерпретировать в зависимости от эмпатии либо*

как «особь А защищает себя или свою территорию от особи Б», либо как «особь А наносит оскорбление (бросает вызов) особи Б.

Если наречие *then / тогда* задается для выражения неудовлетворенности автора текущим состоянием рассматриваемого вопроса в современной науке, то риторический вопрос также семантизирует авторскую точку зрения:

(11) «*Little is known about the use of motivated signs by apes in the wild but it is difficult to imagine that the iconic gestures used by Kubie when communicating with Zura, or those used by bonobos during copulation, would be possible unless they reflected behavior that is also used in the wild. Does the use of motivated signs by captive apes reflect **then** the behavior of apes in their natural habitat?*» [11, с. 81]; (12) «*It looks, again, as if all that psycholinguists have done is come up with the obvious (although it is probably true to say that hindsight makes the results of any scientific endeavour seem obvious). But, **then** may be obvious the view that we access the mental lexicon on the basis of how we access a dictionary like the OED?*» [12, с. 118]; (13) «Коммуникативный процесс, по выражению Б. В. Якушина, первичен по отношению к языку, он является материальной базой языка как системы... Почему же **тогда** у гоменид потребность в коммуникации достигла такого уровня, что тех средств ее удовлетворения, которые достались им в наследство от предшествующей стадии развития, оказалось недостаточно?» [13, с. 50].

Риторический вопрос в данном случае может быть интерпретирован как косвенная форма выражения авторского мнения (Например, в (11): *The use of motivated signs by captive apes reflect **then** the behavior of apes in their natural habitat*). Однако его можно с трудом интерпретировать в качестве неявного предложения читателю принять данную позицию как начало авторских рассуждений по рассматриваемой проблематике.

В отличие от актуализаций наречия *then / тогда* в риторическом вопросе, использование выражения *after all* или «вопроса-хвостика» в рамках данного типа вопроса, как правило, служит средством маркирования отправной точки рассуждений, но не мнения автора по определенной проблеме. Риторический вопрос с компонентом *after all* по определению служит началом авторских рассуждений. В разделительных риторических вопросах дело обстоит несколько иначе. Попробуем объяснить почему.

Разделительные вопросы как в обиходном общении, так и научном стиле речи иницируются, как правило, для запроса информации ради запроса информации. Ср.:

(14) «*Two relationships that are characteristic of most preurban societies would, when taken together, give a clear selective advantage to high language ability, wouldn't they?*» [11, с. 81]; (15) «*From psycholinguistic studies, there is extensive evidence for the representation of discrete conceptual categories, isn't there?*» [14, с. 190].

В (14) автор признает тот факт, что читатель уже согласился с информацией, утверждаемой риторическим вопросом. Более того, он актуализует выводное знание, которое читатель призван «извлечь» из высказывания после признания указанной информации: факт, что высокая коммуникативная компетенция формируется еще в период до образования городов. В (15) аналогичное выводное знание не актуализуется в когнитивном сознании читателя. Если принять во внимание контекст, в котором употребляется утверждение, то выводное знание оказывается неясным: какие факторы определяют репрезентацию дискретных концептуальных категорий в психолингвистических исследованиях. Автор подразумевает, что читатель априорно знаком с данными исследованиями.

Но в большинстве случаев собранной нами картотеки риторический вопрос, сопровождаемый «вопросом-хвостиком», все же служит средством выражения

авторской точки зрения. Подобное наблюдение проливает свет на тот факт, что «вопрос-хвостик» способствует выражению в тексте авторского отношения к представляемым фактам и закономерностям, прямо или косвенно связанным с проблемой происхождения языка. Ср.:

(16) «*It's too crazy for words that we came all this way for nothing, isn't it?*» [9, с. 209]; (17) «*In fact, we assume in the following that there is a continuity between communicative functions in animals and man and that the reference to the ecology, in which the animal / human lives, is basic for all types of communication. It is rather the high level of sophistication which makes honey-bees and humans comparable, isn't it?*» [9, с. 46]; (18) «*The studies on human infants reviewed earlier indicated that before they begin to communicate about objects and events in the external environment, infants convey information about their affective state. Human adults also communicate nonlinguistically about affective state, don't they? And one of the primary arenas for such communication occurs in infant-directed speech...*» [15, с. 488].

В общем, риторический вопрос, к которому присоединяется «вопрос-хвостик» выражает точку зрения автора, если данное высказывание является реакцией на утверждение некоторых лингвистов по рассматриваемой в тексте проблематике, которое выражает противоположное мнение. Например:

(19) «*The skeptic can cite the lack of art and relatively static stone toolkit – along with their eventual demise when modern humans moved into Europe – as evidence that they were just as backward and unsophisticated as the common “caveman” image portrays...But the truth is somewhere between, the basic plausibility of the whole continuum is what makes the Neanderthals such a contentious topic for paleoanthropologists, isn't it?*» [16, с. 270].

Поскольку утверждение, имплицитруемое риторическим вопросом, косвенно отрицает то, что сообщается в предшествующем высказывании и отражает мнение некоторых скептически настроенных лингвистов, сам риторический вопрос можно рассматривать как форму выражения несогласия автора с данными лингвистами, негативной авторской точки зрения.

Компонент *rather*, сопровождающий риторический вопрос, как правило, также служит средством маркирования начала авторских рассуждений, особенно если этот вопрос вводится союзом *or*. В данном случае повествовательное высказывание, непосредственно предшествующее риторическому вопросу выражает авторскую точку зрения. Ср.:

(20) «*The spatial nature of gesture allows far more diverse possibilities for iconic communication and pantomime than is possible with speech, or is the capacity for iconicity rather the unique leading reason to see gestures but not speech as an easy route into a language like communication system?*» [16, с. 212]; (21) «*In one of his discussions of human language, Wittgenstein (1953: 387) remarked, ‘the deep aspect of this matter readily eludes us’. We believe this remark applies to placement; a feature of language that rarely is observed, because it constitutes the deep dimension of language. Is it possible to acquire full language in this cultural sense, or at least this opportunity is rather limited?*» [17, с. 57]; (22) «*Observing the imitator achieving the same goal in a more efficient way in turn might cause the model to imitate the new movement of the former imitator. Is this type of creativity based on the decoupling of ends and means or rather on mutual imitation? Still it probably plays a very important role in the evolution of culture and technique...*» [18, с. 109].

В данном отношении компонент *rather* выполняет ту же функцию, что «вопрос-хвостик» в примерах (14)–(19). Другими словами, в иллокутивном плане данные компоненты выступают как синонимы.

Если риторический вопрос задействуется автором научного текста в качестве аргументативного выражения предложения принять некую пропозицию в функции отправной точки рассуждений, то перед нами фактически стратегически маркиро-

ванное утверждение, в рамках которого принятие этого предложения репрезентировано как непроблематичное, как факт. Прагматическая природа иллюстрации предложения фактически является идентифицируемой только в форме риторического вопроса. Вместе с тем, предложение автора научного текста принять некую пропозицию в качестве отправной точки исследования может быть выражено настолько неявным способом, что иллюкативная природа данного предложения оказывается не до конца ясной. Это имеет место, в частности, когда автор научного текста выражает отправную точку своих рассуждений не посредством риторического вопроса, а прибегает к утверждению, что данная пропозиция должна быть принята читателем в указанной функции. В данном случае автор научного текста априорно признает, что читатель уже принял эту пропозицию в качестве начальной точки рассуждений.

Библиографический список:

1. *Бурлак С. А.* Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М., 2011.
2. *Маловичко А. В., Козырский В. Г.* Моногенез языка (эссе-гипотеза) // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. 2007. № 1.
3. *Baldwin D.A.* The Rise of Intentional Understanding in Human Development // The Evolution of Language out of Pre-language. Amsterdam/ Philadelphia, 2002.
4. *Petitto L.A.* On the Biological Foundations of Human Language // The Signs of Language Revisited: An Anthology in Honour of Ursula Bellugi and Edward Klima. Mahway, NJ., 2000.
5. *Landau B., Gleitman L.R.* Language and Experience: Evidence from the Blind Child. Cambridge, MA, 1985.
6. *Sinha Ch.* The Evolution of Language: From Signals to Symbols to Systems // Evolution of Communication Systems. A Comparative Approach. Cambridge, MA, London, England, 2004.
7. *Козинцев, А. Г.* Происхождение языка: Новые факты и теории // Теоретические проблемы языкознания. Спб., 2004.
8. *Millikan R.G.* Language. A Biological Model. Oxford, 2005.
9. *Wildgen W.* The Evolution of Human Language: Scenarios, Principles, and Cultural Dynamics. Amsterdam / Philadelphia, 2004.
10. *Монич Ю. В.* Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // Вопросы языкознания. 1998. № 1.
11. *Burling R.* The Talking Ape. How Language Evolved. Oxford, 2005.
12. *Altman G.T.M.* The Ascent of Babel: An Exploration of Language, Mind, and Understanding. Oxford, 1997.
13. *Вишняцкий Л. Б.* Происхождение языка: современное состояние проблемы (взгляд археолога) // Вопросы языкознания. 2002. № 2.
14. *Tallerman M.* Initial Syntax and Modern Syntax: Did the Clause Evolve from the Syllable? // Language Origins. Perspective on Evolution. Oxford, 2005.
15. *Hauser M.D.* The Evolution of Communication. Cambridge, MA, London, England, 2000.
16. *Tecumseh Fitch W.* The Evolution of Language. Oxford, 2010.
17. *Segardahl P., Fields W., Savage-Rumbaugh S.* Kanzi's Primal Language: The Cultural Initiation of Primates into Language. NY.: Palgrave Macmillan, 2005.
18. *Wohlschläger A., Bekkering H.* The Role of Objects in Imitation // Mirror Neurons and the Evolution of Brain and Language. Amsterdam / Philadelphia, 2002.

А. В. Кузнецов

Московский педагогический государственный университет, доцент кафедры лексики и фонетики немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент (119571, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, д. 88)

ФОНЕТИЧЕСКИЙ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВНИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье описываются основные лингвистические особенности немецкоязычной коммуникации в Интернете.

немецкий язык; Интернет-коммуникация

Описание языковых особенностей Интернет-коммуникации представляется логичным производить в соответствии с различными уровнями системы языка: фонетическим (фонетико-графическим), лексическим, морфологическим, и синтаксическим, как это делается в работах почти всех исследователей [3, с. 25].

Так, Л. Ю. Щипицина указывает, что многие исследователи общения в Интернете отмечают наличие в Интернет текстах различных жанров множества графических соответствий фонетическим явлениям спонтанной непосредственной речи: редукции звуков, слиянию слов и другим случаям небрежности произношения.

Для описания признаков устного общения в языковом оформлении общения в Интернете П. Шлобински и Т. Зивер выработали следующую классификацию [4, с. 20]:

– **редукция звуков и букв (Tilgung):**

*Ich **brauch** mich hier nicht zu rechtfertigen, ich bin im Internet was **mach** ich bloß immer falsch alle rennen sie mir davon...:*
*ich **lach** mich **grad** so weg ^^*

– **редукция, сопровождаемая стяжением слов (Klitisierung):**

*früher fand ich milka gut, aber die haben meine beiden liebingsorten eingestampft... das ist immer so... wenn ich was mag **gibts** das bald net mehr*

– **ассимиляция:**

total peinlich heut morgen
ich hab ja das auto von nem kollegen bis morgen
ich total übermüdet und fertig heut morgen ins auto
*setz mich rein und denk "wtf die **ham** mir das lenkrad geklaut"*
hab dann bemerkt das ich auf der rückbank sass ;

М. С. Романовой была разработана более детальная классификация фонетико-графических признаков устного общения в Интернет-коммуникации [2, с. 36–51], в которую входят:

1) Апокопы безударного личного окончания глаголов с редуцированным гласным в 1-м лице единственного числа:

*am anfang **dacht** ich auch dass ich dann immer nen kasten daheim **hab** falls ich mal lust aufm bier haben sollt^^*

2) Аферезы в формах неопределенного артикля:

*gestern zu **ner** kollegin gesagt sie soll abendessen holen... und was bringt sie? bier...*

3) Синкопа в глагольных формах и прилагательных на –en с редуцированным гласным:

Warn heute mit der Schule in Nürnberg... In der Stadt gab es einen 1-Euro-Shop. Am Ausgang ein dickes Schild "Diebstahl lohnt nicht !" xD xD xD

4) Слияние глагола с личным местоимением в единственном числе, с частотным преимуществом слияния форм глагола и местоимения во втором лице:

Heute war Christine krank und net inner Schule und ich sitz deshalb ganz vorn in Englisch

*Lehrer: "Na, **haste** dich hochgearbeitet?"*

5) Фиксация вокализированного неслогового /r/ по аналогии с естественным звучанием в устной речи:

1. *Ich fühl mich voll blue*

2. *Wie?*

1. *Letzents saß ich mit meinem **Vadda** am Essenstisch **alda** und hab dann übel rumgezaubert.*

2. *Jo*

6) Ассимиляция в глаголах в 1-м или 3-м лице множественного числа:

1. *haste morgen zeit wir **ham** ne überraschungsparty geplant für dich*

2. *ich wusst schon immer das du nit helle bist*

К особым фонетико-графическим средствам Интернет-коммуникации Л. Ю. Щипцина относит также имитацию графическими средствами некоторых просодических явлений [3, с. 130–131]:

– **передача пауз с помощью многоточий:**

so.... da bin ich

stürmische begrüßung?

kein beifall ? kein trommelwirbel? kein buffet? keine schönen frauen?dann bin ich halt wieder afk

– **передача повышенного тона написанием слова или всей фразы заглавными буквами:**

1. *Allerdings hör' ich auf dem rechten Ohr nur noch die Hälfte.*

2. *Oo*

2. *Na dann werd' ich rech**HTS** EINFACH LAUTER TIPPEN.*

– **передача протяжности произнесения или силы эмоций повторением букв:**

1. *BAAAAAAAAAAM BAMBAM*

1. *BAM BAM BAM*

1. *BAAAAAAAAAAAAAAAAAAM BAM BAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAM*

2. *na welches lied is das?*

1. *das is wie, nachts über seinen Hifi laden mit offenen türen zu lassen*

Автор указывает, что данное явление тесно связано с прагматикой общения, т.к. повышение тона и протяженность произношения нередко свидетельствуют об особом эмоциональном состоянии говорящего или о его стремлении выделить определенную информацию.

Наиболее типичным и хорошо исследованным графическим признаком Интернет-коммуникации являются также эмодиконы (смайлы).

Эмодиконы представляют собой пиктограммы, обозначающие эмоции. Они не связаны непосредственно с содержанием высказывания, не отображают грамматических, фонетических и др. особенностей естественного языка. Эмодиконы обычно относят к паралингвистическим или металингвистическим средствам письменной коммуникации, которые уточняют или конкретизируют смысл высказывания. Очевидно, что основная задача эмодиконов заключается в

компенсации отсутствия визуального контакта между участниками коммуникации.

Эмотиконы могут иметь как текстовый характер, так и представлять собой картинки (такой подход применяется почти во всех современных коммуникационных программах и сервисах).

Наиболее распространенными эмотиконами являются следующие:

) или :-) или :) улыбка, радость

Endlich mal ein Kartoffelaufmarsch für mich allein :) Jedes Mal, wenn ich welchen gemacht hab, kam noch jemand unerwartetes dazu.

(или =(или :(грусть, печаль

1. *vermiss meinen schatz :(*

2. *Ich auch, kleinaTeufel :(*

:D или :D смех

1. *er hat doch mit der Straffung der Rundungen schon genug zu tun*

2. *:D*

1. *welche rundungen?*

XD или xD смех с зажмуренными глазами

1. *es sind halt die kleinen dinge die das leben lebenswert machen*

Ja du musst es nur immer wieder sagen scout. Irgendwann glaubt es dir auch eine

xD

:-/ или :-\ недовольство, озадаченность или обида

1. *was heißt denn nun "owned"? das sagen alle ständig zu mir*

2. *sowas wie "erwischt" oder "tja, dumm gelaufen"*

1. *ahja :-*

o_ O или oO или o.O удивление

oO checkliste nochmal durchgeh...

[x] ex weg

[x] fenster auf

Еще одним важным явлением графического плана является постоянное использование строчных букв вместо заглавных:

– в начале предложения:

1. ich könnte meinen vater davon überzeugen das wir heute grillen dann könnte ich den grill anmachen und hätte nen grund jetzt schon bier zu trinken

1. *hehe*

2. *oder du könntest etwas sinnvolles tun.*

1. *was gibts sinnvollerer als zu grillen und bier zu trinken?*

2. *geld dafür zu bekommen :D*

– при написании имен собственных:

sagte ich schon, dass ich alex hasse? -.-

wer ist alex?

n kumpel

– при написании существительных, которые, согласно правилам, должны начинаться с заглавной буквы:

ich hasse es unter technikunaffinen alten menschen zu wohnen

die frau g. kommt von oben immer runter... meinte letzten sommer schon wir würden uns mit unseren computern in ihr fernsehbild einschleichen und wir dachten sie hätte einfach ein bisschen zu viel sonne abbekommen

Отказ от использования заглавных букв позволяет экономить усилия автора текста, который может не отвлекаться на нажатие дополнительных клавиш. Кроме того, такой текст, по-видимому, представляется участникам коммуника-

ции неформальным, и способствует созданию непринужденной обстановки общения.

Сознательным средством нарушения нормы, проявляющимся на графическом уровне, является и отсутствие запятых, что также можно объяснить экономией усилий автора сообщения, ср:

es tut mir leid aber ich hab jemanden gefunden der es besser machen kann!

Фонетико-графические особенности Интернет-коммуникации наиболее часто рассматриваются в лингвистических работах, прежде всего в силу своей очевидности и доступности для анализа. Их поиск и изучение не требует ни создания крупных корпусов Интернет-текстов, ни сложной интерпретации с опорой на существующие лингвистические теории.

Несколько сложнее обстоит дело с другими языковыми особенностями общения в Интернете.

Лексический уровень анализа Интернет-коммуникации можно также считать достаточно исследованным.

К лексическим средствам, которые разные исследователи считают характерными для Интернет-коммуникации, относятся

– **компьютерные термины и жаргонизмы:**

1. *hmm, was tu ich am besten auf **nen** 486*

2. ?

2. *auf **nen** 486er?*

1. *ganz klar*

2. ***windows 2003 server***

1. *SIms hat **WinXP** getötet*

2. *Hurraa 100 Punkte für die SIMS*

1. *komplett, erst **Bluesceen** und jetzt **bootet** er nimmer*

2. *Hum*

2. *was fürn tolles Spiel*

1. *muss ich haben*

2. *ich bins eigentlich nur gewöhnt dass **Polygone** explodieren, nicht ganze **Rechner***

ner

1. *Aber ich mein, also... Das kannst fei leichter haben das mit XP schrotten, musst nich zwingend ein 2Gig spiel installieren dafür*

2. *aber ist ma Kreativ*

2. *cooles programm*

2. *zerschießt selektiv windows laesst aber den rest in ruhe <*

– **англицизмы в целом**

Hat man Angst die Story erst beim 2. mal zu kapiieren?

*omfg, haben doch einen alten pc mit win 98 im wohnzimmer stehen, kommt heute meine **mum** in mein zimmer gestürmt, voll **happy** "ich hab windows 2000 installiert"*

*Wenn ich in einem Buch/Film vorkomme, dann als die gepeinigte Jungfer die am Ende gerettet wird. Und es wird kein **Horror**, es wird ein Drama mit **Happy End**.*

*an meinem geburtstag hat der penny supermarkt **happy hour***

*gott sei dank bin ich **single**.*

– **акронимы.**

Эти особенности лексического состава Интернет-коммуникации были объектом исследования в значительном количестве работ. Основной тенденцией в сфере лексики, свойственной общению в Интернете, авторы считают активные

процессы детерминизации компьютерной лексики и ее переход в общеупотребительный язык.

Особенности Интернет-коммуникации на других уровнях (морфологическом и синтаксическом) изучены значительно меньше, поскольку явления этих уровней, характерные для Интернет-коммуникации, не считаю столь разнообразными, как лексические или фонетико-графические особенности. Этот факт исследователи обычно объясняют тем, что грамматический строй языка в целом более устойчив к изменениям по сравнению с лексическим составом [1, с. 20–46]. Логичным было бы предположить, что о каких-то заметных изменениях в данном случае можно говорить лишь по истечении достаточно большого промежутка времени.

Таким образом, можно отметить, что относительно хорошо изученным является фонетико-графический и лексический уровни анализа Интернет-коммуникации. Именно к ним обращались большинство исследователей. Это, как уже упоминалось выше, можно объяснить очевидностью и широкой распространенностью фонетико-графических изменений, в то время как особенности Интернет-коммуникации на лексическом и синтаксическом уровне требуют значительно более глубокого анализа.

Ряд исследователей вполне обоснованно подчеркивает, что и изучение лексики, используемой при общении в Интернете, не дает принципиально нового лингвистического знания, а морфология и синтаксис, будучи чрезвычайно устойчивыми уровнями языка, могут сохранять свои свойства на сохраняющими свои свойства на протяжении столетий, и потому менее чувствительны или вовсе нечувствительны к новому каналу коммуникации.

Поскольку большинство ученых изначально соглашается с этой точкой зрения (которая выглядит совершенно обоснованной), и исключает морфологию и синтаксис из области своих исследований.

Тем не менее, представляется, именно на морфологическом и синтаксическом уровне можно обнаружить изменения, которые затрагивают непосредственно языковую систему. Именно работа на этих уровнях позволит нам ответить на вопрос о том, насколько значительными могут быть вызываемые Интернетом изменения.

Мысль о том, что морфологический и синтаксический уровень языка не подвержены или слабо подвержены изменениям в эпоху Интернета, представляется несколько преждевременной и, что более важно, не была пока подтверждена эмпирически, а является умозрительным постулатом.

Из-за этого в общей теории Интернет-коммуникации, которая уже достаточно хорошо изучена на фонетико-графическом, лексическом и дискурсивном уровне, существует значительный пробел, для ликвидации которого требуется проведение серьезного лингвистического исследования, основанного на обширном корпусе Интернет-текстов.

Библиографический список:

1. *Гухман М. М., Семенюк Н. Н.* История немецкого литературного языка IX–XV вв. М.: Институт языкознания, 1983.
2. *Романова М. С.* Особенности использования языковых средств в интернет-коммуникации (на материале немецкоязычного чата). Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2010.
3. *Щитыцина Л. Ю.* Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М.: URSS, 2010.
4. *Schlobinski, Peter; Siever, Torsten* Sprachliche und textuelle Aspekte in Weblogs. Ein internationales Projekt. <http://www.mediensprache.net>

А. М. Клёстер

Омский государственный технический университет, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат филологических наук, доцент (644050, г. Омск, Пр. Мира, 11; тел.: (3812) 65-27-77)

ДЕФИНИЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ДИСКУРСЕ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена описанию дефиниций с целью выявления способов вербализации концепта «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» в дискурсе инженерной психологии. В статье рассматриваются понятия моделирования и лингвистической модели, проводится обзор теоретического материала, в котором анализируются дефиниции и свойства рассматриваемого концепта, его основные характеристики.

концепт; дискурс; инженерная психология; метод моделирования; дефиниция

При всё возрастающей сложности и объёме научно-технических и социальных задач, моделирование во многих случаях становится единственным эффективным способом их решения. Моделирование, по признанию многих лингвистов, является одним из наиболее эффективных методов лингвистического исследования текста. «Познать объект, – пишет И. Б. Новик, – значит, смоделировать его» [1, с. 37]. В широком, общепознавательном смысле моделирование выражает «некоторый всеобщий аспект познавательного процесса» [2, с. 194].

Целью данной статьи является определение и описание свойств концепта «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» в дискурсе инженерной психологии, а также дать характеристику методу дефиниционного моделирования как одному из инструментов исследования.

Модель в языкознании – это «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощённом виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях» [3, с. 304].

Понимание термина «концепт» в современной лингвистике вариативно. Существует как узкое (В. В. Красных) понимание термина «концепт», так и более широкое (В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова). Бесспорным признаётся лишь то положение, что концепт принадлежит сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концепты не только мыслятся, но и переживаются [4, с. 41].

Многие учёные (В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. О. Чернейко и др.) считают концепт как минимум трёхмерным образованием и выделяют его предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие. Образная сторона концепта включает в себя зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отражённых в нашей памяти, т.е. это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это то, как концепт зафиксирован в языке, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к другим концептам [5, с. 30]. Ценностная (ин-

терпретационная) сторона концепта характеризует важность этого психического образования как для индивида, так и для всего языкового коллектива [6, с. 129].

Объектом исследования концептов принято считать не действительность саму по себе, а её отражение в сознании народов, в их истории. Поэтому изучение концептов должно иметь синхронно-этимологический характер, что позволит не просто представить элементы действительности, а проследить динамику познания мира и формирования языковой картины мира.

Во многих работах по терминоведению, в частности, в работах Л. М. Алексеевой (1998), В. М. Лейчика (2009), З. И. Комаровой (2010), А. В. Суперанской (1989), С. Д. Шелова (1998, 2003), именно дефинитивность считается необходимой функцией термина. Выражая через языковой знак специальное понятие, термин становится инструментом познания и как следствие выступает в качестве «посредника между реальной действительностью и самим процессом познания этой действительности» [7, с. 41]. Дефиниция, таким образом, выступая как особый способ репрезентации профессионально-научного (специального) знания участвует в процессах концептуализации и категоризации [8, с. 48]. Дефиницию необходимо рассматривать в дискурсе – «сложном коммуникативном явлении, включающем, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для построения текста» [9, с. 125].

В рамках нашего исследования мы обращаемся к понятию моделирования, как методу изучения дефиниций термина, а также как процессу создания семантико-когнитивных конструкций. Следовательно, дефиниционное моделирование представляет собой «...моделирование дефиниций термина, в ходе которого семантические компоненты дефиниции соотносятся с определенными фрагментами концепта, а результатом дефиниционного моделирования выступают семантико-когнитивные модели – комбинации когнитивных компонентов, соотносимых с компонентами значения дефиниций [10, с. 108–111]»

«...Концепты, представленные терминологической лексикой, связанной тематически между собой и дополнительными связями, имеющими место в разворачивающемся дискурсе, а также дополнительными смыслами и фоновой информацией, образуют концептуальное поле» [11, с. 59].

В дискурсе инженерной психологии взаимодействуют несколько концептуальных полей, образующие семантические сети. Отметим, что довольно сложно определить принадлежность термина к определенному концепту, поскольку все термины тесно взаимосвязаны, а инженерная психология является развивающейся наукой и отражает новейшие достижения научно-технического прогресса во многих областях [12, с. 135–138].

Проанализировав фрагменты дискурса исследуемой области, был выявлен доминантный концепт «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» и модель его структурирования, отраженная в композиционной семантике терминов, что позволяет проникнуть в суть когнитивных процессов, происходящих в инженерной психологии.

“...Tätigkeit – Arbeit (Job), deren Durchführung beobachtbar ist und dem Verrichten einer Aufgabe dient oder dazu beiträgt...” [13, с. 432]. В этом мини-фрагменте текста трактуется понятие **Tätigkeit**, которое в русском языке находит выражение в термине *деятельность*. Деятельность оператора (трудовая) в дискурсе инженерной психологии выступает «...не только в качестве предмета научного изучения, но и как предмет многоплановой оценки, которая осуществляется в соответствии с различными критериями: тяжесть, напряженность, эффективность» [14, с. 140].

Концепт «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» имеет сложную структуру. В нем сливаются концептуальные признаки: «ОЦЕНКА», «СОСТОЯНИЕ», «ОШИБКИ», «ПРОЦЕССЫ» инженерно-психологической деятельности, складывающиеся как «РЕЗУЛЬТАТ» взаимоотношения человека-оператора, машины и окружающей среды. Вслед за авторитетными учеными В. И. Медведевым и А. М. Парачевым, мы рассматриваем концепт «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» в дискурсе инженерной психологии как «...сложный объект, в котором можно вычлнить несколько различных систем. В силу тенденции к проектированию деятельности, характерной для инженерной психологии, представляет известный интерес обзор возможных изображений деятельности как системы» [15, с. 14].

Первый способ изображения деятельности инженерными психологами основывается на двух системах – субъективной и объективной. В субъективной системе вычленяются **субъект труда ~ Arbeitssubjekt**, его **цели ~ Arbeitsziele**, **способности ~ Fähigkeiten** и совокупность так называемых интериоризированных, усвоенных в ходе обучения **средств деятельности ~ Tätigkeitsmittel**. В объективной системе различаются **исходный материал ~ Vormaterial** и **продукт деятельности ~ Tätigkeitsprodukt**, совокупность упорядоченных во времени действий субъекта и совокупность орудий труда, посредством которых субъект выполняет действия. Перечисленные составляющие элементы концепта «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» структурируют это понятие в виде семантической сети, организующей знание о рассматриваемом явлении, что, в свою очередь, может представлять культурную модель, то есть понимаемое и принимаемое обществом знание о данном явлении. Такое изображение деятельности было введено с целью представить общество в целом как совокупность видов деятельности, выяснить связи между ними и установить их генетическую взаимосвязь в современном обществе в целом.

Второй способ изображения деятельности как системы сводится к изображению трудовой деятельности и вычленению базисных элементов, сопоставление которых по содержанию позволяет выявить смысл ряда категорий, характеризующих деятельность. Здесь рассматриваются следующие базисные элементы: **субъект труда ~ Arbeitssubjekt**; **цели труда ~ Arbeitsziele**; **средства труда ~ Arbeitsmittel**; **предмет труда ~ Arbeitsgegenstand**; **процесс труда ~ Arbeitsprozess**; **продукт труда ~ Arbeitsprodukt**; **условия труда ~ Arbeitsbedingung**. Соотнося базисные элементы данной системы, получаем ряд производных категорий, которые характеризуют концепт «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» в изучаемой терминологии [16, с. 77]:

– **норма труда ~ Arbeitsnorm** – *степень соответствия процесса труда поставленной цели, наличным средствам труда, потребному продукту и наличному предмету труда*);

– **эффективность труда ~ Arbeitseffektivität** – *степень соответствия продукта труда целям труда*);

– **гигиена труда ~ Arbeitshygiene** – *степень соответствия условий труда физиологическим и психологическим качествам субъекта*).

Третий способ описания деятельности сформировался внутри психологии и заключается в изображении системы иерархических отношений между единицами описания человеческой активности. Выделяются четыре таких единицы: **движения, операции, действия, деятельность**.

Диахроническая (временная) структура деятельности обнаруживается, если деятельность изображается как последовательность упорядоченных во времени событий. Ее анализ приводит к обнаружению иерархии диахронических единиц деятельности. В работах инженерных психологов рассмотрение ограничивается

главным образом двумя единицами нижних уровней: циклом регулирования ~ *Regelungszyklus* и сменой ~ *Arbeitsschicht*. На следующем уровне анализа диахронической структуры смена представляет собой элемент более крупной единицы, для обозначения которой специального термина нет. Условно можно обозначить ее термином *Arbeitswoche* *f* ~ **рабочая** неделя. Рабочие недели, в свою очередь, являются элементами следующего уровня, включающего периоды длительного отдыха (отпусков) в структуру деятельности.

Термин **условие** ~ **Bedingung** в исследуемой терминосфере конкретизирует специфику деятельности:

– **Оптимальные условия деятельности** ~ **Optimum, Optimalbedingungen** – условия деятельности, максимально согласованные с психофизиологическими характеристиками оператора в определенный период деятельности и требующие минимального волевого усилия для решения профессиональных задач. Отклонения от оптимальных условий деятельности требуют повышенного волевого усилия со стороны оператора или, иначе говоря, вызывают напряжение.

– **Экстремальные условия** ~ **Extrembedingungen, extreme Bedingungen** – условия, требующие от оператора максимального напряжения физиологических и психических функций, резко выходящего за пределы физиологической нормы;

– **Сверхэкстремальные условия** ~ **Überextrembedingungen** – совокупность действующих факторов, вызывающая патологические изменения в организме (функциональные и органические).

– **Конфликтные условия** ~ **Konfliktsbedingungen** – условия, при которых выполнение одного из них требует осуществления действий, противоречащих выполнению другого условия.

Напряжения могут быть классифицированы в соответствии с теми психическими функциями, которые преимущественно вовлечены в профессиональную деятельность:

– **Интеллектуальное напряжение** ~ **intellektuelle Spannung** – напряжение, вызванное частым обращением к интеллектуальным процессам при формировании плана обслуживания, обусловленное высокой плотностью потока проблемных ситуаций обслуживания;

– **Сенсорное напряжение** ~ **sensorische Spannung** – напряжение, вызванное неоптимальными условиями деятельности сенсорных и перцептивных систем либо преимущественным функционированием этих систем в процессе профессиональной деятельности;

– **Монотония** ~ **Eintönigkeit, Monotonie** – напряжение, вызванное однообразием выполняемых действий, невозможностью переключения внимания, повышенными требованиями к концентрации и устойчивости внимания;

– **Полифония** ~ **Mehrtönigkeit, Polytonie** – напряжение, вызванное необходимостью переключений внимания, частых и в неожиданных направлениях;

– **Физическое напряжение** ~ **Körperanstrengung, körperliche Anspannung** – напряжение организма, вызванное повышенной нагрузкой на двигательный аппарат человека;

– **Эмоциональное напряжение** ~ **emotionale Spannung; Gemütsbelastung** – напряжение, вызванное конфликтными условиями, повышенной вероятностью возникновения аварийной ситуации, либо длительным напряжением прочих видов;

– **Напряжение ожидания** ~ **Erwartungsstress** – напряжение, вызванное необходимостью поддержания готовности рабочих функций в условиях отсутствия деятельности.

Одновременное воздействие на оператора всех либо части этих факторов приводит к особой форме напряжения, называемого стрессом. Термин **Stress** является ядерным и образует множество производных терминов, например: **стресс** ~ **Stress** – протекающая на фоне резких вегетативных сдвигов дезорганизация сложной профессиональной деятельности под влиянием неблагоприятных факторов; **стрессор** ~ **Stressor** – фактор, приводящий к стрессу.

Длительное напряжение приводит к достаточно устойчивым сдвигам в состоянии оператора, ликвидация которых требует медицинского вмешательства. Среди таких сдвигов различают в психиатрической практике неврозы и психозы. В немецкой терминологии отмечено функционирование следующих терминов:

– **Невроз** ~ **Neurose** – психогенно обусловленное функциональное расстройство нервной системы, при котором человек сохраняет критическое отношение к болезни и не утрачивает способности руководить своим поведением;

– **Невроз навязчивых состояний** ~ **Zwangsneurose, Obsessionsneurose** – невроз, при котором в сознании человека присутствуют навязчивые (не подавляемые волевым усилием) мысли, воспоминания, страхи, желания, действия, определяющие весь образ жизни человека;

– **Истерический невроз** ~ **hysterische Neurose** – комплекс расстройств чувствительной и двигательной сферы, возникающих в связи с перенапряжением основных нервных процессов.

– **Реактивный психоз** ~ **Reaktionspsychose** – психическое расстройство, вызванное психической травмой, определяющей содержание клинической картины, отражающейся на длительности течения и определяющей исход болезни.

При анализе деятельности оператора инженерная психология использует вышеперечисленные термины, описывающие эту деятельность с различных точек зрения, раскрывающие её различные аспекты [17].

Анализ представленных дефиниций позволил построить семантико-когнитивную модель следующего вида:

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ОПЕРАТОРА) – ПРОЦЕСС – ТРУД – ОЦЕНКА – СОСТОЯНИЕ – ЭФФЕКТИВНОСТЬ – РЕЗУЛЬТАТ.

Итак, исследование немецкоязычного дискурса инженерной психологии на материале выборки терминов общим объемом 4827 терминологических единиц показало, что дефиниционное моделирование концепта «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» предоставляет возможность изучения данной терминсистемы во взаимосвязи с познавательной деятельностью оператора, учитывая когнитивные модели, взаимодействие которых объясняется областью исследования рассматриваемой науки.

Библиографический список:

1. Новик И. Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. М.: Политиздат, 1975.
2. Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981.
3. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Модель // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
4. Степанов Ю. С. Константы // Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
5. Дудова Н. А. Концептуализация атмосферных осадков в немецкой языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007.

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
7. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования. Пермь, 1998.
8. Татаринов В. А. Общее терминоведение: Энцикл. словарь / Российское терминологическое общество РоссТерм. М.: Московский Лицей, 2006.
9. Дейк Т. А. ван. Принципы критического анализа дискурса // Перевод и лингвистика текста. М., 2004.
10. Смирнова Ю. С. Дефиниционное моделирование как способ изучения концепта в дискурсе / Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствознание. 2011. Вып. 57. № 24 (239).
11. Гусева И. Г. Когнитивно-дискурсивный анализ междотраслевой экологической терминологии в области рыбного промысла (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004.
12. Клёстер А. М. Теоретические основы концептуального моделирования междотраслевой терминосистемы (на материале немецкой терминосистемы инженерной психологии) / Омский научный вестник. № 2 (116). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013.
13. Charwat, H. J. Lexikon der Mensch- Maschine- Kommunikation [Текст] / H. J. Charwat. – 2., verb. Aufl. – München ; Wien : Oldenbourg, 1994.
14. Душков Б. А., Королёв А. В., Смирнов Б. А. Основы инженерной психологии: Учеб. для студентов вузов. М. : Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
15. Медведев В. И., Парачев А. М. Терминология инженерной психологии. Л., 1971.
16. Клёстер А. М. Концептуальное моделирование терминосистемы инженерной психологии (на материале немецкого языка): Монография. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013.
17. Клёстер А. М. Пути формирования и функционирование терминологии инженерной психологии в немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.

Р. Н. Слонимская

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, профессор кафедры теории и истории музыки, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, гранд-доктор философии в области музыкологии и культурологии, доцент (191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2/4; тел.: (812) 314-11-32; dr@spbuki.ru)

М. Р. Черная

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, доктор искусствоведения, профессор (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48; тел.: (812) 312-44-92)

ЖАНРОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ НОВЫХ ФОРТЕПИАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЕРГЕЯ СЛОНИМСКОГО

Данная публикация знакомит с жанровой палитрой последних фортепианных альбомов для детей и юношества С. М. Слонимского. В статье выдвигается гипотеза о возникновении нового макроцикла в фортепианной музыке композитора, даются рекомендации по решению интерпретационных проблем. Включенные композитором на самых ранних этапах освоения игры на фортепиано современных приёмов в процесс освоения сюжетной и образной характеристик произведений предоставляет возможность воспитания смелых пианистов-исполнителей современной музыки.

метаморфозы; жанровая палитра; новые фортепианные произведения С. М. Слонимского; современный детский фортепианный репертуар; сонористика

Фортепианное творчество Слонимского неизменно вызывает живой отклик в исполнительской, слушательской и педагогической практике, а также требует осмысления в исследовательской деятельности. Композитор-пианист, педагог, он хорошо знает специфику инструмента изнутри, а реакция слушателя непременно убеждает его в том, что эта музыка востребована и нужна. Потребность в ней демонстрирует активное участие аудитории, к которой обращено творчество Слонимского, в создании новых тем, образов, а это, в свою очередь, будит фантазию автора. Постоянный и неизменный интерес подогревается, подкрепляется не только концертной практикой, но связано с частыми творческими встречами, дискуссиями с молодыми музыкантами из различных учебных заведений Петербурга, Москвы и других городов страны.

Жанровые метаморфозы фортепианных сочинений С. М. Слонимского ставят исследователя перед сложной ситуацией в предпочтении ракурса их рассмотрения. С одной стороны, поражает разнообразие образов, круг тем, к которым обращается автор, а с другой стороны, его произведения удивляют изобретательностью композиционных решений. Кроме того, сочинение миниатюр нередко создает стимул для написания фортепианных произведений циклической

формы¹. Тем более, что жанровая палитра его фортепианного творчества – это тема особая, требующая развёрнутого исследования. Естественно, что рассматривать во взаимодействии оба ракурса при осмыслении фортепианного стиля композитора перспективно, логично и само по себе увлекательно, однако материал по своей насыщенности, по объёму, конечно же, выходит за рамки небольшой статьи. Поэтому, сужая исследовательское поле, целью данной публикации предлагается считать *знакомство* с жанровой палитрой последних фортепианных альбомов для детей и юношества Сергея Слонимского.

Последние три года творчества С. М. Слонимского отмечены фейерверком детских циклов, который сопровождают два опуса для более опытных пианистов. По количеству это почти сто произведений. Слонимским написано шесть циклов легких и трудных фортепианных пьес для учащихся младшего и старшего возраста. В целом у нас в стране издано 44 миниатюры, под общим названием «Веселые и грустные, страшные и смешные приключения» (2010)². В опубликованный в Германии «Альбом фортепианных пьес для детей и юношества», вошли три развёрнутых цикла: «Первые шаги пианиста» (13 пьес), «Музыкальное путешествие по странам и континентам» (18 пьес) и детская сюита «Один день ребенка», в которой также 18 пьес (2011) [7].

Впечатляет потребность композитора освежить педагогический репертуар музыкальных школ вновь открывшимися современными темами и бытовыми жанрами, будь то реп, хеви метал, кантри и др. Так случилось, что, в процессе работы над фортепианными циклами авторский импульс совпал с предложением *Verlag Neue Musik* (Германия)³ [4] написать двести детских пьес, что немало удивило и озадачило композитора. А был ли в музыкальной культуре такой опыт сочинения, практически одновременно, такого большого количества детских пьес для музыкантов разного возраста? На поверку оказалось, что нет, и это во многом послужило определённым стимулом к работе над ещё одним сборником, специально для немецкого издательства.

На этой творческой волне появились и произведения концертного плана. Двойные вариации и цикл прелюдий созданы в любимых концертирующими пианистами жанрах. Они появились один за другим практически сразу, написаны на одном дыхании летом 2012 года. По хронометражу и единству их стиля возможно исполнение обоих произведений в одном отделе концерта. Пожалуй, об этом судить трудно, ведь ещё не было даже премьеры, и поэтому, как они «заживут» на эстраде, можно только предполагать.

Жанровые особенности детских фортепианных произведений С. М. Слонимского, возникших в последние годы (2010–2012), их стилевое единство позволяют сформулировать *гипотезу* об образовании некоего макроцикла в творчестве композитора. В него входят «Веселые и грустные, страшные и смешные при-

¹ Концерты С. М. Слонимского для фортепиано с оркестром появились в первом десятилетии XXI века – «Еврейская рапсодия» (Концерт № 1. 1997) и Второй фортепианный концерт (2001).

² Первоначально предполагалось все Шесть циклов С. Слонимского выпустить в одном сборнике под общим названием «Веселые и грустные, страшные и смешные приключения». Однако издательство выпустило каждый из шести сборников отдельно, удешевив издания. Названия сборников: «Первые шаги на клавиатуре». Для начинающих. «Три лесные истории» цикл пьес для фортепиано. 1–3 классы ДМШ. «В Африке», «В виртуальном мире», «Из русских народных сказок». Циклы пьес для фортепиано. Средние и старшие классы ДМШ. «Юность» цикл пьес для фортепиано. Старшие классы ДМШ. Они вышли одновременно СПб.: Композитор, 2012.

³ *Verlag Neue Musik* – Издательство новой музыки

ключения: шесть циклов легких и трудных фортепианных пьес для учащихся младшего и старшего возраста» (2010) и «Летний день ребенка». Детская сюита для фортепиано, а также «Музыкальные путешествия по странам и континентам» (2011).

В предисловии к немецкому изданию автор раскрывает свои намерения: в «Первых шагах пианиста» дети «обучаются играть простые мелодии в духе средневековых песнопений отдельно правой и левой рукой и двумя руками вместе с одинаковой аппликатурой» [7, с. 5]. Сложность постепенно возрастает вплоть до канона, двойного контрапункта и трёхголосной фуги. Образная палитра цикла представлена различными жанрами от монодии к народным песням и танцам. «Летний день ребенка» обращен к учащимся средних классов. В цикле прослушиваются жанровые и образные переключки с пьесами для детей и юношества Р. Шумана, которому он посвящен, и с «Детским альбомом» П. И. Чайковского. В «Музыкальном путешествии по странам и континентам» особенно широко и многообразно претворены национальные прочтения различных жанров песен, танцев и маршей.

В шести сборниках, изданных в Петербурге, представлены циклы пьес, в которых переосмыслена ранее использованная концепция и появились новые методические решения. В частности, «Первые шаги на клавиатуре» по аналогии с «Первыми шагами пианиста» предлагают начинающему музыканту осваивать позиционную игру, сначала отдельно, а затем в соединении партий рук, что происходит в «Веселом дне» и «Грустном дне». Следующим шагом в развитии музыканта становится исполнение мелодии в гомофонной фактуре с привлечением контрастных жанров – «Детский вальс» и «Веселый галоп» в 4 руки.

В «Трех лесных историях» объединены совершенно разные малые тематические циклы. В увлекательной форме воплощены три непохожих сюжета – «Воробей и Зверюга», «Цветок и Рок-ансамбль», «Заяц, Лиса и Волк» (в этом последнем явно прослушиваются музыкальные аналогии с образами сказок Е. Шварца).

Из всех трех «историй» наиболее символичной и философской представляется «Цветок и рок-ансамбль». Символы материализуются в образном контрасте. Гармония жизни, красота Земли воплощены уже в первой диатонической мелодии широкого дыхания, раскрывающейся как цветок на заре. Далее, в начале второй пьесы «Рок-ансамбль на поляне», благодаря энгармонической замене (*es – dis*) и опоре на гармонию в диапазоне малой ноты, вторгается диссонанс, озадачивающий слушателя. Он звучит в стиле *heavy metal* и сводится при этом к ритмическому роковому остинато и господству дисгармонии, дискомфорту, что связано с самоуничтожением. В результате остаётся только нагнетающаяся кластерность, с динамическим обрывом на *sfff* в самом конце пьесы. Крушение идеалов, гибель цивилизации моделируются в следующей миниатюре – «Загиптаный цветок». Реально в музыке этой пьесы представлено разрушение классической тональности (*Es-dur*), которая уже не может восстановиться. Гармония мира обретает новые контуры только в заключительной до-минорной пьесе «Музыкальный ящик II». Итак, появляется хрупкая надежда, которая реализуется уже в последующих циклах петербургского сборника.

Переключение в родную национальную среду происходит в цикле «Из русских народных сказок». В нём Слонимский уже не философ, а искусный жанровый стилист. Здесь «моделями» выступают легко узнаваемые произведения композиторов-кучкистов. Так, «Царевич и царевна» из «Шехеразады» Н. А. Римского-Корсакова воспринимаются как восточная претгеча русских «Ивана-царевича и Василисы Прекрасной» – начальной пьесы у С. М. Слонимского.

Иван-царевич находится в пути, поэтому в его теме ощущается маршевость, используются замашистые ходы, повторяющиеся обороты. Василиса появляется в средней части миниатюры, образная ассоциация как бы возникает в мыслях царевича. Триольность придает музыке трепетную взволнованность, мелодические линии изящные и замысловатые оттеняются более прямолинейными характеристиками центрального персонажа. Последнее проведение темы Ивана-царевича выполнено с юмором: герой явно озадачен, на тянущемся звуке тоники (ре минор) глубоко в базах мелодия разрывается на составляющие ее элементы, которые проходят пунктиром.

А озадачило Ивана-царевича, по версии автора, появление Бабы-яги на помеле. Образный строй музыки, выставленный размер и увеличенные трезвучия заставляют вспомнить виртуозную «Бабуюгу» из «Картинок с выставки» М. П. Мусоргского. Вместе с тем, Слонимский нашел такое решение, ввел такие фактурные детали, которые сделали доступным воплощение образа нечистой силы для ученика средних классов музыкальной школы. Пьеса лаконична, хроматизированные звуковые комплексы легко укладываются в удобные для юного пианиста позиции. Быстрые перемещения по регистрам, подключение мелькающих динамических вспышек живописуют непредсказуемость поступков, а заодно и траектории движения представляемого персонажа. Так, через образное решение композитор-педагог включает освоение новых приёмов исполнительства, органично развивая воображение музыканта.

Былинный сказ следующей пьесы «Песни о павшем богатыре», вызывает ассоциации с «Богатырской симфонией» А. П. Бородина, Диатоническая, широко дыхания мелодия пьесы гармонируется с помощью альтерированных аккордов, создавая своеобразный пряный колорит. В последнем проведении песенной темы органично вводится прием исполнения полнозвучной мелодии первым пальцем, что подготавливает ученика к фактурному мышлению, которое необходимо будущему пианисту.

«Похищение царевны» – явно козни Бабы-яги, если судить по густой хроматике и перепрыгиванию по регистрам рояля. Темы Василисы Прекрасной и Бабы-яги даются намеком, но легко ложатся на слух. Композитор и здесь органично знакомит юных пианистов с приемом «двух клавиатур», когда пассаж, распределенный между руками, играется левой рукой на белых, а правой – на черных клавишах.

«Печаль Ивана-царевича» вновь возвращает наши ассоциации к «Картинкам с выставки» Мусоргского, где начальная пьеса – «Прогулка» – проходит несколько трансформаций и предстает в различных вариантах между характерными пьесами цикла. Такого же рода переосмыслению подвергается и музыка, обрисовывающая главного героя цикла Слонимского. Между крайними частями пьесы и серединой возникает терцовое соотношение с общим тоном: *d-moll – b-moll*. Фантазия композитора в отношении начального оборота темы Ивана-царевича поистине неисчерпаема. В среднем разделе оригинально трактуется сарабанда, а в крайних частях есть признаки другого старинного танца – гавота, что придает циклу черты, схожие с классической сюитой.

«Битва с врагами» – это целая картина с программным содержанием. В ней аккордовая середина хорального склада, усложненная полиметрией, контрастирует с лапидарными, полифонизированными крайними разделами. Кода состоит из двух небольших разделов. Первый строится на динамическом нагнетании, опирающемся на остинато. Во втором разделе утверждается си-бемоль минорный аккорд с секстой, который имеет мажорное наклонение, и именно он символизирует победу Ивана-царевича.

А дальше, после кульминации, как и положено в русской народной сказке, «пирком да за свадебку», о чем и говорит завершение цикла – «Праздничный пир Ивана-царевича». По форме это своеобразный гибрид между сомкнутыми двойными вариациями и рондо-сонатой. Счастливый конец сказки предписывает завершение всей истории в мажоре. Иван-царевич уже никуда не стремится, он всего достиг, чего желал, поэтому и теряет свою первоначальную тему, ее интонации растворяются в застольной песне (главной партии, или рефрене) с характерной для русской протяжной песни ладовой переменностью. Василиса Прекрасная, напротив, приобретает реальные черты. Ее тема теперь основывается на повторении второго оборота по типу вариаций на сопрано остинато. Вплотную к теме Василисы прилегает новая тема любви, основанная на красивой нонаккордовой секвенции. Весь этот побочный материал по своему мелодизму близок музыке великого оперного сказочника Н. А. Римского-Корсакова. В экспозиции побочный материал проходит в *fis-moll'e*, а при втором появлении – в *f-moll'e*, на полтона ниже, что создает мягкие переливы красок. Особенно хороши и уместны всплески разложенных аккордов, имитирующие звучание гуслей, во втором проведении темы любви. Заклочительный, кодовый раздел «Пира», основанный на остинато, продолжает традицию славильной русской музыки.

Цикл «Из русских народных сказок» основывается на сюжетном принципе. Эстетика кучкизма дается обобщенно, в плане развития традиций русской музыки в современности. Музыкальный материал легко ложится «в пальцы», прекрасно запоминается, именно в силу своей обобщенности он стимулирует освоение новых горизонтов исполнительства.

Ярким контрастом к ностальгическому «русскому» циклу выступает другой, остросовременный – «В виртуальном мире». Пожалуй, именно здесь, более чем где-либо, решается задача приобщения юных пианистов к новой трактовке фортепиано, как акустического инструмента, обладающего безграничными колористическими возможностями. Игра кластеров, особые приемы озвучивания струн, создание акустических эффектов на нажатой педали, глиссандо, прокатывающиеся по всем клавишам рояля – вот неполный перечень приемов, которые может освоить ученик музыкальной школы, изучая пьесы этого цикла Слонимского.

Для исполнения пьес «Инопланетянин на НЛО» и «Компьютерный робот» необходимо вынуть пюпитр, освободив струны рояля для игры. Композитор как бы и предлагает воспитывать бесстрашных пианистов, владеющих арсеналом современных приемов, способных донести содержание музыки сегодняшнего дня до слушателей. Разумеется, материал этих авангардных пьес намеренно простой, он выполнен с опорой на приемы остинато. Похоже, что «робот», как заведенный, сочиняет вальс, а инопланетянину неудобно двигаться в скафандре.

Кроме этих двух пьес, в сюжет цикла входят аналоги компьютерных игр, связанных с монстрами. В «Гигантском динозавре» кластерные комплексы (правая руки располагается на черных, а левая – на белых клавишах) накладываются на повторяющийся основной тон – *ais (b)*. Жанровые параметры заметно трансформируются. Прежде всего, вальс предлагается исполнять в темпе *Moderato pesante*, к тому же, основным является басовый регистр. Итоговую функцию выполняет возникающий в конце пьесы контраст, когда меняется размер, а в самом высоком регистре фортепиано вводится остинато, которому контрапунктирует тема длинными нотами с целотоновой основой. Завершается миниатюра сочетанием черноклавишного и белоклавишного кластеров в самом нижнем регистре инструмента. Масштабы контраста столь велики, что размеры динозавра становятся вполне ощутимыми.

Пьеса «Могучий дракон» требует хорошего технического развития ученика, ведь предложен темп *Allegro*, к тому же движения тела дракона воплощаются в смелых пассажах. Призывная квартетная интонация пронизывает всю миниатюру. В следующей пьесе – «Раненый дракон и маленький мальчик» – кварта уже не только восходящая, но и нисходящая, сломанная. На первый план выходит секундовый то ли вздох, то ли стон. Эта пьеса речитативного склада помогает воспитывать в пальцах пианиста «говорящее» интонирование. Цикл «В виртуальном мире» вводит исполнителя в зону современной тематики, способствует включению в его пианистический арсенал новых нетрадиционных средств и расширению образного мышления.

Цикл «В Африке» можно назвать одновременно и сюжетным и тематическим. Вместе с композитором мы совершаем увлекательное путешествие в заморские, южные страны. Здесь много атрибутов, смоделированных в детских стихах. «Песенка обезьянки», например, предваряется эпиграфом из стихотворного опуса С. Маршака «Детки в клетке». В музыке африканских миниатюр оживают образы из «Доктора Айболита» К. И. Чуковского, из чудесных заморских историй Р. Киплинга. Возникает ощущение, что музыка С. Слонимского выросла из детских впечатлений.

Однако композиционные приемы, употребляемые в пьесах цикла, либо очень конкретные, ассоциативные, даже изобразительные (как в «Страшных джунглях», «Песенке обезьянки», «Храбрый лев»), либо совершенно неожиданные, шокирующие. Так, «Крокодиловы слезы» – это пассакалия, причем с изощренным голосоведением. Первая тема-слеза «выливается» глухо в басу, затем однотактовая тема на 7/4 неизменно повторяется в басу еще 11 раз, контрапункты к ней также связаны с техникой остинато, но их смена выполняется гораздо менее регулярно и, конечно же, не совпадает с мелодией, на которую выполняются полифонические вариации. Двухголосие быстро дополняется третьим голосом, причем ритмы комплементарные. Перед окончанием двухголосие возвращается, но на новом уровне. Очевидно, слезы крокодила льются рекой, о чем возвещает пассажный контрапункт (вспоминаются сказочные истории Чуковского). Последний раз тема проходит в октавной дублировке, глубоко в басу и *pesante*. Это итог всего развития на непрерывном *crescendo*. Мастерская миниатюра необорочного типа дает образец современного преломления полифонического жанра пассакалии.

Техника остинато использована и в других пьесах цикла «В Африке»: в «Танце змеи», «Колыбельной слоненку», «Храбром льве» и «Тропическом дожде». Каждый раз ощущается особая «изюминка»: змея разворачивает свои кольца по-разному, поэтому в одновременности сочетаются мелодические отрезки на три и четыре четверти, а в крайних частях «Слоненка» акцент сделан на ритмическом остинато. Пьеса «Храбрый лев» построена симметрично, остинатные повторения в ней призваны показать твердость персонажа. Лев настоящий: рычащий, машущий или бьющий хвостом, прыгающий всем своим мощным телом.

Миниатюра «Тропический дождь» импрессионистична. Фактура заставляет вспомнить о «Садах под дождем» К. Дебюсси, хотя полной аналогии не возникает. Остинатные сонорные комплексы в пьесе Слонимского имеют гораздо более позднее происхождение. Вибрации на интервале большой септимы гудят на долгих тонах, разбросанных по регистрам фортепиано. Изумительно красиво в конце пьесы накладываются друг на друга два кластера – бело- и черноклавишный, а из их соединения рождается глissандовая дорожка, размывающая всю музыкальную картину.

Цикл «Юность» – последний из шести, он тематический и обращен к молодому задору тинэйджера. Здесь пять пьес, представляющих пять состояний. «Романтические напевы» – это предчувствие любви. Тема из начальной пьесы возвращается в «Первом разочаровании», где слух царапают щемящие нотки, в контрапункте используется хроматическое движение двойными нотами. «Осенняя песня» также интонационно родственна первому романтическому образу. Контрастными этой группе пьес выступают две энергетически насыщенные миниатюры цикла – «Крутая дискотека» и «Спортивный рекорд». В них используются жесткая остигатность, очень быстрые темпы, сонорные комплексы.

Главное для колориста Слонимского во всех вышеназванных циклах – богатство, игра красок, гармонических и регистровых; поиск специфических эффектов звучания фортепиано, раскрывающих всю его палитру. Изучение такого репертуара способно исподволь влюбить музыканта в необычные возможности привычного инструмента.

Итак, постепенно – от первых прикосновений к роялю, через разнообразие музыкальных характеристик персонажей, богатство красочных возможностей инструмента, от цикла к циклу в сложных жанровых метаморфозах – композитор приводит начинающего музыканта к вершинам концертирующего мастерства, необходимых для освоения виртуозных Двенадцати прелюдий, к способности передавать философское размышление в двойных Вариациях, создавая в целом единую школу пианистического симфонизма в макроцикле, объединенном единым дыханием.

Заметим, что два новых фортепианных произведения С. Слонимского – «Двенадцать прелюдий» и Вариации, завершающие макроцикл фортепианной Эллады композитора последних лет, составляют самостоятельный исследовательский сюжет и ждут концертной исполнительских интерпретаций¹.

Библиографический список:

1. *Слонимский С.* Первые шаги на клавиатуре. Для начинающих. СПб.: Композитор, 2012.
2. *Слонимский С.* Три лесные истории цикл пьес для фортепиано. 1–3 классы ДМШ. СПб.: Композитор, 2012.
3. *Слонимский С.* В Африке. Циклы пьес для фортепиано. Средние и старшие классы ДМШ. СПб.: Композитор, 2012.
4. *Слонимский С.* В виртуальном мире. Циклы пьес для фортепиано. Средние и старшие классы ДМШ. СПб.: Композитор, 2012.
5. *Слонимский С.* Из русских народных сказок. Циклы пьес для фортепиано. Средние и старшие классы ДМШ. СПб.: Композитор, 2012.
6. *Слонимский С.* Юность цикл пьес для фортепиано. Старшие классы ДМШ. Они вышли одновременно СПб.: Композитор, 2012.
7. *Sergei Slonimsky Russische Klavierstücke 49 Musikalische Bilder Brühl: Verlag Neue Musik, 2012.* Сергей Слонимский. Фортепианные пьесы из России. 49 музыкальных образов. Брюль: Новая музыка, 2012.

¹ 15 марта 2012 года в Малом зале им. Глазунова СПб Консерватории прошла премьера Двенадцати прелюдий С. Слонимского в исполнении профессора консерватории П. Г. Егорова.

Т. И. Уткина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент (614070, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38; тел.: (8342) 205-52-50; info@hse.perm.ru)

С. Л. Мишланова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, ведущая кафедрой лингводидактики, доктор филологических наук, профессор (614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15)

МЕТАФОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

В данной статье авторы обращаются к проблеме функционирования метафоры и метафорического моделирования в экономическом дискурсе. Авторами осуществляется сравнительный анализ метафорических моделей в зависимости от уровня владения иностранным языком и профессиональной компетенции.

когнитивная лингвистика; дискурс; метафора; метафорическое моделирование; метафорическая компетенция

Утвердившееся в лингвистических исследованиях мнение о вездесущности метафоры и метафоричности мышления [8] предполагает изучение роли метафоры в процессах познания, переработки, хранения и передачи знаний. Актуальным в этой связи становится исследование метафорической компетенции, т.е. способности идентифицировать метафоры в дискурсе, правильно их интерпретировать и применять в собственной речи [18]. К метафорической компетенции относят такие аспекты речемыслительной деятельности индивида, как распознавание метафорических выражений при слушании и чтении новостей, научных текстов и т.п., использование метафорических выражений в устной и письменной речи, а также распознавание метафор и понимание механизмов, лежащих в основе построения метафорических выражений [19]. В исследованиях, посвященных восприятию и пониманию метафоры в профессиональной коммуникации, подчеркивается, что метафорическая компетенция необходима не только для продуктивного общения, но и для успешного ориентирования в терминологическом и понятийном аппарате науки [1; 4; 5; 9; 6, с. 76–80], а также для понимания и продуцирования специальных текстов. В то же время в литературных источниках практически отсутствуют данные, подтверждающие зависимость метафорической компетенции от языковой и профессиональной компетенции.

Целью настоящего исследования заключается в выявлении особенностей метафорического моделирования в англоязычном экономическом дискурсе студентов в зависимости от их профессиональной компетенции и уровня владения английским языком.

В качестве языкового материала были изучены 22 англоязычных текста эссе, написанных студентами второго (9 эссе) и третьего курса (13 эссе) факультета «Экономика» Национально-исследовательского университета Высшая школа экономики Пермский филиал (НИУ ВШЭ-Пермь). Эссе были выполнены сту-

дентами, которые имели уровень владения иностранным языком от А1 до В2 в соответствии с Общеввропейскими компетенциями владения иностранным языком [15]. Это система уровней владения иностранным языком, которая может быть использована как метод оценки и обучения иностранному языку. Для каждого уровня разработаны дескрипторы, то есть основные признаки освоения знаний и умений, которые должен иметь учащийся в чтении, восприятии на слух, устной и письменной речи¹.

Подчеркнем, что в качестве одного из критериев анализа материала мы рассматривали формирование профессиональной компетенции в сфере экономики. В связи с этим были отдельно проанализированы эссе студентов второго курса, которые не владеют языком специальности, и студентов третьего курса, которые способны к письменной и устной общей и профессиональной коммуникации на английском языке.

При определении контекстуальных значений использовались методы компонентного и дефиниционного анализа методики идентификации метафоры. Процедура идентификации метафоры в дискурсе предложенная представляет собой поэтапный алгоритм и состоит из четырех этапов: 1) прочитать текст; 2) определить все лексические единицы, составляющие текст; 3а) установить контекстуальное значение для каждой лексической единицы; 3б) определить, имеет ли каждая лексическая единица базовое значение; 3в) определить, является ли базовое значение лексической единицы отличным от контекстуального значения; 3г) определить, соотносится ли по сходству контекстуальное значение лексической единицы с более конкретным базовым значением; 4) в случае утвердительного ответа на вопросы 3в и 3г лексическую единицу следует отметить как лингвистическую метафору [22; 23]. При анализе материала использовались словари Macmillan Dictionary for Advanced Learners [21] и Longman Dictionary of Contemporary English [20].

Контекстом метафоры является минимальный фрагмент текста, в котором репрезентированы два концепта, имеющие какое-либо основание для сравнения. Метафора в таком контексте может представлять единицу, включающую одно или несколько предложений, словосочетание, слово или морфему [16]. Материалом исследования послужили 406 контекстов метафор на английском языке из общего объема 6750 слов.

Следующим этапом нашего исследования стало выявление особенностей концептуальной метафоры в зависимости от уровня владения иностранным языком, используя пятишаговый анализ, представляющий собой способ реконструкции концептуального отображения домена источника на домен цели, основываясь на предварительно идентифицированных лингвистических метафорах в дискурсе [25; 26].

В ходе исследования мы опирались на структуру метафорической модели [3], таксономический фрейм метафор [10]. Под концептуальной метафорической моделью в исследовании понимается понятийная область, включающая связан-

¹ В настоящее время выделяются шесть уровней владения языком. *система уровней владения языком* первоначально разделяется на три уровня: *А – элементарное владение*, *В – самостоятельное владение*, *С – свободное владение*. В свою очередь, каждый из вышеназванных уровней разделяется далее на два подуровня. Итак, уровень *А – элементарное владение* разделяется на *А1 – уровень выживания*, *А2 – предпороговый уровень*. Уровень *В – самостоятельное владение* включает следующие уровни: *В1 – пороговый уровень*, *В2 – пороговый продвинутой уровень*, а уровень *С – свободное владение* следующие: *С1 – уровень профессионально-го владения*, *С2 – уровень владения в совершенстве*.

ные семантическими отношениями элементы, или таксономическое представление сигнификативного дескриптора. На основе метафорического моделирования в разных типах дискурса было выявлено, что метафорическая модель состоит из двух базовых доменов: ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Первый из них включает метафорические модели **Человек как биологическое существо** и **Человек как социальный субъект**. Ко второму домену относятся метафорические модели **Неживая природа** и **Живая природа** [27, с. 111–119; 2, с. 12–17; 7, с. 97–112; 11, с. 161–169; 13, 114–120; 14, с. 60–62; 17].

Рассмотрим специфику метафорических моделей в неспециальном/ специальном экономическом академическом дискурсе в зависимости от уровней владения иностранным языком и профессиональной компетенции студентов. Соотношение метафорических моделей в англоязычном академическом дискурсе в экономике представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Сравнительная характеристика метафорических моделей
в зависимости от уровня владения иностранным языком
и профессиональной компетенции студентов (%)**

Метафорическая модель	Non-professional		Professional		
	2 курс		3 курс		
	A1	A2	A2	B1	B2
Человек как биологическое существо	25*	24	18	42**	37*
Природа живая	-	-	-	4	-
Природа неживая	56**	43**	29*	29*	38**
Человек как социальный субъект	19	33*	53**	25	25

** – доминантная метафорическая модель;

* – вторая по активности метафорическая модель.

Самой репрезентативной сферой образного отождествления в дискурсе студентов-экономистов с уровнем владения английским языком A1 и A2 является метафорическая модель **Неживая природа** (56% и 43% соответственно). В дискурсе студентов с уровнем владения английским языком A1 второй по репрезентативности является модель **Человек как биологическое существо** (25%), а в дискурсе студентов с уровнем владения английским языком A2 – метафорическая модель **Человек как социальный субъект** (33%).

Сравнительный анализ метафорических моделей в специальном и неспециальном типах экономического дискурса студентов с уровнем владения английским языком A2 выявляет различия концептуализации и вербализации экономического знания. Если в неспециальном англоязычном академическом дискурсе в экономике самой продуктивной моделью является **Неживая природа** (43%), а второй по репрезентативности – модель **Человек как социальный субъект** (33%), то в специальном дискурсе самой продуктивной моделью становится **Человек как социальный субъект** (53%), а второй по репрезентативности – метафорическая модель **Неживая природа** (29%).

В специальном экономическом дискурсе студентов с уровнем владения английским языком B1 самой репрезентативной метафорической моделью является **Человек как биологическое существо** (42%), второй по репрезентативности – модель **Неживая природа** (29%). Самый высокий процент среди метафорических моделей в специальном экономическом дискурсе студентов с уровнем вла-

дения английским языком В2 составила модель **Неживая природа** (38%), второй по величине стала модель **Человек как биологическое существо** (37%).

В результате исследования выявлено, что метафорическая модель **Неживая природа** является самой продуктивной в неспециальном дискурсе студентов с уровнями владения английским языком А1 (56%) и А2 (43%), а также в специальном экономическом дискурсе студентов с уровнем владения английским языком В2 (38%). При этом наиболее частотными видовыми таксонами являются **пространство и ландшафт, природные явления**, представленные метафорами: *flow, movement, stream, clean, future, hole, track, direction, reflect*. Примерами могут служить следующие контексты: *Firstly, cash flow can be used for calculating parameters in order to disclose cash movements over the period* (Candidate, 3rd year, B2 level); *To begin with, company's accounts have a lot of holes, where huge amounts of money go out from the company* (Candidate, 2nd year, A1 level); *Moreover, it is very hard to track income and costs for modern companies* (Candidate, 2nd year, A2 level).

Метафорическая модель **Человек как социальный субъект** представлена в наибольшей степени в специальном экономическом дискурсе студентов с уровнем владения английским языком на А2 (53%). Данная метафорическая модель репрезентирована видовыми таксонами **социальная деятельность, культура, механизм, политика и война**, включающими такие метафоры, как *tool, built, building, earn, operations, force, play a big role, tied up, struggle*. Например: *I think it's the main tool of a company operations* (Candidate, 3rd year, A2 level); *These cash needs of the firm would not be met should a business have its monies tied up in othe areas* (Candidate, 3rd year, A2 level); *It may struggle to pay immediate bills* (Candidate, 3rd year, A2 level).

Метафорическая модель **Человек как биологическое существо** доминирует в специальном экономическом дискурсе студентов с уровнем владения английским языком В1 (42%). К наиболее репрезентативным видовым таксонам данной модели относятся **физиология, анатомия и психология**. Видовой таксон **физиология** включает следующие подвидовые таксоны **жизнедеятельность и болезни** (*return, position, health, vital, stimulate, running, stay, go, stop*); **память и познавательная деятельность** (*analysing, analysis, determine, define, calculate, give information*). Видовой таксон **анатомия** в основном представлен метафорами подвидового таксона **органы и их функции** (*lifeblood*), а видовой таксон **психология** – метафорами подвидового таксона **поведение человека** (*ability, help, let, carefully*). Например: *To sum up, I believe cash flow is of vital importance to a business, because it gives the necessary information for its health estimation* (Candidate, 3rd year, B1 level); *Hence, cash flow stimulates business activity* (Candidate, 3rd year, B1 level); *To sum up, I believe cash flow is of vital importance to a business, because it gives the necessary information for its health estimation* (Candidate, 3rd year, B1 level); *Moreover cash flow is the lifeblood of business*. (Candidate, 3rd year, B1 level); *Cash flow is a company ability to earn cash* (Candidate, 3rd year, B1 level).

Таким образом, настоящее исследование метафоры в экономическом дискурсе выявило продуктивные сферы метафорического осмысления экономического знания, что позволяет не только расширить имеющиеся представления об экономическом дискурсе, но и является предпосылкой для изучения метафоры и выявления особенностей ее функционирования в разных типах экономического дискурса.

Библиографический список:

1. *Алексеева Л. М.* Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации. Пермь: Изд-во ПГУ, 1998.
2. *Аликина Е. Ю., Мишланова С. Л.* АATTRAKTIVNAYA FUNKCIYA METAFORY // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (7). 2010.
3. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994.
4. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2008.
5. *Зубкова О. С.* Лингвосомиотика профессиональной метафоры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Курск, 2011.
6. *Ивинских Н. П., Мишланова С. Л.* Дидактический потенциал метафоры // Научно-Технические Ведомости СПбГПУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3 (120).
7. *Ковязина Е. Н., Квасков В. Н., Мишланова С. Л.* Природа как метафора в античной философии (на материале произведения Вл. Татаркевича «История философии») // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 35. № 30 (168). Челябинск: ЧелГУ, 2009.
8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. *Алексеева Л. М., Ивинских Н. П., Мишланова С. Л., Полякова С. В.* Метафора в дискурсе: Учеб. пособие / Под ред. Алексеевой Л. М.; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013.
10. *Мишланова С. Л.* Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.
11. *Мишланова С. Л., Ивинских Н. П., Пенькова Т. В.* Концептуальная метафора в методическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 3 (Том 3) 2010. Филология.
12. *Мишланова С. Л., Полякова С. В., Уткина Т. И.* Исследование метафоризации в сопоставительном аспекте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 2 (2).
13. *Мишланова С. Л., Уткина Т. И.* Особенности метафоризации в научно-популярном дискурсе // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 1.
14. *Полякова С. В., Мишланова С. Л.* Метафорическое представление о болезни в непрофессиональном медицинском дискурсе России и США // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. № 1 (2). Киров 2010.
15. *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка.* М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2003.
16. *Уткина Т. И., Мишланова С. Л.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во ПГУ, 2008.
17. *Alekseeva L., Isaeva E., Mishlanova S.* Metaphor in Computer Virology Discourse // World Applied Sciences Journal 27 (4): 533–537. 2013.
18. *Azuma M.* Metaphorical competence in an EFL context: the mental lexicon and metaphorical competence of Japanese EFL students. PhD thesis, University of Nottingham, 2004. URL: <http://etheses.nottingham.ac.uk/1894/1/416746.pdf>
19. *Littlemore J., Low G.* Metaphoric competence and communicative language ability. Applied Linguistics 2006, 27 (2): 268–294.

20. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman, 2005. 1668 p.
21. Macmillan Dictionary for Advanced Learners. London, 2006. 1692 p.
22. Pragglejaz Group. (2007). MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39.
23. *Steen G.J.* From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps. In Gibbs R.W. jr, & Steen G.J. (eds), *Metaphor in Cognitive Linguistics* (pp. 55–77) Amsterdam, 1999: John Benjamins.
24. *Steen G. J.* Finding metaphor in grammar and usage: A methodological analysis of theory and research. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
25. *Steen G.J.* From linguistic form to conceptual structure in five steps: analyzing metaphor in poetry. In G. Brône & J. Vandaele (Eds.), *Cognitive poetics: Goals, gains and gaps* (pp. 197–226). Berlin/ New York, 2009: Mouton de Gruyter.
26. *Steen, G. J., Dorst, A. G., Kaal, A. A., Herrmann, J. B., & Krennmayr, T.* (2010). A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam: Benjamins.
27. *Мишланова С. Л.* Специфика репрезентации научного и наивного знания в медицинском дискурсе (к проблеме метафорического моделирования) // Когнитивные исследования языка. 2008. № 3.

Социокультурный меридиан

Э. В. Королева

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, доцент кафедры государственного и муниципального управления, кандидат социологических наук (690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41; тел.: (84232) 40-41-73)

А. Л. Чернышова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления (690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41; тел.: (84232) 40-41-73)

ОТСУТСТВИЕ ЗНАНИЙ О СЕБЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Деструктивные социальные процессы, которые сегодня сотрясают весь современный мир, во многом обусловлены результатами разрушительной модели системы образования. Целью, которой является не формирование целостной личности, а наоборот, она заинтересована в выпуске безликой массы трудоголиков. Делая ставки только на профессиональные качества человека, система тем самым, способствует порождению целого комплекса социальных проблем жертвами которых становятся именно выпускники трафаретной системы образования.

система образования; знания человека; общество потребителей; одержимость социальным статусом; концепт образования

Современная система образования, впрочем, как и в прошлые столетия, делает акцент исключительно только на профессиональные навыки обучающихся. Сужая границы знаний исключительно только в рамках профессионального совершенства, система практически всех без исключения государств, производит безличных граждан. Друг от друга они отличаются только по нескольким параметрам: гендерные признаки, сфера деятельности, этническая принадлежность, социальный статус. В этой связи нельзя не согласиться с Дарио Саласасом, что «цель современного образования – запрограммировать мозг людей так, чтобы они лучше выполняли свою профессиональную и общественную работу» [9, с. 56].

С ранних лет мы вовлечены в процессы эгоистичной, алчной, завоевательной социальной концепции мирового порядка. Как отмечал Жюльен Бенда «очевидный закон человеческой массы – завоевание земного и одобрение побуждений и чувств, этому содействующих» [3]. И не удивительно, что наше знание о себе ограничивается потребностями эгоистичной личности. Познания человека очерчены узкими пределами, которые заключены в формуле «Я знаю, что хочу и

знаю, чего не хочу». Платформа исключительного эгоизма, превалирует над рациональностью, моралью, честностью, разумностью и самой природой человека. Эгоистична сама социальная система, которая и производит на свет однотипных персонажей. Навязанные модели общественного поведения, конструируют подвластных безликих индивидов. Эгоистичная социальная система проникает во все сферы жизнедеятельности человека и сужает границы человека, до таких пределов, что он не в состоянии понять, кто он на самом деле «трафаретный гражданин» или человек разумный, наделенный всеми качествами мудрого сына человеческого. Происходит кардинальная трансмутация целостного природного начала индивида. Исследователь Макаревич Э. Ф., описывая современное состояние западного демократического общества, и место человека в нем так характеризует систему «При внешней свободе он внутренне порабощен. Причем все искусство применения новых информационных технологий состоит в том, что сам человек не чувствует этого порабощения, не понимает игры, которую с ним ведет система» [5, с. 30].

Процессы искажения, деформации и дезориентации человека начинается с момента осознания своей «непревзойденной инаковости». В последующем к подобному «особому» существу начинают прикрепляться те знания, которые стоят на службе у правящей политической системы, которой в свою очередь необходимы индивиды с рабской психологией. Для неё важны граждане, порабощённые своими страстями и низменными качествами. Способность сохранять свою природную кристальную чистоту присуще далеко немногим. Человек, если во время поймет истинный смысл своей инаковости, то у него есть шанс, не попасть в воронку поработительной системы. Однозначно, живя в социуме, нельзя развиваться только самостоятельно. И здесь отчасти можно согласиться с Робертом Парком, который указывал «самосознание индивида формируется во время контактов и конфликтов личности с другими личностями. Оно проявляется весьма разнообразно: в гордыне и смирении, суетности и достоинстве, скромности и заносчивости, жалости и презрении» [7, с. 403]. Социальные контакты позволяют и вырабатывают способность индивида понимать других, таким образом, идет процесс формирования социального интеллекта. Он не может ограничиваться рамками исследований другого, социальный интеллект возлагает ответственность и обязывает личность познавать себя через других.

Любому человеку необходимо вовремя задать себе вопрос «Какова конечная цель полученных знаний и умений?» Если такой вопрос сегодня задать любому индивиду. В девяноста девяти случаев из ста ответ будет банальным и предсказуемым «чтобы лучше жить». Все это в очередной раз доказывает, что мыслимы все запрограммированными штампами и не видим в каком безумии находимся. Массовый суггестивизм ненужной информации поражает все слои населения, особенно ему подвержено молодое поколение. Под маской необходимых знаний скрывается огромный пласт деструктивных идей, превращающий огромные массы людей в биологические машины, срок годности, которых максимально ограничен.

Одна из ключевых причин поглощения бесполезных знаний, является паутина многочисленных страхов, умышленно навязанных внешней средой, а точнее теми, кто управляет мировым сообществом. Количество страхов стремительно растёт. Процессы социализации человека сопровождаются накоплением всевозможных фобий.

Социальные страхи человека активно вливаются в биологические, тем самым блокируют и парализуют сознание индивида, не давая возможности рационально оценить происходящие вокруг события. Лавина всепоглощающих стра-

хов заставляет людей выбирать престижную профессию, а не к чему у человека есть предрасположенность. Статистика трендовых безработных экономистов, юристов, переводчиков удручающая. Во многом здесь вина родителей, не умеющих, а порой не желающих знать потребности и возможности любимого чада. Ещё в 19 веке английский философ и социолог Герберт Спенсер отмечал нелепость, извращенность выбора знаний в угоду моде «Люди украшают ум своих детей, равно как наряжают их тело, сообразно с господствующей модой. Многое преподается скорее для угождения общественному мнению, чем для личной пользы воспитуемых. Мы принимаем в соображение не то знание, которым должны дорожить более всего, а то, которым можем всего легче блеснуть, возбудить удивление, добиться почестей, видного положения в обществе и влияния – самой важной цели нашей. Главный вопрос нашей жизни – не что мы такое, а что о нас думают» [10, с. 566–567]. Прошло целое столетие, а родительский менталитет практически не изменился. Данные опроса «Российские элиты развития-2008», опубликованные в работе Михаила Афанасьева «Российские элиты развития: запрос на новый курс» в очередной раз подтверждают приоритетность экономических факторов над личными возможностями человека при выборе профессиональной деятельности. На вопрос элитным группам «Выберите важные лично для Вас стороны трудовой деятельности» из 20 позиций анкеты первое место отведено ответу «хороший заработок». 86,2% респондентов согласились с этим мнением. Второе место 72,2% заняла позиция «интересная работа». Завершил пьедестал ответ «хорошие отношения с людьми на работе»-62,5%. И лишь на 13 символичном месте «работа по способностям»-20,3%. Согласно этому опросу, как отмечает М. Афанасьев ««работа по способностям» менее всех заинтересовала российских предпринимателей и адвокатов – как раз тех «лучших людей», у кого наиболее сильна достигательная ориентация, кто постоянно испытывает свои способности и мерится ими с конкурентами» [1, с. 79, 111]. К элитным группам в вышеназванном исследовании отнесены чиновники (федеральные, региональные), силовики (армия, «чекисты»), юристы, предприниматели, менеджеры, медицина, наука, образование, информация, экспертиза. Именно эта каста управляет всеми системами социального пространства, формирует и моделирует сознание граждан. Отсюда понятен и предсказуем модус вивенди и иных членов стратификационной иерархии. Нежелание заглянуть внутрь себя превращает человека в живой труп. Противоестественность всегда разрушительна. Статистика показывает нам огорчающие факты. Исследовательский центр рекрутингового портала SuperJob.ru провел социологический опрос среди россиян. На вопрос «Чем была бы наполнена их жизнь, если бы в ней не было работы, только 4 % ответили, что занимались бы любимым делом, 3%-саморазвитием, самосовершенствованием, 2%-занимался (ась) собой, своим здоровьем [4]. Все это говорит, только о том, что, мы не можем найти применение себе, поскольку не знаем себя. Казалось бы, нет ничего проще, ответить на вопрос, что мы больше всего любим делать на свете? Данный вопрос вводит нас в тупик. Он ограничивается двумя, тремя фразами и те, общепринятые, путешествие и отдых. А где коэффициент полезного действия нашей жизненной энергии, силы?

Будучи за пределами активного, делового пространства, человек не в состоянии найти точку своего заземления. Обратимся опять к цифрам и фактам. Современную Японию сегодня называют «царством самоубийц». Среди высокоразвитых стран мира, она занимает лидирующие позиции по количеству суицидов. Как указывает источник «большинство ушедших из жизни составляют безработные и пенсионеры (57%), рабочие и служащие (28%), ремесленники и крестьяне (10%), студенты (5%)» [6]. Финансовый кризис прошлых лет пополнил

нил печальную статистику суицидов в Европе. В десяти странах ЕС Австрии, Британии, Греции, Ирландии, Британии, Нидерландов, Чехии, Венгрии, Литвы и Румынии с 2008 уровень самоубийств, среди трудоспособного населения, повысился на 7% [12]. «Комплекс короля Лир» является и отправной точкой для россиян. Потеря социального статуса толкает людей на сведения счетов с жизнью. В России, за последние 20 лет, покончили жизнь самоубийством 830 тысяч человек. За это время уровень самоубийств снизился практически вдвое (с 39,2 – в 1990 до 21,4 – в 2011). В Москве суицидальный показатель составляет 11, в Питере – 18. В некоторых районах России (Волго-Вятском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском, Дальневосточном, Уральском) этот показатель достигает 65–80, в Корякии – 133, Коми – 110, на Алтае – 102, в Удмуртии — 101 на 100 тыс. населения [11]. Вышеприведенная статистика доказывает нам о беспомощности, слабости человека перед проблемами. Психоземotionalная и физическая неспособность противостоять трудностям обусловлена замкнутостью, ограниченностью знаний человека о своей природе и высоком предназначении.

Стремление к сохранению своего социального статуса – это радиус нашего действия, в рамках которого, мы и пытаемся жить и получать знания. Выход из данного круга, соразмерим со смертью. Когда индивид становится неспособным, в силу разных причин, удержать свое положение в социальном пространстве, он начинает угасать, поскольку его картина мира сводится к единственному лозунгу «иметь». Потеря возможности обладать материальными благами подрывает психику человека, погружает в умственную летаргию, аморфность, ускоряется процессы физического исчезновения. Синдром боязни абсолютного обнищания является порождением вынужденной прописной истине «иметь, значить жить». Конституционные предписания социума вынуждают человека с ранних лет включаться в потоки массовой истерии, которую сопровождают неконструктивные действия, направленные на сокращение жизненного срока пребывания индивида на земле. Слова быть, жить отдают пальму первенства модели поведения, для которой характерна только позиция обладания, самооблажения. Как верно заметил чилийский психолог Соммэр Дарио Салас «наша абсурдная система воспитания учит оценивать людей по тому, чему они обладают, а не по тому, что они на самом деле представляют собой. Физическая привлекательность, деньги, материальное имущество, профессиональные титулы, происхождение – все это имеет отношение к слову «иметь», а не к слову «быть» [9, с. 46]. Система аттестовывает человека только в том случае, если он наделен всеми атрибутами невольника социетального штампа владельца. Ключевыми константами в поведении современного человека, впрочем, как и много веков назад, остается тревожность, неуверенность. Социологические исследования российских ученых «свидетельствуют о том, что чувства страха и тревоги сегодня не локализируются в рамках какой-то определенной социальной группы или групп, их испытывают большинство наших сограждан независимо от пола, возраста, дохода. В отношении предмета страха россияне не отличаются чем-то необычным: они опасаются, прежде всего, за жизнь и здоровье свое и своих близких, а также за собственное имущество» [8, с. 154]. Экспоненциальный рост страхов современного человека увеличивается параллельно с потребностями. Существует прямая зависимость между «иметь» и «бояться». Невозможность в полном объеме достичь всех желаемых объектов и предметов, дестабилизирует психику и здоровье человека. Депрессия, астения, абulia и иные нервные расстройства – это спутники современного человека-штампа. Почему происходит обессточивание организма. Ответ достаточно прост. Система образования формирует человека-потребителя, стремящегося к мнимому успеху. Различного толка тренинги, семинары, программы

учебных заведений учат достигать результата в карьере, но никто не объясняет и не показывает обратную сторону пьедестала. Не зря любая медаль имеет две стороны. Обучающихся, как в цирке животных, заманивают яркой бриллиантовой стороной. Слепленные, одержимые и охваченные желанием иметь, мы все попадаем в ловушку. Если бы нам, начиная с раннего возраста, растолковали «закон эквивалентного равенства» и подобные ему нормы человеческого бытия, которые, много столетий назад, нашли свое отражение в религиозных учениях разных этнических групп, то, скорее всего, современный мир не содрогался бы от всепоглощающей, массовой истерии стремления к триумфу. Человеческая жизнь отдается на растерзание фальсифицированному успеху.

Первых лиц социумной системы не интересует наше личное закулисье. Важна помпезность, результаты на арене. Наверное, мы допускаем отчасти некорректное сравнение, жизнь человека с цирковой ареной, но отчасти это так и есть. Не случайно, в пословицах и поговорках разных стран человеческие характеристики проецируются на животных и птиц. К тому же, многие россияне свою квартиру называют клеткой. Безусловно, все это имеет символический смысл. Клеткой называют из-за маленьких размеров. Но, если посмотреть с позиции власти и подчинения, управляющих и управляемых, то все станет на свои места. После того, как граждане отдадут свою силу, знания, умения, здоровье системе, будучи на службе у государства (арена), они возвращаются в малогабаритные клетки.

Нас никто не учил тому, чтобы мы могли ставить информационный фильтр в познавательном процессе мира. Невостребованность, никчемность, ненужность огромного пласта знаний, которые мы получаем в школах, университетах, разворовывают наше время, а самое страшное, жизнь человека. Никто об этом не хочет задумываться. Люди не понимают, какая власть в руках информации. Давно доказано могущественное влияние информационных потоков на мозг человека. Этот факт неоспорим. Однозначно, найдутся скептики, которые с твердой убедительностью, аргументировано постараются доказать высокую эффективность современного образования. С ними можно согласиться. Только для кого выгодна подобная форма обучения? В её плодах нуждается та невежественная государственная система, для которой необходимы только хорошо управляемые сильные, здоровые граждане. Слабых она не подпускает к себе, поскольку, беспомощные отягощают систему и не приносят никакой прибыли. Осознание, того, что человек был использован в угоду определенной группы лиц, приходит, когда он оказывается выброшенным за арену полноценной жизни. Он становится слабым и беспомощным, немощным. Здоровье, в котором он так нуждается, система не восполнит и не восстановит. Мало, кто задумывается, что «самая большая глупость – жертвовать своим здоровьем, будь то для приобретения средств, учености, славы, а тем более для мимолетных наслаждений» [2, с. 94].

Ежегодно учебные заведения различных уровней всех стран выпускают многотысячную армию карьеристов. Это действительно армия, поскольку она выполняет команды системы. Карьеристы, ещё будучи в стенах учебных заведений, приобретают все навыки им свойственные: жадность, стяжательство, хищность, подстрекательство. Будучи рабами гедонизма и своих неудержимых страстей, обусловленных витальными потребностями, такие люди с восторгом поглощают те знания, которые им пригодятся в погоне за лавровым венком. Мало кто осознает, в какой западне они находятся. Выпускники образовательных учреждений попадают под управление, тех, кто сам наполнен ненавистью, обидами, ревностью. Система давит своим отрицательным воздействием, на тех, кто мог бы созидать. Порочность ее давления неоспорима.

Никто не оспаривает, что живя в социуме невозможно существовать автономно. Сложность заключается в том, что достаточно сложно индивиду реализовать свое истинное предназначение без оглядки на правила и требования социумной конструкции. Героем в этой армии-стае становится именно тот, кто смог объективно увидеть истинную цель своей жизни, которая не сужена в границах эгоистичной личности. Именно такие люди поистине полезны социуму. Их сфера деятельности может быть абсолютна различна. И не важно, какое место они занимают в стратификационной структуре. Такие индивиды не порабощены рамками идеализированной личности, как абсолютное большинство. Идеализация себя, одна из невидимых ловушек системы, «добровольный» садомазохизм. В неё попадают безграмотные, алчные люди. Человек одержимый своей идеальностью, очень нужен государству, поскольку находясь в постоянном процессе поддержания своей «яркой», «непревзойденной» личности он много отдаёт во внешнюю среду, опустошая себя. Это очень деятельные люди. Их активность в социуме безгранична. Переоценка и не элементарное не знание своих способностей, как уже отмечалось выше, ведет к гибели. Невозможность принадлежать, хотя бы частично себе, разрушает природную, биологическую целостность человека. Губительная интеракция между обществом и индивидом, не только уничтожает отдельных граждан, но рано или поздно, приведет к бездне саму систему.

Одна из составляющих благополучного государства является наличие такой системы образования, которая выпускает в мир полноценных граждан, не обремененных кодами рабской политической системы. Современный концепт образования, по-возможности, должен основываться на следующих принципах: ориентация на природные способности человека; индивидуальная свобода в выборе профессии; на ранних ступенях обучения, определенные знания должны носить информационный характер, с целью последующего самостоятельно выбора тех научных отраслей, которые находятся в резонансе с врожденными талантами человека; образование должно способствовать повышению эмоционального, психологического и физиологического здоровья человека; знание должны даваться не методом внушения и запугивания, а путем заинтересованности и пониманием важности, актуальности поступаемых информационных научных сообщений; параллельно с профессиональными знаниями, в перечень обязательных дисциплин, независимо от специальности, должен быть включен целый блок предметов, посвященных исследованию законов человеческой природы, с целью осознания себя не только винтиком государственной машины, но и нужной обязательной составляющей частицей более могущественной мудрой системы, чем государство.

Вышеперечисленные принципы будет очень сложно ввести в систему образования в силу следующих причин. Во-первых, сама система, в силу своей алчности, не желает осознать, пагубность своей модели управления людьми. Во-вторых, навязанный страх перед нищетой, коллективное бессознательное потребительства не позволят многим правильно определиться со своими профессиональными ориентирами. Надежда, остается только на незначительные группа индивидов, которые самостоятельно, без оглядки на социум, своим личным примером продемонстрируют, в хорошем понимании этого слова, опыт верно определившего вектор своей профессиональной сферы деятельности. Такие индивиды существуют в каждом поколении, но они не так заметны. В силу своих высоких моральных принципов, они тонут в дезориентационной, загнивающей ненасытной массе.

Библиографический список:

1. *Афанасьев М.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009.
2. *Безобразова М.* Розовое и черное из моей жизни. М.: Аграф, 2009.
3. *Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов / Пер. с франц. Гайдакина В. П. и Матушек А. В. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009.
4. Если бы не работа, 35% россиян посвятили бы жизнь путешествиям / Исследовательский центр портала SuperJob.ru. // <http://www.superjob.ru>
5. *Макаревич Э. Ф.* Общественные отношения: Природа и система управления. Управление общественными отношениями: Учебник / Под общ. ред. Комаровского В. С. М.: Изд-во РАГС, 2005.
6. *Овчинников В.* Царство самоубийц // <http://www.rg.ru>
7. *Парк Р.* Конфликт. Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит., Сост. и общ.ред. Баньковой С. П. М.: Книжный дом «Университет», 2002.
8. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под. ред. Горшкова М. К., Кумма Р., Петухова В. В. М: Альфа-М, 2009.
9. *Соммер Д.* Мораль XXI века / Пер. с исп. М.: Научная книга, 2007.
10. *Спенсер Г.* Изучение Социологии. Воспитание умственное, нравственное и физическое. Мн.: БелЭн, 2006.
11. Статистика самоубийств // <http://www.lossofsoul.com>
12. Финансовый кризис 2008 – причина волны суицидов в Европе // <http://www.mignews.com>

А. А. Зинина

Российский государственный гуманитарный университет, аспирант кафедры социальной и юридической психологии института психологии им. Л. С. Выготского (125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6; тел.: (499) 251-36-97)

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕСТАРЕЛЫХ ЛЮДЯХ

В статье описывается эмпирическое исследование социальных представлений о престарелых людях у студентов и работающих взрослых. Особое внимание автор уделяет различиям между эксплицитным и имплицитным уровнями социальных представлений. На эксплицитном (когнитивном) уровне работающие взрослые склонны оценивать престарелых людей более негативно: они обращают внимание на плохое положение престарелых людей в обществе. Однако на имплицитном (эмоциональном) уровне работающие взрослые оценивают престарелых людей более позитивно. Совершенно иные результаты дает изучение студенческой группы, эксплицитный уровень которой включает позитивные, нейтральные и негативные элементы, а эмоциональный отличается ярко выраженной негативной направленностью.

социальные представления; престарелые люди; когнитивные и эмоциональные компоненты

В связи с устойчивой тенденцией к увеличению продолжительности жизни, а также ввиду повышения качества медицинского обслуживания, контроля над заболеваниями, уровнем и качеством жизни, в России с каждым годом увеличивается доля престарелых людей. Данное обстоятельство порождает многочисленные проблемы, связанные с положением престарелых людей в обществе и их адаптацией. Именно поэтому в социально-психологических исследованиях последних лет возрастает значение изучения престарелых людей и социальных проблем данной группы.

Известно, что положение престарелых людей трансформировалось в разные исторические периоды от признания их высокого общественно-культурного статуса до пренебрежения к ним. Несмотря на то, что в современном обществе пропагандируется уважительное отношение к старости и признание ее уникального места в процессе развития человека, геронтофобные установки по отношению к престарелым людям сохраняются. В качестве причин происходящих изменений рассматриваются различные социально-экономические трансформации, характерные для развивающихся и развитых стран. В этой связи целесообразно отметить, что современная Россия находится на начальном этапе реформирования социальной сферы. Поэтому на сегодняшний день социальную систему в России нельзя назвать жизнестойкой и перспективной: она продолжает модифицироваться, получая результаты путем проб и ошибок. В результате этого социальная сфера общества становится предметом множественных дискуссий и споров. В подобных условиях для полного и всестороннего анализа такого социального объекта, как престарелые люди наиболее подходящим представляется использование концепции социальных представлений С. Московичи. По мысли французского исследователя, социальные представления являются атрибутами коллективного субъекта и формируются с целью осмысления и выработки стра-

тегии взаимодействия с элементами социального окружения путем наименьших затрат.

Под социальными представлениями в социально-психологической науке понимают процесс выработки социального объекта в процессе общественного дискурса. С другой стороны, под социальными представлениями понимают ментальные продукты конструктивной работы, представляющие собой некоторую сеть идей, мыслей, образов, включающих разделяемые людьми знания. Как известно, социальное представление имеет трехкомпонентную структуру, в которую входит необходимая информация об объекте представления, поле и установка. Поле определяет структуру когнитивных компонентов представления и, как правило, варьируется в различных социальных группах. Если говорить об установке, то она вполне способна существовать как при плохой информированности, так и при скудности поля представленности. Это состоящее из эмоциональных компонентов измерение отражает готовность субъекта представления реагировать определенным образом. Следовательно, понятие социального представления достаточно емкое и включает как эксплицитный, так и имплицитный уровни. Методологические возможности концепции социальных представлений открывают пути для эмпирического исследования механизмов функционирования обыденного сознания при анализе престарелых людей и престарелого возраста как социального феномена в современном изменяющемся обществе. Следует отметить, что наиболее перспективным в современной науке считается выделение специфических черт больших реальных социальных групп и исследование закономерностей их психической жизнедеятельности. Кроме этого, престарелые люди по-разному воспринимаются в зависимости от принадлежности к социально-демографической группе.

Как уже было сказано, современная общественно-политическая ситуация в различных науках, смежных с социальной психологией, оценивается как неоднозначная и противоречивая. В связи с этим, важно отметить, что представления, сформированные в подобной среде, часто уже на когнитивном уровне содержат противоречивые элементы. Кроме того, часто отмечается и противоречие между различными уровнями анализа (эксплицитный и имплицитный).

В нашем эмпирическом исследовании мы предположили, что существуют различия между уровнями осознанности представления. Предметом исследования стали социальные представления о престарелых людях, объектом выступили две возрастные группы – студенты и работающие взрослые. Ставилась цель выявления различий между эксплицитным и имплицитным уровнями социальных представлений о престарелых людях в различных социально-демографических группах.

В общей сложности в исследовании приняли участие 150 человек. Выборка разделена на две возрастные группы: 18–23 года (студенты) и 27–54 лет (работающие взрослые). Процедура социально-психологического исследования включала два этапа: поисковый и основной. На первом этапе испытуемым предлагалось написать эссе на тему «Образ престарелого человека в современной России». Для этого респонденты подробно описывали особенности и преимущества престарелых людей, их положение в российском обществе. После чего на основе смысловых единиц представлений респондентов о престарелых людях, выделенных с помощью тематического контент-анализа, были составлены шкалы для выявления структуры социальных представлений.

На основном этапе в исследовании для анализа структуры и содержания социального представления на когнитивном уровне использовался разработанный на поисковом этапе исследования набор шкал, состоящий из 22 утверждений.

Для выявления эмоциональных компонентов социального представления использовались методика «Незаконченные предложения» и психологический рисунок «Метафорическое изображение престарелого человека».

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе «Statistica.10». Для выявления различий между группами респондентов использовался непараметрический критерий Манна-Уитни для несвязанных выборок, для изучения взаимосвязи элементов социального представления между собой применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Помимо этого выявление структуры социальных представлений (ядра и периферии) происходило путём математического подсчета коэффициента позитивных ответов – ТСР (Тах категорик позитиф) в соответствии с рекомендациями Ж.-К. Абрика. Для анализа имплицитного уровня социального представления незаконченные предложения обрабатывались с помощью тематического контент-анализа. Полученные изображения престарелого человека на основе смыслового содержания, используемых цветов, размера и эмоционального сопровождения рисунка классифицировались и обобщались как метафоры престарелого человека.

Центральным звеном в данном исследовании является изучение социальных представлений о престарелых людях, их структуры и элементов в группах студентов и работающих взрослых. Структура представлений, согласно Абрику, состоит из ядра и периферии. Для удобства анализа мы разделяли близкую и удаленную от ядра представления периферию.

Было обнаружено, что ядра социальных представлений в возрастных группах включают четыре элемента, два из которых соотносятся. Периферия, близкая к ядру, состоит из одиннадцати элементов, семь из которых одинаковые. Наконец, далекая от ядра представлений периферия состоит из семи элементов, пять из которых схожи.

Сходные элементы в ядре социального представления: «У престарелых людей в России маленькие пенсии» и «Престарелым людям трудно привыкнуть к чему-то новому» отражают неустойчивость положения престарелых людей в России. Причем для группы работающих людей характерно включение только негативных компонентов в ядро, что обеспечивает большую внутреннюю согласованность и однородность представления. Работающие взрослые признают, что «За рубежом положение стариков лучше» и «Престарелые люди получают крайне плохое социальное обслуживание». Причинами подобного отношения к престарелым людям может являться близость работающих взрослых к позднему этапу жизни, ввиду чего обостряется страх, связанный с потерей работы и чувство неуверенности в завтрашнем дне. Полученные результаты не противоречат другим исследованиям. Например, А. А. Смолькин, также описывает склонность взрослых рассчитывать на государство при решении собственных проблем и склонность к неоправданному пессимизму и скептицизму по отношению к старческому возрасту.

В это время, студенты отличаются от работающих взрослых включением в ядро представления позитивного и нейтрального элементов: «У престарелых людей появляется больше свободного времени» и «Престарелые люди вызывают чувство уважения». На когнитивном уровне они признают, что престарелые люди заслуживают уважения и имеют много свободного времени. Присутствие позитивных элементов в ядре социальных представлений может быть обусловлено социальной желательностью ответов. Это предположение подкрепляется включением в ядро нейтрального элемента. Другими исследователями также неоднократно отмечалось признание молодежной группой наличия на когнитивном уровне позитивных характеристик и качеств у престарелых людей.

Из ответов респондентов понятно, что в современной России проблемы социальной политики выступают на первый план, а неудовлетворенность ею продуцирует страх перед периодом старости. В обеих группах преобладают мнения, согласно которым престарелые люди не имеют возможности содержать себя на должном уровне, не приносят пользу для государства, не имеют преимуществ, не ценятся и пренебрегаются в обществе. Они отражают наличие ряда социальных проблем в обществе. Элемент «Престарелые люди сталкиваются с невозможностью трудоустройства даже при желании работать» явно указывает на существование практик эйджизма (дискриминации по возрастному признаку) в России. Полученные результаты подтверждаются российскими исследователями. Например, Т. В. Смирнова определила, что к престарелым людям работодатели не проявляют должного внимания, игнорируют их как социально полезную группу. М. Э. Елютина, изучая особенности отношения руководителей к пожилым людям, доказала наличие не только латентных, но и явных практик эйджизма. Элемент, отражающий бесполезность престарелых людей в обществе соотносится с представлением о «стоимости» человека в условиях рыночной экономики. В этой связи престарелые люди не способны воспроизводить ресурсы и воспринимаются как экономический и социальный балласт общества. Наконец, элемент «Престарелые люди не имеют преимуществ по сравнению с более молодыми людьми» отражает проблему увеличения разрыва между поколениями и, как следствие, происходит обесценивание знаний старшего поколения ввиду их непригодности на практике.

Для изучения имплицитного уровня социального представления использовались качественные методы. По результатам методики «экспрессивный рисунок» были выделены эмоциональные компоненты социальных представлений, в качестве которых рассматривались 12 метафор престарелого человека.

В группе студентов большее выражение получили метафоры: «Одиноким престарелый человек», «Престарелый человек, вызывающий жалость», «Изображение престарелого человека через внешние атрибуты». Отсюда становится ясно, что студенты скорее негативно относятся к престарелым людям. Данное обстоятельство может быть обусловлено увеличением межпоколенного разрыва. Студенты видят престарелых людей неспособными адаптироваться к современным условиям технологического общества и признают, что их мудрость уже не актуальна. Данный факт подкрепляется тем, что, в отличие от старшей возрастной группы, у студентов представлена такая категория как «Старость = смерть». Несмотря на то, что данный факт недостаточно осознан, т.к. в процессе рисования наиболее ярко выявляются именно неосознанные реакции личности, он устойчив и доказывает существование негативных установок по отношению к престарелым людям в обществе. Кроме всего прочего, в группе студентов выражена метафора «Старость с любимым человеком», которая отражает надежду на счастливое будущее с любимым человеком. Данная метафора выражена в этой группе, возможно, потому, что студенты на данном этапе жизни чаще испытывают чувство влюбленности.

В группе работающих взрослых, когнитивные элементы социальных представлений которых отличаются большей негативной направленностью, не наблюдается ярко выраженной тенденции оценивать престарелых людей каким-либо образом. На одном уровне с негативной метафорой «Схематичное изображение старости и престарелого человека» (неопределенность, неизвестность) выражена позитивная метафора «Довольный жизнью, умиротворенный престарелый человек». Также большое выражение приобрела и нейтральная метафора «Изображение престарелого человека через внешние атрибуты». Преобладаю-

щие метафоры отражают либо неуверенность и страх перед старческим возрастом, либо надежду на счастливое старение и чувство уважения к престарелым людям. Таким образом, в группе работающих взрослых эмоциональный компонент социального представления раскрывает глубину переживания в отношении престарелых людей, а когнитивный элемент содержит не только социально желательные, но и элементы защиты. Поскольку с большой долей вероятности можно предположить, что обращение к эмоциональной сфере человека посредством аллегорий и метафор актуализирует присущие личности эмоциональный и поведенческий паттерны, получается, что работающие взрослые на практике относятся к престарелым людям более уважительно, нежели студенты.

Расхождение между эксплицитным и имплицитным уровнями социального представления определяется и с помощью тематического контент-анализа незаконченных предложений. Так группа студентов в большей степени описывает престарелого человека как вызывающего жалость. Они считают, что уровень жизни престарелых людей на порядок ниже, чем они того заслуживают, они материально несостоятельны, разочарованы жизнью и страдают. У работающих взрослых данная подкатегория получила меньшую выраженность и разнообразность: в основном они считают, что престарелые люди часто подвержены болезням и одиночеству. Помимо прочего студенты отмечают плачевное состояние престарелых людей в обществе. Они говорят о беспомощности престарелых людей, отмечая неуверенность последних в себе и трудности адаптации в силу ненужности. Нередко респонденты упоминают и нищету, в которой живут старики. Категория, включающая представления о конце жизни, также в большей степени отражена в группе студентов: по их мнению, престарелые люди утрачивают радость в жизни, тоскуют по прошлому, не пытаются что-либо менять, доживают свою жизнь, ждут конца и умирают. Если говорить о категориях, отражающих позитивное отношение к престарелым людям, то нельзя не отметить, что студенты оценивают богатый жизненный опыт последних, считая их состоявшимися людьми. Многие студенты уверены, что жизнь престарелых людей не закончилась, а начинается лишь новый ее этап – они не стареют душой, размышляют о жизни, путешествуют, радуются жизни. Несмотря на наличие данных подкатегорий, общий фон представления остается негативным (72% негативных категорий). Данное обстоятельство противоречит содержанию социального представления полученного через шкалы. Полученные результаты фиксируют расхождение между эксплицитным и имплицитным уровнями представления у студентов.

В группе работающих взрослых наибольшее выражение получили категории, оценивающие психологические особенности престарелых людей. При описании негативных черт, работающие взрослые, прежде всего, отмечают ворчливость, капризность, агрессивность в метро и очередях. Считают, что они постоянно заиклены на своих переживаниях, замкнуты, придумывают проблемы и жалеют себя. Одновременно с этим с позитивной стороны престарелые люди представляются добрыми, счастливыми. Они принимают себя, не отчаиваются, ищут новый смысл жизни и считают, что жизнь удалась. Таким образом, в представлении работающих взрослых эмоциональные компоненты, отражающие психологические особенности престарелых людей, явно противоречат когнитивным компонентам.

В общей сложности негативная направленность социального представления на эмоциональном уровне (51% негативных категорий) сравнительно ниже в группе работающих взрослых по отношению к группе студентов, что не соотносится с выявленной на когнитивном уровне структурой представления.

Наличие подобных противоречий между эксплицитными и имплицитными компонентами указывает на существование двойного дна у социальных представлений о престарелых людях. Особенно важно, что скрытая, завуалированная тенденция оценивать престарелых людей более негативно была отмечена именно в группе студентов. Ведь, как правило, в данном возрасте негативное отношение не переходит к агрессивным действиям по отношению к престарелым людям: оно выливается в исключение престарелых людей из всех общественных отношений и в их отнесении к «отработанным ресурсам» общества.

Данная проблема приобретает новый смысл в исследованиях престарелых людей и престарелого возраста в целом, ведь с увеличивающимся межпоколенным разрывом общество теряет богатый жизненный опыт в его чувственном, интеллектуальном, социокультурном проявлении. Преемственность поколений через передачу духовного и культурного потенциала общества является основой социального взаимодействия. Поэтому игнорируя престарелых людей, общество обрекает себя на одностороннее, неэффективное существование.

Библиографический список:

1. Глуханюк Н. С. Поздний возраст и стратегии его освоения: учеб.-метод. пособие / Н. С. Глуханюк, Т. Б. Гершкович, Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. 2-е изд., доп. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003.
2. Елютина М. Э. Геронтологическая составляющая кадровой работы современного руководителя // Социологические исследования. 2006. № 3.
3. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2006.
4. Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002.
5. Липский И. А. Пожилой человек и общество: грани взаимодействия // Расширение участия пожилых людей в развитии местного сообщества: Материалы семинара. Ярославль, 2003.
6. Писарев Л. В. Образ пожилых в современной России // Социол. исслед. 2004. № 4.
7. Смирнова Т. В. Стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8.
8. Смолькин А. А. Социокультурная динамика отношения к старости: Дис. канд. соц. наук. М., 2004.

Н. А. Дмитриенко

Донской государственной технической университет, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук, доцент (346500, г. Шахты, ул. Шевченко, д. 147)

ТЕХНОЛОГИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Уровень жизнеспособности определяет качество жизни человека, степень его самореализации и самоосуществления в жизни. Невысокий уровень жизнеспособности является причиной огромного количества суицидов среди молодых людей, появление чувства страха, беспомощности и неспособности сохранять и умножать внутренние личностные качества и ресурсы при встрече с трудностями, возникающими на жизненном пути человека. Выбор педагогической технологии моделирования речевых ситуаций иноязычного общения соответствует гуманистическому смыслу образования и рассматривается с учетом синергетического подхода к образованию. Таким образом, задачей данной статьи является выбор педагогической технологии, способствующей формированию жизнеспособности в учебном процессе.

Изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни, обуславливают значительные социальные трансформации, которые способствуют снижению общего уровня жизнеспособности людей. В связи с этим, основной задачей современности является необходимость формирования жизнеспособного поколения [1, с. 15].

И данная задача должна решаться комплексно на всех уровнях системы образования, в том числе в рамках высшего профессионального образования. Процесс становления жизнеспособности представляет собой сложный процесс интеграции педагогических процессов: обучения и самообучения, образования и самообразования, воспитания и самовоспитания.

Воспитательный процесс в системе высшего образования часто признается восторженным, что, по мнению многих исследователей, является ошибкой, так как это важный аспект личностно профессионального развития будущего специалиста [1, с. 18].

Актуальность обращения к процессу становления жизнеспособности определяется личностными, социально-экономическими потребностями и интересами, поэтому многие ученые, исследователи различных научных направлений рассматривают данный процесс как средство личностно профессионального роста будущего специалиста, как способ повышения качества профессиональной подготовки, как условие самореализации личности, и сохранения жизни на планете (Н. В. Кузьмина, А. А. Бодалев, К. А. Абульханова, В. И. Слободчиков, О. С. Газман, З. И. Рябикина, В. П. Бедерханова, И. С. Якиманская и др.).

Законодательно определяется, что целенаправленный процесс становления и повышения уровня жизнеспособности личности будущих специалистов является не только основной задачей профессионального образования, но ее решение позволит нашей стране перейти на модель устойчивого развития общества [2, с. 3].

Высоко оценивая значимость разработок в области организации профессионального образования (Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, Е. И. Головаха, Л. М. Митина и др.) следует отметить ориентированность на удовлетворение социально-экономических потребностей общества, что определяет первоочередность формирования прочных профессиональных знаний и компетенций у будущих специалистов, в то время как личностные потребности субъектов образовательного процесса в становлении и поддержании высокого уровня жизнеспособности остаются за рамками образовательного процесса.

Постановка и переосмысление основной цели профессионального образования, направленность на становление жизнеспособности будущего специалиста, позволяет решать основные проблемы личностного и профессионального развития, повысить качество профессиональной подготовки, решить основные социальные проблемы.

Процесс становления жизнеспособной личности соответствует гуманистическому смыслу высшего профессионального образования, и определяется исследователями (А. Г. Асмолов, Е. В. Бондаревская, И. С. Кон, В. А. Петровский, В. А. Сластенин, и др.), как обретение человеком своей сущности, максимальное раскрытие и развитие творческого потенциала каждой личности, ее субъектных качеств [3, с. 12].

Вместе с тем, понятие «жизнеспособность личности» до сих пор не находит педагогического выражения адекватного гуманистическому смыслу личностно ориентированного образования. Анализ педагогических средств и технологий становления жизнеспособности личности показывает, что основной трудностью ее решения является сохранение приоритета формирующего подхода над личностно-развивающим.

Таким образом, возникает ряд противоречий между гуманистическим смыслом процесса становления жизнеспособности личности в процессе профессиональной подготовки и негуманными средствами ее формирования, между социальной и личностной потребностью в становлении высокого уровня жизнеспособности и недостаточным вниманием к процессу ее становления в вузе, что и составляют проблему данного исследования.

Все предпринятые попытки решить данную проблему привели к дальнейшему усложнению педагогических, воспитательных и образовательных задач, и способствовали проявлению синергетических процессов с трудно прогнозируемыми результатами. Собственно решение данной проблемы определяет необходимость учета синергетических процессов, которые проявляются как внутренние стимулы развития системы, выхода ее из состояния кризиса, неустойчивости, как источник саморазвития систем, и рассматривается в контексте поставленной нами задачи, как самоорганизация жизнеспособности личности будущего специалиста.

Одним из недостаточно освоенных потенциалов формирования жизнеспособности личности является процесс иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов. Проводимые в этом направлении исследования (Т. В. Бульнина, М. Л. Вайсбруд, А. А. Вербицкий, Н. Д. Гальскова, М. В. Дружинина и другие) только отчасти способствуют пониманию роли иностранного языка как одного из важнейших факторов формирования жизнеспособности будущих специалистов. Недостаточное внимание уделяется выбору современных технологий обучения иноязычному общению.

Концептуальный замысел нашего исследования состоит в том, что технология моделирования речевых ситуаций рассматривается нами как целенаправленный педагогический процесс становления жизнеспособности в процессе обуче-

ния иноязычному общению. Процесс становления жизнеспособности рассматривается, как способ проявления самоорганизации субъектного опыта обучаемых, как способ социализации и адаптации в процессе обучения иноязычному общению, как поиск личностных смыслов и ценностных ориентаций, которые выбираются личностью сознательно из содержания дисциплины «Иностранный язык».

В качестве гипотезы нашего исследования нами выдвинуто предположение о том, что становление жизнеспособности личности будет эффективным, если:

– в качестве основной технологии будет избрана технология моделирования речевых ситуаций общения;

– обладает признаками адаптивной, гибкой технологии, обеспечивающей наличие обратной связи процессов обучения иноязычному общению и самообучения развития и саморазвития.

Теоретико-методологическими основаниями нашего исследования являются положения гуманистической философии, психологии и педагогики о внутренних источниках саморазвития личности (Гераклит, Сократ, И. Кант, А. Маслоу, К. Роджерс.), концепция и теория личностно-ориентированного образования культурологического типа (Е. В. Бондаревская), синергетические аспекты принципов культуросообразности, ценностно-смыслового наполнения содержания образования, целостности, ценностно-смысловой ориентации образования (Л. Г. Брылева, В. Г. Буданов, С. В. Кульневич, С. С. Шевелева, и др.); положения о развитии творческих основ личности в контексте педагогической культуры (Е. В. Бондаревская, Т. Ф. Белоусова, Т. И. Власова), идеи о личностных структурах сознания, как факторе личностного развития (Р. Бернс, К. Роджерс, В. М. Бехтерев, В. В.) современный взгляд на человека как самоорганизующуюся открытую систему и его становление как свойство, обеспечивающее устойчивость существования личности в неустойчивом мире [4, с. 34].

Данные положения позволяют учитывать синзитивный возраст студентов 1–2 курсов, который определяется как важный этап осознанного становления личностных способностей, в том числе и жизнеспособности личности (подчеркнуто нами). Учет синергетического подхода позволяет рассматривать коммуникативные, лингвистические, культурологические и профессиональные компетенции будущего специалиста как основу самоорганизационного творчества субъектов обучения общению.

Проявление творчества в учебном иноязычном общении с точки зрения синергетической концепции жизнеспособности личности, рассматривается как внутренняя потребность системы (личности), которая сама стимулирует процессы «доотраивания» новых уровней коммуникативных компетенций, на основе формирования новообразований в личностных структурах сознания, как появление личностных качеств и характеристик, инициируемых внешними факторами (способами моделирования различных речевых ситуаций, особым образом представленным материалом иноязычного общения, педагогом).

Новые качества и свойства личности рассматривается нами, как система новообразований в личностных структурах сознания, а условием проявления самоорганизации и устойчивого саморазвития признается обмен информацией с окружающей средой [5, с. 45].

Основным в нашем исследовании признается то, что коммуникативные компетенции в широком смысле являются внутренней, сущностной основой жизни человека, выступают факторами становления жизнеспособности личности. Основным условием становления жизнеспособности личности является значимая

деятельность учебного общения, как обмен информацией, имеющей жизненные смыслы и основания для смыслотворчества.

Наиболее важным, на наш взгляд, является вывод о том, что в процессе значимого иноязычного общения, информация, имеющая жизненный смысл, не просто передается, она трансформируется и преобразуется в личностных структурах сознания и присваивается им, а также «она творится, воплощаясь в различных кодах языка» [6, с. 12].

Поэтому, учебное, иноязычное общение рассматривается как способ становления жизнеспособности будущего специалиста.

В общем смысле становление жизнеспособности личности в учебном общении рассматривается как синергетическое единство личностных способностей к сохранению и саморазвитию, достраиванию новых уровней, как новообразования, которые воплощаются и присваиваются сознанием в процессе значимого иноязычного общения, как внутренний процесс становления жизненных способностей будущего специалиста.

В связи с этим, основной вопрос выбора оптимальной технологии процессе обучения иноязычному общению является то, что главное внимание в процессе обучения иноязычному общению должно быть уделено не только процессу и результату обучения, но культурологическим, нравственным, профессиональным ценностям и смыслам содержания дисциплины, которые осознанно принимаются субъектом обучения иноязычному общению.

Данное положение обосновано тем, что процесс обучения иноязычному общению способствует расширению диалогических возможностей культурного слоя сознания субъектов образовательного пространства, в которых, по мнению Е. В. Бондаревской, возникают, сохраняются и живут культурные, личностные и профессиональные ценности и смыслы. Гуманистический потенциал организации процесса иноязычного общения состоит в том, что специально подобранная структура коммуникативных заданий (диалогов, коммуникативных игр, задач и т.д.) способна стимулировать ценностно-смысловую деятельность личностных структур сознания студентов — субъектность, рефлексивность, мотивирование, критичность, смыслотворчество и т.д [3, с. 21].

В этом случае проявление различных уровней реализации ценностно-смысловой деятельности сознания в процессе обучения иноязычному общению могут свидетельствовать о наличии различных уровней жизнеспособности личности.

Педагогическая технология моделирования речевых ситуаций выбрана нами на том основании, что она наиболее соответствует не только гуманистическому смыслу становления жизнеспособности в процессе овладения коммуникативными компетенциями, но и обусловлена дефицитом часов на изучение дисциплины «Иностранный язык».

Данная технология относится к числу игровых технологий, но ее особенность заключается в гибкости, адаптивности, легкости использования, что позволяет представить учебный коммуникативный материал в открытом виде. По мнению исследователей, в этом случае в сознании возникает необходимость домысливания ситуаций, выстраивания возможных вариантов, из которых субъектами обучения не только выбираются самые удачные, но и сочетаются различные варианты, позволяющие субъекту обучения выйти в стороннюю позицию.

Таким образом, технология моделирования речевых ситуаций выступают условием самоорганизации и успешного вхождения современного специалиста в

мировое информационно-коммуникативное пространство, где происходит обмен информацией, как условие становления жизнеспособности личности.

Принимая эти позиции за исходные и обобщая исследования ряда ученых-педагогов, наиболее приблизившихся к гуманистическому смыслу педагогической синергетики (Т. М. Давыденко, О. В. Заславская, Н. М. Смирнова, Л. Е. Шабунин, С. Н. Шуткин и др.), мы получаем возможность нового, более соответствующего гуманистическому образованию, понимания привычных и непривычных терминов.

Самоорганизация жизнеспособности – свойство любой системы к саморазвитию посредством самонадстраивания, «выращивания» из себя новых, более жизнестойких структур. Проявление самоорганизация в иноязычном общении рассматривается как внутренняя способность субъектов к «самовыращиванию» своих внутренних ресурсов – *личностных структур сознания*, которые придают гуманный смысл образовательной деятельности обучения иноязычному общению.

Разноуровневые личностные качества и свойства, объединяющие категории развития сознания и иноязычного общения, определяют стратегию деятельности саморазвития, являясь интегральным фактором самоорганизации. Самоорганизация рассматривается в контексте выше упомянутых положений, как осознанная совокупность мотивационно-личностных свойств, согласующаяся с индивидуальными (природными) особенностями субъекта, оптимально воплощенные в приемах и результатах деятельности [7, с. 145].

Различные уровни самоорганизации в моделированных ситуациях общения проявляются как новообразования, как новые личностные качества человека, представляющие самостоятельные способы его мировоззренчески-оценочного отношения к жизненным целям, к задачам самореализации, к себе, к сохранению жизненных и профессиональных смыслов и ценностей, которые обеспечивают возникновение мотивов профессиональной деятельности, критичности и рефлексии по отношению к ней, выработку самостоятельного (автономного) понимания ее смысла [8, с. 287].

В связи с этим, ведущей в нашем исследовании становится идея о развитии личностных структур сознания студентов, как источника и механизма самоорганизационного профессионального творчества в общении. Оно отличается от «творческих заданий» тем, что специалист в сфере человеческих отношений может принимать профессиональные решения руководствуясь «подсказками» особым образом развитого сознания. Методология педагогической синергетики представляет познание в общении как взаимосвязанные процессы открытия и конструирования. Обязательным условием их функционирования является наличие информации не только в форме объективного знания, но и в форме, которая может быть воспринята другим, слушающим и понимающим участником процесса открытия и конструирования, ориентированным на познание процессов становления, сложности, нестабильности, неустойчивости и т.п. научных знаний и опыта поведения [9, с. 73].

В контексте открытий педагогической синергетики собственно моделирование коммуникативных ситуаций на иностранном языке является одним из многих средств внесения «утепляющих» компонентов в отношения между преподавателем и студентами. Вместе с тем, моделирование речевых ситуаций общения становится таким средством только тогда, когда в него вносятся определенные самоорганизационные компоненты. В связи с этим обратимся вновь к методологии педагогической синергетики с целью выявления общих оснований, необходимых для моделирования реально гуманистических ситуаций учебного

общения, возникает необходимость придания им синергетических характеристик открытости, неопределенности, условности, дополнительности и т.п., создающих условия для конструирования собственного смысла речевых ситуаций и способствующих становлению жизнеспособности.

При наличии таких компонентов, сознание получает возможность искать, находить и подсказывать гуманистически сообразные действия. Эффективность такой смыслопоисковой деятельности обеспечивается тем, что преподаватель обращается к инструменту познания студентов — мышлению, не напрямую, а опосредованно, через его содержательные структуры, т.е. через деятельность личностных структур сознания. При этом осуществляется не поиск и извлечение из памяти «готового рецепта», а поиск и извлечение из сознания своеобразной матрицы – обобщенного, единого, целостного замысла действия – его концепта.

Принимая во внимание, что технология моделирования речевых ситуаций иноязычного общения обладает определенным набором педагогических приемов, методов, используемых на практических занятиях по обучению иноязычному общению, а ее двухсторонний характер актуализирует педагогическую деятельность по обучению иноязычному общению и формированию лингвистических компетенций как способ становления жизнеспособности.

Цели и задачи данной технологии заключаются в проектировании и организации процесса обучения иноязычному общению для обеспечения принципов непрерывности процесса обучения иноязычному общению, интеграции профессиональных знаний, создание комфортных культурологических условий для включения личностных структур сознания, как способы проявления самоорганизации жизнеспособности личности.

Таким образом, современная педагогическая технология моделирования речевых ситуаций используемая для обучения иноязычному общению обладает следующими признаками: она легко адаптирована к конкретным условиям и задачам обучения иноязычному общению в неязыковом вузе: технологическая цепочка педагогических действий, приемов, в технологии моделирования речевых ситуаций представление учебного материала выстраивается в соответствии с общими гуманистическими ценностями жизнеспособности личности; поэтапность реализации элементов педагогической технологии языкового портфеля легко осуществима и имеет направленность на формирование коммуникативных компетенций как способа становления становление жизнеспособности будущих специалистов.

Проведенный нами анализ доказывает, что технология моделирования речевых ситуаций наиболее точно соответствует целям формирования различных уровней профессионально- лингвистической компетентности студентов различных направлений, которые выступают средством становления жизнеспособности личности, но также отвечает личностным потребностям субъектов образования, соответствует личностным возможностям и темпам формирования коммуникативных компетенций, и опосредовано способствует повышению качества профессионального образования.

Рассмотрение технологии моделирования речевых ситуаций как способ становления жизнеспособности с синергетической точки зрения, обусловлено проявлением основных противоречий, возникающих в системе профессиональной подготовки, и позволяет включать различные интегративные процессы, объединяющие содержание разных дисциплин в сознании обучающегося для придания единой целостной картины в сознании обучающегося как системы профессионального развития.

Данное положение подтверждено многими исследователями (О. А. Артемьева, М. Н. Макеева, Р. П. Мильруд и другие), определившими, что суть лингвистического образовательного процесса в неязыковом вузе состоит в интеграции целей профессионального образования и целей обучения иноязычному общению [10, с. 34].

На этом основании технология моделирования ситуаций общения является процессом интеграции профессиональных и лингвистических знаний в содержании дисциплины «Иностранный язык» и определяется основным условием становления жизнеспособности будущего специалиста.

Библиографический список:

1. *Гурьянова М. П.* Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума // Педагогика. 2004. № 1.
2. Концепция перехода. Материалы слушания в Государственной Думе. От 16.05.1995.
3. *Бондаревская Е. В.* Личностно ориентированное образование: опыт разработки парадигмы. Ростов н/Д., 1997.
4. *Клочко В. Е., Галажинский Э. В.* Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г. В. Залевского. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1999.
5. *Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2005.
6. *Кабрин В. И.* Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы исследования. Томск, 2005.
7. *Кульневич С. В.* Педагогика личности от концепций до технологий: Учеб. Пособ. Ростов-на-Дону, 2001.
8. *Дмитриенко Н. А.* Самоорганизация как фактор саморазвития личности Педагогика: семья-школа-общество: Монография [О. Ю. Афанасьева, А. К. Байликова и др.] / Под общ. ред. проф. Кирикова О. И. Кн. 14. Воронеж: ВГПУ, 2008.
9. *Котельникова Л. В.* Синергетика коммуникации в процессе аргументации // Устойчивое развитие в изменяющемся мире. М., 1996.
10. *Артемьева О. А., Макеева М. Н., Мильруд Р. П.* Методология организации профессиональной подготовки специалиста на основе межкультурной коммуникации: Монография. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2005.

Н. М. Глушкова

Челябинский государственный университет, лаборант кафедры английского языка, аспирант кафедры романских языков и межкультурной коммуникации (454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129; тел.: (351) 799-71-50; ling.en@corp.csu.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК СТУПЕНЬ К ПОЗНАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Современная лингвистика сосредотачивает свое внимание на центральном предмете своих исследований – человеке – с точки зрения многообразия проявления его личности в языке, культуре, общении. Все эти особенности находят свое выражение в языковой личности говорящего на определенном языке и на его языковой картине мира. Социокультурный компонент может стать одной из ступеней для более глубокого изучения человеческой личности посредством анализа языковых средств выразительности.

социокультурный компонент; языковая личность; языковая картина мира

Языкознание XXI века вступает в новый этап развития благодаря интеграции и взаимодействию целого ряда гуманитарных, естественных, социальных и даже технических наук. Взаимопроникновение лингвистики, ее квантитативного и когнитивного направления, психологии, социологии, культурологии, информатики и других сфер обеспечивает новый, более обширный и глубокий материал для исследований. Однако, несмотря на все многообразие подходов к изучению, объекты остаются неизменны: человек, окружающий его мир и возможности развития в этом мире. Одним из наиболее актуальных объектов для изучения на данный момент является языковая личность. В данной работе мы рассматриваем языковую личность с точки зрения носителя вербального мышления, т.е. человек, живущий в конкретном языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц, смыслах текстов [7, с. 186–192]. Особое значение речевого выражения для доступа к сознанию и мышлению человека подчеркивал Ю. Н. Караулов. Вслед за ним в определении языковой личности за основу берется совокупность его способностей и характеристик, влекущих за собой создание им речевых произведений (текстов) [4].

Природа языковой личности неоднородна, она схожа с многоуровневым явлением собственно личности и складывается из множества аспектов, отражающих ее отношения с внешним миром и подобными личностями. Наиболее детальное и углубленное изучение каждого аспекта языковой личности в частности является путем к ее познанию в целом и языка этой личности, ведь, по мнению Ю. Н. Караулова, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю к человеку, к конкретной языковой личности».

Для того, чтобы в дальнейшем выделить и проанализировать особенности выражения конкретной языковой личности, необходимо вначале определиться с позициями для анализа, т.е. точкой зрения на структуру языковой личности и ее составляющие. Существует три подхода к рассмотрению языковой личности: с точки зрения методики преподавания иностранных языков, с психологической точки зрения (совместное изучение языка, речи и мышления) и с точки зрения

языкознания. Мы бы хотели остановиться на последней позиции, т.к. именно теоретическая лингвистика определяет предмет нашего исследования – языковую личность, выраженную в языке художественного произведения. Рассматривая ее с лингвистической точки зрения, мы берем за основу теорию Ю. Н. Караулова [4, с. 87–88] и можем говорить о трехмерности языковой личности: она имеет ассоциативно-семантический, когнитивный и мотивационный уровни. Первый (ассоциативно-семантический) включает в себя весь объем лексических и грамматических средств, употребленных автором при порождении текста. На этом уровне ярче всего представлены именно языковые возможности и персональные особенности автора, а также возможно анализировать языковую личность отдельного персонажа на основе приписываемой ему речи. Второй уровень (когнитивный) определяет языковую картину мира языковой личности с помощью тезауруса произведения. Третий (мотивационный) дает нам представление о культурно-ценностных ориентирах языковой личности, совокупности мотивов, целей и средств. Именно два последних уровня являются одними из самых малоизученных в силу сложности воссоздания знаний о мире (тезаурусе личности) и прагматики (мотивы и цели) языковой личности на основе конкретного художественного дискурса.

В данном исследовании мы бы хотели остановиться именно на эти двух уровнях языковой личности – когнитивном и мотивационном – а также на выраженности их с помощью социокультурного компонента. Традиционно это понятие больше ассоциируют с лингводидактикой, чем с теоретической лингвистикой, но уже в самих определениях этого понятия мы видим промежуточный, даже объединяющий характер этого аспекта. С точки зрения дискурса, социокультурный компонент языковой личности у В. В. Виноградова воплощается в виде социально-языкового контекста, особенно важного для структурной формы самого художественного произведения, «в нем самом и через него усматриваемой» [1, с. 90].

Е. И. Пассов трактует социокультурный компонент как национально-культурную специфику страны определенного языка, выраженную в особом использовании ее языковых средств для эффективного процесса общения [6].

Во взглядах ряда ученых-лингводидактиков мы видим социокультурный компонент именно с точки зрения выражения языковой личности. Социокультурный компонент является комплексным явлением, включающим в себя набор составляющих, относящихся к различным категориям. Для нашей работы мы берем следующую классификацию:

- лингвострановедческая составляющая (лексические единицы с национально-культурной семантикой);
- социолингвистическая составляющая (языковые особенности социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп, диалектов);
- социально-психологическая составляющая (наличие и выделение социо – и культурнообусловленных сценариев, национально-специфических моделей поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре);
- культурологическая составляющая (социокультурный, историко-культурный, этнокультурный фон) [2, с. 30–35];

Как мы видим, сущность социокультурного компонента находится на пересечении языкознания и лингводидактики, различаются лишь подходы в получении и применении знаний о социокультурном компоненте. Методика преподавания иностранных языков ставит своей дальнейшей целью формирование уме-

ний и навыков межкультурного общения на основе социокультурного материала, владение и успешное использование знаний о принятых в языке тактиках и особенностях речевого взаимодействия. В свою очередь, теоретическая лингвистика имеет другую прагматику – она накапливает знания обо всем многообразии аспектов языка и речи, говорящей личности и производимых ею текстов, целях и способах выражения человеческой мысли в слове, фразе, дискурсе.

Выше была представлена структура социокультурного компонента с точки зрения его обобщенных составляющих. На более конкретном уровне лексической единицы или фразового единства социокультурный компонент можно рассмотреть, если обратиться к «индексам» – понятию, употребляемом В. И. Карасиком в своей основополагающей работе «Языковой круг: личность, концепт, дискурс». По мнению ученого, в каждом языке существуют особые лингвистически релевантные символы – знаки, свойственные именно конкретной языковой группе и отличающие их от людей, к примеру, изучающих этот язык, но не выросшими в конкретной языковой среде. Подобные индексы могут выражаться во фразеологизмах и устойчивых выражениях, особенностях словоупотребления и коннотации, традициях словообразования и употребления лексических средств выразительности [3].

Для более полного изучения именно социокультурного компонента можно провести параллель между этим компонентом и более общей, предшествующей ей системой аспектов языковой личности, разработанной В. И. Карасиком.

Рассматривая языковую личность как, прежде всего, личность коммуникативную, отечественный лингвист выделяет следующие аспекты этого понятия:

- ценностный (этические и обобщенные нормы поведения, характеризующие говорящих на конкретном языке в конкретный период развития);
- познавательный (интерпретация действительности говорящим на определенном языке, его картина мира);
- поведенческий (набор вербальных и невербальных индексов, свидетельствующих о принадлежности индивидуума к определенной возрастной, социальной, гендерной и др. группам, его прагмалингвистические характеристики).

Рассмотрев вышеприведенные концепции языковой личности В. В. Виноградова, Ю. Н. Караулова, В. И. Карасика, Е. И. Пассова, Г. А. Воробьева, мы бы хотели подробнее изучить социокультурный компонент в плане выражения языковой личности на конкретных примерах языкового дискурса.

Сформированная нами после анализа произведений испанской художественной литературы структура социокультурного компонента во многом соотносима с трехуровневыми системами упомянутых ученых-языковедов и в то же время отличается от приведенной выше лингводидактической структуры:

1) культурно-ценностная составляющая (отношение общества и индивида к вопросам веры, образования, культурных норм) соотносится с ценностным аспектом языковой личности;

2) коммуникативная составляющая (особенности взаимодействия участников внутри общественных институтов и групп: семьи, дружеской компании, места работы, политической сферы) соответствует поведенческому аспекту языковой личности;

3) материальная (детали быта, материальная, физическая среда) и природная составляющая (взаимодействие индивида и общества с природой) имеют более двоякий характер, т.к. с одной стороны, напрямую описывают существующую картину мира носителя языка (познавательный аспект), а с другой – отношение к

ним говорящего косвенно свидетельствует о ценностных ориентирах языковой личности (ценностный аспект).

Чтобы не возникло впечатления абсолютной соотносимости, необходимо еще раз подчеркнуть различие в основах классификации для аспектов языковой личности и составляющих социокультурного компонента. Трехуровневая система Карасика В. И. берет за основу коммуникативную языковую личность, т.о. ценностный, познавательный и коммуникативный аспекты подчинены в большей степени прагмалингвистическому подходу. Ученый рассматривает личность в условиях общения как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [3, с. 19]. Наша классификация имеет другую цель – описание языковой личности через призму социокультурного компонента, большее акцентирование на изучении языковой картины мира определенного этноса в определенный отрезок времени. Даже в одном небольшом художественном произведении мы встречаем множество примеров выражения социокультурного компонента, поэтому необходима классификация способов его выражения для более полного и логичного описания интерпретации человеком себя, общества и окружающего мира в дальнейшем.

В данном исследовании мы движемся от общего к частному и берем за основу один из самых выразительных индексов, выделенных Карасиком В. И. – метафору, или лексическое средство, несущее в себе перенос признака с предмета на предмет на основе их ассоциативной связи, субъективно воспринятого сходства [5]. Определение, взятое нами за основу, подчеркивает именно субъективную природу метафоры – т.к. нас интересует именно изучение субъективного, особенного, свойственного этому автору как носителю языка, миропонимания.

Культурно-ценностная составляющая социокультурного компонента представляет собой одно из самых обширных полей для исследования языковой личности. Частые примеры ее выражения можно найти в метафорах, обращающихся к книгам, затрагивающих также понятия религии, волшебства. «*El semeterio de los libros olvidados*» – метафора, обозначающая магазин антикварной книги, красной линией будет следовать сквозь все повествование романа испанского автора Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра» и подчеркивать особое одушевляющее отношение героя романа и его отца к книгам, незаслуженно забытым. Соприкосновение религиозной составляющей и концепта «книга» также глубоко коренится в языковом сознании испанского языка, но в данном случае автор говорит не о библейских источниках, а о книге вообще, каждой в отдельности. Хранилище книг наделяется духовным оттенком и сравнивается с кладбищем («*semeterio*»), тайной и таинством («*un misterio*»), святилищем («*un santuario*»). Тесно переплетаются концепты «книга» и «душа» («*la alma*», «*el espíritu*»), причем проекция является взаимной: каждая книга, по словам автора, наделена душой, развивающейся и уникальной, она не имеет хозяина, не покупается и не продается («*Cada libro, cada tomo que ves, tiene alma*»). Обратная связь также проявляется в виде метафоры «душа подобна книге»: испаноговорящий автор придерживается недогматичной христианской точки зрения о том, что души живут вечно, а после забвения – смерти – обретаются где-то в ожидании нового читателя – воплощения («*En este lugar, los libros que ya nadie recuerda, los libros que se han perdido en el tiempo, viven para siempre*»). Однако в дальнейшем образ книги распространяется гораздо дальше концепта «душа», затрагивая в своих метафорах концепты «предмет заботы» («*el libro que iba a adoptar*»), «друг» («*el amigo*»), «опекун», («*el libro que me iba a adoptar a mí.*»), «волшебство» («*magia*»). Согласно авторской картине мира, книги наделены способностью искушать

(«tentando mi elección»), влияя на решение («La decisión estaba tomada. Por ambas partes.»), понимать человеческую природу («parecían saber más acerca de mí que yo de ellos»). Один из самых уникальных образов, использованных автором в метафоре, это сопоставление концептов «книга» и «птица», ее можно выпустить из плена, а страницы напоминают крылья: «Tomé el libro con sumo cuidado y lo hojeé, dejando aletear sus páginas» (с исп. aletear – 1) махать крыльями 2) оживать). Для описания современной языковой картины можно отметить редко упоминаемое в испанской культуре сочетание понятий «вера», «душа» и «волшебство», «колдовство», которое можно также наблюдать в метафорах о книге: «el sortilegio de la historia», «el hechizo de la historia», «páginas embrujadas». Главный герой романа – мальчик 10 лет, и его мир наполняют истории, книги и неизведанный город. Следующий концепт, используемый писателем в ряде метафор – это естественный для ребенка образ куклы, но описываемые с его помощью люди и ситуации приобретают особенно серьезную, философскую или даже драматичную окраску: с хрупкой фарфоровой куклой сравнивается слепая девушка («aquella criatura con tez de muñeca de porcelana y ojos blancos, los ojos más tristes que he visto jamás»), роман неизвестного автора, все остальные книги которого были сожжены («la estructura del relato empezó a recordarme a una de esas muñecas rusas»), весь человеческий мир («mundo de muñecas»).

Природная составляющая социокультурного компонента может значительно различаться в зависимости от коннотации и прагматики ее употребления. Описывая природу послевоенного времени, автор употребляет метафоры с упоминанием символов войны и оружия: небо цвета пепла («cielos de ceniza»), солнце мутного цвета, словно из жидкой меди («sol de vapor que derramaba ... una guirnalda de cobre líquido»). Предметное окружение главного героя – город, дом, магазин антикварных книг, библиотека – приобретают особое значение благодаря метафорам, передающим материальную составляющую социокультурного компонента. Самым значительным воплощением этого аспекта является город главного героя – Барселона. Ее можно считать, по сути, почти отдельным персонажем книги, она сравнивается со спящим человеком, одетым в акварель сумерек как в маскарадный костюм: «la ciudad se desperezaba y se desprendía de su disfraz de acuarela». Узкие улицы города напоминают шрамы «camino angosto, más cicatriz que calle». Тема цвета в метафорах о городе повторяется в описании улиц неслучайно: «una bóveda de bruma azul» – здесь мы видим сочетание природной составляющей и созданного человеком, зрок над лицами и зимнего или морского тумана, таким образом, еще один образ города – это отражение, подобие окружающей природы. Один из старейших городов Европы неразрывно связан со своим прошлым, и писатель подчеркивает это взглядом главного героя, который видит на месте обыденных зданий развалины старинных замков и прозрачные музеи теней: «el cadáver abandonado de un palacio, o un museo de ecos y sombras». Город не просто живет воспоминаниями – они населяют его как равноправные обитатели: «aquella tristeza muda que sangraba por las paredes de la ciudad herida era el verdadero rostro de su alma». Воспоминания о прошлом чувствуются в каждом здании, и люди, приходя в старое кафе, растворяются в тенях вчерашних посетителей: «las gentes se fundían con los ecos de otras épocas». Отдельного упоминания заслуживает образ тени – соединение природной (тень от солнца) и материальной (тень от зданий) составляющих. Начиная с названия романа: «La Sombra del Viento», образ тени вносит новые оттенки в понимание языковой картины мира автора. В стране, где яркое солнце – неотъемлемая часть пейзажа, тень, сумрак и его оттенки наполняются особым значением. Тень в значении «забвение», «одиночество», «скрытость от людских глаз» упоминается

в описании книжного магазина: «Una penumbra azulada lo cubría todo». Тень как противопоставление свету, разрезающем ее, словно ножом, наделяет солнечный свет яркой, активной, даже агрессивной позицией: «una auténtica basilica de tinieblas uacía bajo una cúpula acuchillada por haces de luz», в то время как тень обволакивает, защищает и скрывает: «...congelaban el tiempo y los recuerdos». Из многих концептов, противопоставляемых солнцу и родственной тени, мы бы хотели выделить образ тумана. В метафорах он также сопоставляется с понятиями «холод», «тайна», «потеря»: «un ángel esculpido en brumas» – о незнакомке, «ojos de niebla» – о печальных человеческих глазах, «una ciudad de tinieblas» – о самой Барселоне.

В виде метафор коммуникативной составляющей концепт «тень» также наделяется отрицательным значением тайны, внутреннего страха, негативного впечатления (напр., тень несчастной любви): «la sombra de un amor maldito». Интересно отметить, что коммуникативная составляющая в метафорах данного автора проявляется не столько напрямую, сколько через тактики и стратегии общения, а также символы коммуникации: восклицание, крик, молчание, тишина, слова, жесты. Интересно то, что для испанской национальной культуры, которой больше свойственна экстравертность и экспрессивный характер общения, автор подчеркивает доминирующий характер молчания над криком и голосом: «un silencio a gritos que aún no había aprendido a acallar con palabras» – герой переживает утрату, которая сравнивается с молчаливым криком. Сам язык и его способность к выражению истинных мыслей в речи не раз подвергается автором сомнению: «Nos miramos en la penumbra, buscando palabras que no existían» – автор подчеркивает роль невербального символа – взгляда – и его большую способность к налаживанию коммуникации по сравнению с речью, потому что подходящих слов не существует. Невербальные коммуникативные образы органично соединяются в метафорах с природной составляющей, например, в лицах их жителей: люди с птичьими чертами, хищными или лебедиными («Un hombrecillo con rasgos de ave garaz», «garganta de cisne»), с нюхом, как у волка («Barceló podía oler una buena presa como un lobo huele la sangre»). Особенный оттенок приобретают метафоры, связанные с человеческими жестами и мимикой: они могут быть хрупкими, как стекло («Tenía la voz de cristal, transparente y tan frágil...») и холодными, как ледник в горах («una sonrisa glacial»).

Возвращаясь к вопросу об объекте исследования данной статьи можно сделать следующие выводы:

1) Понятие «социокультурный компонент» является объединяющим для нескольких направлений изучения языка: теоретической лингвистики, лингводидактики и др.

2) Культурно-ценностная, коммуникативная, материальная и природная составляющие социокультурного компонента служат для описания языковой личности и языковой картины мира с помощью изучения их выражения в изучаемом тексте.

3) Данная классификация сопоставима с более ранними трехуровневыми системами Караулова Ю. Н. и Карасика В. И., основанными, соответственно, на изучении дискурса и коммуникативной личности.

4) Одной из наиболее богатых областей для изучения выраженности социокультурного компонента является метафора, создающая дополнительное значение за счет субъективного мировосприятия, бессознательно использующая языковую картину мира говорящего.

Можно подвести следующий итог: несмотря на то, что социокультурный компонент имеет многолетнюю историю его изучения, все возможности его

применения в лингвистике в целом и в изучении национальной картины мира и языковой личности еще не до конца изучены и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Библиографический список:

1. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука. 1980.
2. *Воробьев Г. А.* Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка: (Поиск эффективных путей) // Иностр. яз. в шк. 2003. № 2.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ (Москва), 2010.
5. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под редакцией проф. Горкина А. П. М.: Росмэн, 2006.
6. *Пассов Е. И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М.: Просвещение, 1991.
7. *Степанова Ю. В.* Языковая личность и аспекты ее изучения // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1.

В. Т. Плахин

Алтайский государственный университет, доцент кафедры теории и практики журналистики, кандидат исторических наук, доцент (656049, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61; тел.: (83852) 36-33-86; dean@journ.asu.ru)

«НЕ ЛЕГКО ПОНЯТЬ ЧУЖУЮ КРОВЬ...» (О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ В ЭТНОЛОГИИ, ИСКУССТВЕ И СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ)

Современное гуманитарное знание стремится во всей сложности и полноте представить коммуникацию как процесс притяжения и отталкивания смыслообразовательных платформ адресата и адресанта, в результате чего понимание между ними нередко приобретает характер семиотического приключения, «венчурного» предприятия с принципиально открытым финалом. Рекламный дискурс, напротив, склонен находить легкие решения весьма напряженных герменевтических ситуаций, подавая продвигаемый товар как универсальное средство гармонизации человеческих отношений. В ряде случаев, однако, становится очевидным, что потребление этого продукта делает рекламного героя не одним из полноправных субъектов коммуникации, а всепобеждающим «монстром общины», обладающим инструментарием символической власти.

понимание; смысл; коммуникация; контекст; реклама

«Если я попался вам навстречу...»

Современной науке хорошо известна смыслообразующая роль контекста. По словам Т. А. ван Дейка, «можно считать тривиальным утверждение о том, что дискурсы не создаются и не воспринимаются в вакууме» [6, с. 95]. С одной стороны, «всякий текст создается в определенной предметной и общественной ситуации и вступает в определенные диалогические отношения с другими текстами, которые уже сформировали читательские ожидания» [3, с. 95]. С другой стороны, «для понимания каждого высказывания необходим акт выбора нужного, адекватного значения слова из многих альтернатив, который <...> обеспечивается введением слова в соответствующий контекст» [9, с. 284]. Интерпретатор текста неизбежно встраивает его в систему своего личного и социально-исторического опыта, собственных культурных ценностей, потребностей и интересов, целей и задач. Поэтому «текст живет в двух контекстах – автора и читателя, адресанта и адресата – и с обоими связан специфическими узами. Эти контексты проецируются друг на друга, образуют оппозицию, чреватую новыми смыслами» [3, с. 106]. Широко известны метаморфозы смысла, являющиеся результатом типовых контекстуальных флуктуаций, наработанных культурой и обеспечивающих углубление смысловой перспективы знака и создающих своего рода «второй план» понимания сказанного. Любопытным примером тому служит «языковая игра», продемонстрированная в клипе, снятом на совместно написанную и исполненную песню П. Маккартни и М. Джексона “Say Say Say”. В нем музыканты изображают странствующих авантюристов широкого профиля, о чем свидетельствует «перекидная» реклама на борту их грузовичка. Надпись на одной стороне гласит: “Mack and Jack. Wonder potion. Cure all”, обещающая простакам волшебные снадобья и излечение от всех болезней. По надобности на обозрение является не нуждающаяся в переводе просторечно выполнен-

ная надпись на другой стороне вывески: “Mack and Jack.. Vaudville show”. Человек, не включенный в систему англоязычных дискурсивных практик, увидит в этих словах лишь фамильярную версию «звездных» фамилий, вполне адекватную представленной ролевой ситуации. На самом же деле, “Mac” («Мак») и “Jack” («Джек») – это обычные сленговые квазиимена, использующиеся при обращении к человеку, имя которого неизвестно [10, с. 229–230]. Именно так называют Холдена Колфилда, главного героя романа «Над пропастью во ржи», незнакомцы, случайно встреченные им на пути. Таким образом, напряжение смыслового поля анализируемого клипа, изящество его иронического пафоса во многом задается бинарной оппозицией «известное – неизвестное».

«Начальник Чукотки»

Однако часто смысловая вариабельность как функция контекста приобретает характер не плановой и предсказуемой трансформации, а семиотического приключения, авантюрного похождения, «венчурного» предприятия с принципиально открытым финалом. Прежде всего, это происходит тогда, когда знак (или знаковая система) попадает в неосвоенное или проблемно освоенное адресантом смысловое пространство. И. С. Вдовин, в течение многих лет проводивший этнографические исследования на Чукотке, приводит очень ценное в этом плане свидетельство. У чукчей и коряков есть простое понятие «ватыргын», означающее и бытие, и жизнь, и божество (сверхъестественную силу), и образ жизни, и обычай. «Представление о ватыргын <...> бытовало у чукчей еще в начале тридцатых годов. <...> Представления прошлого причудливо переплетались <...> с новыми понятиями... Оленеводы, которые почти не видели русских, как-то по-своему понимали, что такое торватыргын – «новая жизнь», как тогда было принято называть Советскую власть». Однажды И. С. Вдовин, подъезжая к удаленному стойбищу, «увидел стоящее у входа в ярангу копьё с привязанным к нему <...> платком красного цвета». На вопрос о том, что это значит, хозяин яранги удивленно ответил: «Разве ты не знаешь, что теперь наступила торватыргын <...>, нам рассказали, что <...> символом, связывающим нас с новым божественным бытием, и является красный флаг. <...> У нас вчера умерла дочь. Вот по этому поводу мы и поставили копьё с флагом» [4, с. 236–237]. Из ситуации с очевидностью следует, что у чукчей выражение «новая сверхъестественная жизнь» интегрировало семантику потустороннего, загробного бытия. Это естественно для народа, социальный опыт которого не включает не только революционных, но и существенных эволюционных преобразований, зато немислим без перманентной коммуникации с миром мертвых как инобытием мира живых. Есть повод «порадоваться» эффективности большевистской пропаганды, сумевшей в кратчайшие сроки внушить чукчам, что торватыргын наступила в масштабах всего Советского Союза. Приведенный пример наглядно показывает, что функция контекста не сводится к выбору нужного, адекватного значения слова из многих альтернатив. В этом плане недостаточной представляется метафора П. Рикера, отмечавшего, что «контекст играет роль фильтра», «благодаря выборочному, или просеивающему, действию» которого «мы из многозначных слов составляем однозначные фразы». Правда, по признанию П. Рикера, этому «фильтру» порой не удается «свести к однозначному употреблению потенциальные возможности смысла», в результате чего сохраняется или даже создается «конкуренция между несколькими местами обитания значения» [12, с. 111]. Дело, конечно же, не в случайных «неудачах» несовершенного механизма, а в том, что функции контекста принципиально двойственны и противоположно ориентированы: они заключаются в равной мере как в преодолении, так и порождении семантической вариабельности. Ведь само многообразие смысловых

альтернатив, подвергающихся контекстуальной редукции, не может быть объяснено вне процесса «предварительной» смысловой дифференциации знака в многообразии относительно самостоятельных контекстов и их взаимодействий. Специфика «советско-чукотского» семантического конфликта как генератора новых смыслов обусловлена именно его «пограничной» природой, его локализацией в контексте размыкания устойчивых герменевтических пространств и возникающего, по выражению Ю. М. Лотмана, «напряжения» между несопадающими «кодами говорящего и слушающего» [8, с. 116].

«Уроки ленинизма»

Нередко смысловые сюрпризы имеют место, когда текст оказывается в коммуникативной ситуации, никоим образом не предусмотренной его автором (например, при попадании сообщения явно не по адресу). Такая «почтовая ошибка» может обернуться не просто банальным непониманием, а генерацией «контрадикторных», порой протестных смыслов, часто при адекватном представлении аудитории о семантических намерениях адресанта. Об этом ярко свидетельствует трагикомическая театральная история, рассказанная С. Довлатовым в его знаменитой «Зоне». Автор «Кремлевских звезд» Яков Чичельницкий (эту пьесу ставят довлатовские «типажи»), вводя в финал прямое обращение Ленина к «товарищам потомкам», вряд ли предполагал, что его «идейно зрелое» творение будет рекомендовано «культурным сектором УВД» к постановке в местах лишения свободы. А репетиции «при пустом зале» замаскировали опасность грядущего курьеза. Лишь премьера обнаружила роль «контекстных декораций», о которой вообще-то можно было догадаться и заранее.

«Наконец Владимир Ильич шагнул к микрофону. <...>

Из темноты глядели на вождя худые, бледные физиономии.

– Кто это? Чьи это счастливые юные лица? Неужели это молодежь семидесятых?..

В голосе артиста зазвенели романтические нотки. <...>

– Неужели это те, ради кого мы возводили баррикады? Неужели это слабые внуки революции?..

Сначала неуверенно засмеялись в первом ряду. Через секунду хохотали все.

<...> Владимир Ильич пытался говорить:

– Завидую вам, посланцы будущего! Это для вас зажгли мы первые огоньки новостроек! Это ради вас... Дослушайте же, псы! Осталось с гулькин хер!..

Зал ответил <...> страшным неутрахающим воем:

– Запри, картавый, перед беспределщиной!.. <...>

– Линия отсюда, дядя, подгорели кренделя!..» [7, с. 100, 113–114].

Здесь с очевидностью представлен кризис референции, осознаваемый как невозможность соотношения определенных слов и определенных вещей. Однако «невозможный» референциальный акт налично: «худые бледные физиономии» заключенных так объявлены «счастливыми юными лицами» наследников революции. Абсурдная номинация заставляет семантику «Кремлевских звезд» даже не подозрительно мерцать, а мощно вспыхивать диссидентским огнем, уводя дискурс пьесы от героико-романтического к тотально ироническому пафосу как форме обличения социальных реалий «большой зоны». При этом данная ситуация смыслового дрейфа вряд ли заслуживает кодового названия «Чукотка за решеткой». Довлатовский текст вовсе не повествует о пресловутой непроницаемости и эзотеричности бластного мира и языка. Просто жизнь зоны как экстремальная разновидность социального бытия предельно ярко обнаруживает неспособность официальной патетики представлять действительность с позиций здравого смысла, обнажая конфликт «деонтического» и «ассерторического» герме-

невтических пространств. Развивая «географические» параллели, можно сказать, что «Чукотка» здесь – это не изолированная экзотическая страна политических неграмотных абorigенов, а территория анекдотического отчуждения целого мира советской повседневности от неправдоподобия и скуки дискурса власти.

«Рождественские встречи»

Сама по себе включенность участников коммуникации в некий общий социальный и культурно-исторический контекст и их приверженность, казалось бы, некоей единой аксиологической парадигматике отнюдь не исключает конфликта интерпретаций. Этой проблеме во многом посвящен фильм Френсиса Форда Coppoly «Разговор», являющийся своего рода герменевтической притчей. Герой этой ленты Гарри Кол, лучший специалист по подслушиванию на «западном побережье», получает заказ от директора крупной фирмы записать разговор его жены с предполагаемым любовником. Гарри, предельно остро ощущающий внутреннее одиночество и заброшенность в этом мире, проникается сочувствием к преследуемой паре, поскольку в их беседе слышит отголоски собственной экзистенциальной драмы:

«– Посмотри, какой ужас. <...> Господи! Каждый раз, когда я вижу такого старика, мне приходит в голову одна и та же мысль. <...> Что когда-то он был маленьким мальчиком... <...> ...у него были любящие мать и отец, а сейчас лежит и умирает на скамейке в парке. Где теперь его мать, отец, другие родственники? <...>

– А я всегда вспоминаю забастовку газетчиков в Нью-Йорке. Тогда многие из таких стариков погибли. В одну ночь их заморозило пятьдесят человек».

Этот фрагмент диалога, звучащий в самом начале фильма и формирующий нравственную оценку собеседников (отныне они обладают презумпцией невиновности и даже святости), становится для Гарри ключом к пониманию сделанной им записи. Так, фразу «Он убил бы нас, если бы представился случай» Гарри Кол однозначно истолковывает как слова загнанной жертвы. Справедливость такого герменевтического выбора, казалось бы, мощно верифицируется контекстом его разговора с заказчиком о судьбе неверной супруги:

«– Что Вы с ней сделаете?»

– Убил бы, если бы представился случай».

Гарри, который еще ребенком познал остроту пограничной ситуации между жизнью и смертью и с детства несет груз вины и ответственности («Я не боюсь смерти, я боюсь убийства»), пытается предотвратить надвигающуюся трагедию. Однако трагедийное действие развивается по непредсказуемому сценарию. Функции жертв и палачей неожиданно перераспределяются между персонажами, и «грозный» муж погибает от рук «романтической» пары. В результате радикально трансформируется герменевтический горизонт понимания подслушанной беседы. Теперь в сознании Гарри ее участники предстают как очевидные монстры, практически ничем не маскирующие своих преступных намерений. Центральная в смысловом отношении фраза «Он убил бы нас...» звучит в новом контексте как аргумент нравственного самооправдания людей, решившихся на злодеяние. «Безобидная» реплика «Ему ничего не нужно», сказанная в связи с рождественскими подарками, начинает звучать не как признание материального достатка обманутого мужа, а как вынесенный ему смертельный приговор. Модус «совершенного времени» не только приводит к семантическим метаморфозам отдельных слов и выражений, но и принципиально меняет смысловую структуру всего текста. В новом свете актуализируются знаки, казавшиеся ранее пустой болтовней («И о чем они говорят, боже праведный?!»). Из тени «к рампе» выхо-

дит «преступный сговор», слегка оттененный рефлексиями в духе «Преступления и наказания»:

«– Ты считаешь, мы сможем сделать это? <...>

– В конце недели. Может, в воскресенье.

– В воскресенье, и обязательно».

В этой связи, произнесенные затем слова «Гостиница “Jack Tar”, в три. <...> Номер 773» становятся не обозначением места и времени любовного свидания, а координатами точно рассчитанной ловушки для ревнивца. Но герменевтическая коллизия фильма не ограничивается актуализацией знаменитой формулы Ж. П. Сартра, согласно которой «ад – это другие». Начав дешифровку чужого дискурса с проекции светлых, «христианских» сторон своего «я» на внутренний мир других и потерпев в этом очевидный крах, Гарри заканчивает свое частное расследование обратной (во всех смыслах) проекцией. Теперь он по-новому беспощадно видит самого себя в свете открывшейся ему «преподней». Его собственная ортодоксия (он даже не переносит, когда упоминают имя Господа всуе) начинает осознаваться как фарисейское прикрытие отсутствия ортопраксии, как частный случай универсального самооправдания вольных и невольных виновников зла. В финале мы видим, как Гарри, сам ставший объектом подслушивания и тщетно ищущий скрытый микрофон, разбивает после недолгих сомнений некогда неприкосновенную святыню – статуэтку Девы Марии. Таким образом, неуспех коммуникации, базирующийся на определенном мировоззрении, приводит к кризису самой мировоззренческой парадигмы. Ошибка двойного отождествления (сначала других с собой, а затем себя с другими) не позволяет спокойно пережить тот факт, что личностное присвоение абстракций социально-легитимного смыслового пространства вообще и конфессиональной этики рождественского милосердия в частности привычно носит конкурентный характер по принципу «войны всех против всех». Другими словами, стратегия самосохранения в процессе понимания другого должна состоять не в переходе на его смыслообразовательную платформу, но в осознании всего комплекса причин, по которым это сделать невозможно.

«Надирать и наказывать»

Проведенный анализ «герменевтических» коллизий позволяет признать необходимость общеметодологического подхода П. Бурдьё к феноменам репрезентации и понимания во всей их полноте и сложности. Ведь они включены в открытую нелинейную систему социального пространства, в которой отношения символической борьбы и символической власти являются достаточно гибкими, амбивалентными, допускающими наличие смыслового зазора и смысловой вариативности. «Я надеюсь, – итожит П. Бурдьё, – что смог убедить вас <...>, что сложность коренится в самой социальной реальности, а не в немногом декадентском желании сказать, что это сложно. «Простое <...> есть всегда упрощенное». <...> наука никогда не развивалась бы, если бы не сомневалась в простых вещах» [2, с. 206–207].

В известном смысле современная реклама является прямым антагонистом упомянутой только что науке. Не покушаясь в целом ряде случаев на присущий быту и бытию драматизм, а порой и сознательно утрируя его, рекламный дискурс традиционно склонен находить легкие решения весьма напряженных (в том числе и в герменевтическом отношении) ситуаций. Нередко рекламируемый товар подается как способ гармонизации межличностных отношений, как цементирующая среда внутригруппового единства, как средство успешного преодоления и предотвращения конфликтов между членами семьи или трудового коллектива. При этом триединая ментальная задача «понять, простить, принять»,

столь неотъемлемая от стратегии социального сплочения, решается объектом рекламирования как по мановению волшебной палочки.

Так, в клипе, рекламирующем бульонные кубики “Maggi”, молодая хозяйка говорит, что у нее «золотой муж» (при этом зритель видит типичного недотепу), «золотые дети» (на экране показывают неугомонных сорванцов), «золотая свекровь» (в кадре – немолодая «интеллигентная» дама со зменной улыбкой). Истоки оптимизма становятся понятны, когда мы узнаем, что еще у героини есть «Золотой бульон “Maggi”», благодаря которому семья переживает апофеоз единения вокруг обеденного стола, а злыдня-свекровь вынуждена просить добавки. Используя «алхимический» код, можно сказать, что великолепная хозяйка стала обладательницей философского камня, все вокруг превращающего в золото, под которым древние мастера трансмутации понимали прежде всего духовное совершенство, являющееся не только условием сакрального действия, но и его подлинной конечной целью [13, с. 44, 49, 50]. Возвращаясь же к максиме Сартра о том, что «ад – это другие», рискнем назвать бульонные кубики “Maggi” таблетками от преисподней, которые следует принимать перорально, пожизненно и не менее трех раз в сутки. А то что это будет за менеджмент активных продаж?

Особого внимания заслуживает такая реклама, в которой проблема понимания эксплицируется и называется своим собственным именем. Таковы, например, рекламные клипы мятных конфет «Рондо», которые находились в «тяжелой ротации» в конце 90-х и победно вернулись в телеэфир 10 лет спустя со старым добрым лозунгом «Свежее дыхание облегчает понимание». По причине субстанционального ничтожества рекламируемого товара кампания эта, как свидетельствуют ее создатели, вынужденно началась с подмены медико-гигиенических проблем проблемами коммуникации [1, с. 101]. Судя по всему, именно перемещение рекламного нарратива в сферу компетенции герменевтики позволяет рассмотреть представленную в созданном речевом массиве проблему понимания во всей ее сложности и полноте.

С точки зрения гуманитарной методологии, понимание не сводится к логико-гносеологическим процедурам и включает в себя «вживание» в мир другого человека, предполагающее «сочувствование», «сочувствие» и стремление к совместному действию [11, с. 19]. Другими словами, процесс понимания в социальной сфере следует рассматривать не как субъект-объектное, а как субъект-субъектное отношение, приводящее к сближению «горизонтов» взаимодействующих сторон. Х.-Г. Гадамер, мысливший понимание в первую очередь как взаимопонимание, подчеркивал, что оно «всегда есть нечто большее, чем простое воспроизведение чужого мнения». По его словам, «то, что осмысленно, превращается <...> в наше собственное понимание», «становится нашей собственностью». Однако такое «у-своение» субъектом смыслообразовательной позиции другого вовсе не означает растворения в ней, а, напротив, направлено на укрепление и обогащение своей собственной «платформы» в соответствии с известным алгоритмом «возвращусь я туда, где и был, но иначе». «<...> узнавать в чужом свое, – отмечает Х.-Г. Гадамер, – осваиваться в нем – вот в чем основное движение духа, смысл которого – только в возвращении к себе самому из инобытия» [5, с. 15, 55, 227, 441, 463]. Иначе говоря, герменевтик должен сохранять свою субъектность, не превращаясь в пассивный объект семантического и/или прагматического воздействия со стороны интерпретируемого дискурса.

На первый взгляд может показаться, что реклама «Рондо» соответствует эпистемологическому и этическому идеалу взаимопонимания. Так, в одном из клипов показано, как бутальные «качки» под воздействием свежего дыхания

тщедушного тренера узнают «в чужом свое» и наделяют наставника собственными качествами, доведенными до абсолюта:

Первый спортсмен. Наш тренер – сама уверенность.

Второй спортсмен. Просто зверюга.

Первый спортсмен. Скажет, как отрежет.

Тренер (*мягко*). Ну че, ребята? Может, потренируемся, а?

Первый спортсмен. Супербизон!

Тренер. У меня свои методы работы с молодежью (*кладет в рот «таблетку» «Рондо»*).

Казалось бы, что здесь мы видим пример взаимовыгодного сотрудничества, в рамках которого ни одна из сторон не поступает своими принципиальными интересами. По сути же, «Рондо» в данном случае создает гипнотическую среду осуществления такой изощренной стратегии управления, которую П. Бурдые называет «стратегией снисходительности». Смысл этой коммуникативной практики состоит в том, что «агенты, занимающие высшие позиции в одной из иерархий объективного пространства, символически отрицают социальную дистанцию <...>, обеспечивая себе таким образом выгоды от признательности, придаваемой этому чисто символическому отрицанию <...>». При этом «можно пользоваться объективными дистанциями таким образом, чтобы получить преимущества от близости и преимущества от дистанции» [2, с. 187–188].

В целом рекламная кампания «Рондо» выглядит апологией субъект-объектного герменевтического взаимодействия, историей «невозвращения к себе» «ведомых» участников коммуникативного процесса. У Х.-Г. Гадамера находим методологическую базу для анализа подобных ситуаций: «Всякому притязанию соответствует встречное притязание. Отсюда возникает возможность, что один из партнеров <...> переигрывает другого. Он притязает на то, что он уже знает притязания другого, больше того: понимает его лучше, чем тот сам себя понимает. <...> Понимая другого, притязая на то, что мы его знаем, мы лишаем всякой легитимации его собственные притязания» [5, с. 423]. Например, в очередном ролике рекламной серии показано, как при помощи «Рондо» жена легко переигрывает мужа, уяснив, что одерживать верх над ним в конфликте житейских притязаний совсем не сложно, если не покушаться на его последнее призрачное притязание – не быть, но казаться главой семейства:

Муж. Лично я все решаю сам. Как скажу, так и будет. Если я говорю «на футбол», значит, на футбол.

Жена. А не стоит ли нам поехать к маме?

Муж. А если я говорю «к маме», значит, к маме.

Жена. Мы с полуслова понимаем друг друга.

В то время как «Рондо-Муж», сдавая позиции, еще нуждается в самообмане, «в хорошей мне при плохой игре», клип «Рондо-Начальник» демонстрирует утрату субъектной самостоятельности своих героинь в режиме полной и безоговорочной капитуляции. Очарованные и околдованные ароматом мятных конфет, исходящим от руководителя, сотрудницы фирмы с готовностью «растворяют» свою личную аксиологию в пучинах корпоративной культуры:

Первая сотрудница. Знаете, наш начальник – такой умница.

Вторая сотрудница. Он такой внимательный.

Первая сотрудница. Такой заботливый.

Начальник. С сегодняшнего дня работаем без выходных!

Первая сотрудница. Ой, ну надо, так надо.

Вторая сотрудница. Он такой просто душа.

Начальник. Главное – это подход к людям.

Становится понятно, что при таком «подходе» «Рондо» – это не «таблетка от преисподней», а очередной эффективный способ «надзирать и наказывать». Тут реклама как таковая оказывается на грани саморазоблачения. Эксплицируя и продвигая в массы «герменевтические» приемы манипуляции, благодаря которым потребитель становится всепобеждающим «монстром общения», рекламный дискурс не может не рассказать нам и о машинерии своих собственных побед.

Библиографический список:

1. *Абрамова Д., Баулина О., Горбачев А. и др.* История российской рекламы. // Афиша. 2012. 17 – 30 декабря.
2. *Бурдые П.* Начала: Монография / Под общ. ред. Пичхадзе Н. М. М.: Socio-Logos, 1994.
3. *Васильев С. А.* Уровни понимания текста // Понимание как логико-гносеологическая проблема / Под общ. ред. Поповича М. В. Киев: Наукова думка, 1982.
4. *Вдовин И. С.* Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. / Под общ. ред. Вдовина И. С. Л.: Наука, 1976.
5. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Монография / Под общ. ред. Бессонова Б. Н. М.: Прогресс, 1988.
6. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: Монография / Под общ. ред. Герасимова В. И. М.: Прогресс, 1989.
7. *Довлатов С. Д.* Зона: Записки надзирателя; Компромисс; Заповедник. М.: ПИК, 1991.
8. *Лотман Ю. М.* Воспитание души: Монография / Под общ. ред. Киселевой Л. Н. СПб.: Искусство–СПБ, 2005.
9. *Лурия А. Р.* Язык и сознание: Монография / Под общ. ред. Хомской Е. Д. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
10. *Медникова Э. М.* Комментарий // Salinger J.D. The Catcher in the Rye. М.: Progress, 1979.
11. *Попович М. В.* Понимание как логико-гносеологическая проблема // Понимание как логико-гносеологическая проблема / Под общ. ред. Поповича М. В. Киев: Наукова думка, 1982.
12. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Монография / Под общ. ред. Автономовой Н. С. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
13. *Элиаде М.* Азиатская алхимия: Монография / Под общ. ред. Сухачева Н. Л. М.: Ладомир, 1998.

Ю. Н. Гурьянов

Институт мировых цивилизаций, профессор кафедры «Экономическая психология и психология труда», доктор психологических наук

А. А. Гайворонская

Юридический колледж международной полицейской ассоциации, Смоленский филиал, кандидат психологических наук, доцент (214004, г. Смоленск, ул. Новокиевская, д. 2)

РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОГО РЕГИОНА)

В статье предпринят анализ социальных представлений молодежи об экстремизме психосемантическими методами (микросемантический и прототипический анализ). Проверялись предположения: 1) экстремизм представляется молодежи как эклектичный и социально детерминированный феномен; 2) жестокость, насилие является одним из ключевых элементов социального представления об экстремизме; 3) социальные представления об экстремизме будут структурироваться вокруг элементов, имеющих идеологические, политические коннотации.

экстремизм; социальные представления; микросемантический анализ; прототипический анализ

Реконструирование содержания социальных представлений как вид когнитивного моделирования способствует исследованию языкового сознания. В ходе осуществления реконструирования содержания социальных представлений происходит изучение системы значений категориальных структур сознания в «режиме употребления». В данном конкретном случае мы будем воспроизводить (реконструировать) существенные свойства, характеристики феномена экстремизма для молодежной группы. В нашем исследовании мы опирались на положения социально-психологической концепции социальных представлений, разработанной французской психологической школой (С. Московиси, Ж.-К. Абрик, Д. Жоделе и др). Перспективность обращения к теории социальных представлений объясняется рядом причин. Например, С. Московиси полагал, что теория социальных представлений предназначена для анализа современных социальных проблем, где социальные представления – это ведущая характеристика и общественно и индивидуального сознания. С. Московиси подчеркивает что, через понятие «социальный» выражается способность представления возникать через социальные взаимодействия и общения между индивидами и группами и отражать, по-разному, исторические, культурные и экономические условия, обстоятельства и практики. Социальные представления – это «наивные теории», объясняющие события окружающего мира, при конструировании которых, происходит познание мира [14, с. 18–61]. При этом И. Маркова считает, что социальные представления являются сложными и целостным, которые можно рассматривать как метафоры и образы, включающие в себя ценности, эмоции, отношения [15, с. 222].

Д. Жоделе рассматривал социальные представления как специфическую форму знания, связывающую субъект с объектом. Акт представления понимался как акт мышления, позволяющий субъекту приблизиться к объекту [17]. Социальные представления для Ж.-К. Абрик – это «функциональное видение мира, которое позволяет индивидам или группам придавать значение их поведению, понимать реальность через собственную систему отношений, таким образом адаптироваться к ней и определять свое место в ней» [12, с. 42–47].

В отечественной психологии социальные представления рассматривались на основе субъектно-личностного подхода и концепции социального мышления (К. А. Абульханова, М. И. Воловикова, И. А. Джидарьян, Т. П. Емельянова, И. Б. Бовина). В частности, К. А. Абульханова отмечала, что социальные представления являются одной из процедур социального мышления и чтобы стать принятыми, требуют усилий личности, другие представления могут блокироваться, третьи — усваиваются автоматически, представления могут быть либо умозрительными абстракциями, либо выражать позицию, либо становятся основанием, опорой для личности. Механизмами формирования и закрепления социальных представлений выступают категоризация, интерпретация, то есть трансформация информационных когнитивных элементов в «репрезентативно-образные», способствуя формированию социальной (групповой) идентичности [1, с. 88–103]. Согласно Т. П. Емельяновой социальные представления в условиях социальной нестабильности, поддерживает эмоциональное состояние индивидов и групп [6, с. 39–47].

Социальное представление (структурный подход по Ж. – К. Абрик) имеет структуру: ядро и периферический строй. Ядро связано со смыслом объекта представления, отношением к нему, периферическая система объясняет значение ядра, образуя семантическое поле представления, обеспечивая его вариативность [12, с. 42–47].

Экстремизм, в самом широком смысле, принято определять как приверженность к крайним взглядам, мерам от лат. *extremus* – крайний. Крайний – это чрезвычайный, радикальный, превосходящий обычную меру, не такой как обычно, исключительный, не предусмотренный обычным положением дел, вызванный исключительными обстоятельствами, максимальный. Семантическое поле данного понятия образуется со словами: *экстремальный* — *экстремальность* — *экстремист*. Общие представления об экстремизме связаны, как правило, с отдельными проявлениями экстремизма (преимущественно политического или религиозного) и «экстрима» (спортивного или развлекательного). Если вспомнить теорию «пассионарности» Л. Н. Гумилева, то примером субпассионарной личности могут выступать лица, осуществляющие экстремистскую деятельность.

В психологических исследованиях, экстремизм в его многоаспектной природе возникновения и многовариантными формами протекания в обществе, исследуется как социально – психологический феномен, выраженный действиями групп, группировок и индивидов. Л. В. Баева определяет экстремизм, как крайнюю форму интолерантности, соединенную с агрессией и насилием. Это метод выражения непримиримости к Другому [4, с. 26–33]. Л. Н. Аксеновская считает что «экстремизм по результатам, по своим последствиям есть вид аутоагрессии социума, механизм самоуничтожения культуры и жизни в целом. Своего рода вид культурного и социального суицида» [2]. В целом склоняясь к позиции автора, следует признать, что этот феномен связан с особенностями поведения авторитарной личности, отражает жизненные установки, стереотипы, привержен-

ность к которым несет угрозу прямо или косвенно безопасности другой личности, общества и государства.

Цель нашего исследования состояла в реконструировании содержания социальных представлений молодежи об экстремизме, а именно, в изучении того, как респонденты понимают данный феномен, к каким идеям и представлениям они апеллируют, предпринимая попытки объяснить феномен экстремизма, экстремистскую деятельность, а также в выяснении структурного содержания социальных представлений об экстремизме у молодежи.

Выбор молодежной возрастной группы для исследования объясняется тем, что для этой группы характерны неполнота социального статуса, неопределенность социальных идентификаций, маргинальность социальных позиций. Для молодежи, а именно студентов свойственны следующие психологические особенности: максимализм, непримиримость, нигилизм (Демаховская, 2003 [3]), смысложизненные поиски (Петранюк, 2006 [8]), поиск идентичности и самоидентичности (Райс, 2000 [9]).

Методы исследования. Изучение структурного содержания социальных представлений об экстремизме у молодежи предполагало реализацию качественно-количественного анализа данных.

Для исследования реконструкций содержания социальных представлений мы использовали метод мини сочинений (методика М. И. Воловиковой, Н. Л. Смирновой), контент и микросемантический анализ [5]. Для выявления ядерно-периферической структуры социальных представлений применялась методика прототипического анализа П. Вержеса [16, с. 203–209].

Изучение содержания социальных представлений предполагало выявление социальных представлений об экстремизме. Респондентов просили в виде свободных рассказов описать свои представления об экстремизме, используя конкретные примеры из личного опыта, может вспомнить конкретного человека известного им, о котором они могли бы сказать, что этот человек – экстремист.

Далее мы использовали контент и микросемантический анализ полученных сочинений. Контент анализ был направлен на выявление смысловых единиц сочинений. Ими выступали социальные представления (дескрипторы), отражающие тему, идею, персонаж, пример жизненной ситуации. Глубина интерпретации протоколов зависела от ясности, целостности описания данного феномена. Ведущие темы в описании представлений определялись через отношение к чему – либо, как целеполагание, как способ или проявление чего либо. Затем осуществлялся общий подсчет данных. Микросемантический анализ (качественный метод) использовался нами для выявления уровней категоризации и интерпретации данного феномена, то есть мы изучали, что понимается под этим феноменом, как он проявляется и описывается в жизни респондентов, какие реформирование осуществлялись в определении экстремизма. Нас интересовало обнаружение интерпретации данного феномена разными респондентами, выявление психологических характеристик процесса интерпретирования (интеллектуальных /когнитивных/ или оценочных), а именно – противоречивость в интерпретации, проблемность (глубина интерпретации) и контекст интерпретации – (широта, разнообразие) [5].

На втором этапе мы применяли прототипический анализ, который был направлен на выявление стабильной, устойчивой части представлений – центрального ядра и периферической системы, а также возможной зоны изменений. Для различения ядра и периферии использовались следующие показатели: выпуклость элементов ядра, условность-безусловность (элементы ядра – безусловны), символическая ценность (элементы ядра – придают смысл всему

представлению), ассоциативная сила (элементы ядра определяют отношения между элементами представления) [13, с. 77–100]. Зона ядра определялась дескрипторами, которые имели низкий ранг и высокую частоту встречаемости, к периферии были отнесены дескрипторы с высоким рангом и низкой частотой встречаемости. В переходной области (зона изменений) были дескрипторы с низкими и с высокими рангом и частотой.

В исследовании приняло участие 184 молодых человека, обучающихся в ВУЗах города Смоленска, в возрасте от 17 до 27 лет, женского пола 93 человека, средний возраст молодых людей $M=21,8$ лет, стандартное отклонение $SD=1,83$. Все испытуемые были отобраны на основе рандомизированного отбора. Женщины и мужчины были представлены равномерно (количественные различия статистически не значимы).

Описание и анализ результатов исследования: изучение протоколов (свободных рассказов) с описанием своих представлений об экстремизме, конкретных примеров из личного опыта позволило выявить эклектичность и социальную детерминированность, идеологизированность социальных представлений об экстремизме.

Контент – анализ протоколов позволил выделить более 560 дескрипторов (описания), представленные в порядке убывания количества упоминаний испытуемыми, которые составили следующую картину: *Экстремизм – это насилие, действия против общества, борьба, адреналин, агрессия, пропаганда, терроризм, бандитизм, желание поработить волю большинства, превосходство над другими, навязывание настроений, фашизм, насилие, провокации, беспорядки, вред людям, нехватка ярких впечатлений, бескомпромиссность, достижение личных выгод, опасное явление, межнациональная рознь, отклонение от нормы, угроза национальной безопасности, пренебрежение к правилам поведения, спорт опасный для жизни, скинхеды, оппозиция, власть над обществом, унижение окружающих, нарушение свободы, участие в рискованных соревнованиях и другие.* Эти понятия были воспроизведены не менее, чем 5 % респондентов.

Описание представлений об экстремизме, условно можно подразделить, от определения экстремизма как «угроза, насилие, агрессия» и до понимания экстремизма как «действия против общества, личности».

Ведущие темы в описании представлений об экстремизме были следующие:

а) понимание экстремизма как *насилие, жестокость, подавление;*

б) понимание экстремизма как *изменения, преобразования, переустройство;*

в) экстремизм – как *адреналин, экстрим, власть;*

г) экстремизм – как *протест, выступления против власти, общества, религии, национальности.*

Эти темы представляют собой количественное выражение содержания данного феномена. Последняя тема, представляя собой качественное наполнение, непосредственно оказывает влияние на другие темы, их структурные содержательные. Различия при описании представлений об экстремизме – это, прежде всего различия в понимании деятельности, а именно «деятельность против государства, власти»; «деятельность против личности»; «деятельность против религиозных конфессий»; «деятельность как участие в соревнованиях».

Микросемантический анализ показал, что респонденты, в большинстве случаев, определяли экстремизм как способ выражения крайних взглядов, использование крайних мер, приносящих вред обществу, людям: *«Экстремизм – это незаконное действие групп, которые могут принести вред моральному и физическому здоровью людей»* (муж. 23г.); *«Экстремизм – это крайнее состояние проявлений человеческой души, выражающееся в поступках, идущих вопреки*

общепринятым мнениям» (жен.24г.). «Экстремизм – обостренное проявление своей позиции, гражданской, религиозной или политической, часто с применением насилия, либо с созданием опасных для жизни ситуаций. Непримиримость с другой точкой зрения, фанатичность» (муж. 21л.). Нередко в протоколах наблюдались исправления, зачеркивания, были отказы от участия в исследовании (20%), или было ироничное объяснение данного феномена: «Плохие дядьки с тетками, которые ближним своим, которых надо любить, уважать, холить и лелеять, делают совсем другие вещи ... ну как-то так» (жен.19л.). Иногда было формальное отношение к написанию мини – сочинения. Это выражалось в небольшом объеме (1–2 предложения), что по видимости отражало паллиативные представления об экстремизме «Экстремизм – это приверженность в политических и религиозных взглядах, утверждение своей позиции с помощью насилия, непримиримость с чужой позицией» (муж.19л.); «Экстремизм – что-то нехорошее. Экстремисты, – какие – то нехорошие люди» (жен.18л.); «Экстремизм – это ущемление человеческих прав по национальному признаку» (муж. 19л.). Встречались описания, где большинство ответов содержало описание экстремизма как «жесткая форма несогласия»; «агрессия к человеческой расе»; «насилие над другими»; «превосходство над другими». Иногда в протоколах отмечалось что: «...четко охарактеризовать затрудняюсь, скажем так: для меня слово неразрывно связано с политиками и проблемами, так же, оно (слово это) очень хорошо рифмуется со словом «идиотизм»... на мой взгляд не случайное» (жен. 23г.), или «Экстремизм – это, скорее болезнь у отдельных безбашенных личностей» (жен.18л.). Описывая свои представления об экстремизме, респонденты, часто отождествляли это понятие с терроризмом, фашизмом, фанатизмом. Несомненно, эти понятия связаны между собой и находятся в едином семантическом пространстве, но существует специфика использования данных понятий. Например, фашизм – это, прежде всего политическое движение, идеология. А терроризм трактуется как тактика политической борьбы, применяющая насилие. Фанатизм – беспрекословное следование убеждениям. Многие респонденты объединили экстремизм с этими феноменами, а именно: «Экстремизм – это фашизм» (жен. 18л.); «Экстремизм – это то, чем занимаются террористы» (муж. 20л.); «Экстремизм – это террор» (муж.19л.); «Экстремист – фанатик по сути, фанатик не важно чего (жен.21г.). Очень часто в ответах испытуемых отражался взгляд на данный феномен как вызов обществу, традициям, проявляющийся в ненависти к другим: «Экстремизм – это взгляд в будущее, борьба с отжившими традициями, ценностями» (муж. 19л.); «Экстремисты выступают против общества, отрицают правила, обычаи, ценности» (жен. 22г.). Для части респондентов феномен экстремизм, экстремистская деятельность вызывала интерес, возможно, это связано с потребностью в изменении существующих правил и традиций, поиска новых перспектив, а также может быть, это протест против ущемления прав, свобод, а может, выражает стремление к социальным преобразованиям, изменениям во власти. Другие респонденты связывают экстремистскую деятельность с экстремальным поведением, способным рождать новые ощущения и переживание ярких эмоциональных состояний: «Экстремизм – это острые ощущения» (муж.18л.); «Экстремисты – это борцы за свободу» (жен.19л.); «Экстремизм – это состояние души, когда человек не может жить без острых ощущений, без выброса в кровь адреналина. И это не обязательно связано с экстремальными видами спорта» (жен.20л.). У других респондентов экстремистская деятельность пробуждала страх: «Поступки из ряда вон выходящие, наводящие ужас и панику, вызывающие негатив и страх у нормальных людей» (жен. 19л.) и отношение к экстремистам интолеранное, со-

единенное с агрессией и насилием: «*Этих нелюдей нужно искоренять из общества, им нет места среди нормальных жизнедеятельных граждан*» (жен.22г.); «*Экстремизм – это кучка больных на голову идиотов, которых надо запереть в психиатрических больницах, либо в Магадан в лагеря на пожизненные работы!*» (муж.23г.); «*В своей жизни я не так часто сталкивалась с экстремизмом, и наверно не обращала на эти события особого внимания. Но, в любом случае, в моем сознании, определение «экстремизм» и его проявления воспринимаются как негативные*» (жен. 20л.). Хотелось бы обозначить, что встречались мнения, когда социально – одобряемая гражданская позиция, по мнению респондентов, трансформировалась в экстремистскую деятельность: «*Кто-то, кто разжигает какую-нибудь рознь – или религиозную, или половую, или расовую, причем не тока говорит – но и активно действует. Но грань тут тонкая – мне например не нравится засиле жителей южных республик в городе, если я начну высказываться в этом ключе – очень легко меня осудить за экстремизм, то есть высказывание своей активной гражданской позиции зачастую может быть похоже на экстремизм...*» (муж. 22г.). В обследованных протоколах наблюдались развернутые ответы, иногда встречались односложные высказывания: «*Экстремизм – это адреналин*» (муж. 19л.). Нередко проявлялась эмоциональная вовлеченность в обсуждении данного понятия: «*Как правило, действия экстремистов асоциальны, и в большинстве случаев жестоки*» (жен.18л.); «*Я боюсь экстремистов, террористов на них неприятно смотреть*» (жен. 18 л.).

Примером человека – экстремиста респонденты называли Усама Бен Ладена, А. Гитлера, В. Сталина, М. Кадафи (расположены по частоте употребления). Часто встречалось мнение, когда за экстремистов принимали тех, кто относил себя к исламской конфессии: «*Весь ислам экстремисты. Религия у них такая*» (муж 21г.), «*...мусульманине вызывают у меня страх*» (жен18л.). Другие респонденты относили к представителям экстремизма, всех кто состоял в сектах, или позиционировал себя нацистом, антисемитом или террористом.

Теперь проанализируем структуру представления и выявим элементы, вокруг которых организуется данные представления. В соответствии с указанными критериями П. Вержеса мы проанализировали в первую очередь часто встречающиеся дескрипторы. Их объем составляет 1/3 от общего числа предложенных понятий. Объем зоны ядра и периферической системы составил 36,5% от высказанных ассоциаций (табл. 1).

Таблица 1

Зона представления	Понятие (частота; ранг)
Зона ядра	<i>насилие(35;2,13), жестокость(33;2,12), действия против общества(31,2,09), борьба (27;2,71), адреналин (14;2,37)</i>
Зона потенциальных изменений	<i>терроризм(27;2,81), бандитизм(12;3,01), агрессия(12;3,10), фашизм(10;3,42), навязывание настроений(9;3,41), превосходство над другими(8;3,82)</i>
Собственно периферическая система	<i>желание поработить волю большинства (7;3,12), провокации(35;2,11), беспорядки, вред людям (6;3,01), нехватка ярких впечатлений (6;3,17), бескомпромиссность(6;3,17), достижение личных выгод (6;3,12), опасное явление(6;2,21), межнациональная рознь (6;2,21) и др.</i>

Составляющими зону ядра представления стали четыре понятия (число в скобке показывает величину связи): *насилие, действия против общества, борьба, адреналин*. Эти высоко согласованные контенты, встречающиеся в первую очередь в протоколах респондентов, являются категориями, отражающими особенности данного явления: присутствует указание на то, что экстремизм – это *насилие*, связанное с *действиями против общества, борьбой* вызывающей *адре-*

налин. Содержание этого ядра указывает на деструктивно – деятельностный характер этого феномена.

Периферия представлена в основном категориями, отражающими антисоциальную деятельность, а именно: *желание поработить волю большинства, провокации, беспорядки, вред людям, нехватка ярких впечатлений, бескомпромиссность, достижение личных выгод, опасное явление, межнациональная рознь и другие*. Зона изменений выражена следующими дескрипторами: *терроризм, бандитизм, агрессия, фашизм, навязывание настроений, превосходство над другими*.

Результаты исследования реконструирования содержания феномена экстремизма, предпринятого в контексте теории социальных представлений, позволяют нам сделать **ряд выводов**.

1. Представления об экстремизме складываются под влиянием различных социально-психологических характеристик и могут быть связаны с *агрессией, провокацией, нанесением вреда людям, унижением окружающих*.

2. Структурное содержание социальных представлений об экстремизме определяются особенностями и спецификой данного феномена, а именно выделяется устойчивое ядро (*действия против общества, борьба, адреналин*), организованное вокруг его ведущего значения – «*насилие*».

3. Уровни категоризации, выделенные в ходе интерпретации, соотносятся со значимыми темами представлений, то есть, понимание экстремизма через отношение (*насилие, подавление*), как цель достижения (*изменения, образования*), как способ получения и как сила (*выступления против власти, общества*), а именно экстремизм представляется молодежи как эклектичный и социально детерминированный феномен;

4. Насилие, жестокость является одним из ключевых элементов социального представления об экстремизме.

На наш взгляд, дальнейшую работу можно строить в направлении изучения социальных представлений об экстремизме представителей разных возрастных групп, а также исследовании факторов влияющих на формирование социальных представлений об экстремизме, что позволит обогатить в целом данную теорию.

Библиографический список:

1. *Абульханова К. А.* Социальное мышление личности. Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: ИПРАН, 2002.

2. *Аксеновская Л. Н.* Экстремизм: смысл и результат (ордерный аспект) Экстремизм и средства массовой информации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Семенова В. Е. СПб., Астерион, 2006.

3. *Демаховская М. Е.* Психологические факторы риска экстремистского поведения у подростков: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003.

4. *Баева Л. В.* Проблема противостояния молодежному экстремизму в современной России // Информационное сопровождение геополитической безопасности территорий Юга России и прикаспийского региона: Материалы Международной научно-практической конференции. Астрахань: Астраханский университет, 2010.

5. *Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: ИПРАН, 2005.

6. *Емельянова Т. П.* Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6.

7. *Московичи С.* Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2.
8. *Петранюк А. И.* Психологические аспекты смысложизненных поисков студенческой молодежи. Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XI симпозиума / Под ред. Вайзер Г. А., Вахромова Е. Е. 2006. // <http://hpsy.ru>
9. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000.
10. *Смирнова Н. Л.* Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: «ИП РАН», 1997.
11. *Соснин В. А.* Психология современного терроризма. М.: Форум, 2010.
12. *Abric J-C.* A Structural Approach to Social Representations // Representations of the Social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford : Blackwell Publishers. 2001 P. 42–47.
13. *Parales – Quenza, C.J.* (2005) On the Structural Approach to Social Representations // Theory and Psychology. Vol. 15. No 1. P. 77–100.
14. *Moscovici, S.* (2001) Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford : Blackwell Publishers. P. 18–61.
15. *Marková, I.* (2003). Dialogicality and Social Representations. Cambridge: Cambridge University Press p. 222
16. *Verges, P.* (1992) L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. Tome XLV. No 405. P. 203–209.
17. *Jodelet, D.* (1984) Les représentations sociales. P.: Presses Universitaires de France.

А. Г. Маджуга

Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, профессор кафедры психологии, доктор педагогических наук, доцент (4453103, г. Стерлитамак, пр. Ленина, д. 47а; тел.: (3473) 43-73-29; strbsu@mail.ru)

Э. Н. Ильясова

Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, доцент кафедры психологии, кандидат педагогических наук, доцент (4453103, г. Стерлитамак, пр. Ленина, д. 47а, тел.: (3473) 43-73-29; strbsu@mail.ru)

ИНТЕГРАЦИЯ КОНТЕКСТНОГО И ХОЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ В ОБЪЯСНЕНИИ СУЩНОСТИ ВЕКТОРНО-КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЗДОРОВЬЕСОЗИДАЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

В статье предложена векторно-контекстуальная модель здоровьесозидающего потенциала личности, выявлена сущность названного феномена и дана характеристика ресурсного обеспечения здоровья человека в контексте холистического подхода; представлен теоретический анализ зарубежных теорий и концепций, отражающих активность личности в отношении своего здоровья, рассмотрены особенности проявления здоровьесозидающего потенциала личности в различных контекстах и показана взаимосвязь между ними.

здоровье; здоровьесозидающий потенциал личности; векторно-контекстуальная модель здоровьесозидающего потенциала личности; контекстный подход; вектор; холистический подход; валеологическая установка; метакогнитивные способности; аффективная самооатрибуция; самость

Обычно здоровье человека понимается и оценивается через наличный уровень ряда структурных и функциональных показателей. Однако, как с позиций культурно-исторической теории, так и с позиций экзистенциально-гуманистической психологии, более показательным, чем наличное состояние, является потенциально возможный, актуализирующийся виртуальный уровень здоровья человека. Этот уровень «зоны ближайшего развития здоровья» можно описать через понятие «здоровьесозидающий потенциал» [3, с. 53–56], который актуализируется в результате реализации человеком субъективной интенции заботы о себе.

Анализ существующих теорий и концепций, отражающих активность личности в отношении своего здоровья, таких как: модель убежденности (Hochbaum, Rosentock, 1960), теория защитной мотивации (R. Rogers, 1997), теория обособленного действия (Ajzen, Fishbein, 1975), модель здравого смысла и саморегуляции (Leventhal, Brissette, 2003), концептуальная модель самоменеджмента (D'Zurilla, 1996; Whitlock, 2002; Hill-Briggs, 2003; Glasgow, 2006), когнитивно-социальная процессуальная модель здоровья (C-SHIP), разработанная Miller, Shoda и Hurley (1996), социально-экологическая теория (Glanz et al., 2002; Stokols, 2000), позволил нам выделить личностные образования, характеризующие структуру здоровьесозидающего потенциала личности.

Здоровьесозидающий потенциал – это совокупность условий для поддержания и укрепления личностью, человеком как субъектом собственного целостного

здоровья. К *внутренним условиям* здоровьесозидающего (*здравотворческого*) потенциала можно отнести: а) физические (физиологические) факторы, такие как наследственность и существующий уровень эффективности функционирования организма; б) психологические компоненты – знания, мотивация и стремления, установки субъекта в области здоровья. *Внешние условия* включают в себя социокультурные факторы, которые также можно разделить на две подгруппы: а) факторы материальной среды (воздействия или условия для укрепления здоровья: спортивные сооружения и пр.), а также б) общественная идеология, ориентированная здоровьесозидательно, нейтрально или даже негативно по отношению к здоровью. Актуализация здоровьесозидающего (или *здоровьесозидающего*) потенциала, как реализация намерения человека в указанных условиях, проявляется в феномене объективно и субъективно воспринимаемого здоровья человека.

На основе такого понимания была разработана модель *здоровьесозидающего потенциала личности*, которая включает в себя три вектора – *валеологическая установка, метакогнитивные способности и аффективная самооатрибуция* [2]. *Метакогнитивные способности* характеризуют индивидуальные особенности личности (когниции второго порядка), позволяющие индивиду отражать, оценивать и осознанно (неосознанно) управлять собственной когнитивной системой личности при оценке результативности или построении прогностической модели здоровья. *Валеологическая установка* определяется нами как психологическое состояние предрасположенности субъекта к активной позиции в отношении удержания и наращивания объема собственного здоровьесозидающего потенциала. *Аффективная самооатрибуция* выступает как когнитивно-личностное образование, обеспечивающее эмоционально-энергетическое обеспечение процессов здоровьесозидания и атрибуцию возникающих психоэмоциональных состояний.

Категория «*вектор*» здесь выступает как элемент психологического пространства личности, обладающий направлением и дихотомическими проявлениями – нарастанием или деструкцией. С психологической точки зрения именно движение по данным векторам и составляет сущность процесса реализации потенциала человека в области здоровьесозидания. Изначально описанные выше три вектора составили самодостаточное трехмерное пространство здоровьесозидающего потенциала. Однако в дальнейшем стало понятно, что возможно добавить еще одно пространство, которое существенно дополняет имеющуюся модель, придавая ей еще большую объемность. Это пространство образовано совокупностью *контекстов*, в которых существуют и рассматриваются указанные векторы здоровьесозидающего потенциала личности [1, с. 137–138].

На наш взгляд, можно выделить несколько контекстов, то есть направлений соотношения потенциала здоровья человека с иными отраженными в его психике феноменами, относящимися к факторам здоровьесозидания личности. Впервые, это *социокультурный контекст*, к которому относятся, прежде всего, традиционные для данного общества этнические способы организации жизнедеятельности, определяющие общие представления и принципы организации здоровьесберегающей и здоровьесозидающей среды. Данный контекст также включает в себя как нормативно-ценностный, так и технологический компоненты отношения к здоровью, присущие данному обществу, культуре, этносу в конкретный исторический период. Тем самым этот контекст, представляет собой своеобразный «*хронотоп*» здоровьесозидающего потенциала субъекта, то есть более широкое психическое пространство, отражающее репрезентацию социокультурных феноменов в их соотношении с собственно факторами здоровьесозидания. Кроме того, можно также рассматривать здоровье и вопросы развертывания потенциала здоровьесозидания человека в *телесно-физиологическом, психо-*

логическом и духовном контекстах. Это отражает холистическое понимание здоровья и здоровьесозидающего потенциала. Известно, что здоровье, понимаемое холистически, охватывает не только телесный, но и психический, и духовный уровни человека. Сам термин «*холистический*» происходит от греческого слова «*holos*», означающего «цельность», «целостность». Соответственно, *холизм* – это учение, рассматривающее мир как результат ступенчатой творческой эволюции, которая направляется нематериальным и непознаваемым «фактором целостности» (Я. Смэтс, Дж.С. Холдейн, А. Мейер-Абих, А. Леман). Психолог и философ А. Маслоу связывал холистический взгляд на мир с естественным, здоровым состоянием человека: «Мне кажется, что холистичный способ мышления и понимания совершенно естествен ... для здоровых, самоактуализированных людей и, напротив, чрезвычайно труден для менее развитых, менее зрелых, менее здоровых представителей рода человеческого» [4].

Холистический подход к здоровью предполагает не только снятие противопоставления духовно-психического и материально-телесного начал в человеке. Он также акцентирует субъектность человека как носителя здоровья, его ответственность за состояние и развитие здоровья как жизненного потенциала. Напротив, нездоровье с этих позиций первоначально зарождается на ментальном, то есть ноологическом уровне, распространяясь затем на психическую, а точнее эмоциональную сферу, и, наконец, через посредство дисбаланса вегетативной нервной системы, локализуется на витальном (то есть физическом или телесном уровне), навязывая субъекту определенные ограничения его самореализации. В связи с этим, с позиций холистического понимания здоровья и здоровьесозидания необходимо ставить любой относящийся к данной проблематике фактор не только в контекст телесных процессов, но изучать их субъективную репрезентацию в когнитивных и эмоциональных формах, а также рассматривать духовное значение этих здоровьесозидающих факторов. Причем следует иметь в виду, что последовательность этих контекстов не случайна – каждый последующий трансцендирует (вбирает и преобразует) предыдущий.

Таким образом, телесные процессы, отзывающиеся на то или иное воздействие в рамках *физической культуры* (не в смысле одних только физических упражнений «культуры тела» или «культуризма», а толкуемых расширительно, как забота о благополучии и развитии тела) непременно отражаются в тех или иных *психических формах*, а в результате этого приобретают позитивное или негативное *духовное значение*.

Итак, контекстный подход дополняет векторную модель здоровьесозидающего потенциала новым пространством, углубляющим исходную модель, которую вследствие этого можно называть *векторно-контекстуальной*. Это означает, что векторы потенциала здоровьесозидания реализуются отнюдь не в вакууме, но в соответствующих контекстах, обеспечивающих благоприятные или неблагоприятные условия для этого процесса в самой психике человека. Следует также отметить, что ядром этой модели должно быть совершенствование именно потенциала здоровьесозидания, принадлежащего определенному субъекту, выступающему как *самость* (подлинное Я, в отличие от масок ложного Эго или предьявляемого другим имиджа, то есть сам субъект) [6].

В соответствии с таким холистическим пониманием, необходимо проектирование здоровья на основе раскрытия здоровьесозидающего потенциала на всех уровнях целостного человеческого существа. При этом за основу процесса развертывания этого потенциала во времени можно взять модель виртуальной психологии и периодизацию психического развития, разработанную на этой основе Н. А. Носовым и Т. В. Носовой. Рассматривая развитие представлений человека о себе в

онтогенезе с младенчества до взрослости, они выделили пять уровней такой само-реальности – «собой», в их терминологии, то есть виртуальной реальности (а с позиций экзистенциализма – этапов проекта «себя актуализируемого», понимаемых как своего рода «зона ближайшего развития» субъекта), посредством которой человек самоидентифицируется в разные возрастные периоды по разным основаниям. Все эти реальности (телесная, сознания, личности, воли, внутреннего человека) приобретаются человеком в результате последовательного перенесения акцента самоощущенности при овладении на необходимым и достаточном уровне предшествующим способом самоидентификации [5, с. 74–100, 325–344].

Соответственно с этими этапами овладения собственной природой, формирования целостности человека (индивидуации) смещаются акценты и в заботе о себе и своем здоровье, проявляющиеся как специфические способы и направления реализации здоровьесозидающего потенциала. При этом следует особо подчеркнуть, что эти онтогенетические уровни как бы проходятся заново, уже сознательно, человеком, который стремится реализовать подлинную заботу о себе как здоровом человеческом существе. Следовательно, субъект должен первоначально реализовывать свой потенциал здоровьесозидания в области телесности (первый этап), затем – в области психики (второй-четвертый этапы), а в дальнейшем – в духовном плане (пятый этап). Одновременно можно говорить о проявлении этого потенциала в соответствующих контекстах – телесном, психическом и духовном. Кроме того, естественным фоном для этих процессов является социокультурный контекст, определяющий конкретные формы и приоритеты здоровьесозидающей деятельности субъекта. Графически отобразить получившуюся в результате векторно-контекстуальную модель здоровьесозидающего потенциала личности можно следующим образом (Рис.1).

Рисунок 1

Библиографический список:

1. *Вербицкий А. А.* Контекст (в психологии) / Под ред. Петровского А. В. // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / Ред.-сост. Карпенко Л. А. Под общ. ред. Петровского А. В. М.: ПЕР СЭ, 2005.
2. *Маджуга А. Г.* Здоровьесозидающее образование: теория, методология, практика: Монография. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2010. 300 с.
3. *Маджуга А. Г.* Здоровьесозидающий потенциал личности как феноменологическая категория / Совр. проблемы психологии развития и образования человека: Материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Т. 1. СПб., 2010.
4. *Маслоу А.* Мотивация и личность: Пер. с англ. СПб.: Питер, 1999.
5. *Носов Н. А.* Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000.
6. *Юнг К. Г.* АИОН. Исследование феноменологии Самости / Пер. с англ., лат. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997.

Д. И. Бахтизина

Башкирский государственный университет, Сибайский институт (филиал), доцент кафедры музыки, кандидат философских наук (453830, ул. Белова, д. 21; тел.: (834775) 5-15-70; sibs.u.ru)

КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В СИСТЕМЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Классическая музыка несет в себе высшие ценности, которые проявляются как сущность человеческой духовности. В музыке добро, красота, истина получают наиболее органичное воплощение. Ценность музыки определяется полнотой воплощения в ней богатства внутреннего мира человека, высочайших взлетов его духа, творческой силы. Отражая противоречия, которыми живет человек, музыка приводит их к единой основе, создавая гармонию и способствуя сохранению целостности человеческой личности. Музыка выступает как идеал, являющийся центром устремлений человеческого духа. Заклучая в себе высокую концентрацию информации о внутренней жизни человека, музыка раскрывает ее в динамике, уподобляясь живому бытию.

классическая музыка; ценность; духовность

Сущность искусства заключается в том, что оно представляет собой «сокровищницу духовности», выступает результатом духовных поисков многих поколений людей. В искусство человечество традиционно вкладывало все то, что можно определить как высшие взлеты духа, лучшие и наиболее совершенные его озарения. Именно поэтому искусство с давних пор приобрело значение хранилища нетленной красоты, источника духовности, к которому человечество обращается постоянно в поисках вдохновения. В силу того, что искусство вобрало в себя именно те духовные открытия, благодаря которым человек стал культурным существом, обращение к нему всегда благотворно для человека.

Ценность в искусстве является осью, направляющей и организующей ее существование. В основе искусства как аксиологического феномена лежит сложная, тщательно выстроенная и взаимосвязанная система ценностей, координирующая и обеспечивающая его функционирование. Произведение искусства как источник ценностных ориентаций позволяет человеку выстроить для себя иерархию самих явлений бытия, открыть «сокровища духа» в себе и в окружающих, определив их как высшую ценность бытия.

Классическая музыка является хранилищем вечных, непреходящих ценностей бытия. В ней откладывалось и передавалось из поколения в поколение только то, что представляло наибольшую значимость для человечества, выражало quintэссенцию его духа. Совершенство музыки стало итогом неустанных поисков человека, воплощаясь в качестве красоты мироздания, которую открывал для себя человек.

Музыкальное произведение приобретает высокую ценность в глазах человечества, когда оно не просто способно откликнуться на движения души человека, но, более того, окрылить его мечтой, которая присутствует в нем подсудно. Ценность музыки определяется силой ее творческих потенций, благодаря которым реализуется высшая «программа» человека как существа духовного. Воплощая в себе концентрированное выражение высших ценностей, произведение

само становится источником эманации этих ценностей. Следует заметить, что музыка, лишенная предметной изобразительности, обладает наибольшими возможностями для реализации данной задачи. Воплощение того, что отсутствует в предметном мире, но является объектом стремления, делает музыку прекрасной мечтой, приобщение к которой возвышает личность человека. Наличие в произведении подобного духовного стресса, вокруг которого концентрируются духовные интересы человека, превращает его в непреходящую ценность, значимость которой никогда не исчезнет.

Сфера воплощения классической музыки – это красота, являющаяся одним из признаков идеала. Идеал подразумевает некую высшую ценность, стремление к которой наполняет жизнь человека смыслом. Для того чтобы реализовать свою духовную сущность, человеку «приходится выходить из себя» «в своем метафизическом порыве трансцендировать» [6, с. 35], преодолевать свою физическую природу. Только мечта и устремляясь к трансцендентному, он живет полной жизнью, выполняя свое высшее назначение как существа духовного. Одно из назначений музыки как раз и состоит в том, что она удовлетворяет исконную тягу человека к высшему, трансцендентному.

Любая сфера образности классической музыки находит воплощение через красоту, в том числе и такие, казалось бы, далекие от привычной для музыки области возвышенного и лирического, как образы юмора, сатиры, гротеска, зла. Красота становится фактором объединения этих весьма разнородных образных сфер как единого духовного явления, концентрирующего в себе высшие и наиболее совершенные проявления жизни духа. В музыке реализуется триада высших ценностей Добро-Красота-Истина, символизирующая сущность поисков человека в области духовного совершенства. В музыке они образуют органическое единство благодаря тому, что Добро выражается в ней через Красоту и благодаря этому открывается Истина.

Музыка откликается на все стороны духовной жизни человека. Одной из важнейших сторон музыки относится ее способность оказывать воздействие на становление мировоззрения человека. Ценность классической музыки заключается в том, что в ней создается идеал, наличие которого как раз необходимо человеку в качестве Абсолюта. Стремление к Абсолюту мобилизует духовные, сущностные силы человека, в результате чего реализуется его творческая доминанта. Следствием воздействия идеала является то, что, по словам Ф. Ницше, «высочайшие образы стимулируют сотворение прекрасных личностей», в чем философ и видит смысл искусства. Далее он продолжает: «Следствием драмы бывает: «И я хочу быть как этот герой» – стимулирование творческой, обращенной на нас самих силы!» [2, с. 780].

Бытие ценностей – это область должного бытия, устремленность к которому составляет суть духовной жизни личности. Наивысшие достижения человеческого духа рождаются в поле напряжения, образуемом между бытием и долженствованием. Направленность к Абсолюту создает особую ситуацию, требующую от человека максимального напряжения его духовных сил. В данном случае ценность для личности представляет само притязание на обладание ценностью, ибо оно требует от человека тех духовных усилий, в результате которых он духовно преображается. Тяга к Абсолюту как к совершенству составляет неотъемлемую часть личности человека. Устремленность к трансцендентному началу обогащает сущность человека, раскрывая его природные духовные потенции.

Классическая музыка несет в себе трансцендентальный смысл, который является как результат уникального духовного опыта человека. Музыкальное

произведение высокой художественной ценности представляет собой итог подобного опыта, побуждающего человека совершенствовать свою истинную природу. Духовное зрение, обретаемое человеком в поисках идеальных сущностей, раскрывает перед ним бытие в его целокупности. Понимая мир как ценность, человек острее чувствует свою ответственность за него.

Искусство является истиной не сущего, то есть не того, что есть на самом деле, а должного, то есть того, что должно быть. Особенно заметно это в мировоззрении романтиков, все искусство которых проникнуто мечтой о прекрасном, о «несбывшемся». Романтики создали особый культ недостижимости прекрасного, в котором сам факт нереализуемости мечты придавал ему особую ценность. Их творчество, проникнутое «тристановским» томлением по идеалу, воплощало идею несовместимости грубой, прозаичной действительности и поэтической мечты. Идеал играл роль того трансцендентного начала, устремленность к которому образует «вертикальную координату» человеческой жизни, отмеряющую степень его духовного совершенства.

Ценность музыки с древнейших времен определялась спецификой и неисчерпаемостью ее коммуникативных ресурсов. Предположительно, на заре существования человечества, музыка и речь составляли синкретическое единство. В подобной ситуации музыкальная интонация стала первым способом общения людей, когда необходимая, и, возможно, жизненно важная информация передавалась в том виде, где в нерасчлененном единстве находились чисто информативная сторона сообщения и ее эмоциональная оценка. Способность музыки создавать непередаваемую атмосферу общения, при котором слова не нужны, поднимает общение на новый уровень, создающий новые, более разнообразные ситуации, чем при вербальном общении. Сильная сторона музыки заключается в создании атмосферы единения большого количества людей. Выразительная интонация, обращенная к подсознанию человека, пробуждает в нем своеобразное «родовое» чувство принадлежности к большому коллективу, способствуя формированию ощущения силы и безопасности¹. Огромные возможности музыки в становлении чувства идентификации в процессе совместного переживания художественного произведения были отмечены З. Фрейдом [5, с. 103].

Музыка как средство коммуникации не обладает той степенью точности, как речь, но в ней заключено иное достоинство. Музыка неведомо искажение глубинной сущности мысли, которое позволило Ф. И. Тютчеву назвать слово изреченное ложью. Отсутствие понятийной коннотации, при которой происходит сужение и редукция смысла, лишает музыку тех ошибок «ложности», которые неизбежно возникают при попытке передать богатое смыслами содержание при помощи слов.

Многоуровневая система общения, возникающая при совместном прослушивании музыки, позволяет человеку расширить поле своего присутствия в информационном пространстве. Музыка несет в себе те «голоса многих» (Р. Барт), которые вошли в ее содержательную сферу в качестве многовекового культурного фона, послужившего источником вдохновения для художника. Воплощая в себе особенности мышления и переживания целой эпохи, музыка, в то же время, делает этот взгляд уникальным благодаря слуху композитора.

Музыка несет в себе огромную информацию, особенностью которой является большая степень вариативности при ее распределении. Вся сложная и противоречивая сущность человеческой личности нашла наиболее полное воплощение именно в музыке. Слушая музыку, человек «слышит» свой внутрен-

¹Это проявляется, например, при прослушивании гимна.

ний мир, совершает рефлексивный акт, направленный на постижение своей глубинной сущности. Музыка является воплощением той области его жизни, где закодированы тончайшие движения его души, где запечатлена вся его эмоциональная жизнь. Музыка способна выявить тайные движения души человека, воплощенные в особенностях его темперамента, силе и качестве реакции на события внешнего мира, мечтах и желаниях¹. Она способна рассказать о сущности человека больше и лучше, чем сам человек о себе, на что обратил внимание Ф. Ницше, заметивший, что музыкант «выдает себя» в музыке [2, с. 783].

Сохраняя воплощение инвариативных сторон человеческой сущности, благодаря которым человек любой эпохи «узнает» себя в музыке прошлого и понимает ее, музыка, в то же время, раскрывает исторически различное отношение к мирозданию, сложившееся в различные времена. Музыка имеет возможность передать непередаваемый «тонус» эпохи, ее энергетическую атмосферу. Музыка представляет собой не просто энциклопедию человеческих чувств; она есть результат облагораживания этих чувств, появившихся в итоге тысячелетнего развития культуры чувства.

Ценность музыки заключается в том, что она выступает как уникальный слепок человеческой души с заложенными противоречиями человеческой жизни. В музыке это проявляется как единство континуальности и дискретности, инвариантного и вариативного, рационального и эмоционального. Рациональное и эмоциональное составляют два полюса сущности музыки, которую можно определить, как «страстные мысли» (И. Соллертинский) и «умные эмоции» (Л. Выготский). В стихийной силе музыка все они, переплавленные в единое целое, находятся в гармонии, дополняя друг друга. Воспринимая музыку, человек подсознательно воспринимает и единство противоречий, постигая тем самым внутреннюю обусловленность явлений мироздания, логику бытия универсума. Привлекая для своего понимания все духовные силы человека, приводя их к некоему единству, усиливающему действие каждого из них, музыка позволяет человеку сохранить целостность своей личности.

Та цельность постижения бытия, которая типична для искусства, дает человеку полно ощутить цельность мироздания, взаимосвязанность и взаимообусловленность его частей. Классическая музыка гармонизирует человеческую жизнь, освобождая его от ненужных аффектов и помогая постичь не только явное, но и скрытую прелесть мироздания.

Мысль о том, что искусство стало «необходимым коррелятом и дополнением науки» [2, с. 516] в постижении человеком бытия, не нуждается в доказательствах. Многообразие мироздания, частью которого является сам человек, невозможно воспринимать без тех «инструментов познания», которые заложены в искусстве. Познавая мир, человек невольно воплощал в музыке основные закономерности бытия, такие, как процессуальность, пропорциональность, иерархичность, цикличность. Способность музыки отразить одновременно космос и личность человека, макромир и микромир, делает ее уникальным явлением в череде искусств.

Искусство и музыка располагают знанием, которое дается помимо объяснения, что позволяет активизировать ранее заложенную в подсознании информацию. Рождающееся как результат этого проникновение в самую суть явления помогает человеку ощутить его неразрывную связь со всей Вселенной, понять и

¹ Создание «музыкального портрета» в музыке основано как на этом свойстве музыки, когда через интонацию раскрывается жест, характер, темперамент, образ чувствования. Выражением той же мысли являются слова Ф. Пуленка, сказавшего, что его музыка – это его портрет.

оценить ее высшую гармоничность. Интуитивное познание, преобладающее в постижении музыки, открывает новые пути приобщения к тайнам мироздания. Наибольшая ценность его состоит в том, что оно оттачивает восприимчивость человека к новому и необычному. Музыка, таким образом, открывает перед человеком неведомые и прекрасные горизонты особого знания, которое помогает ему лучше разбираться во всем, тоньше и глубже чувствовать. В этом состоит уникальность музыки как формы постижения бытия.

Способность музыки дать высшее знание помимо объяснения позволила Г. Гегелю причислить ее к высшим проявлениям человеческого духа и провести параллель с философией. Действительно, их роднит то, что они являются олицетворением жизни человеческого духа, его постоянства и вечной изменчивости. Если лучшие образцы философствования раскрывают жизнь человеческой мысли, то музыка занята тем же. Ее мысль лишена конкретной привязанности к определенной жизненной ситуации, вследствие чего она не отражает напрямую реалии окружающей человека жизни. Она абстрактна и далека от того эмпирического мира, в котором живет человек в своей повседневности. Но она, благодаря этому, способна поднять человеческую мысль на небывалые высоты философского обобщения, позволить ему взглянуть на мир с высоты трансцендентной позиции. Музыка способна наглядно изобразить полет человеческой мысли, вобрав в себя всю ее неуловимость и богатство. Музыка не становится понятием; бесконечно приближаясь к нему, проясняя сущность идеи, она не получает окончательного смыслового оформления, являясь постоянным катализатором движения, вечного обновления как последнего основания бытия.

Музыку как явление духа отличает сочетание постоянной изменчивости деталей при неизменности общего. Музыка одновременно показывает результат работы духа, – в законченных музыкальных произведениях, – и процесс его движения, в момент звучания музыкального произведения. Музыка кажется живой благодаря тому, что она каждый раз воспроизводит сами процессы бытия в их движении. Показать борения человеческого духа, ступени его достижений, малейшие движения в этой череде смен настроений – это способна сделать только музыка. Благодаря воплощению одной из фундаментальных закономерностей бытия – процессуальности, – создается живое дыхание музыки, как присутствие «здесь-и-сейчас» бытия. Текучая и постоянная, вечно изменчивая и неизменная – она воплощает в себе противоречия бытия.

Возможность держать «в поле зрения» значительный объем информационного поля делает музыку уникальным явлением в духовной жизни человека. Благодаря этому воспринимаемый образ приобретает ту многозначность, которая позволяет обнимать всю историю музыкального искусства. Вникая в музыкальное произведение, слушатель воспринимает не только его, но и всю музыкальную культуру, стоящую за ним. Ассоциативный ряд при этом может быть практически бесконечным и постоянно обогащаться. Понимание произведения будет тем полнее и совершеннее, чем богаче подсознание слушателя.

К числу наиболее ценных качеств классической музыки относится ее природная креативность, суть которой заключается в мощном импульсе, исходящем от музыки и пробуждающим исконную человеческую потребность в творении. Воплощая в себе саму жизнь человеческого духа, его неповторимую динамику,

музыка пробуждает интуицию художника и ученого, приводит в движение скрытые механизмы творчества¹.

Музыка – носитель большей части абстрактного и иррационального в жизни человека. Как считают многие мыслители, она – воплощение высшего идеально-го начала бытия, идеи. Но, по мнению А. Шопенгауэра, сила музыки состоит в том, что она выступает носителем сущности даже более высокой, чем идеи; она – носитель воли. Музыка, «в противоположность другим искусствам, есть не отпечаток идей, а отпечаток самой воли, объектность которой представляет идеи, – пишет он, – Вот почему действие музыки настолько мощно и глубже действия других искусств, ведь последние говорят только о тени, она же – о сущности» [7, с. 7]. Философ точно заметил способность музыки проникать глубоко в сущность явления, выявлять скрытые его стороны.

Способность музыки оказывать благотворное воздействие на духовный мир человека, было замечено еще в древности. Доставляя наслаждение и давая знание, музыка одновременно воспитывает, причем делает это без дидактизма, лишаящего поучение его живой силы. В. С. Соловьев писал, что истинное искусство «становится важным и назидательным, но отнюдь не в смысле дидактической проповеди, а лишь в смысле вдохновенного пророчества» [4, с. 298–399]. Человеку самому предстоит оценить духовное богатство музыки и выбрать для себя то, что представляется ему в данный момент актуальным для его духовной сущности. Музыка воспитывает тем идеалом, который в ней заложен. Являясь предметом восхищения, он пробуждает лучшие духовные силы человека, позволяя ему двигаться по пути самосовершенствования. Открытие, связанное с духовными усилиями, ведет к совершенствованию личности человека, так как в момент напряжения духовных сил человек открывается для себя истину. Эта открытая им истина – ступень в познании бытия.

Музыку можно рассматривать как яркий пример того, что в открытии любой истины важным моментом является со-участие, со-переживание, то есть именно те акты духовной деятельности человека, которые способствуют тому, чтобы истина стала частью его личности. Основная заслуга музыки состоит в воспитании чувства, открывающего перед человеком силу добра и красоты. Музыка дает человеку возможность пережить катарсис, без которого невозможна истинная эмоционально-психическая жизнь человека, заключающаяся в наличии глубоких, сильных, очищающих душу переживаний, в процессе которых открывается истина бытия. Полноценное переживание музыки рождает чувство душевного обновления, в результате которого преобразается все его существо. Радость приобщения к некоему высшему началу преобразует внутренний мир человека и открывает в нем новые силы, позволяя устремиться в будущее, дать надежду на продолжение жизни.

В музыке, как и вообще в искусстве, по мнению З. Фрейда, заключено и то, что дает «эрзац удовлетворения», компенсирующий переживание культурных запретов [5, с. 103]. Человек, приобщенный к музыке, живет полной жизнью, преодолевая деятельностью своего духа то, что ему не хватает в житейском мире. Катарсический эффект музыки естественно сопряжен с ее терапевтическими возможностями. Еще древние мыслители справедливо утверждали, что лечение тела начинается с лечения души, которой необходимо прийти к гармонии. Целительная сила музыки основана на ее особенности, которая заключается в ее спо-

¹ Вероятно, поэтому к музыке как к источнику вдохновения обращались поэты, писатели, художники, ученые. Известно, что, например, выдающиеся физики А. Эйнштейн, М. Планк, М. Борн, Я. Френкель были хорошими музыкантами.

способности проникать в толщу подсознания, приводить в действие вытесненную информацию и через аффект освобождаться от нее. Без преувеличения можно сказать, что музыка является одним из мощных истоков душевного здоровья человека.

В классической музыке заключена радость обладания жизнью, приобщения к тайнам бытия. Наслаждение музыкой – это и наслаждение самой жизнью. Недаром А. С. Пушкин писал, что «из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь – мелодия» [3, с. 528]. Музыка выступает как духовное наслаждение, которое, в отличие от наслаждения чувственного, несет в себе проверенную временем общечеловеческую ценность и обладает способностью возвышать человеческий дух. Чувственные наслаждения, отнимая значительные духовные силы человека, не затрагивают сущности его личности; в большинстве случаев они поверхностны и оставляют чувство утомления и опустошенности после себя. Духовное же наслаждение, требуя от человека духовных усилий, в то же время не опустошает его. Напротив, оно вливает в человека новые силы, дает ему необычный энергетический заряд. Оно затрагивает глубины человеческой сущности, так как обращено к фундаментальным основаниям личности. Об этом же пишет С. Левицкий: «Так, чувственные наслаждения в менее глубокой степени затрагивают мое «я», чем переживание, вызванное симфонией или чувством большой любви» [1, с. 221].

Такое возвышенное духовное наслаждение дает человеку творческое общение с прекрасной музыкой. Духовные радости, переживаемые при этом человеком, возвышают и обновляют его. Впечатления от музыки устойчивы, так как их переживание затрагивает саму сущность человеческой личности. Их ценность состоит в том, что они обращены к лучшей стороне личности человека, так как отвечают высшим потребностям его истинной, духовной природы. Духовные наслаждения, к числу которых относится музыка, не поработают человеческую личность, давая ей возможность чувствовать себя свободной и сильной духом. Более того, музыка помогает человеку почувствовать себя свободным существом.

Классическая музыка служит человеку напоминанием о его высоком назначении. Сила ее в том, что она, пробуждая в человеке эмоциональность, заставляет его равнодушно относиться к тому, что его окружает. Человек, любящий и понимающий музыку, отличается большей тонкостью чувств, той особой пластикой души, которая помогает понимать многое без объяснения. Если культура эмоциональной жизни человека развита достаточно хорошо, то любой поступок станет для него вопросом совести и чести.

В классической музыке заключена способность, которую можно определить как призыв к человечности, когда, покоряя и убеждая своей красотой, она пробуждает в человеке его гуманистическую сущность. С. Левицкий справедливо указывал на то, что лишь «ценности, обладающие характером призыва, а не запрета, способны сублимировать душу, т.е. направить ее силы на служение высшим ценностям» [1, с. 217]. Погружение в музыку и постижение ее сущности делает человека более человечным, более чутким и восприимчивым к ценностям бытия. Музыка дает человеку возможность прикоснуться к метафизическим основам бытия, причем не просто познать их, но и активно пережить сам факт их постижения.

Библиографический список:

1. *Левицкий С. А.* Свобода и ответственность. М.: Посев, 2003.

2. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. По-смертные афоризмы. Мн.: Харвест, 2007.
3. Пушкин А. С. Каменный гость // Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. СПб: Библиополис, 2003.
4. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988.
5. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989.
6. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время. Мн.: Экономпресс, 2006.
7. Шопенгауэр А. О сущности музыки // Музыкальная психология и психотерапия. 2010. № 2.

Е. Ф. Командышко

Российская академия образования, Институт художественного образования, старший научный сотрудник, доктор педагогических наук, доцент (119121, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1; тел.: (499) 246-28-90; ihoraodirect@mail.ru)

Е. Б. Журова

Российская академия образования, Институт художественного образования, аспирант (119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 1; тел.: (499) 246-28-90; ihoraodirect@mail.ru)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ К МУЗЫКАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ

Статья посвящена актуальной педагогической проблеме личностного развития современных подростков в условиях восприятия произведений музыкального искусства. Авторы раскрывают методологическую основу исследуемой проблемы на примере эстетико-педагогической концепции теории музыкального содержания и концептуальной идеи гуманитарной методологии М. М. Бахтина, в которой рассматривается текст культуры в широком смысле как семиосфера, а в отношении становления смысла ученый отмечает значение эмоционально-ценностных отношений. Отсюда следует, что развитие ценностного отношения подростков к музыкальному искусству может произойти на основе освоения музыкального текста с целью понимания выразительно-смысловой сущности музыкальных произведений.

ценностное отношение; выразительно-смысловая сущность; целостный анализ-интерпретация

Проблема развития ценностного отношения к произведениям музыкального искусства у подростков рассматривается нами в контексте нового стандарта образования и становления личностных характеристик выпускника («портрета выпускника школы»), который мотивирован на творческую деятельность, умение вести конструктивный диалог, уважать мнение других людей, осознавать ценность образования, науки и искусства для человека и общества.

Данная тенденция в современном образовании указывает на то, что основным методом развития подрастающего поколения в XXI веке становится культурологический подход, ориентирующий систему образования на диалог с культурой человека как её творца и субъекта, способного к саморазвитию и принятию жизненно важных ценностей, а также создание условий «для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей» [5].

В научной литературе понятия «ценность» большинство ученых характеризуют через выделение характеристик, свойственных, так или иначе, формам общественного сознания: *значимость, нормативность, полезность, необходимость, целесообразность*. С одной стороны, это связано с предметами, явлениями, их свойствами, способами удовлетворить определенные потребности общества, человека. С другой – *ценность* выступает как суждение, связанное с оцен-

кой существующего предмета, явления человеком, обществом, что имеет место в исследованиях педагогики искусства как нового направления гуманитарного знания.

Общеизвестно, что формирование системы ценностных отношений человека происходит в течение всей его жизни, но наиболее важным и значимым периодом в восприятии ценностей является *подростковый возраст*.

Нами учитывалось, что тенденции современного мира значительно изменили качественные психические, психофизиологические и личностные характеристики детей и молодежи. В современных исследованиях ученых отмечается, что изменения эти выразились в снижении уровня когнитивного развития, социальной и коммуникативной компетентности, нарушении в эмоциональной сфере. Следует также отметить, что у современных подростков наблюдается снижение интереса к классическому музыкальному наследию и проявляется повышенный интерес, в основном, к современным направлениями «поп» и «рок-музыки», компьютерным музыкальным программам.

Актуальность исследования проблемы развития ценностного отношения у подростков к музыкальному искусству очевидна в связи с рядом противоречий:

– между потребностью общества в воспитании подрастающего поколения, ориентированного на общественно значимые духовные ценности, в концентрированном виде представленные в лучших образцах художественной культуры, с одной стороны, и недостаточностью внедрения современных педагогических технологий в процесс освоения музыкального искусства, а также обновления программно-методического обеспечения, с другой стороны;

– между необходимостью формирования ценностных предпочтений и осознания значимости определенных личностных смыслов, с одной стороны, и недостаточной разработанностью педагогических условий развития данного качества в процессе освоения содержания музыкальных произведений, с другой стороны.

Ценностное отношение к произведениям музыкального искусства мы рассматриваем как устойчивое личностно-смысловое проявление интереса к музыке и творческой деятельности, направленной на практическую реализацию художественных предпочтений и популяризацию музыкальной классики.

В настоящее время обучение подростков в системе дополнительного образования напрямую связано с реализацией Проекта «Одаренные дети» и объединяет организацию целенаправленного процесса образования для создания гарантированных возможностей развития детей, что делает разработку соответствующих технологий освоения искусства острой необходимостью.

При разработке *методологической основы* исследования проблемы развития ценностного отношения у подростков к музыкальному искусству мы опирались: 1) на философские работы, посвященные проблемам эстетики и особенностям формирования личности в процессе приобщения к культуре и искусству (М. М. Бахтин, В. В. Бычков, А. И. Буров, А. Ф. Лосев и др.); 2) концепции теории *музыкального содержания* в области современного музыкознания, музыкальной педагогики и музыкальной психологии (Л. Л. Бочкарёв, Д. К. Кирнарская, А. Ю. Кудряшов, В. В. Медушевский, М. С. Старчеус, В. Н. Холопова и др.).

Суммируя представления о самых разнообразных аспектах, в которых выявляет себя музыка, В. Н. Холопова определяет содержание музыки как позитивное, «гармонизирующее» отношение к человеку в наиболее важных точках его взаимодействия с миром и с самим собой. Особенностью музыки как самого непосредственно-эмоционального из искусств является то, что благодаря силе индивидуальных ощущений объективно-социальное содержание произведения

приобретает для воспринимающего повышенную личную убедительность. Краткое определение раскрывается в формулировке: «Содержание музыки – её выразительно-смысловая сущность. Оно охватывает музыкальное произведение во всех его «измерениях» и на всех уровнях, образуя при этом его индивидуальную целостность» [6, с. 3].

Следует отметить, что еще М. М. Бахтин в прошлом веке выделил три основных принципа гуманитарных наук: *понимание, осмысление и интерпретацию текста*, рассматривая данный процесс как обобщающую категорию, в которой включена вся культура, ее производные и составляющие. То есть это любая целостная семиотическая (знаковая) система, обладающая *смыслом*. Из подобного трактования ученым были выделены категории *текст* и *контекст*. В силу этого текстом является любой культурный феномен: научный факт, историческая ситуация, жизненная проблема, социальные явления, произведения искусства, сам человек в каждом его проявлении. М. М. Бахтин отмечал: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом)» [1].

Ученый писал: «В какой мере можно раскрыть и прокомментировать *смысл* (образа или символа)? Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно... Интерпретация смыслов не может быть научной, но она глубоко познавательна» [2, с. 7].

Потому и образование, ориентированное на культуру и личные смыслы, определяется как культурологическое, лично-ориентированное. А педагог, выбравший его, познающий и творящий культуру путём диалогического общения, обмена смыслами, способен к созданию индивидуального и коллективного творчества. Отсюда следует, что развитие ценностного отношения у подростков к музыкальному искусству может произойти на основе освоения музыкального текста с целью понимания его выразительно-смысловой сущности. Потому мы полагаем, что повлиять на развитие ценностного отношения к классическому музыкальному наследию возможно именно в условиях освоения нового учебного курса «Музыкальное содержание».

Программа авторского учебного курса «Музыкальное содержание» (Журова Е. Б.) была составлена на основе учебно-методического пособия «Музыкальное содержание» для ДМШ и ДШИ (авторы: Е. М. Акишина, Н. В. Бойцова, В. Н. Холопова. – М., 2005) и адаптирована для обучения современных подростков в Детской музыкальной школе и Детской школе искусств при помощи комплексного применения традиционных и инновационных педагогических технологий (синектики, концентрированного обучения, арт-педагогике, метода целостного анализа-интерпретации и других).

Таким образом, в работе с детьми следует придавать важное значение в создании особой атмосферы, готовности к восприятию произведений искусства, непосредственного приобщения к кругу учебных вопросов. К примеру, подготовка учащихся к освоению отечественной культуры XIX века может состоять не из привычного вступительного слова учителя о ее могучем подъеме, порожденном событиями Отечественной войны 1812 года и движением декабристов, а начинаться с одного лишь вопроса: «Какими они были, молодые люди XIX века? Какой смысл вкладывали в такое понятие как «честь» и «достоинство»? Стихи М. Цветаевой, к которым обращает внимание учитель, дают яркую образную характеристику молодым людям XIX века. Далее исполняется романс композитора А. Петрова на стихи Цветаевой (из кинофильма «О бедном гусаре замолвите слово» [4, с. 51].

Приведем еще один пример: кратко проанализируем небольшое музыкальное произведение – романс А. А. Алябьева «Соловей» на стихи А. А. Дельвига.

Если рассматривать в большей степени *специальное содержание музыки* (средства музыкальной выразительности, форму) и литературный текст, то глубинного понимания этого романа у учащихся не произойдёт. Роман будет восприниматься как лёгкое, светлое, задушевное, а также простое по содержанию произведение, которое насыщено мелодическими фиоритурами, имитирующими трели соловья (ассоциация, скорее всего, будет с виртуозными пассажами исполнителей). С точки зрения *неспециального содержания музыки* имеется в виду рассмотрение жизненного и творческого пути выдающегося композитора XIX века А. Алябьева, а также автора стихов – А. А. Дельвига. Безусловно, нужно внимательно изучить «портрет» композитора, историю создания романса, так как это позволит более внимательно проанализировать *выразительно-смысловую сущность*, казалось бы, простого произведения. В процессе изучения «портрета» композитора следует учитывать, что А. А. Алябьев принадлежал к вольнолюбивой части русского офицерства, выдвинувшейся в ходе Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Как известно, после декабрьских событий 1825 года многие из них подверглись суровым испытаниям, что позволяет сделать вывод о чертах характера композитора и его современников.

Сюжет романса вроде бы прост: он о горестной женской доле, а текст составлен как обращение к птице соловью (в русской народной лирике соловей – это вольная пташка, друг, символ нежности). Однако за простотой формы стоят глубокая горечь и отчаяние. В романсе *образ соловья* воспринимается *символом* тех невидимых уз, которые связывали близких людей. При этом важно подчеркнуть, что здесь возникает некоторое *противоречие*: светлый характер, мажор, лёгкость, а содержание романса – отчаяние, тоска по свободе – на самом деле оказывается гораздо более серьёзным, чем воспринимается на первый взгляд [3, с. 82]

Так, при изучении смысловой стороны музыкальных произведений необходимо учитывать, в какую историческую эпоху оно возникло, а также и какие эстетические, философские, религиозные или другие идеи на него повлияли.

Следует отметить, что освоение музыкального содержания дает детям возможность объединить знания, полученные по разным предметам не только в ДМШ (специальность, хор, теоретические дисциплины), но и в средней общеобразовательной школе (история, литература, мировая художественная культура), что способствует более глубокому пониманию мыслей и чувств, философских, религиозных идей и установок каждого исторического периода.

Способы изучения музыкального содержания отличаются от методов, лежащих в основе курсов «Слушание музыки» и «Музыкальная литература». Отличия состоят, прежде всего, в научно-упорядоченном использовании теории музыкальной интонации (по Б. В. Асафьеву), применении особых понятий – «специальное» и «неспециальное» музыкальное содержание, трёх сторон музыкального содержания (эмоциональной, изобразительной, символической), в рассмотрении вопроса об исполнительской интерпретации. Существенное отличие возникает и при обращении к историческим этапам развития музыкального искусства (барокко, классицизм, романтизм и другие). Это дает возможность учителю не рассматривать творчество отдельных композиторов, их биографии, основные сочинения, а анализировать стороны музыкального содержания каждого исторического периода в их специфических, неповторимых соотношениях.

Таким образом, педагог решает следующие задачи:

– освоения содержания музыкальных произведений в контексте каждой эпохи;

- осознанного понимания в расшифровке символов, типов интонаций и новых терминов в зависимости от изучаемой темы;
- развития художественного восприятия через осмысление выразительных средств музыкального искусства.

При этом средства музыкальной выразительности, музыкальная форма, являются, по сути, базисом, а надстройка – это поиск смысловых пластов музыкального произведения.

Таким образом, методологические аспекты исследуемой проблемы развития ценностного отношения у подростков к музыкальному искусству и опыт работы с учащимися ДМШ и ДШИ позволяют сделать заключение, что данный процесс может быть эффективным при условии, если:

- освоение музыкального содержания осуществляется в контексте понимания его выразительно-смысловой сущности;
- процесс освоения музыкального искусства будет строиться на *принципах*: взаимосвязи традиционных и современных методов обучения; активизации познавательных и творческих побуждений; взаимодействия культурологического и полихудожественного подходов; интеграции структурно-грамматического и содержательно-смыслового анализа музыкальных произведений;
- будет осуществлена реализация метода целостного анализа-интерпретации: а) на основе глубинного смыслового подтекста музыки; б) через символику, стилистику и культурные коды эпохи; в) посредством дифференциации типов интонаций и смысловой целостности.

Библиографический список:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Идеи М. М. Бахтина и педагогика искусства. Сборник научных статей. М.: ИХО РАО, 2011.
3. Журова Е. Б. Проблема освоения музыкального содержания в контексте эстетической концепции А. И. Бурова // Педагогика искусства: современные тенденции развития, история и опыт: Сборник научных статей по Материалам II Международного научно-практического форума, 19–21 ноября 2013г. Отв. редактор-составитель Командышко Е. Ф. М.: ИХО РАО, 2013.
4. Командышко Е. Ф. Гуманитарное образование и педагогика искусства: аспект взаимодействия // Инициативы XXI века. Научный и общественно-просветительский журнал. 2011. № 3.
5. Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации».
6. Холопова В. Н. Специальное и неспециальное музыкальное содержание. 2-е изд. М.: ПРЕСТ, 2008.

SOCIAL POWER

Ветер времени

С. В. Шпаковская

Пензенский государственный университет, доцент кафедры «Коммуникационный менеджмент», кандидат исторических наук, доцент (440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40; тел.: (841-2) 56 35 11; cnit@pnzgu.ru)

ЛЕГАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТИ

В статье рассматривается влияние российской прессы на пореформенное развитие России с 1861 по 1917 год. На материале газет и журналов того времени, делается вывод, что российская печать изучаемого периода, причем не столько протестная, нелегальная, а именно «разрешенная цензурой», самым активным образом участвовала в разрушении информационного фундамента страны, причем делала это различными способами и, прежде всего, через создание негативного информационного образа всего происходящего. Ну, а государственная власть вместо того, чтобы пресекать негативные выпады в свой адрес в зародыше, молчаливо закрывала на это глаза и тем самым только способствовала консолидации антимонархических сил в России. Все это в совокупности со всеми остальными причинами и привело к разрушению российской государственности в 1917 году, со всеми его трагическими последствиями.

губернская печать; пропаганда; агитация; негативная информация; информационное поле; экономика и политика

Вряд ли сегодня нужно доказывать, что «Великие реформы» 60-х годов XIX в. имели для России судьбоносное значение. Однако наряду с положительными моментами их влияние на развитие страны во многом было весьма негативно. Сломанные судьбы наказанных за противоправные выступления крестьян, огромное количество людей, как среди «низов», так и среди «верхов», так и не сумевших приспособиться к новым условиям, посеянные в народе семена недоверия – все это было точно таким же следствием отмены крепостного права, как и наблюдавшееся оживление в экономике страны.

Положительные сдвиги в уровне жизни населения России, вызвали, в частности, и увеличение среднего роста и веса мужчин призывного возраста, что объяснялись рядом следующих факторов: увеличением душевого производства продуктов питания; ростом доходности крестьянских хозяйств; уменьшением налоговых тягот, так как в России норма обложения была ниже, чем во многих развитых странах; повышением цен на зерно в связи с интенсивным экономическим развитием Англии и Германии; а также феноменальное повышение грамотности, поскольку грамотные люди имели значительно более высокие доходы по сравнению с неграмотными [1, с. 81].

Новые данные о повышении благосостояния населения позволяют иначе взглянуть и на некоторые спорные вопросы истории пореформенной России. В отдельных случаях снижение благосостояния населения в пореформенное время объяснялось либо крупным неурожаем (например 1891–1892 гг.) либо начавшейся русско-японской войной и последовавшей за ней революцией. И хотя основная его часть в это время, по-прежнему, жила бедно общая динамика была позитивной, то есть он медленно, но неуклонно поднимался, а не опускался, как считалось в советское время! Подтверждает это и принятый в 1990 года ООН так называемый индекс человеческого развития или ИЧР, увязывающий воедино показатели продолжительности жизни, индекс образования (т.е. процент грамотности в стране) и индекс производства валового внутреннего продукта на душу населения. И хотя после «Великих реформ» этот индекс оставался в России ещё очень низким, его рост нельзя отрицать, а вместе с ним и высокие темпы экономического развития страны, которые в 1861–1913 гг. были сопоставимы с европейскими, хотя и отставали от темпов роста экономики США [2, с. 61–62].

Отметим, что политическое развитие России после 1861 года также было достаточно успешным. Российское общество быстро эволюционировало от самодержавия к конституционной монархии по западноевропейскому образцу, и в период 1905–1906 гг. фактически и стало таковым. Появились политические партии различного толка, буквально тысячи всевозможных общественных организаций, и в достаточной степени свободная пресса, во многом формирующая общественное мнение страны. Все это позволяет вполне доказательно говорить о том, что еще одно-два поколения и все эти изменения вошли бы в плоть и кровь российского общества, и тогда демократические преобразования в нашей стране приняли бы необратимый характер. Об этом же говорит и тот факт, что именно этот строй был реставрирован в итоге в России в ходе реформ 1990-х годов, последовавших за провалом «опыта» с построением «социалистического общества».

Однако как совместить очевидные успехи страны и столь же очевидный рост недовольства и оппозиции режиму со стороны либерально-демократической общественности и развитием массового протестного движения в стране, имевшего место в России в 1905–1907 гг., а впоследствии и в 1917-м?! Б. Н. Миронов указывает, что два массовых социологических опроса, проведенных соответственно в 1872 и 1902 годах показали, что мнения современников относительно положения крестьян после отмены крепостного права разделились: одни полагали, что условия жизни улучшились, доходы крестьян возросли, что по сравнению с дореформенным временем они стали лучше питаться и одеваться. В то время другие утверждали, что ничего подобного не произошло. По общему убеждению уровень жизни населения в абсолютном смысле, безусловно, возрос, но в то же время его улучшение не соответствовало ожиданиям народных масс, отставало от уровня их притязаний, и потому многим казалось, что положение их, напротив, ухудшилось. Впрочем, почему это было именно так. Понимали это даже люди того времени, например известный поэт Афанасий Фет, сделавшийся после реформы по отмене крепостного права сельским предпринимателем и подвергшийся за это жестокому шельмованию именно со стороны либеральной печати в лице Некрасова и Салтыкова-Щедрина. По этому поводу он высказывался таким образом: «Искусственное умственное развитие, раскрывающее целый мир новых потребностей и тем самым... опережающее материальные средства известной среды, неминуемо ведет к новым, небывалым страданиям, а затем и к вражде с самой средою... Считаю величайшим неразумием и жестокостью преднамеренно развивать в человеке новые потребности, не имея возмож-

ности дать ему и средства к их удовлетворению» [3, с. 195–196]. Причем повышение уровня жизни, коснувшееся также и привилегированных классов, воспринималось ими также как неудовлетворительное, потому, что наряду с богатством далеко не все их предшественники получили также и власть. К тому же и само благосостояние определенной части дворянства и духовенства в результате реформ не улучшилось, а ухудшилось. Например, чиновники и духовенство практически всегда выражали неудовлетворенность своим материальным положением [4, с. 93, 97, 106–110]. Ну а офицерству постоянно не хватало денег даже на обмундирование. Приходилось постоянно одалживаться, либо вести жизнь «не по средствам» за счет сумм, присылаемых из дома [5, с. 257]. Причем для военного сословия это положение ничуть не изменила ни одна из военных реформ, и даже введение в 1908 году новой, вроде было более дешевой защитной формы хаки [6, с. 200]. Дело в том, что по инициативе государя императора Николая II в 1912 году в год юбилея войны 1812 года армии был даден еще и комплект новой и весьма дорогостоящей парадной униформы, схожей с образцами столетней давности и «копирующей на славные традиции прошлого». Так, равно как и разрешением в армии дуэлей, власти пытались поднять престиж службы в царской армии, сильно пострадавший от поражения в войне с Японией, однако на деле это привело лишь к увеличению расходов на экипировку, но никак не к повышению ее боевого мастерства и росту материального благосостояния офицерских ее кадров.

И вот здесь и следует заметить, что свои «коготки» пусть даже пока ещё и не очень острые, российская пресса стала показывать в отношении власти уже в 70-ые годы XIX века! А началось все с того, что, когда было решено восстанавливать флот на Черном море, потерянный в годы неудачной для России Крымской войны, денег на это как всегда не хватило. То есть их не хватало на современные боевые корабли, вместо которых было решено построить суда совершенно необычного вида – «поповки», названные так в честь их создателя адмирала А. А. Попова. Корабли были круглыми, но при этом имели самую толстую на то время броню и самые мощные, по сравнению с другими кораблями орудия!

И вот их молодая пореформенная российская пресса и принялась яростно критиковать! Первую статью о спущенных на воду «поповках» поместила газета «Голос» [7, с. 3], причем даже тогда отмечалось, что качество статей в этой газете обычно ниже всякой критики, поскольку написаны они не специалистами. «Голос» критиковал «поповки» за их высокую стоимость, отсутствие тарана, и многие другие недостатки, подчас откровенно надуманные авторами этих статей. Даже «Биржевые ведомости» и те выступали с критикой этих судов, и в итоге дело дошло до того, что, как писал один из современников: *«Все газеты (курсив автора) полны упреков морскому ведомству (между строк нужно читать: великому князю Константину Николаевичу)...»* Но самое главное заключалось в том, что писали о недостатках этих кораблей главным образом неспециализированные издания, а ведомственные либо отмалчивались, либо ограничивались скудными комментариями. А дело было в том, что нападать на «поповки» было безопасно – «недостатки налицо», «патриотично» – «потому, как за державу обидно» и одновременно очень легко, потому как даже будущий наследник престола (имеется в виду Александр III) судов этих не одобрял и называл их «погаными» [8, с. 94].

Между тем военно-морские специалисты прекрасно видели все их недостатки, но только что они могли сделать в таких неблагоприятных условиях, как отсутствие средств и современной технической базы на месте строительства? К тому же «поповки» отлично выполняли поставленную перед ними задачу! В

годы русско-турецкой войны турецкий флот так и не дерзнул бомбардировать ни Одессу, ни Николаев, так что все разговоры об их полной бесполезности были вряд ли оправданы.

Казалось бы? чего тут особенного? Пресса взялась критиковать плохие корабли? Так этому же радоваться надо! Это же проявление гражданской позиции, тем более, что, например, в той же Англии и корабли и их строителей также критиковали в печати, да ещё как! Однако вся разница заключалась в том, что в Англии, все люди были гражданами, существовали демократические институты, и активная гражданская позиция прессы была для них в порядке вещей. В России же гражданского общества не было, поэтому любая критика в адрес властей сразу же воспринималась «как покушение на основы». И властям нужно было сразу же положить ей конец, высмеять нелепость критики «поповок» через статьи оплаченных из государственной казны журналистов. Напомнить, что мнение неспециалистов по такому вопросу как военно-морское строительство не стоит ни гроша, привести пример с басней Я. Л. Крылова «Щука и Кот» – «Беда, коль пироги начнет печи сапожник», наконец просто запретить писать об этом. Но, видимо, царизм надеялся на свою силу, не стал разбрасываться «по мелочам», а между тем полемика по вопросу о «поповках» стала первой в нашей истории первым примером общественного обсуждения военно-морской политики российской державы, причем примером показательным, потому, что продемонстрировала всем желающим, что «так можно!» Что есть темы и вопросы, по которым можно, в общем-то, совершенно безнаказанно критиковать в стране власть любого уровня (хотя бы даже и между строк!), писать совершенно непрофессионально, и, тем не менее, даже таким образом вызывать в обществе волну недовольства.

Правда, пока ещё, несмотря ни на какие критические статьи, фундаментом социальных представлений о власти и в конце XIX и в начале XX века, по-прежнему оставался монархизм. Причем для русского человека монархия являлась скорее не властным институтом, а частью нравственного идеала, опиравшегося на глубокую религиозность, внушавшуюся ему с детства. Вот почему даже в период таких серьезных испытаний, как русско-японская война и революционные события 1905–1907 годов, в стране сохранялись все условия для выживания монархии. Ну а в канун празднования 300-летнего юбилея династии Романовых в 1913 году её идеология пополнилась ещё и положениями о самодержавии, как надклассовой силе, и единстве веры, морали, царя и народа [9, с. 40–41].

Показательно, что даже такие сторонники либеральных реформ и демократии, убежденные в исторической бесперспективности самодержавия офицеры? как, например, военный министр А. Ф. Редигер, одновременно были также и вполне верноподданными монархистами, ну а сама реформа самодержавия виделась им делом весьма и весьма отдаленного будущего.

«По убеждениям своим я был монархистом, я считал, то Россия может управляться лишь твердой властью, независимой от преходящих течений и общественных настроений. А этому требованию удовлетворял лишь самодержавный строй; от самодержавия должны были исходить (как при Александре II) те реформы, которые требовались жизнью. Несомненно, Россия со временем должна была обратиться в конституционное государство по примеру остальной Европы, но к этому ее еще надо было подготовить, постепенно расширяя самостоятельность общества, им я на отказ от самодержавия смотрел как на неизбежное в будущем зло. Такому взгляду, конечно, способствовало и то, что я в нем был воспитан с детства» [10, с. 283].

Заметим, что тогдашняя официальная пропагандистская машина, включая и печать, делала упор на три главные цели. Во-первых, необходимо было доказать, что только существующая власть, достойно продолжая лучшие традиции Дома Романовых, способна обеспечить будущее России, само ее существование, благополучие нынешних и грядущих поколений. И поэтому всеми силами ее нужно поддерживать и укреплять. Во-вторых, упор делался на признание ценностей патернализма в качестве доктринальных основ внутренней политики. Народ нуждался в доказательствах заботы и покровительства со стороны этой власти, и задачей пропаганды должен был стать поиск этих доказательств. Поэтому россияне призвали к единению с самодержавием, преодолению признаваемого разрыва между царским самодержавием и народом [11, с. 110].

С 21 февраля 1913 г., сменяя друг друга, глазам поданных предстала беспрецедентная по масштабам череда гуляний, театрализованных зрелищ, парадов и молебнов. Специальный комитет, занимавшийся устройством юбилея, предусматривал и чеканку медалей, и закладку часовен, памятников и амнистии осужденных. В губерниях выстраивались целые очереди на право получения памятных медалей [12].

Посещая в рамках торжеств российские города, царь мог воочию видеть поддержку своего народа, которая непосредственным участникам действия напоминала грандиозную инсценировку: «Все окна в домах во время следования царского кортежа зачем-то должны были быть закрыты (потом при проезде они были не только открыты, но буквально усеяны народом). И их закрывали чуть и не с шести часов утра». «Братцы, отпустите. Дайте посмотреть царя-батюшку. Ну и что, что выплывши малость... от радости, видит Бог, от радости... Шутка ли, царевое величество сейчас увидим. Ну, я и того». «Невежа, свинья» – слышалось со всех сторон. «Не мог подождать... проводил бы, тогда хоть облопайся» [13, с. 16].

По мнению редактора «Пензенских губернских ведомостей» Д. Позднева, целью печатного слова должно было стать устранение пренебрежения ко всему «родному, русскому, которое замечается в известной части нашего общества», уничтожение «космополитизма», разлагающего нашу национальную мощь и отравляющего «русский общественный организм». И на этом информационном поле («площадке») по выражению Д. Позднева) в самом ее центре следовало закрепить образ монархической власти и ее олицетворение в образе Николая II с его «августейшим семейством». Решение этой задачи, в его понимании было напрямую связано с «национальным самоопределением» под эгидой самодержавия, с «развитием культурного единства» и «русского национализма» [14, с. 2].

В поисках народной поддержки Николай II и его советники пытались уменьшить пропасть между императором и его подданными, придав ему сходство с простым смертным. Таким был образ царя в официальной популярной биографии «Царствование Государя Императора Николая Александровича», которая появилась в газетных приложениях, а затем вышла отдельной книгой в 1913 году. Автор – профессор и генерал А. Г. Ельчанинов – был членом императорской свиты, и хотя он и восхвалял прошлое России, биография царя была весьма современной по характеру своего изложения и содержанию. Автор сделал попытку создать новый образ царя, напоминающий больше миссионера, добывающего хлеб во враждебной для него стране трудом рук своих. «Ныне прилежание, а не героизм отличают русского царя...» Император предстает «вещеносным тружеником», чей неустанный и тяжелый труд не шел ни в какое сравнение с трудом обычных людей, предстает... неизменно служащим, в самых даже

мельчайших делах высоким примером твердой «верности в исполнении собственного долга» [15, с. 16, 31, 78].

С другой стороны кадет А. И. Шингарев в своей нашумевшей книге «Вымирающая деревня», написанной им в 1907 году, сознательно сгустил краски в описании повседневного быта российских крестьян, лишь бы только «очернить» самодержавие [16, с. 181–237]. Получается, что любой негативный факт, имевший место в России, вместо скрупулезного изучения его причин и следствий, однозначно трактовался как результат «гнилости царского самодержавия». И «плач по крестьянству» был также одним из действенных приемов борьбы с ним!

При этом необходимо подчеркнуть, что подобные действия с точки зрения сегодняшнего дня представляли собой различные виды «паблик рилейшнз», направленные на дискредитацию своего конкурента, и уже в то время присутствовавшие в России [17; 21].

Известно, например, какую роль в падении правившей в России династии Романовых сыграла книга-фотоальбом «Царица и «Святой черт», изданная за границей А. М. Горьким на деньги будущего члена Временного правительства В. Пуришкевича. Она продавалась на Невском проспекте в Петербурге по самым бросовым ценам вплоть до самого отречения Николая II от престола. Содержание её представляло собой претенциозно подобранные и вырванные из контекста фрагменты переписки царя и царицы с Распутиным, а также откровенный фотомонтаж [18]. Однако свою роль это издание сыграло, оказав самое пагубное воздействие на мнение народных масс. Даже той части населения, которая её не видела, слышала о существовании этой книги посредством народной молвы.

Таким образом, совершенно очевидно, что развитие независимой прессы в стране это «палка о двух концах», потому, что использована она может быть как во благо, так и во зло существующему в ней государственному строю и правительству. Между тем, именно развитие прессы в России в пореформенное время и особенно накануне и в ходе революции 1905–1907 гг. было особенно быстрым и по сути неконтролируемым.

Б. Н. Миронов в этой связи делает интересный вывод, что, учитывая совокупность всех факторов, связанных с тремя революциями в России, можно сделать доказательный вывод о том, что все они стали следствием блестящей PR-активности противников монархии. Создание «виртуальной действительности», грандиозные усилия по ее дискредитации в печати и умелая пропаганда идей революции в массах, при умелой манипуляции общественным мнением – все это в итоге и принесло свои плоды, и в равной степени показало возможности «паблик рилейшнз» и печатного слова в борьбе за власть. Причем очевидно, что либерально-радикальная общественность сначала выиграла у правительства информационную войну в информировании населения России и только уже после этого захватила власть [1, с. 85]. Причем, с этой его точкой зрения сегодня солидаризируются и многие другие ученые [19, с. 117–185].

События Первой мировой войны в этом плане как нельзя более соответствовали целям «ниспровержения основ», так как позволяли объяснять все военные неудачи недостатками самодержавия. При этом содержание массовых настроений в годы войны ожидал процесс стремительной трансформации. Единение общества и монархии перед лицом нависшей опасности было неподдельно искренним. Однако в обмен на жертвы народ согласно концепции патернализма, культивировавшейся в традиционном обществе, вправе был ожидать «царской милости», представления о которой у отдельных социальных групп существенно расходились. Крестьяне мечтали о наделении землей, рабочие ждали улучшения

своего материального положения, «образованные слои» – участия в управлении государством, солдатские массы – заботы о своих семьях, представители национальных меньшинств – политической и культурной автономии и т.д. Крушение социальных чаяний и погружение общества в хаос анархии и кризиса, «слабость» монархической власти, ее неспособность разрешить противоречия социального развития привели к формированию антимонархического идеала, в котором царь из «отца-заступника» превратился в главного виновника народных бедствий.

Любая, даже незначительная ошибка правительства в организации PR-воздействия на общество в прессе однозначно трактовалась в негативном плане. Причем этому опять-таки способствовала и центральная, и даже губернская печать, в том числе и издания духовного содержания. Так, массовое распространение в Пензенской губернии открыток с «совместным изображением его Императорского Величества государя императора Николая II и Вильгельма II...» вызвало недовольство и «смещение» у крестьян, помнящих издевательства немцев-управляющих в бытность крепостничества, о чем сообщали на своих страницах «Пензенские епархиальные ведомости»: «А немцев вы любите? – Как же мне любить-то их, когда все мерзости ихняя у меня пред глазами были!» – возмущался крестьянин с. Бессоновки С. Тимофеевич. Все им сказанное было тут же напечатано в «Пензенских епархиальных ведомостях», хотя негативный тон материала совершенно очевиден, и его явно не следовало бы печатать, чтобы лишний раз не нагнетать страсти в народе!

Правда, действительно, массовое сознание даже в этот период времени оставалось противоречивым и многослойным. И, по крайней мере, одна треть российского общества сохраняла приверженность традиционным ценностям [20, с. 286]. Но участь страны, тем не менее, была предрешена, потому, что этого количества было недостаточно и уже никакие усилия ни центральной, ни местной печати (в тех случаях, когда он сохраняла верность престолу!) не могли ничего изменить.

Библиографический список:

1. *Миронов Б.* Когда в России жилось хорошо? // Родина. 2008. № 5.
2. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003.
3. *Фет А. А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
4. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): В 2 т. Т.1, 2. 3-е изд. 2003.
5. *Бегунова А. И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М.: Молодая гвардия, 2000.
6. *Голыженков И., Степанов Б.* Энциклопедия военного костюма. Европейский солдат за 300 лет (1878–1918). М.: Изографус, Эксмо, 2001.
7. Оборонительное значение поповок // Голос. 1874. 16 октября.
8. *Болтрукевич В.* Поповки, проклятые или проклятые? // Родина. 2011. № 12.
9. *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Соч. в 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
10. *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Т. 2. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.
11. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

12. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 103. ОП. 1. Д. 1825. Л. 3–3 об.
13. *Дворжанский А. И.* Пензенский временник любителей старины. 2000. № 9.
14. Пензенские губернские вестн. 1 января 1914. № 1.
15. *Ельчанинов А.* Царствование Государя Императора Николая Александровича. Спб.-М., 1913.
16. *Давыдов М. А.* 2003. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М.: Издательский центр РГГУ. 2003.
17. *Шейнов В. П.* Пиар «белый» и «черный»: технология скрытого управления людьми. М., Минск: АСТ, Харвест, 2007.
18. *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
19. *Куликов С. В.* Революции неизменно идут сверху...: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. СПб. 2007. № 11.
20. *Поршинева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000.
21. Chouchan Lionel, Flahault Jean-frangois. Les relations publiques. France. 2005. 128p.

А. В. Соколов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, докторант кафедры русской истории, кандидат исторических наук (196070, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, д. 173; arsikus@mail.ru)

«ПРАВЛЕНИЕ ПО ЗАВЕДЫВАНИЮ ЦЕРКОВНЫМИ ИМУЩЕСТВАМИ ГОРОДА МОСКВЫ» (1918 ГОД)

Декрет об отделении церкви от государства, принятый Советом Народных Комиссаров 20 января 1918 года, провозглашал национализацию церковного имущества. Однако реализация данного положения затянулась на многие месяцы. Причиной этого кроме относительной слабости советской власти являлось ещё и отсутствие необходимых кадров, которым можно было бы поручить проведение декрета. В апреле 1918 года правительство Москвы решило одновременно две эти задачи, назначив «Правление по заведыванию церковными имуществами» города из числа рабочих национализированной синодальной типографии. И уже не Советы, а рабочие выбивали из своего бывшего духовного начальства сведения об имеющихся у него недвижимости и капиталах.

Московский совет рабочих и красноармейских депутатов; Русская православная церковь; Совет Народных Комиссаров

В историографии существует устоявшаяся точка зрения о том, что большевики начали проводить активную антицерковную политику сразу после взятия ими власти в октябре 1917 года. Однако архивные источники свидетельствуют, что это далеко не так, и широкомасштабное наступление на духовенство развернулось только с конца 1918 года. Ярким примером, свидетельствующим о своеобразном топтании на месте Советской власти в церковном вопросе в 1918 году, стала деятельность «Правления по заведыванию церковными имуществами города Москвы».

20 января 1918 года Совнарком принял декрет об отделении церкви от государства, предполагавший национализацию всей церковной собственности. Но если в Петрограде недвижимость бывшего синодального ведомства оказалась реквизирована уже 28 января 1918 года, то в Москве, где находилась резиденция Патриарха и размещалось Высшее Церковное Управление (далее – ВЦУ), в течение нескольких месяцев фактически никаких шагов по реализации декрета не предпринималось. Консультант Наркомата юстиции священник Михаил Галкин отмечал в апреле, что «все имущества церковных и религиозных обществ, хотя и объявлены народным достоянием, но до настоящего времени остаются в распоряжении церкви; архиерейские особняки-покои находятся ещё до сих пор в полном владении духовных магнатов; церковные дома не секвестрированы; кладбища не национализированы». Кроме того, по сообщению Галкина, у Советского правительства даже не имелось списка православных храмов и принадлежащих им земельных владений [1, с. 2].

Ситуация во многом объяснялась не только тактическими соображениями внутренней политики, но и тем, что, например, в Московском совете в начале 1918 года просто не нашлось людей, которые вызвались бы заниматься «раскулачиванием» духовенства. Первоначально в конце января на пост «комиссара по церковным делам» Исполком Московского губернского совета рабочих, солдат-

ских и крестьянских депутатов назначил своего члена – Василия Ивановича Соловьева, при чем тот всячески пытался отказаться [2, с. 395]. Соловьев уже был известен руководству Православной церкви тем, что принимал 2 ноября 1917 года делегатов Поместного Собора и общался с тогдашним главой Святейшего Синода – митрополитом Платоном (Рождественским), назвавшим комиссара человеком с живым религиозным чувством [10, с. 71]. Судя по всему, Соловьев тяготился назначением, и практически никак себя на новом посту не проявил. Например, 16 февраля 1918 года он приехал на московский епархиальный свечной завод с предписанием о его «муниципализации», но, наткнувшись на протест духовенства, тут же пошел на попятную. Удовлетворившись заверением о том, что завод не получал субсидий от государства, Соловьев удалился [5, с. 4].

Вероятно, единственный реальный шаг комиссара – подписанный им того же 16 февраля приказ о переходе московской синодальной типографии в «собственность Российской Советской Республики» и назначении членами временного правления типографии её рабочих В. В. Петрова, С. Ф. Фёдорова, и М. Трусова [7, л. 51]. Впрочем, типография к тому моменту уже фактически не подчинялась церковному руководству. После того, как Поместный Собор поручил ей печатание воззвания Патриарха Тихона от 18 января 1918 года, анафемствующего «гонителей церкви», типография попала под бдительный надзор властей. В конце 20-х чисел января в неё явились красногвардейцы, которые на основании предписания комиссара по делам печати изъяли готовые экземпляры патриаршего послания [8, л. 1]. Одновременно с этим рабочие типографии объявили о введении на производстве рабочего контроля и полном переходе всего управления к избранному ими комитету старост. 31 января 1918 года на встрече с членами Поместного Собора они заявили, что «рабочие всегда были к Синоду лояльны» и никогда не отказывались от печати его заказов, «исключая одного раза, когда по требованию теперешнего правительства должны были прекратить печатание послания Патриарха». На укор об ответственности перед православным людом, рабочие сказали, что они не могли не подчиниться комиссарам, так это стало бы предательством рабочего класса. Кроме того, они «не разбираются в споре Церкви и государства и признают, как социалисты, законность распоряжений о церковных имуществах. Бывшее церковное достояние, теперь – достояние национального, всего народа Российской республики» [11, с. 240–241].

Пост комиссара по церковным делам В. И. Соловьев постарался покинуть как можно скорее. Уже в марте 1918 года на эту должность выдвинули некоего М. Яньшева, который 24 марта прислал в Моссовет письменный отказ. На документе стоит рукописная резолюция: «предлагается кандидатура тов. Ив. Ив. Слесарева» [14, л. 15]. Но и с ним, видимо, не получилось. Тогда правительство города решило поручить разбираться с церковью тем, кто совсем недавно служил ей: 3 апреля 1918 года Совнарком города Москвы и Московской области постановил уполномочить правление бывшей синодальной типографии в составе Петрова, Трусова и Федорова «взять на себя заведывание бывшими церковными имуществами города Москвы». 4 апреля об этом официально известили типографию [9, л. 1].

Необходимо отметить, что взаимоотношения рабочих и ВЦУ оставались крайне напряженными. Новое правление обвиняло духовенство в том, что то накануне реквизиции постаралось ликвидировать все денежные суммы типографии, оставив рабочих с долгами. Администрация типографии выставила счета Поместному Собору, включавшие как старые задолженности духовного ведомства, так и требование оплаты новых заказов, поступивших незадолго до реквизиции. В ответ на это 28 февраля 1918 года ВЦУ выразило протест против состо-

явшегося «захвата» церковной собственности и пригрозило обратиться в суд для взыскания убытков как с самозванных членов правления, так и «с тех учреждений и лиц, которые пользуются в настоящее время типографией» [8, л. 13]. В марте 1918 года «Правление типографии Российской Советской Республики (б. Синодальной)» попыталось выставить ещё несколько счетов церкви, на что канцелярия Поместного Собора ответила, что никогда не делала заказов в учреждении с таким названием [8, л. 1, 3, 11]. Со своей стороны рабочие также угрожали подать иск в суд: в соответствии с составленным ими 23 июля 1918 года «контркоррентным счётом» общая задолженность ВЦУ перед типографией составляла 39 355,90 руб [8, л. 14–19]. Несмотря на это церковь продолжала игнорировать запросы рабочих и никакой оплаты не производила. Тонкость ситуации заключалась в том, что в соответствии с декретом от 20 января 1918 года религиозные организации лишались прав юридического лица, так что ВЦУ не могло выступать в суде ни в роли истца, ни в качестве ответчика.

Впрочем, получив от правительства города полномочия на заведывание церковными имуществами, рабочие бывшей синодальной типографии не стали использовать власть для выбивания старых долгов. Взявшись за дело с энтузиазмом, они поставили себе задачей, прежде всего, собрать сведения о недвижимости и капиталах духовенства Московской епархии. 10 апреля 1918 года от имени «Правления по заведыванию недвижимыми имуществами бывшего Синодального ведомства города Москвы» они попросили Московский центральный совет рабочих и красноармейских депутатов выделить им автомобиль на один день, пятницу 12 апреля, «для объезда названных владений» [7, л. 6]. После этого 14 апреля 1918 года «Правление» отправило секретарю Московской духовной консистории предписание явиться 18 апреля в помещение типографии (ул. Никольская, д. 9) для дачи «нужных правлению сведений». Отмечалось, что «в случае неявки будут приняты решительные меры» [9, л. 3]. Исполнили ли чиновники консистории это требование, неизвестно.

Вместе с тем, рабочие выяснили, что после выхода декрета об отделении церкви от государства многие синодальные и епархиальные здания в Москве перешли под контроль домовых комитетов, создаваемых из числа жильцов и арендаторов помещений. Как правило, эти комитеты по факту подчинялись ВЦУ, но имелись и исключения. Например, 23 февраля 1918 года домовый комитет № 24 по Тверской улице постановил «принять во владение Саввинское подворье в свое управление», попросив у Жилищного отдела Моссовета двухмесячный срок для передачи дел от бывшего духовного ведомства и составления приходно-расходной сметы [9, л. 16]. Учитывая это, 18 апреля «Правление» разослало официальные запросы о уже целому ряду учреждений и организаций. В том числе, созданным в церковных зданиях домовым комитетам направили анкеты с требованием сообщить всю информацию о нахождении земель, домов, лавок и прочего имущества духовного ведомства, а также сдать все имеющиеся в их распоряжении денежные суммы. Оговаривалось, что «не исполнение сего требования будет рассматриваться как желание скрыть имущество, принадлежащее народу, а по сему виновные будут преданы суду» [9, л. 7].

Кроме того, от духовной консистории потребовали к 20 апреля предоставить списки всех церквей, монастырей, благотворительных и просветительных заведений Московской епархии, подробную опись их недвижимых имуществ, сведения о личном составе духовенства, а так же о наличии у духовного ведомства каких-либо производств [9, л. 5–6]. Не забыли рабочие и о благотворительных учреждениях: Попечительству о бедных духовного звания они предписали через

два дня предоставить данные о подведомственных заведениях с числом учащихся и подопечных и указанием сумм расходов на их содержание [9, л. 2].

Однако духовенство не сумело с предоставлением сведений. Секретарь Московской духовной консистории Вышеславцев, который подчеркнуто именовал бывших синодальных рабочих исключительно «Правлением типографии РФСР», объявил, что Патриарх разрешил направить требуемую информацию, однако в консистории есть только списки церквей и монастырей: за описью их имущества необходимо обращаться к каждому учреждению отдельно [9, л. 13]. При этом консистория все же разослала по епархии опросные листы, и по мере поступления передавала их в «Правление». Так, уже 25 апреля консистория отправила рабочим первые ответы благочинных [9, л. 15], а 30 апреля, 15 и 16 мая, а так же 28 июня – сведения от московских храмов и монастырей [9, л. 17, 24, 26–27].

Некоторые церковные организации вообще отказались предоставлять информацию. Одни ссылались на образование при Совнаркоме комиссии по пересмотру декрета от 20 января 1918 года. В частности, такую позицию озвучили члены приходского совета Григорие-Неокесарийской при Полянке церкви, написав 10 мая, что они «не считают для себя возможным спешить» с предоставлением запрошенных сведений [9, л. 31]. Другие учреждения заявили, что уже находятся в контакте с Жилищным отделом Моссовета [9, л. 22].

Некоторые просто затягивали с ответом или уклонялись от него под всевозможными благовидными предлогами. Так, 22 апреля домовые комитеты домов № 2, 7 и 8 Волоколамского Иосифова монастыря сообщили «Правлению», что вся информация об имуществе находится у настоятеля, который проживает в самом монастыре в губернии [9, л. 10–12]. Информацию приходилось в буквальном смысле вытягивать у каждого владельца: 22 апреля «Правление» предписало председателю домового комитета по Б. Дмитровке № 3/6 немедленно передать отчет за время действий комитета, а также и имеющиеся у него денежные суммы [9, л. 8]. В тот же день «Правление» предложило заведующей домом № 5 по Варварке монахине Поликсении явиться для дачи разъяснений. В случае неявки «Правление» угрожало «принять меру» [9, л. 9].

В мае 1918 года «Правление» составило для Совнаркома Москвы и Московской области отчет о проделанной работе, представляющий собой описание состояния бывшей церковной недвижимости, её статуса и текущего порядка управления¹. Из бывшей собственности Святейшего Синода рабочие назвали гостиницу «Славянский базар» (чистая годовая доходность 74 000 руб.), Заиконоспасские ряды (45 000 руб.), доходный дом на углу Б. Дмитровки, Камергерского и Георгиевского переулков (валовая доходность 115 000 руб.), Теплые торговые ряды (105 000 руб.), дома на Б. Никитской и Воздвиженке (занимаемые самим ВЦУ) и «типографии с книжными складами и двумя книжными лавками». Также рабочие отметили, что при ВЦУ на тот момент действовали 90 благотворительных и 60 просветительных заведений (приютов, богаделен, школ и библиотек), из которых Патриаршая ризница и Старый печатный двор «представляют из себя редкость и далекую древность».

Из собственности Московской епархии в перечне названы 6 монастырей с доходностью 353 241 руб., а также 87 учреждений с принадлежащими им 585

¹ Имеется два варианта отчета. В первом, датированном 15 мая 1918 года, речь идет только о епархиальных учреждениях (РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 29. Л. 21). Второй, без даты, уточненный и более развернутый, затрагивает также синодальную собственность (РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 29. Л. 22 – 22 об.; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 67. Л. 5 – 6 об.).

недвижимыми владениями, валовая доходность которых в 1917 году составила 3 520 905,66 руб. Количество свободной от построек земли равнялось 283 десятинам 585 квадратным сажаням, при чем только в четырех случаях территория эксплуатировалась (сдавалась в аренду), а в остальных – пустовала. Имелись также 3 кладбища и 8 участков земли без указания их размеров. Валовую доходность церковных владений за 1917 год рабочие оценили в 2 920 305, 66 руб., однако, как отмечалось, все поступающие средства тут же тратились на содержание причтов, 87 благотворительных и 55 просветительных учреждения. По сообщению рабочих, духовенство не передало им никаких наличных денег, только четыре причта сообщили о хранящихся в банке процентных бумагах на сумму 213 437,73 руб [9, л. 21]. «Правление» деликатно оговорило, что имелся ещё епархиальный свечной завод, дающий «громкую доходность», «по некоторым соображениям не отчужденный комиссаром В. И. Соловьевым», на котором установлен строгий рабочий контроль и правление, руководствующееся действиями комиссара [9, л. 22 – 22 об.].

Далее «Правление» констатировало, что после выхода декрета об отделении церкви от государства хозяйство большей части церковной недвижимости велось крайне халатно. Санитарные условия домовыми комитетами не соблюдались, и здания не ремонтировались. Съёмщики, получившие право голоса в комитетах, не только не повышали себе квартирную или арендную плату, но в ряде случаев даже умудрились снизить её. Например, директор АО «Теплые ряды», занимавший синодальный дом на Никитской улице, № 9, по договору с Синодом обязывался платить по 74 000 руб. в год, а также производить за свой счет текущий ремонт. С февраля 1918 года домовый комитет, составленный непосредственным пользователем здания – а именно всё тем же АО «Теплые ряды», объявил о передаче ему 35% от арендной платы «на расход по дому», то есть фактически просто уменьшил её. При этом «раньше был видимый контроль за ремонтом здания, теперь он совершенно отсутствует и фактическим хозяином его является АО, которое не производило ремонта уже 4 года». Некоторые домовые комитеты наняли управляющих, которым выплачивали содержание из поступающих от аренды сумм, при чем архитектурский и технический надзор практически не производился [9, л. 22 – 22 об.].

Кроме составления вышеприведенного доклада «Правление» попыталось заняться непосредственным регулированием внутрицерковных вопросов. В апреле оно ультимативно приказало консистории «немедленно уплатить курьерам жалование по тарифу их профессионального общества» [9, л. 5–6]. А 29 июня 1918 года «Правление» официально известило домовый комитет дома № 11–20 по Мокринскому переулку, о том, что тот не имел права без его разрешения освобождать от квартирной платы псаломщика Страхова [9, л. 23 об.]. Рабочие надеялись получить контроль и над церковными капиталами. В докладе Моссовету они просили наделить их правом тратить поступающие от аренды синодальной и епархиальной недвижимости средства на содержание имеющихся религиозных благотворительных и культурно-просветительных учреждений, а также в случае необходимости освобождать их от наемной платы [9, л. 22 об.]. Однако духовенство так и не признало полномочий «Правления», и все его руководящие указания игнорировались.

Возможно, причина неудач рабочих заключалась в неясности положения «Правления» в системе Советских органов власти. Хотя в своем официальном отношении Комиссариат финансов Москвы и Московской области и назвал 2 мая «Правление» «Комиссариатом по делам вероисповеданий» [9, л. 19], однако на деле подобного статуса у «Правления» не было. Фактически оно оставалось

администрацией бывшей синодальной типографии, которой правительство предоставило некие особые полномочия.

Судя по всему, из троих человек, указанных в постановлении от 16 февраля, больше всего церковными вопросами занимался Василий Васильевич Петров: его подпись стоит под большинством предписаний и уведомлений «Правления». 17 мая в ходе перевыборов администрации типографии Трусова сменил С. А. Устинов, однако, участвовал ли он в деятельности «Правления» – не ясно. Близкий контакт с рабочими, по-видимому, установил бывший директор Хозяйственного управления Синода А. А. Осецкий, отказавшийся 18 марта 1918 года от участия в заседаниях Поместного Собора. 15 апреля «Правление типографии Российской Федеративной Советской Республики» обратилось в Президиум Московского совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов с просьбой «выдать товарищу Александру Александровичу Осецкому и Александру Ивановичу Баеву право на получение билета вне очереди и въезда в город Петроград, которые командированы в г. Петроград по делам типографии» [7, л. 8]. Так или иначе «Правление» оставалось для ВЦУ всего лишь взбунтовавшимися рабочими, а Советское руководство ничего не делало для исправления этого положения.

По каким-то причинам составленный «Правлением» отчет пролежал в Московском совете рабочих и красноармейских депутатов несколько месяцев. Только 1 августа 1918 года, рассмотрев материалы, Земельно-Жилищный отдел совета поднял вопрос о передаче в его ведение всех церковных имуществ [13, л. 4]. Президиум Моссовета назначил слушание на 12 августа, пригласив на заседание, в том числе, и В. В. Петрова [13, л. 2]. В итоге предложение было принято, что означало фактическую ликвидацию «Правления». 14 августа Президиум Моссовета предписал сотруднику Земельно-Жилищного отдела Владимирскому связаться с Петровым для передачи всех дел [13, с. 1]. Последний документ, относящийся к истории «Правления», датирован 17 августа 1918 года, и свидетельствует о том, что В. В. Петров сдал список церквей Московской епархии и регистрационный реестр церковных владений в Подотдел советских зданий Жилищного отдела Моссовета М. А. Марковичу [9, л. 38].

С этого времени заведывание церковной собственностью официально перешло к советскому учреждению, что, однако, вовсе не означало немедленного начала реквизиции. Последовал ещё целый ряд дублирующих друг друга постановлений. 20 августа 1918 года ВЦИК издал декрет об отмене частной собственности на недвижимость в городах [3, с. 3], а 30 августа вышла Инструкция Наркомюста, предписывающая немедленную передачу всей церковной собственности в ведение местных советов [4, с. 5]. Вслед за этим 24 сентября 1918 года Пленум Моссовета принял постановление «О проведении декрета СНК об отделении церкви от государства», согласно которому «все имущество православных церквей, по выявлению состава и размеров его, переводится в распоряжение Московского совета рабочих и красноармейских депутатов, а учет имущества производится его юридическим отделом совместно с представителями районных советов». Оговаривалось, что последующим распределением недвижимости будут заниматься учреждения, которым она передается, а ставропигиальные монастыри подведомственны исключительно юридическому отделу Моссовета. Храмы и богослужебные предметы подлежали передаче в пользование верующим на основании договоров с советом, оригиналы которых хранились все в том же юридическом отделе. Далее в тексте документа содержалась угроза, что лица, скрывающие данные о нахождении церковного имущества, и

духовенство, подстрекающее верующих на выступления против Советской власти, подлежали суду Революционного трибунала [12, с. 28].

После этого 1 ноября 1918 года Исполком Московского совета рабочих и красноармейских депутатов принял ещё одно постановление о переходе в ведение его Жилищно-Земельного отдела всех владений религиозных общин, ведомств, союзов и учреждений, не служащих непосредственно для исполнения церковных обрядов. Имевшаяся далее оговорка о том, что впредь до непосредственной приемки недвижимости Подотделом советских зданий управление ею поручается домовым комитетам, свидетельствует, что ситуация по сравнению с августом 1918 года практически не изменилась. Примечательно, что данное постановление запрещало с момента его выхода арендаторам помещений платить за съём бывшим собственникам (то есть церкви), а с момента перехода зданий к Моссовету, плату предписывалось вносить в его кассу [6, с. 25–26].

Таким образом, активное наступление большевиков на церковную собственность в Москве началось только в самом конце 1918 года. Это было связано, с одной стороны, с укреплением Советской власти в центре России, а с другой – с усилением Гражданской войны на периферии и объявлением «красного террора». Действовавшее с апреля по август 1918 года «Правление по заведыванию недвижимыми имуществами бывшего Синодального ведомства города Москвы», составленное из рабочих бывшей синодальной типографии, фактически не входило в структуру советских органов власти, но, тем не менее, сумело собрать значительные сведения о церковном имуществе, не вызывая при этом прямого недовольства духовенства и верующих в отношении Советского правительства. Рабочие оказались последовательными идейными сторонниками положений декрета от 20 января 1918 года, однако успеху их деятельности помешало отсутствие соответствующего юридического статуса и полномочий для реального принятия на себя управления церковным имуществом города и области. В целом деятельность «Правления» можно охарактеризовать как проявление временной выжидательной позиции Советского руководства в Москве по отношению к ВЦУ.

Библиографический список:

1. Духовенство и революция // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов. 1918. 25 апреля.
2. *Игнатов Е. Н.* Московский совет рабочих депутатов в 1917 году. М., Изд-во Коммунистической академии, 1925.
3. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 24 августа.
4. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 30 августа.
5. Московские епархиальные ведомости. 1918. № 3 от 28 февраля.
6. Постановления Московского совета рабочих и красноармейских депутатов по жилищному и земельному вопросам. М., 1918.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 2.
8. РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 27.
9. РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 29.

10. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга III. Вып. 1. Петроград, 1918.
11. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI. М., 1918.
12. Собрание постановлений и распоряжений Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 2. 1–30 сентября.
13. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 1. Д. 67.
14. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 958.

А. В. Голотин

Ульяновский государственный университет, кафедра истории Отечества, аспирант (432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; тел.: (8422) 41-20-88; contact@ulsu.ru)

**КУЛЬТУРА СИМБИРСКОГО-УЛЬЯНОВСКОГО
ПОВОЛЖЬЯ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА
И МЕХАНИЗМЫ ЕЁ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

В статье рассмотрено регулирование развития культурных процессов в Симбирско-Ульяновском регионе. Целью научной работы является на основании найденных документов государственного архива Ульяновской области произвести исследование деятельности органов власти по формированию культурной жизни населения края в 1920-ые годы. Анализ изученного материала доказывает становление функционирования государственных органов управления и существование бессистемной работы в культурной жизни населения в 1921-25 гг., создание правовой базы для строительства подконтрольных правительству общественных отношений в государстве в 1926-30 гг.

культура; общество; регулирование; власть; регион; декреты; постановления

Научная работа посвящена системному анализу организации процессов в культурной жизни населения и механизмам их регулирования в Симбирско-Ульяновском крае в 20-е годы XX века. Указанный регион является типичной провинцией России. На его примере можно изучить трансформацию общественных отношений в стране того периода, а также выявить особенности социокультурного строительства конкретной территории. Важность исследования деятельности по преодолению проблем в общественной жизни населения названного десятилетия заключается в том, что трудности указанного временного отрезка постепенно появляются на новом этапе развития Российской Федерации. Поэтому следует определить способы организации и итоги проводимой социально-культурной политики советским правительством в 1920-е годы.

Начальным этапом становление развития социокультурной политики советской России является принятие 9 ноября 1917 года декрета о печати. Для общего руководства культурными процессами в стране была образована государственная комиссия [5, с. 59–61]. Она состояла из аппарата бывшего министерства народного просвещения. Саботаж же её сотрудников поставил перед фактом создания нового правительственного органа. По причине преодоления сложившейся ситуации учредили Наркомпрос РСФСР [6, с. 451], он как главный центральный комитет, занимался руководством всеми отраслями культуры.

На процесс культурного строительства Симбирско-Ульяновского региона влияли трагические последствия от гражданской войны 1917–1923 гг. За 52 дня пребывания белых в Симбирске были арестованы 1500 человек, расстреляны – 400. После освобождения указанной провинции 8 сентября 1918 года, являлось необходимостью возобновить разрушенную работу советских органов управления на данной территории. Однако из-за последствий белого террора и сложной общественной ситуации в деревне вызванной деятельностью продотрядов одновременно отвечали за развитие края военные (военные комитеты), государственные органы власти (губернский исполком и его отделы) и политическая партия большевиков (РКП (б)). В действительности отсутствовало взаимодействие

между ними. Несогласованное выполнение своих обязанностей косвенно повлияло на рост криминальных происшествий в провинции [3, д. 550, л. 34]. Поэтому вышеуказанную сферу деятельности государственных учреждений предстояло еще законодательно закрепить.

На протяжении всего десятилетия происходила постепенная трансформация системы управления культурными процессами в обществе. Она осложнялась финансово-экономическими трудностями в крае [11, с. 221–223]. Преодоление сложившихся проблем в промышленности и экономике государства требовало повышения образовательного уровня граждан [9, с. 175–178]. Для достижения поставленной цели активизировалась просветительская деятельность культурных учреждений. Поэтому во много этнических регионах страны дополнительно стал функционировать совет национальных меньшинств [5, с. 39–41], в том числе и в Симбирско-Ульяновской провинции [10, с. 249].

В вышеуказанном регионе контроль над развитием общественной жизни осуществлял губернский исполнительный комитет, образованный 26 января 1918 года. Данное учреждение являлось высшим исполнительным и распорядительным органом власти в регионе. Губисполком руководил культурным, экономическим и социальным строительством общества на отдельно взятой территории. Средняя численность его составляла 40 служащих. По сохранившимся личным карточкам в государственном архиве Ульяновской области установлена часть его персонала в 1920 году. В них указывался также образовательный уровень (в результате пожара в 30-х годах многие архивные дела получили повреждения) [1, с. 320–325].

Полученные сведения в процессе изучения архивных источников свидетельствуют, что кадровый состав исполкома не был квалифицированно подобранным. Только пять человек из пятнадцати идентифицированных имели высшее образование, но с должным уровнем квалификации, возможно, работал один служащий. Все остальные обладали начальным или средним профессиональным уровнем образования [3, д. 587, л. 13–35]. Поэтому для сотрудников губернской администрации проводились курсы по переподготовке [3, д. 692, л. 5].

Советское правительство понимало, что местные исполнительные комитеты не имел возможности заниматься развитием социокультурного строительства региона, а только способен контролировать этот процесс. Вследствие чего был организован специальный государственный орган, представленный на каждом территориально-административном уровне управления губернии. В городах – создавались городские отделы народного образования (ГорОНО), но основную работу по изменению культурного облика края с октября 1918 года выполнял губернский отдел народного образования (ГубОНО). Его служащие по причине улучшения развития межличностных отношений граждан взаимодействовали с инструкторами уездных исполкомов. В деятельности самих же инструкторов особое место занимала проведение политико-просветительской работы и массово-разъяснительных мероприятий в удаленных поселениях от центра [3, д. 1877, л. 20–21].

Для планомерного социокультурного изменения регионов был организован в 1920 году агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б) (Агитпроп), а также на местах – губернские, уездные и волостные политпросветы. В их сферу деятельности не входило воспитание и образование населения, этим продолжал заведовать Наркомпрос [10, с. 250]. Хотя указанные организации и возникли только концу гражданской войны, создание условий для доминирования государственной идеологии в общественном сознании населения страны началось сразу после Октябрьской революции. Национализировались театры, кино и дру-

гие зрелищные предприятия. Закрывались газеты, критикующие работу нового правительства страны. Ликвидация оппозиционной прессы происходило на основании декрета о печати, принятого в 27 октября (9 ноября) 1917 году [5, с. 23–25]. Данное обстоятельство способствовало к развитию советской печати и сети агитационно-просветительских учреждений.

Начиная с 1921 года, расширялась сфера деятельности политпросветов. Симбирско-Ульяновский край не являлся исключением. Изначально губернский и уездные политпросветы провели общий подсчет всех культурных заведений, которые подчинялись им. Позже в конце указанного года уполитпросветы реорганизовывали их деятельность, например политпросвет Алатырского уезда передал в школьные советы 16 библиотек повышенного типа и 9 рабочим коллективам [2, д. 175, л. 28]. В начале 1922 года губполитпросветом было «взято на учет – 24 библиотеки; клубов – 1; уездных библиотек – 5, при уюке читальных центров – 9» [3, д. 1095, л. 97].

В том же году его служащие провели агитационную работу в селах. Должностные лица выяснили, что крестьяне стремились создавать собственные клубы, но из-за отсутствия средств финансирования не являлось возможным оказывать помощь уже имеющимся заведениям. Хотя средства, чтобы направить советскую литературу в деревни находились. Губполитпросвет на протяжении всего года проверял деятельность городских досуговых центров. Ими велась работа по проведению массово-развлекательных зрелищ во время октябрьских торжеств. Дополнительно он собирал материалы для предстоящего всероссийского библиотечного съезда [3, д. 1095, л. 118].

Влияние на формирование социокультурного облика населения Симбирско-Ульяновского региона оказывало создания поэтапного контроля над массовыми мероприятиями по причине произвольного проведения их. Поэтому Губполитпросвет приказывал культурным центрам иметь от него на организацию подобных зрелищ санкции [3, д. 692, л. 16]. Указанное постановление было дополнено губернским исполкомом. «К точному исполнению: всем культурно-просветительским организациям ... при проведении митингов, концертов, спектаклей, лекций обязательно спрашивать разрешения на проведение мероприятий у губполитпросвета. Ежемесячно, не позднее второго числа культурпросветы должны составлять отчеты для губполитпросвета и уполитпросветов по всем проведенных в истекшем месяце постановок, спектаклей, концертов. Губполитпросвет и уполитпросветы при содействии милиции должны следить за соблюдением распоряжения... » [3, д. 692, л. 45].

Принятые подобных мер не могут все же указывать на зарождение жесткой цензуры в обществе. Они свидетельствуют больше о регулировании порядка проведения массовых мероприятий и создании определенных общественных норм, при которых отсутствовала возможность устраивать антигосударственные выступления в регионе. В то же время из-за сложного экономического положения страны существовала определенная свобода в деятельности кинотеатров. ГубОНО реализовывал центральное постановление Наркомпроса «Об организации фото-кино в РСФСР» от 1922 года [2, д. 498, л. 51–52]. На основании чего создавались частные и государственные киноцентры.

Дальнейшее исследование архивных источников подтверждает и о разумных методах проведения внутренней культурной политики в крае. В Симбирске из-за сложной экономической ситуации участвовали сделки по продаже музыкальных инструментов без дозволения отвечающей секции при губисполкоме. Ведь многие из них производились сложным ручным трудом и являлись де-факто достоянием страны. Поэтому по причине предотвращения вывоза их за границу прика-

зывалось при перемещении данных «инструментов при себе иметь разрешение от музыкальной секции ...» [3, д. 1097, л. 50].

Однако даже в таких тяжелых условиях власть устраивала общественные государственные празднества, которые снимали напряженность в обществе. Все учреждения губернии на время проведения памятных торжеств украшались красными флагами. Одновременно с этим предпринимались «решительные меры по искоренению азартных игр на местном рынке. Путем изъятия карт и играль-ных приборов и составление протоколов на лиц, производящих игру» [3, д. 1097, л. 3].

Подтверждение того, что шло развитие культурной жизни в Симбирско-Ульяновском Поволжье доказывают статистические данные из архивных дел 1921 года. В музыкальных школах провинции обучалось около одной тысячи ребят. В Симбирске открылось училище по подготовке преподавателей изобразительных искусств и студия этого направления искусства. Действовали художественно-производственные мастерские. Всего в крае насчитывалось 358 просветительских центров. Однако существовали и трудности в социокультурном строительстве указанного региона. Существовала неопределенная позиция органов власти в вопросе по развитию художественного образования. Имелись разногласия представителей разных культурных течений. Происходило сокращение штата работников культуры при частой смене управляющих этих заведений. Во многих помещениях, принадлежавших когда-то подобным учреждениям, теперь располагались воинские части. Возможно, как отмечал служащий ГубОНО, самая главная проблема – «нежелание местных исполкомов заниматься развитием культурной жизни губернии» [3, д. 692, л. 211].

Финансирование указанной сферы общества до середины десятилетия правительством осуществлялось в не достаточном объеме. Не хватало материальных средств даже на выплату заработной платы работникам культурных заведений [3, д. 1652, л. 118]. Поэтому Совет Народных Комиссаров 9 февраля 1925 года издал постановление, в котором указывалось «выплачивать зарплату сотрудникам просвещения без задержки» [3, д. 1679, л. 121]. Даже в такой неблагоприятной экономической обстановке властные органы Симбирско-Ульяновского края постепенно продолжали реализовывать программу по увеличению количества культурных учреждений. Об этом доказывают факт следующие статистические данные. Например, в 1923 году действовало 208 читальных центров, а в 1925 году – 299 [2, д. 399, л. 39, 46, 54, 82].

С наступлением НЭПа произошла популяризация массовых мероприятий в обществе. Ульяновский местный совет физической культуры, который действовал еще с 1920 года [8, с. 5–39], начал устраивать всеобщие спортивные городские олимпиады. В них участвовали все желающие [4, д. 44, л. 23]. Позже при содействии указанного губернского учреждения создавались местные командные чемпионаты по различным состязаниям.

Со второй половины 20-х годов XX века началась полномасштабная проверка деятельности досугово-просветительских учреждений в Симбирско-Ульяновском регионе, было установлено:

1) В рабочих клубах происходила неудовлетворительная массово-разъяснительная работа по причине плохого административного управления кружками и красными уголками [4, д. 41, л. 23–78]. Поэтому служащий ГорОНО Е. М. Виноградов после обследования их сделал ряд рекомендаций, что в себя должна включать указанная деятельность [4, д. 41, л. 89].

2) Библиотеки свою очередь не могли удовлетворить интересы всего населения края. В действующих читальных центрах не всегда существовала продук-

тивная работа. Например, в поселке Куликовка деятельность такого учреждения совершалась по сухому, не продуманному плану, который не отвечал запросам жителей. Однако в другом же заведении – ульяновская городская детская библиотека – работники проводили детские занятия. Во время которых, изучался читательский интерес ребят [2, д. 660, л. 1–7 об.].

3) Из-за вышеуказанного постановления «Об организации фото-кино в РСФСР» «зрелищный рынок в городе Ульяновске» находился «... в состоянии анархии» [4, д. 122, л. 13]. Из-за этого театральные и кино объединения участвовали в жесткой конкуренции за привлечения посетителей. По данной причине резко сократилось численность подобных центров. Сложившаяся ситуация потребовала от местных органов управления создать: Управление Зрелищными Предприятиями (УЗП) и отдельно Управление Театра. Они заведовали хозяйственной деятельностью указанных учреждений [4, д. 122, л. 18]. Политпросвет продолжал оставаться организацией, занимающейся руководством художественной работой указанных культурных заведений [4, д. 122, л. 12].

На протяжении всего десятилетия местная власть активно участвовала в формировании культурного облика Симбирско-Ульяновского края. Служащие ГубОНО на основании декрета от 23 января 1918 года «охрана памятников искусства и старины» запрещали демонтаж старинных зданий в поселениях, ремонтные работы разрешались только с особого распоряжения от него [3, д. 683, л. 34]. Совместно с историками организовали краеведческий кружок в регионе. В задачи в которого входили: «изучение военно-исторических, историко-социалистических отношений. Распространения идей о важности изучения края и привлечения лиц научно – подготовленных, так и масс» [3, д. 1693, л. 15]. Подобные учреждения действовали уже в Казане, Ярославле, Тамбове, Чебоксарах и других городах. Создание этих организаций способствовало систематизации археологических раскопок в стране, так как раньше они проводились разнообразными кладоискателями [3, д. 683, л. 16].

Проведения же мониторингов по исследованию деятельности культурных учреждений способствовало налаживанию плановой их работе. Данный факт подтверждается анализом информации архивных документов конца 20-х годов XX века.

В рабочих клубах после полученных рекомендаций творческие вечера стали осуществляться и контролироваться Единым Художественным Кружком. Они основывались «на самостоятельной деятельности, за исключением, когда» требовались «идеологически выдержанные и хорошо подготовленные пьесы» [4, д. 41, л. 89]. Изменилось взаимодействие с общественными организациями, на основе чего произошла трансформация массово-просветительской работы указанных заведений. Теперь стали проводиться уличные агитационные мероприятия в поселениях. Удаленные деревни региона включились в подшефную работу, этому способствовало увеличение количества книжных передвижек устраиваемыми литературными объединениями. В волостных центрах при содействии просветительских учреждений транслировались через радиоустановки разнообразные передачи на общественные темы. В кино кружках начали показывать выдержанные советские фильмы [4, д. 41, л. 90]. Поэтому начиная с 1929 года, в Ульяновском округе открывались клубные центры нового образца. Они были рассчитаны на ежедневное посещение 500 человек из-за повышающегося интереса жителей к ним. Поэтому расширялась выписка советской периодики. Создавались новые уголки: авиационной техники, огородно-полевые, зоотехники, военных знаний, текущей политики музыкальные и другие. Что повлекло за собой переподготовку персонала этих организаций [7, с. 144–150].

В театральной жизни города в конце десятилетия тоже произошли изменения. Стала отсутствовать свобода режиссера в выборе спектаклей [3, д. 1734, л. 94]. Однако умелое руководство хозяйственной деятельностью учреждений позволило стать им финансово независимыми. Об этом доказывает следующий факт, что в 1928 году на сцене ульяновского городского театра полностью был сыгран весенне-летний сезон [4, д. 12, л. 151]. Рост популярности драматических постановок позволил организовать труппу – оперетты [4, д. 125, л. 139]. В губернском центре ставились как местные сценические постановки, так и общеизвестные. Об этом свидетельствует «репертуарный план Ульяновского Большого Театра на зимний сезон 1927/28 года». В нем значились постановки товарища Мирского (Б. С. Ромашов), которые рекомендовал Наркомпрос, например как «Конец Криворыльска», «Собор Парижской Богоматери» по В. Гюго, «Игуменья Митрофанья» [4, д. 125, л. 11, 42].

В библиотеках продолжало происходить поэтапное изменение агитационно-разъяснительной деятельности, которая ориентировалась на все культурные запросы населения региона. Теперь она проводилась через главный библиотечный центр губернии – «вся работа по городу должна вестись через Дворец Книг» (цитата взята из архивного документа «план работ по городу, библиотечное дело» на 1927 год) [4, д. 52, л. 5]. Само же помещение учреждения перед этим капитально отремонтировали [3, д. 1865, л. 248]. Теперь любая читальня являлась центром проведения разъяснительной работы о социалистической идеологии государства. Это повлекло за собой увеличение количества кружков в этих заведениях. Весной 1928 года при избе-читальне в селе Куликовке уже действовали следующие объединения: спортивное, военное, рукоделия, а также политическая школа, кооперативный уголок, справочный юридический стол. Постоянные её посетители финансировали строительство игровой площадки для детворы. Восстанавливалось взаимодействие с пионерскими организациями [4, д. 129, л. 8]. Персонал учреждений изучал читательский интерес посетителей, и на основании своих исследований пополнял книжный фонд заведения.

Все это способствовало расширению деятельности библиотеки, она начинала постепенно участвовать в проведении государственных праздников – устраивала открытые тематические книжные выставки. Сама же праздничная культура претерпела значительную модернизацию. Она формировалась на протяжении всего десятилетия. Промежуточный итог был зафиксирован на праздновании десятилетнего юбилея октябрьских событий 1917 года. Проведение празднований охватило все стороны общественной жизни населения региона [3, д. 575, л. 217–244; д. 1875, л. 1; д. 1878, л. 1; д. 1914, л. 3, 22].

Анализ архивных документов доказывает, что изменения в социокультурной жизни населения Симбирско-Ульяновского Поволжья происходили на протяжении всех 20-х годов XX века. Политика в области культуры того времени характеризовалась поэтапным устранением свободы творчества деятелей искусства с налаживанием финансирования и системной работы просветительских учреждений. Данная цель частично была достигнута в конце десятилетия.

Библиографический список:

1. *Володин Н. А.* Советы в системе политического контроля: 1917–1930-е гг. (на материалах среднего Поволжья) // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 11 (38): В 2 т. Т 1.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Фонд Р-190 (Ульяновский губернский отдел народного образования) Оп. 1

3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Фонд Р-200 (Исполнительный комитет Ульяновского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 2.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Фонд Р-521 (Отдел народного образования исполкома Ульяновского городского Совета народных депутатов) Оп. 1.
5. Декреты Советской власти. Т.1. М.: государственное издательство политической литературы, 1957.
6. Декреты Советской власти. Т.2. М.: государственное издательство политической литературы, 1959.
7. *Дягилева Л. А.* Несколько страниц из истории развития культуры в Ульяновске и в Ульяновском районе в 20–30-е годы XX века. Библиопоход 1929 год // Страницы культурной жизни Симбирской губернии – Ульяновской области: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Ульяновск: ИП Васильева М. Н., 2012.
8. *Мильштейн О. А.* Физическая культура и спорт на службе охраны и укрепления здоровья советского народа в период строительства и победы социализма (1917–1937 гг.) // Очерки по истории физической культуры / Редакторы-составители Самоуков Ф. И., Столбов В. В. М.: Физкультура и спорт, 1967.
9. *Сорокин П. В., Дорохов В. Г.* Ведущие направления деятельности окружных органов власти Сибири 1925–1930 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7).
10. *Шульгин В. С., Кошман Л. В., Зезина М. Р.* Культура России IX – XX вв.: Учеб. пособие. М.: Простор, 1996.
11. *Ялозина Е. А.* Перестройка органов управления народным образованием в 1920-е гг.: содержание, методы, результаты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): В 2 ч. Ч 1.

Ф. Н. Козлов

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, докторант кафедры истории, кандидат исторических наук (430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; тел.: (8342) 47-29-13, dep-general@adm.mrsu.ru)

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ЛИЧНОСТНЫЕ АМБИЦИИ КАК ПРИЧИННЫЙ ФАКТОР ЦЕРКОВНЫХ РАСКОЛОВ 1920-Х ГОДОВ

В последние годы отмечается неуклонный рост интереса к истории Русской православной церкви в советский период. Анализируются государственная профессиональная политика, место Церкви в структуре социума, организация приходской жизни, расколы и оппозиционные движения в Церкви, изъятие церковных ценностей и т.п. Однако практически не попадают в поле зрения историков вопросы межнациональных взаимоотношений и их роли в развитии внутрицерковной жизни, проблема личностного фактора. Между тем некоторые события церковной истории необъяснимы без учета названных аспектов.

Чувашия; обновленчество; автокефалия; епископ Тимофей (Зайков); епископ Герман (Кокель); В. Т. Краснов; Г. К. Бенедиктов

История Русской православной церкви 1920-х годов полна трагических страниц, написанных как внешними силами (законодательное ограничение поля деятельности и карательно-репрессивные меры со стороны властных структур), так и продиктованных внутренними разногласиями (в частности, по вопросу об отношении к новому строю и необходимости реформирования самой церковной структуры). В последнем случае существенную роль играли межнациональные отношения в среде местного духовенства или позиция конкретного пастыря. Рассмотрение данного вопроса определено как проблемный вектор настоящей статьи. Для изучения выбран один из административных субъектов Среднего Поволжья – Чувашская Республика. Смещение фокуса внимания в сторону «инородческого» региона продиктовано стремлением показать специфику реакции национальной среды на происходившие изменения в церковной жизни.

Возникшая в 1920 г. Чувашская АО (даже после преобразования в 1925 г. в республику с включением в ее состав территорий с преимущественно русским населением) явилась единственной в поволжском регионе, где титульная нация была не просто численно преобладающей, а доминирующей в количественном отношении. При создании автономии коренной этнос составил 80,5% ее населения [17, с. 523], после преобразования в АССР – 74,6% [13, с. 9–10]. Мордва, например, при юридическом оформлении в 1928 г. своего автономного образования (округа) составила лишь 32,2% (после преобразования в 1930 г. в АО – 38,5%) [14, с. 24, 48]. Добавим к этому, что к моменту создания Чувашской АО до 35% местных священников было из титульной нации [6, оп. 1, д. 92, л. 111]. При этом многим из них пришлось столкнуться с пренебрежительным, а то и негативным отношением со стороны русского духовенства к своему стремлению окормлять соплеменников. Так, о. Даниил (Филимонов) вспоминал, что когда он выбрал путь пастырского служения, «в Казанской духовной консистории один священник сказал мне: «Куда вы, чуваши, лезете? Вы поднимаете хлеб у наших детей» [6, оп. 1, д. 92, л. 131 об.]. Все это не просто предопределило специфику

развития внутрицерковной жизни, но и сделало национальный фактор ее приоритетом.

Февральская революция и октябрьские события 1917 г. привели к тому, что Церковь де-юре и де-факто перестала быть частью государственного аппарата. Как результат – исчез тот всеильный прессинг «сверху», который до того времени поддерживал механизм внутреннего церковного управления, и оказалось возможным вмешательство многочисленных, подчас очень далеких от духовных дел местных институтов управления и отдельных «инициативных» лиц. Например, на состоявшемся в Казани в январе 1918 г. 1-м Чувашском Всероссийском съезде была озвучена резолюция «немедленно заменить русское духовенство в чувашских приходах духовными лицами из чуваш, богослужение совершать во всех церквях среди чувашского населения на чувашском языке, принять меры к немедленному возвращению духовных лиц из чуваш, желающих служить среди чувашского населения» [5, оп. 1, д. 26, л. 40]. Впрочем, дальнейшее декларирование принципа на тот момент дело не пошло. Более результативными оказывались подобные действия на местах. Так, еще 14 мая 1917 г. по инициативе будущего известного общественно-политического деятеля Д. С. Эльменя было организовано собрание прихожан церкви с. Шумшеваши Ядринского уезда, в повестке которого значилось два пункта: замена в богослужении славянского языка чувашским и обвинение священника Н. Лаврентьева в приверженности старому режиму. Несмотря на направленное в местный волостной комитет общественной безопасности предписание уездного комиссара о «недопустимости» вмешательства каких-либо «собраний» в церковную жизнь, очередной сход 5 июня потребовал от священника «немедленно освободить» церковную квартиру [2, оп. 1, д. 7, л. 317, 318 об., 325, 327; д. 17, л. 1.].

Тенденция к официальному юридическому обособлению Чувашского края как самостоятельной единицы в рамках существующей церковной системы усиливалась по мере изменения обстановки в стране. Известны, по крайней мере, три предпринятых в 1917–1919 гг. попытки учреждения для чувашей особой епископии: ходатайство со стороны епископа Уфимского Андрея (Ухтомского) и помощника инспектора Уфимской духовной семинарии Г. И. Комиссарова (Кури Вантера) на Поместном соборе Православной Российской церкви 1917–1918 годов; докладная записка члена переводческой комиссии при Совете Братства святителя Гурия Н. А. Бобровникова Его Святейшеству Патриарху Тихону (1918 г.) и представленный главе Церкви в марте 1919 г. подробный доклад известного чувашского просветителя И. Я. Яковлева [6, оп. 1, д. 92, л. 112–112 об.]. Ни одно из прошений не получило одобрения.

Неудивительно, что, не найдя понимания у Патриарха Тихона, многие представители радикальной части национальной интеллигенции и духовенства поддержали образовавшийся в 1922 г. обновленческий Священный Синод. Именно представители национального духовенства стали активными сторонниками «модернизации Церкви». Информсводки местного отдела ОГПУ отмечали, что «вражда обновленцев и тихоновцев в Чувашобласти связана с национальной враждой между чувашским и русским духовенством, каковая велась еще в прежние царские времена и продолжается и по сие время. Причем чувашское духовенство более придерживается обновленчества, русское же – более тихоновщины» [1, оп. 6, д. 35, л. 3–4]. От прежних словесных баталий и взаимных обвинений эскалация конфликта дошла до открытых распри и чуть было «не до кулачного боя» [1, оп. 5, д. 25, л. 14; 4, оп. 4, д. 43, л. 164].

Благодаря обновленческим инициативам в Чувашии появилась самостоятельная епархия. Однако процесс консолидации недовольных и формирования

своего рода параллельных официальным управленческим структурам в первое время происходил в полуподпольной форме. О том, насколько конспиративно действовали сторонники местной церковной автономизации, свидетельствует признание управляющего Казанской епархией епископа Иоасафа (Удалова), что о существовании Областного церковного управления он узнал «совершенно случайно». В том же донесении Патриарху Тихону, датированном 21 октября (3 ноября) 1923 г., епископ Иоасаф (Удалов) охарактеризовал действия лидера «сепаратистов»: «Тимофей ездил по приходам области, находившейся еще в ведении Пресвященного Афанасия [Малинина. – Ф. К.], рукополагал ставленников, награждал до протоиерейства включительно даже тех, с коими я отказывался вместе литургисать в виду принадлежности их к Ж[ивой] Ц[еркви]» [16, оп. 1, д. 202, л. 5 об.]. Парадокс, что правящий архиерей оказывается в полном неведении относительно событий, творившихся у него под самым носом?!

Конечно, можно все вышеприведенные факты объяснить политикой «закрытости» Чувашской АО: например, упомянутому епископу Чебоксарскому Афанасию (Малинину) приходилось окормлять свою чувашскую паству бесконтактным способом – ему так и не удалось посетить национальную автономию: еще в 1921 г. он не был принят местными властями в силу обязательного постановления Ревкома Чувашской АО о запрете въезда частным лицам в г. Чебоксары «в виду эпидемических заболеваний» [15, оп. 3, д. 17, л. 1]. Но отметим и еще одно немаловажное, на наш взгляд, обстоятельство: уже с 1923 г. русское духовенство по инициативе епископа Цивильского Тимофея (Зайкова) увольнялось за штат, перемещалось с места на место, а в благочиниях национальное духовенство выделялось в отдельные от русских организации [16, оп. 1, д. 202, л. 6]. Конечно, в канцелярию управляющего епархией поступали жалобы, но каких-либо конкретных мер воздействия на «самоуправцев» нам не известно. В результате таких действий нужная «почва» была подготовлена, что и продемонстрировал прошедший 4–5 марта 1924 г. в с. Шихазаны Цивильского уезда областной церковный съезд, который, несмотря на оппозицию присутствовавших сторонников Патриарха Тихона и даже сопротивление одного из идеологов обновленчества в Среднем Поволжье, члена Казанского епархиального управления Е. Ф. Сосунцова, поддержал сторонников образования самостоятельной Чувашской епархии [8, с. 299; 9, с. 3; 18, с. 3]. Именно после этого съезда епископ Тимофей (Зайков) открыто встал на сторону обновленчества. «Реформаторы» поспешили закрепить первый стратегический успех. Грамотой от 14 марта 1924 г. Священный Синод Российской Православной церкви утвердил создание новой Чувашской епархии (обновленческой), под контроль которой в течение этого года перешло почти 2/3 местных приходов [1, оп. 5, д. 25, л. 89; 4, оп. 4, д. 43, л. 164; 6, оп. 1, д. 50, л. 95, 112].

Правда, уже тогда в области появились очаги сопротивления диктату национального епархиального управления. Так, надо отметить в этот период одну из первых предпринятых попыток «независимого плавания» духовенства (преимущественно – русского) Ядринского уезда. При открытии в Чувашской АО самостоятельной епархии первое благочиние названного уезда «заявило желание» остаться в единении с Казанью. Тамошнее епархиальное управление, сообразясь с действующими принципами церковного устройства, приняло уездный округ в свое объединение. Однако достаточно быстро выяснилось, что местным духовенством двигало стремление под таким «известным прикрытием» обособиться от чувашского центра, не вступая при этом в тесное общение с Казанским епархиальным управлением. Поэтому уже к 1 января 1925 г. Ядринский уезд был возвращен в лоно Чувашской епархии [15, оп. 3, д. 196, л. 4 об.]. Это было ло-

кальное противостояние, не получившее ни общественно-политического, ни внутрицерковного резонанса, но оно показало неурегулированность национальных отношений в молодой автономии, зыбкость новых церковных структур и предвосхитило последующие дробления.

Одной из существенных причин усиления влияния обновленцев была проводимая их лидерами политика жесткой централизации управления, в то время как тихоновцы, по сути, оказались предоставлены каждый самому себе. Ситуация изменилась лишь летом 1924 г., когда в Чувашию прибыл назначенный каноническим Центром епископом Ибресинским, викарием Симбирской епархии Герман (Кокель), получивший в декабре того же года благословение Патриарха на управление всеми православными приходами Чувашской области [10, с. 130]. С этого момента началось сплочение староцерковнических сил. Сводки ОГПУ сообщали, что с его появлением ситуация характеризуется «повсеместным подъемом работы духовенства тихоновского толка», «крутым переломом на сторону поднятия активных действий тихоновского течения» [1, оп. 5, д. 25, л. 105, 110]. Руководствуясь неблагоприятно складывающимися обстоятельствами и необходимостью переломить ситуацию, епископ Герман (Кокель) проявил себя сторонником решительных мер. Фактически он обратил против обновленцев их же оружие, и сделал это в нужном месте и в нужный момент. Показав себя активным и принципиальным бойцом, он без колебаний смещал с приходов «проштрафившихся» пастырей, замещая их лояльными Патриарху [7, оп. 2, д. 2262, л. 59–59 об.]. Мы беремся утверждать, что именно с этого момента начался кризис обновленчества в регионе. Конечно, внешне он еще не проявился, но показательным моментом следует считать тот факт, что в борьбе с идеологическим конкурентом епископ (с 13 марта 1924 г. – архиепископ) Тимофей (Зайков) сотоварищи использовали не столько конфессиональные дебаты, сколько апелляцию за содействием к органам власти [6, оп. 1, д. 50, л. 2, 17].

Вместе с тем действия Патриаршего епископа имели и отрицательную сторону. В противодействии с обновленцами он вынужден был отказаться от самой идеи создания национальной епархии. Это спровоцировало очередной раскол. Местные радикалы оказались не удовлетворены ни областным церковным управлением, ни Патриаршим епископом, хотя обе названные силы на первых порах позиционировали себя как сторонники приоритетного учета этнического фактора. В августе 1924 г. на исторической арене возникла новая церковная группировка, ратовавшая уже не просто за создание национальной епархии, а за полное обособление Чувашии как церковной единицы от Русской православной церкви.

Чувашская автокефалия, на наш взгляд, является ярким свидетельством принципа «личности в истории». Она, по сути, стала порождением одного человека, сумевшего организовать в новой церковной организации многих недовольных уже действовавшими в автономии церковными структурами. Этим «отцом-основателем» был священник с. Хормалы Батыревского уезда В. Т. Краснов, ранее немало усилив приложивший вместе с епископом Тимофеем (Зайковым) к развитию в Чувашии обновленчества и даже бывший на первых порах его «серым кардиналом». Прикнущившие к автокефальному движению Алексей Глинский и Яков Турхан до того занимали достаточно высокие посты в местной староцерковнической среде (первый был управляющим делами канцелярии епископа Германа (Кокеля), второй – его уполномоченным по Батыревскому уезду), но разошлись с епископом Германом (Кокелем) во взглядах на будущее развитие Православия в Чувашии. Другими словами, костяк автокефальной церкви составили отдельные представители управленческой элиты прежних группировок.

Основными принципами Православной автокефальной чувашской национальной церкви провозглашались отделение церкви от государства, соборность (свобода, равенство, братство) и развитие благотворительности, очищение церкви от чуждых ей эксплуататорских элементов в руководстве, экстерриториальность и выборность священнослужителей из национальной среды [3, оп. 1, д. 365, л. 4–4 об.].

Однако сколько-нибудь существенного развития идея автокефалии не получила, несмотря на прежнюю статусность своих учредителей. Ее значение свелось лишь к местечковому фактору, привязанному к местам служения поддержавших ее духовных лиц. Одной из веских причин этого следует, на наш взгляд, назвать отсутствие у представителей национальной православной церкви лидера с высоким церковным чином. Авторитетные среди обособившихся пастырей были, но все они были низкого с точки зрения церковной иерархии звания. Это оставалось злободневной проблемой движения на всем протяжении его бытия. Сумев достаточно оперативно решить организационно-юридические вопросы и получить государственную регистрацию, автокефалисты споткнулись на вопросе о епископате. Уже с 1926 г. начался кризис сугубо национального движения: взгляды основной массы автокефалистов становятся все более консервативными, постепенно сближаясь с идеологией сформировавшейся оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому), а отдельные священники, в том числе и В. Т. Краснов, вынуждены были под давлением прихожан покинуть свои места.

Вместе с тем, однажды проявившись, разделительная тенденция стала распространяться и углубляться по принципу домино. В 1925 г. в обстановке острого конфликта между группами тихоновцев, обновленцев и автокефалистов возникает еще одно – крайне реформационное – течение во главе с бывшим уполномоченным Высшего церковного управления по Чувашской епархии священником Г. К. Бенедиктовым из с. Малые Кармалы Батыревского уезда. В середине марта 1925 г. в с. Балдаево Ядринского уезда состоялось первое организационное собрание бенедиктовцев, которые, считая себя «революционерами», выступили с идеей тождества идеалов христианства и коммунизма. 7 ноября 1927 г. Г. К. Бенедиктов даже организовал торжественное богослужение, посвященное 10-летию Октябрьской революции и существования социалистического государства; материалом его «проповеди-доклада» служили тезисы из докладов А. И. Рыкова, В. В. Куйбышева и других партийно-советских лидеров, опубликованные в «Известиях ВЦИК». Кроме того, требованием Г. К. Бенедиктова и его сторонников было радикальное обновление всей церковной жизни: они отвергли власть высшей церковной иерархии и выступали за предоставление верующим максимальных прав в вопросах церковного управления и выборность всех священников [1, оп. 5, д. 51, л. 442; 6, оп. 1, д. 92, л. 111 – 111об.; 12, с. 118].

В ранний период – весьма непродолжительный – эту угрозу обновленцы считали для себя даже более серьезной, чем тихоновское движение в автономии. Настораживал их поставленный Г. К. Бенедиктовым во главу угла крайний модернизм. Новоявленный «апостол» в своих притязаниях пошел дальше даже по сравнению с обновленческим «реформированием церкви», предложив не только обрядовую, но и устройственную революцию. Вкупе с прежним достаточно высоким статусом названного священнослужителя это давало очень взрывоопасную смесь. Тем более что район его действий отличался, как нами уже было выше описано, стремлением к независимости от центра автономии. Однако и «бенедиктовская» идея каково-либо серьезного развития в дальнейшем не получила, – возможно, в силу своего максимализма, – так и оставшись локализован-

ным в пределах одного уезда явлением. Впоследствии в информационных сводках Чувашского отдела ОГПУ и других документах указывалось, что Г. К. Бенедиктов руководит «Союзом самодовлеющих общин», объединявшим преимущественно русское духовенство Ядринского уезда (всего в союз входило более 40 религиозных обществ), склонное к отходу к Казанской епархии [1, оп. 6, д. 35, л. 29, 80; 4, оп. 4, д. 89, л. 82; 6, оп. 1, д. 92, л. 111 – 110 об.].

Таким образом, ни одно из движений, созданных под «сильную личность», не смогло закрепиться на исторической арене. Во второй половине 1920-х годов основным вектором противостояния в Чувашии снова стал конфликт обновленчества и староцерковничества, осложнившийся после знаменитой Декларации 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского) уклонением части религиозных общин, не признавших названный документ, в «истинное православие». Но в данном случае ключевую роль играли уже не межнациональные противоречия или личностные амбиции, а отношение к изменившейся церковной политике (признание высшей иерархией РПЦ Советского государства и фактическое попадание Церкви под тотальный контроль со стороны государственных структур). Этот ракурс должен служить предметом особого рассмотрения.

Как видим, церковная история в конкретно взятом регионе оказалась чрезвычайно насыщена событиями, уложившимися в относительно короткий хронологический отрезок. Менее чем за пять лет в Чувашии образовалось, действовало и прекратило свое бытие сразу несколько разнонаправленных религиозных группировок. Фактическим результатом явилось наличие в одной небольшой автономии трех национально ориентированных церковно-политических групп со спектром взглядов от умеренно-либеральных до радикальных и как следствие – конфликт с представителями русского духовенства вплоть до попыток образования последними самостоятельных структур. Наличие такого количества противоборствующих сил явилось, на наш взгляд, следствием межнационального (чувашско-русского) и личностного конфликта. Все означенные силы играли не в последнюю очередь на реализации принципа национализма, умело проецируя изначальную пассионарную волну подъема этнического самосознания в угоду своей целеполагающей установке. Однако время показало нежизнеспособность замкнутых национальных церковных организаций. Все расколы лишь сыграли на руку властным структурам, которые умело использовали одни церковные группировки для противодействия другим. При этом красноречивым свидетельством отношения органов управления к своим «союзникам» является тот факт, что в 1937 г. вместе с сотнями других верующих и мирян были расстреляны и епископ Герман (Кокель), и епископ Тимофей (Зайков) [11, с. 43, 187].

Библиографический список:

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П–1. Чувашский республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф–527. Ядринский уездный комиссар Временного правительства.
3. ГИА ЧР. Ф. Р–22. Административный отдел Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области.
4. ГИА ЧР. Ф. Р–125. Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области.
5. ГИА ЧР. Ф. Р–499. Чувашский отдел при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР.

6. ГИА ЧР. Ф. Р–784. Народный комиссариат внутренних дел Чувашской АССР.
7. ГИА ЧР. Ф. Р–2669. Народный комиссариат государственной безопасности Чувашской АССР.
8. *Денисов П. В.* Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1972.
9. *Золотов Н.* О миссионерствующем профессоре и «апостольствующем» начальнике милиции // Красная Чувашия. 1930. 18 января.
10. *Иосиф (Ключников)*, иеродиакон. Жития новомучеников земли Чувашской. Чебоксары, 2009.
11. *Иосиф (Ключников)*, иеродиакон. Синодик Чебоксарско-Чувашской епархии: иллюстрированный сборник статей о пострадавших за православную веру в годы советской власти в Чувашии. Чебоксары: ЦСП «Типография Брындиных», 2012.
12. История Чувашии новейшего времени. 1917–1945. Чебоксары: ЧГИГН, 2001.
13. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по Чувашской АССР. Вып. II. Чебоксары: Издание ЦСУ ЧАССР, 1928.
14. Мордовия: энциклопедия в 2 т. Т. 2. М–Я. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004.
15. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р–1172. Казанский епархиальный совет.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф–831. Канцелярия Патриарха Тихона и Священного Синода.
17. Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. С–Я. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011.
18. Чувашские попы с русскими попами дерутся [на чуваш. яз.] // Канаш. 1924. 2 апреля.

Н. М. Тюкавкин

Самарский государственный университет, заведующий кафедрой экономики, доктор экономических наук (443099, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1)

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1923-1928 ГОДЫ)

В статье раскрываются предпосылки к индустриализации промышленной базы России, особенности индустриализации развитых капиталистических стран, пути проведения индустриализации в промышленности в период после окончания гражданской войны.

анализ; индустриализация; промышленность; экономика; Россия; социализм; развитие; комплекс; легкая промышленность; индустрия; тяжелая промышленность

К 1923 году, когда возросла экономическая и политическая мощь Советского государства, значительно укрепилась командные позиции социализма, потребовалось экстренное развитие индустрии страны, которая в восстановительный период проходила, в основном, в узких рамках технико-экономической отсталости, так как восстановление происходило на базе старых заводов и фабрик, со старой, отсталой и несовершенной промышленной базой.

Эти недостатки были неизбежны в условиях, когда страна только начала подниматься из тяжёлого экономического состояния, в которое она была ввергнута к концу 1920 г. Но когда работа по восстановлению хозяйственного комплекса была в основном завершена, перед страной встали новые, значительно более сложные задачи.

Для решения всех внутренних задач построения развитого экономического общества необходимо было создать в стране соответствующую экономическую базу, преодолеть имевшееся противоречия между новой политической властью отсталой технико-экономической базой, унаследованной от прошлого политического режима, обеспечить дальнейший рост хозяйственного комплекса в социалистическом направлении развития, а также создать перевес социалистических форм хозяйства над формами мелкотоварными и капиталистическими.[2]

При определении задач на ближайший исторический отрезок времени также нельзя было не считаться с внешними условиями развития страны. К концу восстановительного периода уже было совершенно очевидно, что в Западной Европе наступил временный спад революционных намерений, начался период временной и частичной стабилизации капитализма. В этих исторических условиях вопрос об обороноспособности страны и о её технико-экономической независимости продолжал оставаться самым насущным вопросом государства.

Данные факты возлагали большие и сложные задачи на промышленность в целом, тяжёлую промышленность в частности, придавало тяжёлой индустрии решающее значение в развитии всей экономики страны.

Развёрнутое обоснование генеральной линии развития нашей страны, заключающейся в социалистической индустриализации страны, было представлено на XIV съезде партии. Сущность социалистической индустриализации страны заключалась в развитии тяжёлой индустрии и в первую очередь собственного ма-

шиностроения. Осуществление комплексной социалистической индустриализации страны высокими темпами было объективной необходимостью, так как только на её основе могли быть успешно решены как внутренние, так и внешние задачи социалистического строительства. Без создания в кратчайший исторический отрезок времени собственной мощной тяжёлой промышленности Советская Россия не только не построила бы социализма, но и вообще могла бы превратиться в сырьевой придаток капиталистических стран.[3]

Объективно социалистическая индустриализация страны исключает капиталистические пути и методы индустриализации и требует осуществления её особым методом, принципиально отличным от капиталистического. Сущность нового метода индустриализации определяется тем, какими темпами она осуществляется, в какой последовательности развиваются отрасли, за счёт каких источников финансирования и каковы социально-экономические последствия индустриализации.

Историческая обстановка, в которой протекал процесс социалистического строительства в России, со всей остротой поставила проблему повышения темпов социалистической индустриализации. Те темпы, которыми развивалась капиталистическая промышленность, не могли удовлетворить руководство страны. Темпы роста капиталистической промышленности представлены в таблице 1.[4]

Таблица 1

Темпы роста промышленного производства

№ п/п	Страна	Период	
		1860–1910 гг.	1917–1936 гг.
1.	США	800%	1%
2.	Франция	350%	3,9%
3.	Англия	250%	0,9%
4.	Германия	600%	3,2%

Не была приемлема для Советского государства и обычная для капиталистических стран последовательность и развития отдельных отраслей промышленного производства.

В капиталистических странах индустриализация начинается обычно с лёгкой промышленности, что объясняется следующими причинами. Во-первых, лёгкая промышленность, имея незначительный состав основного капитала и меньшую концентрацию производства, требует для своего развития относительно меньших вложений, чем тяжёлая промышленность. Во-вторых, в лёгкой промышленности, капитал оборачивается быстрее, чем в отраслях, которые производят средства производства. В-третьих, получение прибыли в лёгкой индустрии первоначально представляет собой более гарантированный и менее сложный процесс, чем в тяжёлой индустрии.

В силу этого в капиталистических странах, где главным стимулом производства является наибольшая норма прибыли, капитал устремляется в первую очередь в лёгкую промышленность. Именно она является первым объектом капиталистической индустриализации. И лишь после того, как лёгкая промышленность достигает высокого уровня развития и в ней накапливаются большие средства, которые сосредоточиваются в банках, начинает развиваться тяжёлая индустрия.

Исторический опыт показывает, что процесс накопления капитала в одной отрасли промышленности и постепенной перекачки его в другую не может совершаться быстро, он требует большого срока — в несколько десятилетий.

Кроме средств, накапливаемых внутри страны за счёт эксплуатации трудящихся, капиталистическая индустриализация предполагает приток капиталов извне.[1]

В Англии, одним из основных источников накоплений для её индустриального развития, наряду с получением прибавочной стоимости, являлись, как известно, захват и ограбление колоний. Накопленный этим путём капитал направлялся главным образом в промышленность. Однако и в середине XIX века лёгкая промышленность являлась в Англии резко преобладающей отраслью индустрии.

Даже в 1891 году в текстильной промышленности Англии было занято 1 253 тыс. человек, тогда как во всей металлической промышленности насчитывалось всего 1 095 тыс., в горном деле — 599 тыс., в химической промышленности — 69 тыс. человек. Только к началу XX века это соотношение изменилось: в 1901 г. в текстильной промышленности работало 1 169 тыс. человек, в металлической — 1 447 тыс., в горном деле — 752 тыс. и в химии — 101 тыс. человек.

Другие капиталистические страны (Германия, США, Франция, Япония и др.) вступившие на путь индустриализации значительно позже, чем Англия, естественно, были освобождены от необходимости проходить заново все этапы развития индустриализации. Тем не менее и в этих странах процесс создания собственной развитой тяжёлой индустрии занимал долгие десятилетия.[5]

Интересен исторический опыт Германии. После революции 1848 года Германия вступила на путь индустриализации страны. Однако и через 20 с лишним лет, к 1870 г., Германия всё еще продолжала оставаться преимущественно аграрной страной с сильными пережитками феодализма, весьма отсталой в индустриальном отношении, с резким преобладанием лёгкой промышленности в общем объеме.

В 1870—1871 гг. Германия одержала над Францией военную победу, в результате которой присоединила к себе Эльзас и Лотарингию, богатые запасами железной руды, и получила с Франции контрибуцию в 5 млрд. франков. К этому времени закончилось политическое воссоединение Германии в рамках единой империи. Ограбление побеждённой страны явилось крупным источником накопления средств для индустриализации Германии.

Однако и через 20 лет, в 1890 г., преобладающие позиции в экономике Германии всё ещё принадлежали лёгкой промышленности, которая давала в это время две трети всей промышленной продукции. Лишь в последнем десятилетии прошлого века Германия добилась решающих успехов в развитии тяжёлой промышленности.[6]

Таким образом, Германии при весьма благоприятных обстоятельствах (удобное географическое расположение, наличие богатых сырьевых запасов, успешный исход войны с Францией) понадобилось всё же около полувека, чтобы создать внутри страны мощную тяжёлую промышленность и превратиться в одну из наиболее сильных в экономическом отношении стран мира.

Из числа более молодых стран капитализма представляет интерес индустриализация Японии. Начало этого процесса следует отнести к революции 1868 года, открывшей путь для капиталистического развития Японии. В период 1870—1900 гг. индустриальное развитие Японии ограничивалось главным образом лёгкой промышленностью. Достаточно указать, что ещё в 1900 г. лёгкая промышленность давала продукции в 4,8 раза больше, чем тяжёлая. В 1895 г. Япония выиграла войну с Китаем и в 1915 году — войну с царской Россией. Это дало Японии дополнительные источники накоплений, и в истекшие десятилетия XX века промышленность Японии развивалась, быстрыми темпами, причём

постепенно всё большую и большую роль в экономике Японии начинала играть тяжёлая индустрия. В 1920 году Япония произвела уже 537 тыс. т. стали.

Последующие два десятилетия Япония усиленно развивала тяжёлую индустрию и, в 1935 году, уже выплавляла более 4 млн. т. стали. Большие успехи были достигнуты за эти годы и в ряде других отраслей тяжёлой промышленности, главным образом связанных с производством вооружения. Таким образом, только накануне второй мировой войны, через 60—70 лет после революции 1868 г., в связи с гонкой вооружения, тяжёлая промышленность Японии перегнала легкую по объёмам производства.

Для характеристики путей капиталистической индустриализации показателем также исторический опыт царской России. После реформы 1861 г. развитие капитализма в России пошло быстрыми темпами. За 50 лет после реформы промышленное производство в России увеличилось примерно в 10 раз. И тем не менее за полвека своего индустриального развития Россия так и не смогла преодолеть своей технико-экономической отсталости. Таков исторический опыт индустриализации капиталистических стран.

Для социалистического метода индустриализации характерны, прежде всего, исключительно высокие темпы развития промышленности вообще и тяжёлой индустрии в особенности. Чтобы достигнуть уровня промышленного производства наиболее развитых стран капитализма, Советская Россия должна была увеличить объём промышленной продукции по сравнению с 1913 годом примерно в 8—10 раз. Следовательно, если бы страна развивала свою индустрию даже самыми высокими темпами, которыми развивался капиталистический мир, то и в этом случае ей потребовалось бы минимум 50 лет, чтобы стать передовой индустриальной державой.[4]

Такого срока России не было дано. Внешние и внутренние условия социалистического строительства требовали обеспечения темпов подъёма промышленности в несколько раз более высоких, чем те, которыми росла капиталистическая индустрия. Не 2 и не 4% прироста в год, а 18–20% среднегодового прироста. Только такими темпами должна была развиваться промышленность России.

Угроза вооружённого нападения на Россию была весьма реальной, и, следовательно, необходимо было принимать все меры для быстрой индустриализации страны на базе тяжёлой промышленности.

Необходимость высоких темпов индустриализации обуславливалась также внутренними условиями развития государства. Накануне первой пятилетки социалистическое строительство в стране всё ещё базировалось на двух разных основах: на основе крупной, высоко сконцентрированной и непрерывно совершенствующей технике социалистической промышленности, с одной стороны, и на основе крайне отсталого в техническом отношении, раздроблённого мелкотоварного крестьянского хозяйства — с другой. Но такое положение не могло продолжаться слишком долго. Надо было в кратчайший исторический отрезок времени подтянуть сельское хозяйство к социалистической промышленности, а для этого следовало перевести его на новую техническую базу — на базу крупного коллективного и механизированного производства.[5]

Таким образом, высокие темпы социалистической индустриализации являлись объективной необходимостью развития СССР. Социалистический метод индустриализации характеризуется также иными источниками накопления.

Советская Россия не могла прибегнуть к таким обычным для капиталистических стран источникам накопления, как эксплуатация трудящихся масс, ограбление колоний, захватнические войны, кабальные займы и концессии, — подобные источники выкачивания средств несовместимы с самой природой социали-

стического государства. Советская Россия не могла рассчитывать на займы, так как в предоставлении внешних займов на приемлемых условиях капиталистические страны отказывались, а на получение займов на других условиях страна не могла пойти, так как это означало бы потерю ею своей экономической самостоятельности.

Преимущества социалистической системы хозяйства в кризисный период позволили Советскому государству успешно разрешить проблему накопления средств для индустриализации собственными силами, за счёт внутренних источников.[4]

Экспроприация помещиков и капиталистов и передача земли, заводов, фабрик, банков, железных дорог в общенародную собственность дали возможность Советскому государству использовать для индустриализации страны сотни миллионов рублей, которые ранее присваивались эксплуататорами и расходовались на их собственное потребление. Большое значение для индустриализации страны имел такой источник средств, как аннулирование долгов царской России. Советская власть освободила страну от ежегодных платежей (800—900 млн. руб. золотом) за границу в виде процентов по царским займам и дивидендов иностранным капиталистам на капиталы, помещённые в России.

Крестьянство после ликвидации помещичьего земледельческого было освобождено от выплаты сотен миллионов рублей золотом одной только арендной платы за землю и, будучи заинтересовано в промышленности, смогло помочь своими средствами в осуществлении индустриализации страны.

Наличие государственной социалистической собственности на фабрики, заводы, транспорт, землю, банки, монополия внешней торговли, сосредоточение основной внутренней торговли в государственных и кооперативных организациях, планомерное развитие народного хозяйства, неуклонное повышение производительности труда — всё это обеспечивало и обеспечивает государству надёжные источники доходов для дела индустриализации.

Социалистический метод индустриализации отличается от капиталистического также и в отношении последовательности развития отдельных отраслей. Так, в Советской России индустриализация началась не с лёгкой промышленности, а с тяжёлой. На протяжении всех лет довоенных пятилеток тяжёлой индустрии были приданы значительно более высокие темпы роста, чем лёгкой промышленности. В соответствии с объективными закономерностями развития социалистической экономики основная масса капиталовложений направлялась именно в тяжёлую промышленность, развитию которой уделялось особое внимание.

Это был весьма трудный путь, но он давал огромный выигрыш во времени, что имело решающее значение.[6]

Социалистический метод индустриализации коренным образом отличается от капиталистического, наконец, по своим социально-экономическим последствиям.

Принципиально иной характер имеет социалистическая индустриализация, вызываемая и обусловливаемая действиями экономических законов социалистического способа производства. Развитие промышленности при преимущественных, более высоких темпах роста тяжёлой индустрии обеспечивает социалистическую переделку сельского хозяйства, подъём производительных сил общества, неуклонный рост материально-культурного уровня жизни трудящихся, экономический и культурный расцвет национальных республик и областей.

Таким образом, социалистический метод индустриализации ведёт не к обострению внутренних противоречий, как это имеет место при капитализме, а к их преодолению.

Библиографический список:

1. *Вольф М. Б., Клулт В. С.* Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира.
2. Принципы экономической науки: В 3 т. / Пер. с англ. А. Маршалл. М.: Прогресс Фирма «Универс», 1993.
3. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Пер с немец. и англ.; Под научн. ред. Автономова В. С. М.: Эксмо, 2007.
4. *Тюкавкин Н. М.* Вопросы объединения предприятий России // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. Самара, 2008. № 1 (39).
5. *Тюкавкин Н. М.* Анализ рисков в экономике России // Аудит и финансовый анализ. 2008. № 4.
6. *Williamson O. E.* The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y., 1985 (рус. пер.: Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб., 1996).

Г. И. Кольга

Тюменский государственный нефтегазовый университет, филиал в г. Новый Уренгой, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент (629003, г. Новый Уренгой, м-н Восточный, д. 2/2а; тел.: (3494) 22-42-46)

Р. Бочков

Тюменский государственный нефтегазовый университет, филиал в г. Новый Уренгой, студент (629003, г. Новый Уренгой, м-н. Восточный, д. 5/6; тел.: (3494) 22-42-66)

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ...»: БИТВА ЗА МОСКВУ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ПАТРИОТЫ МОСКОВИИ» ПО ОБНАРУЖЕНИЮ И ЗАХОРОНЕНИЮ ОСТАНКОВ ПОГИБШИХ ВОИНОВ

Авторы проанализировали основные события Битвы за Москву 1941-1942 гг. На основе анализа документов, сделан вывод, что победа в битве под Москвой была достигнута, в первую очередь, благодаря мужеству и героизму советских воинов и унесла сотни тысяч жизней. Деятельность поисковых отрядов по обнаружению и захоронению останков погибших советских воинов – важная патриотическая миссия молодого поколения по увековечиванию памяти героев войны.

операция «Тайфун»; Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция; поисковый батальон «Патриоты Московии»

Среди крупнейших событий Второй мировой войны битва под Москвой занимает особое место. Именно здесь, на подступах к столице советского государства, гитлеровская армия потерпела первое серьезное поражение в ходе войны, а Красная армия развеяла миф о непобедимости фашистского вермахта. На основе вновь открытых документов, воспоминаний участников тех событий и новых исторических исследований, рассмотрим события Московской битвы осени-весны 1941–1942 гг.

С точки зрения отечественной историографии Битва под Москвой состояла из трех этапов: стратегически оборонительная операция – с 30 сентября по 5 декабря 1941 г.; наступательная операция – с 6 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г.; Ржевско-Вяземская наступательная операция – с 8 января по 20 апреля 1942 г.

Захватив к началу осени 1941 г. западные территории СССР, 6 сентября за подписью Гитлера вышла Директива ОКВ № 35 о подготовке операции «Тайфун» [1, с. 165–166]. Цель – за короткий срок уничтожить Красную Армию на московском направлении до наступления зимы.

Группировка вермахта на западном направлении – группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала Ф. фон Бока включала: 2А, 4А, 9А, 2Тгр, 4 Тгр, 3 Тгр. Резерв группы армий «Центр»: пд – 2, тд – 1.

Поддержку группы армий «Центр» осуществлял 2-й воздушный флот.

От общего количества немецких войск, действовавших на советско-германском фронте, на западном направлении было сосредоточено: людей – 42,3%, орудий и минометов – 45,1%, самолетов – 31,2%.

Оперативное построение немецкой группировки было осуществлено следующим образом:

– против Западного и Резервного фронтов: 9А во взаимодействии с 2ак 16А ГА «Север» на левом фланге – в первом эшелоне совместно с 3 Тгр – во втором эшелоне; 4А совместно с 4Тгр – во втором эшелоне; всего: пд – 38, тд – 9, мд – 4, мбр – 1, охр – 2;

– против Брянского фронта: 2А, 2 Тгр; всего: пд – 12, кд – 1, тд – 5, мд – 4, кбр – 1, мбр – 1, охр – 1; дополнительно в полосу обороны Брянского фронта перебрасывались и были на марше 34 ак и 48 мк.

Немецкими войсками командовали опытные командиры: фельдмаршалы Ф. фон Бок, Г. фон Клюге, генералы А. Штраус, Г. Гудериан, Г. Гот и др.

Замыслом операции предусматривалось: ударами 9А и 3 Тгр из района г. Духовщина, 4А и 4 Тгр из района г. Рославль, 2 А и 2Тгр из района г. Шостка в восточном и северо-восточном направлениях расчлнить фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Западного и Брянского фронтов в районах Вязьмы и Брянска. В дальнейшем ударами 2-й и 4-й танковых группировок охватить Москву с севера и юга и во взаимодействии с 2 и 4А, частью сил 9А, наступавшими на Москву с запада и юго-запада, разгромить обороняющиеся на ближних подступах к городу советские войска и овладеть столицей СССР. 3 Тгр с частью сил 9А развить наступление в направлении Вязьма – Калинин – Вышний Волочек и во взаимодействии с частью сил группы армий «Север» отрезать пути отхода войскам Северо-Западного фронта. В последующем войскам 3 Тгр продолжать наступления в северо-восточном направлении и выйти на рубеж р. Волга – Рыбинск – Ярославль [1, с. 165–166].

Войскам вермахта на западном направлении противостояла группировка советских войск в составе:

Западный фронт – командующий генерал И. С. Конев, (22, 29, 30, 19, 16, 20а), всего: сд – 29, мсд – 2, кд – 3, тбр – 4, мсбр – 1, тп – 2;

Резервный фронт – командующий маршал С. М. Буденный, (31, 49, 32, 24, 43, 33А), всего: сд – 28, кд – 2, бр – 4, отб – 3;

Брянский фронт – командующий генерал А. И. Еременко, (50, 3 13А, ОГ Ермакова, сд – 2, тд – 1, тбр 1), всего: сд – 23, тд – 1, кд – 4, тбр – 4.

Всего в составе группировки имелось: сд – 80, кд – 9, тд – 1, мсд – 2, тбр – 12, мсбр – 1, отб – 3 [1, с. 165–166].

Соотношение сил накануне Московской битвы представлено в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение сил сторон накануне Московской битвы [13, с. 155]

Силы и средства	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав	800 000	1 000 000	1 : 1,25
Орудия и минометы	6800	14000	1 : 2,05
Танки	780	1700	1 : 2,20
Самолеты	545	950	1 : 1,74

Из таблицы видно многократное превосходство немцев по личному составу и вооружению.

Советское командование предполагало, что немцы нанесут таранный удар силами 3-й танковой группы в центре – вдоль Минского шоссе, по линии Смоленск-Ярцево-Вязьма. Исходя из этого предположения, на этом направлении была создана сильная, эшелонированная оборона. Однако германское командо-

вание провело перегруппировку войск и принципиально изменило предполагаемый советской Ставкой характер операции. За счет скрытной переброски двух танковых групп – 2-й с Украины и 4-й из-под Ленинграда немцы получили возможность внезапно совершить фланговые охваты по сходящимся направлениям главных советских сил [13, с. 155].

Российский историк Н. Шефов в своей книге о Второй мировой войне пишет: «Используя асимметричное построение немцы нанесли главные удары там, где плотности советских войск не могли создать устойчивую оборону... Создав на направлениях прорыва 5–12-кратное преимущество, немцы без труда взломали советскую оборону. Обойдя малоподвижные соединения Красной Армии, немецкие танки выиграли темп наступления, и вышли на оперативный простор. Они перерезали коммуникации и преградили путь к отступлению советским войскам» [13, с. 155–156].

Первой операцией «Тайфун» начала южная ударная группировка противника. 30 сентября она нанесла удар по войскам Брянского фронта из района Шостка, Глухов в направлении на Орел и в обход Брянска с юго-востока. 2 октября перешли в наступление остальные две группировки из районов Духовщины и Рославля. Их удары были направлены по сходящимся направлениям на Вязьму с целью охвата главных сил Западного и Резервного фронтов. Немецким войскам удалось выйти на тылы 3-й и 13-й армий Брянского фронта, а западнее Вязьмы – окружить 19-ю и 20-ю армии Западного и 24-ю и 32-ю армии Резервного фронтов. В районе Вязьмы (7 октября) и Брянска (14 октября) в окружении оказались 6 советских армий. Известно, что в немецкий плен попало 663 тыс. человек; 1242 танка и 5412 артиллерийских орудий были уничтожены или достались победителям в качестве трофеев [8, с. 116–120; 6].

В ночь на 5 октября Государственный Комитет Оборона (ГКО) принял решение о защите Москвы. Главным рубежом сопротивления была определена Можайская линия обороны, куда срочно направлялись все силы и средства. 10 октября ГКО объединил управление войск Западного и Резервного фронтов в одних руках. Их войска были включены в Западный фронт, во главе которого был поставлен Г. К. Жуков, командовавший до этого Ленинградским фронтом. Состоялось решение построить на непосредственных подступах к столице еще одну линию обороны – Московскую зону.

Для уточнения фронтовой обстановки и оказания помощи штабам Западного и Резервного фронтов в создании новой группировки сил для отпора врагу в районы событий прибыли представители ГКО и Ставки В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и А. М. Василевский. Они направили на Можайскую линию из числа отходивших войск до пяти дивизий. Ставка приняла меры по переброске сил с других фронтов и из глубины страны. С Дальнего Востока к Москве спешили три стрелковые и две танковые дивизии.

Наступая средним темпом 20–50 км в сутки, в сентябре-октябре немцы блокировали свыше 80% советских войск, защищавших Москву. Их механизированные соединения продвинулись вперед на 200–250 км и вышли на линию Калинин-Можайск-Калуга. В то же время значительной части немецкой пехоты пришлось вести упорные бои с окруженными советскими войсками, что не позволило германскому командованию быстро подтянуть силы для решающего удара по столице СССР [13, с. 156].

Вот что написано в отчете о боевых действиях вермахта за период со 2 по 20 октября 1941 г. на Московском направлении: «Достигнутые крупные оперативные успехи показали, насколько неожиданными оказались для русских такие действия немецких войск и что русские оказались не в состоянии принять сколь-

ко-нибудь удовлетворительные контрмероприятия против такой маневренной тактики немецкого командования. Противник, по-видимому, считал, что он сможет сдержать центральную группировку немецких войск, наступающую через Смоленск на Москву. Но это было заблуждение, за которое он позднее поплатился» [12, ф. 500, оп. 12 462, д. 231, л. 41–46].

В оперативной сводке ОКХ № 129 от 22 октября 1941 г. говорится, что войска группы армий «Центр» в ходе наступления на Москву, встретили перед собой части 85 крупных советских соединений. В ходе сражения от Брянска до Вязьмы были уничтожены: 65 стрелковых, 3 кавалерийских, 10 танковых дивизий, 6 танковых бригад. При этом, ОКХ делало опрометчивый вывод, что в данный момент противник располагает ограниченным количеством резервов. Можно ожидать с Кавказа 1–2 дивизии и 1 дивизию с Дальнего Востока [12, ф. 500, оп. 12 462, д. 548, л. 306–309].

Несмотря на жестокие поражения, Красная Армия не развалилась, а продолжала стойко сражаться. «Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших солдат и командиров вдруг резко изменилось, – пишет немецкий генерал Блюментритг. – С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре – начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать... Все это было для нас полной неожиданностью» [13, с. 157].

В это время немецкие солдаты уже ощутили все «прелести» пребывания в России. Вот что писал солдат Симон Баумер родным 24 октября: «Мы находимся в 90 км от Москвы, и это стоило нам много убитых. Русские оказывают еще очень сильное сопротивление, обороняя Москву... Пока мы придем в Москву, будет еще жестокие бои... Многие... должны будут погибнуть... В этом походе многие жалели, что Россия – это не Польша и не Франция, и нет врага более сильного, чем русские. Если пройдет еще полгода – мы пропали, потому что русские имеют слишком много людей» [12, ф. 32, оп. 11 289, д. 162, л. 402].

Советское командование нашло силы, чтобы преодолеть серьезное осложнение, случившееся в октябре на подступах к Москве. Западный фронт пополнился за счет резерва Ставки и других фронтов. Командование фронта использовало их для прикрытия важнейших направлений, ведущих к Москве, – Волоколамского, Можайского, Малоярославского и Калужского. К концу октября на фронте от Селижарова до Тулы действовало уже десять армий двух фронтов. Защитники Москвы сначала затормозили, а затем остановили противника, создав сплошной фронт обороны [7].

В эти суровые дни усилия всей страны направлены на решение одной задачи – отстоять Москву. Москва оцетинилась полосами противотанковых ежей, строились баррикады, подвалы домов превращались в огневые точки. Сотни тысяч москвичей строили на окраинах города противотанковую оборону, особенно мощную вдоль северных и южных границ города.

6 ноября в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное 24-ой годовщине Великой Октябрьской революции. Проходило оно в подземном вестибюле станции метро «Маяковская». А на следующий день – 7 ноября 1941 года – на Красной площади состоялся военный парад войск Московского гарнизона. Торжественное собрание и парад на Красной площади транслировались по радио. В речи на параде И. В. Сталин, обращаясь к советским воинам, сказал: На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии!» [10, с. 39–40].

15 ноября гитлеровское командование снова повело свои войска в «последнее» наступление на Москву. Оно перегруппировало силы так, чтобы большинство танковых и механизированных дивизий находились теперь на флангах Центрального фронта, и вело наступление на Москву с севера и юга, пытаясь охватить ее клещами. Немцы начали новое наступление из районов Тулы и Волоколамска. Наступавшие имели почти в 2 раза больше солдат и офицеров, в 2,5 раза больше артиллерии и в 1,5 раза больше танков [13, с. 157].

Советские бойцы и командиры, пехотинцы и артиллеристы, летчики и танкисты, кавалеристы и саперы проявляли чудеса храбрости. Подвиги совершали не отдельные бойцы, а целые взводы, роты, батальоны и дивизии. 28 пехотинцев из стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова у разъезда Дубосеково вступили в бой против 50 фашистских танков и не пропустили их к Москве. «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» Эти слова политика В. Ключкова облетели весь фронт. Герои погибли, но не отступили [4, с. 178].

Кровопролитные, изнуряющие бои продолжались всю вторую половину ноября. Фашистским войскам удалось с севера прорваться к каналу Волга – Москва и переправиться через него в районе Яхромы. На юге они обошли Тулу и прорвались на берега Оки в районе Кашеры. Напрягая последние силы, немецкие войска подошли к Апрелевке (в 35 километрах от Москвы), ворвались в Крюково (30 километров от столицы), захватили Красную Поляну (в 25 километрах от городской черты).

Но теперь их фронт наступления сузился, темп их суточного наступления упал до 2–3 км. За три недели ожесточенных боев части вермахта продвинулись вперед всего на 50–80 км без достижения решительно успеха, а сопротивление Красной Армии резко возросло. В конце ноября войска вермахта вплотную подошли к Москве. Но тут неожиданно ударили морозы. У немцев не было зимней одежды, не было свежих армий, которые могли бы прийти на помощь. 27 ноября генералквартирмейстер Э. Вагнер сообщил о том, что немецкие «войска накануне полного истощения материальных и людских сил». 30 ноября Ф. Гальдер написал, что «в ОКВ не имеют никакого представления о состоянии наших войск и носятся со своими идеями в безвоздушном пространстве» [5, с. 535–537, 549–550].

На фронте под Москвой к 4–5 декабря наступило затишье. Немецкие войска выдохлись, их наступление захлебнулось. Бывшие немецкие генералы (Г. Гудериан, Э. фон Манштейн, К. фон Типпельскирх, Б. Мюллер-Гиллебранд, И. фон Бок), зарубежные историки послевоенного периода причины неудачи объясняли тем что, якобы, русским помогли «генерал-мороз», огромные пространства и нескончаемые людские ресурсы [8, с. 167–169]. Они уверены, если бы Гитлер начал наступление на Москву на месяц раньше, вермахту не пришлось бы переживать жуткой погоды и удалось бы достичь цели до холодов.

Однако правда состоит в другом. Упорное сопротивление советских войск обескровило наступавших. С 16 ноября по 5 декабря они потеряли 153 тыс. чел. убитыми, ранеными и обмороженными, около 800 танков и 1500 самолетов. В целом, по данным Ф. Гальдера на 30 ноября, немцы потеряли с начала войны против СССР до начала декабря 1941 г. 743 112 чел., т.е. 23,12% своих войск Восточного фронта. Равноценной замены у немцев не было [5, с. 547–548].

1 декабря фельдмаршал Ф. фон Бок записал в своем дневнике, что дальнейшее наступление на Москву «является атакой без смысла и цели, особенно учитывая тот факт, что время приближается к роковой черте, когда силы наступающих войск будут исчерпаны полностью» [2, с. 262].

Рассмотрим сведения о соотношении сил вермахта и Красной Армии накануне советского контрнаступления, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Соотношение сил вермахта и Красной Армии накануне советского контрнаступления под Москвой (декабрь 1941 г.) [13, с. 160]

Силы и средства	Вермахт	Красная Армия	Соотношение
Личный состав	1 708 000	1 100 000	1,55 : 1
Орудия и минометы	13 500	7 652	1,76 : 1
Установки реактивной артиллерии	-	450	-
Танки	1170	774	1,51 : 1
Самолеты	615	1 000	1 : 1,62

Из таблицы видно, что Красная Армия не имела численного превосходства, уступая противнику практически по всем показателям.

Московская наступательная операция (5 декабря 1941 г. – 7 января 1942 г.) началась без оперативной паузы, что позволило обеспечить фактор внезапности. 5–6 декабря 1941 г. в контрнаступление перешли войска трех фронтов – Западного (командующий – генерал Г. К. Жуков), Калининского (командующий – генерал И. С. Конев), Юго-Западного (командующий – маршал С. К. Тимошенко). Контрнаступление развернулось на фронте протяженностью около 1 тыс. км. Разработанный Ставкой план контрнаступления был нацелен на то, чтобы ликвидировать угрозу, нависшую над Москвой, путем разгрома фланговых группировок врага [3, с. 99–100].

8 декабря 1941 г. Гитлер издал Директиву № 39 [12, ф. 500, оп. 12 462, д. 8, л. 192] о переходе к обороне на Восточном фронте. В директиве был определен порядок ведения обороны в зависимости от цели, которую она преследует, а именно: а) удержать районы, имеющие для противника важное оперативное и военно-хозяйственное значение; б) дать войскам отдых и возможность произвести пополнение и создать, таким образом, необходимые предпосылки для возобновления наступательных операций в 1942 г.

План Гитлера заключался в попытке укрыть большую часть своих войск и удерживать линии коммуникаций, чтобы пополнить Восточную армию и переснастить её. Самыми важными в московском регионе фронта были следующие железные дороги: Москва – Ржев – Великие Луки; Москва – Вязьма – Смоленск; Москва – Калуга – Брянск; Москва – Тула – Орел. Эти линии коммуникаций соединялись поперечной железной дорогой: Великие Луки – Витебск – Смоленск – Брянск – Орел – Таганрог. На всех этих железных дорогах располагались передовые склады, снабжавшие фронт. Гитлер решил сделать из них укрепленные районы и отойти к ним. Каждый укрепрайон обеспечивал укрытие для войск, которые могли там располагаться длительное время. Немцы называли эти районы «ежами» или «игелс», созданные по типу круговой обороны. Между основными районами были созданы второстепенные укрепрайоны. Важнейшие укрепрайоны находились в Старой Руссе, Ржеве, Вязьме, Калуге, Брянске, Орле, Курске и Харькове. Главной задачей командующих было удержать эти крепости и отвести к ним войска. Следовательно, план Гитлера можно назвать не отступлением, а маневром в сторону тыла [11, с. 217–219].

16 декабря командующий группой армий Ф. фон Бок приказал любой отход производить с разрешения командующего армии, а отступление от дивизии и выше – только с разрешения командующего группой армий [12, ф. 500, оп. 12 462, д. 525, л. 135]. 18 декабря ОКХ передало в группу армий «Центр» следующий приказ фюрера («стоп-приказ»): «Отступление крупного масштаба недопустимо. Оно может привести к полной потере тяжелого оружия и техники. Личным примером командующие, командиры и офицеры должны побуждать войска

к фанатическому сопротивлению на своих позициях, даже если противник провался с флангов и с тыла. Только таким ведением боя можно выиграть время, которое необходимо для переброски подкрепления из Германии и с Запада. Только после того, как резервы придут на тыловые отсечные позиции, можно будет на эти позиции отступить» [12, ф. 500, оп. 12 462, д. 525, л. 131].

Ощувив перелом в ходе сражения, советское командование отдало приказ на контрнаступление. Боевые действия приобрели крайне ожесточенный характер. Один немецкий журналист писал: «Сейчас идет война на истребление, какой еще не знала современная Европа. Это беспощадная борьба, в которой ни одна из сторон не дает и не получает пощады. Бой почти всегда заканчивается ожесточенной рукопашной схваткой» [11, с. 236].

Одним из самых напряженных и длительных сражений периода контрнаступления и наступления советских войск в ходе зимней кампании 1941–1942 гг. стала *Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция (8 января – 20 апреля 1942 г.)*

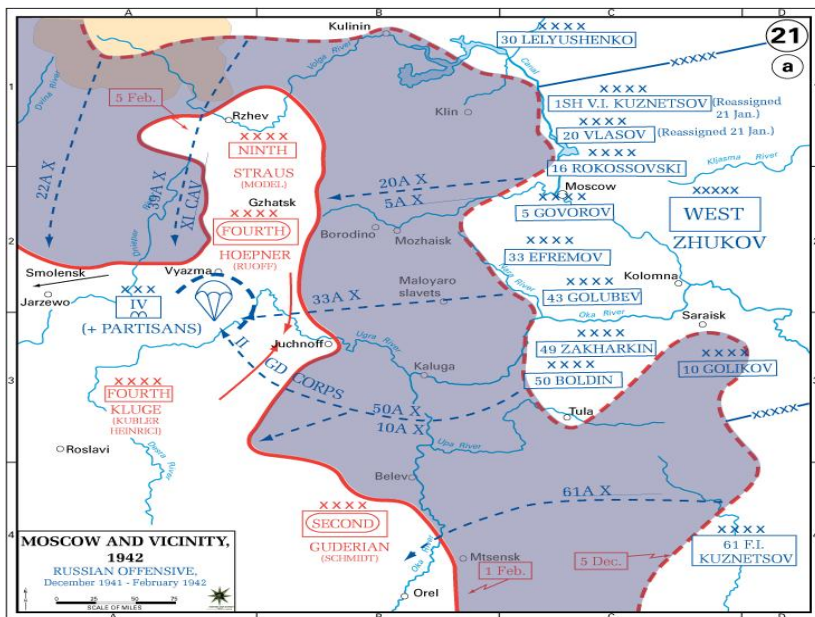
После того как советские войска перешли в контрнаступление, они столкнулись с необходимостью взламывать оборонительные позиции немецких войск, организовывать прорыв обороны противника на всю ее глубину. В этом отношении важное значение имело Директивное письмо Ставки ВГК Военным Советам фронтов и армий от 10.01.1942 г. ... [12, ф. 132а, оп. 2642, д. 41, л. 75–81]. Прорыв вражеской обороны рекомендовалось осуществлять ударными группировками армий и фронтов на узких участках фронта при поддержке мощного огня артиллерии, которая не должна ограничиваться артиллерийской подготовкой, а вести артиллерийское наступление, непрерывно поддерживая наступающую пехоту и танки до полного прорыва обороны. Ставка требовала также применять танковые части и соединения только в полном составе, в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией. Выполнение этих требований сыграло важную роль в достижении успеха в операциях. Советские войска в ходе контрнаступления использовали метод глубокого просачивания в обход крупных немецких «ежей» и окружение небольших.

Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция проводилась с целью разгрома главных сил немецкой группы армии «Центр» войсками Западного и Калининского фронтов. В ходе боевых действий в состав советских войск введены управления 3-й и 4-й ударных армий, 29 дивизий и 33 бригады. В рамках Ржевско-Вяземской стратегической операции были проведены Сычевско-Вяземская, Можайско-Вяземская, Вяземская воздушно-десантная и Ржевская фронтовые наступательные операции.

Продолжительность – 103 суток. Ширина боевых действий – 650 км. Глубина продвижения советских войск – 80 – 250 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений – 1 – 2,5 км [3, с. 103].

Наступление началось 8 января 1942 г. И поначалу развертывалось достаточно успешно. К концу января войска Калининского фронта вышли на подступы к Витебску, Смоленску и Ярцеву, глубоко обхватив группу армий «Центр» с северо-запада, а также прорвались к окрестностям Вязьмы и окружили в районе Оленино около 7 дивизий противника. Войска левого крыла Западного фронта в составе 43-й, 49-й и 50-й армий к 10 января обошли с севера и юга Юхновскую группировку германских войск, что позволило прорваться вперед 33-й армии (командующий генерал-лейтенант М. Г. Ефремов) и 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу (командир генерал-лейтенант П. А. Белов). В целях успешного развития операции 18–22 и 27 января в районе Вязьмы были высажены масированные воздушные десанты [3, с. 103].

Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция (8 января – 20 апреля 1942 г.)

1 февраля передовые части советской 33-й армии начали бои на подступах к Вязме, а на следующий день 1-й гвардейский кавалерийский корпус прорвался в окрестности города с юго-запада. В ответ 2–3 февраля немецкие войска нанесли несколько контрударов по советским частям и перерезали их коммуникации севернее и южнее Юхнова. Так был образован так называемый Ржевско-Вяземский выступ, где сосредоточились 4-я танковая (генерал Р. Руофф) и 9-я немецкие армии (генерал В. Модель)

Соединения советских 43-й, 49-й и 50-й армий в начале марта разгромили Юхновскую группировку немцев, но восстановить связь с ударной группой 33-й армии так и не смогли. В конце апреля при выходе из окружения большая часть этой группы была уничтожена или пленена. Тяжелораненый командарм М. Г. Ефремов застрелился. Лишь несколько сотен бойцов 33-й армии вышли на восток или соединились с партизанами.

Воины 1-го гвардейского кавалерийского корпуса П. А. Белова продолжали сражаться в окружении до июля 1942 г. 18 июля 1942 г. конники, совершив обходный маневр по тылам противника, прорвались к своим [3, с. 103–104].

На Ржевском направлении немцам также удалось нанести успешный контрудар по наступающим советским войскам. 23 января 1942 г. они смогли организовать наступление против ударной группировки Калининского фронта с востока и запада из района Оленина и со стороны Ржева. Коммуникации советской группировки были перерезаны. Войска 29-й 39-й дивизий и 11-го кавалерийского корпуса оказались в окружении. 28 февраля некоторым соединениям 29-й армии с тяжелыми потерями удалось выйти из кольца. 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус не смогли пробиться к главным силам фронта и до конца весны

продолжали вести бои во вражеском тылу. Предпринятые частями Калининского и Западного фронтов последующие попытки сломить сопротивление немецких войск успеха не имели. В связи с ослаблением наступательных возможностей и начавшейся весенней распутицей 20 апреля по приказу Ставки ВГК советские войска перешли к обороне [9].

В ходе операции советские войска продвинулись на запад на 40–45 км, освободили 3 районных центра, но поставленных решительных целей не достигли. Объективным результатом операции стал срыв замысла немецкого командования на проведение операции «Смерч» в первоначальном варианте, а также возможного удара по сходящимся направлениям из района Демянска и Ржева с сокрушением Северо-Западного и Калининского фронтов. Были выполнены дополнительные задачи: отвлечение в центр советско-германского фронта больших сил противника и нанесение ему значительного урона в живой силе и технике [3, с. 104].

Отстояв Ржевско-Вяземский выступ, германское командование получало две важные тактические выгоды. Оно сохраняло удобный трамплин для нового наступления на Москву и угрожало глубоким охватом с юга району дислокации советских войск между озером Селигер и Великими Луками.

Это оказалась наиболее кровавая фаза Московской битвы. В Ржевско-Вяземской операции советские войска потеряли 774 тыс. чел., немцы – 333 тыс. чел. На этом Московская битва завершилась. В целом немцы потеряли в ней 772 тыс. чел., Красная Армия – 2 млн. чел. (из них более трети пленными) [13, с. 163].

Несмотря на незавершенность наступательных задач, победа Красной Армии под Москвой имела огромное значение. Она стала первым крупным поражением вермахта во Второй мировой войне. Поражение под Москвой означало окончательный провал плана молниеносной войны, выиграть которую немцам оказалось не по силам. Эта победа дала народам СССР надежду и значительно повысила авторитет Советского Союза в мире.

К сожалению, в отличие от немцев, которых хоронили специальные похоронные команды, советских воинов, как правило, не хоронили, а многочисленные трупы присыпали землей. Однако народная память о погибших советских воинах увековечена скромными захоронениями, отмечена памятниками, мемориалами. На земле бывших сражений установлены часовни и храмы. За последние годы изданы воспоминания многих военачальников, участников Великой Отечественной войны. Поименно названы павшие в Книгах памяти. Художники, создатели кинофильмов и спектаклей проставляют патриотизм, мужества сынов и дочерей – защитников родного отечества. Работа в этом направлении рассматривается как важная часть политической, военно-патриотической и историко-воспитательной деятельности.

В настоящее время все проблемы увековечения памяти павших воинов решаются на государственном уровне. Президент РФ своим Указом от 22.01.2006 г. возложил на Министерство обороны РФ обязанности по увековечению памяти погибших при защите Отечества и обязал считать его уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в этой сфере [3, с. 378].

Большое значение предается учету воинских захоронений. На территории РФ его ведут местные органы власти. По данным учета, который в Министерстве обороны возложен на Военно-мемориальный центр Вооруженных сил РФ, ныне управление МО РФ (по увековечению памяти погибших защитников отечества), на основании донесений с мест на начало 2008 года только на территории России паспортизировано 19 004 воинских захоронения. В них погребено

3 075 650 павших военнослужащих Советской Армии, партизан и подпольщиков. В их числе 6 808 воинов интернационалистов, погибших до и после Великой Отечественной войны [3, с. 378].

В послевоенные годы благородную работу выполняют многочисленные поисковые отряды. Их движение – яркое отражение патриотизма российских граждан. Имена павших защитников Отечества должны быть воскрешены из неизвестности, отмечены всенародной памятью перед их подвигом. Патриоты стремятся к тому, чтобы не было неучтенных захоронений, чтобы останки каждого погибшего имели достойное погребение. Этим благородным делом уже много лет занимается личный состав специального поискового отряда «Патриоты Москвы».

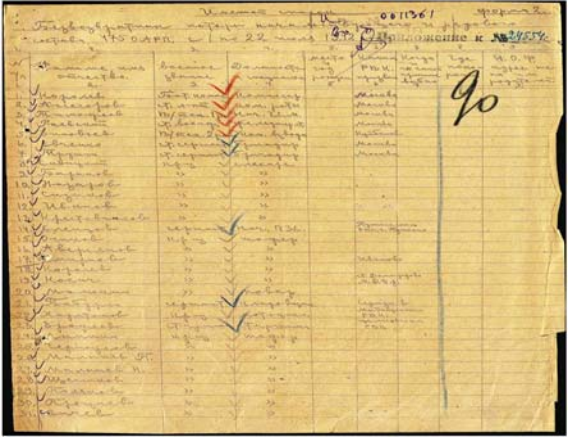
В 2009 г. проводимые отрядом полевые работы в ряде мест бывших ожесточенных сражений в Подмосковье дали положительные результаты. Бойцы батальона работали на участке: Тверская область, Зубцовский район, деревни Новое Устиново и Старое Устиново, руководитель поискового отряда – Рязанов Владислав Александрович. Хотя к тому времени там уже побывали местные поисковики из отряда «Звезда», ввиду длительных и ожесточенных боев в этих местах в годы войны, вероятность найти там останки, по-прежнему, высока. В 1942 г. в ходе наступательной Ржевско-Сычевской операции там вели бои несколько полков 20-й армии, погибло очень много наших солдат. В войну тела убитых часто стаскивали в ямы, оставшиеся от разрыва бомб, наспех присыпали землей. Со временем углубления затянулись, поэтому сегодня останки солдат могут лежать на глубине от 1,5 до 2 метров. Обнаружить такие захоронения очень сложно. Ни один из найденных нами солдат не был захоронен в такой яме. На останки одного бойца натолкнулись случайно, разбивая лагерь. Двоих человек нашли на небольшой глубине недалеко от села Старое Устиново. Еще одно санитарное захоронение обнаружили в полутора километрах от лагеря.

Были найдены немецкие нагрудные знаки и предметы военного обихода: нагрудный знак «За штурмовые действия» (он выдавался офицерам и рядовым солдатам Вермахта), знак «За ранение», зажигалка в хорошем состоянии. А еще обнаружены многочисленные каски, противогазы, большое количество гильз и патронов, спортивный знак DRL (“Deutsches Reichsabzeichen für Leibesübungen”). Наши поисковики также нашли и советские военные предметы: российскую пряжку времен I Мировой войны, штык-нож для винтовки Мосина, кортик и др.

Главным итогом поисковой работы стало то, что за девять дней были подняты останки четырех советских солдат. Останки солдат были переданы в местный Военный комиссариат, впоследствии опознаны и преданы с почестями земле. Это немного, но даже один человек, преданный земле по всем правилам, большая удача для нас.

В данной работе мы представляем фотографии нескольких артефактов.

Библиографический список:

1. Битва под Москвой. Хроника; факты, люди: В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. Бок Ф. фон «Я стоял у ворот Москвы»: Дневник командующего группой армий «Центр». М.: Яуза: Эксмо, 2009.
3. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание // Под ред. Кривошеева Г. Ф. и др. М.: Вече, 2009.
4. *Крупченко И. Е., Альтговзен М. Л., Дорофеев М. П. и др.* Военная история. М.: Воениздат, 1984.
5. *Гальдер Ф.* Военный дневник: В 3 т. 1941–1942 гг. М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
6. *Исаев А. В.* Котлы 41-го: История ВОВ, которую мы не знали. М.: Эксмо, 2005.
7. История Второй мировой войны: В 12 т. Т. 4. М.: Военное издательство, 1975.
8. *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Изографус, Изд-во Эксмо, 2005.
9. *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа. М.: Яуза, Эксмо, 2008.
10. *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953.
11. *Фуллер Дж.* Вторая мировая войны. – Смоленск: Русич, 2004.
12. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), ф.ф. 32, 132а, 500.
13. *Шефов Н. А.* Вторая мировая. 1939–1945. История великой войны. М.: Вече, 2010.

Д. Ш. Рамазанова

Дагестанский государственный университет, докторант кафедры истории России XX–XXI вв., кандидат исторических наук, доцент (367000, г. Махачкала, ул. Коркмазова, д. 8; тел.: (8-872-2) 67-57-62)

**ОПЫТ ДАГЕСТАНА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ
РЕПРЕССИРОВАННЫХ ЧЕЧЕНЦЕВ-АККИНЦЕВ
(2000–2013 ГГ.)**

В статье на основе ранее опубликованных, а также впервые введенных автором в научный оборот официально-документальных материалов освещается в хронологическом порядке ход территориальной реабилитации чеченского населения в Дагестане в 2000–2013 гг. Анализируется деятельность федеральных и республиканских органов власти в части реализации программ, связанных с территориальной реабилитацией народов – жертв репрессий.

Чеченцы-аккинцы; Ауховский район; репрессии; лакцы; переселение; Новолакский район; территориальная реабилитация; решения III Съезда Народных депутатов ДССР; программа переселения

Процесс территориальной реабилитации чеченцев-аккинцев Дагестана, начавшийся в республике во второй половине 1991 г. – нач. 1992 г. [6], продолжается по сей день и в значительной степени влияет на общественно-политическую ситуацию.

Основная суть мероприятий по территориальной реабилитации чеченцев-аккинцев – в переселении лакского населения из Новолакского района на земли севернее г. Махачкалы и восстановлении Ауховского района¹.

За период 1992–1999 гг. вся Программа переселения оказалась выполненной лишь на 20 процентов.

В этой связи Государственный Совет РД 11 июля 2001 г. направил обращение в Правительство РФ, где отмечалось, что практически ежегодно представляемые республикой в Минэкономики РФ и Минфин РФ расчеты потребности в капвложениях удовлетворялись лишь на 5–10 процентов. Госсовет РД просил Правительство РФ продлить действие Постановления Правительства РФ от 24 января 1992 г. № 40 с учетом завершения Программы переселения в 2006 г., при этом отмечая, что «важность и острая необходимость решения проблемы требует целевое, поэтапное финансированию мероприятий через федеральные целевые программы «Юг России» и «Повышение плодородия в России» [18].

Государственный Совет РД также принял постановление «О социально-экономическом развитии вновь образуемых населенных пунктов на территории, отведенной для переселения лакского населения Новолакского района» [19], согласно которому Правительству РД поручалось разработать Программу соци-

¹ В 1944 г. в результате репрессий в отношении чеченцев-аккинцев Дагестана, они были депортированы из Дагестана в Казахстан и Среднюю Азию. Чеченский Ауховский район был населен лакцами и переименован в Новолакский район, с.с. Юрт-Аух и Акташ-Аух бывшего Ауховского района были заселены аварцами и переданы близлежащему Казбековскому (аварскому) району.

ально-экономического развития вновь образуемых переселенческих поселков. Кроме того, Правительство РД ежегодно при формировании республиканского бюджета должно было предусматривать средства на реализацию Программы переселения с учетом выплаты компенсаций репрессированным в 1944 г. чеченцам – аккинцам за несохранившиеся домостроения и переселяемому лакскому населению за оставляемые в районе домостроения и единовременных пособий на хозяйственное обзаведение в соответствии с постановлением Правительства РФ от 24 января 1992 г. № 40, а также при разработке и ежегодной корректировке республиканских программ развития сельской телефонной связи, газификации и электрификации населенных пунктов, строительства автомобильных дорог, мелиорации предусматривать в первоочередном порядке включение отдельной строкой мероприятий по созданию постоянных коммуникаций для переселенческих поселков в объемах, утвержденных Программой переселения. Администрации Новолакского района было поручено подготовить предложения по привлечению средств граждан из числа переселяемого населения на строительство объектов торговли, бытового обслуживания и коммунального хозяйства.

Правительство РД, в свою очередь, 11 октября 2001 г. приняло постановление «О мерах по реализации постановления Государственного Совета РД от 15 августа 2001 г. № 113 «О социально-экономическом развитии вновь образуемых населенных пунктов на территории, отведенной для переселения лакского населения Новолакского района» [10].

Перед разработкой новой программы и утверждением новых сроков решения проблемы власти подвели итоги всей проделанной работы за период с 1992 по 2002 г. Итак, всего за указанный период на строительство переселенческих поселков было выделено 464,9 млн. руб. Было построено 434 км инженерных сетей, в том числе 46 км дорог, построен магистральный водопровод с малой хлораторной станцией протяженностью 26 км, проложены 61 км внутрипоселковых водопроводных сетей, 62 км газопровода, 80 км линий электропередачи, 120 км закрытого дренажа с коллекторами. Были сданы в эксплуатацию поликлиника на 80 посещений в смену в с. Новолак, хлебопекарня, три школы на 400 учебных мест, производственная база, объекты стройиндустрии. К концу 2002 г. на новые земли переселилось всего 520 семей общей численностью населения более 1500 чел. Полностью переселилось лакское население из приграничных с Чеченской Республикой населенных пунктов Ахар и Шушия¹.

Неразвитость социальной и производственной инфраструктуры на новых землях, отсутствие телефонной и почтовой связи, объектов торговли и бытового обслуживания, неблагоустроенность населенных пунктов, острая проблема обеспечения занятости переселившегося населения, нерешенные вопросы орошения земель, отведенных для переселенцев из Новолакского района, сдерживали процесс переселения.

На совещании у Председателя Госсовета РД М. М. Магомедова от 16 апреля 2002 г. темпы выполнения мероприятий по переселению лакского населения и восстановления Ауховского района были признаны недостаточными. По итогам совещания в Госсовете РД администрации Новолакского района совместно с Оргкомитетами по переселению лакского населения Новолакского района и по восстановлению Ауховского района поручили в двухнедельный срок завершить передачу освободившихся домостроений и земельных участков в селениях Ахар и Шушия прежним владельцам и их наследникам в соответствии с действующим

¹ 21 декабря 2004 г. населенным пунктам Ахар и Шушия были возвращены их исторические чеченские названия Бонайорт и Ямансу соответственно.

Положением [20]. Правительству РД было поручено принять меры по обеспечению финансирования Программы переселения в необходимом объеме. Кроме того предусматривалось принять решение об освобождении на два года семей, переселившихся на новые земли, от уплаты за коммунальные услуги. В целях выработки предложений по выходу из сложившейся ситуации в части реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» Правительство РД 31 июля 2002 г. обратилось к Министру РФ Зорину В. Ю. с просьбой оказать реальную помощь в организации и направлении в республику комиссии Правительства РФ [21]. По мнению республиканских властей, неопределенность со сроками завершения и обеспечения финансирования Программы переселения, незанятость переселенной части населения, отсутствие социальной, инженерной и производственной инфраструктуры, растущая безработица вызывала сомнения у лакского населения в правильности принятого решения освободить исконно чеченские земли и возможности вообще реализации вышеуказанного Закона. Напряженность в приграничном с Чеченской Республикой регионе усиливалась еще из-за того, что лакское население из-за затянувшегося процесса переселения вынуждено было восстанавливать разрушенные и пострадавшие в результате военных действий (1999 г.) домостроения в Новолакском районе¹, что дополнительно сдерживало возвращение чеченцев-дагестанцев, репрессированных в 1944 г., на земли их исторического проживания.

31 марта 2003 г. Правительством РД была принята республиканская целевая программа «Социально-экономическое развитие вновь образуемых населенных пунктов на территории, отведенной для переселения лакского населения Новолакского района, на 2003–2006 гг.» [22]. Основными мероприятиями Программы были определены жилищное строительство, строительство объектов социально-культурного и бытового назначения, развитие инженерной инфраструктуры и развитие производства. Был утвержден общий объем финансирования Программы на 2003–2006 гг. – 5618,36 млн. руб. Помимо жилья, было предусмотрено строительство школ на 2574 ученических места, детских садов на 520 мест, больницы на 50 коек и 8 фельдшерско-акушерских пунктов, Дома культуры в с. Новолакское, клубов в с.с. Новокули, Тухчар, Гамиях, Чапаево, Ахар, Дучи и Новочуртах. Строительство объектов службы быта в каждом селе предполагалось осуществлять за счет привлечения частного капитала. Приоритетными направлениями в становлении экономики переселенческих пунктов были определены садоводство, виноградарство, овощеводство и животноводство.

Правительство РД также приняло постановление «О передаче земель, отведенных переселяемым хозяйствам Новолакского района, в ведение сельских муниципальных образований Новолакского района» [23]. С 2004 г. была начата выплата компенсаций за несохранившиеся домостроения репрессированным чеченцам, всего предусмотрена выплата компенсаций 4285 семьям.

В целях осуществления инвестиционной политики, комплексного планирования, проектирования и строительства переселенческих поселков Правительство РД приняло постановление «О создании государственного унитарного предприятия «Дирекция строящихся объектов «Новострой» [24].

Анализ документов органов власти позволяет отметить некоторую активность и оживление в деятельности госструктур федерального и республиканского уровня, задействованных в решении проблемы, в 2006 г., после смены руководства Республики Дагестан. Новое руководство республики определило за-

¹ В 1999 г. в Новолакский, Ботлихский, Цумадинский и Цунтинский районы Дагестана со стороны Чечни вторглись вооруженные международные бандформирования.

вершение Программы переселения одной из своих приоритетных задач. Особое внимание Программе переселения было уделено во время встречи Президента РД М. Г. Алиева с Министром экономического развития и торговли РФ Г. Грефом, состоявшейся 24 мая 2006 г.

Несколько позже, с 10 по 15 июля 2006 г. в Дагестане находился представитель Минрегионразвития РФ В. Мартынов, который совместно с Правительством РД подготовил проекты документов, предусматривающих работу по завершению Программы переселения в двух вариантах: к 2008 и 2010 гг. По итогам работы, 4 сентября 2006 г. в соответствии с поручением Правительства РФ [25] приказом Минрегионразвития РФ была создана Межведомственная рабочая группа по реализации программы переселения на новое место жительства лакского населения Республики Дагестан.

Осенью 2006 г. выездная рабочая комиссия Межведомственной рабочей группы (под руководством зам. директора Департамента Минрегионразвития РФ В. М. Голика) провела в республике ряд мероприятий: выездное совещание в Новолакском районе с представителями Оргкомитета по переселению лакского населения Новолакского района на новое место жительства, главой муниципального образования «Новолакский район», главой администрации района и главами сельских администраций; выездное совещание в г. Хасавюрте с представителями Оргкомитета по восстановлению Ауховского района; осмотр хода выполнения строительных работ по переселению лакского населения в селах Ахар, Шушия, Дучи, Новокули, Чапаево, Новолакское, Тухчар, Гамиях, и Новочуртах; проверку проектно-сметной документации, отчетов по выполнению работ в 2006 г. и остаточной стоимости строительства. Результаты работы были обсуждены на заседании выездной рабочей комиссии Межведомственной рабочей группы от 30 ноября 2006 г. [26]. В ходе обсуждения отмечалось, что представители общественности и административного управления Новолакского района подтвердили намерение лакского населения переселиться на новое место жительства; что переселение лакского населения связано с объективными сложностями: необходимостью оставить обжитые места, переездом с плодородных земель на территорию с солончаковой почвой, малопригодной для земледелия и скотоводства, являющихся традиционными сферами деятельности лакского населения, необходимостью изменения сложившегося уклада жизни, поиском новых мест работы и т.д.; что в целях достижения межнационального согласия, для восстановления исторической справедливости в отношении репрессированных чеченцев-аккинцев лакский народ соглашается переселиться на новое место жительства по мере реализации Программы переселения лакского населения.

Комиссия констатировала, что Правительством РД в ноябре 2006 г. была проведена полная инвентаризация незавершенного строительства в строящихся для переселения лакского населения селах. В целом по Программе переселению на новое место жительства подлежат 9 населенных пунктов в количестве 3770 хозяйств общей численностью населения 13 344 чел. По состоянию на 30 ноября 2006 г. было переселено 874 хозяйства (3 291 чел.). Отмечалось, что для завершения строительства в 2008–2010 гг. всех жилых домов и переселения лакского населения в новое жилье необходимо финансирование в объеме 1 704, 0 млн. рублей, и что жилищное строительство для переселения лакского населения в 2008–2010 гг. необходимо осуществлять в рамках ФЦП «Жилище».

Комиссия также определила объем финансирования для строительства в 2008–2010 гг. 7-ми школ (270,9 млн. руб.), фельдшерско-акушерских пунктов (56,0 млн. руб.), детских садов в 9-ти селах (107,28 млн. руб.), дома культуры в с. Новолакское и клубов в 7-ми селах (92,52 млн. руб.), административных зданий

в 5-ти селах (48,96 млн. руб.), электроснабжения населенных пунктов (113,4 млн. руб.), газификации (37,08 млн. руб.), водоснабжения (178,04 млн. руб.), для завершения строительства подъездных и внутрипоселковых дорог, благоустройства населенных пунктов (1 456,2 млн. руб.), для завершения мероприятий по повышению плодородия почв, включающих мелиорацию земель, орошение приусадебных участков, реконструкцию магистральных каналов (920,52 млн. руб.), для закладки виноградников (216 млн. руб.), для выполнения проектно-исследовательских работ (60,0 млн. руб.) [26].

По итогам заседания комиссии от 30 ноября 2006 г. МВД РД совместно с УФМС по РД поручили в десятидневный срок провести проверку списка переселенцев лакского населения, представленного Правительством РД в Минрегион РФ письмом от 1 августа 2006 г. № 14–10/111 и представить в указанное федеральное ведомство уточненный список, согласованный МВД РД и УФМС по РД. Правительству РД предложили также представить в Минрегион России согласованный с МВД РД и УФМС по РД список чеченцев-аккинцев, имеющих право на переселение в Новолакский район.

Минрегиону РФ совместно с Минэкономразвития РФ было предложено проработать вопрос о внесении изменений в ФЦП «Жилище», предусматривающих предоставление жилищных сертификатов лакскому населению для переселения на новое место жительства, а также подготовить проект постановления Правительства РФ, предусматривающий завершение строительства в местах переселения лакского населения объектов образования, здравоохранения, культуры, дорог, водоснабжения, осуществление мероприятий по повышению плодородия почв и закладке виноградников, направить на согласование заинтересованным федеральным органам исполнительной власти для последующего внесения в Правительство РФ.

Правительство РД, согласно решению комиссии Межведомственной рабочей группы, со своей стороны, должно было дополнительно выделить средства из республиканского бюджета: для завершения в 2007 г. строительства 266 жилых домов в размере 58,2 млн. руб., на водо-газо-электроснабжение вводимых домов и на строительство дорог – 32,3 млн. рублей; обеспечить в 2007 г. выполнение обязательств по софинансированию из средств республиканского бюджета РД на 2007 г. объектов ФЦП «Юг России», предусматривающих переселение лакского населения, по следующим направлениям: жилищное строительство – 29,8 млн. руб.; строительство объектов образования – 40,0 млн. руб., строительство объектов здравоохранения в с. Новолакское – 27,9 млн. руб.; а также предусмотреть в 2008–2010 гг. финансирование из средств республиканского бюджета РД строительства административных зданий, электроснабжения, связи, проектных работ, а также софинансирование из средств бюджета РД объектов образования, здравоохранения, культуры, дорог, водоснабжения, мероприятий по повышению плодородия почв и закладке виноградников.

На этот раз между федеральными и республиканскими властями было достигнуто согласованное решение по завершению Программы к концу 2010 г. Строительство нового жилья предполагалось вести через открытие лицевых счетов для начисления субсидий, предоставляемых переселенцам за счет федерального бюджета в рамках Федеральной целевой программы «Юг России на 2008–2012 годы». Строительство административных зданий, объектов электроснабжения, газификации, связи в населенных пунктах, а также закладку виноградников было предусмотрено осуществлять за счет средств республиканского бюджета. Строительство объектов водоснабжения, дорог и благоустройство в населенных пунктах, финансирование мероприятий по повышению плодородия

почв предполагалось осуществлять в рамках действующих федеральных целевых программ¹.

7 декабря 2006 г. Правительство РД приняло решение образовать Комиссию по вопросам реабилитации и переселения [27] для обеспечения координации деятельности министерств, ведомств Республики Дагестан и заинтересованных организаций по подготовке предложений, связанных с переселением лакского населения Новолакского района на новое место жительства и восстановлением Ауховского района. Основными задачами Комиссии были определены: обеспечение согласованных действий органов исполнительной власти Республики Дагестан по реализации мероприятий, касающихся вопросов реабилитации репрессированных народов и переселения, обеспечение контроля за целевым использованием средств федерального и республиканского бюджетов, выделенных на решение вопросов реабилитации репрессированных народов и переселения. Комиссия также наделена полномочиями рассматривать материалы и вносить соответствующие предложения в Правительство РД по возврату имущества и возмещению ущерба лицам, подвергшимся в результате репрессий 1944 г. принудительному выселению из ДАССР; рассматривать материалы и утверждать списки семей граждан лакской национальности, переселяющихся на новое место жительства; осуществлять контроль за приемкой в эксплуатацию объектов, построенных для переселяемого населения.

19 марта 2007 г. Правительство РД также утвердило Положение о порядке и условиях расчетов за оставляемые жилые дома, строения, многолетние насаждения, а также финансирования строительства жилья и его передачи в собственность лакскому населению, переселяемому из Новолакского района на новое место жительства.

Однако и на этот раз реализовать в запланированные сроки все намеченные в рамках Программы мероприятия не удалось. По данным на сентябрь 2008 г. оставались еще непереселенными 2972 хозяйства с численностью населения 10 362 чел.

Необходимо отметить, что с 2008 г. финансирование мероприятий по переселению лакского населения Новолакского района осуществлялось в рамках Федеральной Целевой Программы «Юг России (2008–2013 годы)», которой на мероприятия по переселению было предусмотрено 3328,0 млн. рублей, в том числе за счет федерального бюджета 2808,0 млн. рублей, за счет республиканского бюджета 520,0 млн. рублей². В последующие 2008–2010 гг. на мероприятия по переселению было выделено 1379,3 млн. руб. (из них из республиканского бюджета Республики Дагестан – 520 млн. руб.), что позволило сдать в эксплуатацию еще 415 жилых домов общей площадью 27,61 тыс. кв. м, завершить строительство больницы-профилактория в с. Новолакское и начать строительство 4 школ на 1619 ученических мест в населенных пунктах Новокули, Новолакское, Чапаево и Дучи, из которых 2 школы на 600 ученических мест сданы в эксплуатацию, в том числе в с. Чапаево – на 420 мест и в с. Дучи – на 180 мест. При этом отметим, что в 2009 г. финансирование мероприятий было сокращено на 37,1 процентов. Так, вместо предусмотренных Программой 630,0 млн. руб-

¹ Информация Правительства РД в Минрегионразвития РФ о ходе переселения лакского населения Новолакского района на новое место жительства (№ 19–10 от 14.07.2006 г). См. также: Хидиров Г. Деньги есть. Нужна работа по ускорению переселения лакского населения на новое место жительства. // Дагестанская правда, 2006 г.

² Из переписки Министерства экономики РД и Миннаца Дагестана, 27 августа 2010 г. № 17 8/2388

лей, в том числе из федерального бюджета 510,0 млн. рублей, из республиканского бюджета РД 120,0 млн. рублей было всего выделено в 2009 г. 440,7 млн. рублей, в том числе из федерального бюджета – 320,7 млн. рублей, из республиканского бюджета – 120,0 млн. рублей. В 2010 г. вместо предусмотренных Программой 624,0 млн. рублей в соответствии с соглашением о предоставлении в 2010 г. субсидий федерального бюджета бюджету Республики Дагестан на софинансирование строительства объектов капитального строительства было предусмотрено выделить 288,6 млн. рублей (66,5 процентов от предусмотренного объема), в том числе из федерального бюджета 168,6 млн. рублей, из республиканского бюджета РД – 120 млн. рублей. При этом весь объем секвестированных в 2009–2010 гг. средств федерального бюджета предусмотрено было выделить в 2013 г.¹

Всего за 1992–2010 гг. на мероприятия по переселению было направлено 2950,95 млн. руб., что позволило построить и сдать в эксплуатацию 1498 жилых домов общей площадью 127,71 тыс. кв. м (46,1 проц.), переселить 1498 семей общей численностью 5378 чел., построить 597,96 км инженерных сетей и сдать в эксплуатацию 4 школы на 1000 ученических мест, поликлинику и больницу на 50 коек в с. Новолакское. В итоге после 18 лет проведенных властями работ было переселено меньше половины лакского населения Новолакского района. По данным на 1 января 2011 г. необходимо было переселить еще 2223 семьи численностью 7961 чел.

Предусмотренных в рамках Федеральной целевой программы «Юг России (2008–2012 годы)» средств для решения всех вопросов, связанных с обустройством переселенцев на новых землях, было недостаточно. В этой связи решение данного вопроса было обсуждено на встрече Президента РД М. Магомедова с Президентом РФ Д. Медведевым, по итогам которой Президентом РФ были даны соответствующие поручения федеральным органам государственной власти по определению объемов средств для полного завершения мероприятий по переселению лакского населения Новолакского района на новое место жительства.

Вопрос реализации мероприятий по переселению лакского населения Новолакского района на новое место жительства и восстановлению Ауховского района РД обсуждался и на совещании, состоявшемся в Минрегионразвития РФ 11 июня 2010 г. Для изучения ситуации на месте Республику Дагестан посетил руководитель Департамента целевых программ территориального развития Минрегионразвития РФ Потапенко Е. А. В августе 2010 г. в целях ознакомления с ходом реализации Программы Дагестан посетил замминистра регионального развития РФ В. А. Токарев, по итогам поездки которого были даны поручения по оптимизации стоимости 1 кв. метра жилья для переселяемого населения².

Республиканские власти, в свою очередь, во исполнение пунктов Протокола совещания в Минрегионразвития РФ от 11 июня 2010 г. № 37-ФЦП/ЕП разработали целевую программу «Переселение лакского населения Новолакского района на новое место жительства» на 2011–2013 гг.; 8 февраля 2011 г. Правительство РД приняло постановление об её утверждении [16]. Общая сумма затрат на реализацию Программы на 2011–2013 гг., с учетом всех аспектов переселения населения и создания условий для его нормальной жизнедеятельности, была предусмотрена в размере 8879,08 млн. руб., из них 4273,00 млн. руб. – средства, предусмотренные в рамках Федеральной целевой программы «Юг России (2008–

¹ Там же.

² Там же.

2013 годы) на 2011–2013 гг. В рамках новой программы предполагалось полное завершение переселения лакского населения Новолакского района на новое место жительства, для чего необходимо было переселить 2223 семьи численностью 7961 чел., построить 2223 жилых дома общей площадью 149,11 тыс. кв. м.

Всего за период реализации мероприятий по переселению лакского населения на новое место жительства в 1992–2013 гг. было выделено **7512,1 млн. рублей**, в том числе за счёт федерального бюджета – 6058,5 млн. рублей, за счёт республиканского бюджета – 1453,6 млн. рублей. Это позволило построить (с учетом жилья (124 дома) и 2-х школ, предполагаемых к завершению за счет средств, выделенных в 2013 г.) построить 3053 жилых дома, 7 школ на 2337 учебных мест, больницу на 50 коек с поликлиникой на 80 посещений в сутки в с. Новолакское и проложить более 700 км инженерных сетей. В настоящее время полностью завершено строительство 2929 жилых домов, переселилось около 2000 семей [17].

Таким образом, если сравнивать данные за 1992–2010 гг. с данными за 1992–2013 г, то из них следует, что за три последних года – 2011, 2012, 2013 гг. – на мероприятия по переселению было направлено **4 561,15 млн. руб.**, что более чем **в 1, 5 раза больше (!), чем выделялось за все предыдущие 18 лет вместе взятых!** За три года построены и сданы в эксплуатацию 1431 жилых дома, проложено 102, 04 км инженерных сетей, переселено около 500 семей; 124 дома и 2 школы будут завершены за счет средств, выделенных в 2013 г.

Для полного обеспечения жильем переселенцев (по спискам семей, образовавшихся на 01.01.2008 г.) по состоянию на 01.01 2014 г. осталось построить 664 жилых дома с общей жилой площадью 41,4 тыс. кв. м.

Для завершения всех мероприятий по переселению и восстановления чеченского Ауховского района республиканские власти разработали новый проект государственной программы РД «Переселение лакского населения Новолакского района на новое место жительства» на 2014–2016 гг.

Библиографический список:

1. Булатов Б. Б., Рамазанова Д. Ш. Новые научные знания – на решение узловых проблем национальной политики в Дагестане. // Полиэтническое общество, власть и демократия в России: общенациональное измерение и региональные аспекты. Материалы Северо-Кавказского политологического форума (Махачкала, 25 июня – 1 июля 2012 г.). Махачкала, 2012.

2. Рамазанова Д. Ш. Реабилитация репрессированных народов Дагестана в 1957–1960-е гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2011, № 127.

3. Рамазанова Д. Ш. По следу переселений 1944 года: трагедия дагестанских народов в документах советских и партийных органов. // Вестник Поморского Государственного Университета. 2010. № 4.

4. Рамазанова Д. Ш. Обреченные на переселение: кварельский вопрос в решениях властей в советский и постсоветский периоды // Известия ДГПУ, 2011, № 2.

5. Рамазанова Д. Ш. Проблема депортированных народов Дагестана: цифры, факты, современное состояние // European Social Science Journal. Европейских журнал социальных наук, июль 2012.

6. Рамазанова Д. Ш. Территориальная реабилитация репрессированных чеченцев-аккинцев Дагестана в 1991–2000 гг. // European Social Science Journal. Европейский журнал социальных наук. 2013. № 11. Т. 2;

7. Материалы по вопросам развития национальных и международных отношений в Республике Дагестан. (Издание Миннаца РД). Махачкала, 2008.

8. Республика Дагестан: Современные проблемы национальных отношений (В документах Верховного Совета, Совета Министров и общественных объединений). Махачкала, 1992.

9. Постановление Правительства РД № 89 от 2 июня 2000 г. «О мерах по ускорению выполнения Программы переселения лакского населения Новолакского района на новое место жительства и восстановления Ауховского района в связи с военными событиями на территории Новолакского района».

10. Постановление Правительства РД № 216 от 11 октября 2001 г. «О мерах по реализации постановления Государственного Совета РД № 113 от 15 августа 2001 года «О социально-экономическом развитии вновь образуемых населенных пунктов на территории, отведенной для переселения лакского населения Новолакского района».

11. Республиканская целевая программа «Социально-экономическое развитие вновь образуемых населенных пунктов на территории, отведенной для переселения лакского населения Новолакского района, на 2003–2006 годы».

12. Постановление Правительства РД № 74 от 19 марта 2007 г. «Об утверждении положения о порядке и условиях расчетов за оставляемые жилые дома, строения, многолетние насаждения, а также финансирования строительства жилья и его передачи в собственность лакскому населению, переселяемому из Новолакского района на новое место жительства».

13. Постановление Правительства РД № 465 от 24 декабря 2009 г. «О внесении изменений в положение о порядке переселения лакского населения Новолакского района на новое место жительства» // <http://www.consultantplus>

14. Протокол совещания в Минрегионразвития РФ от 11 июня 2010 года № 37-ФЦП/ЕП.

15. Постановление Правительства РД № 427 от 23 ноября 2010 г. «О внесении изменений в положение о порядке и условиях расчетов за оставляемые жилые дома, строения, многолетние насаждения, а также финансирования строительства жилья и его передачи в собственность лакскому населению, переселяемому из Новолакского района на новое место жительства».

16. Постановление Правительства РД № 28 от 8 февраля 2011 г. «Об утверждении республиканской целевой программы «Переселение лакского населения Новолакского района на новое место жительства» на 2011–2013 гг. // <http://www.minec-rd.ru>

17. «О принятых мерах по реализации республиканской целевой программы «Переселение лакского населения на новое место жительства» на 2011–2013 годы» // Материалы коллегии Министерства экономики и территориального развития РД от 14 января 2014 г. // <http://minec-rd.ru>

18. Письмо Госсовета РД в Правительство РФ от 11 июля 2001 г. № 14–10/22.

19. Постановление Госсовета РД № 113 от 15 августа 2001 г. «О социально-экономическом развитии вновь образуемых населенных пунктов на территории, отведенной для переселения лакского населения Новолакского района»

20. Протокол № 16–09 совещания у Председателя Госсовета РД от 16 апреля 2002 г.

21. Письмо Правительства РД № 36–09 от 31 июля 2002 г.

22. Постановление Правительства РД № 80 от 31 марта 2003 г.

23. Постановление Правительства РД № 108 от 25 августа 2003 г.

24. Постановление Правительства РД № 204 от 29 ноября 2005 г.

25. Постановление Правительства РФ № СН-ПП-2707 от 16 июня 2006 г.
26. Протокол заседания выездной рабочей комиссия Межведомственной рабочей группы по реализации программы переселения на новое место жительства лакского населения Республики Дагестан № 34-ВГ/ФЦ от 30 ноября 2006 г.
27. Постановление Правительства РД № 269 от 7 декабря 2006 г.

А. В. Скиперских

Институт права и экономики, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор политических наук (398002, г. Липецк, ул. Гагарина, д. 35А; тел.: (4742) 27-05-80)

ВРЕМЯ И МЕСТО БУНТА: ЕВРОПЕЙСКАЯ И РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ

Каждый случай бунта и сопротивления официальной власти имеет своё пространственно-временное измерение. Сопротивление всегда существует в поле власти, потому как сложно рассчитывать на единодушное подчинение властью – масс. Практики сопротивления есть в каждой политической системе, вырабатывающей собственный опыт взаимодействия с бунтующим человеком.

Рассмотрение бунта в контексте времени и места оказывается оптимальной методологической схемой, позволяющей сопоставить практики бунта в той или иной политической и культурной традиции. Вот и в данной статье автор пытается рассмотреть европейский и русский опыт бунта в пространственно-временной призме.

Наряду с очевидными сходствами практик бунта, предполагающими, что перед нами находится субъект с повышенными ожиданиями в отношении политической системы, могут обнаруживаться и различия, в свою очередь, восходящие к разным культурным традициям и практикам социальной коммуникации. Данная гипотеза подтверждается автором на ряде примеров, в том числе и с помощью обращения к литературным текстам.

бунт; власть; легитимация; протест; сопротивление

Европейская и русская традиция бунта может быть сопоставляться через хронотоп самого бунта. Судя по времени и месту объективации гражданского несогласия, имеет смысл установить как общее, так и особенное в практиках гражданского несогласия как в европейской, так и в русской культурной традиции. В данной статье мы попытаемся выдвинуть гипотезу о том, что европейский и русский человек, расположенные к бунту вовсе не случайно оказываются в конкретном пространстве для бунта. Наоборот, они оказываются связанными некоей культурной предрасположенностью к демонстрации своего несогласия в определённом месте в конкретное время.

Как отмечает М. Бахтин, «культурные и литературные традиции (в том числе и древнейшие) сохраняются и живут не в индивидуальной субъективной памяти отдельного человека и не в какой-то коллективной «психике», но в объективных формах самой культуры (в том числе в языковых и речевых формах), и в этом смысле они межсубъективны и межиндивидуальны (следовательно, и социальные)» [1, с. 397].

Таким образом, в зависимости от той или иной политической системы, можно говорить и о существующей традиции массового выхода на улицы по праздничным дням, особой, специфической карнавальности, которая вполне легко может приобрести политизацию. Именно разница в традиции выхода на улицы и может быть решающей в определении трансформационных возможностей политической системы. Именно общественная активность оказывается решающим фактором социальных трансформаций. В ряде систем общественная энергия

имеет обыкновение накапливаться очень долго и нуждается в длительных пропагандистских приговорах. В других случаях, отсутствие каких-либо серьёзных психологических и культурных барьеров в демонстрации собственной индивидуальности является неплохим ускорителем необходимых преобразований.

Хронотопы бунта могут вмещать в себя как городское публичное пространство – улицы, площади, университеты, кафе, спортивные объекты, так и принадлежать самой природе. Тогда перед нами оказывается человек, вопрошающий к природе, пытающийся сопротивляться ей. Вспомним, как в текстах древнегреческого мифа о Геракле происходит очистка авгиевых конюшен с помощью нарушения течения рек, заданного природой. Бунтующий человек пытается укротить природу – он становится похожим на Ксеркса, отдавшего приказ палачам высечь неспокойное море. Необходимо подчеркнуть, что хронотопы природы, где протекает повседневная жизнь бунтующего человека, приобрели популярность в европейской культуре в тот момент, когда цивилизация демонстрировала и внедряла в социальную практику свои новые продукты. Уход от цивилизации мог означать ещё и попытку преодоления репрессии со стороны государственных институтов.

Наоборот, в русской традиции, бунт – индивидуален и продолжителен во времени, потому как терпение есть неотъемлемая черта русской культуры. Сверхмерность терпения русского человека, а также сверхмерное распрямление его в бунте, в артикуляции собственных запросов политическим институтам и самому обществу во многом говорят о некоторой несовершенности русского человека. Как полагают некоторые авторы, в подобных характеристиках как раз и есть тайна русского бунта, не до конца снабжённого доктриной, и, тем самым, обоснованного. В частности, А. Панищев считает, что такая незаконченность есть неременная предпосылка к усилению, к актуализации проблемы выбора между добром и злом, причём «шатость» человека свидетельствует о том, насколько он уязвим перед собственной гордыней, перед прелестью быть человеком» [3, с. 89].

На наш взгляд, культурный контекст бунта будет легче исследовать с помощью таких оппозиций, как *теснота – простор* и *провинция- столица*.

Теснота – простор.

Хронотопы бунта в русской культурной традиции отличает определённая теснота, сковывающая субъекта в движении, доставляющая ему даже некий дискомфорт. Европейское тяготение к расширению и демонстративной публичности сворачивается до комнаты, переулка, лестницы, подъезда. Именно в подъездах поджидают свою жертву русские бомбисты – народовольцы. Именно преодоление проходных дворов и подъёмов/спусков по чёрным лестницам учащают их дыхание.

Вспомним, как много для советской интеллигенции означало пространство кухни, на которой могли вестись жаркие споры об оптимальном общественном устройстве. Хронотоп кухни является адекватным не только времени хрущёвской оттепели, но и времени брежневского застоя. Кухня является альтернативным пространством для бунта, что привлекает человека, не способного публично и безрассудно выразить своё гражданское «Нет». Можно представить себе советскую кухню, не отличавшуюся сколько-нибудь внушительными размерами. С другой стороны, это могло порождать особую чувствительность друг к другу. Вспомним, как у О. Мандельштама: «Мы с тобой на кухне посидим, сладко пахнет белый керосин».

Бунтари в русской культуре, как правило, сдавлены невыносимостью бытия в маленьких комнатках. Вспомним, в каких теснённых условиях живёт в «Бесах» Ф. Достоевского нигилист Кириллов. Во флигеле нигилиста «сени и первые две комнаты были темны, но в последней, в которой Кириллов жил и пил чай, сиял свет и слышался смех и какие-то странные вскрикивания» [2, с. 211].

В довольно лаконичных условиях живёт в Санкт-Петербурге герой С. Бодрова в фильме «Брат» – Данила Багров, с поправкой на постиндустриальный комфорт.

Хронотоп, в котором развёрнута жизнь индивида, задаёт некий горизонт бунта, его перспективу. В случае, с ограниченным пространством, вопросы субъекта бунта будут чаще обращены к себе. Наоборот, существование широкогоризонт создаёт несколько иные предпосылки для бунта, предопределяя градус культурной терпимости индивида/индивидов.

М. Пришвин как-то отметит, что «на море человека нельзя так унижить, как в лесу и на пашне» [4, с. 279]. На наш взгляд, мысль русского философа как раз находит то пространственное различие, которое может явиться и решающим в определении готовности субъекта к реализации права на бунт.

Изначально европейское жизненное пространство кажется более «проработанным» человеком, более эргономичным и умным. Человек, преобразовавший его, представляется довольно самодостаточным, что влияет на его мироощущение. Если посмотреть на пространственную организацию Европы, то окажется, что она в большей степени окружена водой, нежели Россия, и, стало быть, гораздо большее количество населения (учитывая изначально высокую плотность населения в Европе) живёт возле морей и океана. Горизонт воды предоставляет человеку дополнительные стимулы для выражения несогласия, потому как именно он становится частью повседневности человека. Поправление порядка, к которому привык человек, означает попытку отлучения его от специфического ландшафта, в котором море/океан (как уникальная система культурной памяти) играет ключевую роль.

Взгляд человека, живущего на море, чаще обращён вперёд, нежели взгляд человека, большую часть жизни проводящего на земле, и вынужденного всё время обслуживать землю (посев, обработка земли, сбор урожая, оформление земли, земельных паёв, садовых участков). Это делает человека более неприветливым, менее мобильным, порождает новые формы зависимости.

Наоборот, стремление к жизни у моря означает некую мечту, тяготение к большим объёмам свободы и независимости от инстанций власти. Человек, живущий у моря, более мобилен и авантюрен. Таков древнегреческий Одиссей.

Что касается бытия свободолобивого и свободомыслящего человека в условиях авторитарной и тоталитарной политической практики, то его стремление избежать политической репрессии со стороны официальных институций может быть специфической жизненной установкой. Вспомним строчки из «Писем к римскому другу» И. Бродского: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в провинции, у моря».

Может показаться, что реализовать своё право на бунт в провинции проще, нежели в большом городе, в столице.

Провинция – столица.

Бунтующий человек в провинции и бунтующий человек в столичном городе отличаются между собой. При общих сходствах необходимости протестного выражения необходимо увидеть и различия, скрывающиеся в характеристиках публичного пространства.

Бунтующий человек в провинции лишён той анонимности, которая может существовать у него в столице, поэтому, в каком-то смысле, он рискует в большей степени, выставляя себя напоказ и сталкиваясь напрямую с репрессивными институтами. Безусловно, бунтующий человек в столице обладает неким преимуществом в данном смысле перед бунтующим провинциалом.

Протест человека в столице может редуцироваться самой столицей, особенностями её архитектурного и социального построения, далеко разносящего протестный месседж. Наоборот, провинциальный протест не имеет возможности редуцироваться самой провинцией и особенностями её пространственно-территориального паспорта. Как однажды отметит Л. Шестов, «дальние улицы жизни не представляют тех удобств, которыми привыкли пользоваться обитатели городских центров» [6, с. 47].

Существование оппозиции центр – провинция, а также её несомненный политический контекст определённо означают, что «именно в центре политическая жизнь приобретает настоящее напряжение – провинция же улавливает сердцебиение центра уже после того, как оно получило ускорительный импульс. Центр – законодатель моды для провинции, главный поставщик символов и смыслов. Провинция чутко реагирует на изменение политической, социальной и культурной конъюнктуры и моментально копирует у себя новые тренды, установленные и апробированные модным центром» [5, с. 10].

Отсюда, любой месседж, поступающий из столицы является специфическим руководством к действию.

Тело бунтующего человека испытывает разный объём нагрузки в зависимости от пространственных спецификаций протеста. Как уже отмечалось нами, в провинции протестовать сложнее. Вытеснение протеста на периферию, посредством создания довольно сложных институциональных рамок для протеста, его юридической легитимации, как раз и связывается с усложнением задачи для потенциального протестанта. Вытеснение протеста на периферию, придание протесту «провинциального» формата (даже если он пытается объективироваться в столице) порождает дополнительные нагрузки на социальное тело.

Наоборот, европейская протестная практика выглядит куда более ровной, ввиду того, что, начиная от столицы и заканчивая провинцией, протест имеет некую общую трансмиссию и индустрию. Отсутствие значительных расстояний, отделяющих центр и периферию, вряд ли могут создавать у индивида ощущение заброшенности в бунте.

Таким образом, наряду с общими признаками бунта, характерными, как для европейской, так и для русской практики, и представляющими собой наличие субъекта с повышенными ожиданиями и неудовлетворёнными желаниями, социально-экономической ситуации, объективирующей сам бунт и др., могут быть и особенные признаки, в большинстве своём восходящие к ценностным мотивам бунта и разной степенью терпимости.

Наряду с отмеченными сходствами и различиями, необходимо учитывать, что их создаёт и пространственно-временной контекст, являющийся характерным признаком той или иной культурной традиции. Как нам уже удалось отметить, между европейской и русской традицией бунта есть довольно много различий, базирующихся именно на разном ощущении бунтующими людьми своей социальной природы, эстетического и материального мира, а также самой природы.

Библиографический список:

1. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. *Достоевский Ф.* Бесы. Киев: Борисфен, 1994.
3. *Панищев А. Л.* Русский Ренессанс: человек между Богом и бесом. М.: Академия Естествознания, 2007.
4. *Пришвин М.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Дневники, 1905–1954. М.: Художественная литература, 1986.
5. *Скиперских А. В.* Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк: Гравис, 2013.
6. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991.

Социально-экономический меридиан

С. А. Боженев

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, доцент кафедры социологии и управления, кандидат социологических наук (308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46; тел.: (84722) 30-99-89)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦЕЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Раскрыты проблемы развития целевого управления, связанные с введением оптимальных организационных форм, ресурсным обеспечением, формированием адекватного стиля руководства. Организационные проблемы связаны с инерционностью организационных целей, организационным усложнением целевого управления, его «обюрокративанием», самоусилением частных (функциональных) целей. Акцентируется внимание на неготовности руководителей структурных подразделений обеспечить необходимые ресурсы, отсутствию в организации достаточной информационной открытости и прозрачности. Важное значение имеет также повышение готовности руководителей к соблюдению выработанных и согласованных условий, осуществлению эффективного управленческого контроля.

целевое управление; управленческая проблема; организация; ресурсное обеспечение; стиль руководства

Категория «цель» и связанные с ней понятия «целесообразность», «целенаправленность», «целеполагание» являются центральными в современной теории и практике управления. Концепция целевого управления сейчас находится, если применить терминологию, принятую для описания жизненных циклов нововведений, в стадии зрелости. Она получила теоретическое обоснование, проверена на практике, достаточно широко используется в научных и проектных разработках, в реальных организационных системах.

В процессе целевого управления организации возникают определенные трудности и проблемы, преодоление и разрешение которых является существенным условием эффективности управленческой деятельности. Анализ научной литературы, а также практики целевого управления позволяет выделить и рассмотреть шесть групп проблем:

1. Проблемы целевого управления могут быть связаны, прежде всего, с нарушениями технологических требований, относящихся к постановке организационных целей, их обоснованию, согласованию «по вертикали» и «по горизонтали» и т.д. Это – *технологические проблемы*.

2. Целевое управление предусматривает формирование новых организационных структур, их интеграцию в уже существующую систему управления. В этой связи возникают определенные *организационные проблемы*.

3. Успешное достижение поставленных организационных целей возможно при их достаточном ресурсном обеспечении, которого зачастую не хватает, и с этим связаны проблемы *ресурсного обеспечения*.

4. Внедрение и развитие целевого управления связано с формированием не только новых организационных структур, но и адекватного стиля руководства организацией, ее персоналом. Формирование такого стиля, как показывает практика – продолжительный процесс, связанный с осознанием и разрешением соответствующих проблем – проблем *адекватного стиля руководства*.

5. Становление системы целевого управления означает также формирование адекватной структуры социальных отношений, и этот процесс проходит во многих случаях весьма болезненно, затрагивая интересы работников, их социальные позиции (*социальные проблемы*).

6. С социальными проблемами целевого управления тесно связана еще одна проблемная группа – *социально-психологическая*, выражающая возможные отклонения в восприятии персоналом организации целевого управления, недостаточный уровень мотивации для своевременного и качественного выполнения целевых заданий.

В каждую из этих групп входят несколько проблем. В данной статье ставится задача выделения и рассмотрения организационных проблем целевого управления, а также проблем ресурсного обеспечения и адекватного стиля руководства.

Организационные проблемы целевого управления

Проблема инерционности организационных целей. Работники нуждаются в постоянстве связей, норм, требований. Управление также стремится к определенности в устройстве и функционировании своего объекта как к первейшему условию контроля над ним. Устойчивость есть, можно сказать, встроенная цель организации. Цель постоянная, несменяемая. Достижение ее равнозначно приобретению новых ресурсов: преодоление текучести кадров, уменьшение числа реорганизаций, снижение конфликтности. Вместе с тем, достижение устойчивости связано непосредственно с инерционностью организации. Организация неизбежно получает ту или иную степень инерционности, достигая устойчивости. Здесь заложен один из источников ее консерватизма, уклонения от изменений, низкой адаптивности, приспособляемости к меняющимся условиям, к нововведениям. Поэтому преимущества устойчивой системы оборачиваются особыми затратами на преодоление ее инерционности.

Проблема организационного усложнения целевого управления. Эта проблема связана с главными недостатками матричных структур, используемых в целевом управлении – сложностью в административном смысле. В путях «множественного командования» высококвалифицированные специалисты, выполняющие обязанность «руководителей команд», «ответственных исполнителей», вынуждены отдавать больше времени и сил бумажной работе, порожденной планированием и отчетностью внутри матриц [1, с. 8–16].

Обобщение практики целевого управления позволило в свое время сформулировать три обязательных условия внедрения матричных структур [2, с. 101]. Эти условия востребованы и в наши дни:

– одинаковая важность двух или нескольких аспектов организационной деятельности (продуктового, функционального и т.п.), обусловленная воздействием специфических внешних требований;

– информационная перегрузка системы управления, вызываемая сложностью продукции, научно-технической и рыночной неопределенностью ее создания и другими факторами;

– острый дефицит квалифицированных специалистов, потребность в которых возникает попеременно в разное время и на разных участках работы.

Был даже сделан вывод, что пока не присутствуют все эти три условия, применение матричных структур почти определенно будет излишним усложнением. Наукоемкость и трудоемкость целевых проектов, вызывающих необходимость более полной загрузки и переброски высококвалифицированных специалистов с одного участка на другой, практически оказывались решающими аргументами в пользу применения матричных систем управления в наиболее развитых формах [2, с. 101].

Как утверждают известные специалисты [3], матричная организация практически всегда теряет склонность к нововведениям и зачастую очень скоро. Она испытывает особые трудности с соблюдением основных принципов (структура власти чрезвычайно слаба). К тому же она постоянно вырождается в анархию и быстро становится бюрократической и нетворческой. Долгосрочный курс развития при матричной организации обычно остается неопределенным.

Проблема «обюрокращения» целевого управления. Данная проблема выражается в «забывчивости» системы управления, т.е. в ситуации, когда на каком-то этапе своего развития система управления начинает утрачивать связь с реальными проблемами, для решения которых она создавалась. Такая связь чаще всего эфемерна и обычно никак не учитывается при создании системы – корректном определении её функций, структуры, границ и т.д., что, в свою очередь, приводит к неэффективности затрачиваемых ресурсов.

Проблема «обюрокращения» целевого управления обостряется распространённой практикой административного нажима. Региональные власти требуют, чтобы во всех муниципальных образованиях и в кратчайший срок разработали по несколько целевых программ. Само по себе обращение региональных властей к целевому управлению нужно только поддержать. Однако бюрократические формы, в которые выливается этот интерес, ведут только к дискредитации метода. Программы составляют, идя по протоптанному пути: несколько человек составляют список нескольких десятков мероприятий, в основном из оргтехпланов, и объявляют его целевой программой. Такой подход фальсифицирует и дискредитирует прогрессивную систему управления.

Проблема самоусиления частных (функциональных) целей. Создание специальных служб, подразделений, должностей по поддержанию и сохранению организационной системы сопровождается приданием им контрольных полномочий. Не включенные в реализацию производственных целей организации такие службы нуждаются в повышении самоутверждения, стремятся усилить свое влияние. Отсюда известная вероятность ослабления целей системы, что приводит к организационной стагнации.

Имеются, на наш взгляд, два пути развития организационных структур. Условно их можно назвать аккумулятивным и ротационным. Первый путь характеризуется экстенсивным расширением (накоплением) управленческих функций и соответствующим расширением организационной структуры: чем больше появляется функций, тем более расширенной становится организационная структура. Причем в этом наборе функций оказываются и прямые, и косвенные, необходимые и случайные, нужные и ненужные и т.д. Периодически происходит «перетряхивание» функций и соответствующее обновление (как правило, сокращение) штатной численности. Ротационный путь развития, в отличие от предыдущего, выражается в постоянной ротации, т.е. замещении и обновлении организационно-управленческих функций. Изменение внутренней и внешней среды организации приводит к тому, что одни функции отпадают, вторые – ви-

доизменяются, третьи – появляются заново. Эта непрерывная функциональная «чехарда» требует от специалистов и управленческих кадров готовности к постоянным изменениям, перехода от исполнения одних функций к исполнению других, способности опережающего отражения потенциальных изменений в среде и соответствующего им функционального изменения управленческой деятельности.

Сказанное отнюдь не умаляет важного значения организационных структур для обеспечения управленческого процесса и, тем более, в ситуации, когда этих структур еще нет и их необходимо формировать. Такие структуры, безусловно, должны быть, но структуры – гибкие, многофункциональные, оперативно реагирующие на изменение целей и функций организации.

Проблемы ресурсного обеспечения целевого управления

Проблема неготовности руководителя обеспечивать необходимые ресурсы, например, добиваться хорошей работы смежных служб, влияющих на результаты работы исполнителя, лишённого каких-либо рычагов влияния на эти службы. Встречаются ошибки при определении ресурсов и полномочий, необходимых для выполнения задачи. Ошибки такого рода легко исправляются в ходе промежуточного контроля, когда и руководитель, и его подчиненный начинают более полно и ясно видеть реальную картину всех условий, от которых зависит достижение результата.

Проблема отсутствия в организации достаточной информационной открытости и прозрачности. Информированность участников целевого управления о стратегических целях, о текущей ситуации в организации и во внешней среде имеет принципиальное значение для успешности работы организации. Основным смыслом целевого управления – повышение маневренности организации. Если корректировка целей, «сверка часов» между руководителем и подчиненными в условиях недостаточной информированности будет происходить строго по регламенту и исключительно в моменты промежуточного контроля, то, во-первых, действия отдельных сотрудников, получивших в качестве заданной различные части задачи руководителя, станут негибкими и несоординированными. Каждый будет концентрироваться на своей задаче без «привязки к местности», не ориентируясь на смысл и место этой задачи в общем движении организации. В результате действия отдельных людей утратят слаженность, а вектор движения организации к ее целям начнет размываться. Во-вторых, подобная ситуация делает сотрудников слепыми и глухими не только друг к другу, но и к внешнему окружению. Соответственно, активность организации также утратит гибкость: организация не сможет реагировать на значимые изменения и события, если они будут происходить в промежутках между «контрольными точками».

Проблемы неадекватного стиля руководства

Проблема неготовности руководителя организации соблюдать выработанные и согласованные условия. Например, при резком росте производительности исполнения – заранее оговоренное вознаграждение может быть уменьшено задним числом. Случаи грубого нарушения «правил игры» руководителями ведут к дискредитации целевого управления как управленческого инструмента. Иногда такие нарушения могут быть вызваны не произволом руководства, а объективными обстоятельствами. В этом случае одно из возможных направлений профилактики – тщательная проработка мотивационной части целевого управления, ее соотнесение с финансовыми возможностями и планами организации, рассмотрение разных сценариев и принятие мер по управлению соответствующими рисками.

Проблема неадекватного стиля руководства. Эта проблема связана, в частности, с неспособностью руководителей перейти от авторитарного способа постановки задач подчиненному к согласованию с ним этих задач, необходимых ресурсов и сроков. Прямым следствием этой неспособности становятся нередко «игра в согласование» и формальное принятие задачи подчиненными. Один из путей решения проблемы – посредническая работа консультанта, который может выступить в процессе согласования связующим звеном между руководителем и его подчиненным.

Проблема неэффективного управленческого контроля. Эта проблема проявляется в неспособности руководителей осуществлять систематический контроль выполнения плановых заданий их подчиненными. Система целевого управления требует систематического, «железного» контроля, с неукоснительным соблюдением ранее установленных сроков. Контроль, особенно промежуточный, выполняется в данном случае не только «мобилизационную» функцию, но и позволяет руководителю вовремя корректировать действия подчиненных в соответствии с текущей ситуацией. Как это ни странно, во многих органах муниципальной власти отсутствует регулярный контроль руководителями работы подчиненных. Один из возможных, хотя и не всегда срабатывающий, способ решения проблемы состоит в том, чтобы возложить технические аспекты контроля на секретариат, помощников руководителей или административное подразделение.

Таким образом, в группе организационных проблем целевого управления следует принять во внимание проблемы инерционности организационных целей, организационного усложнения целевого управления, «бюрократизации» целевого управления, самоусиления частных (функциональных) целей. Оптимизация ресурсного обеспечения целевого управления предусматривает разрешение проблем неготовности руководителя обеспечить необходимые ресурсы, отсутствия в организации достаточной информационной открытости и прозрачности. Совершенствование стиля руководства в условиях целевого управления предполагает, прежде всего, повышение готовности руководителей к соблюдению выработанных и согласованных условий, осуществлению эффективного управленческого контроля.

Библиографический список:

1. *Махотаева М.* Целевое управление социально-экономическими системами // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 12.
2. Клуб директоров: опыт программно-целевого управления предприятиями. М.: Экономика, 1989.
3. *Питерс Т., Уотермен Р.* В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). М.: Прогресс, 1986.
4. *Боженев С. А.* Особенности целевого управления в органах муниципальной власти // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 8.
5. *Боженев С. А.* Особенности целевого управления организацией // Вестник Тамбовского государственного университета. 2012. № 2.
6. *Данакин Н. С., Маттейс О. В.* Совершенствование целевого управления в органах муниципальной власти: социальные аспекты. Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2012.

Ю. А. Голикова

Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения, профессор кафедры «Экономика и менеджмент в строительстве», доктор экономических наук (190031, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, д. 9; тел.: (8212) 457-85-05; kafedra-ems@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОРПОРАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Современная экономика характеризуется активными экономическими реформами, а также формированием и развитием рыночных отношений и институтов. Ключевую роль в этом процессе играет предпринимательство как особый вид экономической активности, целесообразная деятельность, направленная на извлечение прибыли, основанная на инициативе, ответственности и инновационности. Типичным для современного состояния рыночной экономики является развитие разнообразных форм предпринимательства, где ведущая роль принадлежит организациям корпоративного типа и их объединениям.

корпорации; ТНК; дивестиции; стратегическое планирование

Циклический характер развития мировой хозяйственной системы, последствия экономического и финансового кризиса вызвали значительные изменения во всех сферах предпринимательской деятельности, в том числе и в корпоративном секторе мировой экономики. Наиболее жизнеспособными оказались компании, функционирующие в различных интеграционных формах предпринимательства. Кризисные процессы усилили конкурентную борьбу и активизировали процессы создания и уничтожения разнообразных интеграционных форм. В результате конкуренции, очевидно, выживут те, которые смогут выработать наилучшую систему адаптации к изменившейся экономической среде и тем самым обеспечить достаточную для выживания и развития эффективность и устойчивость. Мощные интеграционные объединения становятся реальным залогом стабильности национальной экономики в условиях кризиса.

В условиях динамично развивающегося рынка обостряющейся конкурентной борьбы оказывается, что кооперация и сотрудничество дают предпринимательским структурам более весомые стратегические преимущества, чем сама конкурентная борьба. В связи с этим многими из них осознается необходимость межфирменной интеграции, от формирования корпоративных структур до вхождения в различные объединения и альянсы, в частности, и в международные.

В мировой практике сложились разнообразные типы интеграции компаний, при этом постоянно происходит расширение многообразия форм их объединения, характер взаимосвязей между ними становится все более сложным и весьма тонким, учитывая и возможность последующей кооперации интегрированных структур. При этом важнейшей составной частью интеграционных процессов на уровне предпринимательских структур становится их транснационализация и интеграция в международное бизнес-пространство.

При проектировании корпоративного объединения и в целях достижения эффективности интеграции необходимо учитывать следующие важные моменты:

рациональный выбор партнера; реализм в выборе и постановке целей; готовность и способность к эффективной организации сотрудничества и компромиссу, обеспечение равноправия участников интеграционного объединения; обеспечение стыковки между партнерами в области использования человеческого фактора.

Научный интерес вызывают исследования факторов-условий, определяющих эффективность деятельности интегрированных корпораций (П. Бакли, Ф. Бидо, И. Доз, Д. Кей, Т. Каммингс, Т. Левитт, П. Лоранж, Д. Моуэри, М. Портер, Э. Рул, П. Тернбулл, Д. Тис, Г. Хэмел и др.), однако, в силу отсутствия унифицированного подхода к определению набора этих факторов, считаем возможным выделить следующий перечень базисных факторов, обуславливающих эффективность интегрированных корпораций (см. табл. 1):

Таблица 1

Базисные факторы обеспечения эффективности функционирования интегрированных корпораций [3]

Внешние факторы	Внутренние факторы
1. Благоприятная экономическая и политическая среда для организации совместного бизнеса	1. Наличие общего понимания сущности интеграции, как формы взаимовыгодного партнерства
2. Наличие совокупности схожих условий, единого экономического пространства в странах базирования интегрирующихся компаний	2. Способность и склонность менеджмента к первичному контакту, проведению переговоров с потенциальными партнерами
3. Существование специального, (непротиворечивого) регулирующего корпоративного законодательства	3. Качество и корректность юридических процедур по оформлению создания интегрированной корпорации
4. Наличие общих стандартов, подходов по отношению к защите бизнеса и ответственности за его добросовестное ведение	4. Качество проектирования целей и программ совместной деятельности в рамках интегрированного образования
5. Позитивная практика взаимодействия бизнесов государств объединяющихся компаний	5. Высокий уровень стратегической гибкости и адаптивности участников
6. Территориальная, социокультурная близость стран базирования предприятий-партнеров	6. Способность менеджмента реализовать систему управленческого сопровождения совместных программ

Формирование оптимальных условий организации и управления корпорациями, а также обеспечение их эффективной интеграции возможно при наличии следующих институциональных особенностей: спецификация права собственности на акционерный капитал; формализация и государственный контроль соблюдения правил корпоративного поведения в отношении между держателями корпоративных интересов; установление и развитие внутрикорпоративной организации системы идеалов, ценностей, духовных традиций, неформальных норм и правил поведения – корпоративная культура.

В современной практике существуют многочисленные организационные формы развития и объединения корпоративных образований; с целью детализации характеристик, выявления особенностей, преимуществ и недостатков которых были выделены следующие признаки: цель объединения, степень самостоятельности и характер отношений между участниками, характер экономической деятельности и финансовой основы формирования и функционирования корпоративного образования. В рамках известных организационных форм по признаку общности выделяются следующие группы (см. табл. 2).

Конец 1990-х годов характеризовался небывалой активностью в области корпоративных слияний и поглощений (M&A), обусловленной технологическими и экономическими изменениями конца XX в. Технологический прорыв в сфере телекоммуникаций, дерегуляция национальных рынков создали принципиально новую среду ведения бизнеса.

Таблица 2

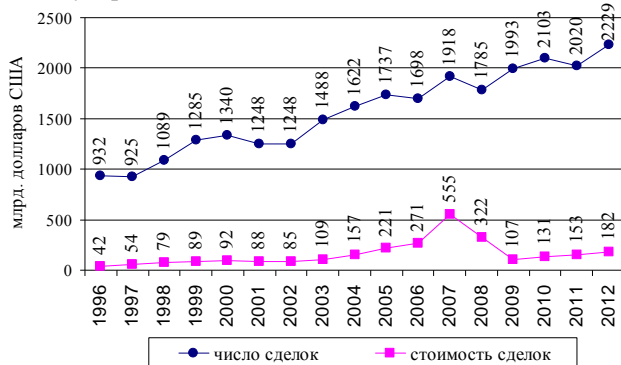
Основные классификационные группы организационных форм корпоративных образований [3]

Критерий группировки	Организационная форма
Первая группа объединение независимых участников – самостоятельность деятельности, автономность всех прав и обязанностей участников объединения; структура симметрична	лига, гильдия, общество, палата, коллегия, союз, картель, консорциум, ассоциация, конгломерат, сетевая организация
Вторая группа объединение частично зависимых организаций – участники взаимодействуют в неполном объеме деятельности, по отдельным направлениям, сохраняют автономию в управлении; структура симметрична	пул, синдикат, корнер, кластер, альянс, финансово-промышленная группа
Третья группа объединение зависимых друг от друга участников с передачей части функций управления от одних другим; структура не симметрична	трест, концерн, комбинат, комплекс

Рынок международных слияний и поглощений в последние годы вырос в разы. Если в 1996 г. его объем составлял лишь 42 млрд. долларов, то к 2007 г. объем рынка достиг 5,55 трлн. долларов и, несмотря на незначительное сокращение в последующие годы продолжает стремительно развиваться. Свидетельством роли и масштабности корпоративной интеграции является позитивная динамика сделок по слияниям и поглощениям (M&A) с 1996 по 2012 гг. (см. рис. 1).

Рисунок 1

Международные слияния и поглощения в 1996–2012 гг. [9]

Наибольшее распространение сделки по слияниям и поглощениям получили в нефтегазовом секторе, химической, автомобильной и фармацевтической промышленности, банковском и телекоммуникационном секторах, в энергетике. В качестве общих факторов роста активизации слияний и поглощений специалисты отмечают продолжающийся процесс концентрации капитала и растущую глобализацию деятельности компаний, либерализацию доступа на национальные рынки. Все указанные факторы способствуют более свободному движению инвестиционных потоков и одновременно улучшают показатели деятельности ТНК (см. табл. 3).

Таблица 3

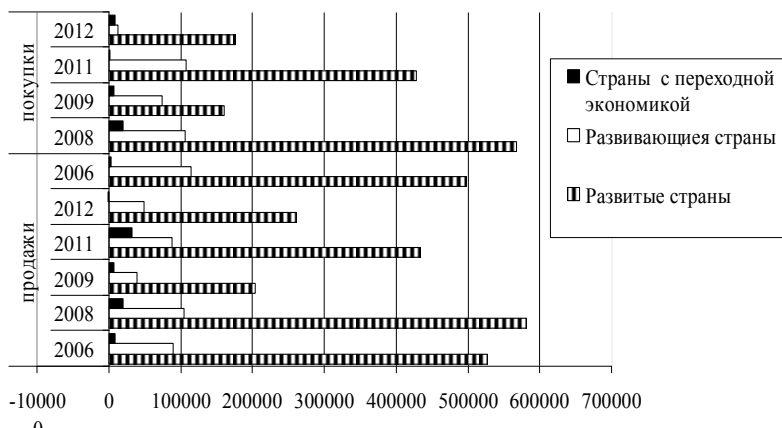
**Показатели деятельности крупнейших ТНК в 2010–2012 гг.
(в млрд. долларов США) [9]**

Показатели зарубежной деятельности ТНК	100 крупнейших в мире ТНК			100 крупнейших ТНК из развивающихся стран и стран с переходной экономикой	
	2010	2011	2012	2010	2011
активы (млрд. долл.)	11937	12531	12842	4311	4882
продажи (млрд. долл.)	7723	8827	8727	2918	3481

Традиционно, увеличение рынка по слияниям и поглощения (за исключением кризисных 2008, 2009 гг.) обеспечивается большей частью за счет деятельности крупнейших, глобальных ТНК развитых стран и в меньшей степени компаниями из развивающихся стран (см. рис. 2).

Рисунок 2

Объем продаж рынка слияний и поглощений по регионам (экономикам) с 2006 по 2012 гг. (млн. долларов США) [9]

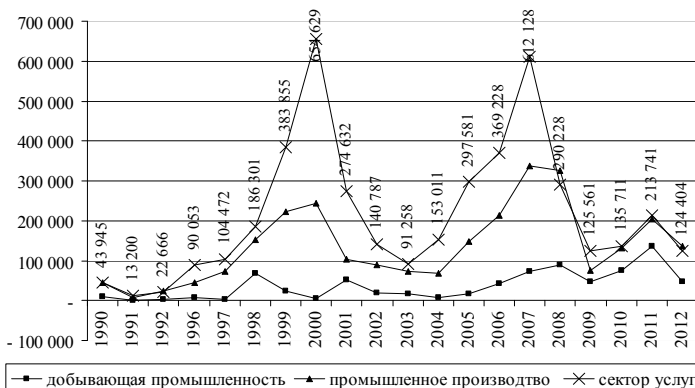

Тем не менее, последние годы отмечается активизация деятельности международных корпораций, чьи материнские компании расположены в Китае, Сингапуре, Таиланде, Малайзии, Индии и России.

Отраслевой анализ сделок по слияниям и поглощениям выявил преобладающую долю сектора услуг, в большей степени финансовой сферы, где суммы сделок здесь достигали порядка 74 % всех инвестиций. С 2011 г. количество и стоимость сделок по слиянию и поглощению в горной и нефтяной промышленности в некоторой степени выросли, но с другой стороны, в сфере производства продуктов питания, напитков, а также табачной промышленности значение сделок по слияниям и поглощения упало до низшего уровня и составило менее 1 % от общего объема частных инвестиций (в сравнении с 10% в 2011 г.) (см. рис. 3)

Рисунок 3

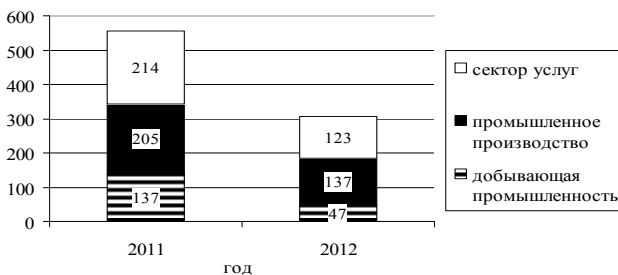
Объем продаж рынка слияний и поглощений по секторам экономики с 1990 по 2012 гг. (млн. долларов США) [9]

Несмотря на сохранившиеся отраслевые пропорции, произошло существенное сокращение рынка в 2012 г. по сравнению с 2011 г., в частности объем слияний и поглощений в секторе услуг снизился на 44%, в сфере производства – на 37% и в области добывающей промышленности – на 66% (см. рис. 4).

Рисунок 4

Динамика трансграничных слияний и поглощений по секторам экономики в 2011 – 2012 гг. (млрд. долларов США) [9]

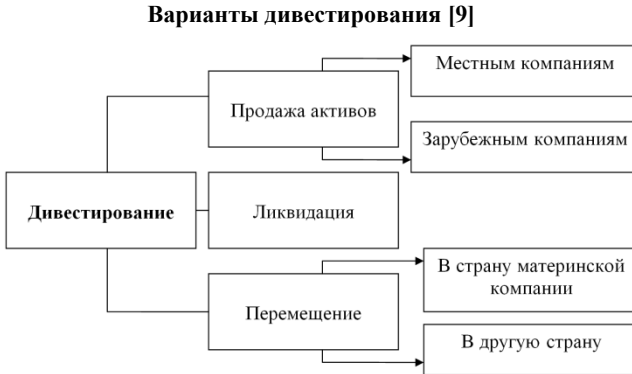

Согласно последним исследованиям UNCTAD, около половины ТНК настроены на благоприятный инвестиционный климат в среднесрочной перспективе, краткосрочные планы варьируются в зависимости от сектора экономики и вида деятельности компаний. ТНК, занятые в производстве кожи, керамики и стекла, а также занимающиеся металлообработкой и функционирующие в секторе транспортных услуг демонстрируют снижение инвестиционной активности в краткосрочной перспективе. Однако более половины ТНК настроены оптимистично, склонны к улучшению общемирового инвестиционного климата и планируют значительное увеличение инвестиционного бюджета к 2015 г.

Стоит отметить, что снижение общего объема прямых иностранных инвестиций ведет к нежеланию реализации и снижению числа глобальных инвести-

ционных проектов со стороны ТНК, а также определяет тенденцию к дивестированию корпоративного (акционерного) капитала (выделению, выведению бизнеса (активов) за корпоративные границы, либо выделение, выведение инвестиций, см. рис. 5).

Рисунок 5

В ряде случаев процесс дивестирования рассматривается как вынужденный перенос ряда операций ТНК в другие страны, вызванный местными изменениями спроса, предложения или уровня конкуренции. В этом случае ТНК может вывести часть операций, перенести дочерние компании или филиалы в третью страну или в страну материнской компании (reshoring). ТНК использует данную стратегию в случаях, если издержки производственного процесса за пределами страны базирования материнской компании становятся слишком высокими или территориальный разрыв между материнской и дочерними компаниями невыгоден.

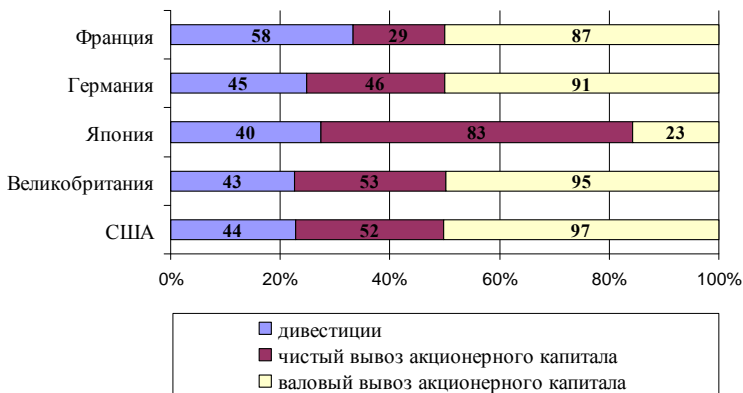
На текущий момент дивестирование является частью международного стратегического плана деятельности ТНК, определяет позицию компании в отношении принятия решений по размещению активов и выбора определенных видов деятельности. Дивестирование также может быть реализовано следующими путями: полной или частичной продажей материнской компанией зарубежных аффилированных компаний другим местным компаниям или находящимся в третьих странах; путем сокращения инвестиций со стороны материнской компании; а также в случае полного завершения деятельности и ликвидации зарубежного филиала.

Дивестирование является частью финансово-хозяйственного планирования деятельности ТНК. Когда деятельность в принимающей стране затруднена или прекращена, существует возможность переноса зарубежных филиалов в страну базирования материнской компании или их перепродажи третьей компании (nearshoring).

Статистическая информация в сфере дивестиций достаточно скудна, что свидетельствует о не столь сильной масштабности данного феномена, однако ряд стран, среди которых Франция, Германия, Великобритания и США находятся в числе немногих стран, ведущих учет статистики по дивестициям, рассматривая их как часть информационной базы данных по прямым иностранным инвестициям. Примечательно, что в этих странах масштаб дивестирования значителен, варьируется от 1/3 в Японии до 2/3 во Франции от общего объема вывоза акционерного капитала в 2011 г. (см. рис. 6).

Рисунок 6

Соотношение объемов дивестиций и валового вывоза акционерного капитала в 2011 г. (млрд. долларов США) [10]

К примеру, в Великобритании валовой вывоз акционерного капитала в 2011 г. составил 95 млрд. долларов, тогда как объем дивестиций был равен 43 млрд. долларов, что означает, что чистый вывоз акционерного капитала составил лишь 53 млрд. долларов.

Стоит отметить, что масштаб дивестиций постоянно меняется, в зависимости от циклов деловой активности, корпоративных стратегий и состояния деловой среды. Например, за период с 2000 г. по 2010 г. разрыв между валовым вывозом акционерного капитала и объемами дивестиций составлял всего 39,9 %, что много меньше значения 2011 г. (67%).

Решение о переносе аффилированных компаний может быть вызвано особенностями местоположения. К примеру, большинством американских ТНК было принято решение о переносе ряда зарубежных филиалов в силу проявления следующих тенденций: рост оплаты труда в развивающихся странах, слабость доллара, технологические достижения (стереоскопическая печать), снижение цен на энергоносители (использование сланцевого газа). Все упомянутые факторы усилили конкурентоспособность американской промышленности. В целом, однако, причины дивестирования и, в частности, перемещения зарубежных филиалов более просты, скромны и соответствуют общим тенденциям развития современной мировой экономики, а также глобальной и региональной стратегической деятельности крупнейших ТНК.

Ключевыми особенностями современных корпоративных отношений являются невозможность их прогнозирования традиционными инструментами и неопределенность воздействия на компанию. Это определяется вполне объективными закономерностями и предпосылками развития мировой экономики, среди которых: увеличение населения и изменение характеристик населения как экономических агентов и как элементов взаимодействия в социуме; взрывное увеличение количества различных участников социально-экономических отношений; изменение значимости отдельных ресурсов; либерализация экономической жизни; развитие информационных технологий и новые научные открытия – все это обуславливает и делает особенно значимым необходимость изменений в системе корпоративного управления и контроля. В складывающихся обстоятельствах стоит особенно тщательно отслеживать и исследовать изменения среды, прогнозировать появление новых возможностей, новых участников, новых по-

требностей, влиять на их появление, формировать ожидания участников корпоративных отношений, формировать внутреннюю среду компании, которая обеспечит соответствующее поведение отдельных участников.

Современная корпоративная среда – среда, в которой проявляется вероятностный характер взаимодействия различных участников корпоративных отношений. Она характеризуется множеством участников с неопределенными и динамично меняющимися особенностями. Все это определяет совершенно новые возможности, но в то же время требует использования соответствующих механизмов и принципов управления, требует изменения и уровня подготовки специалистов, занятых в процессе корпоративного управления и контроля, необходимы новые знания, умения.

Библиографический список:

1. Голикова Ю. А. Организационно-исторический аспект становления корпораций в мировом хозяйстве: Монография. Хабаровск: Изд-во РИЦ ХГАЭП, 2010.

2. Голикова Ю. А. Интеграция и регулирование деятельности корпораций в обеспечении экономической безопасности: Монография. Хабаровск: Изд-во РИЦ ХГАЭП, 2010.

3. Голикова Ю. А. Корпоративные образования в промышленности в условиях экономической интеграции: теория и методология: Дис. ... д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 2012.

4. Информационное агентство АК&М // <http://www.akm.ru>

5. Леонтьев Р. Г., Голикова Ю. А. Генезис корпораций: Монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2006.

6. Московский общественный научный фонд. АНО «Проекты для будущего: научные и образовательные технологии». Интеграционные процессы, корпоративное управление и менеджмент в российских компаниях // <http://www.mpsf.org>

7. Оценочная практика Грант Торнтон в России (ЗАО «РОССИЙСКАЯ ОЦЕНКА») // <http://www.rosocenka.com/>

9. UNCTAD. World Investment Report. Global value chains: investment and trade for development. 2013 // <http://www.unctad.org>

10. UNCTAD. Handbook of Statistics 2012 // <http://www.unctad.org>

11. United Nations Organization. World Economic Situation Prospects. 2014 // <http://www.un.org/>

С. А. Горячий

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Институт холода и биотехнологий, ассистент кафедры экономической теории и экономической политики, аспирант (191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 9; тел.: (812) 315-36-17; org@mail.ifmo.ru)

КОНЦЕССИЯ КАК ФОРМА УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В статье представлен сравнительный анализ концессионных практик как контрактов в рамках экономической теории трансакционных издержек. Рассмотрены модели торгов на коммунальную концессию, проводимые по критериям наименьшей цены предоставления услуг и наибольшего размера единовременного платежа, вносимого концессионером, в мировой практике. Выявлены и проанализированы основные проблемы проведения первичных торгов и торгов на продление концессии, предложены пути их решения.

государственно-частное партнёрство; концессия; теория трансакционных издержек; рынок коммунальных услуг

Сегодня, как и десять лет назад, Россия нуждается в эффективных инструментах государственной экономической политики и стоит перед необходимостью диверсификации экономики, потому как мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 году, нанес серьезный удар по практикам применения сырьевой модели экономического развития. В современных условиях добывающая промышленность не только не может обеспечить устойчивый экономический рост, но даже восстановление экономики самих отраслей добывающей промышленности становится затруднительным. Проблема эффективного управления государственной собственностью, как важнейшая составляющая модернизации экономики, становится чрезвычайно актуальной. Одним из наиболее перспективных подходов в ее решении может быть использование институтов государственно-частного партнёрства (ГЧП).

На сегодняшний день в мировой практике наиболее распространённой формой ГЧП является концессия. В ряде стран на неё приходится около 80% партнёрств [1, с. 49]. Концессии широко применяются в различных секторах экономики, от транспортной инфраструктуры до медицинских и образовательных учреждений. Из всех форм ГЧП концессия также имеет и самую длительную историю применения, которая превышает 350 лет. Тем не менее, распространённая, и вполне успешная, практика концессионных соглашений, не имеет соответствующего теоретического обоснования ни в основных направлениях экономической мысли прошлого, ни в более современных экономических теориях. Поэтому в настоящее время имеет смысл вновь обратиться как к разнообразному историческому опыту, так и современным теоретическим инструментам, с целью изучения взаимодействия государства и частного сектора, что будет способствовать лучшему пониманию экономической природы концессии и определению перспективы её дальнейшего развития.

* Работа выполнена при государственной финансовой поддержке ведущих университетов Российской Федерации (субсидия 074-U01)

Отличительной чертой исследования контрактной практики отношений концессионного типа является длительное отсутствие релевантного инструментария для анализа, что естественно проявилось в ограниченности и частичности теоретических положений и выводов [2, с. 322–326].

Так, в рамках неоклассической экономической теории, анализ концессий возможен только с позиции системы целей монополии. Но данный подход, пожалуй, столь же очевиден, как и бесполезен, так как главный вопрос любой нестандартной формы контрактации – вопрос эффективности – оказался бы вне поля исследования. Следовательно, вопрос об эффективности нестандартных форм контрактации должен быть рассмотрен в рамках иных направлений экономической мысли. Актуальным направлением является новая институциональная экономическая теория и ее концепции контрактов и трансакционных издержек.

Если рождение теории трансакционных издержек связывают со статьей Р. Коуза «Природа фирмы» (1937) [3, с. 7–35], то теорию контрактов связывают с именем Дж. Р. Коммонса и его работой «Правовые основания капитализма» (1924) [4]. Важной и более современной составляющей теории трансакционных издержек являются фундаментальные исследования экономических институтов капитализма О. Уильямсона, проводимые им с начала 1960-х по начало 1990-х гг [5].

В рамках настоящего исследования будем исходить из тезиса о минимизации трансакционных издержек, как основной цели и результата функционировании фирмы, будет предпринята попытка объяснения концессионных соглашений, как нестандартной формы контрактации, с позиций эффективности, на основании анализа атрибутов трансакции, как специфичность активов, неопределённость и частота трансакций.

Расцвет концессионной практики начался в конце 1980-х годов. В настоящее время концессия является важнейшим механизмом государственно-частного партнёрства (ГЧП). Институциональная теория ГЧП базируется на ряде либерально-консервативных доктрин, как тетчеризм и рейганомика, а также программах административно-финансовых реформ, проводившихся в Японии и ряде стран Латинской Америки. ГЧП формирует новый инструментарий государственной экономической политики по реализации общественно важных проектов и программ и предоставлению общественных благ, посредством создания институционального альянса государства и бизнеса, на взаимовыгодной основе. Концессия, как форма ГЧП, получила широкое распространение в сфере генерации и дистрибуции воды, газа, электрической и тепловой энергии, то есть в отраслях коммунального сектора традиционно относящихся к естественным монополиям.

Деятельность естественных монополий затрагивает широкие слои населения и непосредственно связана с эффективностью государства. Вместе с тем сектор коммунальных услуг имеет ряд важных особенностей:

- 1) формирует производственную инфраструктуру;
- 2) является системообразующим фактором бытового комфорта, а значит и фактором социальной стабильности.

В совокупности данные факторы превращают коммунальную инфраструктуру в лимитирующий фактор экономического роста. Таким образом, эффективное управление сектором должно отвечать требованиям надёжности, технико-технологической эффективности, а ценовая политика должна адекватно соотноситься с уровнем доходов населения и природно-географическими условиями производства.

Традиционно существовало три варианта решения проблемы технологической монополии: частная нерегулируемая монополия; частная регулируемая монополия; непосредственная хозяйственная деятельность государства [6]. Следует заметить, что при прочих равных условиях, государство не склонно к созданию частных нерегулируемых монополий, особенно в отраслях, где производятся общественные блага. Эффективность прямой хозяйственной деятельности государства сильно зависит от эффективности государственного аппарата в целом, от степени развития институтов гражданского общества, системы противодействия коррупции и других факторов неэкономического характера. Вместе с тем, в условиях наличия существенной технико-технологической отсталости сектора коммунальных услуг и отсутствия необходимых ресурсов для модернизации, участие частного бизнеса становится безальтернативным. Однако, создание частной регулируемой монополии, несмотря на наличие привлекательного сочетания сильных стимулов к инновациям и производственной эффективности с возможностью государственного регулирования, сопряжено с проблемами отношенческой контрактации – ограниченной рациональности и оппортунизма.

Четвёртый способ решения проблемы технологической монополии был разработан выдающимися представителями Чикагской школы – Демсецем, Стиглером и Познером [5, с. 517], которые выдвинули тезис об эффективности передачи прав на естественную монополию посредством франчайзинга, осуществляемого на основе торгов, в результате которых монополия франшиза отходит фирме, предложившей наименьшую цену на поставляемый продукт.

Критический анализ торгов за франшизу на естественную монополию, проведённый Уильямсоном, выявил ключевые достоинства и недостатки данной контрактной практики с позиции экономической теории транзакционных издержек [5, с. 518–519]. Франшизы на естественные монополии имели определённое распространение в США, однако позднее были вытеснены концессиями. Концессия и франчайзинг имеют существенное сходство, следовательно, многие проблемы, отмеченные Уильямсоном, будут справедливы и при рассмотрении концессии.

Торги на коммунальные концессии могут организовываться по двум основным критериям: наименьшая цена предоставления услуг; наибольший размер единовременного платежа, вносимого концессионером.

Модель распределения концессий на основе критерия наименьшей цены предоставления услуг в основном применяется в тех случаях, когда существующие цены на продукт естественной монополии включают стоимость чистых потерь продукта в результате технико-технологической неэффективности производства, и могут быть снижены в результате реструктуризации и (или) модернизации инженерно-технической инфраструктуры производства.

Так одна из самых удачных концессий в водоснабжении и канализации реализована в Буэнос-Айресе. Договор был подписан в декабре 1992 года. До заключения договора отрасли ЖКХ находились в ведении министерства экономики и общественных работ Аргентины. В период с 1987 по 1991 год среднегодовой прирост инвестиций составлял около 11 млн. долл., что не покрывало выбытия основных фондов. По условиям объявленного международного тендера концессия доставалась тому, кто предложил бы наибольшее снижение тарифов. В итоге тендер выиграл консорциум Aguas Argentinas (AA), возглавляемый французской компанией Lyonnaise des Eaux-Dumez, предложивший сократить тарифы на 26,9%. В последующие шесть лет концессионер ежегодно вкладывал в строительство и модернизацию более 200 млн. долл. (в постоянных ценах 1996 года). Производительность труда была удвоена. Концессия по снабжению водой

охватывала территорию, на которой проживало 70% населения города, по канализации – 58%. В короткие сроки были построены новые линии, подключены новые потребители. Качественно возросли показатели эффективности. Потребители получили существенное снижение тарифов и расширение самой сети водоснабжения и канализации.

Аналогичный проект был реализован в 1999 году в городе Монтериа в Колумбии, с численностью населения примерно 300 тысяч жителей. Водоснабжение и канализация города были переданы в концессию на 20 лет испанскому консорциуму FCC, частично принадлежащему французскому конгломерату Vivendi, крупнейшему в мире оператору в сфере ЖКХ. Консорциум получил концессию в результате международного тендера, предложив тариф на свои услуги на 18% ниже конкурентов [7].

Проблемой торгов, основанных на наименьшей цене предоставления услуг, является неполнота данного критерия. Ей свойственна вечная дилемма соотношения цена-качество и определение потребительских предпочтений. Однако при рассмотрении коммунальных концессий данная проблема значительно нивелирована наличием жёстких нормативов качества предоставляемых услуг.

Критерий наибольшего единовременного платежа был использован в торгах на управление системами водоснабжения Essam в Чили в 2001 году. Обладателем 30-летней концессии оказалась компания RWE's Thames Water. В тендере принимали участие 12 компаний. RWE's Thames Water одержала победу, предложив 171 млн. долларов США. Концессия, распределяемая на основе критерия наибольшего единовременного платежа, способствует эффективной капитализации монопольных прибылей, посредством назначения монопольных цен. Что и произошло в Чили, когда посредством торгов на коммунальные концессии несколько компаний, включая указанную выше RWE's Thames Water, создали устойчивую олигополию [7].

Обе модели организации торгов сильно зависят от степени коррумпированности органов государственной власти. Так в сентябре 1999 года компания Aguas del Tunari, консорциум, во главе International Water Limited (IWL), заключил концессионное соглашение в отношении систем водоснабжения и канализации города Кочабамба (Боливия), сроком на 40 лет. Процедура вызвала серьёзную критику, так как компания оказалась единственным участником торгов, что объяснялось наличием сильных личных связей между концессионером и ответственными чиновниками [7].

Концессионные соглашения также характеризуется длительным сроком. Очевидной причиной долгосрочности является обеспечение поставщика необходимыми стимулами для создания и воспроизводства долгосрочных активов. Вместе с тем длительный срок ведёт к тому, что контракт будет неполным, так как учёт всех возможных факторов, способных оказать влияние на содержание контрактных обязательств на период в несколько десятилетий является просто невозможным. Таким образом, подразумевается, что в спорных ситуациях участники соглашения будут исходить из стремления максимизировать общий результат. Однако на практике будут наличествовать все сложности отношенческой контрактации, подразумевающие учёт ограниченной рациональности и оппортунизма.

В частности Уильямсон отмечает, что в случае нарушения поставщиком своих обязательств, государственные органы окажутся перед выбором: сменить поставщика и выслушивать обвинения в совершённых ошибках или идти на компромисс. При прочих равных условиях выбор будет сделан в пользу компромисса [5, с. 531].

Другая важная проблема торгов на коммунальные концессии заключается в организации вторичных торгов, когда приходит время перезаключения контракта. Экономическая теория транзакционных издержек полагает, что условие наличия значительного числа конкурентов в ходе торгов за первичный контракт, в ходе последующих торгов будет, с большой степенью вероятности, нарушено. И причина этого заключается в соответствующих атрибутах транзакции: специфичности активов и отношенческой неопределённости. Инвестиции concessionера в транзакционно-специфические активы, в совокупности с опытом политического маневрирования (что, в принципе, тоже можно считать специфическим активом), возникшего в результате длительности концессии и неполноты первоначального контракта, приводят к транзакционно-специфической экономии при взаимодействии concessionера и концедента, и создают контрактную асимметрию между победителем первичных торгов и участниками нового конкурса. Что позволяет раз победившему в конкурсе регулярно осуществлять возобновление контракта.

Например, в Ницце компания *Générale des Eaux* управляет инженерными сетями города с 1864 года, регулярно продляя сроки концессионного соглашения.

В 1902 году власти Валенсии (Испания) передали в концессию системы водоснабжения и водоотведения города компании *Aguas de Valencia (AVSA)*. Срок договора был рассчитан на 99 лет. Компания благополучно управляла вверенной ей собственностью в течение всего срока договора. И лишь в середине 90-х годов XX века власти города начали подготовку нового тендера. В этот момент *AVSA* (теперь часть международной группы *Cayr-Bouygues*), по совету *Pricewaterhouse* и *Arthur Andersen*, потребовала компенсацию в размере 54 млн. евро за произведённые инвестиции, в случае поражения в тендере. Данное требование было внесено в условия проведения тендера. В итоге компания оказалась единственным участником конкурса и успешно продлила концессионное соглашение ещё на 50 лет.

Проблема организации вторичных торгов на конкурентной основе была признана многими правительствами. Так в 1990-е годы власти Франции значительно изменили концессионное законодательство, что было связано с новой концепцией противодействия коррупции. В 1993 году был принят закон Сапина (*Sapin Law*), допускающий продление старых концессий и заключение новых только посредством победы в тендере. В 1995 году Закон Сапина был интегрирован в закон Барнье (*Barnier Law*), который в частности ограничил максимальный срок концессионного соглашения 20 годами. Изменения в правовом поле должны были внести элементы конкуренции. Как ожидается, следующая корректировка французской модели государственно-частного партнерства в сфере коммунальных услуг произойдёт не раньше 2020 года, когда истекут сроки соответствующих концессионных соглашений [7].

Вместе с тем при наличии серьёзных проблем организации вторичных торгов концессия имеет важное преимущество перед франчайзингом. Право собственности на производственные объекты сохраняется за государством, а процедура их передачи новому concessionеру регламентируется соответствующими правовыми актами. Реализация модели заложника, при которой франчайзиат получает подавляющее дополнительное преимущество над конкурентами, существенно затруднена, хотя и возможна, как мы видели в примере с Валенсийской концессией. Тем не менее, изложенные проблемы не являются непреодолимыми. Проблема цена-качество, лежащая в основе проблемы организации первичных торгов, может быть смягчена ужесточением технического регламента, а развитие информационных технологий позволяет получить более полные данные о состо-

янии спроса и степени удовлетворения потребителей. Сокращение длительности концессионных соглашений, обязательность и прозрачность тендеров призваны смягчить проблемы длительных неполных контрактов, а также значение способности политического маневрирования, как специфического актива действующего концессионера.

Применительно к российской практике необходимо понимать, что успешная модернизация коммунального сектора подразумевает не столько создание эффективной отрасли с высокой нормой доходности, сколько снижение тарифов для населения и предприятий, или, хотя бы существенное замедление темпов их роста. На сегодняшний день доля коммунальных услуг в структуре расходов домохозяйств достигает 50%, и дальнейший рост тарифов является угрозой социальной стабильности общества. В условиях кризиса сырьевой модели развития и, как следствие, падения темпов экономического роста, увеличение доходов домохозяйств крайне маловероятно, следовательно, снижение доли коммунальных расходов возможно за счёт изменения тарифов. Вместе с тем, природно-климатические условия большинства российских промышленных регионов обуславливают значительные расходы предприятий на топливо, электрическую и тепловую энергию, что увеличивает себестоимость производимой продукции и снижает конкурентоспособность российских товаров на мировых рынках. В подобных условиях, критерий наименьшей цены предоставления услуг, при организации тендеров на коммунальную концессию выглядит предпочтительным.

Таким образом, сравнительный институциональный анализ мировой концессионной практики, проводимый на основании экономической теории транзакционных издержек, позволяет уделить должное внимание деталям транзакций, которые необходимо учитывать при выработке эффективной концессионной политики.

Библиографический список:

1. *Линёв И. В.* Концессия как форма государственно-частного партнёрства // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2011. № 2.
2. *Шаниро Н. А., Горячий С. А.* Анализ концессионных практик с точки зрения институциональной теории сделки Дж.Р. Коммонса // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: Материалы третьей Международной конференции / Государственный университет управления / Под ред Клейнера Г. Б. М.: ГУУ, 2013.
3. *Коуз Р.* Природа фирмы // Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007.
4. *Коммонс Дж. Р.* Правовые основания капитализма. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011.
5. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб: Лениздат; CEV Press, 1996.
6. *Фридман М., Фридман Р.* Свобода выбирать. М.: Новое издательство, 2007.
7. *Горячий С. А.* Концессионная модель организации рынка коммунальных услуг // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2012. Вып. № 1 // <http://economics.ihbt.ifmo.ru>

А. В. Палеев

Ростовский государственный экономический университет, аспирант кафедры финансового менеджмента (344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69; тел.: (8863) 263-30-80; main@rsue.ru)

**ФИНАНСИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ
В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ФИНАНСОВОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ**

В статье исследуется финансирование инвестиционных решений в рамках реализации стратегического финансового менеджмента. Определены направления стратегического финансового менеджмента, в числе которых находится инвестиционное проектирование, приведена сравнительная характеристика методов и источников финансирования, выделены стадии финансирования инвестиционного процесса. В результате выявлено, что в современных условиях модернизации организаций, финансирование инвестиционного развития должно обеспечить, динамичный рост их активов.

стратегический финансовый менеджмент; инвестиционные решения; источники финансирования; механизм финансового обеспечения; стадии финансирования

В современных экономических условиях финансовый менеджмент охватывает систему методов, форм и источников финансирования, определение направлений инвестирования для повышения эффективности их использования. Величина финансовых ресурсов определяет возможности развития организации и выступает в качестве основного показателя эффективности финансово-хозяйственной деятельности. Особую актуальность приобретает финансовое обеспечение стратегического финансового менеджмента, поскольку именно финансирование стратегических направлений в конечном счёте определяет долгосрочные перспективы и эффективность функционирования организации в будущем. Количественные и качественные параметры финансового обеспечения выступают в качестве основы, исходя из которой организация позиционирует себя на рынке и может реализовывать инвестиционные идеи в экономическом пространстве. Все это приводит к необходимости выявления особенностей финансирования принимаемых инвестиционных решений в рамках стратегического финансового менеджмента.

Стратегический финансовый менеджмент является интегрирующей подсистемой системы стратегического управления.

Прежде всего, стоит определить, что представляет собой стратегическое управление.

Как отмечает Веснин В. Р., теория стратегического управления зародилась на стыке ряда направлений и школ менеджмента и ознаменовала начало нового этапа его эволюции [2, с. 11].

И. В. Руденко выделяет в качестве основы, отражающей сущность перехода от оперативного управления к стратегическому, перенос центра внимания высшего руководства на внутреннее окружение для своевременного реагирования на непрерывные изменения и неопределенность внешней среды [5, с. 147–150].

Современные ученые и практики имеют различные взгляды на сущность и природу стратегического управления [2, с. 12].

1. Вилен и Хантер считают, что суть стратегического управления – это процесс формирования стратегии, миссии, целей и политики, которые с учетом сильных и слабых сторон определяют развитие.

2. Дж. Пирс и Р. Робертсон полагают, что стратегическое управление сосредоточено на разработке и реализации стратегии, то есть определение миссии, генеральной цели; анализ и прогноз среды и конкуренции; сильных и слабых сторон организации; планирование целей.

3. А. Томпсон и Р. Стрикленд в своей концепции стратегического менеджмента считают план важнейшим фактором в управлении фирмой, направленный на становление ее позиции для удовлетворения потребностей и достижения целей.

4. Минцберг полагает, что стратегическое управление применяется фирмами, готовыми к революционным изменениям с учетом постоянно изменяющейся среды, чтобы в своем развитии реализовать механизм самоопределения.

При этом содержание стратегического финансового управления необходимо отличать от стратегического управления в целом. В современных организациях задачи финансового менеджмента уже не сводятся к грамотному формированию бухгалтерской и налоговой отчетности и своевременному отражению результатов финансово-хозяйственной деятельности организации. Финансовые менеджеры теперь вовлечены во все бизнес-процессы, играют значительную роль в принятии, поддержке и эффективном исполнении стратегических финансовых решений и практических действий по их реализации, направленных на увеличение производительности, сокращение затрат и достижение прибыльности [4, с. 54].

В Российской Федерации практика эффективного менеджмента находится в стадии становления.

Считается, что теоретические основы финансового менеджмента были заложены в работах Г. Марковица, посвященных теории портфеля в середине XX в., где была изложена методология принятия решений инвестирования в финансовые активы [6, с. 7]. Однако, в условиях российской экономики, когда преобладают фондёмкие организации, финансовый менеджмент приобрёл специфические черты, когда упор в большей степени приходится делать на реальные инвестиции и поддерживать способность организаций к функционированию.

Если исследовать финансовый менеджмент с теоретической точки зрения, то следует указать, что он включает область знаний, посвященную методологии и теории управления финансовыми ресурсами компании.

С позиции практики, финансовый менеджмент связан с управлением активами и пассивами и принятием решений инвестирования и финансирования, когда необходимо использование соответствующих приемов управления и учета специфики соответствующего звена финансового рынка. Поэтому финансовый менеджмент можно рассматривать как сложный управленческий комплекс, который включает в себя:

- управление принятием решений инвестирования;
- управление принятием решений финансирования.

Управление финансами осуществляется во времени и поэтому фактор времени влияет на формирование целей и направлений финансового менеджмента.

По временному признаку можно выделить: стратегический, тактический и оперативный финансовый менеджмент.

Стратегический финансовый менеджмент непосредственно связан с управлением инвестициями и включает: отбор критериев принятия инвестиционных решений; выбор наиболее оптимального варианта вложения капитала; определе-

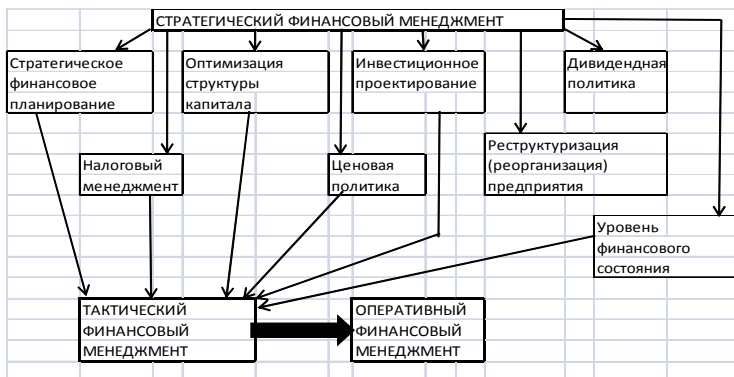
ние источников финансирования; финансовую оценку инвестиционных проектов развития организации.

В свою очередь, тактический и оперативный финансовый менеджмент представляет собой текущее и оперативное управление денежными потоками, посредством формирования текущих и оперативных финансовых планов и контроля за их реализацией.

Выделим основные направления воздействия стратегического финансового менеджмента, а также направления, находящиеся на стыке стратегического и тактического финансового менеджмента, то есть те, которые заложены в финансовой стратегии предприятия, однако могут быть изменены в процессе его деятельности (рис. 1).

Рисунок 1

Направления стратегического финансового менеджмента в системе финансового менеджмента организации

Направления стратегического финансового менеджмента, представленные на рис. 1, нацелены на реализацию долгосрочных перспективных управленческих решений. В частности, стратегическое финансовое планирование формирует долгосрочный план развития организации, исходя из посылов которого, будут разрабатываться инвестиционные решения, экономически обоснованные при осуществлении инвестиционного проектирования. Необходимость финансового обеспечения инвестиционных решений влечёт за собой изменения в структуре капитала и её оптимизацию. Формируя стратегический бизнес-план, разработчик должен учитывать сложившуюся ценовую политику организации и иметь возможности её корректировки, а также выплаты по обязательным платежам и возможности их снижения в рамках законодательно установленных норм. Такие направления стратегического финансового менеджмента как реструктуризация (реорганизация) предприятия и дивидендная политика должны полностью соответствовать общеэкономической стратегии развития предприятия и позволить решить возникающие проблемы привлечения новых инвесторов путём эмиссии акций и сохранения финансового равновесия организации, посредством своевременных изменений в её структуре. Все принимаемые управленческие решения, в результате, отражаются на финансовом состоянии организации, поэтому определённый в стратегическом финансовом менеджменте его уровень является с одной стороны – целевым, к показателям которого следует стремиться, а с

другой стороны – индикатором эффективной реализации уже принятых управленческих решений.

Совокупность финансовых решений, принимаемых в рамках каждого направления стратегического финансового менеджмента формирует цели тактического финансового менеджмента (свои для каждого субъекта хозяйствования), которые в свою очередь оказывают влияние на оперативную финансовую работу.

С позиции расстановки приоритетов среди направлений стратегического финансового менеджмента, считаем целесообразным ориентироваться на общеэкономические задачи на уровне государства, которые сосредоточены в настоящее время на активизации инвестиционной деятельности, и, прежде всего, увеличения капитальных вложений в материальное производство, поскольку состояние материального производства определяет развитие всей экономики, а инвестиции в любой экономической системе являются основой ее развития. К сожалению, именно в этом направлении положение на российских предприятиях наиболее сложное. Многие собственники по-прежнему отдают предпочтение получению прибыли за счет роста цен, нисколько не заботясь о воспроизводстве основных фондов, расширении материальной базы и инвестированию накопленной прибыли.

Замедление стратегического развития российских организаций во многом связано с нехваткой финансирования. Достижение высокой эффективности в долгосрочном периоде – сложная задача. В основе долгосрочной эффективности лежит формирование и достижение адекватных финансовым возможностям организации целей. Основной целью для многих компаний является обеспечение устойчивого роста бизнеса, что предполагает повышенное внимание к факторам, влияющим на расходы и доходы.

Организации с высокими показателями эффективности финансово-хозяйственной и инвестиционной деятельности обеспечивают гибкость всех аспектов коммерческой и производственной деятельности, что позволяет им достигать необходимого уровня конкурентоспособности в области затрат.

Однако использование только затратного подхода в отношении развития российских организаций не может обеспечить высокое качество экономического роста и устойчивую социальную ориентацию экономики. Правительством РФ поставлена задача перехода на инновационное развитие и осуществление модернизации экономики. В этих условиях необходим активный поиск инструментов стимулирования инвестиционной активности организаций, поиск источников финансирования инвестиционной деятельности и при этом обеспечения наиболее эффективного сочетания интересов государства и хозяйствующих субъектов. Финансовое обеспечение инвестиционной деятельности российских организаций является актуальным в настоящее время, поскольку активизация инвестиционного процесса послужит несомненным толчком обеспечения экономического роста. Финансирование инвестиционного развития должно обеспечить, динамичный рост активов организаций. При этом, необходимо на постоянной основе осуществлять оптимизацию затрат по обслуживанию источников финансирования инвестиционных решений и просчитывать риски, связанные с их использованием.

Большинство учёных, а также практика финансирования инвестиций, позволяют выделить в качестве основных методов финансирования инвестиционных проектов такие как самофинансирование, акционирование, кредитное финансирование, лизинг, бюджетное, проектное финансирование, смешанное финансирование.

Методы финансирования включают определённые источники финансирования, которые обладают определенными достоинствами и недостатками (таблица

1). Поэтому реализация любого инвестиционного проекта предполагает обоснование стратегии финансирования, оценку альтернативных методов и источников финансирования, тщательную разработку схемы финансирования.

Форма финансирования реальных инвестиций – это совокупность финансовых решений по формированию механизма, обеспечивающего достаточность источников финансирования для осуществления реального инвестирования. Источники финансирования реальных инвестиций представляют собой совокупность источников формирования инвестиционных ресурсов, обеспечивающих непрерывность и эффективность функционирования и развития предприятия в стратегическом периоде. В современных экономических условиях значительна роль самофинансирования, что связано с оперативностью выделения средств, рациональным их использованием, отсутствием зависимости от других организаций. Под оптимизацией структуры финансового обеспечения инвестиционной деятельности организаций следует понимать процесс нахождения такой его структуры, которая позволит максимизировать рентабельность собственного капитала при приемлемом уровне финансового риска.

Таблица 1

Сравнительная характеристика источников финансирования инвестиционных проектов¹

Источники финансирования	Достоинства	Недостатки
Внутренние источники	Доступность, быстрота мобилизации. Снижение риска неплатежеспособности, банкротства. Более высокая прибыль, в связи с отсутствием выплат за пользование источником. Сохранение собственности и управления за учредителями	Ограниченность объёмов привлечения средств Отвлечение средств из оборота
Внешние источники	Возможность масштабного привлечения средств. Наличие независимого контроля за эффективностью использования инвестиционных ресурсов	Сложность и длительность процедуры привлечения средств. Рост риска неплатежеспособности и банкротства. Снижение прибыли из-за выплат, связанных с обслуживанием кредитных средств Возможная потеря контроля и управления компанией

Ещё одним главным механизмом финансового обеспечения выступает государственно – частное партнёрство (ГЧП). Развитие рынка инвестиционных проектов ГЧП – это механизм, действие которого предполагает существенное повышение эффективности деятельности органов региональной власти и включа-

¹ Составлено автором. Источник данных: Игонина Л. Л. Методы финансирования инвестиционных проектов // Инвестиции. М.: ИНФРА, 2007.

ющий определение спроса на планируемые проекты ГЧП, определение и формирование спроса на выпускаемую ГЧП продукцию, закрепление данных инициатив в контрактах, направленных на развитие инфраструктуры или наукоемкого производства, регулирование хода выполнения этих контрактов, бюджетные субсидии. ГЧП является оптимальной экономической формой организации процесса финансового обеспечения инвестиционных, инновационных, инфраструктурных и индустриальных проектов. В современных экономических условиях ГЧП – это эффективный механизм управления государственной собственностью с участием частного капитала для достижения общественных благ при сохранении прав собственности на объект за государством.

Финансовое обеспечение инвестиционной деятельности – это возобновляющееся, циклическое и постоянно повторяющееся в последовательности циклов движение денежных средств, опосредующих запускаемые проекты в рамках инвестиционного процесса, начиная с их поиска объектов инвестирования и определения источников финансирования, после чего их аккумуляции, структурирования в целевые фонды, и до получения доходов в результате реализации инвестиционных проектов. Весь процесс завершается распределением доходов, одна часть которых компенсирует ранее осуществленное финансирование, а другая образует прибыль, подлежащую дальнейшему распределению, после чего финансовое обеспечение вновь проходит весь обозначенный цикл (рис. 2) [3, с. 274–285].

Рисунок 2

Стадии финансового обеспечения инвестиционного процесса

Таким образом, определение источников финансирования инвестиционной деятельности организаций является одной из важнейших задач инвестиционного развития и достижения поставленных стратегических целей.

Важно обратить внимание на двойственный характер взаимного влияния прибыли как одного из основных собственных источников финансирования инвестиций и непосредственно инвестиций. С одной стороны, прибыль является важнейшим инвестиционным ресурсом, а с другой – ее увеличение связано, как правило, со снижением себестоимости производства, повышением качества продукции и роста объемов производства.

За период с 2008 года по 2012 год включительно на предприятиях увеличивается доля собственного капитала. Финансирование отечественных предпри-

тий происходит не только за счёт собственных средств бизнеса (прибыли и амортизации), но и за счёт бюджетов разных уровней. За I полугодие 2013 года приток инвестиций в основной капитал в текущих ценах за счёт собственных средств значительно замедлился с конца прошлого года.

За анализируемый период наблюдается снижение доли привлечённых средств. В составе и структуре привлечённых средств значительный удельный вес приходится на средства бюджетов разных уровней, а также на финансирование предприятий вышестоящими управляющими структурами. Наименьшая доля привлечённых средств предприятий приходится на средства местных бюджетов, также средства от эмиссий акций. При выборе источников финансирования инвестиционной деятельности вопрос должен решаться организацией с учетом следующих факторов:

- стоимости привлекаемого капитала;
- эффективности его использования;
- соотношения собственного и заемного капиталов, определяющего уровень финансовой независимости организации;
- риска, возникающего при использовании того или иного источника финансирования.

На сегодняшний день, финансовые рынки не могут предложить оптимальные для бизнеса условия финансирования, а большинство организаций не в состоянии уплачивать высокие проценты банков, предоставляемых кредиты, поэтому предприятия должны стремиться к самофинансированию. Тем не менее, финансовое обеспечение инвестиционной деятельности должно формироваться с учётом целей стратегического финансового менеджмента и, таким образом, чтобы не нарушать финансовую устойчивость и сложившуюся на предприятии оптимальную структуру источников финансирования.

Библиографический список:

1. *Игонина Л. Л.* Методы финансирования инвестиционных проектов. Инвестиции; ИНФРА–М, 2007.
2. *Овчаренко Г. В., Ларкина Н. Г., Некрасова В. В.* Стратегическое управление: Учебное пособие. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Издательство «Перо», 2012.
3. *Плеханов С. В.* Система финансового обеспечения инвестиционного процесса // *Экономические науки.* 2009. № 7.
4. *Рид С., Шойерман Х.-Д. и группа ту SAP ERP Financials.* Финансовый директор как интегратор бизнеса. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
5. *Рожавская М. П.* Совершенствование стратегического планирования развития компании в условиях рыночной экономики на основе системы сбалансированных показателей // *Экономические науки.* 2007. № 6 (31).
6. *Никитина Н. В.* Финансовый менеджмент: Учебное пособие. М.: КНО-РУС, 2013.

М. С. Егорова

Томский политехнический университет, ассистент, аспирант кафедры экономики (634004, г. Томск, ул. Белинского, д. 55; тел.: (3822) 56-36-00; economics@tpu.ru)

ДОРОЖНАЯ КАРТА, КАК ИНСТРУМЕНТ ПЛАНИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ*

Дано определение понятию «дорожная карта». Показаны примеры использования метода дорожных карт для формирования государственной научно-технической политики. Определены задачи, которые можно решить с помощью технологического картирования. Показана роль технологического картирования в планировании управления экономическими системами.

дорожная карта; технологическое картирование; форсайт

В зарубежной практике современный метод планирования и прогнозирования деятельности хозяйствующего субъекта называется роудмаппинг. В начале текущего столетия в высоко технологически развитых странах роудмаппинг был признан как самый эффективный метод планирования, прогнозирования и управления деятельностью глобальных хозяйствующих субъектов, активно внедряющих нововведения и участвующих в формировании своих национальных инновационных систем. Термин роудмаппинг пришел в экономику из политики и дословно означает в переводе с английского языка – движение по дорожной карте.

Исходно метод разработки дорожных карт базируется на хорошо известном методе оценки и анализа программ – PERT (Program Evaluation and Review Technique). PERT-метод подразумевает изображение шагов, которые необходимо сделать на пути к достижению цели, в виде схемы, т.е. в виде дорожной карты. Эта схема описывает различные альтернативные пути, из которых можно выделить критический (оптимальный) путь. Многие фирмы, такие как, например, Моторола в середине 1980-х, использовали эту методологию с целью определения научно-исследовательских проектов, которые должны быть реализованы при разработке нового продукта. Были разработаны важные модификации метода разработки дорожных карт, в т.ч. включение в методологию вероятностных оценок времени, необходимого для перемещения от одного технологического узла до другого или от одной технологии до другой, что позволило использовать ее для оценки сроков окончания работ.

Примером использования метода дорожных карт для формирования государственной научно-технической политики является дорожная карта научных исследований в области нанотехнологий, разработанная в Новой Зеландии при поддержке Министерства исследований, науки и технологий. Стратегия в области нанотехнологий и нанонауки, изложенная в этом документе, рассчитана на период от 5 до 10 лет. По замыслу разработчиков, она будет способствовать решению общегосударственных задач, связанных с обеспечением устойчивого экономического развития и проведением социальной политики. Основной целью

* Исследования выполнены в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества»

карты является повышение эффективности использования разработок в сфере нанотехнологий. Предполагается, что развитие нанотехнологий должно внести вклад в преобразование экономики путем повышения производительности, увеличения объемов производства, а также явится стимулом для устойчивого развития экономики и повышения общественного благосостояния.

Среди международных Форсайт – инициатив, связанных с прогнозированием развития нанотехнологий, следует отметить проекты, проводимые в рамках Шестой и Седьмой Рамочных программ ЕС. В их числе – дорожные карты для нанотехнологий, разрабатываемые с участием консорциума европейских компаний.

Характерным примером технологических дорожных карт является дорожная карта для наноматериалов, которая была разработана в ходе Шестой Рамочной программы в 2004–2005 гг. Главная цель проекта заключалась в оценке перспектив развития нанотехнологий в ближайшие 10 лет и выявлении важнейших приложений нанотехнологий в следующих областях: автомобильная промышленность; аэрокосмическая промышленность; здравоохранение; энергетика.

При построении дорожных карт основной задачей являлось выявление научных и технологических вызовов в рассматриваемой области, существующих проблем и возможностей, сильных и слабых сторон исследовательских проектов, а также потребностей в финансировании.

Япония относится к числу стран, имеющих большой опыт применения Форсайта для выработки приоритетов в сфере науки и технологий. Начиная с 1970 г. каждые пять лет в стране разрабатывается нанотехнологический прогноз с использованием метода Дельфи. Горизонт прогнозирования равен 30 годам.

Международная технологическая дорожная карта для полупроводников (The International Technology Roadmap for Semiconductors, ITRS) является одним из наиболее известных международных исследовательских проектов в сфере дорожных карт. Последняя ее редакция опубликована Международным комитетом по дорожным картам (International Roadmap Committee – IRC) в 2007 г., на официальном сайте проекта доступны также обновления отдельных материалов за 2008 г.. Спонсорами проекта выступают организации стран-ведущих разработчиков и производителей полупроводниковой техники (США, Европейский Союз, Япония, Корея, Тайвань). В числе его участников – Европейская ассоциация полупроводниковой промышленности (ESIA), Японская ассоциация электроники и информационных технологий (JEITA), Корейская ассоциация полупроводниковой промышленности (KSIA), а также Американская ассоциация полупроводниковой промышленности (SIA).

Особенностью дорожной карты ITRS является ее регулярное обновление. Очередной раунд исследований проводится каждые два года, в промежутках делается частичное обновление, что позволяет регулярно оценивать развитие полупроводниковой промышленности, а также определять кратко- и долгосрочные ориентиры.

В числе известных исследовательских проектов, связанных с построением дорожных карт развития нанотехнологий, следует упомянуть Технологическую дорожную карту для производственных наносистем. Дорожная карта, представленная в октябре 2007 г., является одним из наиболее крупных последних проектов Института Форсайта в области нанотехнологий, США (Foresight Nanotech Institute), входящего в число ведущих американских центров в области стратегического прогнозирования. Проект реализован при поддержке фонда Waitt Family Foundation, Sun Microsystems, а также Nanorex, Zyvex Labs и Synchro. Дорожная карта рассматривает вопросы развития технологий с атомной точностью

(Atomically precise technologies, APT) и охватывает временной горизонт в 30 лет. Она представляет собой наглядный план действий по созданию атомарно-прецизионных производственных технологий. Дорожная карта показывает, что указанную цель можно достичь путем стимулирования международного сотрудничества, сконцентрировав усилия на двух стратегиях, которые могут иметь значительный долгосрочный эффект – разработка атомарнопрецизионных технологий по производству «чистой» энергии и созданию экономически эффективной энергетической инфраструктуры, а также разработка атомарно-прецизионных технологий по производству новых нанолечеств и функциональных терапевтических и диагностических устройств *in vivo* и *in vitro*.

Для решения задач по разработке стратегий повышения устойчивости энергетической системы и энергосбережения в мире широко применяется метод дорожных карт.

Среди наднациональных инициатив следует обратить внимание на серию дорожных карт, разрабатываемых в Европейском Союзе: «Roadmap 2050», «Renewable Energy Technology Roadmap – 20% by 2020», «Road Maps for Nanotechnology in Energy (Nanoroadmap (NRM))», «Multi-annual Roadmap «The Energy-efficient Buildings (EeB)» и др.

Создание карты «Roadmap 2050» было инициировано Европейским климатическим фондом (ECF) с целью провести практико-ориентированный, независимый и объективный анализ маршрутов по обеспечению энергобезопасности Европы. Особое внимание в карте было уделено разработке стратегии, направленной на снижение потребления углеводородных ресурсов в европейской энергетике.

Другой известный проект, дорожная карта «Renewable Energy Technology Roadmap – 20% by 2020», разработанная Европейским советом по возобновляемой энергии, позволила определить маршруты технологического развития, которыми предлагается воспользоваться субъектам сектора возобновляемой энергетики стран ЕС. Перечень технологических решений рассмотренных в этом Форсайт-проекте включал технологии использования энергии биомассы, солнечной тепловой энергии, фотовольтаики и малые гидроэлектростанции.

По инициативе Европейской комиссии в ходе реализации 6-ой Рамочной программы были исследованы перспективы применения наноматериалов и нанотехнологий в европейской энергетической отрасли. Для этого также был применен метод дорожных карт. Созданная карта «Road Maps for Nanotechnology in Energy (Nanoroadmap (NRM))» позволила определить направления коммерциализации нанотехнологий в секторе энергетики на период до 10 лет, а также выделить ключевые технологические решения и процессы, которые требуют инвестиционной поддержки.

Наконец, дорожная карта «Multi-annual Roadmap «The Energy-efficient Buildings (EeB)» стала совместной инициативой компаний частного сектора и Европейской комиссии. Этот документ, разработанный в рамках «Плана экономического восстановления ЕС» 2008 г., преследовал целью изучение возможных мер повышения энергоэффективности в одном из наиболее энергоемких секторов – в жилых и общественных зданиях.

Широкое распространение в развитых странах получила практика разработки дорожных карт как инструмента формирования политики на уровне отдельных государственных органов. Одним из наиболее известных Форсайт-исследований в данной области является документ «Energy Technology Roadmap 2100», разрабатываемый Министерством экономики, торговли и промышленности Японии с 2005 г. в рамках проекта «Strategic Technology Roadmap (Energy

sector)». Это исследование проводится совместными усилиями государственных органов, подведомственных им учреждений, представителей исследовательских и производственных организаций. Используя метод «backcasting» («от будущего – к настоящему»), такая карта описывает необходимый для энергетики портфель технологических решений, обеспечивающий устойчивое производство энергии в долгосрочной перспективе.

Во многих развитых странах технологическое картирование признано одним из самых эффективных методов планирования, прогнозирования и управления деятельностью как активно внедряющих нововведения компаний, так и отраслей и секторов промышленности, входящих в состав национальных инновационных систем. Под этим термином обычно подразумевают достаточно широкий класс различных аналитических методик, позволяющих прогнозировать развитие инноваций и новых технологий.

Отличительная особенность дорожных карт по сравнению с другими корпоративными документами планирования – учет времени и подробнейшая взаимосвязанная детализация планов, предусматривающая итерационно-адаптивное управление в достижении стратегических целей и задач хозяйствующего субъекта. Она наполнена важной информацией. Ее новизна и значимость заключается в представлении научно-технологической программы. Технологические изменения не показаны как развитие во времени, но связаны с инновационной продуктовой стратегией.

Дорожные карты позволяют решить ряд задач:

1. Позволяют значительно усовершенствовать планирование в дифференцированной корпорации, создавать базы данных уникальных продуктов, их развития, а также технологий, которые могут использоваться при их изготовлении в многочисленных продуктах.

2. Позволяют установить диалог между потребителями и поставщиками, помогая корпорации быть ближе к клиентам.

3. Обеспечивают последовательную информацию по всему портфелю для принятия обоснованных управленческих решений.

4. Показывают точки пересечения между этапами исследований или технологиями.

5. Позволяют эффективно спланировать все области и факторы, которые задействованы в развитии продуктовой линии.

6. Помогают руководителям компании удостовериться в том, что в нужный момент они будут обладать технологиями и мощностями, необходимыми для осуществления своей стратегии и планов.

7. Являются связующим звеном между стратегией бизнеса, данными о рынке и технологическими решениями.

8. С помощью дорожных карт обнаруживаются пробелы (недочеты) в планах компании, что позволяет избежать, а не решать возможные проблемы в будущем.

9. Удастся использовать время и ресурсы самым разумным образом. С помощью дорожных карт удается ставить более реалистичные цели.

10. Вырабатывают своеобразный «путеводитель» для руководителей компании, позволяя, таким образом, идентифицировать промежуточные результаты и корректировать направления деятельности.

11. Совместное использование нескольких дорожных карт позволяет стратегически использовать технологии во всей товарной специализации компании.

12. Создание дорожных карт подразумевает обмен информацией между представителями организации, покупателями, поставщиками и другими заинтере-

ресованными в развитии объекта картирования сторонами. Используя дорожную карту, можно весьма доступно объяснить как поставщикам, так и покупателям, в каком направлении движется компания.

13. Дорожные карты в области прикладных наук и инженерных разработок могут способствовать снижению риска капиталовложений на финишной стадии выхода нового продукта на рынок. Другой возможный эффект заключается в том, что дорожная карта разъяснит органам государственной власти целесообразность финансовой поддержки данного направления прикладных исследований и разработок.

Технологическое дорожное картирование широко используется в производстве для поддержания технологической стратегии и планирования. В большей степени данный подход является вспомогательным по отношению к технологическому Форсайту, особенно в таких заданиях, которые фокусируются на определенном производственном секторе. Технологические дорожные карты могут принимать различные формы, что может быть объяснено гибкостью концепции дорожного картирования. В общем, однако, дорожные карты состояются многослойными, привязанными ко времени графическими картами, которые дают возможность выстроить технологические события в линию, опираясь на тенденцию рынка. В этом случае, исследования и другие направления развития могут быть признанными и действия будут носить решительный, нацеленный на результат, характер.

Как и многие другие термины, описывающие технологии форсайта, словосочетание «картирование технологий» (Technology Roadmapping) обозначает достаточно широкий класс интеллектуальных методик, позволяющих прогнозировать развитие технологий. Хотим отметить, что вариативность значений терминов форсайта означает не означает расплывчатости методической базы. Форсайт как методология находится в стадии формализации, поэтому каждый организатор процедуры форсайта кастомизирует технологии для выполнения конкретной задачи.

В небогатой пока русскоязычной традиции Technology Roadmapping принято переводить как «маршрутизация технологий», «технологическая дорожная карта» или калькировать «роадмэпинг». На наш взгляд, термин картирование технологий более адекватен, поскольку он обрисовывает суть метода: создание визуального представления плана-сценария развития технологий, который фиксирует возможные сюжеты и точки критических решений. Roadmap дословно переводится как путевая карта, и Technology Roadmapping действительно является составлением карты путей, по которым может пойти развитие технологий. Этот метод имеет много общего с сценарированием, которое также является важной частью технологий форсайта. Строго говоря, картирование технологий – это специфический метод сценарирования.

Интересно, что развитие метода картирования технологий шло практически независимо от становления технологий форсайта. Картирование технологий было разработано в середине восьмидесятых годов стратегическими отделами высокотехнологичных компаний. В корпорациях этот метод применялся для разработки новых высокотехнологичных продуктов. Позже исследовательские организации и фабрики мысли предприняли попытки адаптировать метод roadmap для поддержки принятия политических решений.

Важную роль дорожные карты играют в области фундаментальной науки, поскольку в ней цель стратегического планирования заключается в привлечении инвестиций, причем решение о вложении средств, обычно принимают люди, не являющиеся профессиональными учеными. При естественном недостаточном

глубоком уровне знакомства инвестора с проблематикой и языком фундаментальных исследований дорожная карта фактически выступает в качестве своего рода рекламного проспекта.

В любом случае, дорожная карта исследований и разработок может обеспечить заинтересованность государства (в случае фундаментальной науки) и бизнеса (в случае прикладной науки) в результатах НИОКР и разъяснить социальное значение и рыночные перспективы последних[1].

Библиографический список:

1. Инноватика и экспертиза. Научные труды Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно – консультационный центр экспертизы» (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ). М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2012. Вып. 1 (8).

А. Н. Алексеев

Московский университет им. С. Ю. Витте, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, доктор экономических наук (115432, г. Москва, 2-й Кожуховский пр., д. 12, стр. 1; тел.: (495) 783-68-48)

Т. В. Локтева

Московский университет им. С. Ю. Витте, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, кандидат экономических наук (115432, г. Москва, 2-й Кожуховский пр., д. 12, стр. 1; тел.: (495) 783-68-48)

РАЗВИТИЕ ИПОТЕКИ НА МЕЗОУРОВНЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РФ

Статья посвящена региональным особенностям развития ипотеки. Авторы предлагают собственную трактовку основных понятий, развивающих теорию ипотечного кредитования на мезоуровне, проводят подробный анализ программ, функционирующих в различных регионах России, выделяют их достоинства и недостатки, а также рассматривают источники финансирования и зарубежный опыт.

экономические науки; ипотека; региональная экономика

Современные особенности развития национальной экономики по инновационному сценарию диктуют наряду со многими прочими и ряд новых требований к повышению устойчивости организационного и экономического механизмов ипотечного кредитования как на национальном, так и на региональном уровне – именно там, где сосредоточен основной объем потребительского спроса на данную, социально значимую услугу. Исследования показывают, что региональные программы развития ипотечного кредитования не удовлетворяют основным требованиям социальной эффективности, не решают приоритетных по важности задач, поставленных не только органами исполнительной власти, но и социальным заказом, потребительским интересом. Повышение уровня жизни в государстве, несомненно, является недостижимой целью без устойчивого развития рынка доступного жилья, повышения качества жилищного фонда, государственной поддержки и стимулирования ипотечных программ на мезоуровне, ориентированных на различные категории населения и дифференцируемых не только по уровню дохода потенциального приобретателя жилья, но и по большому числу других значимых критериев.

Понятие «ипотека» вошло в обиход еще в Древней Греции, в VI в. до н.э. так обозначали форму ответственности должника перед кредитором своей землей. На границе участка заемщика ставили столб с надписью, которая гласила, что эта земля обеспечивает долг. Такой столб и назывался «ипотекой», в переводе с древнегреческого — «подпорка», «подставка». Хотя залог земли, как способ обеспечения исполнения обязательства, был известен ещё в Древнем Египте. Смысл этого понятия с тех пор почти не изменился. Ипотека – заем, выданный под залог недвижимости. В России земельный заклад использовался на практике примерно с XIII века, вторичный – с XV века, со времен Василия Темного, а с XVIII века, при Екатерине Второй, началось развитие системы земельных бан-

ков, чьими клиентами были преимущественно помещики, получавшие деньги под залог своих имений.

На современном этапе развития теории и практики совершенствование механизма ипотечного кредитования находится в центре внимания большого числа исследователей, в том числе таких Г. Н. Белоглазовой, Ю. В. Головина, А. Г. Ивасенко, А. Б. Копейкина, Н. Б. Косаревой, Н. А. Кричевского, М. П. Логинова, З. П. Лукиной, Г. Г. Матюхина, В. Н. Пономарева, И. А. Разумовой, В. А. Савиновой, В. В. Смирнова, А. Н. Ужегова, В. З. Черняка. Региональный опыт развития ипотечных механизмов анализируется в трудах В. С. Казейкина, М. И. Калинина, С. И. Мутовина. Однако, механизмы ипотечного кредитования и пути их развития на мезоуровне в настоящий момент изучены недостаточно, требуется внесение существенных методологических и практических коррективов в программы развития региональной ипотеки и другие нормативные и локальные документы.

Современная российская ипотека берет свое начало в 1998 г., когда был принят закон, определивший правила получения кредитов под залог недвижимости. Однако до 2002 г. ипотечные кредиты банки почти не выдавали, это были единичные договоренности с хорошо известными банкам клиентами и на индивидуальных условиях. С 2002 г. банки в РФ начали предлагать ипотеку как массовый продукт, а на рынке появились первые специализированные ипотечные банки. Сам термин «ипотека», как правило, охватывает два понятия: 1. «Ипотека» (как правоотношение) – залог недвижимого имущества с целью получения ипотечного кредита (как правило, в банке). Для ипотеки характерно оставление имущества в руках должника. Залог в гражданском праве – один из способов обеспечения обязательства – в данном случае банковского кредита. При этом во всех случаях обязательна государственная регистрация залога любой недвижимости. В случае неплатежеспособности должника требования кредитора удовлетворяются из выручки от реализованного имущества в преимущественно перед другими кредиторами или путем перехода заложенной недвижимости в собственность залогодержателя. 2. «Ипотека» (как ценная бумага) подразумевает «закладную» – долговой инструмент, удостоверяющий права залогодержателя на недвижимое имущество. Закладная обычно свободно обращается на рынке.

Ряд исследователей весьма широко интерпретирует понятие ипотеки и как получение кредита под залог недвижимости, и как получение кредита для покупки недвижимости. Термин «ипотека» («чистая ипотека») следует рассматривать как способ обеспечения обязательств, когда предметом залога служит недвижимое имущество. Если кредит выдается на приобретение жилья, используется термин «ипотечное (жилищное) кредитование». Для некоторых случаев может использоваться термин «смешанная ипотека», когда заемщик берет кредит в банке под залог уже имеющегося жилья для приобретения нового. Таким образом, жилищное кредитование и смешанная ипотека – это формы кредитования с той лишь разницей, что в первом случае в качестве обеспечения по такому ипотечному кредиту может выступать как залог, так и поручительство, а во втором случае – только залог недвижимости.

Действующим законодательством предусмотрены два вида оснований возникновения ипотеки: в силу закона и в силу договора. Ипотека в силу закона возникает при наступлении определенных фактов, указанных в законе, независимо от волеизъявления сторон в отношении возникновения ипотеки, при переходе права собственности на объект недвижимости от одного лица к другому, точнее при приобретении данного права новым собственником, но при обязательном наступлении определенных законом фактов. Как правило, ипотека в

силу закона возникает в следующих распространенных случаях: приобретение жилых домов, квартир, земельных участков с использованием кредитных средств банка или иной кредитной организации либо средств целевого займа; строительство жилых домов, зданий, сооружений или квартир с использованием кредитных средств банка или иной кредитной организации либо средств целевого займа; продажа в кредит и др. Ипотека в силу договора (договорная ипотека) — ипотека, возникающая на основании договора об ипотеке (залоге недвижимости). Договор об ипотеке не является самостоятельным обязательством, а заключается в обеспечение обязательства по договору займа, кредитному договору или иному обязательству.

Компаративный анализ показывает, что ипотека в силу закона отличается от ипотеки, возникающей на основании договора, лишь тем, что первая возникает в силу прямого указания в законе и регистрируется автоматически вместе с другим договором даже без заявления сторон, а ипотека в силу договора подлежит регистрации по отдельному заявлению сторон. Поскольку ипотека в силу закона возникает при целевом кредите на приобретение жилья, при регистрации такой ипотеки меняется собственник объекта недвижимости, а если быть более точным, то — такая ипотека возникает одновременно с приобретением недвижимости заёмщиком.

В данном контексте представляет интерес также такое понятие как андеррайтинг – оценка возможностей потенциального потребителя ипотечного продукта по будущему обслуживанию выданного ипотечного кредита, то есть расчет суммы кредита, который заёмщик сможет выплатить, с учетом особенностей самого заёмщика (тип работы, подтвержденный ежемесячный доход, наличие потенциальных созаёмщиков или поручителей, состав семьи, наличие несовершеннолетних детей и др.). Потребитель ипотечного продукта проходит процедуру андеррайтинга, как минимум, дважды: при обращении к ипотечному брокеру (её может проводить андеррайтер брокерской компании) перед заключением договора на оказание услуг, а также в банке (проводят кредитные эксперты банка) при рассмотрении заявки на выдачу ипотечного кредита.

Зарубежный опыт позволяет выделить три основные модели ипотечного кредитования, применяемые в развитых странах. Это усеченно-открытая модель, представленная в таких странах как Франция, Испания, Израиль; расширенно-открытая или американская модель (США) и сбалансированно-автономная модель, получившая широкое распространение в Германии. С целью выделения ключевых особенностей, которые могут оказаться важными при определении основных направления совершенствования региональной ипотеки в РФ, рассмотрим каждую из моделей более подробно.

Наиболее простой и в то же время наименее эффективной моделью можно назвать усеченно-открытую. Характерная особенность усеченно-открытой модели – прямая зависимость процентных ставок по ипотечным ссудам от общего состояния национальной экономики, которая оказывает оушгтмное влияние на масштаб и активность банков по ипотечному кредитованию в различные благоприятные и неблагоприятные периоды. Изыскивая и привлекая кредитные ресурсы для ипотечных ссуд, банк в данной модели теоретически может вообще не использовать первичные закладные в качестве обеспечения под эти ресурсы. Относительная простота организации ипотечного кредитования на базе усеченно-открытой модели обусловила ее достаточно широкое распространение во многих государствах, и особенно в развивающихся странах. Однако, по этой же причине данная модель ипотечного кредитования не может успешно использоваться в наиболее развитых странах вроде Великобритании, США и др. В рамках

данной модели, как правило, почти не ориентируются на какие-либо стандарты установления параметров ипотечных кредитов (продолжительности и стоимости): обычно они устанавливаются каждым ипотечным банком в зависимости от шкалы конкретных факторов. Причем в государствах, где отсутствуют иные, более совершенные модели и механизмы организации ипотечного кредитования на макро и мезоуровнях, а рынок ипотечных услуг ограничен, весьма характерным явлением оказывается завышение ставок по кредитам при относительно недолгих сроках договора. Большая часть исследователей сходятся во мнении, что механизм развития потоки на национальном и региональном уровне в Российской Федерации, даже с учетом позитивных изменений в последние годы, наиболее близок к данной, усеченно-открытой модели ипотечного кредитования.

В рамках американской модели основной приток кредитных ресурсов в систему ипотечного кредитования осуществляется со специальным организованным для этой цели вторичного рынка ценных бумаг, обеспеченных закладными на недвижимость. Данная система обеспечения ипотеки ресурсами опирается на вторичный ипотечный рынок. Несмотря на определенные различия американской и сбалансированно-автономной моделей ипотечного кредитования, они обе представляют собой весьма эффективный вариант повышения объемов вводимого жилья и обеспечивают приток средств в бюджеты различных уровней. Очевидна также и государственная поддержка, в частности, через систему страхования рисков, дотаций и государственных гарантий.

Исследования свидетельствуют, что развитие механизмов региональной ипотеки в Российской Федерации, способно принести не только локализованный отраслевой эффект, но и ведет к прямому росту валового регионального продукта, повышая деловую активность в различных сферах, увеличивая объемы строительства, кроме того каждый заёмщик (независимо от того, физическое это или юридическое лицо) получает дополнительный стимул к увеличению собственной эффективности и прибыльности. Следовательно, в развитии региональной ипотеки заинтересованы не только основные участники рынка ипотечного кредитования, как например, банки, заёмщики, соинвесторы, но и застройщики, и администрации субъектов РФ.

Развитие ипотечного механизма на мезоуровне, несомненно, является сложнейшей задачей на долгосрочную перспективу, однако ее успешное решение приводит к появлению серьезных и измеримых экономического, социального, отраслевого эффектов. С позиции региональной экономики важнейшее значение приобретают такие формы стимулирования развития ипотеки, как предоставление гарантий со стороны предприятий-работодателей или региональных администраций; разработка и внедрение банковскими институтами инновационных ипотечных продуктов и программа; поддержка и стимулирование региональными властями ипотечного механизма, ориентированного на социально-уязвимые группы населения. Важная роль региональных администраций в процессе формирования и развития локальных форм ипотеки заключается в активизации процессов рефинансирования в каждой из возможных форм ипотеки, то есть гарантии со стороны администрации и другие формы поддержки играют стимулирующую роль в системе регионального ипотечного кредитования.

Региональные рынки ипотечного кредитования, как справедливо отмечает С. И. Мутовин, обладают ярко выраженной спецификой, в первую очередь, значительным превышением спроса на ипотечные кредиты над предложением. Удовлетворению этой потребности мешает ряд причин: во-первых, малочисленность первичных кредиторов; во-вторых, слабое развитие института ипотечных брокеров; в-третьих, ограниченность у региональных банков средств для долго-

срочного кредитования населения. Именно на мезоуровне, уровне отдельных регионов федерации, наиболее актуальным становится также развитие социальной ипотеки.

Социальная ипотека — комплекс государственных программ для улучшения жилищных условий социально незащищенных слоев населения. В настоящее время на федеральном и на местном уровнях действуют несколько государственных ипотечных программ, например для молодых семей, молодых учителей, военных. В частности, программа «Ипотека — молодым семьям». Участники программы — молодые семьи, признанные в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий и постоянно проживающие на территории субъектов Российской Федерации. Также можно выделить всероссийскую программу «Военная ипотека». Участниками программы являются выпускники военных образовательных учреждений, заключившие первый контракт о прохождении военной службы после 1 января 2005 года и прослужившие 3 года. Представляет интерес ипотечная программа «Материнский капитал» (распорядитель материнского капитала может использовать его при покупке квартиры с помощью ипотеки) и программа «Молодые учителя», разработанная АИЖК для кредитования приобретения жилья молодыми педагогами под процентную ставку в размере 8,5 % годовых, которая как показывает анализ, является одной из самых низких на сегодняшний день.

В рамках столичного мегаполиса условия социальной ипотеки прописаны в законе г. Москвы от 14 июня 2006 г. № 29. Статье участниками программы могут малоимущие граждане и члены их семей, нуждающиеся в улучшении жилищных условий (это если на человека приходится менее 15 кв.м. жилплощади). Согласно ст. 35 данного документа, площадь приобретаемой квартиры должна быть не меньше нормы предоставления, которая составляет 18 кв. м на одного человека. Размер общей площади имеет и другие ограничения: для семьи из двух человек — это однокомнатная квартира площадью до 44 кв. м; для семьи из двух человек, не являющихся супругами, — двухкомнатная квартира площадью до 50 кв. м; для семьи из трех человек, в составе которой есть супруги, — двухкомнатная квартира площадью до 62 кв. м; для семьи из трех человек, в составе которой нет супругов, — трехкомнатная квартира площадью до 74 кв. м; для семьи из четырех и более человек — жилое помещение площадью по 18 кв. м на одного члена семьи.

Воспользоваться социальными ипотечными программами могут, в частности, так называемые «очередники» — граждане, признанные нуждающимися в улучшении жилищных условий и находящиеся в очереди на улучшение. На социальную ипотеку также могут рассчитывать молодые семьи, служащие бюджетных организаций, военнослужащие и т.д. Если говорить об «очередниках», то участвовать в программе могут москвичи, которые встали на жилищный учет до 01.03.2005 г. В рамках жилищных программ эти люди могут приобрести недвижимость по льготным ценам: 35–40 тыс. рублей/кв.м., в то время как цена жилья эконом-класса в Москве составляет не меньше 90–120 тыс. рублей/кв.м. Помимо этого, очередникам полагается и льготная ставка по ипотеке. Стоит отметить, что в Москве в настоящий момент существуют и иные программы социально ориентированного ипотечного кредитования, в частности программа «Молодой семье — доступное жилье». Здесь потенциальные потребители ипотечного продукта — московские семьи в течение трех лет после свадьбы или после рождения ребенка, в которых супругам не больше 35 лет. В первом случае, супруги приобретают жилье у городских властей, внося 30% от себестоимости квартиры в качестве первоначального взноса. Остальную сумму можно взять в

кредит сроком на 20 лет под 2,8% годовых в валюте. Вторым вариантом является более подходящим для семей, имеющих право на бюджетные субсидии (размер которых может составлять до 80% рыночной стоимости жилья). Оставшиеся деньги можно получить в банке по сниженной ставке. Требования банка для «социального заемщика» практически не отличаются от стандартных: здесь также учитываются прописка, доход, стаж работы клиента, дополнительная страховка.

Анализ показывает, что число банков, активно осуществляющих ипотечное кредитование населения с учетом социальных факторов на мезоуровне не очень велико. Например, банк «Возрождение» выдает «социальные» кредиты в размере до 8 млн. рублей по ставке 12,5%. Максимальный срок кредитования – 25 лет, размер первоначального взноса – от 20%. Среди регионов, где реализуются программы социальной ипотеки можно выделить Волгоград, Краснодар, Н. Новгород, Санкт-Петербург, Ставрополь. Например, в С.-Петербурге социальной ипотекой могут воспользоваться семьи, в которых обоим супругам не исполнилось 35 лет. Им полагается беспроцентная рассрочка до 10 лет и безвозмездная выплата в размере 5% от стоимости жилья при рождении ребенка. «Бюджетники» со стажем не менее пяти лет также могут получить беспроцентную рассрочку и право приобрести недвижимость по себестоимости. При этом в последний год рассрочки семье заемщика предоставляется выплата в размере 20% от стоимости жилья в том случае, если покупатель по-прежнему работает в бюджетной организации. Кроме госпрограмм социальной ипотеки, можно выделить и сугубо банковские продукты. Так, Сбербанк и ВТБ предлагают молодым семьям с детьми использовать материнский капитал в качестве первого взноса, однако ставки для семей те же самые, что и для остальных заемщиков. В Сбербанке имеется еще некоторое послабление по размеру первоначального взноса: если у семьи есть дети, то минимальный первоначальный взнос составляет 10%, тогда как по стандартным программам он не может быть меньше 15%.

Привлечение клиента на ипотечном рынке ведется как ценовыми, так и неценовыми методами. Одним из важных инструментов по привлечению клиентов стали ипотечные центры. В таком центре можно в удобной обстановке получить развернутую консультацию по вопросам, связанным с приобретением жилья в кредит, что не всегда получается сделать в обычном банковском офисе. Там же можно подать заявку на получение кредита, оформить ипотечную сделку и даже совершить расчеты по ней с продавцом. По сравнению с обычным банковским офисом ипотечные центры нередко работают по более удобному для клиентов графику.

Тем не менее, многие исследователи, сходясь во мнении, что ипотечное кредитование на мезоуровне все еще остается недоступным для существенной части населения России. С целью повышения доступности ипотечных кредитов необходимо реализовать ряд мер, направленных на увеличение сроков договора ипотечного кредитования, заложить фундамент для снижения процентных ставок; развивать механизмы, позволяющие населению осуществлять накопление первоначальных взносов, необходимых для заключения ипотечных договоров, а также осуществлять активное развитие новых ипотечных продуктов, в том числе предлагающих различные графики погашения основного долга и процентов (например, увеличивающийся платеж), для охвата в качестве потенциальных потребителей ипотечного продукта дополнительных категорий граждан, по которым может иметься прогноз увеличения доходов в среднесрочной перспективе, например молодые семьи. Необходимо также учитывать, что в результате проводимой в России в приватизации более 70% населения являются собствен-

никами жилья, средства от продажи которого могут быть использованы для уплаты первоначального взноса при получении кредита на улучшение жилищных условий.

Вместе с тем для отдельных категорий граждан, не имеющих в собственности имущества или накоплений, необходимых в качестве первоначального взноса, возможным решением может стать участие, например, в жилищных накопительных кооперативах или использование механизма ипотечного страхования, который позволяет существенно снизить размер первоначального взноса. Не лишними здесь также могут оказаться и субсидии от органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (например, для социально значимых категорий населения).

Основная функция государства в процессе формирования рыночной системы долгосрочного ипотечного жилищного кредитования состоит в создании соответствующей законодательной и нормативной базы с целью правового обеспечения прав кредиторов – залогодержателей и инвесторов, предоставляющих долгосрочные кредитные ресурсы, а также обеспечения социальных гарантий, предоставляемых гражданам, приобретающим жилье с при помощи ипотеки. Речь должна идти не только о совершенствовании законодательной и нормативной базы, обеспечивающей исполнение обязательств при ипотечном кредитовании, но и о создании инфраструктуры, обеспечивающей наличие четкого и надежного механизма регистрации сделок с недвижимостью и прав на нее, а также процедуры доступа к этой информации участников рынка ипотечного кредитования; налоговом стимулирование как граждан, выступающих в качестве получателя ипотеки, так и банков, обеспечивающих выдачу кредитов и рефинансирование. На уровне государства также должно обеспечиваться формирование механизмов социальной защиты заемщиков от неправомерных действий банков-кредиторов, и социальной адаптации в случае выселения при невозможности погашения кредита.

Активная позиция органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по созданию благоприятных условий для различных участников рынка недвижимости не должна ограничиваться рамками бюджетной политики. Особое значение приобретает создание эффективной нормативной базы на региональном и муниципальном уровнях. Важным аспектом совершенствования кредитования на мезоуровне выступают также поиск и реализация направлений привлечения источников финансирования жилищного строительства, поскольку банковских долгосрочных ресурсов, как утверждают многие исследователи, явно недостаточно, а институциональные инвесторы отсутствуют, доверие граждан к финансово-кредитной системе находится на откровенно низком уровне.

Таким образом, можно констатировать, что уровень обеспеченности граждан жильем является одним из основных признаков самодостаточности нации и именно жилищная проблема, по-прежнему, остается одной из острейших в России, несмотря на принимаемые органами исполнительной и законодательной власти меры. Исследования показывают, что эффективных механизмов решения данных проблемы до сих пор не выработано, а усугубляет ситуацию резкое сокращение объемов жилищного строительства, имевшее место в стране с начала девяностых годов. Эффективным инструментом решения данных проблем должно стать ипотечное кредитование, теоретически и эмпирически достаточно проработанное на национальном уровне, но все еще не полностью исследованное на мезоуровне. Развитие механизмов региональной ипотеки, реализация основных принципов социальной ипотеки, адаптация населения к пониманию

допустимости улучшения жилищных условий при помощи кредитно-финансовых институтов – все это не просто локальные задачи субъектов Российской Федерации, скорее «точка роста» всей национальной экономики, следующей на современном этапе по инновационному пути.

Библиографический список:

1. *Алексеев А. Н.* Развитие инновационной среды на федеральном и региональном уровне // Транспортное дело России. 2013. № 6.
2. *Кричевский Н. А., Калинин М. И.* Ипотечное жилищное кредитование. М., 2006.
3. *Локтева Т. В.* Региональная ипотека: теоретический подход // Транспортное дело России. 2013. № 6.
4. *Мутовин С. И.* Разработка организационных схем и адаптивной стратегии комплексного развития региональной ипотеки: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010.
5. *Разумова И. А.* Ипотечное кредитование. СПб.: Питер, 2012.
6. *Филина Ф.* Социальная ипотека: что, где, кому // <http://ipocredit.ru>

В. Г. Гетьман

Финансовый университет при Правительстве РФ, профессор кафедры «Бухгалтерский учет в коммерческих организациях», доктор экономических наук (107996, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 1)

Е. С. Карпинская

Финансовый университет при Правительстве РФ, студент-магистрант (107996, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 1)

ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АУДИТА В РОССИИ

Рациональное использование природных ресурсов на предприятиях контролируется при проведении экологического аудита. Экологический аудит в системе охраны окружающей среды является инструментом обеспечения экологической безопасности. В статье рассмотрены особенности экологического аудита в России, его проблемы и перспективы.

экологический аудит; охрана окружающей среды; ответственность; аудитор; экология

Сегодня, как никогда, вопросы экологии имеют первостепенное значение. Доказательством тому служат участвовавшие катастрофы и катаклизмы в результате некомпетентного хозяйствования, потребительского отношения к природным богатствам и недостатка знаний. Особую обеспокоенность вызывает стремительное истощение запасов пресной воды, почвенного плодородия и биоресурсов, атмосферного воздуха. Человечество постепенно приходит к осознанию своей ответственности за происходящее. В связи с этими событиями все большее значение приобретает экологический аудит, служащий инструментом обеспечения экологической безопасности.

Также согласно действующему российскому законодательству организация обязана обеспечить охрану окружающей среды, рациональное природопользование, а также собственную защищенность от негативного воздействия загрязненной окружающей среды.

С переходом России к рыночным экономическим отношениям, привлечением иностранных инвестиций, выходом организаций на международный рынок роль экологического аудита в механизме принятия экологически значимых решений возросла. Многие иностранные инвестиции в национальную экономику требуют проведения обязательного экологического аудита. В первую очередь это требование относится к инвестициям, осуществляемым через Международный банк реконструкции и развития и Европейский банк реконструкции и развития.

Под экологическим аудитом понимается природоохранная и предпринимательская деятельность, направленная на повышение эффективности экологического менеджмента, включая оценку соответствия природоохранному законодательству.

Понятие «экологический аудит» ввел Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Согласно этому документу «экологический аудит – независимая, комплексная, документированная оценка соблю-

дения субъектом хозяйственной и иной деятельности требований, в том числе нормативов и нормативных документов, в области охраны окружающей среды, требований международных стандартов и подготовка рекомендаций по улучшению такой деятельности».

Вопрос о применении норм Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» на экологический аудит является дискуссионным. На наш взгляд, нормы закона могут быть распространены на экологический аудит в качестве некоей методологической основы, так как действие закона направлено на регламентацию общего аудита. Поэтому основной нормативно-правовой базой для установления процедур планирования, организации проведения и завершения экологического аудита является только ГОСТ Р ИСО 19011–2003, введенный в действие Постановлением Госстандарта России от 29 декабря 2003 г. № 432-СТ и представляющий собой идентичный (за некоторыми исключениями) текст международного стандарта ИСО 19011:2002 на русском языке.

Стоит отметить, что элементы финансового и экологического аудита аналогичны и тождественны по своей природе, а также основные схемы организации и проведения общего аудита могут быть взяты за основу и использоваться при экологическом аудите.

Экологический аудит затрагивает специфические сферы хозяйственной деятельности и может рассматриваться как комплексный аудит, включающий технологический и финансовый аудит, аудит чрезвычайных ситуаций и другие виды аудита, которые имеют отношение к охране окружающей среды.

В России добровольный экологический аудит существует и развивается, но необходимо изучить зарубежный опыт организации и проведения экологического аудита, где он урегулирован законодательно (Белоруссия, Украина, Казахстан и др.) для того, чтобы предусмотреть в национальном экологическом законодательстве соответствующие процедуры и установить последствия экологического аудита.

Подчеркнем, что прежде всего необходимо развивать добровольный экологический аудит, сделать его проведение удобным и выгодным средством управления охраной окружающей среды на предприятии, а не навязывать экоаудит субъектам и устанавливать большой перечень оснований для проведения обязательного экоаудита.

В 2010 г. Минприроды России был разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования вопросов осуществления экологического аудита)», которым предусматривается, что экологический аудит проводится членами саморегулируемых организаций в области экоаудита – экоаудиторами.

Очевидно, что необходимо введение государственной аккредитации аудиторских организаций и индивидуальных аудиторов для того, чтобы они могли осуществлять экологический аудит. На Росприроднадзор может быть возложено полномочие по организационному обеспечению государственной аккредитации аудиторов и аудиторских организаций, осуществляющих экологический аудит, а именно по ведению реестра аккредитованных аудиторских организаций и индивидуальных аудиторов.

В ходе оказания услуг аудитор проводит проверку порядка ведения экологического учета и состояния экологической отчетности аудируемого лица.

Непосредственному оказанию аудиторских услуг посвящено большинство существующих в настоящий момент стандартов аудиторской деятельности. Большинство аудиторов используют при этом также собственные методики и

собственные более подробные стандарты. По результатам оказания аудиторских услуг аудитор, как правило, составляет заказчику отчет. Составление аудиторского заключения при этом является предусмотренным законодательством способом оформления и доведения до сведения заказчика выводов аудитора.

Основанием проведения экологического аудита является договор между заказчиком и исполнителем (экоаудитором). К объектам экологического аудита относятся: а) организации, учреждения и предприятия, их представительства и филиалы или объединения, отдельные производства, другие хозяйственные объекты; б) системы управления окружающей природной средой; в) другие объекты, предусмотренные законом.

Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» ужесточил ответственность аудиторов за нарушение установленных требований. В случае нарушения закона недобросовестным аудитором сегодня возможно его привлечение к ответственности на основании постановления уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Возникающую ответственность при аудите можно разделить на три вида:

- 1) гражданская ответственность перед клиентами;
- 2) гражданская ответственность перед третьими лицами;
- 3) уголовная ответственность.

В общем, ответственность экоаудиторов за результаты проводимых ими исследований – это ответственность за свою деятельность в соответствии с действующим законодательством, к аудитору должны предъявляться требования, соответствующие сегодняшним задачам и условиям рыночного хозяйствования. Лица, которые используют услуги экоаудиторов, нуждаются в уверенности в том, что эти услуги оказываются в соответствии с регулируемыми их профессиональными этическими нормами. Огромную роль в аудиторской профессии должен играть Кодекс профессиональной этики, созданный профессиональным сообществом и утвержденный Аудиторской палатой России 4 декабря 1996 года. К сожалению, как показывает практика, на данный момент Кодекс не стал «настойной книгой» аудитора.

Несмотря на то, что экологический аудит произошел от общего, ему присущи особенности, так как при его проведении проверяется не только финансовая отчетность предприятия, связанная с платежами за загрязнение окружающей среды, но и анализируются процессы и система управления качеством окружающей среды, технологическое оборудование, а также вырабатываются рекомендации по оптимизации антропогенного воздействия хозяйствующего субъекта на окружающую среду.

С течением времени в рамках социально-экономических процессов и политических условий формировался механизм правового регулирования экоаудита и управленческие процедуры его реализации. Экологические аудит применяется при обеспечении безопасности производимых продуктов, приобретении или отчуждении объектов недвижимости, контроле загрязнения природной среды.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, утвержденной Правительством РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, установлена приоритетность важного направления экологического бизнеса – экологического аудита. В Концепции сказано, что роль государства состоит в формировании правил осуществления экологического аудита и требований к разработке технологий; создании условий для внедрения экологического менеджмента, повышения информационной открытости промышленных предприятий в области их воздействия на окружающую среду и предпринимаемых мер по

снижению негативного воздействия; организации мониторинга динамики экологических показателей экономики.

На наш взгляд, в целях формирования эффективного управления организационно-правовым механизмом экологического аудита необходимо модернизировать Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002г., внося необходимую информацию об экологическом аудите – цели, виды, задачи эоаудита, а также разъяснения относительно проведения обязательного экологического аудита. В специальном Постановлении Правительства РФ целесообразно предусмотреть порядок проведения экологического аудита.

Несмотря на то, что международные и экологические стандарты являются добровольными и не заменяют законодательных требований, их применение позволяет оценить влияние организации на окружающую среду, соответствие ее деятельности экологическим нормативам, выявить внутренние факторы неэффективности деятельности, что может помочь снизить издержки компании. В условиях отсутствия федеральных норм и правил, регулирующих эоаудит, субъекты РФ принимают собственные нормативные правовые акты (Пермская область, Томская область, Республика Татарстан и другие). Безусловно, необходимо создание федеральных норм и правил в области эоаудита во избежание разногласий в этом вопросе.

С помощью экологического аудита возможно провести оценку экологических рисков приватизационных программ. В зависимости от степени воздействия на окружающую среду приватизируемому предприятию присваивается определенный класс опасности по результатам проведенного аудита, что в свою очередь порождает для предприятия определенные юридические последствия – необходимость разработки и осуществления природоохранных мер. Также экологический аудит может выступать элементом обязательного экологического страхования при определении размера страховых платежей и возмещения экологического вреда.

Необходимо различать государственный экологический контроль и обязательный экологический аудит: в случае контроля констатируются факты соблюдения (не соблюдения) предприятием природоохранного законодательства и в зависимости от этого применяются (не применяются) административные меры, в случае эоаудита должны быть выработаны рекомендации по оптимизации деятельности предприятия в отношении воздействия на окружающую среду.

Аудит как элемент обеспечения права собственности весьма важен для экономики, поскольку способствует уменьшению информационного и коммерческого риска, который связан с принятием управленческих решений с целью создания рекомендаций по эффективному использованию природных ресурсов.

Библиографический список:

1. Федеральный закон № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды».
2. Федеральный закон № 307-ФЗ от 30 декабря 2008 г. «Об аудиторской деятельности».
3. *Гогаева М. Т.* Совершенствование правовых основ экологического аудита как необходимого элемента механизма принятия экологически значимых решений // Экологическое право. 2010. № 5.
4. *Егызаров В. А., Кичигин Н. В.* Экологический аудит: перспективы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2011. № 4.
5. *Пономарев М. В.* Правовой механизм экологического аудита // Журнал российского права. 2010. № 8.

6. Чхутиашвили Л. В. Актуальные вопросы подготовки экологических аудиторов как специалистов по охране окружающей среды // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 6.

7. Чхутиашвили Л. В. Договор на оказание экоаудиторских услуг // Цивилист. 2012. № 3.

8. Чхутиашвили Л. В. Ответственность экологических аудиторов в Российской Федерации // Экологическое право. 2013. № 2.

И. В. Цапенко

Донского государственного технического университета, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), докторант кафедры экономики, кандидат экономических наук (346500, г. Шахты, ул. Шевченко, д. 147)

И. И. Слатвицкая

Донской государственной технической университет, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), доцент кафедры экономики, кандидат экономических наук (346500, г. Шахты, ул. Шевченко, д. 147)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

В основе современного регионального воспроизводства лежат базовые теоретические парадигмы экономической науки. Особое влияние на внешнее и внутреннее пространство, в котором протекает воспроизводственный процесс, оказывает институциональная экономика. Многие аспекты этого влияния раскрыты достаточно глубоко, однако, успех научного познания в этой области зависит от системного анализа всех составляющих.

Важное место в региональном воспроизводстве отводится воспроизводству человеческого капитала, так как именно он выступает основой производственных процессов и для него работает вся экономика. С целью эффективного формирования и использования человеческого капитала необходимо осуществить институциональные преобразования в регионе.

институциональная экономика; региональное воспроизводство; функции государства; человеческий капитал

Основными теоретическими парадигмами в экономической науке сегодня являются мэйнстрим, методологической базой которого является равновесный анализ и институциональный подход, достаточно разнообразный по имеющимся в его рамках течениям, одним из которых стала эволюционная экономическая теория. Эти магистральные теоретические направления анализируют экономические процессы на различных уровнях, в том числе и на мезоэкономическом.

Парадигма институциональной экономики отражает, что «действия агентов разворачиваются не «в чистом поле» свободного рынка, а в сильно «пересеченной местности», наполненной разнообразными институтами – организациями, правилами, традициями. Побудительными мотивами действий агентов являются не столько попытки обеспечения максимальной прибыли, сколько стремление к соответствию данного агента институциональным нормам и правилам, к улучшению своего положения в рамках этих институтов. Главным объектом исследования при таком подходе выступает не агент, а институт, а предметом являются отношения между агентами и институтами» [1, с. 5].

Основой эволюционной теории является динамическое представление о деятельности экономических субъектов, наследование и приобретение ими основных родовых и видовых особенностей в рамках их эволюции.

Каждая парадигма имеет как сильные, так и слабые стороны, имеет пределы применимости, собственную прогностическую и прагматическую силу. Совре-

менная теория и личный интерес, и институциональные влияния, и эволюционную составляющую признает равно значимыми при изучении и объяснении экономических процессов. Поэтому, как утверждает Г. Б. Клейнер, «можно полагать, что развитие системной парадигмы, связываемой с именем Я. Корнаи, приведет к интеграции неоклассической, институциональной и эволюционной концепций. Данная парадигма стремится к многостороннему рассмотрению социально-экономических образований как комплексов, носящих черты технологических, экономических, социальных, институциональных, биологических и иных систем. Главным объектом рассмотрения здесь служат социально-экономические системы, а предметом – их развитие, основанное на взаимодействии внутренних подсистем и влиянии внешних систем и сред» [1, с. 6].

Системный анализ как научное направление активно развивался в 20-х – 60-х годах XX в. По мнению академика Д. С. Львова, «при исследовании экономики вообще и транзитивных в особенности, при анализе тех или иных планируемых решений должен быть в первую очередь проанализирован *системный аспект* их последствий. Основной аргумент в том, что, условно говоря, жизнеспособными являются только системы. Несистемы обычно существуют относительно незначительное время и рассыпаются под влиянием сил притяжения или отталкивания со стороны могущественных *систем*» [2, с. 82].

Исследование экономических объектов с помощью системного подхода предполагает обозначение их элементов, взаимосвязей между ними и выделение системообразующей функции. Системообразующая функция региональной воспроизводственной системы – устойчивое социально-экономическое развитие региона, обеспечение жизнедеятельности человека, максимально полное удовлетворение действительных общественных потребностей, обеспечение условий для расширенного воспроизводства ресурсного потенциала региона, а системообразующими признаками являются целостность, комплексность хозяйства, управляемость [3; 5].

Регион как территориально локализованная воспроизводственная система имеет ярко выраженную социальную направленность целей, их объективную приближенность к интересам проживающего на этой территории населения. Развитие экономики региона – первооснова формирования жизненного уровня и пространства населения, проживающего на его территории. Именно поэтому необходимо оценивать свойство комплексности. Обеспечение комплексности реализуется прежде всего за счет развития отраслей производственной, социальной инфраструктур, институциональной структуры. При их недостаточном количественном и качественном уровне развития снижается эффективность деятельности и отраслей непосредственной специализации, и территориальной системы в целом. «Комплексность региональной экономики получает свое выражение в пропорциональном высокоэффективном развитии всех ее элементов, обеспечивающих прочную стыковку и синхронность фаз воспроизводственного процесса» [6, с. 70].

Следует также учитывать, что комплексность хозяйства региона может обеспечиваться и за счет привлечения внешних по отношению к нему ресурсов (товарных, трудовых, финансовых, технологических, информационных, интеллектуальных). При недостаточной комплексности хозяйства, особенно инфраструктурной и институциональной может возникнуть отток мобильных ресурсов из региональной воспроизводственной системы, приводя к ее диспропорциональности и разбалансированности.

Для системных образований характерны две особенности: наличие тесных связей между внутренними элементами (более тесных, чем между внутренними и внешними) и относительная устойчивость во времени.

Воспроизводственный процесс в регионе протекает в определенной пространственной среде. При этом весьма результативным является применение системного подхода, предполагающего выделение внутренней и внешней составляющей регионального экономического пространства. Каждая из указанных составляющих экономического пространства региона выполняет определенные функции.

Внешнее экономическое пространство функционирования регионального воспроизводственного процесса обеспечивает:

- 1) органическую связь региональной экономики с другими районами и страной в целом;
- 2) формирование ресурсов воспроизводства, создаваемых в процессе обмена;
- 3) формирование натурально-вещественной структуры продукции, подлежащей вывозу в другие районы.

Внутреннее экономическое пространство – это, прежде всего, расположенные на территории региона элементы экономического потенциала, составляющие вещественную и материально-техническую основу регионального воспроизводственного процесса [7].

Внутреннее экономическое пространство региона как институционально-воспроизводственной системы объединяет ряд параметров:

- расположенные на территории региона элементы производственного потенциала, составляющие вещественную основу регионального воспроизводственного процесса;
- природную среду жизнедеятельности и протекания производственных процессов;
- структурные элементы региональной воспроизводственной системы (отрасли и институциональные сектора);
- совокупность взаимодействующих институциональных субъектов;
- технико-технологическую структуру производственных процессов (совокупность сложившихся в данном регионе технологических укладов);
- систему региональных рынков, формирующих в настоящее время большую часть хозяйственных связей между субъектами регионального воспроизводства;
- региональный хозяйственный механизм (совокупность экономических и правовых механизмов, форм и способов взаимодействия, созданных и традиционно применяемых субъектами регионального воспроизводства);
- культурную среду общества, обеспечивающую восприимчивость регионального сообщества к распространению стандартов качества жизни и новаций воспроизводства [8].

Рассмотрим некоторые из выделенных параметров.

(1) Регион может быть представлен как совокупность отраслей, группирующихся, в конечном итоге, в несколько сфер деятельности в зависимости от назначения и особенностей конечного продукта.

В качестве критериев, определяющих отнесение хозяйственных единиц к определенной отрасли, могут быть выделены следующие:

- назначение продукта или услуги;
- вид основного сырья и материалов, другие факторы создания результата (товара, услуги);

– особенности процесса создания товара или услуги, выраженные, в том числе, в показателях длительности операционного цикла и оборачиваемости активов, характеризующих инерционность отрасли.

(2) Система региональных рынков – совокупность связанных между собой рыночных образований различного типа, обеспечивающих эффективное развитие и функционирование регионального воспроизводства. Рынки, объединяя внешнее и внутреннее экономическое пространство регионального воспроизводственного процесса, создают социально-экономическую среду региона. В систему региональных рынков входят потребительский рынок, рынок средств производства, рынок труда, рынок финансово-кредитных ресурсов и ценных бумаг, рынок недвижимости, рынок информации и знаний.

Все рынки участвуют в кругообороте материально-вещественных, денежных и финансово-кредитных потоков, регулируя при этом экономические отношения между субъектами воспроизводства с целью обеспечения непрерывности и сбалансированности развития производительных сил и производственных отношений.

Посредством региональных рынков устанавливается соотношение между спросом и предложением. В зависимости от принципов распределения созданного продукта создаются доходы участников воспроизводственного процесса. Результатом является формирование потенциального платежеспособного спроса субъектов региональной системы.

(3) Третьим важным аспектом исследования региона как воспроизводственной системы является обозначение субъектов воспроизводственного процесса.

Элементами субъектной структуры экономической системы региона являются:

- производители товаров и услуг;
- объединенные в домашние хозяйства физические лица;
- органы государственного управления;
- финансово-кредитные организации.

Каждый субъект выполняет в воспроизводственной системе определенные функции. Предприятия-производители создают продукт в виде товаров или услуг, которые посредством обмена принимают денежную форму и подлежат распределению между элементами системы. Результатом такого распределения являются фонды финансовых ресурсов, направляемые на цели производственно-го, личного и общественного потребления.

Домашние хозяйства являются источником наемного труда для предприятий, капитала для инвестирования в производство совокупного продукта. Они также предъявляют потребительский спрос на товары и услуги, что является неотъемлемым элементом существования рынка продуктов.

Большое значение при формировании этого субъекта рыночной экономики необходимо уделять созданию и использованию человеческого капитала, так как именно он выступает основой воспроизводственных процессов и для него работает вся экономика.

В целях более эффективного формирования и использования человеческого капитала предложим следующие конкретные меры совершенствования государственной институциональной политики:

1) Создать программу развития человеческого капитала как составную часть комплексного плана социально-экономического развития страны на краткосрочный и долгосрочный периоды.

2) Увязать минимальную заработную плату с прожиточным минимумом, дополненным необходимыми социальными нормативами, с минимальным уровнем

инвестиций в человеческий капитал – по существу выйти на равенство: $min \text{ЗП} = \text{МИЧ} = \text{МВПБ}$ [9, с. 83–86].

3) Регулирующую роль государства осуществлять в направлении повышения заработной платы в размерах не менее МИЧ на предприятиях всех форм собственности.

4) Усовершенствовать методику расчета прожиточного минимума на основе ежеквартального определения МИЧ по отдельным регионам, городам.

5) Отразить минимальный уровень инвестиций в человеческий капитал в законодательной базе (в Законах РФ, нормативных документах исполнительных органов власти).

6) Создать рыночную инфраструктуру по предоставлению сервисных услуг, обеспечивающих инвестиции в личный фактор.

7) Снизить высокий уровень дифференциации доходов, в том числе и путем их прогрессивного налогообложения.

8) Обеспечить четкое разграничение функций, выполняемых каждым уровнем государственной власти и органами самоуправления в области социальной защиты населения и формирования человеческого капитала.

9) Увеличить государственные инвестиции в человеческий капитал посредством эффективного перераспределения бюджетных средств, прогрессивного налогообложения, увеличения налогооблагаемой базы за счет роста доходов.

Однако основным направлением повышения эффективности инвестиций в человеческий капитал является совершенствование структуры личного дохода, так как именно он, представленный в основной своей части заработной платой отражает рыночные инвестиции в человеческий капитал. Мировая практика регулирования заработной платы чрезвычайно многообразна, однако общими остаются цели, им преследуемые:

- создание стимулов к созидательному труду;
- борьба с бедностью, что подразумевает применение системы мер по недопущению занижения оплаты труда;
- формирование механизмов, способствующих выравниванию доходов населения.

Указанные цели реализуются в рамках заключения трудовых контрактов, установления минимального уровня заработной платы, прогрессивного налогообложения личных доходов, осуществления социальных выплат уязвимым слоям населения. По мнению зарубежных и отечественных специалистов в сфере заработной платы, пока эти инструменты не будут в полной мере задействованы, бесполезно применять какие-либо сложные схемы и механизмы, предназначенные для косвенного регулирования заработной платы.

Заработная плата работника должна соответствовать «размеру его доли в дневном продукте» [10, с. 15], то есть должно действовать правило: «Каждому то, что им создано». Часто это правило не выполняется – существуют огромные выручки от реализации продукции, услуг при мизерных заработках работников, создающих эти товары (услуги), то есть нарушаются права собственности произведенного за день богатства. Защитить эту собственность призвано государство. Для того, чтобы оплата труда была эффективной и справедливой должны выполняться следующие условия – цены на товары и услуги должны быть сопряжены с затратами на их производство; зарплата должна быть сбалансирована с ценами, чтобы за счет зарплаты можно было оплачивать, как минимум, жизненные потребности; чтобы за счет фонда оплаты труда во внутреннем валовом продукте можно было выкупить все товары потребления, которые производятся, причем так, чтобы не было ни дефицита, ни перепроизводства; чтобы распреде-

ление доходов между богатыми и бедными не оставляло без ресурсов необходимые потребности государства. Основная проблема в том, что получаемая заработная плата все больше отрывается от стоимости рабочей силы.

Государство кроме косвенного регулирования рыночных инвестиций посредством МИЧ и прямого регулирования нерыночных инвестиций посредством социальных трансфертов, льгот, дотаций может эффективно работать по следующим направлениям:

- довести до социально приемлемого уровня величину оплаты труда всех работников, не допускать падения доходов в бюджетной сфере;

- удерживать на социально приемлемом уровне величину ЗП постоянно (например, с помощью МИЧ);

- предотвращать неоправданный рост межотраслевой дифференциации оплаты труда, связанный с недооценкой квалифицированного труда на большинстве предприятий и организаций государственного сектора, а также с установившейся сверхвысокой оплатой труда работников отдельных монополизированных отраслей;

- уменьшить неравенство доходов путем их прогрессивного налогообложения;

- инфляционный рост цен компенсировать повышением цены труда (реальная заработная плата должна опережать рост цен) – этот механизм использовать при расчете МИЧ;

- провести ряд преобразований в области институциональной политики;

- формировать базу данных по накоплению и использованию человеческого капитала с целью его дальнейшего эффективного развития.

Рациональное сочетание рыночных и нерыночных инвестиций в человеческий капитал, эффективность их использования приведут к росту производительности труда, платежеспособного спроса населения и расширению внутреннего рынка, будут способствовать снижению теневой занятости, борьбе с коррупцией, легализации доходов, а, следовательно, общему росту регионального воспроизводства.

Библиографический список:

1. *Клейнер Г. Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
2. *Львов Д. С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
3. *Бутов В. И., Инатов В. Г., Кетова Н. П.* Основы региональной экономики: Учебное пособие М. Ростов н/Д, 2000.
4. *Арженовский И. В.* Региональный рынок: воспроизводственный аспект. Нижний Новгород, 1997.
5. *Олейникова И. Н.* Воспроизводственный процесс в системе региональной экономики: инновационная составляющая и механизм управления (структурный аспект). Ростов н/Д: Терра, 2004.
6. *Шнитер Р. И.* Регион: экономические методы управления. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991.
7. *Шнитер Р. И., Новоселов А. С.* Региональные проблемы рыноковедения. Новосибирск: Наука, 1993.
8. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
9. *Цапенко И. В.* Инвестиции в человеческий капитал и оценка их эффективности – Шахты, Издательство «ЮРГУЭС», 2006.
10. *Кларк Д. Б.* Распределение богатства. М.: Гелиос АРВ–200.

Е. А. Максимова

Новочеркасская государственная мелиоративная академия, доцент кафедры экономической теории, кандидат экономических наук, доцент (346448, г. Новочеркасск, пр. Парковый, д. 34)

ТОВАРНЫЙ ОБМЕН И ЕГО ИНФРАСТРУКТУРА

Существуют разночтения в сущности товарного обмена, его инфраструктуры. Не до конца исследована товарная среда, нет методики подсчета движения товарных и денежных средств.

товарный обмен; инфраструктура; рынок

Товарный обмен и инфраструктура как категории неразрывно связаны. Чтобы доказать это, необходимо исследовать их методологию, провести анализ окружающей среды.

До сих пор нет четкой классификации инфраструктуры товарного обмена. Поскольку понятие инфраструктуры достаточно емкое, происходит путаница: инфраструктуру ассоциируют с действиями институтов, ее привязывают к территориям (региональная, межстрановая), присоединяют к сферам деятельности (производственная, непроизводственная).

В теоретических исследованиях признается, что инфраструктура – это более широкое понятие, чем сфера услуг и сфера обращения. В таком случае, чтобы понять роль инфраструктуры в смешанной экономике, целесообразно исследовать ее свойства и функциональные характеристики. Специалисты указывают на невозможность выделения единого критерия для отнесения сферы деятельности или совокупности сооружений к инфраструктуре и называют группы важнейших свойств инфраструктуры, на которые следует ориентироваться.

Первая группа – системные свойства инфраструктуры, или свойства, характеризующие сущность и сложность инфраструктурной системы. Предлагают также использовать термин «инфрасистема», поскольку инфраструктура есть подсистема сложных систем «производство – инфраструктура» или «население – инфраструктура» [1, с. 30].

Вторая группа – свойства, характеризующие связь системы инфраструктуры с ее внешней средой. Следует отметить межотраслевое значение товаров и услуг, производимых в инфраструктурных отраслях: они предназначены для экономики в целом либо для отдельных ее секторов (сегментов). При этом межотраслевые связи отраслей инфраструктуры имеют всеобщий и непосредственный характер [3, с. 303–323].

Третья группа – свойства, характеризующие параметры функционирования и развития системы инфраструктуры, определяемые соответствующими технико-экономическими условиями. Отдельные отрасли, сферы, виды инфраструктуры имеют свои технико-экономические особенности, обусловленные спецификой капитальных активов, технологий, потребностей общества в определенных инфраструктурных благах. Отмечают также географические особенности инфраструктуры (выраженная «территориальность» функционирования и развития инфраструктуры).

Четвертая группа – свойства, характеризующие методологию целеполагания системы инфраструктуры [6, с. 191–196].

Отечественная статистика в состав отраслей, оказывающих услуги, включает обслуживание сельского хозяйства, транспорт, связь, торговлю, общественное питание, заготовки, жилищно-коммунальное хозяйство. В эту категорию попадают предприятия сферы обращения (транспорт, связь, торговля, заготовки) и обслуживания (общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство), из чего следует, что статистикой сферы услуг охвачена лишь часть предприятий и отраслей инфраструктуры [7, с. 13–18]. Притом в статистике платных услуг отражено их разнообразие: услуги бытовые, пассажирского транспорта, связи, жилищно-коммунального хозяйства, образовательные, культуры, физкультуры и спорта, туристско-экскурсионные, медицинские, санаторно-оздоровительные, правового характера и др. [6, с. 3].

Воспроизводственный подход к инфраструктуре предполагает рассмотрение всех четырех стадий общественного воспроизводства. В настоящее время наибольшую роль инфраструктура играет на стадиях обмена и распределения созданного продукта, так как она представляет собой системы организации сбыта, связи с потребителями, гарантийные и ремонтные службы и т.д.

Существует два основных подхода к анализу инфраструктуры воспроизводства. Первый подход – воспроизводственный – предполагает анализ участия видов инфраструктуры на всех стадиях воспроизводства, происходящих в форме кругооборота капитала. Большую роль играют организации, обслуживающие рынки капитала и инвестиций, система материально-технического снабжения, доставляющая ресурсы для обеспечения воспроизводственного процесса, оптовая и розничная торговля, банковское обслуживание, а также элементы информационной, экологической и социальной инфраструктур.

Согласно второму подходу фазы общественного воспроизводства рассматривают как движение совокупного общественного продукта по четырем фазам – производство, распределение, обмен, потребление, и каждая из них обслуживает различные виды инфраструктуры.

Основной фазой является производство, так как с него каждый раз начинается новый цикл, способ производства товаров будет определяющим для дальнейших фаз обмена, распределения и потребления.

Инфраструктура производства будет включать в себя следующие элементы: предприятия, обеспечивающие технологические возможности производства, учреждения, занимающиеся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками и т.д.

Инфраструктура распределения выполняет функции, связанные с распределением вновь созданного продукта. В ее состав входят бюджеты всех уровней, налоговые службы, казначейства, совет директоров фирм.

Обмен – это форма общественной связи между производством и потреблением. При передаче вновь созданного продукта между экономическими агентами удовлетворяются потребности каждого из них. Обмен способствует установлению рыночной цены на товары, что приводит к рыночной дифференциации продукции между экономическими агентами. В ее состав входят инфраструктура отдельных рынков, складское хозяйство, системы коммуникационного, финансового, страхового, нормативно-правового обеспечения, антимонопольный комитет и др. К общей инфраструктуре производства и обмена относят транспорт и связь. Они являются основным ядром инфраструктуры, так как существует необходимость в перемещении ресурсов и созданных товаров по отраслям, регионам, странам.

Фаза потребления завершает этап производства продукции, и одновременно появление этой фазы означает завершение одного и начало другого воспроиз-

водственного цикла. Инфраструктура потребления призвана обслуживать потребности населения и обеспечивать производителей информацией о качестве производимой продукции и степени удовлетворенности потребителей товарами и услугами фирмы. Сюда входят кредитование и ипотека физических лиц, элементы экологической инфраструктуры, элементы информационной инфраструктуры (реклама) и др. [5, с. 642–646].

В литературе существует множество взглядов на определение «инфраструктура». Необходимо четко разобраться в терминологии, и выявить, что включает в себя «инфраструктура товарного обмена». Подход к инфраструктуре как к «дереву элементов», взаимосвязанных и взаимодействующих в реалиях, интересен и может дать новый поворот в понимании содержания рассматриваемой категории. В отечественной экономической науке до недавнего времени содержание инфраструктуры понималось как перечень элементов, разных институтов, обеспечивающих функционирование сфер воспроизводства, направлений хозяйствования, видов деятельности. При этом элементы, являющиеся инфраструктурой по отношению к одному явлению, могут иметь свою собственную инфраструктуру.

В научной литературе существует мнение, что инфраструктура может рассматриваться с позиций дополнительных накладных издержек, которые возникают при создании, использовании ее элементов. Многие авторы, в том числе Дж. Стиглер, характеризуют инфраструктуру как информационные институты и информационные технологии [9, с. 48]. Это расширительное понятие имеет право на существование в науке, поскольку информация действительно формирует инфраструктурный аспект хозяйствования. Инфраструктура с этой методологической позиции может рассматриваться как совокупность взаимосвязанных организаций (структур), которые заняты обслуживанием производственной, социальной и иных видов деятельности в пределах национальных границ экономики.

Поскольку одни и те же институты являются составными элементами самых разных видов инфраструктуры, постольку один институциональный подход не может раскрыть содержания и предназначение инфраструктуры в хозяйствовании. Для этого нужны воспроизводственный и функциональный подходы к ее изучению. Институты инфраструктуры нельзя полностью считать составными элементами определенной инфраструктуры. Нужно выявлять функции этих институтов и по функциям соотносить их с той или иной инфраструктурой. То есть необходимо функционально дробить состав каждого института, входящего в инфраструктуру, и соотносить с разными видами инфраструктурами. Но и такой подход к пониманию состава инфраструктуры неточен.

Инфраструктура существует на разных уровнях экономики: на уровне предприятия, региона, в пределах страны, на уровне мирохозяйственных экономических отношений. По мнению Трубицыной Т. И., инфраструктура должна рассматриваться, во-первых, как система экономических отношений в сфере обслуживания, что обуславливает наличие схожих, а нередко и одинаковых функций у разных видов инфраструктуры, хотя внешне эти функции могут проявляться различно. Во-вторых, существуют эти отношения на разных уровнях хозяйственных отношений, а поэтому не могут быть одинаковыми по строению и должны выполнять различные функции. В-третьих, инфраструктура зависит от той хозяйственной структуры, которую она обслуживает. Поэтому отношения инфраструктуры и функции инфраструктуры производны, ведомы, зависимы от разных сфер экономики. В-четвертых, функционирование инфраструктуры гибко, пластично, очень активно реагирует на те условия, в которых находится не только инфраструктура, но и те хозяйственные сферы, которые ею обслужива-

ются, от условий хозяйствования национальной, региональной экономики, фирм, домашних хозяйств. По ее мнению инфраструктура может быть представлена в теории как система отношений сферы обслуживания, существующая по территориям, ориентированная на создание благоприятных условий функционирования производства, рынка, социальных институтов и иных форм жизнеобеспечения населения и субъектов хозяйствования [10].

Понятие инфраструктуры вынужденно наполнилось новым содержанием, включая области инновационного, информационного, финансового и иного сопровождения производственно-коммерческих процессов. С развитием рыночных отношений и необходимостью формирования качественно новой системы хозяйственных связей, основывающихся на товарном обмене, в отечественной экономической литературе утвердился термин «рыночная инфраструктура», обозначающий совокупность сфер деятельности, способствующих процессам товародвижения.

В отечественной литературе предлагается следующий перечень институтов инфраструктуры рынка:

- кредитная система и коммерческие банки;
- эмиссионная система и эмиссионные банки;
- организационно оформленное посредничество на товарных, сырьевых, фондовых и валютных биржах;
- аукционы, ярмарки и другие формы организованного внебиржевого посредничества;
- система регулирования занятости населения и центры (государственные и негосударственные) содействия занятости (биржи труда);
- информационные технологии и средства деловой коммуникации;
- налоговая система и налоговые инспекции;
- система страхования коммерческого, хозяйственного риска и страховые (государственные и негосударственные) компании;
- специальные рекламные агентства, информационные агентства и средства массовой информации;
- торговые палаты, другие общественные и добровольные государственно-общественные объединения деловых кругов;
- таможенная система;
- профессиональные союзы, работающих по найму;
- коммерческо-выставочные комплексы;
- коммерческие центры;
- логистические сервисные центры;
- система высшего и среднего экономического образования;
- консультационные (консалтинговые) компании;
- общественные и государственно-общественные фонды, предназначенные для стимулирования деловой активности [2, с. 14]. В работе инфраструктуры возможны сбои, которые могут вызываться рядом причин: техническими, организационными, экономическими, социальными. Для наиболее полного и максимального результата работы инфраструктуры необходим полный перечень природы возникновения сбоев, с целью их предотвращения и исключения вообще.

Сбои в виде невыполнения или неправильного осуществления функций можно сгруппировать следующим образом в виде последствий, вызываемых различными типами причин:

1. Повреждение элементов инфраструктуры (утрата, порча товара (груза), нарушение упаковки и пр.);

2. Нарушение товародвижения (остановка транспортного средства в ходе доставки груза, прекращение выполнения погрузочно-разгрузочных работ и пр.);

3. Искажение состава инфраструктуры (неправильная комплектация грузовых партий, пересортица, смещение грузов и пр.);

4. Остановка сопроводительных организационно-информационных процедур (таможенного оформления, сертификации);

5. Общие организационно-управленческие сбои работы элементов инфраструктуры (неправильное оформление документов, выдача некомпетентных распоряжений, отсутствие правил и порядка выполнения операций, низкая исполнительная дисциплина) [8, с. 20]. По мнению Ивановой Е. В. обеспечение устойчивости основывается на анализе и оценке степени надежности рыночной инфраструктуры на основе определения показателей, связанных с явлениями сбоя – событиями, заключающимися в нарушении работоспособности. С точки зрения предотвращения, отказы разделяются на внезапные и системные. Если системные можно прогнозировать и предотвращать профилактическими мероприятиями, то внезапные сбои представляют наибольшую опасность для функционирования экономической системы. Возможность предотвращения системных сбоев основывается на диагностировании параметров, свидетельствующих о нарушениях в порядке работы, в то время как внезапные сбои проявляются в виде резкого изменения параметров, что говорит о разрушении стабильного поведения системы. Процесс обеспечения институциональной устойчивости представляет собой относительно однородные объекты, а в практике рыночной системы связь субъектов инфраструктуры осуществляется на взаимовыгодном сотрудничестве. С этой точки зрения каждое предприятие обладает собственной системой оценок надежности хозяйствования, исходя из своего коммерческого потенциала.

Особое внимание необходимо уделять комплексу негативных факторов внутрисистемного происхождения, связанных с некомпетентностью собственника производственно-финансовых, институциональных и организационных вопросах, в том числе и неэффективные научно-производственная и маркетинговые стратегии, некомпетентный менеджмент [4, с. 101]. Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод о том, что нет конкретного определения инфраструктуры товарного обмена, не описана его среда. В связи с этим в данной статье предлагается авторская концепция данного понятия, основанная на Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, статистической отчетности предприятий и организаций в РФ. За основу была взята идея о том, что товарный обмен входит в воспроизводственный процесс и представлен следующими видами деятельности:

- оптовая и розничная торговля;
- транспорт;
- связь;
- финансовая деятельность.

Любой обмен товаров предполагает встречное движение денежных средств. Они распределяются среди населения, предприятий и организаций, поступают в государственный бюджет, внебюджетные фонды, страховые организации. Таким образом, идет непрерывный поток товаров (услуг) и денег. Сопоставляя теоретические положения и учитывая удобство статистического учета, целесообразно представить инфраструктуру товарного обмена в следующем виде (рис. 1).

Рисунок 1

Данный подход наглядно и детально показывает движение товаров и денежных средств по определенным «ступеням» движения, и, соответственно, описывает среду товарного обмена. Предлагаемая методика удобна тем, что дает возможность просчитать сбои в движении на каждой ступени (за любой исследуемый период), выявить причины этих неполадок, предложить мероприятия по их предотвращению. Кроме того, на каждой «ступени» возможны свои внутренние недочеты в работе, которые также поддаются исследованию.

Библиографический список:

1. *Алаев Э. Б.* Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1997.
2. *Ахмадуев А.* Предпринимательство в регионе: условия развития и государственного регулирования // *Экономист*. 2004. № 7.
3. *Волчек Н. З.* Производственная инфраструктура в экономике освободившихся стран // *Очерки политической экономики (развивающиеся страны)*. М.: Политиздат, 1969.
4. *Иванова Е. В.* Институциональная организация экономики в разрезе рыночной инфраструктуры региона // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2012. № 39.
5. *Матвеев Ю. В., Трубецкая О. В.* Воспроизводственная инфраструктура в условиях модернизации российской экономики // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 3.

6. *Пыжсев И. С., Руцкий В. Н., Судьин К. Н.* Анализ социальной инфраструктуры национальной экономики: теоретические аспекты // Сибирская финансовая школа. 2012. №4.

7. *Пчелинцев О. С.* Проблемы региональной инфраструктуры как источник экономических и социальных угроз // Проблемы прогнозирования. 2006. № 6.

8. *Радина О. И.* Инфраструктурное обеспечение институциональной устойчивости социально-экономической системы региона. Изд. ЮРГУЭС. Шахты, 2006.

9. *Стиглер Дж.* Экономика информации. М., 2002.

10. *Трубицина Т. И.* Инфраструктура как категория экономической теории // Известия Саратовского университета. 2012. Т 12. Сер. Экономика. Управление. Право, Вып. 2.

О. В. Фокина

Вятский государственный университет, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга, кандидат экономических наук, доцент (610000, г. Киров, ул. К. Маркса, д. 77)

Т. В. Блесткина

Вятский Государственный университет, старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга (610000, г. Киров, ул. К. Маркса, д. 77)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. КИРОВА И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рынок общественного питания является одной из привлекательных отраслей, особенно на региональных рынках. Предприниматели испытывают жесткую конкуренцию, но продолжают открывать новые заведения. В данных условиях борьбы за потребителя выигрывает тот, кто предлагает новые форматы, системы обслуживания, дополнительные услуги, предвосхищая потребности гостей. Данная статья освещает основные проблемы регионального рынка общественного питания и тенденции дальнейшего развития.

общественное питание; корреляция; тенденция; сфера услуг; конкурентоспособность; формат

Современный рынок общественного питания как перспективный сектор бизнеса привлекает все большее количество инвесторов. Это объясняется увеличением числа людей, которые предпочитают посещать кафе или рестораны, нежели питаться дома. Причинами таких изменений являются улучшение благосостояния населения, ускорение ритма жизни, повышение ценности времени для деловых людей, изменения в образе жизни.

Развитие рынка активнее идет в регионах. Значительную долю из числа новых заведений стали занимать рестораны японской кухни, итальянской пиццы с услугами доставки заказа домой, кофейни, лаунж-кафе, ранее не популярные среди населения. Успех в конкурентной борьбе во многом зависит от концепции, формата, имиджа, месторасположения и ценовой политики заведения.

Согласно данным территориального органа статистики по Кировской области в I полугодии 2013 года по обороту на душу населения по общественному питанию область занимает 3 место в ПФО, что обусловлено активным подъемом рынка, начиная с 2010 года [1].

В современных условиях экономического кризиса и одновременно повышающейся конкуренции предприятия общественного питания приближаются к европейскому уровню не только внешне (дизайн решения фасада, внутреннее оформление, формат меню, музыкальное сопровождение и пр.), но и по уровню обслуживания, ассортименту предлагаемых услуг. В качестве дополнительных услуг предлагаются различные формы самообслуживания в заведениях, доставка заказа, обслуживание по предварительным заявкам, использование дисконтных и кредитных карт и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что в данном бизнесе наибольшее значение принимает формулирование уникального торгового предложения, в частности при выборе формата заведения.

Законодательно (Стандарт ГОСТ Р 50762–95) предприятия общественного питания подразделяются на 5 основных типов:

1. Ресторан – предприятие общественного питания с широким ассортиментом блюд сложного приготовления, включая заказные и фирменные; винно – водочные, табачные и кондитерские изделия, повышенным уровнем обслуживания в сочетании с организацией отдыха. Рестораны различают [2]:

- по ассортименту реализуемой продукции – рыбный, пивной; с национальной кухней или кухней зарубежных стран;
- по месту расположения – ресторан при гостинице, вокзале, в зоне отдыха, вагон – ресторан и др.

2. Бар – предприятие общественного питания с барной стойкой, реализующее смешанные, крепкие алкогольные, слабоалкогольные и безалкогольные напитки, закуски, десерты, мучные кондитерские и булочные изделия, покупные товары. Бары различают:

- по ассортименту реализуемой продукции и способу приготовления – молочный, пивной, винный, кофейный, коктейль – бар, гриль – бар;
- по специфике обслуживания потребителей – видеobar, варьете – бар и др.

3. Кафе – предприятие по организации питания и отдыха потребителей с предоставлением ограниченного по сравнению с рестораном ассортимента продукции. Реализует фирменные, заказные блюда, изделия и напитки. Кафе различают:

- по ассортименту реализуемой продукции – кафе – мороженое, кафе – кондитерская, кафе – молочная;
- по контингенту потребителей – кафе молодежное, детское и др.

4. Столовая – общедоступное или обслуживающее определенный контингент потребителей предприятие общественного питания, производящее и реализующее блюда в соответствии с разнообразным по дням недели меню. Столовые различают:

- по ассортименту реализуемой продукции – общего типа и диетическая;
- по обслуживаемому контингенту потребителей – школьная, студенческая и др.;

- по месту расположения – общедоступная, по месту учебы, работы.

5. Закусочная – предприятие общественного питания с ограниченным ассортиментом блюд несложного приготовления из определенного вида сырья и предназначенное для быстрого обслуживания потребителей. Закусочные разделяют:

- по ассортименту реализуемой продукции – общего типа и специализированные (сосисочная,пельменная, блинная, пирожковая, пончиковая, шашлычная, чайная, пиццерия, гамбургерная и т.д.).

При определении типа предприятия, указанного в Стандарте России «Общественное питание», учитывались следующие факторы:

- ассортимент реализуемой продукции, ее разнообразие и сложность изготовления;

- техническую оснащенность;

- методы обслуживания;

- квалификацию персонала;

- качество обслуживания;

- номенклатуру предоставляемых потребителям услуг. [1]

В нашем исследовании конкурентоспособности предприятий общественного питания (на основе анализа 17 наиболее крупных кафе ресторанный типа г. Кирова) был проведен факторный анализ, который позволяет вычислять корреляцию между факторами конкурентоспособности. Наибольшая корреляция возникла между переменными:

- X_1 (скорость обслуживания) и X_3 (ценовая политика),
- X_1 (скорость обслуживания) и X_6 (количество посетителей),
- X_2 (кухня) и X_3 (ценовая политика),
- X_4 (режим работы) и X_8 (чистота заведения),
- X_3 (цена чека) и X_8 (чистота заведения),
- X_4 (режим работы) и X_8 (чистота заведения),
- X_5 (репутация заведения) и X_6 (количество посетителей),
- X_5 (репутация заведения) и X_9 (отношение к посетителям),
- X_5 (репутация заведения) и X_{11} (название кафе),
- X_6 (количество посетителей) и X_{12} (звуковое оформление),
- X_{13} (наличие сан. узлов) и X_{12} (звуковое оформление),
- X_{16} (фирменный стиль) и X_{11} (название кафе),
- X_9 (отношение к посетителям) и X_{16} (фирменный стиль).

На основании данных корреляционного анализа было решено объединить все переменные в 2 обобщенные группы факторов:

1 группа – Фактор «Формат заведения»

Анализируя модель факторов, можно сделать вывод, что относительно высокое значение корреляции для фактора 1 наблюдается между переменными X_1 (скорость обслуживания), X_2 (ассортимент предлагаемых блюд), X_5 (репутация заведения), X_6 (наполненность зала), X_8 (чистота заведения), X_{11} (название кафе), X_{12} (музыкальное сопровождение), X_{14} (уровень известности), X_{16} (фирменный стиль). Эти переменные подчеркивают важность внешней атрибутики, репутации предприятия, поэтому данный фактор (ось 1) можно назвать «имидж предприятия».

2 группа – Фактор «Качество обслуживания»

Для фактора 2 высокие значения корреляции наблюдаются между переменными X_9 (отношение к посетителям со стороны персонала), поэтому данный фактор (ось 2) можно назвать «уровень обслуживания».

Тем самым подтвердилась гипотеза о том, что для победы на региональном рынке общественного питания необходимо тщательно и грамотно подойти к выбору формата предприятия и кадровой политике.

Причем с течением времени форматы видоизменяются, подстраиваясь под современные требования потребителей. И если fast food уже прочно укрепил свои позиции в предпочтениях потенциальных потребителей, то такие новые форматы, как free flow, quick&casual и др., пока только находят свои ниши и подстраиваются и видоизменяются под региональные реалии и требования. Рассмотрим некоторые из форматов.

Fast Casual – «быстрый и демократичный» – этот формат является наиболее динамичным сегментом на рынке общественного питания. Преимущества: более вкусная и разнообразная еда и быстрое обслуживание. Каждое блюдо готовится индивидуально для конкретного клиента, при приготовлении используются продукты высшего качества и деликатесы. Более распространен сетевой формат с возможным использованием франчайзинга.

Демократичные рестораны (Casual Dining) – самыми популярными заведениями данным формате являются: пиццерия, кофейня, пивной ресторан, стейк-хаус, национальный ресторан, бар.

Фри-флоу (Free flow) – «свободный доступ». Этот формат подразумевает свободное перемещение гостей по торговому залу с возможностью самостоятельного выбора готовящихся в их присутствии блюд. Отличительная особенность – это большой ассортимент, демократичные цены, большая пропускная способность.

Quick&casual – формат, при котором в одном ресторане может быть организовано несколько залов разнообразной кухни, гость может обслужить себя без помощи официантов и не расплачиваться в течение всего вечера, сделав это один раз на выходе из заведения. Демократичность цен обуславливается упрощенной рецептурой и установлением более низких наценок на блюда.

Таким образом, определившись с форматом заведения, его имиджем, а также проанализировав мнения и предпочтения покупателей, эффективный менеджер разрабатывает конкурентоспособную программу маркетинга. Поскольку рынок общественного питания в Кировской области взял курс на перспективу и будет оставаться привлекательным для инвестирования еще 5–10 лет, разработка грамотной программы маркетинга позволит получить из бизнеса максимальный доход за конкретное время.

Более того, в регионе проводится активная поддержка начинающих предпринимателей данной отрасли, в частности в администрации города приступили к разработке специальной карты, на которую нанесут как торговые объекты, так и заведения общественного питания. В данном случае будет наглядно видно, где целесообразно открывать то или иное заведение, а где нет.

Однако, по-прежнему остается одна из наиболее острых проблем отрасли и региона – дефицит квалифицированных кадров. Примечательно, что в большинстве брендовых кафе и ресторанов города и области около половины сотрудников – это специалисты, приглашенные из других городов, более профессионально подкованные, обучаемые, компетентные.

Подводя итог необходимо отметить, что в сравнении с населением других стран, россияне тратят на питание вне дома незначительную часть своих доходов, что дает повод экспертам говорить о том, что рынок в России еще не насыщен и на нем есть еще достаточно места для большого количества игроков. В частности, это справедливо и для региональных рынков. Многие игроки рынка продолжают активно развиваться, однако пересматривают свои стратегии развития. Основными инструментами повышения конкурентоспособности на рынке общественного питания Кировской области являются пересмотр формата заведения и оптимизация кадровой политики. Маркетинговый подход к данным вопросам обеспечит предприятию стабильное существование на долгосрочную перспективу.

Библиографический список:

1. Материалы Федеральной службы государственной статистики
2. ГОСТ Р 50762–95 Общественное питание. Классификация предприятий Утвержден Постановлением Госстандарта России № 198 от 5 апреля 1995 г. Дата введения 01.07.95
3. «Рынок общественного питания в России под влиянием кризиса: текущее состояние и перспективы развития». Журнал индустрии общественного питания FCI №09, сентябрь 2013.
4. *Шок Патти Д., Боуэн Джон Т., Стефанелл Джон М.* Маркетинг в ресторанном бизнесе / Пер. с англ. С. Прокофьева. М.: Изд. дом «Ресторан. Ведомости», 2005.

М. И. Малёваный

Уманский национальный университет садоводства, доцент кафедры финансов и кредита, кандидат экономических наук, доцент (20305, Украина, Черкасская обл., г. Умань, ул. Институтская, д. 1; тел.: (04744) 3-53-64; kaffin_udau@mail.ru)

Е. Т. Прокопчук

Уманский национальный университет садоводства, старший преподаватель кафедры финансов и кредита, кандидат экономических наук (20305, Украина, Черкасская обл., г. Умань, ул. Институтская, д. 1; тел.: (04744) 3-53-64; kaffin_udau@mail.ru)

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОБСЛУЖИВАЮЩЕЙ КООПЕРАЦИИ В УКРАИНЕ

В статье осуществлен анализ современного состояния сельскохозяйственной кооперации в Украине, определены перспективы развития сельскохозяйственной обслуживающей кооперации в Украине с целью усовершенствования отношений между сельскохозяйственными товаропроизводителями и улучшения благосостояния крестьян. Также обосновываются необходимость и перспективы возрождения сельскохозяйственной обслуживающей кооперации в Украине. За результатами исследования установлено, что в Украине существующие организационно-экономические и правовые условия не способствуют развитию кооперативного движения на селе. В то же время объединение крестьян в кооперативы будет способствовать эффективной реализации ресурсного потенциала сельского хозяйства при сохранении рабочих мест, социальном развитии сельских территорий. Рядом с укреплением фермерства и крупнотоварного частного производства необходимо развивать кооперативное движение на селе, которое должно стать важным фундаментом структурной перестройки сельского хозяйства.

кооперация; сельскохозяйственная кооперация; сельское хозяйство; производственные и обслуживающие кооперативы; рынок; сбыт

Эффективное сельскохозяйственное производство является основой обеспечения продовольственной безопасности государства, удовлетворения потребностей населения страны, высококачественными продуктами питания в достаточном количестве и разного ассортимента. Нынешняя аграрная структура, при которой увеличивается концентрация земель агрохолдингов, которые специализируются на выращивании высокопродуктивных и монокультур преимущественно зерновой и масляной групп, а производством трудоемкой плодовоощной и мясомолочной продукции занимаются мелкие личные крестьянские хозяйства и фермеры, является несбалансированной. Сельскохозяйственная концентрация в таком виде не предусматривает социальное развитие села, создания новых рабочих мест, снижения цен, на продукты питания. Следовательно, сегодня одним из важнейших механизмов устранения социально-экономических проблем в сельской местности есть развитие и поддержка сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов.

Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует о том, что в современных условиях достаточно остро стоит вопрос о возрождении сельскохозяйственной обслуживающей кооперации. В частности этой теме посвятили

свои труды ученые-аграрии: В. В. Гончаренко, В. В. Зиновчук, Н. И. Малик, Л. В. Молдаван, В. О. Цимбал, А. С. Шолойко и другие. Однако проблемы и перспективы развития сельскохозяйственной обслуживающей кооперации, учитывая их актуальность, еще требуют дальнейшего исследования.

Целью данной статьи является анализ современного состояния сельскохозяйственной кооперации в Украине, определение перспектив развития сельскохозяйственной обслуживающей кооперации в Украине с целью усовершенствования отношений между сельскохозяйственными товаропроизводителями и улучшение благосостояния крестьян.

В Украине для успешной деятельности сельскохозяйственных кооперативов сформировано достаточное нормативно-правовое поле. В частности, это Законы Украины «О кооперации», «О сельскохозяйственной кооперации», «О потребительской кооперации», «О кредитных союзах», Указ Президента Украины «О мерах по развитию кооперативного движения и усилению его роли в реформировании экономики Украины на рыночных принципах». Кроме того, Государственная целевая программа развития украинского села на период до 2015 г. и Постановление Кабинета Министров Украины «О мерах по активизации работы по развитию животноводства» предусматривают предоставление бюджетной поддержки личным крестьянским хозяйствам, а также созданию и функционированию сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов по заготовке, переработке и сбыту продукции животноводства, искусственного осеменения животных, созданию и содержанию культурных пастбищ и субъектов малого предпринимательства на селе.

На сегодня потенциал сельскохозяйственной кооперации в Украине остается нереализованным. Количество производственных кооперативов в 2008–2012 гг. постоянно снижалось, небольшим было и количество обслуживающих кооперативов (рис. 1). Доля обслуживающих кооперативов в общем количестве сельскохозяйственных кооперативов в 2008 г. составляла 49,4%, в 2009 г. – 34,3, в 2010 г. – 41,6%, в 2011 г. – 44,2% и в 2012 г. – 53,3%.

Производственный кооператив является юридическим лицом, которое создается гражданами с целью осуществления хозяйственной деятельности на принципах предпринимательства.

Рисунок 1

Динамика количества сельскохозяйственных кооперативов (в разрезе их видовой классификации) и доля обслуживающих кооперативов в общем количестве с/х кооперативов

По данным Госслужбы статистики Украины и оперативной отчетности Главных управлений агропромышленного развития областных государственных администраций.

Производственный кооператив является юридическим лицом, которое создается гражданами с целью осуществления хозяйственной деятельности на принципах предпринимательства [1, с. 3–4]. Основной причиной снижения количества производственных сельскохозяйственных кооперативов является невозможность использовать наемный труд, что предусмотрено кооперативными принципами, закрепленными в законодательстве. Как следствие, производственному сельскохозяйственному кооперативу трудно реагировать на рыночную конъюнктуру, уменьшая численность работников при низком спросе и нанимая дополнительную рабочую силу при росте рынка [2, с. 106]. В конечном итоге, сельскохозяйственный производственный кооператив избавляется перспектив последующего существования и, как правило, или прекращает свою деятельность, или происходит его реорганизация в определенный вид хозяйственного общества.

Зато, перспективы развития существуют в сельскохозяйственной обслуживающей кооперации, которая является ключевым механизмом самоорганизации сельских товаропроизводителей, защиты небольших крестьянских, фермерских хозяйств, от недобросовестных посреднических структур и зависимости от них. Такой вид кооперации способствует [3, с. 121–122]:

- повышению эффективности сельскохозяйственного производства благодаря оптимизации расходов товаропроизводителей на приобретение средств производства, проведения отдельных технологических операций, осуществления маркетинговых исследований, а также увеличения прибыли, от реализации продукции;

- расширению доступа сельскохозяйственных товаропроизводителей, особенно личных крестьянских и фермерских хозяйств, к агросервисным услугам;

- усовершенствованию для сельскохозяйственных товаропроизводителей процесса реализации продукции, более эффективному использованию каналов сбыта, достижению крепких позиций, на рынке, адаптации к рыночным условиям;

- созданию дополнительных рабочих мест в сельской местности, улучшению социальной защиты сельского населения, повышению уровня жизни, на селе.

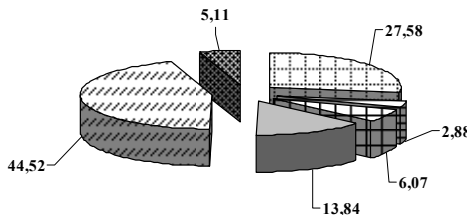
В настоящее время в Украине наибольшего распространения приобрели специализированные, агроторговые и многофункциональные кооперативы (рис. 2).

Количество зарегистрированных сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов за исследуемый период не было постоянным.

Рисунок 2

Структура сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов, %

- Сервисные
- Снабженческие
- Перерабатывающие
- Заготовительно-сбытовые
- Многофункциональные
- Другие

Составлено и обобщено по данным источника [4, с. 72–73]

Анализ рис. 3 показывает, что динамика сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов в Украине в течение 2008 – 2012 гг. носит скачкообразный характер. На начало 2010 г. количество кооперативов существенно уменьшились

и составляло 645 единиц. Значительное уменьшение кооперативов в 2011 г. свидетельствует о пассивной государственной поддержке относительно развития сельскохозяйственной обслуживающей кооперации.

Выдающуюся роль в формировании и деятельности сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов играет государство. Постепенно отойдя от непосредственно административного управления, выполнения, заготовительно-сбытовой функции и материально-технического обеспечения аграриев, государство должно сосредоточить свое внимание на регуляции их деятельности преимущественно с помощью рыночных рычагов.

На современном этапе государственная финансовая поддержка сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов не всегда характеризуется согласованностью и системностью мероприятий, осуществляемых органами государственной власти относительно кооперативных организаций [5, с. 202].

Рисунок 3

Количество сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов и размер их государственной поддержки в Украине

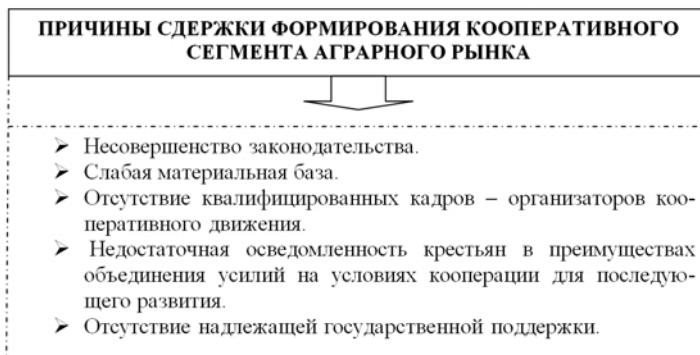

На современном этапе государственная финансовая поддержка сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов не всегда характеризуется согласованностью и системностью мероприятий, осуществляемых органами государственной власти относительно кооперативных организаций [6, с. 93].

В то же время, одной из острейших проблем их развития остается формирование финансовых ресурсов, поскольку кооперирование привлекает, в основном, сельскохозяйственных товаропроизводителей из относительно ограниченными финансовыми возможностями, а кооперативная инициатива реализуется, главным образом, там, где ненужное привлечение специальных средств. Ключевые причины сдержки формирования кооперативного сегмента аграрного рынка обобщенно на рис. 4.

Следовательно, в Украине существующие организационно-экономические и правовые условия не способствуют развитию кооперативного движения на селе. В то же время объединение крестьян в кооперативы будет способствовать эффективной реализации ресурсного потенциала сельского хозяйства при сохранении рабочих мест, социальном развитии сельских территорий. Рядом с укреплением фермерства и крупнотоварного частного производства необходимо развивать кооперативное движение на селе, которое должно стать важным фундаментом структурной перестройки сельского хозяйства.

Основные причины сдержки формирования кооперативного сегмента аграрного рынка

Таким образом, развитие отечественной сельскохозяйственной обслуживающей кооперации будет способствовать созданию качественно новых отношений между сельскохозяйственными товаропроизводителями, объединению их усилий для решения экономических проблем, улучшению благосостояния крестьян.

Библиографический список:

1. *Малик Н. И., Ю. Я. Лузан* Проблемные вопросы развития кооперации и интеграционных отношений в АПК // Экономика АПК. 2010. № 3.
2. *Малик Н. И.* Научно-методическое обеспечение развития кооперации в аграрной сфере // Экономика АПК. 2010. № 12.
3. *Молдаван Л. В., Крисанов Д. Ф., Удова Л. О.* Роль кооперативов в преодолении сельской бедности / Л. В. Молдаван// Экономика АПК: междунар. науч.-производств. журн. 2010. № 11.
4. *Цимбал В. О.* Проблемы развития обслуживающей кооперации на селе // Агроинком. 2011. № 4.
5. *Ушкаренко Ю. В.* Сельскохозяйственная кооперация в эволюционном измерении: моногр. Херсон: Айлан, 2009.
6. *Шолойко А. С.* Государственная финансовая поддержка сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов в условиях применения программно-целевого метода финансирования // Учет и финансы АПК. 2011. № 2.

М. М. Семенова

Московская международная высшая школа бизнеса (Институт), аспирант (109147, г. Москва, ул. Марксистская, д. 34, корп. 7; тел.: (495) 921-41-80; info@mirbis.ru)

ТЕЛЕРЕКЛАМА КАК МОДЕЛЬ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выполнен аналитический обзор состояния телерекламы в России за последние 25 лет. Отмечены особенности распределения бюджетов рекламы по различным сегментам до и после финансового кризиса 2008г. Выделены четыре периода формирования телерекламного рынка России. Сформирована математическая модель отражающая распределение бюджетов телерекламы в течение ряда лет по месяцам года. Предложенная модель адекватно отражает циклический, сезонный (новогодние каникулы и период отпусков в июле, августе) характер уровня деловой активности в экономике страны. Это позволяет формировать адекватные математические модели для других секторов экономики, которые можно использовать для прогнозирования уровня бюджетов будущих периодов. Подчеркнуто, что состояние рекламного рынка достаточно точно отражает фактическую ситуацию в экономике.

экономическая модель; рекламный рынок; экономика; телевизионная реклама

Телевидение относится к электронным средствам массовой информации и является одним из самых популярных СМИ в нашей стране. Это очень эффективное, но одновременно и самое дорогое средство распространения рекламы. Телереклама обладает хорошей запоминаемостью. Показанная в телеэфире большое число раз, она успешно внедряет в сознание и подсознание телезрителей то, что необходимо рекламодателю.

Важнейшим преимуществом телерекламы является возможность демонстрации движущегося изображения, показа в действии рекламируемого объекта, а также процесса приготовления товара.

Еще одним преимуществом телерекламы является ее способность разворачивать действие в пространстве и времени, показывать использование рекламируемого объекта в разных странах, на разных производствах, приводить кадры кинохроники, переносить зрителя в труднодоступные места: под воду, в шахту, на Гималаи... Очень важно, что зрелище, демонстрируемое потребителем телекамерой, имеет характер документа, а значит, обладает серьезнейшей убеждающей силой. Телереклама обладает способностью показывать то, что никогда не удастся увидеть снаружи изделия. Например, узлы машин, недоступные прямому наблюдению из-за своей миниатюрности или большой скорости движения [1].

Хороший, качественный рекламный видеоролик способен в очень короткие сроки создать образ товара (фирмы), выделить его из массы ему подобных. Грамотно подобранная мотивация в рекламном видеосюжете способна сотворить чудо, и в один миг сделать товар или услугу жизненно необходимой. Психологические моменты и методы в профессиональном рекламном фильме помогают зрителю понять героев видеосюжета, вызвать к ним симпатию и даже отождествить себя с ними, создать желание в потребности и в обладании рекламируемого товара.

Реклама на телевидении имеет относительно небольшую историю существования, как и все телевидение в целом [2]. В настоящее время мы уже настолько

привыкли к телевизионной рекламе, что теперь уже трудно представить современную жизнь без нее.

Необходимо отметить, что телевизионная реклама имеет большие возможности и достаточно популярна, однако, по результатам некоторых социологических опросов, положительно воспринимают рекламу лишь 8,5% зрителей; спокойно 13,5%; вообще не обращают внимания 13,5%; 46% зрителей по разным причинам относятся к телерекламе отрицательно [14].

В истории развития телерекламы исследователи выделяют разное число этапов. В настоящем обзоре мы будем придерживаться мнения П. А. Стрелкова [3], который выделяет четыре характерных периода.

В СССР рекламы практически не существовало: в отсутствие такого явления как конкуренция, один из основных инструментов для создания конкурентного преимущества был никому не нужен. Большая часть того, что можно было назвать рекламой, делалась для зарубежной аудитории (реклама «Аэрофлота» и некоторых советских предприятий внешней торговли) людьми, которых никак нельзя было назвать профессионалами.

В конце восьмидесятых годов ситуация стала стремительно меняться – началось формирование негосударственного сектора экономики.

Точкой отсчета развития телевизионной рекламы считается Первый всесоюзный смотр-конкурс рекламных фильмов, который прошел в 1984 году [2]. А уже в 1987 году советские рекламисты собрались во второй раз. Эти конкурсы позволили оценить ситуацию, которая сложилась в стране и «поднять планку» профессионалов советской рекламы. Провозглашение политики гласности в СССР в 1985 году привели к началу преобразований в СМИ, в том числе и на телевидении. И теперь телевидение становится не только основным средством информации, но и основным средством рекламы.

Второй период – с 1990 по начало 1992 года – период перехода к рыночным отношениям [3]. Данный период стал временем «максимальной независимости» СМИ в новейшей российской истории. Настроения, царившие в обществе, которые характеризовались практически полной поддержкой нового курса реформ и действующей власти в лице Бориса Ельцина, естественным образом нашли свое отражение в большинстве средств массовой информации.

В результате многие СМИ обрели независимость от государства. В частности, телевидение пережило резкий переход от полного государственного финансирования к самостоятельному обеспечению, что явилось первопричиной бурного развития рынка телевизионной рекламы в последующие годы: был упразднен центральный орган управления телевизионным и радиовещанием – Гостелерадио СССР, что повлекло создание многочисленных государственных телерадиокомпаний, как на федеральном, так и на региональном уровне, которые впоследствии были приватизированы; в условиях жесточайшей нехватки финансирования получение доходов от размещения рекламы стало для телеканалов фактически единственным способом существования.

На рубеже девяностых в СССР и чуть позже в России, открыли свои представительства крупнейшие западные сетевые рекламные агентства BBDO, Young & Rubicam, Ogilvy & Mather. Поначалу, они, в основном, занимались созданием брэндов и размещением объявлений в прессе, поскольку, ввиду полного отсутствия потребительской культуры в стране, не могли оказывать существенного влияния на рынки товаров. Международные агентства решали и более серьезные задачи. BBDO осуществляло консультационную поддержку государства применительно к всероссийской программе приватизации. Одновременно появилось множество новых СМИ: журналы, телеканалы, радиостанции. В сентябре 1990г.

произошло знаковое событие: был образован первый коммерческий телевизионный канал «2×2». Данный канал просуществовал до июня 1997г., когда у него истек срок лицензии на вещание и на протяжении всего своего существования функционировал исключительно на доходы от рекламы.

В 1991 году наша телереклама на 99 процентов была обращена к оптовикам [2]. Заклучая между собой торговые сделки, «новые русские» переговаривались друг с другом через телеэкран, выказывая таким образом, откровенное пренебрежение к интересам подавляющего большинства телезрителей, сидевших у того же экрана. В 1992 году стала понемногу появляться отечественная реклама так называемых «товаров народного потребления», но и она была демонстративно обращена к «своим».

В начале своего существования наша телереклама не только не выполняла функцию социального стабилизатора, которая отведена ей («во всем цивилизованном мире»), наоборот. Грубо нарушая две священные заповеди рекламодателя – «информатор должен идентифицировать свои интересы с интересами «простых людей» и «рекламное сообщение не должно быть агрессивным», – она вносила дополнительную дестабилизацию в общество. Только после перестройки лило реклама в нашей стране начало приобретать более четкие черты, однако бездейные ролики продолжали существовать на телевидении.

Третий период – с 1992 по 1998 – период «коммерциализации и концентрации». Начало данного периода (с 1992 по 1993 год) вошло в историю России как время серьёзных экономических трудностей и острых политических конфронтаций. Шоковая терапия Егора Гайдара привела к стремительному обнищанию большей части населения страны, которое в результате реформ в одночасье лишилось сбережений, накопленных в течение десятилетий, а нестабильность политической системы и, как следствие, повышенная напряженность во властных кругах, вылились в расстрел парламента.

С 1994 по середину 1995г. начал развиваться процесс концентрации СМИ, то есть образование на рынке крупных холдингов подконтрольных отдельным личностям: Гусинскому (группа «Мост»), Яковлеву (издательский дом «Коммерсант») и т.п.

Временной отрезок с февраля 1995г. по начало 1996г. ознаменовался возвращением политизированного капитала в СМИ. Главным действующим лицом протекавшего процесса стал Борис Березовский, создавший холдинг, основной задачей которого был завуалированный контроль над СМИ, с целью обеспечить поддержку действующей власти во время парламентских и президентских выборов 1996г. и помочь ей сохранить свои позиции.

Создание холдинга началось в феврале 1995 года, вместе с образованием Общественного Российского Телевидения (ОРТ). В результате к президентским выборам 1996г. посредством концентрации СМИ была сформирована мощная и эффективная пропагандистская система, позволившая действовавшему президенту Борису Ельцину сохранить за собой пост главы государства.

Если до выборов 1996г. роль СМИ как рычага управления политическими процессами считалась значительной, то после выборов она была признана определяющей. В результате крупные финансовые структуры, устроили гонку за СМИ с целью увеличения политического влияния. Кроме того, созданные информационные холдинги и приобретаемые средства массовой информации стали использоваться в качестве инструментов для отстаивания собственных экономических интересов, а не только как средства реализации интересов определенных политических сил, как было раньше.

В процессе борьбы за влияние властные группы разрабатывали все новые и новые способы увеличения собственного политического веса. В результате был открыт огромный потенциал российских регионов как инструментов расширения влияния, что привело к активному проникновению политизированного и коммерческого капитала на региональные рынки. Например, московские телерадиовещатели стали приходить в регионы благодаря формированию новых вещательных сетей. Политизированный капитал использовал для расширения зоны влияния новые телекоммуникационные технологии, в том числе спутниковое вещание.

Ускоренное протекание данного процесса может быть отчасти объяснено необходимостью формирования новых пропагандистских систем накануне парламентских выборов 1999г. и президентских 2000г. Что касается российской телевизионной рекламы в рассматриваемом временном периоде, то она начала быстро развиваться приблизительно со второй половины 1992г. За короткое время телевидение сумело стать одним из самых привлекательных сегментов негосударственной экономики. Многие из новообразованных государственных телерадиокомпаний (ГТК) были приватизированы, что позволило, наконец, узаконить возможность телеканала размещать рекламу и получать соответствующий доход, постепенно уходя от теневых схем. Также продолжили возникать все новые и новые коммерческие каналы. В 1993г. были основаны телесеть «ТВ-6 Москва» и телекомпания «НТВ».

По мнению Р. В. Калеева [4] особую роль в начавшемся бурном росте количества всевозможных телеканалов сыграли две тенденции, способствовавшие повышению цен на телерекламу, и, таким образом, сделавшие телерекламный бизнес более привлекательным. В качестве первой из них можно выделить колоссальный спрос со стороны финансовых «пирамид», которые как раз в это время (1992–1994гг.) переживали период активного роста. Так в 1994г. на сферу финансовых услуг пришлось около 40% затрат в телерекламе, при этом абсолютным лидером среди крупнейших рекламодателей стала компания ОАО МММ.

Вместе с тем этот период развития телевизионной рекламы характеризуется примерами высокохудожественных кинороликов [2]. Наиболее ярким примером является знаменитая серия «Всемирная история» для банка «Империал» снятая Тимуром Бекмамбетовым. Известные актеры, шикарные костюмы, фразы, которые впоследствии разошлись на цитаты – все это есть в рекламе банка. Однако в рекламном ролике полностью отсутствует какая-либо информация о самом банке, а также он никак не ассоциируется со своим видом деятельности. Зрителям она запоминалась за счет ярких образов актеров. Они любили ее за сюжетную законченность отдельных частей, за характерный для анекдота игровой поворот, а также за «ударные реплики» актеров.

Поистине легендарная кампания идет с 1992 по 1997 год. Создано 18 роликов, каждый из них – маленький шедевр своего времени. Ролики неоднократно получали призы на международных фестивалях рекламы, таких как «Золотое яблоко» ММФР 1992, 94, 95, 96 гг., «Золотая барабанная палочка», фестиваль рекламы «Golden Drum» стран Новой Европы в Словении 1995г., Золотая медаль Международного кинофестиваля в Хьюстоне 1995г. и др.

В конце девяностых российские телезрители увидели, возможно, первую, настоящую социальную рекламу, которая представляла собой не просто плакат с призывом, а создавала ощущение просмотра целого фильма. Ролики социальной рекламы «Русского проекта» занимали от 2 до 3 минут, в них были задействованы любимые актеры и незатейливые жанровые сценки, которые доходили до

сердец зрителей. В этот проект входили следующие сюжеты: В космосе (Это моя страна); Я люблю тебя (Мы вас любим); Разговор путешниц (Дай вам бог здоровья!); Помашите маме! (Помни о близких); Берегите любовь!; Это мой город; Не делите Россию! На концерте (Разговор жестами); Верь в себя (Пугачева); Все у нас получится (комбайнер). Каждый этот ролик, несомненно, тронул сердца зрителей, да и до сих пор люди помнят о них.

Четвертый период – с августа 1998 г. по настоящее время – период «огосударствления и обогащения» [3]. Августовский кризис стал поворотным событием в истории России, разделив процессы, происходившие в стране на «до» и «после». Кардинальные изменения произошли, в том числе, в российской системе СМИ. На фоне ослабления могущественных финансовых групп, контролирувавших многие крупнейшие СМИ, произошло усиление влияния правительства. 31 декабря 1999г. пост главы государства покинул Борис Ельцин. Ему на смену пришел Владимир Путин, взявший курс на укрепление власти. К этому времени возможности СМИ как политического оружия и средства проведения курса реформ уже были хорошо известны, поэтому в высших эшелонах власти логично заключили, что для успешного претворения в жизнь каких-либо изменений необходимо получить контроль над основными СМИ, то есть в первую очередь над телеканалами. В достаточно непростой и напряженной борьбе этого удалось добиться. В настоящий момент практически все российские телеканалы принадлежат государству либо напрямую, либо структурам лояльным нынешнему политическому режиму. Другими словами, государство опирается не на крупные холдинги политизированного капитала как до 1998г., а непосредственно на государственные СМИ. В результате кризиса приобрел нынешнюю форму состав основных игроков на российском телерекламном рынке. Одной из особенностей отечественного телерекламного рынка является то, что на нем существует считанное число организаций (медиаселлеров), оказывающих услуги каналам по реализации их рекламных возможностей. Эти, обладающие большим влиянием организации, на правах телевизионных каналов фактически определяют лицо рынка и формируют вектор его развития. До 1998г. главными посредническими организациями на рынке являлись Premier SV (основана в 1991г. Сергеем Лисовским) и Видео Интернешнл (основана в 1987г. Михаилом Лесиным и Юрием Заполем). После 1998г. Premier SV, не выдержав последствий финансового кризиса, распался, а его место постепенно заняла компания НТВ – Медиа. В результате этих событий рынок телевизионной рекламы обрел нынешнюю форму. Рассматриваемый период развития телерекламного рынка удачно совпал по времени с резким ростом цен на энергоресурсы, которых у России всегда было в достатке, что способствовало ускоренному восстановлению экономики после августовского кризиса.

Четвертый этап становления телевизионной рекламы в России – реклама как двигатель торговли. В начале 21 века происходят кардинальные изменения в развитии телевизионной рекламы [2]. Все чаще на экранах телевизора появляются ролики, предлагающие товар, а не показывающие исключительно мастерство режиссера. Используются более яркие и оригинальные идеи рекламы, которые создавали и/или поддерживали образ рекламируемых товаров. Теперь в российской рекламе товар представлен под определенной маркой, тем самым выделяя себя из множества своим названием и не только. Все это создается ради того, чтобы товар покупали. Впервые начинают использовать графику в ролике, в рекламе появляются рисованные герои и символы товара.

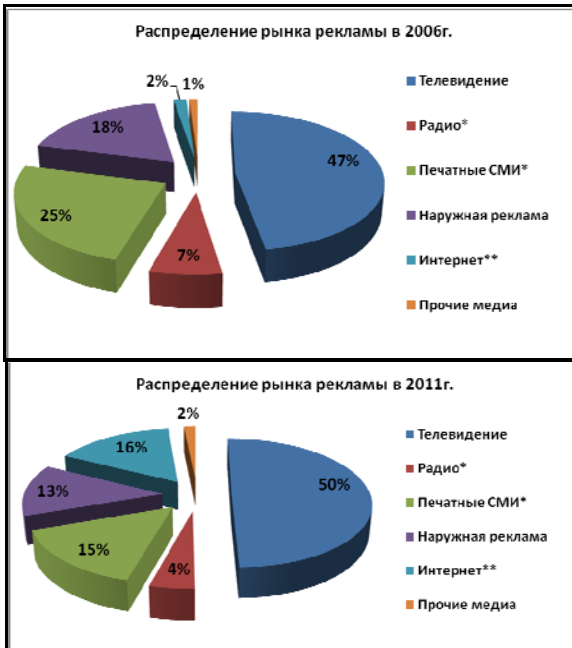
В 2001 году выпускается серия рекламных роликов «Рондо», слоган которого «Свежее дыхание освежает понимание». Ролик отражал идею товара, был

представлен в юмористической форме, что было для российской аудитории в новинку, и сразу привлек внимание потребителей. Также нужно отметить хороший слоган, который полностью подходил под позиционирование товара как жевательной конфеты для приятного запаха изо рта, и к тому же он легко запомнился, что обеспечило товару завершение создания своего образа.

Наряду с рекламой «Рондо» в 2002 году выпускается серия роликов чая «Беседа». Впервые в российской рекламе появляется рисованный персонаж, символ товара, с которым и до сих пор ассоциируют этот чай. Режиссер сумел передать всю теплоту, получаемую при пользовании товаром, а, следовательно, и создать свой отличительный образ товара. Дом, уют, семья вот какие ассоциации возникали у зрителя при просмотре этого ролика. Одновременно с «Беседой» на телевидении крутятся ролики чая «Принцесса Нури», «Майский чай» и прочее, но все они проходят мимо телезрителя, так как их реклама ничем примечательным не выделяется. Из года в год, российская реклама постепенно вытесняет с каналов иностранные ролики. Наша отечественная реклама становится куда лучше, продуманнее по своей сути, чем те, что были в конце 90-х годов, начале 21 века. Можно сказать, что развитие телевизионной рекламы в нашей стране не замедляется. Увеличивается число креативных, талантливых рекламщиков, способных посоревноваться с иностранными коллегами в области создания рекламы. За период с 2000 по 2006 годы, по официальным данным ГКВИ, рынок телевизионной рекламы вырос почти в 12 раз, с 270 миллионов долларов в 2000 г. до 3150 миллионов долларов в 2006г [5–14]. Телевидение – самый большой и наиболее динамичный сегмент отечественного рекламного рынка (Рис.1).

Рисунок 1

Распределение рынка рекламы по сегментам в 2006, 2011гг.

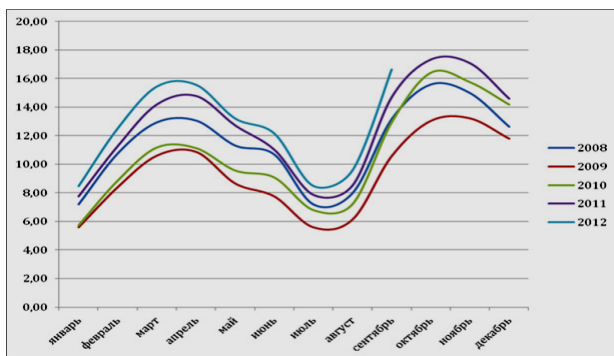

На современном телеэкране представлено большое число жанрово-тематических разновидностей программ. Самое большое время в телеэфире занимает «кинопоказ», включающий игровые (художественные) фильмы (21%), телесериалы (16%), а также документальные и мультипликационные фильмы. Вторую весомую по месту в эфире группу составляют развлекательные форматы (18%), третью – информационные и общественно-политические программы (15%). Ещё 15% времени вещания отдано под коммерческие программы и рекламу. Оставшиеся 10% эфирного времени делятся между просветительскими, спортивными и детскими телепередачами.

Относительно рекламы на телевидении, необходимо отметить 50% объем данного субъекта от общей доли медийного рынка. Динамично развиваются как федеральное, так и региональное направление. К началу 2011 года федеральное телевидение развивалось стабильно, хотя темпы региональной рекламы в отдельных случаях падали до 18–19%. Однако к концу 2011 года ситуация выправилась и региональное направление добралось до отметки в 20%. Спутниковое телевидение, достигнув показателя в 36%, производит впечатление перспективного рекламного носителя.

Рисунок 2

Тренды бюджетов ТВ рекламы за 2008–2012гг. [8].

Источник: АЦВИ

Анализ представленных трендов позволяет сделать следующие выводы:

Все тренды, можно сказать, подобны в геометрическом смысле, они достаточно хорошо повторяют характер наполнения бюджетов ТВ рекламы.

Все кривые имеют своего рода «плечо», приходящееся на 5,6 месяца года, что можно объяснить желанием участников рынка по возможности максимально закончить проекты к концу 1-го полугодия.

Устойчивая закономерность изменения бюджетов ТВ Рекламы хорошо отражает циклический, сезонный (новогодние каникулы и период отпусков в июле, августе) характер уровня деловой активности в экономике страны, что позволяет сформировать адекватные математические модели, которые можно использовать для прогнозирования уровня бюджетов будущих периодов (Табл. 1,2; рис. 3).

Для наилучшего приближения (в смысле критерия наименьших квадратов) исходных данных будем использовать функцию вида:

$$Y = Y1(t) + Y2(t) + a6*t6 + a7*t8 = a1*\sin(a2*t + a3) + a4*t + a5 + a6*t6 + a7*t8.$$

Здесь функция $Y1(t) = a1 * \sin(a2 * t + a3)$ отражает сезонные колебания деловой активности, функция $Y2(t) = a4 * t + a5$ отражает общую тенденцию интегральную роста затрат на телерекламу в течение года, $a6$ – поправочный коэффициент, отражающий замедление падения деловой активности в июне месяце, $a7$ – поправочный коэффициент, отражающий замедление роста деловой активности в августе, t – номер месяца.

Тогда будем искать значения коэффициентов $a1, a2, \dots, a7$, доставляющие минимум целевой функции вида:

$$F = \sum_{t=1}^{12} (Y_t(a1, a2, \dots, a7) - Y(t))^2 \rightarrow \min(a1, a2, \dots, a7)$$

Воспользовавшись аппаратом Excel, получим следующие значения коэффициентов $a1..a7$ (Табл. 1). Значения бюджетов, рассчитанных по модели с учетом значений коэффициентов, для 8 – 12гг. представлены в таблице 4. и отражены в трендах на рисунках 6–9.

Таблица 1

Значения коэффициентов a1-a7 модели

Таблица моделирования динамики бюджета телерекламы в России за 2008–2012гг.								
Искомые параметры модели: $a1 * \sin(a2 * t + a3) + a4 * t + a5 + t6 * a6 + t8 * a7$								
Значение к-в модели	a1-множ. перед синусом	a2 – множ. Перед (t)	a3 – сдвиг по фазе	a4-к-т наклона прямой	a5- свободный член	t6*a6	t8*a7	Значение целевых функций
2008	-3,46	0,92	39,20	0,30	8,97	0,41	-0,18	0,246
2009	-3,24	0,88	39,38	0,32	6,69	0,21	-0,12	0,282
2010	-3,54	13,45	45,86	0,65	5,96	0,33	-0,30	0,737
2011	-4,00	0,92	39,17	0,38	9,71	0,27	-0,31	1,300
2012	-4,23	7,18	45,66	0,51	10,04	0,47	-0,23	0,826

Таблица 2

Динамика ТВ бюджетов в 2008 – 2012гг.

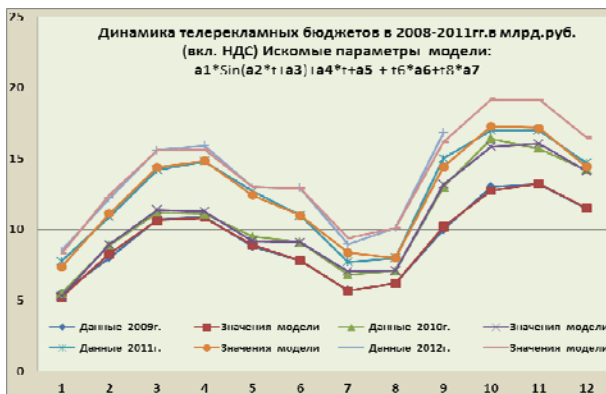
Время-месяц	Динамика телерекламных бюджетов в 2008–2012гг. в млрд.руб. (вкл. НДС)									
	Данные 2008г.	Значения модели	Данные 2009г.	Значения модели	Данные 2010г.	Значения модели	Данные 2011г.	Значения модели	Данные 2012г.	Значения модели
1	7,2	6,99	5,5	5,24	5,50	5,29	7,77	7,35	8,50	8,29
2	10,1	10,26	8	8,30	8,9	8,95	10,90	11,13	12,20	12,47
3	13	12,98	10,7	10,66	11,2	11,38	14,20	14,38	15,60	15,58
4	13,1	13,24	10,9	10,83	11,1	11,28	14,80	14,84	15,90	15,65
5	11,2	11,07	8,8	8,92	9,5	9,19	12,70	12,43	13,00	13,02
6	10,9	10,88	7,8	7,80	9,1	9,10	11,00	11,00	12,90	12,90
7	7,3	7,61	5,7	5,69	6,8	7,04	7,70	8,36	8,95	9,42
8	8,1	8,10	6,2	6,20	7,1	7,10	8,00	8,00	10,10	10,10
9	13	12,87	10	10,19	13	13,16	15,00	14,41	16,80	16,15
10	15,3	15,26	13	12,74	16,4	15,84	17,00	17,28		19,19
11	14,9	15,02	13,2	13,22	15,7	16,05	17,00	17,16		19,18
12	12,7	12,59	11,5	11,51	14,2	14,11	14,70	14,43		16,50
Итого	136,8	136,85	111,3	111,3	128,5	128,5	150,8	150,77	113,9	168,45

Состояние телерекламного рынка достаточно точно отражает фактическую ситуацию в экономике. Являясь своего рода производной от состояния бизнеса,

телереклама как лакмусовая бумажка отражает положительное или отрицательное развитие бизнеса.

Рисунок 3

Динамика телерекламных бюджетов за 2009 – 2012гг

По результатам численного моделирования (табл.1) можно отметить следующее:

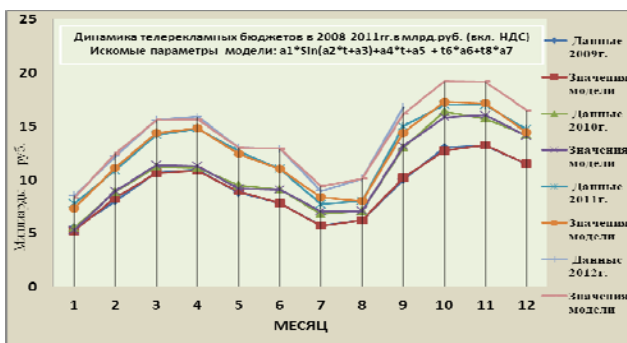
1. Свободный член $a5$ прямой $Y2(t) = a4*t+a5$ отражает бюджет переходящих проектов от предыдущего года к новому,

2. Коэффициент $a4$ отражает рост затрат на рекламу в течение года, причем этот рост на порядок выше роста экономики страны за этот же год,

3. Полученные модели с достаточной точностью (табл.2) отражают исходные данные за пять лет (2008–2012гг.), что позволяет использовать модель предыдущего периода для предварительного прогнозирования развития рекламы в будущем периоде,

4. Кривая модели за 2012г. была рассчитана по данным за 9 месяцев. Будет интересно сравнить реальные показатели по четвертому кварталу 2012г. с данными, которые мы получили по модели за три квартала (строки 10–12 табл.4).

5. Предложенная модель, как нам кажется, может быть использована для отражения развития практически любого сектора экономики, конечно если есть хотя бы приблизительные оценки бюджетов в течение года (но об этом подробнее в следующей статье).

Библиографический список:

1. <http://uamconsult.com>
2. <http://xreferat.ru>
3. <http://economicarggu.ru>
4. *Калеев Р. В.* Институты российского регионального телевизионного рекламного рынка: особенности становления и функционирования // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. 2007. № 1 // <http://www.ref.by>
5. <http://artvision-pnz.narod.ru>
6. <http://nebosvet.ru>
7. <http://www.grandars.ru>
8. «Видео Интернешнл». Автор: Веселов С. В. Медиа рекламный рынок и телереклама в России. Текущее состояние и прогноз // <http://www.akarussia.ru>
9. Тенденции развития рынка рекламы в России за 2012 г. // <http://comagency.ru>
10. <http://www.dv-reclama.ru>
11. <http://art-com.ru>
12. <http://www.kommersant.ru>
13. <http://mediarevolution.ru>
14. <http://www.akarussia.ru>

Е. Н. Федоров

Сибирский федеральный университет, аспирант кафедры экономики и менеджмента (660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; тел.: (391) 244-86-25, office@sfu-kras.ru)

**ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ТИПА ИНФРАСТРУКТУРЫ
НА ЭКОНОМИКУ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

Инфраструктура города в целом является фундаментом становления и развития любой урбанизированной территории, обеспечивая жителей города необходимыми условиями для нормальной жизнедеятельности. Формирование новых инфраструктурных сетей сопровождается усложнением системы, выделением подсистем, которым ранее уделялось недостаточно внимания. В преддверии формирования инновационной экономики необходимость такого усложнения на лицо. В связи с этим, помимо социальной и производственной инфраструктур, сейчас выделяется также рыночная, институциональная и инновационная инфраструктура. Однако, как показывает практика, любое усложнение системы, без подкрепления соответствующей методологической базой, не всегда обеспечивает положительный эффект. В современной научной литературе уделяется достаточно мало внимания методике оценки развития инфраструктуры города. По мнению автора, решение проблемы отсутствия методологии оценки степени влияния каждого типа инфраструктуры на экономику города является актуальной.

индекс устойчивого развития; индикаторы; производственная; социальная; рыночная; институциональная; инновационная инфраструктура

Основной задачей оценки влияния типа инфраструктуры города на его экономику является выявление показателей, которые в большей степени оказывают воздействие на экономическое развитие города, его подсистем, а также на обеспечение долгосрочного роста экономики. При этом, необходимо определить развитие какой инфраструктуры обеспечивает наилучшие темпы экономического роста территориальной системы, стимулирование каких факторов будет благоприятней влиять на этот рост.

Степень развитости инфраструктуры современных городов зависит от множества факторов, начиная от географического местоположения муниципального образования, заканчивая уровнем развития деловых отношений. Предлагаемый автором подход к оценке влияния типа инфраструктуры на экономику современного города состоит из нескольких этапов (рис. 1).

На первом этапе происходит выделение факторов, оказывающих влияние на развитие типов инфраструктуры. Каждый из типов инфраструктуры характеризуется определенным набором статистических показателей и параметров, которые напрямую воздействуют на уровень развития экономических отношений в городе.

Рисунок 1

Методический подход к оценке влияния типов инфраструктуры на экономику современного города

Обеспечить определение структуры взаимосвязи между переменными может использование факторного анализа. Данный вид анализа позволяет установить, как изменился исследуемый показатель под действием определенных факторов. Любые показатели являются факторами как по отношению к расчетному показателю, так и по отношению друг к другу.

За базовую была взята модель индикативного социального планирования [3]. Однако направленность ее исключительно в сторону социального планирования. Автор обращает внимание на необходимость формирования модели, интегрирующей все многообразие факторов, влияющих на экономику современного города, рассматриваемого сквозь призму городской инфраструктуры. Предлагается производить расчет индикаторов развития типов инфраструктуры с применением формулы среднего арифметического:

$$K_j = \frac{1}{m} \sum_{j=1}^m I_j, \quad (1)$$

Где K_j – индикатор устойчивого развития;

I_j – индекс;

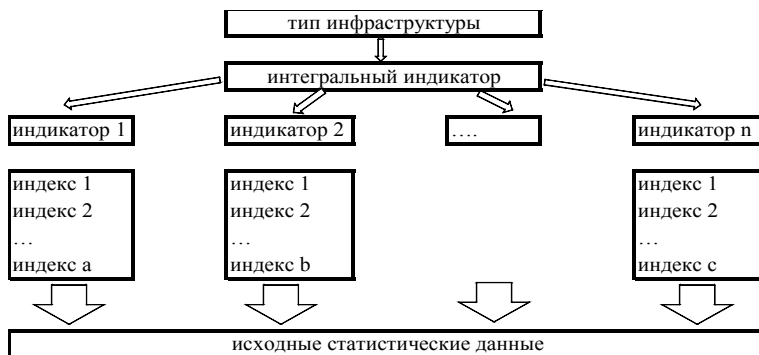
m – количество принимаемых во внимание индексов данного индикатора устойчивого развития.

Индекс рассчитывается таким образом, что значение «ноль» соответствует самому низкому уровню, а «единица» – самому верхнему.

Условно схема иерархической системы индикаторов устойчивого развития, индексов и статистических показателей выглядит следующим образом:

Рисунок 2.

**Схема иерархической системы индикаторов устойчивого развития,
индексов и статистических показателей.**

В каждом отдельном случае для характеристики того или иного индикатора, может быть выбран различный перечень показателей. В данной работе было принято решение производить оценку по следующим показателям, в большей мере характеризующим каждый тип инфраструктуры:

Таблица 1

Система индикаторов и индексов устойчивого развития

Интегральный индикатор	Индикатор	Индекс
Социальная инфраструктура	Здоровье	индекс численности врачей
		индекс больничных учреждений
	Образование	индекс общеобразовательных учреждений
		индекс высших учебных заведений
	Благосостояние	индекс площади жилых помещений
		индекс жилищного фонда
Производственная инфраструктура	Производство	индекс основных фондов.
	Транспорт	индекс эксплуатационной длины автомобильных дорог
	Связь	индекс терминалов сотовой подвижной связи
Рыночная инфраструктура	Рынок капитала	индекс розничной торговли
		индекс инвестиций в основной капитал
		индекс иностранных инвестиций
Институциональная инфраструктура	Общественное производство	индекс муниципальных учреждений
		индекс муниципальных услуг, предоставляемых органами местного самоуправления, муниципальными учреждениями
Инновационная инфраструктура	Инновационная активность	индекс предприятий осуществляющих организационные инновации
		индекс предприятий осуществляющих технологические инновации
	Развитость инфраструктуры	индекс организаций занимающихся научно-технической деятельностью
		индекс созданных производственных передовых технологий

В рамках разработанного подхода, автором было проведено исследование на примере пяти наиболее развитых субъектов Сибирского Федерального Округа, которые были выявлены в ходе анализа инновационного развития СФО. Следует отметить, что каждый из исследуемых субъектов значительно отличается по площади и численности населения, что напрямую влияет на величину их показателей развития. Для более объективного анализа влияния факторов, автором было принято решение об использовании значений показателей в расчете на каждого жителя.

В рамках исследования необходимо произвести расчет индивидуальных индексов по всем показателям каждого субъекта СФО. Для этого в статистическом анализе используют следующую формулу:

$$I_p = \frac{P_1}{P_0} \quad (2)$$

Где P_1 и P_0 – сравниваемые состояния одного и того же признака.

При классической трактовке, исследуемый признак принимается без учета связи с остальными признаками. В данном исследовании необходимо определить взаимосвязь различных состояний одного и того же признака во взаимосвязи – рассчитать значения одного показателя во взаимосвязи с данными всех субъектов СФО. В связи с чем, автор предлагает усложнить исходную формулу, преобразовав ее для возможности всесторонней оценки взаимосвязи различных состояний признака.

В классической формуле используются в качестве оцениваемых состояний одного и того же признака используется базисный и отчетный год. Одно из отличий предлагаемого метода, заключается в использовании не года, а значений других схожих объектов, сведенных для сопоставления, с учетом максимального и минимального значения, что позволит в конечном итоге определить индексный ранг.

В связи с тем, что условием в исследовании является нахождение значения индексов в интервале от нуля до единицы, где значению 0 соответствует наименьший показатель, формула P_1 будет иметь вид:

$$P_1 = P_j - P_{min} \quad (3)$$

Тогда, в качестве второго состояния признака будет выступать разница максимального и минимального значения, для определения границ и выявления индекса, равного единице, при наибольшем значении показателя.

$$P_0 = P_{max} - P_{min} \quad (4)$$

Формула ранжированного индекса будет иметь следующий вид:

$$I_p = \frac{(P_j - P_{min})}{(P_{max} - P_{min})} \quad (5)$$

P_j – показатель исходных данных субъекта;

P_{min} – наименьший показатель среди исследуемых субъектов;

P_{max} – наибольший показатель среди исследуемых субъектов.

Использование аналитического подхода при расчете индикаторов позволяет выделить влияние каждого фактора, из факторов многофакторного показателя. В данном случае факторами выступают пять субъектов Сибирского Федерального Округа. Применение данной формулы нацелено непосредственно на проведение сопоставления исследуемых субъектов СФО по каждому показателю, и выявления наиболее развитых из них.

Полученные значения индексов были сведены в таблицу 2. Исходя из расчетов, Томская область по ряду показателей отстает от других субъектов. Имея достаточно низкие показатели по количеству общеобразовательных и высших учебных заведений, она лидирует по инновационной активности предприятий,

что говорит о преобладании доли предприятий осуществляющих инновационную деятельность (18,4 %). Красноярский край, являясь лидером по большинству индексов, отстает по обеспеченности высшими учебными заведениями, что связано с наличием Сибирского Федерального Университета, который принимает на себя основной поток абитуриентов.

У Иркутской области ряд индексов либо равен, либо стремится к нулю: отслеживается негативная тенденция в здравоохранении, в дорожной инфраструктуре, в строительстве жилых площадей, в розничной торговле, и, как следствие – в потоке инвестиций. Тем не менее, интерес к Иркутской области со стороны иностранных инвесторов с каждым годом растет (с 148709 тыс. руб. в 2010 г. до 262714 тыс. руб. в 2011 г.).

Стоит обратить внимание, что индексы устойчивого развития Новосибирской области стремятся к единице, однако сфера здравоохранения нуждается в развитии (по данным на 2010 год, всего лишь 112 больничных учреждений обеспечивают регион с населением в 2665911 человек).

Таблица 2

Расчет индексов устойчивого развития для оценки

Наименование индекса	Красноярский край		Иркутская область		Новосибирская область		Омская область		Томская Область	
	2010	2011	2010	2011	2010	2011	2010	2011	2010	2011
индекс численности врачей	0,20	0,10	0,00	0,00	0,44	0,40	0,21	0,41	1,00	1,00
индекс больничных учреждений	0,59	0,68	0,46	0,46	0,00	0,00	0,25	0,17	1,00	1,00
индекс общеобразовательных учреждений	0,21	0,46	1,00	1,00	0,39	0,92	0,46	0,94	0,00	0,00
индекс высших учебных заведений	0,00	0,00	0,36	0,44	0,96	0,89	1,00	1,00	0,81	0,81
индекс площади жилых помещений	1,00	0,91	0,08	0,00	0,17	0,18	1,00	1,00	0,00	0,00
индекс жилищного фонда	1,00	1,00	0,71	0,71	0,85	0,85	0,53	0,52	0,00	0,00
индекс основных фондов	0,71	0,60	1,00	0,98	0,32	0,21	0,00	0,00	0,90	1,00
индекс эксплуатационной длины автомобильных дорог	0,00	0,00	0,14	0,14	0,77	0,85	1,00	1,00	0,10	0,10
индекс терминалов сотовой подвижной связи	1,00	1,00	0,95	0,83	0,14	0,14	0,38	0,73	0,00	0,00
индекс розничной торговли	0,83	0,79	0,06	0,09	1,00	1,00	0,39	0,54	0,00	0,00
индекс инвестиций в основной капитал	1,00	1,00	0,16	0,22	0,12	0,17	0,00	0,00	0,73	0,84
индекс иностранных инвестиций	0,94	1,00	0,00	0,00	0,48	0,27	1,00	0,60	0,77	0,82
индекс муниципальных учреждений	1,00	1,00	0,99	1,00	0,64	0,63	0,42	0,38	0,00	0,00
индекс муниципальных услуг	1,00	1,00	0,62	0,52	0,24	0,18	0,00	0,00	0,29	0,30
индекс предприятий осуществляющих организационные инновации	0,52	0,19	0,50	0,02	0,00	0,00	0,31	0,23	1,00	1,00
индекс предприятий осуществляющих технологические инновации	0,29	0,47	0,29	0,00	0,00	0,27	0,12	0,07	1,00	1,00
индекс организаций занимающихся НИОКР	0,04	0,00	0,00	0,01	0,75	0,64	0,06	0,01	1,00	1,00
индекс созданных производственных передовых технологий	0,01	0,52	0,32	0,00	1,00	1,00	0,00	0,07	0,56	0,17

Однако, данный этап расчетов индексов устойчивого развития не в состоянии дать общую картину по влиянию факторов на тот или иной тип инфраструктуры. В связи с чем, далее осуществляется расчет индикаторов развития по типам инфраструктур.

В результате расчета, индикаторов развития, с применением формулы (1), были получены следующие данные:

Таблица 3

Расчет индикаторов устойчивого развития

Индикатор	Красноярский край		Иркутская область		Новосибирская область		Омская область		Томская область	
	2010	2011	2010	2011	2010	2011	2010	2011	2010	2011
Здоровье	0,4	0,39	0,23	0,23	0,22	0,2	0,23	0,29	1	1
Образование	0,1	0,23	0,68	0,72	0,67	0,91	0,73	0,97	0,41	0,4
Благосостояние	1	0,95	0,4	0,35	0,51	0,52	0,77	0,76	0	0
Производство	0,71	0,6	1	0,98	0,32	0,21	0	0	0,9	1
Транспорт	0	0	0,14	0,14	0,77	0,85	1	1	0,1	0,1
Связь	1	1	0,95	0,83	0,14	0,14	0,38	0,73	0	0
Рынок капитала	0,92	0,93	0,07	0,1	0,53	0,48	0,46	0,38	0,5	0,55
Общественное производство	1	1	0,81	0,76	0,44	0,4	0,21	0,19	0,15	0,15
Инновационная активность	0,4	0,33	0,39	0,01	0	0,14	0,22	0,15	1	1
Развитость инновационной инфраструктуры	0,03	0,26	0,16	0,00	0,88	0,82	0,03	0,04	0,78	0,58

Индикаторы устойчивого развития более обобщенно представляют все сферы жизнедеятельности исследуемого объекта. После чего, производится расчет интегральных индикаторов, которые позволяют определить уровень развития того или иного типа инфраструктуры по каждому отдельному субъекту СФО.

В таблицах 4 и 5 представлены расчетные значения интегральных индикаторов наиболее развитых субъектов СФО за 2010 и 2011 гг. соответственно.

Таблица 4

Расчет интегральных индикаторов развития за 2010 г.

Интегральный индикатор	Красноярский край	Иркутская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Социальная инфраструктура	0,5	0,69	0,5	0,5	0,44
Производственная инфраструктура	0,57	0,7	0,41	0,46	0,33
Рыночная инфраструктура	0,92	0,07	0,53	0,46	0,5
Институциональная инфраструктура	1	0,81	0,44	0,21	0,15
Инновационная инфраструктура	0,21	0,28	0,44	0,12	0,89

Новосибирская область, по данным на 2010 год, характеризуется равномерным развитием всех типов инфраструктуры, однако все показатели являются средними для региона. Аналогичным равномерным развитием характеризуется Омская область, однако, показатели имеют значения ниже среднего и стремятся к нулю. Остальные субъекты имеют достаточно не равномерно развитие инфраструктуры. Красноярский край, имея мощную институциональную и рыночную

инфраструктуру, сильно проигрывает по показателям развития инновационной инфраструктуры.

Таблица 5

Расчет интегральных индикаторов развития за 2011 г.

Интегральный индикатор	Красноярский край	Иркутская область	Новосибирская область	Омская область	Томская Область
Социальная инфраструктура	0,53	0,68	0,54	0,58	0,47
Производственная инфраструктура	0,53	0,65	0,40	0,58	0,37
Рыночная инфраструктура	0,93	0,10	0,48	0,38	0,55
Институциональная инфраструктура	1,00	0,76	0,40	0,19	0,15
Инновационная инфраструктура	0,30	0,01	0,48	0,10	0,79

В 2011 году у Красноярского края наблюдается положительная тенденция в развитии инновационной инфраструктуры, в то время как инновационное развитие Иркутской области значительно замедлилось.

На втором этапе исследования определяется вес каждого из факторов, выявляется степень влияния на исследуемый процесс. В результате построения факторной модели определяется весомость каждого из факторов, что позволяет нам сделать выводы о том, развитие какого типа инфраструктуры оказывает большее воздействие на развитие экономики города. Таким образом, во втором этапе участвуют результаты расчета интегральных показателей по типам инфраструктуры, что сделано в целях упрощения модели.

Оценка влияния факторов производилась с помощью метода цепной подстановки. В результате расчетов, полученные данные были сведены в таблицу:

Таблица 6

Оценка влияния уровня развития типов инфраструктуры на экономику субъектов СФО

Фактор	Красноярский край	Иркутская область	Новосибирская область	Омская область	Томская Область
Социальная инфраструктура (Y_a)	0,004	-0,000003	0,0016	0,0003	0,0008
Производственная инфраструктура (Y_b)	-0,005	-0,00002	-0,0005	0,0004	0,0009
Рыночная инфраструктура (Y_c)	0,0006	0,0001	-0,0021	-0,0003	0,001
Институциональная инфраструктура (Y_d)	0	-0,00017	-0,0018	-0,0002	0,0003
Инновационная инфраструктура (Y_e)	0,0213	-0,0078	0,0019	-0,0006	-0,001

Расчеты, представленные в таблице 6, оценивают влияние фактора «развитие инфраструктуры» на экономический рост региона.

Третий этап исследования характеризует результативность развития в целом инфраструктуры города/региона, оценивается эффективность всех типов инфраструктуры после обработки данных, полученных в результате расчетов на основе статистических данных, находящихся в открытом доступе. После чего, далее на четвертом этапе, формируются рекомендации по развитию типов инфраструктуры города, которые оказывают наименьшее влияние на рост его экономики.

Изменение интегрального индикатора производственной инфраструктуры Красноярского края за период 2010–2011 гг., негативно сказалось на развитии экономики данного субъекта, чему характерно отрицательное значение фактора. Влияние фактора институциональной инфраструктуры на экономику равно нулю, что обусловлено достаточно слабым развитием данного типа инфраструктуры, и как следствие – отсутствие воздействия на экономический рост. Несмотря на положительное значение, факторы социальной инфраструктуры и рыночной инфраструктуры, оказывают достаточно слабое влияние в сравнении с инновационной инфраструктурой. Огромное влияние данного типа инфраструктуры на экономику современных городов и регионов обусловлено, как уже отмечалось, формированием инновационной экономики. Несмотря на то, что по СФО Красноярский край имеет низкий показатель развития сферы инноваций, тем не менее, влияние от развития данного сектора на экономику наибольшее. Подобное позитивное влияние инновационной инфраструктуры наблюдается у Новосибирской области – влияние фактора составляет 0,0019, что также оказало наибольшее воздействие на развитие экономики. Однако отрицательно влияние изменений в инновационной инфраструктуре у Иркутской, Омской и Томской областей связано с ухудшением инновационного развития региона по ряду показателей.

Таким образом, данный способ оценки влияния развития определенного типа инфраструктуры на экономику указывает на слабые стороны исследуемых территорий, рассматриваемых одновременно как подсистем национальной экономики, и как конкурентов в погоне за притоком капитала в свою экономику.

Как показало исследование, на данный момент важнейшим стимулом экономического роста городов и регионов становится инновационная инфраструктура. На фоне всеобщего признания важности инноваций, в масштабах не только города или региона, но и всей страны, было произведено исследование инструментов формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации урбанизированной территории, результаты которого носят противоречивый характер [1, с. 29–39].

Таблица 7

Инструменты формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации урбанизированной территории

Инструмент	Все респонденты		из них				
			власть		бизнес		эксперты
	2007	2010	2007	2010	2007	2010	2010
Разработка официальной символики	19,2	23,6	18,6	23,7	20,3	29,6	21,6
Информационные кампании, пиар, реклама	10,7	13,9	9,5	10,5	12,7	20,4	12,7
Специальные региональные интернет-сайты	13,1	15,3	13,6	15,8	12,2	13,6	15,7
Организация выставок, ярмарок	21,3	21,8	21,9	23,7	20,4	18,2	22,4
Культурные мероприятия	15,2	11,1	14,1	13,2	17	9,1	11,2
Публикация достоверной статистической отчетности	6,3	2,3	8	2,6	3,6	2,3	2,2
Активная инвестиционная политика	8,1	7,4	8,2	10,5	7,9	4,5	7,5
Активная инновационная политика	3,8	2,8	3,5	-	4,1	-	4,5
Прогрессивное законодательство, налоговые льготы	2,3	1,8	2,6	-	1,8	2,3	2,2

Результаты исследования отражают реальную причину стагнации развития социально-экономических систем Российской Федерации. Вместо того чтобы вкладывать в развития инноваций, чтоб на данный момент становится фундаментом стабильного и устойчивого развития, администрации городов делают акцент исключительно на внешнем образе урбанизированной территории. Единогласно отмечают и представители власти, и представители бизнеса, и даже эксперты, что на данный момент наибольшее внимание сосредотачивается на проведении различных ярмарок и выставок – более 20 %, против активной инновационной политики, значение которой не может перевалить даже за 5 %. Следует отметить, что ни один представитель органов власти и бизнес-сообщества не отметил в 2010 году в качестве инструмента формирования имиджа современной урбанизированной территории активную инновационную политику.

Вывод: в целях усиления влияния развития всех типов инфраструктуры на экономику современных городов и регионов, необходимо обеспечить приближение значения индекса устойчивого развития к единице, что должен обеспечить пересмотр приоритетных направлений развития социально-экономических систем, в первую очередь в пользу повышения инновационной активности.

Библиографический список

1. *Важенин С. Г., Важенина И. С.* Идентификация и оценка территориальной конкуренции // Экономика региона. 2012. № 1.
2. *Норина Т. П., Скарбун З. А.* Реформирование структуры городского хозяйства в условиях рыночной экономики // Экономика строительства и городского хозяйства. 2010. Т. 3. № 1.
3. *Смоляков Ю. И., Смоляков Ю. И., Медведева И. А.* Система индикаторов устойчивого развития социальной инфраструктуры региона // Транспортное дело России. 2008. № 06 // <http://morvesti.ru>
4. *Фишер И.* Построение индексов. Учение об их разновидностях, тестах и достоверности / Пер. с 3-го амер. изд. М.: ЦСУ СССР, 1928.

3. Ш. Зирарова

Дагестанский государственный технический университет, аспирант, кафедры мировой экономики (г. Махачкала)

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ РИСКАМИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье исследуется содержание эколого-экономического риска в строительстве как оценочного критерия эффективности эколого-экономического управления природопользованием и определяется методика его оценки.

природопользование; окружающая среда; эколого-экономический риск; экологическое аудирование

Управление природоохранной деятельностью приобрело статус одной из самых приоритетных и острых проблем, стоящих перед человечеством. Достаточно сложно одновременно сохранять темп экономического роста и минимизировать негативные последствия антропогенного воздействия на природу. Именно это характеризует современное отношение к проблемам управления экологическими процессами и рождает понимание того, что управление развитием строительства и экологическими процессами необходимо соединить вместе.

Это возможно, если будет построена система и механизмы управления экологическими процессами в соответствии с концепцией устойчивого развития, а управление будет ориентировано не на строительство как таковое, а на строительство экологическое.

Процессы, обусловленные действием экологического фактора, в мировой экономической иерархии определяются прежде всего сдвигами на микроэкономическом уровне. Следовательно изучение вопросов, связанных с влиянием экологических проблем на экономику в целом, необходимо начинать с исследования действия экологического фактора на строительном предприятии.

Формы проявления негативного влияния экологического фактора на микроэкономическом уровне в основном сводятся к разным осложнениям для деятельности строительных предприятий как основных субъектов хозяйственной деятельности: повышение издержек строительства, обострение проблемы реализации экологически небезопасных объектов, появление угрозы физической безопасности рабочих и служащих предприятий, обесценение основных фондов и опасности их полного разрушения, финансовые потери в связи с возмещением экологического ущерба обществу и др.

Как показывает анализ российской и зарубежной хозяйственной практики для снижения негативного воздействия экологического фактора необходимо использовать соответствующий механизм идентификации факторов экологической безопасности, оценить степень риска и разработать экономические методы регулирования в данной области. Риск-анализ дает возможность выработать широкий спектр подходов к оценке элементов эколого-экономических рисков (ЭЭР), связанных с различными строительными процессами, и принципов, позволяющих создать программу минимизации и контроля этих экологических рисков.

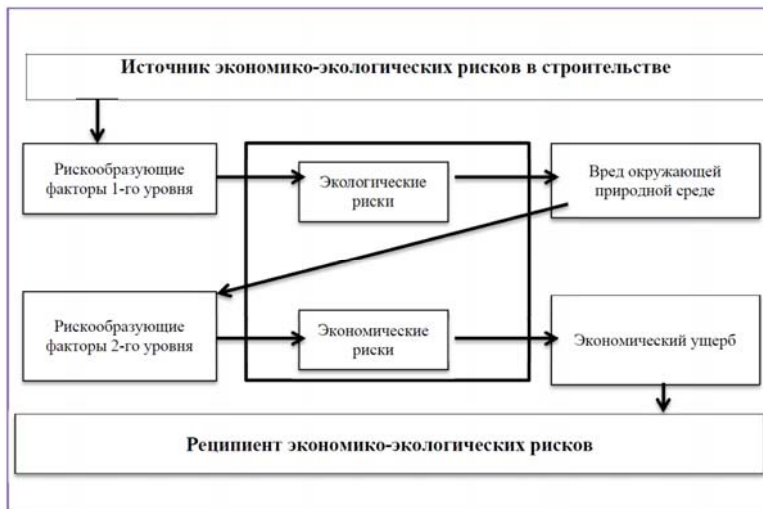
В развитых странах, даже в относительно стабильных экономических условиях, субъекты хозяйствования уделяют пристальное внимание вопросам управления рисками. В России, где факторы экономической нестабильности и без того усугубляют вопросы эффективного управления строительными предприятиями, проблемам анализа и управления всем комплексом рисков, возникающих в процессе их экономической деятельности, уделяется явно недостаточное внимание.

Целью управления экологическим риском является обеспечение максимально возможной при заданных условиях степени защищенности или устойчивости социальных, экономических, экологических и других систем от опасных природных и техногенных воздействий [1].

ЭЭР образуются в результате перехода экологических рисков в экономические при взаимодействии экономических агентов (источника и реципиента риска) с окружающей природной средой (рис. 1). Таким образом, они имеют две составляющие, взаимно дополняющие друг друга. В качестве негативных факторов безопасности для составляющих ЭЭР выделим три стадии: рискообразующий фактор, риск и его результат в форме вреда или ущерба.

Рисунок 1

Схема возникновения экономико-экологических рисков на предприятии

На основе анализа отечественных и зарубежных данных в общем случае ЭЭР предлагается определять как риски экономических потерь, ущерба, которые могут быть у объектов различного уровня вследствие ухудшения состояния окружающей среды (ОС). Среди их специфических особенностей можно выделить следующие:

ЭЭР связаны с ущербом не только отдельного хозяйствующего субъекта, но и других предприятий, населения, народного хозяйства в целом, а также растительного и животного мира;

ЭЭР включают риски жизни и здоровья населения, поэтому на предприятиях — источниках экологической опасности — должны предъявляться особенно жесткие требования к их уровню;

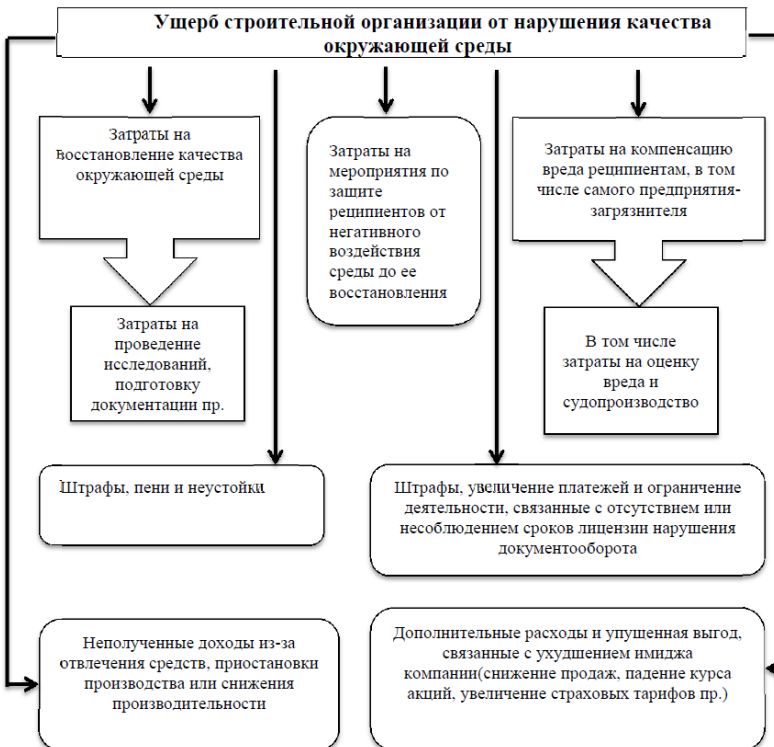
ЭЭР образуют как техногенные, связанные с промышленной деятельностью человека, так и природные, не зависящие от человека, источники опасности, которые, вместе с тем, могут находиться во взаимосвязи и породить цепные реакции;

экономический ущерб от экологически неблагоприятных событий может проявиться не только в настоящем, но и в будущем, и его следует учитывать при текущем и стратегическом планировании деятельности предприятия, города, региона и т.д.

В понятие ущерба от экологически неблагоприятных событий входят помимо дополнительных расходов предприятия на восстановление окружающей среды и возмещения пострадавшим физическим и юридическим лицам, но также и упущенная выгода, и увеличение расходов, связанные с ухудшением репутации строительного предприятия. Рассмотрим структуру экономического убытка для строительных предприятий, которая позволяет полнее оценить будущие и текущие экологические расходы, точнее определить уровень ЭЭР, разработать программу превентивных мер, а также спланировать потребности в финансовых ресурсах для покрытия данных затрат (рис. 2).

Рисунок 2

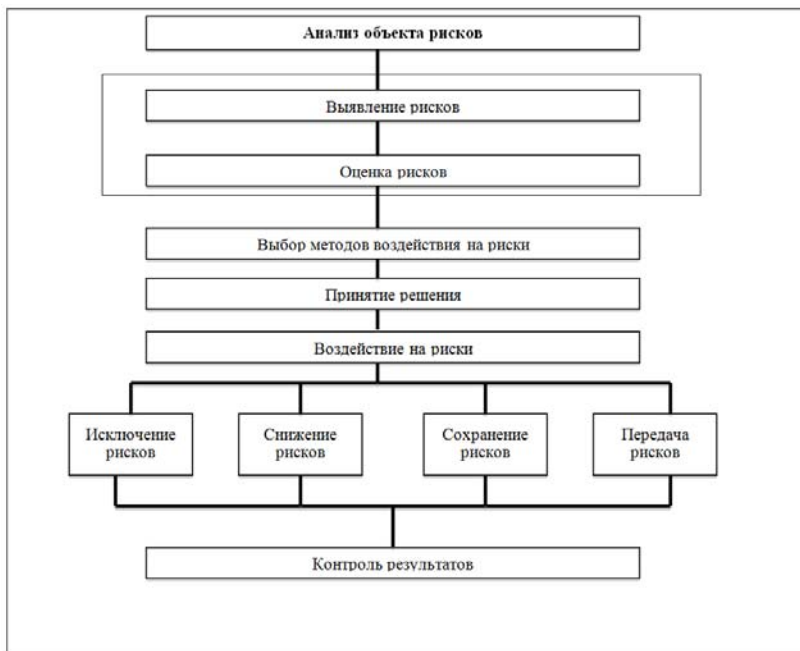
Структура ущерба предприятия-загрязнителя от нарушения качества ОС

Общая схема процесса управления рисками на предприятии представлена на (рис.3).

Рисунок 3

Схема процесса управления рисками на предприятии

Применяемая в настоящее время в России методика определения платы за негативное воздействие на ОС не обладает достаточной точностью для установления возможного ущерба в целях оценки ЭЭР, однако удовлетворяет минимальным требованиям для использования в качестве инструмента исчисления регулярных платежей за природопользование. Другие подходы и методы к оценке экологического ущерба обладают положительными и отрицательными сторонами. Они либо не закреплены законодательно, либо носят рекомендательный характер, что затрудняет задачу обоснования исчисленной суммы ущерба в судебном порядке. Недооценка потенциального вреда ОС и третьим лицам, возможная при использовании более грубых, но закрепленных законодательно методик, может привести к неправильному планированию и размещению производства, ошибкам в управлении предприятиями-природопользователями, недостатку превентивных мер и увеличению ЭЭР.

На основании анализа литературных источников, а также обобщения и систематизации опыта экологического аудирования и управления рисками на многих предприятиях предлагается выделять по принципу действия следующие методы по управлению группами рисков:

– проверяющие — экологический аудит; совершенствование систем измерения и анализа (компьютерные системы, измерительные приборы);

– технологические — установка, реконструкция и совершенствование систем очистки выбросов и сбросов; использование более качественного и экологически безопасного сырья для строительства; обустройство и озеленение территории; принятие мер, локализирующих вредное воздействие (размещение опасных объектов, строительство специальных сооружений); экономия ресурсов за счет использования отходов других предприятий;

– информационно-просветительские — подготовка и экологическое просвещение кадров (тренинги, семинары, курсы повышения квалификации); прогнозирование ЭЭР; использование услуг экологического консалтинга;

– исключения рисков — исключение опасных технологических процессов; отнесение технологических процессов из зоны опасности; внедрение экологически безопасных и безотходных технологий;

– нормирующие — разработка и проведение открытой экологической политики; разработка и совершенствование регламентной базы; разработка и конкретизация должностных инструкций; внедрение систем экологических стандартов;

– контрольные — автоматизированные системы управления безопасностью строительства; создание экологической службы предприятия; отладка и проверка опасного оборудования; предъявление требований к наличию лицензий и экологических сертификатов партнеров; организационные меры по очистке территории;

– взыскательно-возмещающие — рекультивация земель; добровольное оперативное устранение последствий загрязнения; создание ликвидных доходных ресурсов на возмещение возможного ущерба;

– передачи рисков — добровольное страхование; передача опасных технологических процессов другим предприятиям; передача отходов другим предприятиям;

– стимулирующие — системы мотивации персонала.

При этом предлагается разделять методы управления ЭЭР на административные и рыночные, поскольку методы управления рисками на региональном уровне и уровне предприятия различаются [2].

Формирование страхового портфеля в настоящее время следует рассматривать как элемент комплекса управления рисками, направленного на минимизацию рисков предприятия и оптимизацию вариантов страхования для достижения максимального экономического эффекта. Этапы формирования страхового портфеля предприятия с учетом критериев экономической эффективности и целесообразности страхования:

1) выявление предпринимательских рисков, которым подвержено предприятие;

2) анализ вероятности наступления риска и стоимостная оценка ущерба;

3) определение сопутствующих рисков с учетом простоев, нарушения договорных обязательств и т.п., их стоимостная оценка;

4) определение экономической целесообразности и эффективности страхования того или иного вида предпринимательских рисков (риски, покрываемые при помощи самострахования и стратегии ликвидации и минимизации рисков; риски, передаваемые по договорам страхования);

5) оценка различных вариантов и существенных условий договоров страхования (франшиза, сроки и размеры возмещения и т.п.). Анализ вариантов страхования у разных компаний;

6) сравнительный анализ эффективности по каждому из видов страховых сделок в разрезе имеющихся альтернативных вариантов;

7) формирование страхового портфеля предприятия;

8) оценка экономической эффективности сформированного страхового портфеля;

9) оптимизация страхового портфеля, как с точки зрения экономического эффекта, так и с учетом размера реально возможного страхового бюджета;

10) заключение страховых договоров по рискам, удовлетворяющих всем критериям эффективности (или временный отказ от страхования рисков, не подлежащих первоочередному страхованию и не удовлетворяющих критериям);

11) динамический анализ страхового портфеля;

12) корректировка состава портфеля.

При этом следует иметь в виду, что от этапа зависят возможные методы критериального анализа и оценки страхового портфеля.

С точки зрения долгосрочного управления рисками на предприятии большое значение приобретает формирование системы, позволяющей не только эффективно принимать решения и управлять рисками на всех этапах, от оценки и до корректировки портфеля, но и оказывать управляющее воздействие на элементы системы для оптимизации процессов и повышения эффективности. Для решения подобного рода задач можно предложить процессную модель системы управления рисками на предприятии (рис. 4), в рамках которой управленческие решения могут быть направлены на повышение эффективности отдельного элемента или процесса.

Рисунок 4

Для снижения существующих рисков до приемлемого уровня необходимо скорректировать три основные функции управления (планирование, организация и контроль) применительно к целям системы риск-менеджмента. Принимая поэтапное возникновение ЭЭР, считаем, что для каждого выделенного этапа должно осуществляться последовательное и непрерывное выполнение основных функций.

Таблица 1

Этапы формирования ЭЭР и экономических последствий	Действие при реализации функции		
	планирования	организации	контроля
Экологический рискообразующий фактор	Анализ природоохранного законодательства; планирование деятельности загрязняющей ОС	Организация защиты ОС при строительстве	Экологический контроль на строительстве; контроль ведения экологической отчетности; оценка воздействия на ОС
Экологические риски	Прогнозирование рисков, планирование природоохранных мероприятий	Организационно-техническое обеспечение природоохранных мероприятий	Контроль за соблюдением природоохранного законодательства
Вред ОПС	Планирование затрат на ликвидацию вреда, мер оперативного реагирования	Организация действий в чрезвычайной ситуации	Экологический мониторинг, проведение учений по ликвидации загрязнений
Экономический рискообразующий фактор	Прогнозирование изменений внешней среды; выявление потенциальных заинтересованных сторон	Мониторинг экологической составляющей внешней среды	Контроль за ликвидацией загрязнений, качеством природной среды
Экономический риск	Анализ риска; планирование рисковоснижающих мероприятий и резервов; планирование оповещения о рискованных ситуациях	Организационно-техническое обеспечение рисковоснижающих мероприятий	Контроль за проведением защитных мероприятий от рисков; проведение учений по предотвращению негативного воздействия среды
Экономический ущерб	Планирование компенсационных выплат, восстановительных работ, превентивных мероприятий объектов риска	Организация компенсации и восстановительных работ, мероприятий превентивных работ объектов риска	Контроль за выполнением восстановительных работ

Данная структура может быть реализована на государственном, региональном или локальном уровнях. При этом содержание специальных функций управления зависит от уровня, на котором осуществляется управление строительством. Для отдельного предприятия система риск-менеджмента в значительной степени индивидуальна в зависимости от характера его экологических рисков.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие рекомендации:

1. В целях обеспечения устойчивого природопользования на предприятиях различных сфер экономики рекомендуется использование методологии риска анализа для получения научно обоснованных количественных оценок вероятности и экономических последствий наступления экологически неблагоприятных событий, а также для выработки соответствующих управленческих решений.

2. Для комплексного независимого анализа общего негативного воздействия предприятий на ОС, а также оценки и управления ЭЭР следует применять процедуру экологического аудита.

3. Для снижения ЭЭР на предприятиях следует использовать всю совокупность доступных методов управления ЭЭР: от таких, как повышение квалификации персонала в области охраны окружающей среды, нормирование и контроль потенциально опасных производственных процессов через разработку и конкретные

тизацию регламентов и должностных инструкций, до исключения опасных производственных процессов и внедрения более чистых технологий. Важное значение для снижения ЭЭР имеют разработка и проведение открытой экологической политики предприятия.

Библиографический список:

1. *Бурков В. Н., Новиков Д. А., Щепкин А. В.* Механизмы управления эколого-экономическими рисками. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002.
2. *Тихомиров Н. П. и др.* Методы анализа и управления эколого-экономическими рисками. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

А. М. Парсюкевич

Уральский государственный экономический университет, соискатель кафедры экономики труда и управления персоналом (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; тел.: (343) 221-17-57; кафедраetr@mail.ru)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ДИАГНОСТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Особенностью современного российского моногорода является тот факт, что здесь более остро ощущаются кризисные явления в экономике и социальной сфере. Реструктуризация градообразующего предприятия приводит к сокращению его производственных мощностей, дефициту бюджета муниципального образования, снижению занятости населения, росту социальной напряженности, что в совокупности наносит ущерб здоровью и социально-психологическому благополучию жителей моногорода. Вместе с тем, в настоящее время недостаточно исследованы методологические и методические аспекты диагностики социального загрязнения территории от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, позволяющей получать информацию, необходимую для определения приоритетности программ социально-экономического развития территории, отсутствует управленческий механизм снижения социального загрязнения, не сформирован инструментарий его реализации.

моногород; реструктуризация градообразующего предприятия; социальное загрязнение; здоровье; социально-психологическое благополучие

В целом, диагностика (от греч. *diagnostikos* – способный распознавать) [1] как часть социальной технологии, являясь одним из этапов комплексного обследования какого-либо явления или процесса, представляет собой деятельность по систематическому сбору и анализу информации о состоянии предмета изучения с целью выявления проблем и определения путей их преодоления. В свою очередь, социальная технология – совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе социального планирования и развития, решения разного рода социальных проблем [2]. Таким образом, для исследования и поиска решения проблемы социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, целесообразно, на наш взгляд, использовать систему методов социальной диагностики, цель которой заключается в проникновении в сущность конкретных социальных проблем, их описание в совокупности определенных показателей (норм, нормативов, ориентиров диагностируемой сферы жизнедеятельности) [3, с. 78–82].

Как широкое, так и узкое толкования понятия социальной диагностики корреспондируются с предлагаемой нами методологией диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов:

– процесс научного выявления и изучения причинно-следственных связей и взаимоотношений в обществе, которые его характеризуют социально-экономическое, культурно-правовое, нравственно-психологическое, медико-биологическое и санитарно-экологическое состояние;

– изучение отношения индивида к социальным ценностям общества, группы и т.д., исследование сущности социальных проблем, которые создают трудную жизненную ситуацию для индивида, семьи, группы [2].

Целью социальной диагностики как совокупности научных методов, обосновывающих достоверность полученной информации, является постановка социального диагноза, т.е. научно обоснованного заключения о состоянии социального здоровья. Исходя из того факта, что социальный диагноз имеет двойкий характер и касается как состояния объекта, так и социального процесса, считаем целесообразным использовать данную терминологию в концепции предлагаемой нами методологии диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, включающего такие важные компоненты как физическое и психологическое здоровье экономически активного населения [4, с. 13–18].

Совокупность методологических подходов к социальной диагностике отвечает требованиям и задачам методологии диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов и включает:

- системный подход – анализ взаимоотношений между различными взаимосвязанными частями и элементами структуры предприятия;
- нормативный подход – установление отклонений состояния объекта от эталонного (нормативного) по определенным показателям;
- ситуационный подход – изучение состояния диагностируемого объекта в соответствии со спецификой конкретной ситуации;
- проблемный подход – фокусирование внимания на управленческой ситуации как результате уникальной комбинации проблем, возникающих на разных уровнях организации. Диагностика выявляет прежде всего иерархию проблем.

Систему методов данной методологии диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, можно подразделить на две основные группы: 1) методы проведения диагностического исследования; 2) методы анализа диагностической информации.

Методы первой группы позволяют получить наиболее достоверную информацию об изучаемом нами феномене социального загрязнения и включают: сбор первичной информации, ознакомление с документальными и статистическими материалами, интервью и анкетирование. Интервью дает дополнительную диагностическую информацию об исследуемом явлении, диагностический метод анкетирования предназначен для выявления мнений и конкретных фактов у большого круга лиц. После проведения диагностического исследования рекомендуется приступить к анализу диагностической информации, используя следующие методы: классификации, корреляции, сравнительного анализа проблем, контент-анализа, дифференциации.

Так, анализ диагностических данных начинается с их классификации. Для этого устанавливаются критерии их упорядоченности и фиксации. В качестве классификационных критериев нами определены:

- принадлежность к конкретной категории лиц с учетом занятости и социального статуса, возраста, пола;
- характер изучаемого социального явления с учетом причин и последствий его проявления, качественных составляющих и основных тенденций развития.

Использование метода корреляции предполагает выявление взаимосвязи и взаимовлияния проявлений, факторов, особенностей, установленных в процессе диагностики. Корреляционный анализ позволяет нам определить причинно-следственные связи между экономической деятельностью хозяйствующих субъектов и социально-психологическим благополучием работающих. Метод срав-

нительного анализа проблем используется для идентификации первопричин явлений, обнаруженных в ходе проведения социальной диагностики. Например, сравнительный анализ результатов социологического опроса двух групп респондентов (выборочной группы населения моногорода и работников градообразующего предприятия) позволяет повысить достоверность полученных данных. Метод контент-анализа основан на сравнительном сопоставлении смысловых единиц, в качестве которых нами используются высказывания участников социально-трудовых отношений исследуемого городского округа, полученные как в непосредственной беседе, так и опосредованно в региональных средствах массовой информации [5, с. 47–52]. Метод дифференциации предполагает группировку полученных в ходе социальной диагностики результатов с последующим осмыслением и анализом отдельных компонентов исследуемого феномена.

Вышеописанные методы легли в основу авторской методики оценки влияния организации на здоровье и социально-психологическое благополучие работников, которая является составной частью методологии диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов и рассматривается нами как совокупность приемов, средств получения и обработки диагностической информацией.

Оценка влияния организации на здоровье и социально-психологическое благополучие работников состоит из следующих элементов: 1) концептуальная модель объекта диагностики; 2) диагностические методики; 3) диагностический процесс.

Концептуальная модель включает в себя существенные для диагностики компоненты изучаемого объекта и их взаимосвязи. Практическое применение концептуальной модели возможно после ее операционализации: необходимо сформировать эмпирические индикаторы, параметры которых могут быть измерены. Именно эмпирические индикаторы используются при диагностике состояния объекта и для интерпретации полученных данных.

Следует отметить, что предложенная нами методология диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов разработана с учетом принципа триангуляции [6]. Триангуляция, как процесс проверки, включающий в себя несколько точек зрения и методов, используется в качестве исследовательской стратегии как для повышения обоснованности оценки и результатов исследования, так и для углубления и расширения понимания информации. В социальных науках это относится к сочетанию двух или нескольких теорий, источников данных, методов и/или исследователей в изучении одного и того же феномена. В заявляемом исследовании предполагается использование следующих форм триангуляции:

- триангуляция данных (извлечение данных из различных источников с обзорованием единого тела данных);
- теоретическая триангуляция (использование различных теоретических позиций в интерпретации данных);
- методологическая триангуляция (использование различных исследовательских методов и методик сбора данных – как качественных, так и количественных) [7].

Таким образом, реализация рекомендуемой методологии диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов базируется на следующих принципах:

- принцип триангуляции, обеспечивающий объективность, комплексность и верификацию получаемой информации;

- принцип системности, связанный с поликаузальностью всех социальных проблем, т.е. их зарождение и развитие определяется несколькими причинами;
- принцип научной обоснованности, предусматривающий валидность и надежность результатов диагностики;
- принцип причинности, подразумевающий необходимость учета связи и взаимодействия всех явлений и процессов, оказывающих влияние на исследуемый феномен, что позволяет в процессе исследования не ограничиваться описанием отдельных фактов или явлений, а выявить закономерности их возникновения и функционирования.

Вышеописанные методы диагностического исследования были реализованы автором в процессе апробации методики оценки влияния организации на здоровье и социально-психологическое благополучие работников в августе 2013 г. Выборочная совокупность респондентов составила 207 жителей МО «Новоуральский городской округ». Обработка результатов диагностического исследования проводилась с использованием программного обеспечения VORTEX.

В результате нами была разработана матрица параметров социального диагноза, которая позволяет сделать выводы, формирующие концептуальную модель объекта диагностики, являющейся, в свою очередь, компонентом авторской методики оценки влияния организации на здоровье и социально-психологическое благополучие работников. На основании анализа результатов социологического исследования в указанном городском округе нами сформулированы следующие положения социального диагноза изучаемой территории. Более 2/3 работающих муниципального образования испытывают негативное влияние своего рабочего места на физическое самочувствие, следствием чего является наличие у них как небольших, так и заметных проблем со здоровьем, связанных чаще всего: у каждого третьего – с головными болями; у каждого пятого – с нарушением сна и бессонницей; у каждого седьмого – с различными заболеваниями нервной системы. Отрицательное воздействие организации на социально-психологическое благосостояние работающих обусловлено прежде всего тем, что каждый второй не имеет возможности удовлетворения потребностей в психологической защищенности и уверенности в будущем на своем рабочем месте, при этом, наиболее значимыми для работников фрустрирующими ситуациями рабочей среды являются конфликты с руководителями, коллегами и клиентами. Каждый пятый опрошенный житель моногорода ощущает деструктивное влияние организации на качество своей жизни в целом, что свидетельствует о наличии социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов исследуемой территории.

Таким образом, социальный диагноз территории, полученный в результате проведения диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, дает возможность муниципальным властям точно идентифицировать основные компоненты и факторы социального загрязнения бизнес-среды моногорода. Выявление условий негативного воздействия хозяйствующих субъектов на здоровье и социально-психологическое благополучие экономически активного населения территории на основе анализа причинно-следственных связей между деятельностью организаций и благосостоянием работников, позволяет разработать эффективные управленческие механизмы снижения ущерба работающему населению от дисфункционального экономического поведения предприятий.

Таблица

Методология диагностики социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов

Структура 1	Элементы 2	Характеристика элементов 3
Методологические подходы	– системный подход	анализ взаимоотношений между различными взаимосвязанными частями и элементами структуры предприятия
	– нормативный подход	установление отклонений состояния объекта от эталонного (нормативного) по определенным показателям
	– ситуационный подход	изучение состояния диагностируемого объекта в соответствии со спецификой конкретной ситуации
	– проблемный подход	фокусирование внимания на управленческой ситуации как результате уникальной комбинации проблем
Методологические принципы	– принцип триангуляции	– триангуляция данных; – теоретическая триангуляция; – методологическая триангуляция
	– принцип системности	все социальные проблемы без исключения являются поликаузальными, то есть их зарождение и развитие определяет несколько причин
	– принцип научной обоснованности	результаты диагностики должны быть валидными и надежными
	– принцип причинности	необходимость учета связи и взаимодействия всех явлений и процессов, оказывающих влияние на исследуемый феномен
Методы исследования (методы социальной диагностики)	– методы проведения диагностического исследования	– сбор первичной информации; – ознакомление с документальными и статистическими материалами; – интервью; – анкетирование
	– методы анализа диагностической информации	– классификация; – корреляция; – сравнительный анализ проблем; – контент-анализ; – дифференциация
Методика диагностического исследования	– оценка влияния организации на здоровье и социально-психологическое благополучие работников	– концептуальная модель объекта диагностики; – диагностические методики; – диагностический процесс
Классификационные критерии	– принадлежность к конкретной категории лиц с учетом занятости и социального статуса, возраста, пола	– структура респондентов по категориям персонала; – структура респондентов по гендерному признаку; – структура респондентов по возрастным группам; – структура респондентов по формам и степени занятости на рабочем месте; – структура респондентов по отношению к своей работе
	– характер изучаемого социального феномена с учетом причин и последствий его проявления, качественных составляющих и основных тенденций развития.	– характер социального загрязнения как причинного фактора; – характер последствий воздействия социального загрязнения на работников; – степень воздействия социального загрязнения на состояние здоровья работников; – характеристика последствий воздействия социального загрязнения на психологическое благополучие работников; – характеристика компонентов социально-трудовых отношений, оказывающих негативное воздействие на социально-психологическое благополучие работников; – характер социального загрязнения с учетом устойчивости его состояния во времени

Библиографический список:

1. *Фролов С. Ф.* Тезисы курса лекций «Социальная диагностика». М.: МГСУ, 2002 // <http://www.docme.ru>
2. *Парфанович И. И.* Социальная диагностика. Курс лекций. Тернополь: ТДПУ, 2009.
3. *Федорова А. Э., Парсюкевич А. М.*, Факторы социального загрязнения внутриорганизационной среды // Вестник Омского университета. № 4. 2013.
4. *Федорова А. Э., Парсюкевич А. М.* Оценка влияния организации на социально-психологическое благополучие работающего населения моногорода // Экономика. Управление. Право. 2013. № 8 (44).
5. *Парсюкевич А. М.* Влияние реструктуризации градообразующего предприятия на развитие рынка труда монотерритории // Достойный труд – основа стабильного общества: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14–16 ноября 2013 г.) Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2013.
6. *Campbell, D. T., & Fiske, D. W.* (1959). Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix. *Psychological bulletin*, 56(2).
7. *Denzin, N. K.* (2009). *The research act: A theoretical introduction to sociological methods.* Transaction Publishers..

Э. Х. Гимаева

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева, аспирант кафедры экономической теории (420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10; тел.: (843) 231-01-09; kai@kstu-kai.ru)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА

В статье актуализируется значение интеллектуального труда в развитии инновационной экономики. В работе представлен анализ понятия и сущности интеллектуального труда в его историческом и теоретическом аспектах, а также выделены его характерные особенности, выявлены закономерности развития в процессе перехода на новейший этап.

экономика инноваций; интеллектуальный капитал; труд; интеллектуальный труд; человеческий капитал

Тенденцией развития современного российского общества является переход от индустриальной экономики к «экономике инноваций», «экономике знаний», базирующейся на интеллектуальных ресурсах, наукоемких и информационных технологиях.

В переходе к инновационной экономике решающая роль принадлежит интеллектуальному капиталу, под которым понимается совокупность интеллектуальных активов, к которым могут быть отнесены: рыночные активы (нематериальные активы, связанные с рыночными операциями); интеллектуальная собственность как актив (патенты, авторские права, торговые марки товаров и услуг, ноу-хау, торговые секреты и др.); человеческие активы (совокупность коллективных знаний сотрудников предприятия, их творческих способностей, умения решать проблемы, лидерских качеств, предпринимательских и управленческих навыков, а также психометрические данные и сведения о поведении отдельных личностей в разных ситуациях); инфраструктурные активы (технологии, методы и процессы, которые делают возможной работу предприятия).

Ключевую роль в создании интеллектуального капитала играет интеллектуальный труд. В связи с этим изучение различных аспектов интеллектуального труда представляется актуальным и своевременным.

Категория труда волновала мыслителей, ученых с древних времен. Уже ранние экономические школы предпринимали серьезную попытку к исследованию категории труда. Так, английский экономист В. Петти (1623–1687) рассматривает труд, как источник богатства. В своей работе В. Петти пишет: «Труд есть отец и активный принцип богатства, а земля его мать» [8, с. 38].

Представитель классической школы политэкономии А. Смит (1723–1790), углубляя теорию труда, выделяет производительный труд и непроизводительный. В своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смит отмечает: «Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй – непроизводительным. Так, труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает, а

именно увеличивает ее на стоимость своего содержания и прибыли его хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет к стоимости» [9, с. 34].

Труд как экономическая категория является центральной и у представителей марксистско-ленинской политэкономии. Карл Маркс (1818–1883) неразрывно связывал процесс деятельности человека с природой, где человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой.

Уже тогда Марксом рассматривалась интеллектуальная составляющая труда, присущая исключительно человеческой деятельности: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове».

Маркс рассматривал несколько основных характеристик труда:

- представление и понимание человеком конечного результата;
- сознательный характер действий, подчиняющихся волею человека;
- применение целесообразной воли, выражающейся во внимании.

Исходя из определения труда, которое давали представители ранних экономических школ, труд – это процесс, который требует сознательных, волевых и соответственно интеллектуальных усилий человека.

Труд как целесообразная деятельность немислим без предмета труда и средств труда. Человек преобразует вещество природы и подчиняет их удовлетворению своих потребностей.

На вещество природы человек воздействует с помощью средств труда. «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда, и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудие воздействия на другие вещи». «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [6, с. 190].

Заслугой К. Маркса является также то, что он раскрыл двойственный характер труда, создающего товар – конкретный труд и абстрактный труд.

Конкретность труда выражается в том, что производитель выполняет конкретные производственные операции, использует определенные средства труда и материалы и производит определенные блага.

Однако и сапожник, и строитель, и токарь, независимо от конкретной формы труда, тратят физическую силу, нервную и умственную энергию. Это вторая сторона труда, которую называют абстрактным трудом (от лат. *Abstractio* – отяжки, отвлечение от его конкретной формы).

Представителем неоклассического направления А. Маршаллом (1842–1924) было дано такое определение категории труда: «труд – это всякое умственное и физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достижения какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно от самой проделанной работы» [9, с. 124].

В политическом словаре дано следующее определение данной категории: «Труд – целесообразная деятельность человека, в процессе которой он видоизменяет и приспособливает предметы природы для удовлетворения своих потребностей. Труд – основное условие существования человеческого общества» [1, с. 400].

Среди экономистов советского периода можно также выделить С. Г. Струмилина (1877–1974), которым был внесен значительный вклад в разработку исследований проблематики экономики труда, трудовых ресурсов, образования и науки. Струмилиным подчеркивалась творческая составляющая труда, а также были раскрыты различия между основными понятиями «труд» и «работа».

Обобщив все предыдущие определения, можем заключить следующее: труд – это сознательная, целенаправленная, целесообразная и полезная (легитимная и востребованная) деятельность человека по получению или созданию жизненных (материальных и нематериальных) благ для удовлетворения личных и (или) общественных потребностей.

Следует отметить, что есть и другие подходы к определению данной категории. Так, например, по определению И. Е. Ворожейкина, А. Я. Кибанова и И. А. Баткаевой, труд – это основная форма жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом, средство самовыражения личности, способствующее утверждению достоинства человека» [3, с. 55]. В данном определении подчеркивается социальная природа труда.

Более широко данное понятие было раскрыто Б. М. Генкиным. Он подходит к рассмотрению понятия «труд» как к процессу, который характеризуется тремя основными признаками: целью, содержанием и мотивами. По его словам: «Труд как процесс – это деятельность человека по производству благ и ресурсов для потребления в домашнем хозяйстве, или для экономического обмена, или для того и другого» [4, с. 184].

В любом труде он выделяет два компонента. Первый связан с трудом, выполненным по заданной технологии, инструкции, регламенту, т.е. когда исполнитель не вносит в нее никаких элементов новизны. В этом случае творческий потенциал либо вообще не задействован, либо используется на примитивном уровне. Такой труд он называет регламентированным. Второй компонент связан с созданием новых материальных или духовных благ, а также новых методов производства. Такой труд назван инновационным, творческим трудом.

Так, экономист И. Бушмарин приводит следующую классификацию труда: творческий, полушаблонный и шаблонный труд. Творческий труд сопряжен с постоянной необходимостью преодолевать устоявшиеся в той или иной области представления и стереотипы, нацелен на поиск принципиально новых научных, технологических и организационных решений. Антиподом творческого труда является шаблонный труд, который характерен для низовых, наиболее простых по квалификационному уровню ячеек в системе общественного труда [2, с. 80].

Современные экономисты рассматривают труд с разных позиций. Интеллектуальный труд определяется в общем виде как целесообразный мыслительный (умственный) творческий процесс, осуществляемый при помощи таких усилий (способностей) человека, которые направлены на производство новых интеллектуальных продуктов для удовлетворения разнообразных индивидуальных и общественных потребностей.

Интеллектуальный труд отличается от труда в обычном понимании. Предметом труда являются знания и информация, а средством труда является творческая деятельность. Результатом интеллектуального труда выступает новый интеллектуальный продукт, который может быть коммерциализирован путем вовлечения в хозяйственный оборот, приобретающий в результате правового регулирования статус «интеллектуальной собственности».

Между субъектами интеллектуальной деятельности возникают экономические отношения по поводу присвоения, обмена и распределения результатов интеллектуального труда, а сам процесс создания продуктов непосредственно

связан с применением интеллектуальных способностей человека. Именно интеллектуальные способности являются ключевым компонентом в понятии средств интеллектуального труда, среди которых мы можем выделить: физические, творческие способности, интеллектуальный капитал, а также человеческий капитал.

Необходимо отметить, что значительная роль в осуществлении интеллектуальной деятельности принадлежит интеллектуальной составляющей человеческого капитала. Традиционное определение человеческого капитала гласит, что человеческий капитал – это специфическая форма капитала, воплощённого в самом человеке, это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и приносят ему доход в форме заработной платы или ренты. В его структуре обычно выделяют: природные способности; общую культуру; общие и специальные знания; приобретённые способности, навыки, опыт; умение их применить в нужный момент и в нужном месте [7, с. 4].

Исходя из современного определения, человеческий капитал – это интенсивный производительный фактор развития экономики и общества, происходящий через повышение эффективности всех видов экономической деятельности, а также через продажу интеллектуальных продуктов, включающий трудовые ресурсы, знания, инструменты интеллектуального и организационного труда, среду обитания и интеллектуальной работы, обеспечивающие эффективное и рациональное функционирование человеческого капитала как производительного фактора развития [5, с. 20].

Развитие и укрепление человеческого капитала как основного фактора экономического роста требует значительных инвестиций в повышение качества жизни человека, а также в условия и инструменты его интеллектуального труда, что прежде всего, может осуществляться посредством инвестиций в образование, здравоохранение и науку. Опыт других стран свидетельствует о том, что необходимо создать институциональную среду развития высококачественного человеческого капитала: реализовать компетентностный подход в системе профессионального образования, повысить качество жизни, здоровья населения, обеспечить экономическую систему стимулирования эффективного интеллектуального труда.

Библиографический список:

1. Антология экономической классики: В 2 т. Т. 1.
2. Бушмарин И. С. Трудовые ресурсы творческого типа – основа эволюции и экономики общества. М., ЭПЦентр, 2002.
3. Ворожейкин И. Е., Кибанов А. Я., Баткаева И. А. Управление персоналом организации. М.: Инфра–М, 2009.
4. Генкин Б. М. Эффективность труда и качество жизни. СПб. 1997.
5. Корчагин Ю. А. Человеческий капитал и процессы развития на макро и микроуровнях. Воронеж: ЦИРЭ. 2004.
6. Маркс К. Капитал. Т. 1. гл. VII.
7. Нуреев Р. М. Человеческий капитал и его развитие в современной России. Общественные науки и современность. 2009. № 4.
8. Петти В. Трактат о налогах и сборах. М., Ось-89.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993.

Б. Ю. Сербиновский

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Ростовский институт, профессор кафедры экономики и управления на предприятии, доктор экономических наук, профессор (344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Тургеневская, д. 49)

А. Ю. Чмырева

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Ростовский институт, доцент кафедры экономики и управления на предприятии, кандидат экономических наук, доцент (344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Тургеневская, д. 49)

ПОДСИСТЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА ПРИ ОКАЗАНИИ ЭКСПЕРТНЫХ И КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ

Проблема ответственности персонала за результаты экспертизы или консалтинга характерна для специализированных экспертных компаний. Такие компании привлекают к работе на условиях временной занятости высококвалифицированных специалистов из университетов, научно-исследовательских, опытно-конструкторских, опытно-технологических и проектных организаций. В большей степени она проявляется на региональных и местных рынках экспертных и консалтинговых услуг с достаточно ограниченным объемом спроса, например, в городах и районах с населением менее 2 млн. чел. и относительно небольшим числом заказчиков, многие из которых являются малыми и средними предприятиями. Подсистема ответственности позволяет повысить качества экспертизы и консалтинга, обоснованность выводов, рекомендаций и заключений, а также сохранять коммерческие тайны заказчика. Внедрение предложенной подсистемы ответственности не требует значимых финансовых и трудовых затрат, но сулит существенные выгоды для специализированной экспертной компании, раскрывает дополнительные возможности ее развития в условиях высокой конкуренции на медленно растущем потребительском рынке.

экономические науки; потребительский рынок; экспертиза; консалтинг; ответственность персонала; менеджмент; подсистема

Исследование эффективности деятельности специализированных предприятий (организаций), оказывающих услуги экспертные и консалтинговые услуги, позволил вывить проблему ответственности персонала за результаты экспертизы (консалтинга). Проблема характерна для малых специализированных экспертных компаний, которые, во-первых, активно привлекают к экспертизе и консалтингу высококвалифицированных специалистов из университетов, научно-исследовательских, опытно-конструкторских, опытно-технологических и проектных организаций, обеспечивая их временную (вторичную, дополнительную) занятость во временных творческих коллективах. Во-вторых, такие специализированные экспертные компании предлагают экспертные и консалтинговые услуги на региональных и местных рынках с достаточно ограниченным объемом спроса, например, в городах и районах с населением менее 2 млн. чел. и относительно небольшим числом заказчиков, многие из которых являются малыми и средними предприятиями и в силу этого не являются постоянными заказчиками,

не заинтересованы в аутсорсинге. Одна из таких групп заказчиков – это предприятия торговли и общественного питания.

Проблема ответственности возникает именно по причине временной занятости экспертов и заключения трудовых отношений на срок выполнения договора экспертизы (консалтинга), но обостряется вместе с ужесточением конкуренции на рынке услуг в условиях невысокой инновационной активности российского бизнеса [6; 7; 8, с. 272–284] и существенного замедления роста потребительского рынка [9; 10].

Сущность проблемы ответственности персонала специализированной экспертной компании (за результаты экспертизы) сводится к пяти основным аспектам:

- к проблеме обеспечения качества экспертизы, которое достигается подбором квалифицированных экспертов и лидера-руководителя экспертной группы, способного организовать плодотворную работу специалистов в разных областях знаний;

- к делегированию ответственности от руководства специализированной экспертной компании руководителям экспертных групп и экспертам, участвующим в подготовке экспертного заключения и отчетов;

- к достижению баланса ответственности за результаты экспертизы между руководителями специализированной экспертной компании, руководителями экспертных групп (временных творческих коллективов) и экспертам;

- к необходимости сохранения коммерческой тайны заказчика экспертизы;

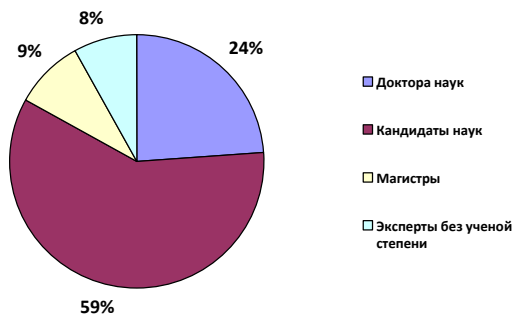
- к проблеме защиты результатов экспертизы у заказчика.

Сложность обеспечения ответственности экспертов за результаты работы связана с особенностями формирования экспертных групп.

Чаще всего группы (временные творческие коллективы) создаются под конкретные заказы (комплекс работ по экспертизе инновационного проекта) из научных работников и преподавателей ведущих университетов. Квалификация экспертов, их профессиональные компетенции высоки и (как правило) подтверждаются учеными степенями и званиями. Например, на рисунке 1 приведена квалификационная структура одной из специализированных экспертных компаний.

Рисунок 1

Квалификационная структура экспертов специализированной экспертной компании

При таком формировании штата специализированной экспертной компании достигается необходимое сочетание междисциплинарных компетенций в экспертной группе. Отрицательный момент такого подхода комплектования групп –

отсутствие длительных трудовых отношений между специализированной экспертной компанией и экспертом, увольнение эксперта после завершения работы по заказу экспертизы (сдачи результатов экспертизы заказчику). Однако специализированная экспертная компания (как правило) сохраняет связи с экспертами, а эксперты заинтересованы в сотрудничестве с ней и получении дополнительных трудовых доходов в будущем.

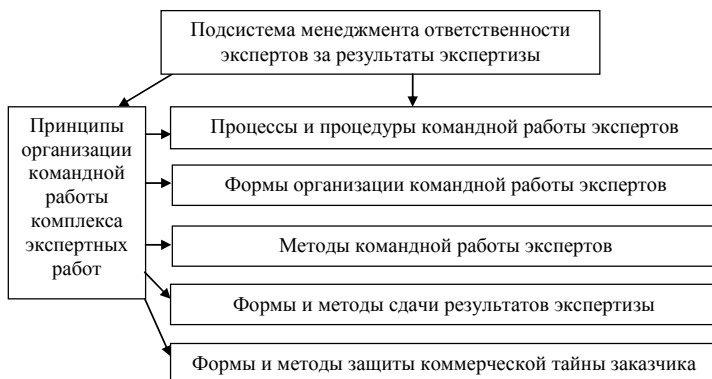
В учебной и научной литературе ответственность персонала за порученную работу поддерживается системой мотивации и стимулирования труда, административными мерами и рычагами, отражается в должностных инструкциях, а степень ответственность работника учитывается при проведении аттестации, принятие решений по поводу карьерных перемещений [1–4].

Разнообразие видов, форм и условий хозяйственной деятельности приводит к разным управленческим решениям, направленным на обеспечение ответственности персонала предприятия за результаты труда и поведение работника. Существует традиционный подход использования должностных инструкций регламентирующих ответственность работников, которые служат основой для оценки результатов деятельности сотрудников и их аттестации. Доступно множество типовых должностных инструкций¹. Однако в рассматриваемом конкретном случае со специфическими трудовыми отношениями традиционных мер и должностных инструкций оказывается недостаточно для организации эффективной работы экспертов. Результаты исследования показали, что специализированная экспертная компания теряет некоторую часть доходов в силу возникающих противоречий в ее внутренней и внешней среде (во взаимоотношениях с заказчиком и стейкхолдерами).

Для решения проблемы ответственности в экспертной компании целесообразно создать подсистему менеджмента ответственности, которая состоит из компонентов, представленных на рисунке 2.

Рисунок 2

Структура подсистемы менеджмента ответственности специализированной экспертной компании

Предлагается внедрить в практику менеджмента специализированной экспертной компании следующие частные принципы управления:

¹ См., например, сайт: <http://www.rabota.ru>

- принцип сбалансированной и солидарной ответственности за результаты экспертизы руководства специализированной экспертной компании, руководителей экспертных групп и экспертов;

- принцип конфиденциальности – сохранения коммерческой тайны заказчика экспертизы всеми сотрудниками, участвующими в договорных работах, нераспространения каких-либо сведений об объекте и предмете, ходе и результатах экспертизы;

- принцип командной защиты результатов экспертизы, предполагающий совместное участие руководства специализированной экспертной компании, руководителей экспертных групп и экспертов в публичной защите результатов экспертизы перед аудиторией, состав которой определяет заказчик экспертизы.

Принцип сбалансированной и солидарной ответственности за результаты экспертизы руководства специализированной экспертной компании, руководителей экспертных групп и экспертов выполняется путем делегирования полномочий с уровня руководства компании на уровни руководителя экспертной группы и каждого эксперта. Это достигается за счет процедур распределения ответственности и форм документов экспертизы, предоставляемых заказчику, следующим образом:

- руководитель экспертной группы несет солидарную ответственность вместе с руководителем специализированной экспертной компании за результаты работы по выполнению заказа (за исключением финансовой ответственности по заключенному договору, которую в полной мере несет специализированная экспертная компания по условиям договора). Оба руководителя подписывают экспертное заключение и отчеты о выполненной работе;

- в отчетных документах указываются данные не только о руководителе специализированной экспертной компании, но и о руководителе экспертной группы;

- эксперты несут солидарную ответственность вместе с руководителем специализированной экспертной компании и руководителем экспертной группы за результаты работы по разделам экспертизы, в выполнении которых они участвовали. Они подписывают разделы экспертного заключения и отчетов, в подготовке которых приняли участие;

- в отчетных документах указываются данные об экспертах, которые выполняли отдельные виды экспертизы и готовили конкретные разделы заключения или отчета;

- материальная ответственность руководителя группы и экспертов связывается с размером их заработка, выплачиваемого по результатам работы. Ошибки, задержки, низкое качество экспертизы (необоснованность заключения, выводов и рекомендаций), которые приводят к срыву договорных сроков или санкциям, накладываемым на специализированную экспертную компанию, могут стать причиной снижения заработка экспертной группы и/или эксперта;

- качественная экспертиза и сокращенные сроки предоставления заказчику заключения и/или отчета могут привести к увеличению доходов специализированной экспертной компании, заработков руководителя экспертной группы и экспертов;

- повышение качества экспертизы, обоснованности выводов и рекомендаций связывается с обязанностью руководителя экспертной группы и экспертов участвовать в публичной защите результатов экспертизы перед представителями заказчика;

- мотивация эффективной работы экспертов строится на следующих причинно-следственных связях:

а) эксперты знают правила и требования, которые должны выполнять, и разделяют (принимают) их;

б) эксперты участвуют в обсуждении содержания договора, определяющего состав экспертных работ и цену за работы, следовательно, состав используемых в экспертизе инструментов анализа исследовательского (фактологического) материала и синтеза решений (заклучений, рекомендаций, выводов);

в) эксперты заинтересованы в длительном сотрудничестве со специализированной экспертной организацией и заказчиками в будущем;

г) идентификация результатов экспертизы (заклучения, выводов, рекомендаций) с конкретным экспертом и руководителем экспертной группы устраняет возможности уклонения от ответственности, а некачественная работа может иметь для эксперта и руководителя экспертной группы негативные последствия, например, приобретение негативного имиджа, потеря престижа и доходов.

Принцип конфиденциальности обеспечивается посредством:

– специальных формальных и неформальных процедур защиты коммерческой тайны, в том числе правил и процедур хранения и защиты информации, правил и процедур доступа, допуска к информации, в том числе информации на электронных носителях;

– правил передачи данных и документов экспертам-исполнителям и заказчику;

– организационных форм индивидуальной и коллективной работы экспертов в офисе, во внутренней и внешней сетях, в том числе форм использования облачных технологий [11, с. 379], которые получают все большее распространение для повышения эффективности виртуальных команд (творческих коллективов);

– правил и процедур формального закрепления личной ответственности за сохранение коммерческой тайны (подписание документов, заявлений и др.);

– использования списка лиц, допущенных к работе с данными, предоставленными заказчиком и полученным экспертами в результате исследования, анализа или синтеза решений, и документами по договору экспертизы;

– правил и процедур реализации индивидуальной ответственности за сохранение документов и неразглашение данных, за которые эксперт несет личную ответственность;

– регламента хранения данных и документов, в том числе на электронных носителях.

Принцип командной защиты результатов экспертизы выполняется при реализации правил, процедур, форм и методов публичной защиты результатов экспертизы:

– защита результатов организуется перед аудиторией, состав которой определяют, со стороны заказчика, руководитель предприятия-заказчика (в состав этой группы включаются специалисты предприятия и стейкхолдеры, заинтересованные в успехе инновации). Со стороны специализированной экспертной компании состав группы, защищающей результаты экспертизы, включают: руководителя и главных специалистов компании; руководителя экспертной группы и экспертов, участвовавших в подготовке экспертного заключения, отчета и других материалов, передаваемых заказчику по договору экспертизы;

– защита организуется в форме конференции и/или семинара;

– основным докладчиком является руководитель экспертной группы, содокладчиками – эксперты;

– после доклада представители заказчика и стейкхолдеры получают ответы на возникшие у них вопросы по содержанию заключения, выводов и

рекомендаций, а эксперты разъясняют неясные или спорные моменты, объясняют, обосновывают и защищают свою позицию;

– о дате (времени) и регламенте процедуры защиты результатов экспертизы стороны договариваются заблаговременно и совместно подготавливают мероприятие, определяют степень конфиденциальности информации, уровень открытости (конфиденциальности) мероприятия, список допущенных лиц;

– положительный результат защиты экспертного заключения и/или отчета служит основанием для успешного завершения договора экспертизы.

Предлагаемая подсистема менеджмента ответственности по своей сути является особым инструментом изменения системы мотивации персонала. Инновационные изменения трудовых отношений позволяют улучшить систему внутренних и внешних мотивов производительного и качественного труда сотрудников специализированной экспертной компании. При оптимизации системы мотивации труда могут использоваться известные теоретические положения и практические рекомендации [5].

После апробации предлагаемой к внедрению подсистемы ответственности на основе опроса руководителей и специалистов (экспертов) специализированных экспертных компаний, руководителей и специалистов предприятий-заказчиков была подтверждена эффективность подсистемы, которая связана с двумя аспектами:

– социально-трудовым: руководители и специалисты позитивно оценивают новшество и считают, что новые принципы, процедуры, формы, методики позволяют: повысить эффективность творческого труда, активность работников; улучшить мотивацию работников, побуждать их к производительному и качественному творческому труду;

– экономическим: ожидается или наблюдается повышение доходов специализированной экспертной компании за счет роста числа заказов (заказчиков), объема заказанных работ (увеличивается комплекс экспертных работ по договору) и повышения договорной цены. Годовой экономический эффект в одной из специализированных экспертных компаний составил 12,4 % от годового объема реализации услуг.

Таким образом, для специализированных экспертных компаний, сталкивающихся с описанной проблемой может быть рекомендована разработанная подсистема менеджмента ответственности, внедрение которой не требует сколь-нибудь существенных финансовых затрат, но улучшает перспективы бизнеса.

Библиографический список:

1. *Аристов О. В.* Управление качеством. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 240 с.
2. *Статт Л. В.* Управление персоналом. Настольная книга менеджера (Human Resource Management). – М.: Добрая книга, 2009. – 536 с.
3. *Сербиновский Б. Ю.* Управление персоналом. – М.: Дашков и Ко, 2007. – 464 с.
4. *Управление персоналом организации: Учебник / Под ред. А. Я. Кибанова.* – М.: ИНФРА-М, 2009. – 638 с.
5. *Озерникова Т. Г.* Трудовая мотивация: институциональные и внутриорганизационные аспекты. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – 315 с.
6. *Антончиков С.* Инновационная активность МСП в России и Евросоюзе и факторы ее развития // МСП Банк: Исследование // <http://www.mspsbank.ru>
7. Наука и инновации. М.: Росстат // <http://www.gks.ru>

8. Бек М., Бек Н. Причины низкой инновационной активности российского бизнеса и вызовы для управления инновационным развитием // Менеджмент инноваций. 2010. № 4.

9. Грамматчиков А., Инкижинова С., Литвинова Н., Москаленко Л., Ступин И. Время узнавания потребителя // Эксперт. 2014. № 2 (834) // <http://expert.ru>

10. Юдаева: России угрожает стагфляция // Rambler. Финансы // <http://finance.rambler.ru>

11. Gillam L. Cloud Computing: Principles, Systems and Applications / L. Gillam, N. Antonopoulos. – L.: Springer, 2010.

Полис

Е. В. Галкина

Северо-Кавказский федеральный университет, профессор кафедры общей социологии и политологии, доктор политических наук, доцент (355029, г. Ставрополь, ул. Кулакова, д. 2; тел.: (8652) 95-68-08; info@ncfu.ru)

И. В. Конопелько

Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры общей социологии и политологии, кандидат политических наук (355029, г. Ставрополь, ул. Кулакова, д. 2; тел.: (8652) 95-68-08; info@ncfu.ru)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ» И «БОЛЬШОЙ ДВАДЦАТКИ»)

В структуре международных отношений и мировой политики все большее значение приобретают неформальные политические организации всемирного значения. Они призваны решать глобальные проблемы через встречи в неформальном режиме («без галстуков»), для лучшего построения политической коммуникации и т.д. Авторы рассматривают такие неформальные организации мирового масштаба, имеющие большой вес в международной сообществе, как «Большая восьмерка» и «Большая двадцатка».

политика; мировая политика; гражданское общество; глобальное гражданское общество; неформальная международная организация; «Большая восьмерка»; «Большая двадцатка»; государство

Современная мировая политика насыщена множественными акторами международных отношений: суверенными государствами, блоками государств, конфедерацией (Европейский Союз), транснациональными корпорациями, международными организациями и др. Среди последних выделяются формальные и неформальные международные организации.

Если формальная организация характеризуется строго предписанными и документально зафиксированными целями, правилами и ролевыми функциями, то неформальная организация, в свою очередь, этим не характеризуется. В противоположность формальной организации неформальная структура не имеет четко предписанных правил и норм функционирования.

Обратимся к неформальной организации, которая в последние десятилетия приобрела большой вес в мировой политике. Это «Большая восьмерка» или «Группа восьми» (от англ. *great eight*, G8) – международная организация, стоящая в ряду таких известных и весомых, как НАТО, ОБСЕ, ЕС, ВТО, ВОТ и др.

Российская Федерация в 1997 г. вступила в эту организацию во время встречи в Денвере. В «Большую восьмерку» входят восемь экономически развитых стран мира: Великобритания, США, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония и Россия. Регулярные встречи (саммиты) на высшем уровне способствуют решению сложных экономических, политических, дипломатических и других вопросов между этими государствами.

В рамках «Большой восьмерки» проводится Международный энергетический форум (МЭФ), собирается и юношеская «восьмерка».

«Большую восьмерку» ряд экспертов относят к международным институтам, хотя и очень слабо формализованным. Как и многие другие институты мирового сообщества, он возник в результате хронических переговорных процессов. «В его деятельности просматривается имитация работы всемирно-имперского правительства, и хотя у него нет мандата, он все-таки имеет некоторый опыт политического управления делами во всем мире» [7, с. 12].

С момента своего основания в 1975 г. «Большая восьмерка» (тогда еще «Большая семерка») играет значительную роль в деле обеспечения мира и безопасности, причем круг ее задач постоянно расширяется. Роль «Группы восьми» кардинально изменилась после вступления в нее России. Из экономического сообщества Запада «восьмерка» превратилась в глобальную организацию, был дан новый стимул к повышению ее роли в сфере международной безопасности.

Не обладая в вопросах войны и мира легитимностью Совета Безопасности ООН, «Большая восьмерка», тем не менее, представляет собой в глазах мирового сообщества более приемлемое средство решения проблем, нежели односторонние действия. В этом смысле, данную организацию можно поставить на второе место после Совета Безопасности ООН.

Одновременно с «Большой восьмеркой» в том же месте собирают свои всемирные форумы антиглобалисты, альтерглобалисты и прочие группы гражданского давления [4, с. 70]. Их акции конструируются по образу антиправительственных демонстраций и, тем самым, способствуют формированию образа «Большой восьмерки» как глобального правительства. Все это, вместе с самопрокламацией «Большой восьмерки» (и вообще саммитов), создает преувеличенное представление об их реальной функциональности, однако и скептики, считающие подобные саммиты бесполезными, тоже не совсем правы. В разное время решения «Большой восьмерки» помогли реформировать Всемирный банк (1995 г.), облегчить долг бедных стран (1999 г.), создать всемирный фонд для борьбы с инфекциями (2001 г.). Некоторые успехи «восьмерка» добилась и в области образования. И даже в борьбе с бедностью, хотя разрешение проблем Африки далеко от конечного результата [8].

Россия упрочивает свои позиции и отстаивает идеи национальной безопасности среди государств-членов «Группы восьми». Для Президента РФ В. В. Путина саммит «Большой восьмерки» во Франции в 2003 году (г. Эвиан) оказался весьма удачным. Российской Федерации был предоставлен полный набор прав и привилегий, полагающихся члену Клуба. В центре внимания саммита были вопросы мировой политики и безопасности, а именно в этой сфере, как ни в какой другой, Россия может внести позитивный вклад в сотрудничество.

В 2006 г. Россия председательствовала в «Большой восьмерке», в июле того же года прошел саммит этой организации в Санкт-Петербурге, где обсуждались вопросы энергетической безопасности, проблемы постсоветского пространства, образования. Девизом саммита был: «Знание и компетенции в инновационном обществе».

В начале июля 2008 г. саммит организации прошел в Японии о. Хоккайдо. Рассматривались вопросы существующей финансовой системы, продовольственного кризиса, энергетической безопасности, ближневосточного урегулирования и др. Обсуждались также проблемы ракетной и ядерной программ Ирана и КНДР.

Отдельно подчеркнем, что «Большая восьмерка» уделяет значительное внимание проблемам безопасности, в том числе, борьбе с международным экстремизмом, ядерным терроризмом, кибертерроризмом и др. Вопрос о борьбе с терроризмом неоднократно ставился на встречах глав государств членов «Большой восьмерки» [6, с. 363]. Так, девизом председательствования Российской Федерации в «Большой восьмерке» в 2014 г. стал лозунг – «Управление рисками для обеспечения устойчивого роста в безопасном мире».

Не менее значимая неформальная международная организация на мировой арене – это «Большая двадцатка» или «Группа двадцати» (от англ. *great twenty*, G20). Она представляет собой форум (преимущественно, экономический) двадцати ведущих стран мира. 7 апреля 2009 г. на встрече с итальянскими деловыми кругами Президент России Д. А. Медведев отметил: «То, что такие разные государства, которые невозможно было даже представить за одним столом некоторое время назад, решают сегодня глобальные задачи, мне представляется положительным симптомом и свидетельством того, что мы сможем добиться серьезных успехов, сможем снять практически все последствия этого кризиса в достаточно близкой перспективе». «Речь идет, конечно, не о десятилетиях, а именно о перспективе этого года или следующего года», – добавил он [10].

Прошедший 2 апреля 2009 г. саммит «Большой двадцатки» в Лондоне показал стремление этих стран усилить контроль над мировой финансовой системой. Прежде всего, создать новый международный контрольный орган – Совет по финансовой стабильности, что немаловажно при глобальном финансовом кризисе.

В работе саммита приняли участие 30 делегаций, представляющих 22 страны, на которые приходится 80% мирового ВВП, и 8 крупнейших международных финансовых и экономических организаций. Россия предложила создать новую резервную валюту взамен доллару. Эта идея представляется наиболее системной попыткой найти выход из кризиса. Но решение этой проблемы откладывается на перспективу, возможно, не столь далекую. Президент России Д. А. Медведев подчеркнул, что на саммите приняты серьезные решения, касающиеся, в частности, деятельности мировых финансовых институтов, контроля за протекционизмом, стабилизации внутренних рынков и глобальной экономики в целом [11].

Председательство России в «Большой двадцатке» началось с 1 декабря 2012 г. и продолжилось в течение 2013 г. Саммит лидеров этой организации прошел 5–6 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге.

В свою очередь, 13 июня 2013 г. в российской столице открылся двухдневный Гражданский саммит «Группы двадцати» – Civil 20 Summit [5]. Среди стран-председателей Российская Федерация проводила встречу «Гражданской двадцатки» в таком формате впервые. Участниками саммита явились около 350 человек – это общественники, представители международных организаций, представители бизнеса, СМИ, официальные лица. В программе саммита были пленарные сессии, кросс-секционные заседания, заседания рабочих групп, проведение открытых дискуссионных площадок, открытое заседание Редакционного комитета [13].

Итогом встречи стало «Обращение к лидерам «Группы двадцати», – так называемое гражданское коммюнике. Документ состоит из преамбулы, а также 8

тематических блоков – рекомендаций, которые отражают все направления работы Civil 20.

Во время председательствования в «Группе двадцати» Россия открыла пилотный проект по расширению диалога и демократизации процесса консультаций с гражданским обществом. Для этого были созданы международные рабочие экспертные группы гражданского общества, которые собирали (на основе Интернет-платформы «Гражданской двадцатки») с помощью краудсорсинга (так называемый «метод управления толпой») предложения, консолидировали их и разработали позиционные документы по следующим направлениям: экологически ответственное развитие и энергетика, вопросы труда и занятости населения, финансовая включенность и финансовое образование, продовольственная безопасность, цели развития тысячелетия после 2015 г., противодействие коррупции, финансовая архитектура [3, с. 75].

Отметим, что «Большая двадцатка» в российском формате взаимодействовала с некоммерческими и государственными организациями – активными институтами российского гражданского общества. Это такие организации, как Институт международных организаций и международного сотрудничества, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Всемирный фонд дикой природы, Гринпис, Институт отраслевого питания, российская общественная организация СПИД Инфосвязь, Российская коалиция против бедности, «ЭКО-Согласие», Российская ассоциация «Народонаселение и Развитие» (РАНиР), Фонд «Наследие Евразии», Национальный антикоррупционный комитет, Московский государственный институт международных отношений, региональный общественный фонд помощи престарелым «Доброе дело» и др [5]. Сотрудничество осуществлялось в разработке и реализации программ, нацеленных на решение демографических проблем, а также на сохранение и укрепление репродуктивного потенциала нации и др.

В 2014 г. саммит «Группы двадцати» (сороковой по счету) под председательством России пройдет в Сочи 4–5 июня, и одной из основных тем заявлена борьба с терроризмом и экстремизмом, поиск новых стратегий.

Так, «Большая двадцатка» уделяет значительное внимание борьбе с международным экстремизмом и терроризмом. Срастание политического терроризма с организованной преступностью и организация преступных сообществ по сетевому принципу представляет огромную опасность для мирового сообщества. Разрушительный потенциал современного терроризма неизмеримо возрос вследствие возможности субъектами его применения использовать достижения технологической цивилизации.

Отдельно выделим, что на саммитах «Большой восьмерки» и «Большой двадцатки» зачастую обращаются к проблемам глобального гражданского общества, его можно объяснить общими интересами человечества в защиту от глобальных угроз и вызовов – нарушение прав человека, распространение наркомании, экологические бедствия, истощаемость природных ресурсов, угрозы разрушения «общего достояния» человечества в области культуры и социальной безопасности, проблемы политического экстремизма, терроризма и др [4, с. 73–74]. Глобальные угрозы ставят под вопрос выживание человечества, открывая тем самым возможности для действий на международном уровне.

По мнению У. Бека, «прогноз очевиден: век угроз, которым человечество само подвергает себя, станет веком «единого мира», единого как никогда прежде. Растет понимание: мы живем в контексте глобальной ответственности, от которой никто не сможет уклониться» [1].

Возникнув, глобальные проблемы будут сопутствовать человечеству всегда, и решать их придется постоянно. Ослабление внимания к ним «сулит большие неприятности, а то и катастрофу всему мировому сообществу, которое в ходе естественной исторической эволюции должно им противостоять в качестве единого организма» [12, с. 11].

Растущие контакты между людьми в масштабах всего мира содействуют осознанию того, что все мы являемся частью глобального сообщества. Это зарождающееся чувство взаимозависимости, верности единым универсальным ценностям и солидарности между людьми на всей планете можно было бы направить на построение системы демократического глобального управления [2, с. 173].

В заключение подчеркнем, что международная организация в целом – это инструмент совместного решения проблем, затрагивающих интересы нескольких государств или групп их граждан. Формально члены международных организаций равноправны, но бывают и явные лидеры, как США, Франция, Германия, Великобритания, Россия и другие в «Большой восьмерке» и «Большой двадцатке».

По прогнозам американских ученых к 2025 г. восемью крупнейшими экономикami мира будут в нисходящем порядке: США, Китай, Индия, Япония, Германия, Великобритания, Франция и Россия [9, с. 36]. Следовательно, позиции Италии, Канады в «Большой восьмерке» могут занять Китай и Индия? Как нам представляется, вряд ли. Последние два государства усиливают свое влияние в другой международной транснациональной организации БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), что свидетельствует о том, что напряженность между основными акторами в многополярном мире высока [9, с. 85].

Россия участвует в работе более 130 международных организаций различного уровня. Наша страна входит в состав главных международных акторов на мировой арене. Её геополитический имидж сопоставим с присутствием России в международных структурах различного уровня.

Как государство, входящее в восьмерку наиболее развитых экономически и политически стран, председательствующее в 2014 г. в «Большой двадцатке» и имеющее опыт отражения и профилактики крайнего экстремизма и терроризма на своей территории, Российская Федерация последовательно выступает за построение стабильного мира. При этом предполагается, чтобы при решении вопросов международной безопасности делать упор на коллективные международные силы при содействии институтов глобального гражданского общества.

Библиографический список:

1. Бек В. Космополитическая глобализация // Россия в глобальной политике. 2003. № 10.
2. Галкина Е. В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России: Дис. ... д-ра полит. наук. Краснодар, 2010.
3. Галкина Е. В. Глобальное гражданское общество: миф или реальность? // Материалы VII Международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество» 14–18 октября 2013 г. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013.
4. Галкина Е. В. Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций / Под науч. ред. Г. В. Косова. Ставрополь: Мир данных, 2010.
5. Гражданская двадцатка // <http://www.g20civil.com>
6. Дробот Г. А. Мировая политика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014.

7. Кустарёв А. Кем и как управляется мир // Pro et Contra. 2007. № 6 (39).
8. Ларионова М. В. «Большая восьмерка»: табель успеваемости // Россия в глобальной политике. 2006. № 6.
9. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США / Под ред. Г. Павловского. М.: Европа, 2009.
10. Саммит G-20 вселил в Медведева оптимизм // Новая политика // <http://www.povopol.ru>.
11. Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru>
12. Чумаков А. И. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Велби, 2005.
13. Официальный сайт Интернет-журнала «Новая политика» // <http://www.povopol.ru>

Н. А. Барышная

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Балаковский филиал, доцент кафедры государственного управления и права, кандидат политических наук (413846, г. Балаково, ул. Чапаева, д. 107; тел.: (8453) 44-13-71)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИГРАЦИИ

Рассматриваются проблемы политизации миграционных процессов. «Новые» этнические группы артикулируют свою этническую идентичность, которая является ресурсом мобилизации. Сформулированы основные выводы о структуре и динамике этнополитической напряженности под влиянием миграционных процессов.

этничность; идентичность; миграция; конфликт; социальная напряженность; маркеры границ

Современная Россия представляет собой государство с интенсивно протекающими на всей его территории миграционными и этнополитическими процессами. После распада Советского Союза, Россия заняла третье место в мире среди стран (после США и Германии) по количеству приема иммигрантов [5].

В настоящее время в этнополитической науке уделяется серьезное внимание процессам взаимодействия между этническими миграционными сообществами и принимающим населением [7; 10]. Основной целью подобных исследований является выявление противоречий, прямо или опосредовано влияющих на уровень социальной напряженности общества и/или местных сообществ [11; 8; 13].

Все многообразие миграции населения можно представить в одной интегральной классификации миграционных процессов, основаниями для которой являются: тип пересекаемых границ; время пребывания в месте въезда; способ реализации перемещения; желание людей совершать переселение; причины переселения; социальные и этнические группы, участвующие в процессе миграции.

Признание роли структурных факторов в качестве детерминантов миграции оказало глубокое влияние на исследование этого явления. До конца прошлого столетия попытки «концептуализировать» миграцию были сфокусированы на различиях в уровне жизни территории исхода и территории приема, однако в последние годы сложилось понимание того, что эти различия лишь частично объясняют модели перемещения и адаптации людей.

Эти модели важны как методики анализа стимулов людей для перемещения. Перемещения как внутри, так и между странами в основном осуществляется в поисках более благоприятных возможностей. Это одна из причин, по которой люди тяготеют к городским центрам, и почему высококвалифицированные профессионалы часто перемещаются в города и места, где их профессия уже укоренилась [14].

Несмотря на значительный объем опубликованных материалов по вопросам миграции, и, в частности, миграции как социально-политического фактора, значительная часть экспертов отмечает, что «к несчастью, данных по миграции по-прежнему мало. Для разработчиков политики гораздо проще посчитать международные перемещения ботинок и мобильных телефонов, чем нянь и строителей...» [6, с. 27–28].

Проблема этнических миграционных сообществ, как этнокультурных меньшинств и акторов этнополитических отношений, разрабатывается в России лишь

последнее десятилетие и включает в себя широкий спектр оценок [12]. Однако при всем ракурсе оценок первичной, по отношению к мигрантам, выступает фактор этничности.

Этническая принадлежность иммигранта является сегодня определяющим маркером отношений «свой-чужой». По данным Левада-Центра и нашим собственным исследованиям, ксенофобские настроения разделяет большинство населения [9, с. 238]. Преувеличенное значение этничности, пронизывающее все аспекты социальных контактов («транспарентная этничность»), как уже отмечалось, в первую очередь затрагивает мигрантов. Антимигрантские настроения базируются на представлении о мигрантах как чуждых, иных и тесно коррелируют с распространенностью ксенофобий.

Тесная взаимосвязь мигрантофобий и этнофобий лежит на поверхности: и мигранты, и представители других этнических групп являются «иными»; отношения местного населения и с теми, и с другими проецируются через призму отношений «свой» – «чужой». Мигрантофобии проецируются на представителей этнических общин – зачастую независимо от времени и особенностей их формирования.

Важно понимать, что говоря о внешней миграции, мы говорим о перемещении людей, обладающих отличной от принимающего населения этнической культурой. Этнокультурное разнообразие региона развивается в первую очередь за счет появления носителей «новых» культур, появления «новой» этничности, привнесенной в существующую полиэтничную организацию регионального сообщества. Безусловно, говоря о «привнесенной» этничности, мы используем конструктивистский подход, а сам термин является лишь аналитической категорией.

Однако необходимо помнить, что конструирование этнических категорий имеет также и идеологический аспект, именуемый часто этницизмом, который оказывается достаточно эффективным в периоды политических и экономических кризисов и может превращать что угодно, с использованием этнических маркеров, в объект политических манипуляций [3, с. 45–59].

В последние два десятилетия феномен этничности мигрантов становится одной из существенных переменных современного общества, что контрастирует с теоретическими представлениями о современности, описываемой в универсалистских, глобалистских категориях, направленных на «стирание культурных различий» Это заставляет по-новому переосмыслить характерологические признаки современности, в которой «живет» и регенерирует этничность во всем ее многообразии и сложности.

Актуализация этнокультурной идентичности и ее [ре]презентация – это стремление индивида заявить о себе или той социальной общности, с которой он себя отождествляет, и базируется на совокупности символов, идей, привычек (идущих от традиций), имеющих этническую природу. Использование этнических презентаций и самопрезентаций (не только инокультурных мигрантов, но и доминирующего культурного большинства) позволяет их носителям создавать «значимый мир», выводя его за рамки частной жизни, и встраивать его в городской порядок [4, с. 101].

По результатам проведенных нами исследований можно аналитически выделить три уровня демонстративного проявления привнесенной этничности¹.

¹ Исследования проводились в рамках проекта «Социальные границы полиэтничной организации в современном городе: формирование и трансформация» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №10-03-00063 (рук. – д.соц.н. Мокин К. С., исп. Барышная Н. А.)

Первый уровень – личностный, основанный на поддержании этнических традиций, направленных на поддержание самоидентификации как формы специфического видения окружающего мира и своей позиции в этом мире.

Второй уровень – уровень [ре]конструирования этничности, как реакция на растущий универсализм мира, способ выделить себя, свою индивидуальность, следование моде. Конструирование этнической идентичности начинается с осознания, что этническая принадлежность и связанные с ней смыслы имеют определенный, специфический капитал, который может быть использован в качестве инструмента в саморазвитии, в карьерном росте, продвижении в бизнесе и т.д. Этническая еда, одежда, мера поведения в отношении «других» становятся средствами достижения социальных, часто гедонистических, а не этнических целей.

Третий уровень – институционализация этничности, связан с привнесением моральных норм и требований, заложенных в этнической традиции, в различные социальные практики, касающиеся взаимоотношений с другими людьми. Все эти стандарты, нормы и образцы поведения интериоризируются индивидом в ходе социализации и инкультурации в процессе усвоения элементов культуры, которая является одной из характеристик этничности.

Важнейшей формой институционализации этничности в современных поликультурных городах являются общины миграционной диаспоры. Относительно недавние волны трудовых миграций в промышленно развитые страны породили новое явление, заставляя исследователей говорить о феномене миграционных сообществ. До недавнего времени и политология, и социология обходили стороной вопросы диаспоризации сообществ мигрантов, пока этот вопрос не встал особенно остро.

Для нас принципиально, что диаспора (община диаспоры) способна генерировать диаспорную идентичность, которая при определенных условиях способна конкурировать с индокринирующей гражданской (надэтнической) идентичностью.

В среде этнокультурного меньшинства действуют помимо интегрирующих факторов, таких как разделяемая большинством идентичность, еще и дестабилизирующие, негативные факторы, такие как клановость, борьба за символические властные ресурсы лидерства и т.д. «Старожилье» (те, кто прожили в городе более 10 лет), освоившие нормы и правила городской жизни, часто неприязненно относятся к вновь приехавшим. Этническая элита, интеллигенция, старается дистанцироваться от своих «немного странных и чудаковатых», по городским меркам, сородичей. Особенно это относится к гастарбайтерам, тем, кто приехал в город ненадолго и, в принципе, не видит необходимости в социальной адаптации и интеграции в жизнь города, поскольку его интересы предельно инструментальны и направлены лишь на решение задачи зарабатывания денег и минимизации потенциальных негативных последствий пребывания в инокультурном городском окружении.

Именно последнее позволяет говорить о том, что в городах, особенно крупных, сложилась «гастарбайтерская диаспора»¹ со своими структурными и функциональными отношениями, системой рекрутинга в странах исхода, специфическими «культурными центрами», местами решения проблем.

При этом, по меткому замечанию О. Вендиной, «не стоит забывать, что диаспора – это продукт элит, а не нижних страт мигрантских сообществ» [4, с. 120].

¹ Неоднозначность трактовки диаспора, ее расплывчатость, позволяют нам вслед за Дж.Армстронгом, который предложил понятие «диаспора пролетариата» ввести инструментальный термин «гастарбайтерская диаспора» [1, с. 393–408].

В современных городах, являющихся полиэтничными и достаточно социально и территориально структурированными, можно наблюдать привязку этничности к социальным институтам и экономическим нишам, что также способствует формированию общин диаспор, и, как следствие, к презентации новых маркеров этнических границ. Расселение новых волн мигрантов тесно связано с их социальным статусом и занимаемой трудовой нишей.

Основной «линией разлома», формирующей представления о прагматической культуре, являются маркеры границ между «законсервированной» этнокультурной идентичностью и идентификационными процессами извне, формирующими «диаспорную» (общинную) идентичность.

Таким образом, опираясь на проведенный анализ, можно сделать следующие выводы о структуре и динамике этнополитической напряженности под влиянием миграционных процессов:

Во-первых, необходимо признать, что возрастающее этнокультурное многообразие современных городов, территорий, регионов под воздействием внешней миграции есть свершившийся факт.

Во-вторых, современные этносоциальные и связанные с ними миграционные процессы способствовали появлению феномена «демонстративной этничности/инаковости».

В-третьих, современные реальные этнокультурные политики, реализуемые как на региональном, так и на муниципальном уровне, исходят из тезиса, что «этнические культуры («хорошие») нужно поддерживать, а их носителей («плохих») ограничивать/дискриминировать». Нужно признать не только равноправие этнических культур, но и их носителей.

В-четвертых, существующая маргинальность этнических миграционных сообществ predetermined не только предрассудками принимающего сообщества (мигранто- и этнофобией), но и стремлением каждой из сторон демонстрировать и артикулировать свою особость, выдвигая в качестве доказательств моральные превосходства, основанные на таких аргументах, как «ментальность», «отсталость», «специфика поведения», «моральное разложение» и т.д.

В-пятых, самым серьезным препятствием в выстраивании взаимных отношений является не культурное различие, а языковой барьер, который по мере удаления от СССР (в историческом контексте), становится все более ощутимым.

В-шестых, доминирующий дискурс продолжает оставаться ориентированным на понимание этнических групп как объективной данности (примордиальности), которую не способна изменить даже культурная гибридизация.

В-седьмых, современная этнокультурная деятельность как национально-культурных ассоциаций, так и власти (путем финансирования разного рода этнографических мероприятий), направлена на подчеркивание самобытности и своеобразия, но никак не на схождение культур. Сложившаяся ситуация способствует устойчивому (вос)производству этнических элит, ориентированных на «особость».

Библиографический список:

1. *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // *American Political Science Review.* 1976. Vol.70. № 2.
2. Антропология социальных перемен: сборник ст. / Отв. ред. Гучинова Э., Комарова Г. М.: РОССПЭН, 2011.
3. *Буржо А.* Счастливым народам этносы не нужны / *Этнопанорама.* 2005. № 3–4.

4. Вендина О. И. Культурное многообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики // Иммигранты в Москве / Институт Кенана; под ред. Ж. А. Зайнчковской. М., 2009.
5. Доклад Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Тенденции международной миграции: SOPEMI 2011» / International Migration Outlook 2013. – 13 June 2013.
6. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / Пер. с англ. ПРООН –М., 2009.
7. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
8. Жогин Б. Г., Маслова Т. Ф., Шаповалов В. К. Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество. Ставрополь, 2002.
9. Левада Ю. А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
10. Мокин К. С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2006.
11. Мокин К. С. Анализ миграционных историй (на примере армян Саратовской области) / Социологические исследования. 2007. № 2.
12. Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. Степанова В. В., Тишкова В. А. М., 2009.
13. Попков В. Д. Функция диаспорных общин в кросскультурном взаимодействии: Дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003.
14. World Bank. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. Washington DC: World Bank.

Я. В. Ермушова

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, аспирант (428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38; тел.: (8352) 62-03-12; rektorat@chgpu.edu.ru)

**ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
БУДУЩИХ ЮРИСТОВ**

В статье раскрывается потенциал юридической клиники как средства подготовки будущих юристов к профессионально-педагогической деятельности, представлен опыт формирования профессионально-педагогической компетентности будущих юристов в процессе прохождения ими практики в юридической клинике.

юридическая клиника; профессионально-педагогическая подготовка; будущие юристы

В настоящее время актуализируется интерес к формированию педагогической компетентности будущих юристов в процессе их профессиональной подготовки. Это является следствием качественного преобразования квалификационных требований, закрепленных не только действующим законодательством, но и сообществами профессиональных юристов. Согласно ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция квалификации (степени) «бакалавр», будущий юрист должен быть подготовлен к осуществлению нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной, экспертно-консультационной, педагогической видам профессиональной деятельности. Для того чтобы эффективно осуществлять последний вид – педагогическую деятельность – будущий юрист должен быть способен преподавать правовые дисциплины, управлять самостоятельной работой обучающихся, эффективно осуществлять правовое воспитание граждан. В этой связи актуализируется проблема выявления, отбора и применения эффективных средств формирования профессионально-педагогической компетентности у будущих юристов в процессе их подготовки в вузе.

В процессе исследования были изучены труды С. И. Архангельского [1], В. А. Сластенина [3] и др., посвященные вопросам организации высшего профессионального образования. Были проанализированы исследования в области проблемы формирования профессионально-педагогической компетентности у будущих специалистов различного профиля.

Для решения поставленных задач был использован комплекс методов исследования: анализ философской, психологической, педагогической литературы, педагогический эксперимент, который проводился на базе Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации.

Проблема профессиональной подготовки будущих юристов является разработанной (В. Л. Васильев [2], А. М. Столяренко [4] и др.). Вместе с тем анализ психолого-педагогической литературы свидетельствует о недостаточной разработанности проблемы совершенствования профессионально-педагогической подготовки студентов юридических факультетов и вузов с учетом современного

этапа развития российской юриспруденции, не определены теоретические и технологические основы ее решения.

Результатом профессионально-педагогической подготовки юриста, по нашему убеждению, является его профессионально-педагогическая компетентность. Учитывая определения, данные исследуемому феномену В. А. Сластениным И. Ф. Исаевым, А. И. Мищенко, Е. Н. Шияновым, педагогическую компетентность юриста мы понимаем как профессионально-личностную характеристику, включающую мотивационный (внутренние устойчивые мотивы к правому просвещению и правому воспитанию населения в целом и молодежи в частности); когнитивный (наличие знаний основ правового просвещения и воспитания, знаний в области теории воспитания молодежи, знаний возрастной и социальной психологии); практический (владение умениями взаимодействия с гражданами, техникой убеждения и внушения); личностный компоненты (профессионально-педагогическая контактность).

Профессионально-педагогическая подготовка будущего юриста, соответственно должна быть направлена на решение таких задач как теоретическая, технологическая и практическая подготовка студентов к осуществлению профессионально-педагогической деятельности. Теоретическая подготовка пропагандирует освоение студентами знаний в области юриспруденции, педагогики и психологии. Технологическая подготовка включает владение будущим юристом технологией профессионально-педагогической деятельности. Базовой, основной в структуре профессионально-педагогической подготовки является практическая подготовка. Она состоит из сформированных у будущих юристов навыков педагогической коммуникации, умений установления контакта с гражданами и воздействия на них, осуществления правового воспитания различных групп населения, включая умение формирования у них правового сознания, правовых установок, правовой культуры. Одним из наиболее эффективных средств формирования всех трех блоков профессионально-педагогической компетентности будущих юристов и, прежде всего, практического блока, являются юридические клиники.

Как известно, первые юридические клиники появились в Европе в конце XIX века, в России же история их существования насчитывает немногим более полутора десятков лет. Юридические клиники создаются на базе юридических вузов или факультетов и представляют собой структуры, в рамках которых студенты – будущие юристы оказывают бесплатную юридическую помощь населению. Как правило, клиники решают задачи привития студентам навыков практической профессиональной деятельности и в то же время задачу оказания квалифицированной юридической помощи населению.

Юридические клиники России функционируют на безвозмездной основе, так как для студентов работа в них является не профессиональной, а учебно-профессиональной. Отсутствие платы за оказываемые студентами юридические услуги является своего рода компенсацией за возможный риск неэффективности этих услуг. Предполагается, что студент, не получивший юридического образования соответствующего уровня, не может оказать гражданам юридическую помощь такого же качества, как и дипломированный специалист. Однако практика опровергает это предположение.

В последние десятилетия юридические факультеты были открыты практически во всех вузах, однако они не были обеспечены квалифицированными преподавательскими кадрами. Соответственно снизилось качество юридического образования и, как результат, уровень профессионализма подготавливаемых специалистов в области юриспруденции. Стали уже привычными жалобы граждан

на действия сотрудников правоохранительных органов, злоупотребление ими своими правами или неисполнение профессиональных обязанностей. Обзоры дисциплинарной практики Совета Адвокатской палаты г. Москвы показывают, что количество дисциплинарных производств увеличивается с каждым годом.

При получении платной юридической помощи граждане сталкиваются не только с непрофессионализмом, но и с неэтичным поведением представителей юридического сообщества, включая адвокатуру, разнообразные юридические структуры, оказывающие консультационные услуги по частноправовым вопросам. Наблюдается также стремление юристов, прежде всего, получить материальную выгоду, а не оказать грамотную, адекватную и своевременную помощь клиентам. В связи с этим возрастает количество жалоб граждан на оказанные им платные юридические услуги. Доля аналогичных жалоб среди клиентов юридических клиник весьма незначительна.

Студенты не имеют достаточного опыта по различным категориям дел, но этот недостаток компенсируется их старанием, а также системой контроля за деятельностью студентов со стороны преподавателей. Все действия студентов в юридической клинике проверяются и контролируются их руководителями, являющимися юристами высокой квалификации. Таким образом, качество консультаций получаемых посетителями юридических клиник, зачастую даже выше качества обычных платных консультаций, которые не подвергаются дополнительной платной проверке.

Работа в большинстве клиник строится на волонтерских началах, что означает высокий энтузиазм сотрудников. Студенты, которые ранее сталкивались с реальными практическими случаями, как правило, заинтересованы в том, чтобы не просто дать совет посетителю, а дать такой совет, который будет действительно полезным. Студенты-консультанты получают от работы в клиниках не просто материальную, а репутационную, образовательную выгоду, поэтому они прилагают все усилия для защиты законных интересов посетителей.

Вышесказанное свидетельствует о том, что хотя консультации в юридических клиниках предоставляются студентами, качество таких консультаций не становится хуже; напротив, посетители зачастую оценивают их как более эффективные по сравнению с традиционными формами консультационной помощи.

Студенческая юридическая клиника Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации (далее – юридическая клиника) осуществляет свою деятельность на основе действующего законодательства РФ и Положения о студенческой юридической клинике ЧКИ РУК.

Основной целью деятельности юридической клиники является формирование у будущих юристов умений и навыков практической профессиональной деятельности и защита прав малоимущих граждан, формирование правовой культуры и правового просвещения граждан.

Основными задачами юридической клиники являются: совершенствование учебного процесса путем преодоления разрыва между практическим и теоретическим юридическим образованием посредством формирования и закрепления у студентов практических навыков оказания правовой помощи; повышение уровня профессиональной подготовки студентов; максимальное приближение студентов к условиям будущей профессиональной деятельности; участие в решении социальных проблем общества путем оказания бесплатной юридической помощи социально незащищенным слоям населения; подготовка квалифицированных кадров для правоприменительных и правоохранительных органов; развитие со-

трудности юридического клиника с образовательными учреждениями и программами в России и за ее пределами.

В своей деятельности юридическая клиника руководствуется следующими принципами: законность; гуманизм; защита прав и свобод человека; уважение человеческого достоинства; лично-ориентированный подход к студентам-консультантам в повышении их профессионального и культурного уровня; конфиденциальность сведений, полученных от обратившихся граждан; профессиональная добросовестность и ответственность в выполнении работниками клиники и студентами-консультантами принятых на себя обязательств; коллегиальность в обсуждении проблем, возникающих в работе клиники, выработки рекомендаций по их решению, планирования деятельности клиники.

Основными направлениями работы юридической клиники являются: разъяснения действующего законодательства по вопросам гражданского (в том числе по вопросам защиты прав потребителей), гражданско-процессуального, жилищного, трудового права и права социального обеспечения; семейного, земельного, нотариального, налогового и административного права; содействие в обращении в государственные органы и общественные организации по правовым вопросам; оказание помощи в составлении заявлений и иных документов правового характера; реализация социальной миссии потребительской кооперации.

Применяются такие формы работы студентов в юридической клинике, как участие в судебных заседаниях; встречи с практическими работниками правоохранительных органов; участие в обобщении судебной и правоприменительной практики; проведение деловых игр; проведение семинарских занятий по актуальным правовым проблемам с участием ведущих специалистов-правоведов; оказание правовой помощи предприятиям, организациям потребительской кооперации; выступления с лекциями перед населением и в образовательных учреждениях; организация выездных консультаций по правовым вопросам в города и районы Чувашской Республики; участие в работе межвузовских студенческих клиник.

Общее руководство юридической клиникой осуществляет проректор по учебной работе, учебно-методическое руководство – декан юридического факультета. Сотрудниками юридической клиники являются: заведующий юридической клиникой; преподаватели-кураторы правовых кафедр; администратор юридической клиники. Оказание правовой помощи в юридической клинике осуществляется студентами 3–4 курса под руководством преподавателей-кураторов.

Основными формами работы с клиентом являются: интервьюирование, консультирование; составление документов правового характера.

При первичном обращении клиента студенты-консультанты проводят его интервьюирование, выясняя все юридически значимые обстоятельства дела. При этом выясняется суть вопроса, с которым обратился клиент; определяется дата следующей встречи с клиентом. По результатам интервьюирования студент-консультант оформляет индивидуальную карточку клиента. Затем студент совместно с преподавателем-куратором анализирует итоги консультирования. Обсуждаются удачные и неудачные моменты, определяется стратегия дальнейшей работы и тактика реализации принятого решения – при дальнейшем консультировании.

Работа студентов в юридической клинике не ограничивается только проведением консультаций в самой клинике. Осуществляются различные мероприятия за ее пределами: выезды студентов-практикантов в различные учреждения для дачи правовых консультаций, проведение праворазъяснительных лекций в

общеобразовательных школах города, присутствие на судебных заседаниях. Так, студенты посещают дом ветеранов с целью дачи разъяснений по различным правовым вопросам, беспокоящих одиноких и пожилых людей. Часто задаваемыми вопросами являются темы по поводу приватизации, регистрации по месту жительства и др.; вопросы из области гражданского и жилищного законодательства, а также в рамках права социального обеспечения. Таким образом, пожилые люди, проживающие в доме Ветеранов и нуждающиеся в юридической помощи, получают бесплатные юридические консультации по интересующим вопросам.

Праворазъяснительные лекции в школах проводятся студентами-практикантами, обладающими необходимым уровнем знаний и способностями преподнести информацию с учетом специфики данной категории слушателей. В результате проводимой акции были раскрыты общеправовые проблемы деятельности государства и общества, а также разъяснены некоторые права и обязанности граждан России, в частности в области защиты прав потребителей и образования. Большинство школьников, которые присутствовали на лекциях, высказали заинтересованность в подобных мероприятиях. Было задано множество вопросов, на которые студенты давали полные ответы и разъяснения, что находит подтверждение в отзывах на прочитанные лекции. Учителями было предложено проводить подобные лекции не только со старшекласниками, но и с учащимися младших классов.

Студенты юридической клиники под руководством администратора выступили в ООО «Добрый аптекар» с докладом на тему «Система контроля лекарственных средств», вызвавшем оживленную дискуссию между сотрудниками организации. По словам работников ООО «Добрый аптекар», «полученная информация поспособствовала улучшению качества реализации лекарственных препаратов, повышению правовой грамотности сотрудников аптечного учреждения».

Студенческая юридическая клиника Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации (ЧКИ РУК) принимала участие в проведении «Правового десанта» и Дня правовой грамотности в рамках мероприятий проекта социально-правовой поддержки и правового просвещения граждан, организованных Чувашским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» совместно с Региональной общественной приемной Полномочного Представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе по Чувашской Республике. День правовой грамотности состоялся в с. Комсомольское Комсомольского района Чувашской Республики.

Таким образом, студенческие юридические клиники получили широкое распространение. Бесплатное оказание юридических услуг малоимущим гражданам помогает студентам осознать социальную роль юридической профессии в демократическом обществе и строящемся правовом государстве. Для вузов, выполняющих наряду с образовательной работой научно-исследовательскую, подобная практика студентов дает также своеобразную эмпирическую базу. Открытие бесплатных студенческих консультаций не может, конечно, решить все проблемы правового просвещения. Деятельность центров правовой помощи в сфере повышения правовой культуры населения должна выступать в качестве составляющей части общей государственной системы правового консультирования социально-незащищенных групп граждан, направленной на повышение доверия к органам государственной власти и местного самоуправления, увеличение уровня правовой культуры граждан и создание информационно-правового обеспечения социально незащищенных слоев населения.

Повышения правовой культуры населения можно добиться только в том случае, когда будут объединены усилия государства и общества, государственных органов, научных и образовательных учреждений, общественных объединений и отдельных граждан. Только осознание того, что вклад каждого может изменить сложившуюся ситуацию, позволит добиться поставленной высокой цели – построения правового государства и формирования гражданского общества.

Библиографический список:

1. *Архангельский С. И.* Учебный процесс в высшей школе. М.: Высшая школа, 1980.
2. *Васильев В. Л.* Юридическая психология. 5-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2002. 656 с.
3. *Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Мищенко А. И., Шиянов Е. Н.* Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / М.: Школа-Пресс, 1997.
4. *Столяренко А. М.* Юридическая педагогика. Курс лекций. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ». Издательство «ЭКМОС», 2000 г.

А. Г. Бойкова

Институт береговой охраны ФСБ России, старший преподаватель, кандидат юридических наук (353440, г. Анапа, ул. Трудящихся, д. 2)

О ВОПРОСАХ РЕЗЕРВИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, С ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Общемировая экологическая политика направлена на увеличение территорий земель особо охраняемых природных территорий, природных резерватов, ценных природных объектов. Доля особо охраняемых природных территорий в России крайне мала, на разных административных уровнях ставится задача увеличения их количества.

Вопросы, возникающие при необходимости резервирования земельных участков с целью организации особо охраняемых природных территорий, в настоящее время законодательно недостаточно урегулированы, что вызывает ряд трудностей в правоприменительной практике.

Отсутствует четкое разграничение прав и их ограничений, а также обязанностей собственников земельных участков включенных в территорию резервирования.

земля; особо охраняемые природные территории; резервирование

Территория Российской Федерации, занимая большую площадь евразийского континента, является сосредоточением множества уникальных природных объектов, обладающих колоссальной экологической значимостью не только для России, но и в мировых масштабах. Такие природные объекты обладают правовым статусом особо охраняемых природных территорий. На федеральном и региональном уровнях действуют нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы реализации указанного особого правового статуса этих территорий.

Однако, в последнее время, мы зачастую сталкиваемся с проблемой незаконного использования охраняемых природных ресурсов не по назначению, и что наиболее несовместимо с национальной идеей сохранения уникальных объектов – захватом земельных участков, определенных к созданию новых охраняемых территорий. Несовершенство природоохранного законодательства приводит к тому, что лица, обладающие достаточными финансовыми средствами при использовании административного потенциала, до объявления охранного правового режима приобретают права на ценные земельные участки, и как правообладатели препятствуют дальнейшему процессу образования охраняемой территории в изначально предполагаемых границах.

Ярким примером является территория Большого Утриша в Анапском районе, представляющая сухое средиземноморское редколесье с реликтовыми можжевельниками и фисташками. Утриш – уникальный реликтовый можжевельново-фисташковый лес на Черноморском побережье Краснодарского края. Имеет статус регионального заказника, однако его дирекция расформирована. Необходимость сохранения уникальных реликтовых растений от браконьерских вырубок не исчезла, более того, распоряжением Правительства еще в 2001 году было принято решение о наделении территории произрастания статусом государственного природного заповедника в срок до 2010 года.

В конце ноября 2008 года на Утрише начались масштабные вырубки и прокладка «противопожарной» дороги через центр заказника к морю. Строительство было остановлено силами экологов-добровольцев. В границах заказника находится рыбацкий поселок с одноименным названием – Большой Утриш, и один из красивейших пляжей Анапы. Эту местность давно полюбили туристы и местные жители и массово ее посещают. Возник конфликт интересов природоохранных и коммерческих, самые ценные участки можжевельового леса Утриша оказались сданы в аренду предприимчивым гражданам и выведены из границ проектируемого заповедника. В самом сердце Утриша планируется строительство «физкультурно-оздоровительного комплекса».

2 сентября 2010 г. Правительством РФ учрежден государственный природный заповедник «Утриш». Участки, запланированные под строительство и которые ранее охранялись режимом заказника, оказались изъятыми из созданного заповедника.

Государственная экологическая экспертиза по «противопожарной» дороге, которая должна была обеспечить подъезд к запланированному строительству «физкультурно-оздоровительного комплекса» в районе Утришских лагун и расчистку реликтовых можжевельово-фисташкового леса напополам, была признана незаконной Арбитражным судом Краснодарского края. Департамент природных ресурсов и государственного экологического надзора Краснодарского края вопреки логике отстаивал в суде правомерность вырубок реликтовых лесов как в первой, так и в апелляционной и кассационной инстанциях. При этом всеми судебными инстанциями была установлена незаконность произведенных и запланированных вырубок.

Вопрос о включении в состав государственного природного заповедника территорий ранее выведенных из заказника остается не решенным, что дает основание выступить с законодательной инициативой о рассмотрении соответствующих дополнений к природоохранному законодательству.

Земельный кодекс РФ [4] (ч. 5 ст. 95) предусматривает возможность резервирования земель особо охраняемых природных территорий, хотя и не конкретизирует процедуру и пути решения вопросов порядка резервирования земельных участков для целей создания заповедника, национального парка или заказника.

В настоящее время актуально стоит вопрос о распоряжении землями федеральной, региональной и муниципальной собственности при разделении полномочий органов государственного управления и органов местного самоуправления. Согласование вопросов, связанных с резервированием земель, экологической регламентацией землепользования, созданием охраняемых природных территорий сталкивается с неопределенностью и незаконностью регламентации административных и экономических действий. Несмотря на принятие в 2001 г. Национальной стратегии сохранения биоразнообразия [5, с. 76], в 2002 г. Экологической доктрины Российской Федерации [6] – в настоящее время отсутствует опыт экологического регулирования земельного рынка, не созданы инструменты защиты общественных интересов при отчуждении земельных участков, не проводятся действия по резервированию земель и оптимизации системы землепользования, не создаются ресурсы для экологической реставрации земель для целей формирования новых особо охраняемых природных территорий.

Развитие форм охраны природы и формирование новых особо охраняемых природных территорий на нарушенных землях должно привести к экологической реставрации и оптимизации систем землепользования. Вовлеченные в хозяйственный оборот земли, могут выполнять функции элементов ООПТ при

условии установления на них щадящего режима землепользования, что также должно способствовать сохранению местообитаний аборигенных и эндемичных видов флоры и фауны. Экологическая реабилитация земель юга России, создание новых ООПТ и, в конечном счете – образование экосетей позволит существенно снизить риск негативных изменений окружающей среды в целом и оздоровить ее. Для этого необходимо решение комплекса задач разного уровня таких как – международное сотрудничество, развитие национальной экологической политики, реализация стратегии сохранения биоразнообразия, внесение дополнений к действующим нормативно-правовым актам, разработка и принятие узконаправленных законодательных актов на федеральном и региональном уровнях, создание экосетей, привлечение органов самоуправления и граждан. Залогом успеха действий по охране природы в России должно стать согласованное сотрудничество и взаимодействие государственных структур, частного бизнеса, природоохранных организаций и граждан.

К сожалению, на данном этапе можно наблюдать несогласованность действий – как различных государственных структур, так и иных общественных институтов, а структурная перестройка систем землепользования – процесс длительный. Не удастся остановить стремительную деградацию природы причины которой, на наш взгляд, сокрыты в низком уровне доходов населения, что вынуждает граждан заниматься нелегальными промыслами и браконьерством, а также в отсутствии должного экологического образования и просвещения. Кроме этого действующее законодательство Российской Федерации не устанавливает ограничений для передачи в собственность земельных участков на том основании, что они расположены в охранной зоне или защитной полосе особо охраняемой природной территории.

Если у гражданина возникло правомерное право пользования земельным участком, который расположен в охранной зоне или защитной полосе (буферной зоне) особо охраняемой природной территории, или находящимся на данном земельном участке строением, то вопрос приобретения этого земельного участка в собственность решается с согласия соответствующего Федерального органа исполнительной власти. Порядок ограничений прав на землю урегулирован ст. 56 ЗК РФ, согласно которой, ограничение прав на землю подлежит государственной регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

До внесения изменений в Земельный кодекс РФ пункт 4 статьи 97 устанавливал, что в пределах земель природоохранного назначения вводится особый правовой режим использования земель, ограничивающий и или запрещающий виды деятельности, которые несовместимы с основным назначением этих земель. Таким образом, владельцы, пользователи или собственники такого земельного участка не могли производить действия по его использованию влекущие нарушение установленного режима, то есть наблюдалось некоторое ущемление прав граждан. Однако, федеральный закон от 04.12.2006 N 201-ФЗ [7] признал упомянутый пункт утратившим силу. Вместе с тем, статья 27 Земельного кодекса РФ, предусматривающая ограничения оборотоспособности земельных участков, непосредственно не относит земельные участки, расположенные в охранных зонах, к землям, изъятым из оборота или ограниченным в обороте, поскольку охранные зоны находятся за пределами особо охраняемых природных территорий.

Рассматриваемая категория земельных участков, исходя из положений ЗК РФ, не относится к категориям земель, которые изъяты из оборота. В настоящее время федеральный закон, который бы устанавливал прямой запрет на их прива-

тизацию отсутствует, а резервирование земельных участков в соответствии с пунктом 5 статьи 2 ФЗ от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [8] производится на основании принятых схем развития и размещения особо охраняемых природных территорий или территориальных схем охраны природы органами государственной власти субъектов Российской Федерации, принимающими решения о резервировании земель, которые предполагается объявить особо охраняемыми природными территориями, и об ограничении на них хозяйственной деятельности. Таким образом, факт резервирования должен быть установлен нормативно правовым актом соответствующего органа государственной власти субъекта РФ. Хотя стоит отметить, что само по себе резервирование нельзя рассматривать как установление необратимых ограничений прав собственников земельных участков на их оборот, поскольку с данного участка в дальнейшем резервация может быть снята.

Порядок резервирования земельных участков установлен Постановлением Правительства от 22.07.2008 г. № 561 [9]. Решение о резервировании принимают для федеральных нужд Росимущество, для нужд субъекта РФ – орган исполнительной власти субъекта РФ; для муниципальных нужд – орган местного самоуправления, который устанавливается муниципальными актами.

Решение о резервировании земельных участков подлежит опубликованию в СМИ субъекта РФ, если резервируются земли для государственных нужд, в том числе для федеральных нужд; если решение о резервировании для муниципальных нужд, то решения публикуется в СМИ органов местного самоуправления.

Основанием для резервирования в данном случае являются документы территориального планирования и решение об утверждении границ зон планируемого размещения объектов федерального, регионального или местного значения. Решение о резервировании должно содержать информацию о целях и сроках резервирования; об ограничении прав на зарезервированные участки; сведения о месте и времени ознакомления заинтересованных лиц со схемой резервируемых земель, а также перечнем кадастровых номеров земельных участков, которые попадают под данное резервирование.

Решение о резервировании вступает в силу не ранее его опубликования. Поскольку резервирование земельных участков для организации особо охраняемых природных территорий является правовым действием с объектом недвижимости, то оно подлежит государственной регистрации.

Действие ограничения прав на резервирование земель прекращается по следующим обстоятельствам: истечение срока резервирования земель; предоставление в установленном порядке земельного участка для целей, определенных в решении о резервировании земель; изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд; отмена решения органом государственной власти, органом местного самоуправления решения о резервировании земельного участка; вступившее в законную силу решение суда.

Орган, принявший решение о резервировании обязан при прекращении ограничения прав в течение 30-ти дней с даты наступления соответствующих обстоятельств, обратиться в Росреестр с заявлением об исключении из государственного кадастра недвижимости сведений о зарезервированных землях, а также с заявлением в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимость, с заявлением о прекращении ограничения прав.

Действия по резервированию земель с целью создания новых или расширения существующих особо охраняемых природных территорий ориентированы на увеличение доли природных и полуприродных экосистем России.

Библиографический список:

1. Боголюбов С. А. Земельное право. Учебник. М.: Юрайт С, 2011.
2. Ерофеев Б. В. Земельное право. Учебник. М.: Юрайт С, 2012.
3. Алехин А. А., Кармолицкий А. А. Административное право. Учебник. М.: Зерцало-М, 2012.
4. СЗ РФ. 2001. №44. Ст.4147.
5. Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России. М.: 2001.
6. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 №1225-р// Российская газета 18.09.2002.
7. СЗ РФ. 2012. №26 ст.3446.
8. СЗ РФ. 1995. №12. Ст.1024.
9. СЗ РФ. 2008. №30 ч.2. ст.3646.

О. В. Репинская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, докторант кафедры политики и этнополитики, кандидат политических наук (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 80)

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНВЕРГЕНЦИИ СОВРЕМЕННЫХ И КЛАССИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ

Рост межцивилизационных противоречий, развал ряда мощных государств, прежде всего СССР, Югославии, обострили сепаратистские тенденции, борьбу за влияние внешних сил во вновь образовавшихся государствах. Все это привело к активизации центров силы, стремящихся расширить сферы своего геополитического влияния, используя внутренние противоречия в России и других стран. Финансовая и военная помощь ряда мусульманских стран послужила базой для гражданской войны в Чечне, катализатором религиозного фанатизма и национализма в целом. Дагестанский синдром на протяжении последних лет все нагляднее демонстрирует необходимость кардинального переосмысления подходов властей в целях стабилизации ситуации. Серия циничных террористических актов в Волгограде в 2013 году, городе величайшего по значимости сражения в российской и мировой истории (Сталинградская битва), констатировала, что, территория России и сегодня продолжает оставаться плацдармом для столкновения геополитических интересов.

Как правильно отмечает Ю. Д. Лившиц [7, с. 32], поиск эффективных средств реагирования и противодействия терроризму во многом зависит от полноты и комплексности теоретико-методологического осмысления и понимания самого явления терроризма. Представляется, что на сегодняшний день указанные позиции недостаточно сильны. Классические и современные концепции¹ противодействия терроризму в большинстве малоэффективны, именно в силу недостаточной проработки теоретических основ. Действенно оказывать противодействие явлению, суть которого представляется ложно, либо существенно изменена, не возможно.

Большинство исследователей, как правило, рассматривают проблематику терроризма в рамках отдельных наук (уголовно-правовых, политических, социологических, психологических и т.д.). Например, И. А. Малахова делает упор на экономическую составляющую терроризма, указывая, что «терроризм – сложное и ресурсоемкое предприятие» [8, с. 148]. Во многих работах рассматриваются достаточно узконаправленные, смежные аспекты. Комплексность исследований достигается за счет использования методов исследования, общих в процессе познания для большинства наук, среди которых исторический, статистический, метод сравнительно-правового анализа и другие.

Некоторые авторитетные представители науки приходят к заключению о том, что термин не поддается определению вследствие наличия недоступного,

¹ Например, в России на сегодняшний день действует официальное понимание отношение властей к проблеме терроризма и пониманию форм противодействию ему, закрепленное в том числе в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации утвержденной Указом Президента РФ от 05.10.2009 г. № Пр-1895// Российская газета 20.10.2009 г. N 198.

иррационального, иногда случайного элемента, а соответственно, и необходимости в определении понятия терроризма и его познании нет [9, с. 170].

Представляется, что подобные выводы ошибочны. Особенность терроризма как явления все же предполагает и нестандартные подходы к его изучению. Использование общенаучных, междисциплинарных методов будет способствовать не размыванию и рассеиванию понятия, а, наоборот, позволит произвести его концептуальную сборку, приблизиться к пониманию сути явления и, соответственно, выработать действенные способы противодействия терроризму.

Позиция большинства западных стран (в том числе в рамках ООН) ограничивает свои подходы к борьбе с террором определением криминальной составляющей последнего. «ООН считает терроризмом только определенные деяния или деятельность: акты, методы и практику» [5, с. 8]. В то же время вопросы противодействия идеологии терроризма законодательно игнорируются. Таким образом, в поле омыслиения выработки методологии и мер воздействия попадает только правовая составляющая данного феномена.

Вместе с тем, политические аспекты нельзя не учитывать. Угроза терроризма, который может стать поводом, предлогом и орудием возникновения неоталитарных диктатур, остается по-прежнему реальной, а соответственно, актуальной. Терроризм может быть выгоден как предлог для массового террора в отношении населения тем, кто стремится к введению авторитарных, тоталитарных форм и методов правления [6]. В свете изложенного принятие зарубежными партнерами позиции России значительно расширило бы возможности международного антитеррористического противодействия.

Аналитический разбор классических и современных отечественных и зарубежных подходов по осмыслению феномена терроризма и выработки соответствующих концепций противодействия ему, констатирует, что теоретиками и практиками накоплены значительные результаты в осмыслении терроризма как политико-социального феномена.

В исследовательских монографиях, диссертациях, статьях, содержащих обзор различных концепций, как правило, акцентируется принципиальное различие их теоретико-методологических оснований, природы, терминологического аппарата.

И классические, и современные политико-правовые концепции, несомненно, обнаруживают содержательно сходные тезисы, в части форм реализации, причинности террористических проявлений. Данное сходство во многом обусловлено преемственностью идей, методологическим установлением отчетливых констант политической реальности выраженных в общепринятых политико-правовых установлениях и договоренностях, зачастую не позволяющих в силу политкорректности озвучивать факторы, провоцирующие и формирующие террористическую активность.

Анализ классических и современных концепций, позволяют, по сути, поставить вопрос о необходимости и методологической возможности конвергенции основополагающих тезисов. Речь идет о формировании понимания и законодательного закрепления «терроризма» как непротиворечивого целого. Необходимость в конвергенции центральных положений классических и современных политико-правовых концепций обусловлена необходимостью образования на их основе такого теоретико-методологического подхода, который позволит не только существенно продвинуться в исследовании природы терроризма как политико-социального феномена, но и эффективно противодействовать ему.

Необходимо также отметить, разработка единых подходов в понимании терроризма существенным образом позволит стимулировать к выполнению достиг-

нутых договоренностей государства, а также обеспечит стабильное развитие регионов и минимизирует риски возникновения террористических угроз.

Подобные подходы в мировом масштабе должны основываться на признаках следующих фактов:

– основными предпосылками возникновения терроризма как явления является невмешательство или недостаточное консолидированное участие в разрешении конфликтов различной природы и степени их интенсивности государства и общества. Так как, в следствии особенностей собственного развития в обществе всегда наличествуют конфликты различной степени интенсивности, угроза проявления террористической активности будет сохраняться постоянно;

– современные предпосылки образования конфликтов сосредоточены вокруг проблем упадка нравственности, обострения межклассовых, межрелигиозных и политических противоречий, роста общеуголовной преступности и коррупции, снижения уровня жизни, экономического кризиса в большинстве стран и роста уровня безработицы, неконтролируемой миграции, и ряда других. Данные негативные проявления тесно связаны между собой, и требуют комплексных подходов в противодействии им, причем на различных диалоговых площадках: внутри страны, на региональном и международном уровне;

– терроризм является политическим инструментарием в борьбе за власть, причем, как правило, истинные конкуренты находятся за пределами двусторонних противоречий явных конфликтов, в которых истинно заинтересованная (третья) сторона, всегда будет стремиться усугубить и использовать в собственных целях наличие неурегулированных противоречий. Соответственно, необходимость системного и непрерывного мониторинга, по всем направлениям государственной политики, вполне обоснована;

– география распространения террористических угроз коррелирует с масштабностью геостратегических интересов противодействующих сторон, соответственно открытая политика, превентивные меры по сокращению возможностей ведения политики двойных стандартов, призваны не только обозначить территорию усиления террористической активности, но и претворять комплексные усилия по сокращению условий благоприятствующих проявлениям терроризма;

– современные тенденции глобализации общественных процессов в условиях отсутствия четких ориентиров геостратегического развития, будут провоцировать возникновение множественных противоборствующих сторон, стихийных не контролируемых процессов, а соответственно ожидаемо усиление террористической активности.

При этом усиление позиций традиционных тяжеловесов России и США за счет ведения понятной и ответственной политики, с соответствующем объединением политических сил, способствовало бы рассеиванию различных группировок, использующих террористические способы в борьбе за власть. Однако, при данном сценарии существует угроза выхода на открытое столкновение «традиционных партнеров», а также снижение возможности проявления суверенитета для отдельно взятых государств. Поэтому, вопросы полного исключения возможности применения силы для разрешения конфликтов между государствами, покушения на их суверенитет должны стать не только предметом международного дискута, но и договоренностей, обеспеченных соответствующими механизмами для реализации и защиты от нарушений.

Библиографический список:

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации утвержденная Указом Президента РФ от 05.10.2009 г. № Пр-1895 // Российская газета 20.10.2009 г. № 198.

2. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года, утвержденная указом Президента РФ от 12.05.2009 года № 357 п. 37 // [http:// www.scrf.gov.ru](http://www.scrf.gov.ru)

3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 09.09.2000 г. № Пр-1895 / Российская газета от 28.09.2000 № 87.

4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации утвержденной Указом Президента РФ от 05.10.2009 г. № Пр-1895 // Российская газета 20.10.2009 г. № 198.

5. Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом / Под общей редакцией д-ра юр. наук, профессора Долговой А. И., канд. юр. наук Милинчук В. В. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2007.

6. *Залысин И. Ю.* Политическое насилие: Теоретико-методологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1995.

7. *Лившиц Ю. Д.* Теоретико-методологические проблемы выявления и расследования правоохранительными органами России террористической деятельности // Следователь. 2003. № 3.

8. *Малахова И. А.* Источники финансирования террористической деятельности как один из элементов криминалистической характеристики // Преступность, ее виды и проблемы борьбы / Под общей ред. Долговой А. И. М., 2011.

9. Walter Laqueur. *New Terrorism*/ Oxford University Press. 1977. С. 170.

Д. Х. Сайдумов

Чеченский государственный университет, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета; Российская академия наук, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова, старший научный сотрудник; Академия наук Чеченской Республики, заведующий сектором Чеченской энциклопедии ИГИ; кандидат юридических наук, доцент (364051, г. Грозный, пр. М. Эсамбаева, д. 13)

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ СВЕДЕНИЙ И РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА У ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

С древнейших времен у чеченцев и ингушей существовали суды, организационное устройство которых зависело от конкретной общественно-политической составляющей. Мехк-кхел был родоначальником судебной системы древнего вайнахского общества. Организационное формирование Мехк-кхела происходило на основе делегирования в него лучших представителей чеченских тайпов, которые отличались в обществе своими высокими нравственными качествами, знанием и умением правильно толковать адат.

адат; суд; право; правосудие; наказание; преступление; закон

В переводе с чеченского «*кхел*» значит наказание. Мехк-кхел является древнейшей верховной судебной организацией как у чеченцев, так и у ингушей. Эпизодические сведения, по суду чеченцев и ингушей записаны у В. Багратиони, С. Броневского, П. И. Головинского, И. Гюльденшtedта, И. Попова, Н. Семенова, Н. Ф. Яковлева и др. Более подробную характеристику в советский период этому институту дал И. Саидов.

Несмотря на устоявшуюся характеристику *мехк-кхела* как чисто вайнахского термина, мы не можем обойти стороной и обнаруженные в ходе исследования сведения о родственном употреблении термина *кхел* у других народов Кавказа. Исследователь А. Генко ингушский термин *кхиеэл* отождествляет с грузинским *хели* в значении рука, власть, правосудие [1, с. 739].

В архивных документах встречаются сведения о родственном вайнахскому *кхел*, термина – *хели* применительно к Дагестану, в частности: «для решения спора и дел, важных для дагестанцев, собирается джамат из старшин селения или общества, называемый хели» [2].

О существовании у чеченцев развитой политической культуры в прошлом отмечает исследователь А. Манкиев. По его мнению, она существовала в виде Совета Страны (*Мехк-Кхел*). В его состав, как правило, избиралось от 12 до 25 человек не моложе 30 лет, сроком на 3 года. Выборы были трехуровневыми: сходы граждан сел (народные собрания), на которых села избирали своих представителей – выборщиков, их количество определялось численностью населения, но любое население независимо от численности его жителей имело право избрать одного выборщика. Выборщики избирали кандидатов в Совет Страны – вдвое больше установленного количества членов Совета Страны, чем обеспечивалась альтернативность выборов. Кандидаты не позднее семидневного срока должны были собраться и избрать членов Совета Страны [3, с. 242].

Мехк-кхел строго следил за сохранением вайнахами – чеченцами и ингушами своей национальной идентичности. Существует мнение, что им применялись нормы шариата лишь в вопросах имущественного и наследственного характера. Сохранение Мехк-кхелом традиционных устоев чеченцев определило своеобразие чеченского менталитета [4, с. 64–65].

Предметом занятий совещания было установление цены за выкуп пленных, платы за сохранение во время переходов по районам чужих племен, цены на скот и т. п. О времени сбора члены оповещались заблаговременно. Места подобных сходок назывались «хаттам», т. е. распрос, судьи выслушивали дело и тут же объявляли приговор [5, с. 25].

Члены Мехк-кхела избирались из числа авторитетных представителей различных тайпов.

Верховный суд страны древних нахов Мехк-кхел, представляя в одном лице законодательную и судебную власть, имел также в своем подчинении службу по исполнению решений, принятых на совете.

Хотелось бы обратить внимание на существующие различные мнения относительно основного предназначения Мехк-кхела. Так, И. М. Саидов в своей исследовательской работе под названием «Мехк-кхел (совет страны) у нахов в прошлом» [6, с. 200], опубликованной в Кавказском этнографическом сборнике, под данным институтом понимает «Совет страны». Хотя в самой его публикации основной акцент делается на то, что Мехк-кхел решал судебные вопросы. К институту «Совет страны», как мы уже отмечали выше, более подходит другой термин, как Мехкан-кхеташо (в переводе с чеченского – Совет страны).

Как нам представляется, Мехк-кхел в первую очередь судебный орган. Институт Мехк-кхела был также свойственен и близкому чеченскому народу по языку и культуре ингушскому народу. О том, что чеченский и ингушский Мехк-кхелы были практически идентичны по своему функциональному предназначению, можно судить по выводам, сделанным ингушским исследователем М. Тамбиевым. Мехк-кхел (Совет страны) – древняя верховная организация ингушей. По мнению исследователя: «Судьи обычного права (кхелахой) являлись не только «юристами», но и тонкими психологами... Перебивать стариков, встречать в их разговоры считалось большим позором... Поэтому и приглашали этих стариков, уважали их и чтили. Поэтому и принимали их суд, выполняли их решения» [7, с. 3].

Используя сведения своего предшественника академика И. А. Гюльденштедта, побывавшего в 70-е гг. XVIII в. во главе научной экспедиции в нашем крае, исследователь С. Броневский сообщает довольно интересные сведения о местных провинциальных судах (кхелах). «Вероятно, что... округов или волостей должно быть гораздо более в Кистинских землях, каждое колено здесь разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из которых одна признается главою союза или сборным местом, и, обыкновенно, все общество называется по имени главной деревни» [8, с. 157, 181], – указывает С. Броневский.

Древнейшими вайнахскими центрами Мехк-кхела являлись Чанты-Аргун (Щойпхеда), Майсты, гора Мизир-корта, Жеми-барз (у селения Чечен-Аул), с. Кий, место для привязи коней (Говраш тосу басо) около г. Грозный, с. Нашха, курган Кхеташ-корта [6, с. 200]. Смена расположения Мехк-кхела на территории Чечни, как нам представляется вызвана сложностью общественно-политической ситуации возникшей в период внешней угрозы когда центрами когда центром заседаний Мехк-кхела становилась гора Кхеташ-корта или «селений Кий» [9, с. 57].

Большое внимание изучению верховного судебного органа вайнахов Мехк-кхела уделил исследователь И. Попов. Автор считал, что судебный институт

Мехк-кхел должен и может способствовать сплочению различных племен, объединению горских обществ и процессу формирования чеченской народности. Самый чистый адатский обычай, по мнению чеченцев, существовал в Нашке, куда обращались обиженные в споре» [10, с. 262–263].

Нам представляется следующая реконструкционная структура советов – кхелов. Они начинались на семейном уровне – *цйинна кхел* (семейный совет). Затем следовал верси-кхел – патронимический совет. Над советами родственников стоял совет тайпа, который являлся не кровнородственной, а субэтнической единицей. Межтайповые отношения регулировал Совет страны – Мехк-кхел.

Отмечая огромную роль и непререкаемый авторитет чеченских старейшин в общественном быту и на сходах вайнахов, дореволюционный исследователь Н. Семенов сообщает следующее: «Все вопросы, выходящие из круга частных интересов, затрагивающие жизнь целого аула, общества или всего племени, разрешаются всегда на сходах старейшин, и решение сходов признается обязательным для всех членов той или иной общественной группы, а если они приняты по вопросам, касающимся всего народа, то – для всех истинных членов его... Везде общество, народ в лице главарей (не тех, которых мы выдвинули из народа, а тех, которых народ сам считает таковыми), а отдельная личность идет за главарями в силу глубоко укоренившейся в ней общественной дисциплины» [11, с. 97–98].

В качестве законодательной базы в осуществлении своих функциональных обязанностей Мехк-кхел руководствовался как адатом, так и шариатом. В основном на основе адата дела разбирались до принятия чеченцами ислама, а уже после принятия ислама нормы шариата постепенно стали доминировать в его деятельности.

Специфика Мехк-кхела как суда и памятника правовой культуры чеченцев заключалась в том, что судьи Мехк-кхела будучи избранниками основных чеченских тукхумов руководствовались адатами, которые вырабатывались на протяжении длительного времени, их проявление было постоянным и однообразным в единой группе этнического происхождения.

Особенностью обычного права чеченцев и ингушей является то обстоятельство, что присвоение чужого имущества, совершенное путем кражи, грабежа, объединяются в единое понятие «воровство» и во всех случаях наказываются возвращением похищенной вещи или выплатой стоимости ее в двойном размере [12, с. 15]. Воровство как преступление, безусловно, наказывалось, но, как отмечали современники, «воровство совершалось горским населением не столько из дурных инстинктов, но столько и потому, что, по понятиям их, оно, скорее – проявление удали и молодечества, чем злой воли» [13, с. 59].

На самом деле чеченцы крайне отрицательно относились к воровству, особенно в своей среде: «Пойманного вора приводили к мечети, где кадии и старики наказывали виновного лишением земли и строений и изгнанием его навсегда из родного села» [14, с. 9].

Итогом развития общественного строя чеченцев было образование государства [15, с. 54]. Созданное военно-теократическое государство всецело опиралось на людской и экономической потенциал Чечни, ставшей главной ареной многолетней Кавказской войны.

Система государственно-общественного и судебного управления существовала у чеченцев более тысячи лет и была окончательно разрушена в ходе Кавказской войны. Отчасти ее элементы были включены в государственное устройство Имамата Шамиля, отчасти им же и уничтожены, поскольку он стремился изменить судебную систему Чечни, заменив ее исключительно шариатской, при этом подчиненной его власти [16, с. 58].

Чрезвычайно важно отметить, что существовавшая в древности структурная схема права и правосудия чеченцев и ингушей была представлена настолько полно, что дает право исключить различного рода домыслы об онтологической неполноте, незрелости обычного права по сравнению с более поздними правовыми системами. Наше мнение перекликается в этом с позицией грузинского исследователя Л. Р. Харадзе, который пришел к выводу о том, что «...мы имеем сравнительно развитую систему композиции, которая давно заменила нормы обычного права, восходящие к родовому быту даже в той сфере, где пережитки этого быта наиболее стойко сохранили свое существование» [17, с. 165].

Может показаться, что структура обычного права чеченцев и ингушей не представлена явно обозримыми отраслевыми нормами, это своеобразие характерно всем обычно-правовым системам народов Северного Кавказа. Однако это представляется сделать возможным, применив аналитический способ реконструкции, а также на основе продолжающих существовать и поныне договорных отношений строящихся на адат, в частности речь идет о том, что у вайнахов, в частности чеченцев широко практиковалась система заключения договоров между сторонами, главным основанием для этого являлось обоюдное соглашение сторон. По данному соглашению соблюдения специальных формальностей не предусматривалось. Большое значение придавалось устной договоренности, которая не могла быть поставлена под сомнение или изменена. По чеченскому адату договор (*барт*) – это устная договоренность, заключенная при свидетелях, в результате которой происходил процесс передачи вещи и словесный обмен. Договор считался заключенным с момента рукопожатий (*бертавахар*).

Чеченские тайпы очень строго относились к вопросам, связанным с землевладением. В отдельных случаях договоры купли-продажи заключались с согласия главы тайпа (*тайпан верас*), при этом особым условием считалось полное согласие всех заинтересованных членов тайпа. Согласно чеченским адатам правоспособность и дееспособность субъектов договоров напрямую зависели от имущественной и деловой способности тех или иных лиц. Например, вдова не имела права продать или подарить что-либо из имущества покойного супруга, если у него имелся старший брат или совершенный летний сын.

К разновидностям реальных договоров по нормам адата можно отнести договора мены (*хийцаман барт*) и подрядка (*йолах болх тлелацаран барт*). Древнейшим являлся договор безвозмездного пользования имуществом (*магъза хуманех пайдаэцар*). Обычное право предусматривало ответственность сторон при заключении договора (*барт*) купли-продажи. Согласно чеченскому устному договору продавец отвечал за проданную им вещь. При продаже вещи продавец нес ответственность за сокрытие той или информации о проданной вещи, о которой покупатель не мог знать на момент заключения договора купли-продажи. В случае обнаружения серьезных обстоятельств, скрытых продавцом от покупателя, первый был обязан полностью вернуть полученные деньги. В чеченском обычном праве существуют такие виды договора, как договоры поручительства (*тлеошларан барт*), в основе которого лежит личная и имущественная ответственная поручителя и залогодателя. В отличие от других народов Северного Кавказа, чеченцы придавали особое значение договору поручительства как знаку своего уважения и чести в деле решения того или иного вопроса. В качестве поручителей за надлежащее и полное выполнение условий договора могли выступать как родственники, связанные между собой кровным родством, так и не родственники.

Земля для чеченцев и ингушей являлась объектом экономической состоятельности, олицетворением чести, поэтому иметь в собственности землю неважно коллективной или той которой пользовались члены одного тайпа способство-

вало выработке правовых отношений в области землевладения и пользования. Подтверждение этого мы находим у Н. Грабовского «Земля в участках разделяется на частную и общественную собственность» к первой принадлежат пахотные участки, лесные дачи; а ко второй — выгоны и во многих местах покосные земли и леса» [18, с. 13].

Кроме того, функциональное назначение права позволяет выявить тот комплекс обычно-правовых норм, который регулировал вопросы уголовного права.

По мнению исследователя обычного права чеченцев и ингушей Б. Далгата, «дикари» ингуши некогда приблизились к тому идеалу правосудия, до которого не смогут мечтать дойти когда-либо цивилизованные народы мира» [19, с. 119]. В этой характеристике заключается глубинность понимания принципов правосудия у чеченцев и ингушей с древнейших времен.

Основная задача вайнахского адатского судопроизводства сводилась к защите прав обиженного или потерпевшего с полным возмещением нанесенного материального ущерба пострадавшему. Отправной точкой для начала судебного разбирательства являлась устная жалоба потерпевшего, высказанная судьям. Жалоба может быть представлена и представителями потерпевшего. Представителями потерпевшей стороны в адатском производстве могут быть ближайшие родственники по отцовской линии, имеющие заинтересованность в исходе дела.

По ингушскому обычному праву, как отмечает Л. Б. Гандарова, «число судей зависело от сложности дела, обычно оно колебалось от двух до 5 человек. Общественными судьями (мехке хела хо) избирали из числа наиболее авторитетных людей, которые не состоят в родстве с той или иной стороной» [20, с. 151].

Широко распространенным видом наказания по адатскому праву чеченцев было изгнание из села (юьртар ваккхар)¹ признанного виновным в совершении преступления. Стоит отметить, что данный вид наказания практиковался не только за совершенные те или иные преступления, но и за нарушение внутритайповых правил, элементарных норм поведения. При этом изгнанию из села (юьртара ваккхар) могли быть подвергнуты и ближайшие члены семьи, как не воспрепятствовавшие или не способные принять упреждающих мер воздействия на нарушителя общественного порядка. Но высшей мерой данного вида наказания было изгнание из страны (махкар ваккхар). Как правило, решение по изгнанию из страны принималось Мехк-кхелом, после чего лица, в отношении которых был вынесен данный приговор, навсегда должны были покинуть территорию Нохчийчоь (Чечни).

Чеченское адатское право предусматривало применение наказания за совершенное преступление даже в том случае, если у потерпевшей стороны не оказывалось родственников из числа мужского пола. В этом случае Мехк-кхел посредством стражи исполнения наказания приводил в исполнение смертный приговор. Делалось это с целью, чтобы преступник, уверовавший в свою безнаказанность из-за отсутствия мстителей, не мог уйти от справедливого возмездия.

Этот установленный Мехк-кхелом адат при сравнении с осетинским уголовным правом, в котором «не считалось преступлением убийство постороннего лица, за которого не было мстителей», показывает насколько развита была по адатскому праву чеченцев цель наказания. За убийство по чеченскому адатскому праву в независимости от того было ли оно преднамеренным, случайным или с целью обороны предполагалось наказание в виде смертной казни.

Исследовав этнические правовые принципы чеченцев и ингушей, можно прийти к следующим выводам:

¹ В переводе с чеченского – выдворить или изгнать из села.

– этническое право чеченцев и ингушей позволяет дать общую структурную оценку как общественно-политическому строю, так и системе судоустройства и судопроизводства;

– этническое право чеченцев и ингушей, являющееся правовой основой суда, возникнув в глубокой древности, сохранилось до наших дней и имеет важное значение для чеченского и ингушского общества, выступая в качестве регулятора общественно-правовых отношений;

– этническое право чеченцев и ингушей регулировало без дифференциации как гражданско-правовые, так и уголовно-правовые отношения.

Библиографический список:

1. *Генко А. Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930. С. 739.
2. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. I. ЛЛ. 130–135.
3. *Манкиев А. А.* Традиционная соционормативная культура чеченцев в контексте современных политических и духовно нравственных ценностей // Сборник научных трудов. Вып. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2007.
4. *Ильясов Л. М.* Культура чеченского народа. М., 2009.
5. *Лаудаев У.* Чеченское племя ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1878.
6. *Саидов И. М.* Мехк-кхел в прошлом // КЭС. Ч. 2. Тбилиси, 1968.
7. *Тамбиев М.* Мехк-кхел (Совет страны) – древняя верховная организация ингушей / Н. Д. Кодзоев. Вопросы истории Ингушетии. Вып. 3. Магас, 2005. Сердало, № 86 (9607), 5 августа 2005.
8. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
9. *Саидов И. М.* О расселении нахских тайпов и тайповых отношениях. Архивный вестник. Архивное управление Правительства Чеченской Республики. Историко-документальный бюллетень. № 1. 2013.
10. *Попов И.* Ичкеринцы // ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878.
11. *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Чеченцы. СПб, 1895.
12. *Гантемирова Ф. А.* Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – перв. пол. XIX в.). М., 1972.
13. Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. Тифлис, 1876.
14. Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб, 2001.
15. *Исаев С.-А. А.* Присоединение Чечни к России аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2012.
16. *Хасбулатов Р. И.* Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: Грааль, 2003.
17. *Харадзе Л. Р.* Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей. Кавказский этнографический сборник и очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси. 1968.
18. *Грабовский Н. Ф.* Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа. ССКГ. III. 1870. С. 13.
19. *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 119.
20. *Гандарова Л. Б.* Обычное право ингушей: Дис. ... канд. юр. наук. СПб, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

E. A. Kormochi

The Vitus Bering Kamchatka State University, Assistant of professor of the Philosophy and Cultural Studies Chair, the Dean of Philological Faculty of Vitus Bering Kamchatka State University, Candidate of philosophical sciences (Master of Philosophy), Assistant Professor (683030, Pertopavlovsk-Kamchatsky, Komsomolskaya str., 7, 70; 8-962-281-2604; kormochi@mail.ru)

ON GLOBAL WORLD ATTRIBUTES

The author of this article adverts to the problem of actual civilization state and global world perspectives.

The article attempts to reveal and analyze such attributes as globalization process, contemporary global problems, identity crisis, expansion of mass consciousness and mass man. It is concluded that the given attributes are regarded to their results and interference which determine necessity and expediency of their consideration in connection with each other.

N. N. Masunova

The Magnitogorsk State University, Assistant of the Chair Philosophy (455000, Lenina 114. Magnitogorsk. RUS.)

THE FUTURE OF INFORMATION TECHNOLOGY REALITY

Article about the future of information technology reality. Article disclosed in stages: description of the world, reality, isolating subsystems dynamics dreams and goals, identify the objects of reality interfaces. Identification of how information technology reality. Denoted strategies: ways of thinking and communicating information and technical reality. Formed a promising vector information and technical reality.

Reality, vector information and technical reality, strategies.

N. E. Kuteeva

Bashkir State University, Docent of the Chair of Linguodidactics and Translating Studies, Candidate of philological sciences (450076, Ufa, Kommunisticheskaya str., 19; (8347) 272-62-28; lingvodidactica@mail.ru).

THE PROCESS OF RECEPTION OF HERBERT SPENCER'S PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL IDEAS IN THE AMERICAN CULTURE AT THE TURN OF THE XXTH CENTURY

Philosophical and culturological ideas of Herbert Spencer played a significant role in the development of public conscience and culture of the United States of America at the turn of the XXth century. American scientists, public figures, writers who regarded Spencer's evolutionary theory as an apotheosis of progress industrial era, tried to apply it to the realia of the country in order to find the ways of further cultural development.

Evolutionism, positivism, industrialism, "progressism", cultural development.

E. Y. Leontyeva

Volgograd State Technical University, Head of Department of Philosophy, Doctor of Philosophical sciences, Professor (400131, Volgograd, Lenina av., 28; (8442) 24-84-77; philos@vstu.ru)

THE COGNITIVE ANARCHISM OF L.SHESTOV AND P. FEYERABEND: A COMPARATIVE ANALYSIS

The conception of cognitive anarchism has traditionally been associated with the American philosopher of science Paul Feyerabend. However, the ideas of this theory clearly and unambiguously were announced and published the domestic philosopher Lev Shestov in the early 20th century. The comparative analysis of the views and ideas of these philosophers, with attraction of the original utterances and quotations presented in this article. Emphasis is placed on thinker's understanding of the process of knowledge, science, freedom of thought, the role of rationality in knowledge, capabilities, and the need to go beyond the generally accepted rules and methodology.

Cognition, cognitive anarchism, freedom of thinking, rationality, science, methodology of science

S. I. Rubezhansky

Belgorod National Research University, the postgraduate of the Philosophy Department, the clergy of Russian Orthodox Church (309970, Belgorod Region, Valuiky, Shchors St., 8a, phone (847236) 2-14-77)

THE MODERN SOUNDING OF THE TRADITIONAL DISPUTE BETWEEN "SLAVOPHILES" AND "WESTERNIZES"

The disputes between "slavophiles" and "westernizes" in the wide understanding of the given terms proceed and in the modern society of the XXI century. The destiny of Russia and its people does not cease to excite the minds of our intellectuals. The article "What god does a Russian man trust" of the well-known film director A.S. Konchalovsky has recently been published in "Russian Gazette". The article raises the age-old questions: who is to blame and what is to be done? At the beginning of the article the author reflects to the past

of our history and tries to review the rudiments "of Russian religious idea", to retrace the history of its development. As a result he criticizes the concept "of Russian religious idea", speaking, about its static character and inability to develop and to benefit the Russian society.

slavophiles, westernizes, Russian religious idea

E. U. Salyaeva

Institute of food technologies and design – branch Nizhny НГИЭИ Department, candidate of pedagogic of professional education of the Nizhny Novgorod state pedagogical University (603000, Nizhny Novgorod, ul.Ulanova, D. 1; phone:(831) 439-26-15; nnspu@nnspu.ru)

RETROSPECTIVE SIGHT AT PROBLEM КОМПЕТЕНТНОСТНОГО OF THE APPROACH

The problem компетентностного the approach already during several decades is one of the actual problems developed by representatives of different areas of a science. The given problem represents special interest in connection with transition of the maximum vocational training to two-level system – a bachelor degree and a magistracy. Thus, компетентностный the approach is considered as a base priority in a view of the decision of problems of modernization and reforming of modern maximum vocational training. The knowledge of historical aspects of introduction and realization компетентностного the approach will provide the necessary information for its effective introduction and realization.

Competence approach; the competence; competence

S. N. Degtyarev

Tyumen State University, the candidate of pedagogical science, the headmaster of Tyumen State University Academic school (625023, Tyumen, Prgheval'skogo str., 37, tel.: (3452) 41-81-09; gymnasium@rambler.ru)

USE OF INFORMATIVE TECHNOLOGIES IN INDIVIDUAL PREPARATION OF PUPILS FOR SOLVING CREATIVE TASKS

The article shows the process of preparation of high school pupils for solving creative (non-standard) tasks at the stage of studying of standard content of education and solving typical, adaptive and correcting tasks. The possibility of algorithm programming of teacher's separate actions is demonstrated for revealing gaps in pupils' knowledge and formation its structure in order to ensure individual teaching with the help of information technologies. The results of empirical researches are given, showing the mechanism of individual choice of knowledge, depending on the number and character of made by pupils' mistakes, taking into account structural organization of studied material.

Individualization of teaching; creative task; creative methods; interactive teaching; informative technologies.

A. M. Gureyeva

Perm State National Research University, assistant professor, the department of the English Language and Cross-Cultural Communication, PHd (38, Belinskiy St 57, Perm Russia 614039; anagur71@mail.ru).

S. L. Mishlanova

Perm State National Research University Head of the Linguadidactics Department, Doctor of Philological sciences, Professor. (85, Pushkin St 7, Perm Russia, 614000; mishlanovas@mail.ru)

A. A. Filippova

Perm State National Research University, assistant professor, the department of Linguadidactics, PHd (Bukirev St 15, Perm Russia 614090; flore2004@list.ru).

THE PECULIARITIES OF THE INTERNATIONAL BACCALAUREATE CONCEPT METAPHORICAL OBJECTIVATION

Cognitive-discourse approach is widely used in the contemporary linguistic studies, and its basic statements are applied as the theoretical bases for the present research. Concept as the implication of all kinds of knowledge on the definite problem is formed in discourse, which is verbally mediated activity in special sphere. The processes of conceptualisation depend on the type of discourse, that is why every concept has its own peculiarities, which are reflected in the ways of concept representation. The article focuses on the research of the specifics of the International baccalaureate concept metaphorical objectivity in British and Russian educational discourse. A special cognitive-discourse strategy has been applied in the paper, which includes semantic-frame analysis.

Discourse, concept, metaphor, International Baccalaureate

E. V. Doroshenko

The Novosibirsk military institute of Interior troops of Home office of Russia, postgraduate (630114, Novosibirsk, Kluch-Kamyshenskoeplatostr., 6/2; (8383) 338-08-28)

AXIOLOGICAL APPROACH IN THE DEVELOPMENT OF HUMANITARIAN CULTURE OF CADETS OF THE MILITARY INSTITUTES OF INTERIOR TROOPS OF HOME OFFICE OF RUSSIA

Comprehensive training of officers of Interior troops of Home office of Russia to solving educational problems is achieved through the development of humanitarian culture of cadets of military institutes of Interior troops of Home office of Russia. In this regard, there is an objective need for multifaceted harmonious training of cadets of military institutes of Interior troops of Home office of Russia, which will meet the new structure and objectives of Interior troops of Home office of Russia. Axiological approach to the development of hu-

manitarian culture of cadets considering value as «an element of personality structure factor determination and regulation of motivation to action, connects them with the ability to implement the essential powers of man, aimed at moral perfection».

Humanitarian culture, humanism, values, personality structure.

U. V. Zakaulova

Lviv National Polytechnic University, the teacher at the Department of Foreign Languages, Candidate of pedagogical sciences (79013, Lvov, St. Bandera str., 55; (032) 57-22-28; www.lp.edu.ua)

I. V. Zintchuk

Lviv National Polytechnic University, the teacher at the Department of Foreign Languages (79013, Lvov, St. Bandera str., 55; (032) 57-22-28; www.lp.edu.ua)

THE PECULIARITIES OF PEDAGOGICAL COMPETENCE OF A TEACHER IN THE UNIVERSITY EDUCATION SYSTEM

The research is aimed at forming and developing pedagogical competence of a teacher in the university education system. Competence of a teacher is considered to be a complex notion, thus, close attention should be paid to its components – competences the presence of which manifests the critical personal and professional development of a pedagogue. The article also gives the difference between the concepts of pedagogical competence and pedagogical professionalism based both on the desire to follow the set goals and the ability to fulfil them. Furthermore, close attention is paid to the definition of a competent pedagogue directly related to the notions of pedagogical ethics, pedagogical objectiveness, and development.

Pedagogical competence, competencies, pedagogical professionalism, competent pedagogue, pedagogical ethics.

E. M. Kargina

The Penza State University of Architecture and Construction, Associate professor of the Chair of Foreign languages, Candidate of pedagogical sciences, Associate professor (440028, Penza, German Titov str., 28; (8412) 49-72-77; office@pguas.ru)

REALIZATION OF THE AXIOLOGICAL AND AKMEOLOGICAL ORIENTATION OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE PERSONALITY IN THE COURSE OF THE PROFILISATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

One of target reference points of development of an education system is transition from the developed education system to necessary for creation the social focused economy to continuous profile education. In article the problem of realization of an axiological and akmeological orientation of pedagogical support of the personality in the course of a profil-

isation of the educational environment is considered. As a main objective of an axiological component of a profilisation of the educational environment the purpose of assistance in a choice of personally significant system of valuable orientations, personal meanings is allocated. The akmeological component of a profilisation assumes the accounting of socio-political, social and economic conditions for disclosure and manifestation of the personal opportunities, all abilities of the person.

akmeology, axiology, profilisation, educational environment, pedagogical support

E. E. Voropaeva

Shuya branch DEVELOPMENT «Ivanovo state University», Department of information systems and technologies, post-graduate student.

MODEL TO IMPROVE THE READINESS OF THE TEACHER TO INNOVATION ACTIVITES

In article the model of improvement of readiness of the teacher to innovative activity, the purpose of which is the professional development of teachers. The model is implemented in an actual classroom practice.

Keywords: readiness for innovation activity, model of improvement of readiness for innovation.

N. S. Garkavet's

Volodymyr Dahl East-Ukrainian National University Ministry of Education and Science of Ukraine, graduate student, Department of Social and Applied Psychology, Master of Psychology (Ukraine, 91034, Lugansk, Youth quarterly 20-a; ((0642) 41-72-05, (0642) 41-22-25; uni@snu.edu.ua)

FEATURES STUDENT'S VALUE ORIENTATIIONS IN POST-SOVIET SPACE UKRAINIAN, WHICH TTRANSFORMS

The article considers the peculiarities of value orientations of young men and women who are studying in higher educational institutions of East and South Ukraine. The results of empirical study were identified values, which are the factor of activation the behavior of the students in the conditions of social changes that are taking place in Ukrainian society. It was established that the configuration of value orientations of students has the highest amplitude of its growth in the values of the individualistic orientation. Was found that the value orientations of young men and girls have difference, which expressed in the greater tendency of the first to focus on individualistic values or values of change, and the second – in a traditional, collectivist or conservation values. Established that the transformation of the social environment causes corresponding changes in the value-semantic sphere of individuals, but the process of value conversion has a complex nature, and between young and older generations increases axiological gap.

Keywords: gender differences, social activity, students, value orientation, value-semantic sphere.

M. M. Kashapov

is the doctor of psychological sciences, the professor, of the Department of pedagogics and pedagogical psychology, the Yaroslavl state university of P.G. Demidov (150045 Yaroslavl, Dzerzhinsky pr., 6-45; 8-910-665-42-06; smk007@bk.ru).

E. V. Shubina

– teacher of the Vologda Pedagogical College (160024 Vologda, Razina st., 55-92; 89211402725; eshu@bk.ru).

PERSONAL FUNCTIONING MECHANISMS OF ELEMENTARY SCHOOL TEACHER'S PEDAGOGICAL THINKING ON THE STAGES OF PROFESSIONALIZATION

Research problem due to the role of professional pedagogical thinking in work of the teacher and his professional behavior and communication. There are new requirements for professional competence because modern education system changes, so pedagogical thinking becomes general professional competence. Knowledge of the functioning mechanisms of professional thinking is important during training and working of the teacher in conjunction with holistic transformation of the psychological structure of man as an individual and subject of working.

Professional pedagogical thinking, situational level of pedagogical thinking, over-the situational level of pedagogical thinking, personal functioning mechanisms of pedagogical thinking, elementary school teacher.

A. B. Pankin

Kalmyk State University, Head of the department of pedagogy, Doctor of pedagogical sciences, Professor (11 Pushkin Street, Elista, Kalmyk State University, The Republic of Kalmykia, the Russian Federation, 358000; contact.: 89176819428; connotation@mail.ru)

I. N. Minkeeva

Graduate student of pedagogy of the Kalmyk State University. (358013 Elista, the 4th micro district., 14, 47; tel.: 89615446147; Irinaminkeeva @mail.ru)

ULUS SCHOOLS FOR KALMYK CHILDREN IN THE SYSTEM OF RUSSIAN EDUCATIONAL FIELD DEVELOPMENT OF THE 19TH CENTURY

The formation of the state system of education and schooling in Russia according to the West-European model, that began at the turn of the 17th and 18th centuries, came up to the ethnic outskirts of the country. The system of the secular primary education of Kalmyks, the only Asian ethnic group of the Buddhist Religion living in the European part of Russia, began to form in the middle of the 19th century up to the beginning of the 20th century. The development of the Kalmyk educational system copies, though with some delay, the

Russian educational system. The first type of Kalmyk secular school was Ulus school, which apart from the Russian primary 3-year school gave 4-year education. The state subsidies (grants) of schooling were minimum. Kalmyk communities paid large amounts of money for the children to receive the best education.

«non Russian» education, ulus school, educational field

O. Yu. Solopanova

Kuban state university, professor of chair of pre-school pedagogy and psychology, doctor of pedagogical sciences, associate professor, Honoured worker of culture of Kuban (350062, Krasnodar, Atarbekov St. 5/1, quarter 145; ph.: (8918) 480-71-81; solopanova@rambler.ru

B. M. Tselkovnikov

Kuban state university, professor of chair of social work, psychology and pedagogics of the higher education, doctor of pedagogical sciences, professor, Corresponding member of MANPO (350062, Krasnodar, Atarbekov St. 5/1, quarter 145; ph.: (8918) 480-71-81; solopanova@rambler.ru

MAGNETISM OF PEDAGOGICS AND MUSIC: FROM THE THEORY TO PRACTICE

Interest of pedagogics to music, to the theory of its knowledge, including relating to this sphere of art conceptual terms framework, becomes more intensive and though in the mediated form the appeal of representatives of different spheres of knowledge to this art, to its specific laws was observed and earlier, the scientific and pedagogical potential of music and the theory of its knowledge wasn't exposed to special studying.

pedagogical sciences; music; subjectivity, intoning; science; phenomenon

O. A. Kondratenko

The Chelyabinsk State Pedagogical University, Assistant professor of the department of technology and business activity and teaching methodology of technology and business activity, candidate of Pedagogical Sciences (69 Lenina av., 454080, Chelyabinsk; +79634671120; botovaeg@cspu.ru)

FORMATION OF VISUAL COMPETENCE OF STUDENTS, FUTURE TEACHERS OF TECHNOLOGY AND ECONOMICS AS PEDAGOGICAL PROBLEM

In connection with increase of requirements to professional education of pedagogical university graduates the special importance is attached to formation of visual competence of future specialist. The problem of formation of visual competence of pedagogical university students who study in speciality 'Technology. Economics' is analysed in this article as an important component of professional pedagogical competence of teacher. It is demon-

strated that this competence may be formed only by using of method of educational content visualization in educational process, in particular such as infographic design or infographics.

competence approach, visual competence of teacher, infographics, infographic design

T. V. Nesterenko

Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism, Lecturer Humanities College (350015, Krasnodar, Budyennogo str., 161; (8612) 55-35-17, (8612) 55-35-73; doc@kgafk.ru)

EXCURSION AS A METHOD OF PROFESSIONAL COMPETENCE FORMATION OF TOURIST COLLEGE STUDENTS

Technology organization of educational process in colleges provides competence development of students within individual disciplines. But the future specialist will operate using all the acquired knowledge and skills in different amounts and combinations, according to the degree of professional activities development and the level of social maturity. One of the basic modern active innovative teaching methods in the conditions of professional competence formation is an excursion. Most experts say about high degree of emotional and personal perception of students is on excursions.

Professional competence; competency; active learning; excursion.

E. E. Gerasimovich

Moscow, Moscow City Pedagogical University, professor of department of earlier studies of foreign languages, Ph.,D. (142770 Moscow, Kommunarka, Yasnaya str., 6, flat 79, 8-985-415-60-18 e.gerasimovich@mail.ru)

THE OPPORTUNITIES OF SUBJECT "FOREIGN LANGUAGE" USING INTERDISCIPLINARY INTEGRATION IN THE MODERN EDUCATIONAL SYSTEM

Using interdisciplinary integration in the classroom for foreign language suggests the possibility of forming a sociolinguistic component of communicative competence of students, to promote tolerance and respect for the cultural values of the country of the studied language, parenting skills to assess their own culture through the prism of culture of the country of the studied language.

The culture; foreign language; interdisciplinary integration; competence

J. G. Kaleeva

Orsk Humanitarian Technological Institute (branch) of the state of the federal budget educational institution of higher education "Orenburg State University", associate Professor of

Professional Disciplines, Candidate of pedagogical science (462429, Orsk, Mira prospectus, 15a; (3537) 23-6580; pri_rektor@ogti.orsk.ru)

R. I. Mazhirina

Orsk Humanitarian Technological Institute (branch) of the state of the federal budget educational institution of higher education "Orenburg State University", Head of Department of Electricity and Electrical Engineering, Candidate of pedagogical science (462429, Orsk, Mira prospectus, 15a; (3537) 23-6580; pri_rektor@ogti.orsk.ru)

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE ENGINEERS IN CASE OF PHYSICAL SIMULATION TECHNOLOGY LABORATORY BENCH FOR STUDYING VALVE ELECTRIC

The process of formation of professional competence of future engineers, means to perform creative activity of students. Under the guidance of the teacher, the students create laboratory equipment. The article describes an example of the creation of the laboratory bench valve actuator position sensor rotor. The innovative practice of training allows you to create professional competence of future engineers not only in the creation of the laboratory bench. And also in progress on the bench laboratory works on the study of physical processes and production facilities.

Professional competence of future engineers, innovative bonus training, physical and technical modeling.

E. G. Radygina

FGBOU VPO "Ural state pedagogical university", associate professor of tourism and hospitality chair, candidate of pedagogical sciences (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtovav., 26, 8(343)235-76-14; uspu@uspu.ru)

USE OF TECHNOLOGICAL CARDS AT DISCIPLINE DEVELOPMENT "TECHNOLOGIES OF HOTEL ACTIVITY"

In article the technique of teaching of discipline "Technologies of hotel activity" is described, process of the organization of development of a training material by students by means of drawing up technological cards of processes of a hotel cycle is considered, the structure of the technological card is given, development stages of the technological card and results of training are given.

technology, technological card, technology of hotel activity, hotel cycle

S. A. Terekhova

The Volgograd State Social-Pedagogical University, senior teacher of the Chair of German and Romance languages (400120, Volgograd, Eliseeva str., 15, 112; (8844) 944660; clair19@rambler.ru)

EFFECTIVE METHODS OF TRAINING PUPILS OF THE COMPREHENSIVE SCHOOL TO THE STATE CERTIFICATION FOR THE FOREIGN LANGUAGE TAKING INTO ACCOUNT FGOS OF THE SECOND GENERATION

With transition of comprehensive school to new Federal state educational standards of the second generation procedure and structure, the contents, and a form of the quality check of the acquired knowledge, skills in foreign-language speech activity changed. The pupils who have made the choice for English as additional examination upon termination of the main school, will hand over it in the form of the standardized testing. On the one hand, it gives the chance to estimate the level of proficiency in a foreign language objectively. On the other hand, many pupils experience difficulties in performance control and examination-papers in a new format. In this regard training in control and examination strategy is a time requirement.

Strategy, educational strategy, control and examination strategy, complex of exercises.

L. M. Zakharova

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanova, doctor of Pedagogic head of the Chair of Pre-school Pedagogic (432700, the area of the 100 anniversary of Lenin's birth, 4, (8422) 446943 <http://www.ulspu.ru>)

N. Kh. Umakulov

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, dean of the faculty of Pedagogics and Psychology (432700, the area of the 100 anniversary of Lenin's birth, 4, (8422) 446943 <http://www.ulspu.ru>)

FORMATION OF STUDENTS PROFESSIONAL READINESS FOR THE INNOVATIVE ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF VARIABILITY OF PRESCHOOL EDUCATION

The article describes the criteria of students` professional readiness to implement the variability of preschool education; defines the principle of organization of the educational process at the University. The authors show the possibilities of the innovation center for children's development for solving the problems of formation of graduates` professional readiness.

professional readiness, variability of preschool education, pedagogical process, innovation center

V. P. Glukhov

The Moscow state humanities university of M. A. Sholokhov, the associate professor of logopedics, the candidate of pedagogical sciences, the associate professor (109240, Mos-

cow, Verkhnyaya Radishchevskaya St., 16 of p. 18; ph.: (8495) 6474477, mgopu@mgopu.ru

STUDY OF THE PECULIARITIES OF FORMING OF SKILLS OF COMMUNICATION STATEMENTS IN PRESCHOOLERS WITH THE SYSTEM UNDERDEVELOPMENT OF SPEECH

The article presents the main results of a comparative study of peculiarities of formation of skills of communication statements in children with systems of the underdevelopment of speech. A comprehensive study of the status of connected speech carried on the basis of technologies developed by the author of the special pedagogical examination. The author obtains new information about the features of the formation of coherent speech in children with the second and third levels of the speech development (comparative aspect), identified and analyzed to specific difficulties in learning skills and coherent statements of children of this category.

An integrated approach to the study of the formation of coherent speech in preschool children, a technique differential diagnostic evaluation survey data, typology of specific difficulties in learning the skills of connected sentences in children with systemic underdevelopment of speech.

A. A. Kasmynin

Adygeya State University, postgraduate student of the Institute of Art of Adygeya State University, art critic (385000 Maykop, Pervomayskaya str., 208; phone number: (8772) 593820; adsu@adygnet.ru)

SOCIAL COMMITMENT OF CREATIVE WORK OF G. KORZHEV

Creative work of G. Korzhev – a famous Russian artist – is considered in the context of social challenge of the society during the period of the development of the country called Perestroika. Military and revolutionary plots, "unfashionable" for the domestic art at the turn of XX-XXI centuries, but important in terms of highlighting and discussion of the problems, "inconvenient" for official art, are analyzed. The artist creates paintings filled with psychological and complex social implications with artistic language available for viewers and at the same time being thoughtful and mature. It is assumed that the social commitment of creative work is one of the main tasks of G. Korzhev as a man and an artist.

Helium Korzhev, social commitment of art, social responsiveness; composition; hero; plot, image

D. V. Maslennikov

Ivanovo State University, Aspirant of the Chair of literature theory and Russian literature of the XXth century (153040, Ivanovo, Lubimov st., 18-54; 89203693614; naderevnu@list.ru)

"COMPOSITIONAL WAVES" IN JOSEPH BRODSKY'S OEU-VRE

If it makes sense to speak of invariants, motives, cross-cutting themes etcetera in poet's oeuvre, in Joseph Brodsky's case it is also worth emphasizing a "wave" idea and a "compositional wave" particularly. The "compositional wave" unlike anything else is not only an idea but the idea embodiment (the method of creation) at the same time. This article is devoted to the "wave" idea realization in terms of essays and "big poems" of Joseph Brodsky.

"Compositional wave", "big poems", essay, memory, phantom.

L. E. Surnina

Institute of language, literature and history of Komi science center of the Ural division of Russian Academy of Sciences, research associate of separation of literary criticism (167982, Syktyvkar, Kommunisticheskaya std., 26. (8212) 24-5564).

KURATOV I.A. AND ITS POETIC HERITAGE

Creative activity of I.A. Kuratov's has been an outstanding phenomenon in the history of Komi and Finno-Ugrian literatures. In the period of the democratic enlightenment the incipient Komi literature which was written by I.A. Kuratov in terms of the real illustration of nation's life was in a line with literatures, which have old traditions. It is known, that I.A. Kuratov wasn't a sole writer of the XIX century, besides him, we well know such names as P. Klochkov's, P. Rasputin's, G. Lytkin's, V. Kuratov's, M. Istomin's and others. I.A. Kuratov has known about literary experiments of the Komi writers of the beginning of the XIX century. It was a material, which had a high importance in the determination of his own way. The I.A. Kuratov's critical perception of the works of these authors to the certain degree helped him to comprehend which targets must solve the poet, who present small nation of the Russia.

komi literature, the creative activity of I.A. Kuratov's, the poet-democrat, the theme of poet and poetry.

V. V. Marusenkov

Russian State University of Cinematography named after S.Gerasimov (VGIK), graduate chair of film studies (129226 Moscow, str. of Wilhelm Pieck, 3. tel: 8(499) 181-13-14, e-mail: mail@vgik.info)

PRINCIPLES OF THE INCARNATION OF DRAMATIC COLLISIONS IN CINEMATIC INTERPRETATION OF A LITERARY PIECES

The paper is devoted to the principles of interpretation of the incarnation dramatic collisions story by Julio Cortazar «Spit devil's» films: «Blowup» (dir. Michelangelo Antonioni, 1966); «The conversation» (dir. Francis Ford Coppola, 1973); «Puncture» (dir. Brian De Palma, 1981); «The draughtsman's contract» (dir. Peter Greenaway, 1983).

Dramatic collision, cinematic interpretation, Julio Cortazar, subject scheme, story.

S. Sh. Sharifova

The Institute of Literature named after Nizami of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Doctor of philological sciences (AZ1143, The Azerbaijan Republic, Baku, H. Javidave., 31; (+99 412) 4254514, salidasharifova@yahoo.com sharifovasalida@rambler.ru)

THE MIXING THE NOVEL AND THE LYRICAL GENRES

The most common form of genre mixing romance with a lyrical genres is the inserting poetic elements. However, the interaction of the novel and the poetry can be not fragmented, namely:

- *a compromise the poetry with the prose text (lyrical novel);*
- *a insert content of the novel in rhyming text (the novel in verse).*

Genre, genre mixing, lyric, lyrical novel, a novel in verse.

A. V. Simonov

Russian State University for the Humanities, postgraduate student, Department of theory and history of the humanities, Faculty of philology and history (125047, Moscow, Miusskaya sq., 6; 8(499)250-63-22; tizg.ifi@gmail.com)

JINGOISM PROPAGANDA IN PUBLICITY AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES

The paper deals with one of the most aggressive form of British nationalism in XIX-XX centuries called jingoism. The author shows that the socioeconomic conditions in the Victorian age promoted strengthening of British nationalism, which took higher position in the hierarchy of identities than traditional ethnonationalism. Afterward nationalistic climate influenced with imperial ideology became vividly chauvinistic and assumed the name jingoism. The author argues that jingoism had a strong support in social and political journalism in the period of excellence of the British Empire.

Jingoism; nationalism; nation; British Empire; identity; colonialism

J. Baghana

Belgorod State National Research University, professor of Department of the French Language, Doctor of Philology (5, 85A, Pobedy Street, Belgorod, Russia 308015, e-mail: baghana@yandex.ru, ph. +7 (905) 676-21-49)

M. L. Baraldo del Cerro

Belgorod State National Research University, graduate student of Department of the French Language (dorm.4, 85, Pobedy Street, Belgorod, Russia 308015, ph. +7 (980) 373-46-32)

DISCUSSION ON THE NATIONAL LANGUAGE IN ARGENTINA: POSITIONS IN THE DISCUSSION AND IMPLICATIONS TODAY

The article reviews the historical path taken by the ideological configurations of the Spanish language during the 19 th- and the 20 th – centuries. This course explains the current complex plot of representations for the Rio de la Plata linguistic variety. In attention to this purpose, the work hypothesizes that the diversity of theoretical positions about the Rio de la Plata variety come from discussions on the statute of national language, which have taken place among a wide range of intellectuals along two centuries. According to this assumption, the article reviews the landmarks of that discussion, in order to organize the course of the representations of this regional Spanish variety, and to discern the historical reasons explaining attitudes of the speaking Argentineans towards their own variety.

Rio de la Plata linguistic variety, national language, Argentinian linguistic politics.

N. V. Dutova

Zabaikalsky State University, assistant professor of the Chair of International Law and International Relations (672039, Chita, Petrozavodsk str., 46)

NATIONAL PECULIARITIES OF PROSODIC CORE COMPLEX DISTINGUISHING IN GENDER LINGUISTIC PERSONALITY SPEECH

The author presents the experimental research results of interaction between nonverbal means functioning in gender linguistic personality speech at the level of prosodic core, considers Russian, English, Chinese features of prosodic means combination with kinesic, visual, paralinguistic, tactile, proxemics ones, determines the national priority nonverbal means and methods of prosodic core distinguishing due to gender type of linguistic culture, situation, communication link.

prosodic core, prosody, gender linguistic personality, nonverbal means of communication, gender type of linguistic culture, masculine, feminine values.

A. K. Boiko

The Southern Federal University, Post-graduate student of the Chair of Translation and Informational Technologies in Linguistics (344018, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 33; (8632) 72-67-52; info@sfnedu.ru)

LANGUAGE PLAY AS A MODEL OF EXPRESSING EVALUATION IN ENGLISH DIALOGIC COMMUNICATION

Stylistic innovations analyzed in the article presuppose the models of intentional word play which deautomized the interlocutors' attention on evaluative meaning as they break the conventional models of words and fixed units building. While actualizing the evaluative meaning these models as a rule apply to the secondary meaning of generating words,

transforming conventional fixed units. As a result nonce words are spontaneously "invented", the transformed fixed units are enriched with new evaluative meanings in the context of the dialogue. The stylistic language means form the potential source for interlocutors' speech creativity in dialogic communication. It is evident that this form of activity is spontaneous in its nature.

language play, fixed units transforming, metaphor, hyperbole, nonce words

S. V. Mirzoyan

North Caucasus Federal University, associate professor of Foreign Languages Department, Candidate of historical sciences, an associate professor

S. V. Pakhareno

North Caucasus Federal University, teaching assistant of Foreign Languages Department

THE PECULIARITIES OF FOREIGN WORDS LEXICAL ASSIMILATION AT THE DIFFERENT STAGES OF LANGUAGE DEVELOPMENT

The paper discusses the process of borrowed words assimilation and nominates the main criteria of borrowed lexical units. Being included into lexical-semantic system of the language receptor borrowed words undergo this system rules, i.e they are able to expand their notional structure and enter the semantic fields and synonymic rows of the language receptor.

Key-words: borrowing, lexical meaning, structural-semantic analysis, borrowed words' lexical assimilation, functional-stylistic aspect of borrowed words assimilation, connotative association.

D. Y. Gordienko

The Rostov State Economical University «RINH», Senior Teacher of the Chair of Foreign Languages for Economic Specialties (344002, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 69; (8632) 40-55-48; main@rsue.ru)

RHETORICAL QUESTION AS A STARTING POINT OF REASONING IN THE SCIENTIFIC TEXT DEVOTED TO LANGUAGE ORIGINS

The article deals with pragmatic peculiarity of rhetorical question which is used by the linguist-investigator as the argument expressing the proposal to the reader to take this or that proposition as the starting point of reasoning. In this case we witness strategically marked statement announcing about the unproblematic character of the author's proposal. The author's proposal to take this or that proposition as the starting point of investigating the problems of language origins may be expressed implicitly. It occurs in the case when the starting point of reasoning is manifested by the statement according to which

this proposition should be taken by readers only in this function, the author himself/ herself admits that the reader has taken this proposition as the starting point of reasoning a priori.

scientific text, language origins, rhetorical question, starting point of reasoning, argumentative function

A. V. Kusnetsov

Moscow State Pedagogical University, Associate Professor of the Chair of Lexis and Phonetics of German Language, Ph.D. in Philology (119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo 88)

PHONETICAL, MORPHOLOGICAL AND LEXICAL LEVELS OF RESEARCH IN GERMAN INTERNET COMMUNICATION

The article describes main linguistic aspects of German Internet communication

German language, Internet communication

A. M. Kloester

Omsk state technical university, Associate professor, Department of Foreign Languages, Phd of Philology, Associate professor (644050, Omsk, Pr. Mira, 11 (3812) 65-27-77; www.omgtu.ru).

DEFINITSION MODELLING OF THE CONCEPT "ACTIVITY" IN THE DISCOURSE OF ENGINEERING PSYCHOLOGY (ON GERMAN LANGUAGE BASIS)

The article is devoted to the description of definitions with the aim of identifications of the ways of verbalization of the concept "Activity" in discourse of engineering psychology. The concepts of modeling and linguistic model are considered in the article, the review of a theoretical material in which definitions and properties of a considered concept, its main characteristics are analyzed, is carried out in the article.

concept, discourse, engineering psychology, modeling method, definition.

R. N. Slonimskaya

Saint-Petersburg state University of culture and arts, Professor of the Department of doctor theory and history of music and doctor of pedagogic Sciences, candidate of art history, Grand of philosophy in musicology and cultural studies, associate Professor (191186, Saint Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya, 2/4 D.

M. R. Chernaya

Russian state pedagogical University. Herzen, Professor of music education, doctor of arts, Professor (191186, Saint Petersburg, Naberezhnaya R. Moiki, d 48. (812) 312-44-92)

GENRE METAMORPHOSES IN NEW PIANO PIECES BY SERGEI SLONIMSKY

Annotation: The article deals with introduction of the genre palette in last albums of pieces for children and youth by S. Slonimsky. The hypothesis on creation of a macro cycle in the composer's piano music is being formulated, recommendations on solving interpretation problems are given here. Inclusion by the composer of modern devices in the process of mastering image characteristics of a piece on the earliest stages of playing piano gives an opportunity of upbringing brave performers of modern music.

metamorphoses, genre palette, new piano pieces by S. Slonimsky, modern piano repertoire for children, sonorism.

T. I. Utkina

National Research University Higher School of Economics – Perm, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Candidate of Sciences (PhD), Associate Professor

S. L. Mishlanova

Perm State National Research University Head of the Linguadidactics Department, Doctor of Philological sciences, Professor.

METAPHOR IN PROFESSIONAL COMMUNICATION (ON THE ECONOMIC DISCOURSE)

This article deals with metaphor studying in the light of cognitive linguistics. Metaphor modeling is used to research into metaphorization in English academic discourse in economics. The research focuses on the comparative analysis of metaphor at different levels of second language proficiency and professional competence.

Cognitive linguistics, discourse, metaphor, metaphor modeling, metaphor competence

E. V. Koroleva

Vladivostok State University of Economics and Service, associate professor, Department of Public Administration, PhD in Sociology (690014, Primorsky Krai, Vladivostok, 41 Gogolya str., recitation room 2603, tel.: (84232) 40-41-73; lotos08@mail.ru)

A. L. Chernishova

Vladivostok State University of Economics and Service, senior Lecturer, Department of Public Administration, (690014, Primorsky Krai, Vladivostok, 41 Gogolya str., recitation room 2603, tel.: (84232) 40-41-73; chernishova17@mail.ru)

AN ABSENCE OF SELF-KNOWLEDGE AS A CONTEMPORARY SOCIAL PROBLEM

Destructive social processes rocking the modern world are in many cases caused by the destructive model of education. This model of education system is not aimed at creating an independently thinking personality; on the contrary, its main goal is to produce a mass of workaholics lacking individuality. This model develops exceptionally professional qualities and thus generates a whole range of social problems affecting graduates of the stereotyped education system.

Education system; self-knowledge; consumer society; obsession with social status; concept of education.

A. A. Zinina

Russian State University for the Humanities, postgraduate student, Vygotsky institute of psychology, Faculty of social and legal psychology (125047, Moscow, Miuskaya sq., 6; 8 (499) 251 36 97)

STUDYING THE LEVELS OF SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT AGED PEOPLE

The paper describes the empirical study of social representations about aged people among students and working adults. Author places high emphasis on distinctions between explicit and implicit levels of social representations. The working adults tend to describe aged people negatively at the explicit (cognitive) level: they pay attention to the poor status of old people in the society. However, on the implicit (emotional) level their appraisals are more positive. Quite the contrary analysis of students group shows that its explicit level includes positive, neutral and negative elements, while emotional level characterized as definitely negative.

Social representations; aged people; cognitive and emotional elements

N. A. Dmitrienko

Institute of service and business (department of Don State Technical University) an associated professor of the chair of foreign languages, Candidate of pedagogical sciences, associated professor (346500 Shevchenko Street 147, stilist4486@mail.ru)

TECHNOLOGY OF MODELING COMMUNICATIVE SITUATIONS AS THE MEANS OF FORMING VIABILITY OF A PERSONALITY

The level of viability determines the quality of peoples' life, the degree of his self realization and self organization in life, A low level of viability is the main reason of a great number of suicides among young people, appearing fear and inability to preserve and improve inner personal qualities and recourses when meeting hardships during different activities of people.

The choice of pedagogical technology modeling communicative situations corresponds to the human sense of education and is considered from the point of view of synergetic peda-

gological approach. So the main task of our paper is to choose a pedagogical technology forming viability of a person in educational process.

Self organization, consciousness, communication, technology, modeling communicative situations.

N. M. Glushkova

Chelyabinsk State University, Assistant of the Chair of the English Language, Post-graduate student of the Chair of the Romanic Languages and Cross-cultural Communication (454001, Chelyabinsk, Bratiev Kashirinikh str., 129; +7 (351) 799-71-50; ling.en@corp.csu.ru)

SOCIOCULTURAL COMPONENT AS A STEP TO THE LANGUAGE PERSONALITY STUDY

Modern linguistics is concentrated on its central object of studies – a human – from the point of view of his many-sided personality, which is reflected in culture, language and the way of communication. All these sides are well-difened in the language worldview and the language identity of the speaker. Sociocultural component can become one of the steps for further and more profound studies of the human personality through the language means analysis.

Sociocultural component; language personality; language worldview

V. T. Plakhin

The Altai State University, Assistant Professor of the Chair of Journalism Theory and Practice, Candidate of History, Assistant Professor (656049, Barnaul, Lenin str., 61; (83852) 36-33-86; dean@journ.asu.ru)

“THERE IS SOME KIND OF MISUNDERSTANDING” (THE HERMENEUTIC COLLISIONS REPRESENTED IN ARTS AND MODERN ADVERTISEMENT)

Modern Humanities strive to present communication as very complicated process of attraction and repulsion of sense building platforms of the recipient and the sender. So the search of understanding between them often looks like semiotic adventure with the happy end hardly possible. Advertising, by contrast, tends to find easy solutions to highly stressful hermeneutical situations, presenting promoted products strong enough to harmonize all kinds of human relations. In some cases, however, it becomes apparent that the consumer of this product is not already one of the equal subjects of conversation but the all-conquering communication monster with the whole lot of symbolic power.

understanding; meaning; communication; context; advertising

Y. N. Guryanov

Non-state Autonomous non-profit organization of higher professional education «Institute of world civilizations», доктор психологических наук, профессор (gyn10@yandex.ru)

A. A. Gayvoronskaya

College of Smolensk branch of the International Police Association, candidate of psychological Sciences, docent (214004 Smolensk, Novokievskaya str., 2, 192; тел.: 89107806536 aleksandra_gaivoronskaya @ mail.ru)

RECONSTRUCTING THE CONTENT OF THE SOCIAL REPRESENTATIONS OF YOUTH EXTREMISM (THE EXAMPLE OF THE SMOLENSK REGION)

In article the analysis of social representations of youth about extremism is undertaken by psychosemantic methods (the microsemantic and prototypical analysis). Assumptions were checked: 1) the extremism is represented to youth as the eclectic and socially determined phenomenon; 2) cruelty, violence is one of key elements of social idea of extremism; 3) social ideas of extremism will be structured round the elements having ideological, political connotations.

A. G. Madguga

Sterlitamak Branch of the federal state budgetary educational institution "Bashkir State University", Professor, Department of Psychology, Doctor of Education, Associate Professor (4453103, Sterlitamak, Lenin Avenue, 47a, +7 (3473) 43-73-29; strbsu@mail.ru)

E. N. Ilyasova

Sterlitamak Branch of the federal state budgetary educational institution "Bashkir State University", Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor (4453103, Sterlitamak, Lenin Avenue, 47a, +7 (3473) 43-73-29; strbsu@mail.ru)

INTEGRATION CONTEXTUAL AND HOLISTIC APPROACH TO THE EXPLANATION OF THE ESSENCE OF VECTOR-CONTEXTUAL MODEL OF HEALTH BUILDS THE CAPACITIES PERSONALITY

The paper proposes a vector- contextual model is building the capacity of health of the person, reveals the essence of the phenomenon and characteristics of resource support for human health in the context of a holistic approach, presents a theoretical analysis of foreign theories and concepts that reflect the activity of the individual in relation to their health , the health of the peculiarities of manifestation is building capacity person in different contexts and the relationship between them.

Keywords : health, health creating potential of the individual, vector- contextual model of health is building the capacity of the individual, contextual approach, vector, holistic approach, valeological installation, metacognitive abilities, affective samoatributsiya, self.

D. I. Bakhtizina

Sibay institute of Bashkir State University, candidate of philosophy, assistant professor of the Music Chair. (453833, Sibay, Belov str, 21; tel.: (834775) 5-15-70; sibsru.ru)

CLASSICAL MUSIC AS THE SPIRITUAL VALUE OF HUMANITY

Abstract: Classical music includes the highest values appeared as the essence of the human spirit. Goodness, beauty and truth receive the most organic incarnation in music. The value of music is determined by the fullness of the person inner world wealth incarnation, his highest flight of its spirit, his creative force in it. The music, reflecting the controversy in human lives, leads them to a common basis, creating harmony and maintaining the integrity of the human person. Music serves as an ideal, being the center of the aspirations of the human spirit. Having a high concentration of information, music reveals the inner life of man in dynamics, like a living being.

Keywords: classical music , value, spirituality.

Ye. F. Komandyshko

Federal State Scientific Organization “Institute of Art Education” of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical sciences, professor, senior scientific worker. (119121, the city of Moscow, Pogodinskaya street, H. 8, bilding 1, tel. 8 – 499-246-28-90, e-mail: ihoraodirect@mail.ru)

Ye. B. Zhurova

Federal State Scientific Organization “Institute of Art Education” of the Russian Academy of Education, graduate student. (119121, the city of Moscow, Pogodinskaya street, H. 8, bilding 1, tel. 8 – 499-246-28-90, e-mail: ihoraodirect@mail.ru)

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF VALUE-BASED RELATIONS BY TEENAGERS TOWARDS MUSICAL ART

This article is devoted to the actual pedagogical problem of personal development of modern teenagers under the conditions of the perception of works of musical art.

The authors describe the methodological basis of the research problem at the example of the aesthetic-pedagogical concepts of the theory of musical content and the conceptual idea of humanitarian methodology of M.M. Bakhtin, in which the text of culture is considered in a broad sense as semio sphere, and concerning the development of the sense scientists underlines the meaning of emotional and value-based relations. Consequently, the development of value-based relations to musical art could be based on the development of the musical text with an aim to understand expressively-semantic nature of musical works.

Key words: value-based relations, musical content, expressively-semantic nature, integral analyses-interpretation.

S. V. Shpakovskaya

Penza State University, Associate Professor of "Communication Management", Ph.D., Associate Professor (Russia, 440026, Penza, Krasnaya, 40. Tel.: (841-2) 56 35 11. Fax: (841-2) 56 51 22. e-mail: cnit@pnzgu.ru; URL: <http://www.pnzgu.ru>)

THE RUSSIAN PRESS AGAINST THE TSARIST AUTOCRACY

The article examines the impact of Russian media on the development of post-reform Russia from 1861 to 1917. On a material of newspapers and magazines of the time, it is concluded that the Russian press of the period studied, not so much protest, illegal, namely "permitted censorship" most actively involved in the destruction of the information foundation of the country, and to do it in different ways, primarily through the creation of negative information in the whole event. In his turn the government, instead of stop negative attacks in the address in the bud, silently turned a blind eye to it and thus only contribute to the consolidation antimonarchist forces in Russia. All this together with all the other factors led to the destruction of the Russian state in 1917, with all its tragic consequences.

Keywords: provincial seal, advocacy, campaigning, negative information, the information field, economics and politics.

A. V. Sokolov

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Department of Russian history, Candidate of Historical Sciences (196070, St.Petersburg, Moskovsky prosp., 173, 94; tel. 911 213 80 51; arsikus@mail.ru)

"THE BOARD FOR MANAGEMENT OF CHURCH PROPERTY IN THE CITY OF MOSCOW" (1918)

The decree on separation of church and state, adopted by the Council of People's Commissars on January 20, 1918, proclaimed the nationalization of church property. However, implementation of this provision was delayed for many months. The reasons for that were the relative weakness of the Soviet regime at that time and lack of personnel, who could be entrusted with carrying out the decree. In April 1918 the Moscow Government established "The Board for management of church property", which consisted of workers of the nationalized Synodal press. So the both tasks were solved simultaneously, because not the Soviets, but the workers demanded the information about the real estate and capital from their former administration.

Moscow Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies; Russian Orthodox Church; Council of People's Commissars

A. V. Golotin

Ulyanovsk State University, Department of History of the Fatherland, a graduate student (432017, Ulyanovsk, L. Tolstoy str., 42; 8 (8422) 41-20-88; contact@ulsu.ru)

CULTURE OF SIMBIRSK – ULYANOVSK VOLGA REGION IN THE 20-IES OF XX CENTURY AND MECHANISMS OF ITS REGULATION

The article considers the regulation of development of cultural processes in Simbirsk-Ulyanovsk region. The purpose of the scientific work is, on the basis of documents found in the State Archive of the Ulyanovsk region, to produce research activities of the authorities on the formation of the cultural life of the population of the region in the 1920s. Analysis of the studied material proves the formation of functioning of state government and the existence of haphazard work in the cultural life of the population in 1921-25, establishment of a legal framework for the formation of government-controlled public relations in the state in 1926-30.

culture, society, management, power, region, decrees, regulations.

F. N. Kozlov

National research Mordovian state university of N.P. Ogarev, the doctoral candidate of chair of History of Russia, candidate of historical sciences (430005, Saransk, Bolshevistskaya St., 68, 8 (8342) 47-29-13, dep-general@adm.mrsu.ru)

INTERNATIONAL CONFLICT AND PERSONAL AMBITIONS AS CAUSAL FACTOR OF CHURCH SPLITS IN 1920TH YEARS

In recent years the steady growth of interest to Russian Orthodox Church history during the Soviet period is noted. The state confessional policy, Church place in society structure, the organization of parishes, splits and oppositional movements in Churches, withdrawal of church values, etc. are analyzed. However questions of international relationship and their role in development of intrachurch life, a problem of a personal factor practically don't come into the view of historians. Meanwhile some events of church history are inexplicable without the called aspects.

Chuvashia, obnovlenchestvo, autocephaly, bishop Timofey (Zaykov), bishop Herman (Kokel), V. T. Krasnov, G. K. Benediktov

N. M. Tyukavkin

Head of the Department of Economics, Samara State University, Doctor of Economics (443099, Samara, 1 Academician Pavlov st.)

ANALYSIS OF THE FUNCTIONING OF AN INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA IN THE EARLY YEARS OF INDUSTRIALIZATION (1923-1928 YEARS)

This article describes the background of the industrialization of Russia's industrial base, particularities of industrialization of developed capitalist countries and the ways of industrialization in the industry in the period after the end of Civil War.

Keywords. Analysis, industrialization, industry, economy, Russia, socialism, development, light industry, industry, heavy industry.

G. I. Kolga

Cand. of Hist. Sci., Ass. Prof., head of "Humanities and socio-economic disciplines department" Yamal oil-and-gas institute, branch of Tyumen State oil-and-gas University. Russia (629000, New Urengoy, district Vostochny 2/2a, fl. 53. tel.: 8(3494) 22-42-46; 8(922) 467-46-27; bone 59@mail.ru)

R. Bochkov

Student group NRG-10, Yamal oil-and-gas institute, branch of Tyumen State oil-and-gas University. Russia, (629000, New Urengoy, district Vostochny 5/6, fl. 29; tel.: 8(3494) 22-42-66; b13lito@yandex.ru)

"NOBODY HAS FORGOTTEN..." THE BATTLE FOR MOSCOW AND ACTIVITY OF HUNT GROUP "THE PATRIOTS OF MOS-COWEE" FOR DISCOVERY AND BURIAL THE REMAINS OF KILLED SOLDIERS

The authors analyzed the main events of the battle for Moscow in 1941-1942. Analyzing numerous different documents, they arrived at the conclusion that the victory was gain thanks to the courage and the heroism of the soviet soldiers and took hundred thousand of soldiers' lives. The hunt group activity for discovery and burial the remains of killed soldiers is a very important patriotic mission of young generation to immortalize the memory of war heroes.

operation "Typhoon", Rzhevo-Vyazemskaya strategic offensive operation, the hunt group "Moscowee"

D. Sh. Ramazanova

The Dagestan State University, Assistant of the Chair of History of Russia, Candidate of historical sciences, (367000, Makhachkala, Korkmasov str., 8; (8-872-2) 67-57-62); dilshad73@mail.ru

DAGESTAN EXPERIENCE IN SOLVING TERRITORIAL RE-HABILITATION OF THE REPRESSED CHECHENS-AKKINS IN 2000-2013 S.

Basing on the formally published and newly introduced official documents this article deals with the chronology of the territorial rehabilitation of the Chechen population in Dagestan

in 2000-2013s. Analysis of the operation of the federal and republican authorities in implementing programs related to territorial rehabilitation peoples- victims of repressions.

Chechens-Akkins, Aukhov region, repressions, lacks, migration, Novolack region, rehabilitation, decisions of the third Congress of the people is deputies of the DASSR, program migration.

A. V. Skiperskikh

Institute of Law and Economics, Professor of the Department of State and legal disciplines, Doctor of Political Sciences (398002, Lipetsk, st. Gagarin, 35A, tel.: (4742) 270-580; kidinovaleks@lipetsk.ru)

TIME AND PLACE OF REBELLION: EUROPEAN AND RUSSIAN TRADITION

Each case of rebellion and resistance of official power has its spatio – temporal dimension. Resistance always exists in the field of power, because it is difficult to count on the unanimous submission to authority – the masses. Practice of resistance exist in every political system, to develop their own experience with a rebellious man.

Context of time and place is the optimal methodological scheme that allows comparisons to engage in practices of revolt in varying political and cultural traditions. In this article the author tries to address European and Russian experience of rebellion in the space – time prism.

Apart from the obvious similarities practices rebellion, suggesting that the subject is in front of us with high of expectations with regard to the political system, and the differences can be detected, in turn, back to the different cultural traditions and practices of social communication. This hypothesis is supported by the author of a number of examples, including by reference to literary texts .

Keywords: rebellion, the government, legitimation, protest, resistance.

S. A. Bozhenov

Belgorod State Technological University by V.G. Shukhov, associate professor of Sociology and Management Department, candidate of sociological sciences (308012, Belgorod, Kostyukova st., 46, (84722) 30-99-89; synergy7@mail.ru).

ORGANIZATIONAL AND TECHNOLOGICAL PROBLEMS OF MANAGEMENT BY OBJECTIVES

The article solves the problems of management by objectives related to the introduction of optimal organizational forms, resource provision, and the formation of adequate leadership style. Organizational problems are related to the inertia of organizational purposes, organizational complexity of management by objectives, its "bureaucracy", self-empowerment of private (functional) purposes. Attention is focused on the unavailability of the heads of departments to provide the necessary resources, the absence of sufficient informational

openness and transparency in the organization. Also important is the increasing of managers' willingness to comply with elaborated and agreed terms, the implementation of effective management control.

Keywords: management by objectives, management problem, organization, resource support, leadership style.

U. A. Golikova

St. Petersburg State Transport University, Professor of the Department «Economy and Management in Engineering», (190031 Saint Petersburg, Moskovsky pr., 9, St. Petersburg State Transport University; tel. (8212) 457-85-05: kafedra-ems@mail.ru)

FORMATION OF NEW PARADIGM OF MANAGEMENT AND CONTROL IN CONTEMPORARY INTEGRATED CORPORATE FORMATIONS

The contemporary economy is characterized by active economic reforms and active formation and development of market relations and institutes. The key role in this process plays enterprise as the special form of economic activity, the expedient activity directed toward the extraction of profit and based on the initiative, responsibilities and innovations. It's typical for the contemporary state of market economy the development of different forms of enterprises where the leading part belongs to corporate type of organizations and their unions.

Corporations; TNK; divestment; the strategic planning.

S. A. Goriachiy

The National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Institute of Refrigeration and Biotechnologies, Assistant of the Chair of Economic Theory and Economic Policy, postgraduate (191002, Saint-Petersburg, Lomonosov str., 9; (812) 315-36-17; org@mail.ifmo.ru)

CONCESSION AS A FORM OF GOVERNANCE: HISTORICAL EXPERIENCE AND MODERN THEORETICAL ANALYS

This article presents comparative analysis of the practices of concession contracts under the economic theory of transaction costs. Considered the models of tenders on municipal concession held by criteria lowest price of services and the largest size of single payment made by the concessionaire. Identified and analyzed the main problems of the primary trading and trading on the extension of the concession, the ways of their solution.

public-private partnership, concession, economic theory of transaction costs, utilities market

A. V. Paleev

Rostov state economic university, graduate student of chair of financial management (344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 69; ph.: (8863) 263-30-80; main@rsue.ru)

FINANCING OF INVESTMENT DECISIONS IN STRATEGIC FINANCIAL MANAGEMENT

In article financing of investment decisions within realization of strategic financial management is investigated. The directions of strategic financial management among which there is an investment design are defined, the comparative characteristic of methods and financing sources is provided, stages of financing of investment process are allocated. It is as a result revealed that in modern conditions of modernization of the organizations, financing of investment development has to provide, the dynamic growth of their assets.

strategic financial management, investment decisions, financing sources, mechanism of financial security, financing stage

M. S. Egorova

National research Tomsk polytechnical university, assistant, graduate student of chair of economy, (634004, Tomsk, Belinsky St., 55; ph.: (3822) 56-36-00; economics@tpu.ru)

ROAD MAP, AS INSTRUMENT OF PLANNING OF MANAGEMENT OF ECONOMIC SYSTEMS

Definition is given to the concept "road map". Examples of use of a method of road maps for formation of the state scientific and technical policy are shown. Tasks which can be solved by means of technological mapping are defined. The role of technological mapping in planning of management by economic systems is shown.

Keywords: road map, technological mapping, Forsythe.

A. N. Alekseev

Moscow Witte University, professor of chair of the management and marketing, doctor of economics (115432, Moscow, 2-nd Kozhukhovskiy passage 12-1; (495) 783-68-48; alexev_alexan@mail.ru)

T. V. Lokteva

Moscow Witte University, the senior lecturer of chair of the management and marketing, Ph.d of economics (115432, Moscow, 2-nd Kozhukhovskiy passage 12-1; (495) 783-68-48; yeliseyeva@yandex.ru)

THE DEVELOPMENT OF MORTGAGE ON THE MEZOLEVEL: FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS IN RUSSIA

This article is dedicated to the regional features of development of a mortgage. Authors skillfully presents their interpretation of the main concepts, which developing the theory of

the mortgage lending on the mezolevel, carries out the detailed analysis of the programs, which are functioning in different Russian regions, presents their merits and demerits, considers sources of financing and foreign experience.

the economics science; the mortgage; the regional economics

V. G. Getman

FGOBU VPO "Financial University under the Government of the Russian Federation", Professor of "Accounting in Commercial Organizations" Department, Dr. of Economics (107996, Moscow, Kibalchicha st., 1)

E. S. Karpinskaya,

FGOBU VPO "Financial University under the Government of the Russian Federation", Master student (107996, Moscow, Kibalchicha st., 1; elena_karpinskay@mail.ru)

FEATURES OF ENVIRONMENTAL AUDIT IN RUSSIA

Rational use of natural resources in enterprises controlled by environmental auditing. Environmental audit in environmental protection system is a tool for environmental safety. The paper presents the features of environmental audit in Russia, its problems and prospects.

Environmental audit; environmental protection; responsibility; auditor; environment

I. V. Tsapenko

The Institute of the sphere of the service and enterprise (the branch Donskogo state technical university in city of the Shakhty, Rostov region.), training doctor of the sciences pulpits of the economy, candidate of the economic sciences (346500, Shakhty, str. Shevchenko, 147; 8 928 773 56 85; e-mail: capen-ko.i@mail.ru).

I. I. Slatvickaya

The Institute of the sphere of the service and enterprise (the branch Donskogo state technical university in city of the Shakhty, Rostov region.), assistant professor of the pulpit of the economy, candidate of the economic sciences (346500, Shakhty, str. Shevchenko, 147; 8 906 430 37 29; e-mail: sii-64@mail.ru)

REGIONAL REPRODUCTION IN SYSTEM ECONOMIC INSTITUTE

The main theoretical paradigms of the economic science are situated in base modern regional reproduction. The Special influence upon external and internal space, in which runs the reproduction process, renders institute economy. Many aspects of this influence reveal; open it is enough deeply, however, success of the scientific cognition in this area depends on system analysis of all component.

The Important place in regional reproduction is conducted reproducing the human capital, since exactly he emerges the base of the production processes and for he works whole economy. For the reason efficient shaping and use the human capital necessary to realize the institute of the transformation in region.

Institute economy, regional reproduction, functions state, human capital

E. A. Максимова

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Training «Novocherkassk State Land Reclamation Academy», associate Professor of the chair of economic theory, candidate of economic Sciences, associate Professor (346448, Rostov region., Novocherkassk, Park str, 34, 107; 89185698274; Elena_max@pochta.ru)

TRADE EXCHANGE AND ITS INFRASTRUCTURE

There are discrepancies in the essence of commodity exchange, its infra-structure. Not until the end of the investigated commodity environment, there is no methodology of counting the movement of commodity and money.

Trade exchange, infrastructure, market

O. V. Fokina

Vyatka State University, candidate of economical science, docent, Head of the Department of Management and Marketing (610000, Kirov str. Marx, 77)

T. V. Blestkina

Vyatka State University, senior lecturer of the Department of Management and Marketing (610000, Kirov str. Marx, 77)

MAJOR TRENDS AND PROBLEMS OF REGIONAL MARKET CATERING (ILLUSTRATED KIROV AND THE KIROV REGION)

Catering market is one of the most attractive industries, especially in the regional markets. Entrepreneurs face tough competition, but continue to discover new places. Under these conditions, the struggle for the consumer wins, who offers new formats, system services, additional services, anticipating the needs of guests. This article highlights the main problems of the regional market and catering trends of further development.

Catering; correlation; trend; collar; competitiveness; format

M. I. Maliovani

Uman National University of Horticulture, Associate professor, Finance and Credit Department, Candidate of economic sciences (20305, Uman, Instytutska st. № 1; Chercassy region, Ukraine; tel.: (04744) 3-53-64; kaffin_udau@mail.ru)

E. T. Prokopchuk

Uman National University of Horticulture, Senior Lecturer, Finance and Credit Department, Candidate of economic sciences (20305, Uman, Instytutska st. № 1; Chercassy region, Ukraine; tel.: (04744) 3-53-64; kaffin_udau@mail.ru)

DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL ATTENDANT CO-OPERATION IS IN UKRAINE

The article presents an analysis of the current state of agricultural cooperatives in Ukraine, particularly the prospects for development of agricultural service cooperatives in Ukraine in order to improve relations between agricultural producers and improve the welfare of farmers. Also justified the need and prospects for revival of agricultural service cooperatives in Ukraine. The results of the study found that in Ukraine there are organizational, economic and legal conditions are not conducive to the development of the cooperative movement in the countryside. At the same time the union of peasants in cooperatives will contribute to the effective implementation of the resource potential of agriculture in the preservation of jobs, the social development of rural areas. Next to the strengthening of large-scale private farming and production is necessary to develop the cooperative movement in rural areas, which should be an important foundation for the restructuring of agriculture.

cooperatives, agricultural cooperatives, agriculture, manufacturing and service cooperatives, market sales.

M. M. Semenova

Moscow international higher business school MIRBIS, Post-graduate student (109147, Moscow, Marksistskaya st., 34-7; +7 (495) 921-41-80; info@mirbis.ru).

ADVERTISING IN RUSSIA. RECENT HISTORY

We complete an analysis of television advertising in Russia over the past 25 years. We marked features of distribution of advertising budgets on various segments before and after the financial crisis of 2008. We identified four periods of formation TV advertising market of Russia. A mathematical model of the distribution of TV advertising budgets for a number of years, by month of the year. The proposed model accurately reflects the cyclical, seasonal (holidays and vacation time during July, August) nature of business activity in the economy. This allows us to generate adequate mathematical models for other sectors of the economy that can be used to predict the level of the budgets of future periods. It needs to be stressed that the advertising market status accurately reflects the actual situation in the economy.

mathematical model; advertising; market; TV advertising in Russia; economy in Russia

E. N. Fedorov

Siberian federal university post-graduate student of the Chair of Economy and Management (660041, Krasnoyarsk, Svobodni str., 79, +7 (391) 244-86-25, of-fice@sfu-kras.ru)

ASSESSMENT OF THE IMPACT INFRASTRUCTURE'S TYPE ON THE CITY'S ECONOMY

Infrastructure is the foundation of the city establishment and development of any urban area, provides residents of the necessary conditions for normal life. Now innovative economy formed, and as result – system becomes more complex. Infrastructure is divided into industrial, social, institutional, market, innovation. Modern scientific literature pays little attention to methods of assessment of the impact infrastructure's type. According to the author, solution is actual of absence of methods of assessment of the impact infrastructure's type on the city's economy.

index of sustainable development; indicators; industrial, social, market, institutional, innovation infrastructure; assessment.

Зирарова Замира Шихабудиновна

аспирантка 2 года обучения ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный технический университет», г. Махачкала, кафедра мировой экономики.

MANAGEMENT OF ECOLOGICAL AND ECONOMIC RISKS AS AN IMPORTANT FACTOR IN BUILDING ENTERPRISE ACTIVITY.

This article examines the content of environmental and economic risks in the construction of evaluation criteria as environmental and economic efficiency of environmental management and its evaluation method is defined.

The keywords: nature, environment, environmental-economic risk, environmental auditing.

A. M. Parsyukevich

The Ural State University of Economics, PhD candidate of the Labour Economics and Personnel Management Dprt., (620144, Ekaterinburg, ul. 8 Marta, 62; (343) 221-17-57; cafedraetr@mail.ru)

METHODOLOGICAL APPROACHES TO DIAGNOSTICS OF SOCIAL POLLUTION FROM ENTERPRISES' ECONOMIC ACTIVITIES OF MUNICIPAL FORMATION

Peculiarity of modern Russian monocity is the fact that there is more acutely felt the crisis in the economy and social spheres. The restructuring of the town-forming enterprise leads to a reduction of its production capacity, the municipal budget deficits, reduced employment, increased social tensions, which in total damages the health and socio-psychological well-being of monocity's inhabitants. However, currently insufficiently investigated methodological aspects of diagnostics of social pollution from economic activities of businesses, allowing to obtain the information necessary to prioritize socio-economic development of the territory, there is no managerial mechanism to reduce social pollution, not formed its implementation instruments.

monocity; restructurisation of the town-forming enterprise; social pollution; health; socio-psychological well-being.

E. K. Gimaeva

The Kazan State Technical University named after A. N. Tupolev (KNITU-KAI), second-year graduate student of the Economic Theory chair (420111, Kazan, K. Marksa str., 10; tel: (843) 231-01-09; E-mail: kai@kstu-kai.ru).

TO THE QUESTION OF DIFINITION OF INTELLECTUAL LABOR

The author of work presents value of the intellectual labor in development of innovative economy. The author of work submits the analysis of concept and essence of intellectual labor in its historical and theoretical aspect, and characteristics are removed it and regularities of development in the course of transition to the latest stage are revealed.

innovation economics, intellectual capital, labor, intellectual labor, human capital.

B. Yu. Serbinovskiy

The Rostov institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, Professor of Chair of Economy and Management at the Enterprise, Doctor of Economics, Professor (344002, Rostov-on-Don, Turgenevskaya St., 49; (8)9888988398; serbinovskiy@mail.ru)

A. Yu. Chmireva

The Rostov institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate professor of Chair of Economy and Management at the Enterprise, Doctor of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate professor (344002, Rostov-on-Don, Turgenevskaya St., 49; (8) 9085115047; cheremisova@inbox.ru)

A. A. Mihaylichenko

The Rostov institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, Student (344002, Rostov-on-Don, Turgenevskaya St., 49; (8) 9515352143; direktor-mira84@mail.ru)

SUBSYSTEM OF RESPONSIBILITY OF THE PERSONNEL WHEN RENDERING EXPERT AND CONSULTING SERVICES

The problem of responsibility of the personnel for results of examination or consulting is characteristic for the specialized expert companies. Such companies involve on the terms of temporary employment of highly qualified specialists from universities, the research, developmental, skilled and technological and design organizations. More it is shown in the regional and local markets of expert and consulting services with rather limited volume of demand, for example, in the cities and areas with the population less than 2 million people and rather small number of customers, many of which are small and medium-sized enter-

prises. The subsystem of responsibility allows to increase qualities of examination and consulting, validity of conclusions, recommendations and the conclusions, and also to keep trade secrets of the customer. Introduction of the offered subsystem of responsibility doesn't demand significant financial and labor expenses but it promises essential benefits for the specialized expert company and opens additional opportunities of its development in the conditions of the high competition in slowly growing consumer market.

The economic sciences; consumer market; examination; consulting; responsibility of the personnel; management; subsystem

E. V. Galkina

The North-Caucasian Federal University, Professor of the Chair of General Sociology and Political Science, Doctor of Political Science, Docent (355029, Stavropol, Kulakova str., 2; 8652) 95-68-08; info@ncfu.ru)

I. V. Konopelko

The North-Caucasian Federal University, Docent of the Chair of General Sociology and Political Science, PhD in Political Science, Docent (355029, Stavropol, Kulakova str., 2; 8652) 95-68-08; info@ncfu.ru)

INFORMAL INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE MODERN WORLD POLITICS (FOR EXAMPLE "GREAT EIGHT" AND "GREAT TWENTY")

In the structure of international relations and world politics are becoming increasingly important informal political organization of global importance. They are designed to solve global problems through informal meeting mode ("without ties"), for better structuring of political communication, etc. The authors consider such informal global organization with a lot of weight in the international community as the " Great Eight " and " Great Twenty ".

Politic; global politics; civil society; global civil society; informal international organization; "Great Eight"; "Great Twenty"; state.

Nataliya A. Baryshnaya

The Russian presidential Academy of National Economy and Public Administration, Balakovo branch, Candidate of political sciences (413846, Saratov region, Balakovo, Chapaeva st., 107, tel./fax (8453)441371, socis64@gmail.com)

ETHNOPOLITICAL INTERPRETATION OF MIGRATION

Problems of politicization of migratory processes are considered. "New" ethnic groups articulate the ethnic identity which is a mobilization resource. The main conclusions about structure and dynamics of an ethnopolitical tension under the influence of migratory processes are created.

Ethnicity, identity, migration, conflict, social tension, markers of borders

J. V. Ermushova

Chuvash State Pedagogical University named after I.J. Jakovlev, post-graduate student (428000, Chuvash republic, Cheboksary, K. Marx, 38; tel.: (8352) 62-03-12; rektorat@chgpu.edu.ru)

JURIDICAL CLINIC IN THE SYSTEM OF THE MEANS OF MOLDING OF THE PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL COMPETENCE OF THE FUTURE LAWERS

In the article the potential of juridical clinic as the means of training future lawyers for the professional-pedagogical activity is revealed, the experience of molding of the professional-pedagogical competence of future jurists in the process of passage them practice in the juridical clinic is shown.

juridical clinic, professional-pedagogical preparation, future lawyers.

A. G. Boikova

Institute Coast Guard of the Russian FSB, Senior Lecturer, Candidate of law sciences (353 440, Anapa, st. Workers, 2)

QUESTIONS ON RESERVATION LANDS, TO CREATE PROTECTED TERRITORIES

The worldwide environmental policies aimed at increasing the area of land protected areas, nature reserves and valuable natural features. The share of protected areas in Russia is very low, at different levels of government seeks to increase their number.

Matters arising from the need to reserve land for the organization of protected areas, currently insufficiently regulated by law, which causes some difficulties in law enforcement.

There is no clear distinction between rights and their limitations, as well as the responsibilities of owners of land included in the territory of the reservation.

land, especially protected natural territories; redundancy

O. V. Repinskaya

Candidate of political sciences, doctoral candidate (competitor), political science and ethnopolicy chair, Southern-Russian institute-branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration at the President of the Russian Federation (344006, Rostov-on-Don, Pushkinskaya St., 80)

PROSPECTS OF CONVERGENCE OF MODERN AND CLASSICAL CONCEPTS OF COUNTERACTION TO TERRORISM

Article is devoted to questions of methodological judgment of terrorism as political and social phenomenon, to the directions of efforts of interstate cooperation on counteraction to it and some problems of political and legal interaction and providing safety. The mechanism is presented: the analysis of separate acts of the legislation, the directions of their realization at the present stage.

Keywords: terrorism, safety, cooperation

D. H. Saydumov

Chechen State University, Associate Professor of Civil Law and Procedure Law Faculty of the Chechen State University, PhD, Associate Professor, Senior Researcher, Integrated Research Institute. HI Ibragimov Russian Academy of Sciences, Head of the Chechen encyclopedia IGI Academy of Sciences of the Chechen Republic (364051, Grozny, pr.M.Esambaeva13, bulatto@mail.ru)

ON SYSTEMATIZATION INFORMATION AND RECONSTRUCTION OF THE ANCIENT ORDER OF LEGAL CHECHENS AND INGUSH

From ancient times, the Chechens and Ingush existed courts, organizational structure depended on the specific socio-political component. Mekhk – khel was the ancestor of the judiciary Vainakh ancient society. Organizational formation Mekhk – khel occurred based on a delegation to him the best representatives of Chechen Taipei, which differed in their society of high moral character, knowledge and ability to interpret the adat.

Adat, court, law, justice, punishment, crime, law.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал призван содействовать интеграции российских молодых ученых-исследователей государства и общества в европейское научное пространство.

В журнале печатаются материалы, ранее не опубликованные и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях; автор может опубликовать в одном номере журнала не более одного материала; все материалы проверяются на наличие плагиата.

Все представленные к публикации статьи в обязательном порядке проходят научное рецензирование членами редакционного совета журнала.

Плата за публикацию материалов аспирантов не взимается.

Авторам гонорар не выплачивается.

Элементы издательского оформления материалов включают: сведения об авторах; заглавие материала; подзаголовочные данные; аннотацию; ключевые слова; приложения; приставный библиографический список; допускается использовать дополнительные элементы издательского оформления; представляются также на английском языке: название статьи, аннотация, ключевые слова, фамилия, имя, отчество автора(ов); отдельно необходимо указать контактный телефон и адрес электронной почты для оперативной связи, адрес с индексом для отправки номера журнала; по выходу журнала каждому автору (соавтору) бесплатно высылается отдельный номер журнала.

Объем материала не должен превышать 1 п. л. (40 000 знаков).

Материал направляется в редакцию по адресу: essj.vak@gmail.com

Направление автором своих материалов в редакцию означает согласие на безвозмездную передачу журналу прав на издание и распространение своих материалов; гарантию автора, что он имеет согласие всех соавторов на издание и распространение присланных материалов; что присланные материалы содержат все предусмотренном действующем законодательством ссылки на цитируемых авторов и(или) издания, а также на используемые в статье результаты и факты, полученные другими авторами или организациями; гарантию автора, что присланные материалы не включают данные, не подлежащие опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Решение редакционного совета о принятии статьи к печати или ее отклонении сообщается авторам.

Электронные носители и рукописи авторам не возвращаются; рецензии на принятые материалы предоставляются по запросам авторов.

Аннотации материалов, ключевые слова, информация об авторах будут находиться в свободном доступе на сайте журнала, в системах цитирования на русском и английском языках; через год после выхода номера журнала его полнотекстовая версия будет размещена на сайте журнала.

Полный текст Правил представления рукописей авторами размещен на сайте <http://www.mii-info.ru>.

В журнале «**European Social Science Journal**» публикуются научные материалы по актуальным проблемам политологии и социологии, истории и археологии, культурологии и философии, искусствоведения и журналистики, филологии и лингвистики, психологии и педагогики, экономики и права.

В журнале опубликованы материалы Международной научной конференции «Гуманитарные науки и современность» (г. Москва).

Научные статьи в очередной номер принимаются до 25-го числа каждого месяца.

Подписка на журнал осуществляется через Объединенный каталог «Почта России», подписной индекс – 13094.

Учредитель и издатель: АНО «Международный исследовательский институт»
109147, г. Москва, ул. Марксистская, д. 5, стр. 1
Адрес редакции: 109147, г. Москва, ул. Марксистская, д. 5, стр. 1
Почтовый адрес: 115563, г. Москва, а/я 77, МИИ
www.mii-info.ru
info@mii-info.ru

Подписано в печать 29.02.2014 г. Сдано в набор 30.02.2014 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная.
Объем 35 п. л.
Тираж 1000 экз. Заказ 64.
Отпечатано по технологии CoD(CiP):
НОУ «ПМБ ЕГУ».
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
ООО «СамПолиграфист»
129090, г. Москва, Протополовский пер., д. 6.

Перепечатка статей
без согласия правообладателей запрещена
в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ.

Свободная цена.